

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ПРАВИТЕЛЬСТВО АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ
ФГБОУ ВО «АСТРАХАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АСТРАХАНСКИЕ ПЕТРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**«Россия – Астрахань – Восток: интегральное взаимодействие
(к 300-летию образования Астраханской губернии)»**

***Материалы Международной научной конференции
26–28 октября 2017 г.***

Издательский дом «Астраханский университет»
2018

УДК 94(47)
ББК 63.3-6
Р69

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом
Астраханского государственного университета

Редакционный совет:
д-р экон. наук, проф. *А.П. Лунев* (гл. редактор);
д-р пед. наук, проф. *А.М. Трещев*;
д-р биол. наук, проф. *А.В. Федотова*;
д-р филос. наук, проф. *А.П. Романова*;
д-р ист. наук, проф. *Е.Г. Тимофеева*;
д-р филос. наук, проф. *П.Л. Карабущенко*

Астраханские Петровские чтения: «Россия – Астрахань – Восток: интегральное взаимодействие (к 300-летию образования Астраханской губернии)» : материалы Международной научной конференции 26–28 октября 2017 г. / отв. ред. и сост.: А. П. Романова, Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин. – Астрахань : Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2018. – 248 с.

Материалы конференции посвящены 300-летию образования Астраханской губернии. Представлены результаты исследовательской деятельности авторов, анализирующих различные аспекты и проблемы развития российской действительности (социально-экономические, политические, культурные, экологические). Астраханская область выступает как пример территории межкультурного, межкультурного и межэтнического взаимодействия.

Представляет интерес для исследователей – преподавателей и студентов, читателей, интересующихся историей России, в том числе региональной историей.

ISBN 978-5-9926-1043-7

© Астраханский государственный университет,
Издательский дом «Астраханский университет», 2018
© А. П. Романова, Е. Г. Тимофеева, А. О. Тюрин, составление, 2018
© Ю. А. Яценко, оформление обложки, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНАЯ СЕССИЯ

Тимофеева Е.Г. 300-летие Астраханской губернии: по пути Петра Великого.....	6
Мезин С.А. «Кочующий деспот»: европейское путешествие Петра I 1716–1717 гг.	9
Торопицын И.В. Соперничество астраханских и оренбургских властей за лидерство в реализации внешнейторговой политики России на среднеазиатском направлении в XVIII в.	13
Якушенко С.Н. Астраханский фронт как модель регионального развития в XVII–XIX вв.	17

ПЕТРОВСКИЕ ГОРОДА: ИСТОРИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ, МИГРАЦИЯ

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Шандер Е.Н. Археологическое изучение Астраханского кремля и Белого города.....	22
Великая С.А. Особенности развития г. Астрахани как пограничного города.....	33
Кузьмина И.В. Подготовка кадров для строительной отрасли в Астраханском строительном техникуме (1950–1980-е гг.).....	36
Кулаков В.О., Кулакова Н.И. Кризисы НЭПА и их роль в развитии частного предпринимательства (на примере г. Астрахани).....	38
Кучерук И.В. Архитекторы и проектанты зданий г. Астрахани во второй половине XIX – начала XX в.: просопографический анализ	41
Медведик И.С. Визит персидского шаха в Астрахань в 1873 г. (к истории российско-персидских отношений).....	43
Пилипцов И.Н. Продовольственные погромы в годы Первой мировой войны: январь 1915 – январь 1917 г. (на примере городов Нижнего Поволжья).....	45
Рабинович Я.Н. К вопросу о строительстве новых укреплений Астрахани в 1631 г.: участники событий и характеристика источников	47
Рослякова О.Б. Формирование полицейских структур в Астраханской губернии в первой четверти XIX в.	50
Федина К.С. Парковое и садовое хозяйство города Астрахани в послевоенный период (1945–1953 гг.)	55
Черник М.В. Повседневные практики Астраханского окружного суда в конце XIX – начале XX в.	57

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ИЗУЧЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ, ТРАНСЛЯЦИЯ

Белоплпская Г.С. «Восточные известия» как одно из первых в России специализированных изданий, посвященных изучению Востока	61
Бигалиева А.Г., Киселева Ю.А. Книжная коллекция Ивана Акимовича Репина как источниковый ресурс изучения историко-культурного наследия Нижнего Поволжья	64
Бухарицин П.И. Международная экспедиция по следам легендарного пути викингов.....	67
Воронова А.А. Промышленное предпринимательство в Саратовской губернии в конце XIX – начале XX в.: судостроение и судоремонт.....	70
Вереш П., Пекина А.М. Спорные проблемы уральского происхождения венгерского этноса в свете новых палинолических и других данных	73
Имашева М.М. Мусульманская благотворительность в Астрахани в конце XIX – начале XX в.: формы и методы осуществления.....	78
Канатьева Н.С. Рационалистические и мистические секты Астраханской губернии в XIX в.	81
Карабущенко П.Л., Резаков Р.Г., Карнеев Р.К., Подвойский Л.Я., Рекешева Ф.М. Столетие Астраханского государственного университета (юбилей, который Астраханский государственный университет отмечать не будет).....	84
Каргаполова Е.В. Сохранение культурно-исторического наследия региона в субъективных оценках населения	88
Клеймёнова О.А. Наследие Хазарии в культуре Астраханского края.....	90
Милаева Т.В. Полигон Капустин Яр и исчезновение села Житкур.....	93
Лихолет О.В. Ловецкое хозяйство Астраханского края в начале XX в. и первые годы советской власти	96

Насиров Р.Я. оглу	
Нити дружбы между Баку и Астраханью плелись веками.....	99
Немировская Д.Л.	
Писатель-краевед Александр Марков – живая легенда Астраханского края	102
Пирова Р.Н.	
Вывоз драгоценных металлов персидским купечеством из Астрахани в первой половине XIX в.	106
Покатилов А.В.	
Русские переселенцы на Тюб-Карагане. Забытые страницы истории	109
Рябец А.Ф.	
Отторжение земель в пользу ГЦП «Капустин Яр» для обеспечения запусков ракеты А-4	112
Рябец А.Ф.	
Переселение жителей Астраханской и соседних областей в связи со строительством государственного центрального полигона «Капустин Яр»	114
Сызранов А.В.	
Татары Астрахани во второй половине XVI – начале XX в.: страницы этнической истории.....	116
Тимофеева Е.Г., Лебедев С.В., Тюрин А.О.	
Особенности праздничной традиции в советский период: 400 лет Астрахани.....	119
Топчиев М.С., Черничкин Д.А.	
Буддийские религиозные сети в социокультурном пространстве Юга России.....	123
Торопицын И.В.	
Астрахань в орбите европейско-восточной торговли в XVIII в.	125
Тушканов И.В.	
Скотоводство в предпринимательских хозяйствах Нижнего Поволжья в конце XIX в.	128
Тюрин А.М.	
Датирование хазар по монголоидности	130
Тюрин А.М.	
Датирование погребений кочевников золотоордынского периода по этнополитической ситуации.....	134
Хлыщева Е.В.	
Межкультурный диалог как ведущий фактор в системе культурной безопасности гетеротопного пространства (на примере Астраханского региона)	137
Холова Л.А.	
Проблема формирования религиозной идентичности по сети Интернет (на примере астраханских порталов)	140
Шельдешова Ю.В.	
Об интерпретации знака из материалов Самосдельского городища	141

АСТРАХАНЬ – КАВКАЗ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮГА РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Карабущенко П.Л.	
Геополитика «черных дыр» и «белые пятна» политической элитологии	143
Кондратьев В.В.	
Геополитическая стратегия США на Каспии	146
Крипакова Д.Р., Умерова А.Т.	
Транснациональные корпорации в Каспийском регионе: причины активизации.....	150
Кудряшова Ю.А.	
Региональные особенности приграничного сотрудничества России и Казахстана (на примере Астраханской области)	151
Мордасов А.О.	
Самоорганизация гражданского общества и консолидация российского социума: региональный аспект.....	154
Оськина О.И.	
Проблемы Прикаспийского региона и потенциал «мягкой силы».....	155
Понеделков А.В., Кузина С.И., Хагуш С.Л.	
Геополитические риски обеспечения безопасности южных регионов России.....	157
Романизлло М.П.	
Попытка Великобритании организовать торговлю с Ираном через Астрахань в 1734–1747 гг.	160
Торопицын И.В.	
Разработка астраханского таможенного тарифа в XVIII в.	164
Усманов Р.Х.	
Современные факторы формирования геостратегического центра Каспийского региона. Политологический анализ	168

ЮЖНОРОССИЙСКИЙ ФРОНТИР И ПОГРАНИЧЬЕ

Ажнязова З.Р.	
Исторические процессы на фронтирных пространствах России и США в XIX в. (на примере казахов и сиу)	173
Алиев Р.Т.	
Проблема этнической идентичности астраханских татар в источниках XVI–XVII вв.	176
Баранов А.В.	
Черноморский историко-культурный регион России в составе южнороссийского фронта: современные трансформации.....	178

Вартумян А.А. Географический фактор формирования южнороссийского фронта.....	181
Кундакбаева Ж.Б. А.П. Волынский и «беспокойные» кочевники южного фронта России в первой четверти XVIII в.: проект управления калмыками	183
Курукин И.В. «Азиатский народ» глазами российских генералов: опыт взаимодействия «персидского корпуса» с населением прикаспийских провинций в 1723–1735 гг.	187
Мещеряков А.Ю. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтирных территорий (на примере Амурского края и Нижнего Поволжья)	189
Пауленко Н.В. Встреча с чужим на фронтире: российский и японский опыт фронтирной коммуникации	192
Савельева Е.В., Викторова А.Г. Астрахань – фронт или форпост? Противоречия и интеграция терминов.....	194
Якушкова О.С. Встреча с Чужим в условиях отсутствия Чужого: «Пикник на обочине» А.Н. и Б.Н. Стругацких как фронтирный текст	195

ОТ ВОЛГИ ДО КАСПИЯ: ИЗМЕНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ТЕХНОГЕНЕЗ

Баглаенко М.Е., Боброва Н.Е. Внедрение новой технологической разработки в рыбоперерабатывающую отрасль Волго-Каспийского бассейна	198
Бармин А.Н., Валов М.В., Иолин М.М., Колотухин А.Ю. Сезонная динамика индекса NDVI на территории Богдинско-Баскунчакского заповедника	201
Касимова С.К., Кондратенко Е.И., Ломтева Н.А. Нейрокогнитивные проблемы и пути их коррекции.....	203
Колчин Е.А., Чернова Г.А., Коваленко Ю.А. Оценка климатических изменений на территории Астраханской области.....	205
Кондратенко Е.И., Яковенкова Л.А., Володина Н.В., Андреева А.Б., Тиемова Ж.А. Анализ предложений здорового питания в меню ресторанов и кафе: современные тренды и перспективы.....	208
Синцов А.В., Кларкова Г.В., Перхун И.О., Максимова О.Ю. Оценка современного распространения урбаноземов советского района г. Астрахани.....	210
Тиемова Ж.А., Володина Н.В., Андреева А.Б. Региональные, медицинские, социальные и экономические аспекты заболевания сахарным диабетом.....	212
Шарова И.С., Джумалиева Г.Т., Ильин Д.В., Завьялов А.В. Перспективы использования музеев Астраханской области в сфере экологического образования и туризма.....	215
Шарова И.С., Джумалиева Г.Т., Макаров А.В., Чурсина О.А. Геоэкологические проблемы Северного Прикаспия.....	217
Шуваев Н.С., Вязникова А.В., Минеев Е.А. Конфликт природопользования: определение понятия, особенности и проблемы.....	220

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ЮГА РОССИИ

Акмаева Р.И., Жуков В.М. Стратегические направления развития экономики Юга России: менеджмент и цифровые технологии.....	223
Алиханова Л.Г. кызы Некоторые проблемы занятости в нефтегазовом секторе страны в свете конвенции «Азербайджан – 2020. Взгляд в будущее»	226
Алханова А.Г. Безработица как показатель социально-экономического благосостояния Астраханской области	228
Минеева О.К., Лунев А.П., Савельев А.Н., Минеев В.С., Лещинская В.Е. Внедрение прогрессивных управленческих технологий в деятельность региональных предприятий топливно-энергетического комплекса	230
Федорова Е.П. Оценка эффективности программ занятости в Астраханской области	233

АСТРАХАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: ДВЕСТИ ЛЕТ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВА

Антропов О.К. Участие астраханского казачества в январских событиях 1918 г.	236
Покасов А.В. Персоналии Астраханского казачьего войска	241
Покасов А.В. Несколько слов о январе 1918 года... ..	244
Цюрюмов А.В. Калмыки и донские казаки в середине XVII столетия: становление военного союза	246

300-ЛЕТИЕ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ: ПО ПУТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Тимофеева Елена Георгиевна,

*доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

1717 год является точкой отсчета в рождении самостоятельной Астраханской губернии, когда Указом Петра I от 22 ноября 1717 г. ей назначено «быть особо». В состав обширной территории вошли «... города Симбирск, Самара, Сызрань, Кашкар, Саратов, Петровский, Дмитровский, Царицын, Черный Яр, Красный Яр, Гурьев, что на Яике, Терек...». Петр I считал Астрахань «... весьма важным пунктом в военном, политическом и особенно в коммерческом отношении, а тем более для сношений России с Закавказскими областями, Персией и Средней Азией» [4, с. 4].

Астрахани отводилась ключевая роль в «борьбе за Каспий», где доминировали Османская Турция и Сефевидский Иран. Она рассматривалась как плацдарм для организации Персидского (Каспийского) похода 1722–1723 гг., ставшего «... масштабной попыткой реализации имперских задач внешней политики на Востоке» [8, с. 9].

Для региональной историографической традиции свойственно порой связывать с именем Петра («гения-покровителя» для Астрахани) «начала» развития в крае промышленности, торговли, судоходства, рыболовства, садоводства [2]. По мнению краеведа Н.Ф. Леонтьева, при Великом Петре, «широко растворившим ворота на Восток», Астрахань только «обещала сделаться» важным торговым и политическим пунктом России [10, с. 20].

Вместе с тем, очевидно, что историческая миссия Астрахани изначально определялась ее расположением на стратегически важном перекрестке торговых путей Волжско-Каспийского региона, что неизбежно превращало город и в перекресток политических интересов различных государств. После присоединения Астрахани к России в 1556 г. оформляется статус города-крепости, форпоста, надежно прикрывающего юго-восточные рубежи государства. Крепость выстояла под ударами крымско-турецкого войска в 1569 г., ее защитники отразили натиск крымско-ногайских орд в 1580 г. Строительство каменной крепости сделало ее сильнейшей среди крепостей России, а статус пограничного «противу Персии» городу постоянно требовал финансирования на ее укрепление и усиление гарнизона.

Через Астрахань следовали различные посольства: русские и европейские на Восток, восточные – в Москву для налаживания отношений и развития торговых связей. «... Встречай послов заморских, чуждадных», – восклицал Пауль Флеминг, обращаясь к «прикордонному» городу. Он находился в составе голштинского посольства в 30-е гг. XVII в., Юный поэт сравнил Астрахань с Вифлеемом, подчеркнув торговое значение города на Волге («... торг тебя прославил»), радушие местных жителей, влияние европейской и восточной культур на развитие края («грань лучших двух частей вселенной здесь проходит») [3, с. 88–89]. В Астрахани посольства радушно встречали, размещали, обеспечивали охрану. Астраханские воеводы, в силу удаленности края от центра, самостоятельно принимали важные государственные решения по вопросам безопасности юго-восточных границ царства, отношений с соседями. У астраханских толмачей обучались восточным языкам («фарсовскому», татарскому, арабскому) присланные из столицы подьячие. Крупнейший город Московии стал главными «торговыми воротами» в Азию. Здесь принимали купцов из Персии, Индии, Закавказья, Средней Азии. Торговые подворья для восточных купцов – «государевы дворы» (Гилянское, Бухарское) появились в «вечном городе» в дельте Волги, – по мнению Е.В. Гусаровой, уже в XVI в. Складывалась и индийская колония. В Индийском дворе в 1649 г. жили 26 индийцев, нигде им «обид никаких ни от кого не было» [11, с. 305]. Сами астраханские жители, объединяясь в компании, строя собственные суда, в том числе, с помощью специалистов из Европы, вывозили свои товары «за море». «Государевы бусы» и «бусы купчин», «есаульские» и «посольские» струги, иные суда бороздили водные просторы Волго-Каспийской магистрали. Именно для охраны торговых караванов с шелком от «воровских казаков» и «степных кочевников» в Астрахань был направлен первый русский корабль «Орел», выстроенный голландцами вместе с другими кораблями в с. Дединове на Оке. «Орел» стал свидетелем «астраханского разорения» в период восстания Степана Разина. Один из членов экипажа корабля К. Брандт впоследствии будет наставлять юного Петра в морском деле, а парусный мастер Ян Струйс опишет «превратности путешествия» в своей книге, которую найдет на книжных развалах Амстердама Петр и откроет для себя многие «астраханские истории». Известно, что царь собирался в Астрахань еще в конце XVII в. [6, с. 58, 94, 145, 150, 174, 220].

Другой голландец – художник Корнелис де Бруин («Путешествие через Московию») запечатлел на одном из видов «чрезвычайно красивого города» недостроенный в пространстве Астраханского кремля Успенский собор, позже восхитивший императора Петра I: «... во всем государстве нет такого лепотного храма». Летом 1705 г. в Астрахани вспыхнуло одно из крупнейших восстаний («свадебный бунт»), охватившее практически все социальные и национальные группы населения края. Восставшие протестовали против действий «царя-иноземца», гнета налогов, «жестокости и мздоимства» представителей местной администрации (астраханского воеводы Т. Ржевского). Протест имел тенденцию перекинуться на соседние территории юга России, потому срочно заключили перемирие со Швецией, на подавление восстания Петр отправил с двумя полками одного из лучших полководцев Б.П. Шереметева. В марте 1706 г. с мятежниками жестоко расправились [7, с. 105–110]. Петр даровал Б.П. Шереметеву графский титул, оценив подавление астраханского восстания как «лутчую викторию» [9, с. 16]. Губернской реформой 1708 г. преду-

смаatrивалось размещение и обеспечение на территории губерний полков, которые оперативно использовали и для подавления восстаний.

Астрахань по праву может считаться родиной отечественного шелководства, здесь была развита рыбная промышленность, процветали виноградарство и садоводство, соледобыча. Это свидетельства того, что преобразования, начертанные Петром для Астраханского края, преемственно продолжали и развивали направления, заложенные предшественниками, в первую очередь, его отцом. Именно Алексею Михайловичу принадлежала идея создания на Каспии флота «европейского образца», развития «шелкового дела» и др. В период петровских преобразований регион был включен в систему реформ, строительства регулярного государства. Астрахани предстояло стать имперским городом.

«Петровский марш на Восток» предусматривал «ногою твердой стать при море» на южных рубежах империи: установить господство России на Каспии и перенаправить поток восточной торговли. Торговля шелком приносила огромные доходы, борьба за азиатские рынки стала новой целью внешней политики Петра на Востоке. В стремлении контролировать экспорт персидского шелка через Россию прибегали к помощи армянских купцов (их следовало «как возможно, приласкать и облегчить») для «приумножения персидского торгова». Астрахань сохраняла роль «торгового гнезда» в Прикаспии, торговавшие здесь «иноземцы» не только сохранили свободу торговли и промыслов, но и получили право платить не повышенные, а обычные пошлины [11, с. 309]. В то же время власти искали способы облегчения положения российских торговцев в Иране («утеснены», «обидимы от персиян»). Внимание царя-реформатора привлекала далекая и богатая Индия, куда вели пути через Каспийское море и Персию, либо – караванные дороги Средней Азии [8, с. 21–23].

Восточная политика требовала тщательной подготовки. Астрахань стала центром исследовательского поиска оптимальных путей продвижения в восточном направлении по освоению торговых путей в Персию и Индию. В 1714–1717 гг. экспедиция А. Бековича-Черкасского изучала восточное побережье Каспия как «лучший путь» в Индию. Она закончилась трагически, большинство ее участников, включая Черкасского, погибли из-за коварства хивинского хана Ширгазы. Погиб и друг князя – коренной астраханец Михаил Заманов – родственник Максима (Маматагея) Заманова. Последний был выходцем из Персии, приглашенным в Россию для налаживания «шелкового дела». Во время пребывания Петра I в Астрахани императора разместили в Замановском саду, где даже в часы досуга «труженик на троне» давал указания относительно устройства поливной машины, «сам копал, сажал и сеял» [6, с. 195–196]. С 1735 г. построенный для Петра дворец стал летней резиденцией, поселившегося в Астрахани после изгнания из своего отечества турками правителя Картли, Вахтанга VI, верного союзника императора Петра I. После смерти грузинского царя (похоронен в нижнем храме Успенского собора Астраханского кремля) во дворце продолжали жить члены его семьи [9, с. 56].

В 1718 г. посольство в Бухару («через Персию») возглавил Флорио Беневени. Осенью 1725 г. он вернулся в Астрахань. Посланник не увидел на восточном побережье Каспия перспектив российской коммерции «...в условиях постоянных усобиц». К идее установления российского протектората в Средней Азии русские вернутся через полтора века, избрав для продвижения северное направление (через казахстанские степи) [8, с. 28–30].

Одним из ярких достижений восточной политики Петра Великого является составление «пригодной для навигации» карты Каспийского моря. С 1714 г. картированием Каспия занимались морские офицеры К.П. фон Верден, М. Травин, В. Урусов, Ф. Соймонов. Результатом самоотверженной работы стало составление достоверной карты Каспийского моря (1720 г.), представленной Парижской академии наук, ставшей мировой научной сенсацией. Петр обрел славу «победителя-академика». Верден «со всей командой» оставлен Петром в Астрахани для участия в Каспийском походе. Картирование Каспийского моря будет проводиться в дальнейшем, в том числе, стараниями В.Н. Татищева – одного из поздних «птенцов гнезда Петрова», историка, географа, философа, астраханского губернатора в 1741–1745 гг. Дело изучения Астраханского края продолжают ученые в составе организованных в XVIII в. «академических экспедиций»: П.С. Паллас, С.Г. Гмелин, И.Г. Георги и др.

Посольство А.П. Волынского (1715–1717 гг.) в Персию занимает особое место в восточной политике Петра Великого. Петра интересовали развитие шелководства прикаспийских провинций, возможности «поворота» торгового шелкового потока на Волгу, заключения военно-политического союза с Ираном против Турции, использование в своих целях христианских народов Закавказья. Артемий Волынский заключил выгодный торговый договор с Персией, установил связи с Вахтангом VI. Исследовав внутреннюю и внешнюю политику Персии, он стал очевидцем кризиса правившей династии Сефевидов. Посол прямо призывал Петра I в «поход на Персию» [8, с. 32–39].

Для координации «персидской политики» Артемий Петрович Волынский в 1719 г. назначен астраханским губернатором. В направлявшей его деятельности «инструкции», Волынскому предписывалось заботиться о безопасности региона и его жителей, собирать информацию о прибывающих и живущих в Астрахани иностранных подданных, соседних государствах. Губернатор призван был способствовать развитию транзитной торговли и торговой деятельности иноземных купцов, противодействовать шпионажу, осуществлять прием и обеспечивать содержание посольств. Ему надлежало «приводить» в российское подданство народы, обращавшиеся по этому вопросу к губернатору, контролировать оперативную доставку арбузов и винограда ко двору, заниматься благоустройством городов и др. При содействии А.П. Волынского в 1721 г. Кабарда приняла русское подданство, велись переговоры с правителем Картли («...чтобы он в потребное время был надежен») [1, с. 110–111].

Губернатор по велению Петра завел «аптекарский огород», устроил шелковичный завод, наблюдал за работой селитренных заводов, где трудились наряду с колодниками и каторжниками пленные шведы. Последних, по распоряжению руководителя губернии, следовало содержать «в достоинстве и почтении». В петровский период астрахань

ские селитренные заводы, находившиеся близ Астрахани, в Красном Яре, на Ахтубе, давали более половины производимой в России селитры, являвшейся необходимым ингредиентом пороха [9, с. 24]. А.П. Волынский организовал снос ветхих построек в кремле, постройку «подле Никольских ворот» трехэтажного, деревянного дворца к приезду царя в Астрахань [5, л. 182]. Летом 1722 г. «птенец гнезда Петрова» встречал императора, устремленного к реализации своих «персидских» замыслов.

Численность войск, непосредственно участвовавших в Каспийском походе, составляла порядка 40 тыс. чел. Весной 1722 г. царь на галере отправился «в путь свой» по Волге, inspectируя работу местных администраторов по подготовке похода, например, готовность военных судов, строившихся на верфях Казани и Нижнего Новгорода. Примечательна встреча Петра в Саратове со своим «равноправным союзником» калмыцким ханом Аюкой – отважным воином, «грозою степей Азии и Кавказа». Именно ему Петр, перед отъездом с Великим посольством в Европу, поручил охрану юго-восточных границ России. Аюка помогал царю в подавлении восстаний, «усмирении» горских народов. В «помощь русским» за весь период войны хан отправил «40 тысяч конницы». Обращает на себя внимание и тот факт, что в середине XVIII в., побывавший в Селитренном городке на Ахтубе В.Н. Татищев, встретился с Дарма-Балой – вдовой хана Аюки. Ханша угощала астраханского губернатора калмыцким чаем, как когда-то Петра Великого. В дальнейшем ни одна из войн России не обходилась без участия калмыков [6, с. 253–255, 257, 266–267]. Так, в войне 1812 г. храбро сражались два астраханских калмыцких полка. Триумфально войдя в составе русских войск в Париж, они стали «настоящим удивлением Европы». Позже знаменитый писатель Александр Дюма предпримет путешествие в далекую Астрахань, чтобы познакомиться с культурой и бытом предков отважных воинов.

19 июня 1722 г. Петр Великий прибыл в губернский город на Нижней Волге. Где царь, там и столица. Так, на время Персидского похода, столицей государства стала Астрахань. Здесь Петр отметил очередную годовщину полтавской победы, наблюдал за работами по организации похода, решал дипломатические и иные вопросы государственной важности, занят был составлением писем, приказов по войскам. С учетом астраханской жары, солдатам и офицерам запрещалось ходить без головных уборов (сам Петр носил на голове платок и шляпу), ограничивалось потребление соленой пищи, в большом количестве фруктов и воды.

Запечатлеть победы русского оружия в «низовом походе» предстояло живописцу Луи Караваку [8, с. 56–58]. В Астрахани он написал портреты Петра I и его супруги Екатерины. В летнем дворце, находившемся в саду князей Замановых, император вместе со своими сподвижниками – адмиралом Ф.М. Апраксиным, тайным советником П.А. Толстым, капитаном К.П. фон Верденом, князем Д.К. Кантемиром обсуждал детали предстоящего похода, предавался веселью и отдыху. Почти ежедневно из загородной резиденции Петр поднимался вверх по р. Кутум на plezier-яхте к кремлю или осматривал окрестности, утопавшие в садах. С императрицей Петр посетил, возведенный по его указу в 1718 г. Птичий двор. Место, куда доставляли со всей округи редких видов птиц и зверей, а затем отправляли в столицу империи, произвело впечатление на высоких гостей. Двор, как считает краевед А.С. Марков, просуществовал до конца 70-х гг. XVIII в. Традиции изучения местной флоры и фауны в Астраханском крае сильны, они представлены научными трудами как предшественников, так и современников.

В целях развития рыболовства и садоводства по указу Петра образованы рыбная и садовая конторы. По вкусу прилипли императору астраханские арбузы и рыба. Движимый любопытством посмотреть на учужный лов, Петр побывал в с. Иванчуге, где его угощали зернистой икрой, показав процесс ее приготовления. На Камызякском учуге Петр с интересом наблюдал за работой «учужных водолазов» [9, с. 54–55, 161–162].

Петр Великий определил место, где следовало основать адмиралтейство, указал на необходимость строительства канала, соединяющего реки Волгу и Кутум. Это способствовало бы осушению болотистой южной окраины города и развитию судоходства. К слову, «канальные работы» начались только в 1744 г. в бытность губернатора В.Н. Татищева, осознававшего необходимость укрепления Астрахани в связи с угрозами «набега» на южные рубежи России, исходившими от Надир-шаха. Канал как оборонительное сооружение мог защитить город от грозного врага. В этой связи интерес представляет информация о том, что в течение десяти лет из Петербурга курировал строительные работы «главный инженер» России сподвижник Петра I, «африканский предок» А.С. Пушкина Абрам Петрович Ганнибал [7, с. 61–62; 6, с. 7]. Сегодня канал является украшением города, именуется Варвацевским, названным в честь купца Варваца, преуспевшего в астраханской торговле и пожертвовавшего немалые средства не только на завершение «канальных работ», но и на другие благие дела.

Не прекращаясь, шло строительство судов. За короткое время для нужд Персидского похода был создан военный флот, Астрахань стала базой Каспийской флотилии. Она сохраняет эту позицию и сегодня в новом качественном измерении.

Военные приготовления завершались в спешке, многое доделывали «на ходу». 18 июля 1722 г. был дан сигнал к выступлению из Астрахани. Анализ военных действий в связи с Персидским походом не входит в перечень задач настоящего доклада. Отметим, что присоединение северо-западных провинций Персии дало новый импульс не только астраханской торговле, но и экономическому развитию края в целом. Выросло количество шелковых и суконных предприятий, увеличилось поступление астраханских товаров на внутренний рынок страны. Началось благоустройство дорог (на необходимость мостить астраханские улицы указал Петр, обязав прибывающие суда доставлять в город камни). Активизировался процесс заселения края, где мирно уживались представители разных национальностей. Астрахань и поныне являет собой пример толерантности, культурного взаимодействия, полиэтничности.

Петр Великий большое значение придавал просвещению, образованию школ. Он понимал, что без знаний невозможно создание новой России. В Астрахани император был поражен даровитостью молодых людей, способных к языкам, наукам, среди которых особо выделялся В.К. Тредиаковский – будущий российский академик. Стратегиче-

ское значение Астрахани увидел известный ученый-просветитель Лейбниц. Он предлагал Петру I помощь в открытии университетов в «заслуживающих особого внимания» городах: Москве, Астрахани, Киеве и Петербурге. Астрахань по праву считается петровским городом, получившим новые импульсы развития благодаря Петру Великому.

О значении петровских преобразований для региона помнили в Астрахани всегда. В 70-е гг. XIX в. в нашем городе было создано Петровское общество исследователей Астраханского края, открывшего немало интересных особенностей его природы, истории, культуры. Предлагаю в рамках Астраханских Петровских чтений осмыслить вопрос о воссоздании Петровского общества. Ученые Астраханского государственного университета инициируют этот процесс.

Список литературы

1. Астраханская губерния. 300 лет на службе России. – Астрахань, 2017.
2. Астраханские известия. – 2003. – № 19.
3. Астрахань. Литературно-художественный сборник. – Астрахань, 1958.
4. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1852. – Т. 5, ч. 5.
5. Государственный архив Астраханской области. – Ф. 1004. – Оп. 1. – Д. 3.
6. Гусарова Е. В. Астраханские находки: история, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга / Е. В. Гусарова. – СПб, 2009.
7. Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. – Астрахань, 2009.
8. Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735) / И. В. Курукин. – М., 2010.
9. Марков А. С. Петр I и Астрахань / А. С. Марков. – Астрахань, 1994.
10. Полтавская победа. – Астрахань, 1909.
11. Природа, прошлое и современность Астраханского края. – Астрахань, 2008.

«КОЧУЮЩИЙ ДЕСПОТ»: ЕВРОПЕЙСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТРА I 1716–1717 гг.

Мезин Сергей Алексеевич,

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России и археологии,
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», г. Саратов*

Отмечая сегодня 300-летие Астраханской губернии, учрежденной по воле Петра I 22 ноября 1717 г., уместно вспомнить, что 9/20¹ октября того же года царь вернулся из второго большого путешествия по Европе, продолжавшегося 21 месяц. Это путешествие по своему историческому значению уступает Великому посольству, однако и оно имело важные политические и культурные последствия. В отличие от 1697 г., когда в Европу направлялся молодой, жаждавший учения и всему удивлявшийся «московитский» царь, в 1716 г. европейцы встречали героя Полтавы и Гангута, умудренного и закаленного политика, уже немолодого и не очень здорового человека, но по-прежнему исполненного энергией и неистощимой любознательностью. Целью царского «вояжа» в Европу было решение политических задач, направленных на скорейшее победоносное завершение войны со Швецией. Пётр надеялся также поправить пошатнувшееся здоровье на европейских водных курортах.

Политическая ситуация в Европе 1716 г., хотя и вселяла в Петра I большие надежды, была сложной. Всем было ясно, что Северная война вскоре закончится поражением Швеции. Члены Северного союза (Россия, Саксония, Дания) вели военные действия на южном берегу Балтийского моря, где продолжали сопротивляться последние шведские гарнизоны Штральзунда и Висмара. Не только союзники России, но и другие страны, как Пруссия и Ганновер, курфюрст которого был английским королем Георгом I, желали принять участие в дележе шведского «наследства» и в 1715 г. примкнули к Северному союзу. Морские державы Голландия и Великобритания стали опасаться, что после победы над Швецией Россия станет хозяйкой на Балтийском море, и не хотели полного крушения шведской короны. Вена и Париж, каждый преследуя свои интересы, не прочь были выступить посредниками в заключении мирного договора на Севере Европы.

Для скорейшего принуждения шведов к миру Петр еще в 1714 г. предложил осуществить совместный десант союзников в южную провинцию Швеции Сконе. Однако датский король Фредерик IV, по натуре более бухгалтер, чем полководец, оттягивал решение этого вопроса. Считая главной целью своего путешествия Данию, царь стремился ускорить и лично возглавить высадку войск на южном побережье Швеции.

Выехав 7 февраля 1716 г. из Петербурга вместе с женой, Петр I 1 марта прибыл в вольный город Данциг [11, с. 17] и сделал здесь остановку. Царь обложил горожан контрибуцией за то, что они поддерживали торговлю со шведами. Присутствие русских войск позволяло царю чувствовать себя здесь как дома. Об этом говорит и такой эпизод. Сидя рядом с бургомистром Данцига на торжественном богослужении, Петр вдруг «схватил, не сказав ни одного слова, длинный парик с сидящего подле его бургомистра, и надел оной на себя». Царю просто стало холодно. После богослужения он вернул парик бургомистру [12, с. 14]. Это же чувство хозяина положения проявилось и в более серьезном деле: в Данциге состоялась свадьба племянницы царя Екатерины Ивановны с мекленбургским герцогом Карлом-Леопольдом. Брачный альянс сопровождался политическим союзом: царь обещал новому родственнику

¹ Далее все даты даются по новому стилю, принятому тогда в Европе.

помощь войсками, а в приданое – еще не взятую союзниками крепость Висмар. Важно, что русские торговые суда получали право свободного использования мекленбургских портов, где можно было складировать русские товары. В этом проявилась великая мечта царя сделать Россию главным транзитным путем между Европой и Востоком. Как раз в это время предпринимались дипломатические попытки направить поток товаров из Персии в Россию через Астрахань [2, с. 31–32].

Мекленбургская импровизация царя сильно испортила его отношения с союзниками, особенно с ганноверским и английским Георгом I, у которого были свои виды на Мекленбург.

1 мая царь выехал из Данцига в Штетин (переданный Пруссии во временное владение), где имел дружескую встречу с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом в том самом замке, в котором через 12 лет родится будущая Екатерина II.

19 мая Пётр I встретился с датским королем Фредериком в Альтоне под Гамбургом. Они окончательно договорились о предстоящем десанте в Сконе с дальнейшей передачей этой отвоеванной провинции Дании. Затем царь три недели лечился на водном курорте Бад-Пирмонт (26 мая – 15 июня). На отдыхе царь пил воду и развлекался: гулял, играл в шахматы, танцевал с дамами, часто бывал «в комедии», а «питие вина» было запрещено. Здесь он встречался с известным французским архитектором Ж.Б.А. Леблоном, принятым на русскую службу, а также с немецким философом Г.В. Лейбницем, выступавшим в роли советника царя. Оттуда Пётр направился в мекленбургский порт Рёсток, где находились русские войска и галерная эскадра для переброски в Копенгаген. 17 июля галерный флот прибыл в датскую столицу. Здесь царю была устроена встреча с пышными церемониями.

Пребывание царя с супругой в Копенгагене (до 27 октября) было наполнено встречами монархов, развлечениями, познавательными поездками и, конечно, военно-морскими приготовлениями. Здесь царь пережил один из самых волнующих моментов в своей морской практике: ему было поручено формальное руководство маневрами четырех флотов – русского, датского, английского и голландского. Это была демонстрация силы перед лицом шведов, мешавших судоходству и торговле на Балтийском море. Однако, в конечном счете, визит не достиг своей цели: 17 сентября 1716 г. Пётр объявил об отмене десанта, обвинив датчан в его затягивании и недостаточном обеспечении. Пётр понял, что затягивая десант и отводя русским солдатам роль пушечного мяса, союзники рассчитывали не только на победу, но и на ослабление русских сил. Горький опыт Прутского похода сделал царя осторожным. Датский историк Ханс Баггер, проанализировав причины отмены высадки в Сконе, пришел к выводу, что датское правительство несет главную ответственность за то, что вторжение не состоялось [2, с. 78].

Отказ царя произвел самое негативное впечатление на союзников. Заговорили о русской угрозе. В Копенгагене, под стенами которого стояло почти 30-тысячное русское войско, поднялась паника. Впрочем, она скоро улеглась, ибо русские стали вывозить своих солдат в Мекленбург. Враги царя заявляли, что Россия вступила в тайные сепаратные переговоры со Швецией, что не соответствовало действительности [2, с. 78]. Пётр I оказалась перед угрозой политической изоляции. Северный союз практически распался.

Лишь прусский король спокойно отнесся к новости об отмене вторжения в Швецию. На встрече с царем в Хафельберге 23–28 ноября 1716 г. Фридрих-Вильгельм заговорил о возможности заключить русско-прусско-французский союз. В знак дружбы король подарил Петру I знаменитую Янтарную комнату, а царь презентовал королю-солдату 200 русских гренадеров богатырского роста. Получив известие о желании регента Франции Филиппа Орлеанского вступить в переговоры, Пётр поручил это дело своим дипломатам, а сам между тем через Гамбург и Бремен отправился в Голландию.

Пребывание царя в Голландии с декабря 1716 до марта 1717 г. было окрашено в печальные тона [4, с. 29]. Во-первых, сам царь заболел и пролежал в постели несколько недель. Во-вторых, 13 января у Екатерины родился сын, но, не прожив и двух дней, умер. В-третьих, царю стало известно о бегстве царевича Алексея. Наконец, стало ясно, что политический диалог с Голландией не клеится из-за проблем в торговле; русско-голландская дружба подходила к концу [7]. Всё это, правда, не мешало Петру вместе с женой совершить ностальгическую поездку по любимой стране своей юности. Простые голландцы с восторгом воспринимали необыкновенного русского царя. Пётр по-прежнему живо интересовался достижениями голландской военной и гражданской архитектуры, искусства садов, покупал научные коллекции и произведения искусства, в том числе знаменитую картину Рембрандта «Давид и Ионафан». В Голландии в качестве полномочного посла находился один из опытейших русских дипломатов князь Б.И. Куракин. Ему было поручено вести переговоры с французским представителем о франко-русском союзе. Когда эти переговоры столкнулись с трудностями, царь принял решение самому поехать в Париж, чтобы заключить предполагаемый союз на месте. По пути во Францию царь посетил Австрийские Нидерланды (нынешняя Бельгия) и осмотрел Антверпен, Брюссель, Брюгге (31 марта – 10 апреля) [3].

Так получилось, что центральным событием второго европейского путешествия Петра стал визит во Францию [9].

21 апреля 1717 г. Пётр I пересек границу Франции в районе Дюнкерка. Царь пробыл в Дюнкерке 4 дня, осматривая остатки портовых укреплений и Мардикский канал. Более недели царь провёл в Кале: смотрел город и порт и праздновал Пасху. В письме к жене, которую Пётр оставил в Голландии, шуточно сетовал на большую убыль водки-«крепиша» [10, с. 65]. Затем Петр совершил «марш-бросок» до Парижа, обозревая окрестности из открытого экипажа собственной конструкции.

Вечером 7 мая царь прибыл в Париж и оставался здесь до 20 июня. Историк XVIII в. И.И. Голиков имел основания сказать: «Монарх пробыл в Париже 43 дни, в которые больше осмотрел и заметил, нежели другие могли б сделать в год» [5, с. 318].

Действительно, пребывание Петра I в Париже было заполнено бурной деятельностью и движением. Лишь несколько дней царь провел в своей резиденции безвыездно: первые три дня пожертвовал дипломатическому протоколу: не выезжал из своей резиденции отеля Ледигьер, пока юный Людовик XV не нанес ему визит (как сказал бы А.С. Пушкин, «он уважать себя заставил»). Два дня он не мог куда-либо выезжать из-за болезни.

Рассмотрим основные направления деятельности Петра I во Франции.

Подготовка русско-французского договора была важнейшей целью визита царя в Париж. Пётр неоднократно встречался с регентом Франции герцогом Филиппом Орлеанским, но основная работа по подготовке договора между Францией и Россией велась русскими и французскими дипломатами. Все возникающие в ходе переговоров вопросы согласовывались с царем и регентом. Переговоры продвигались трудно. Царь прямо предлагал Франции поставить Россию на место «полууничтоженной» Швеции. Франция не соглашалась на полный разрыв со своим старым союзником, она стремилась сохранить Швецию в качестве составной части «Восточного барьера», который Париж тщательно выстраивал для противовеса Вене. Более всего регент опасался, чтобы новые договоренности не вступили в противоречия с его союзническими обязательствами перед Англией и Голландией. Правительство регента в поисках способов уклонения от настоящего союза с Россией доходило до того, что решило сфабриковать подложный текст договора со Швецией, чтобы положить его перед глазами царя. Результаты секретных переговоров французская сторона сообщала англичанам.

Тем не менее, в Париже договаривающиеся стороны согласовали основные положения союзного франко-русско-прусского договора, который был заключен 15 августа 1717 г. в Амстердаме. Договор лишил Швецию последнего союзника в Европе – Францию.

Политическое сближение России и Франции оказалось недолговременным, но не безрезультатным. Заключение союза подтолкнуло Швецию к мирным переговорам на Аландских островах.

Находясь в Париже, царь общался с членами королевского дома и государственными деятелями, посещал государственные учреждения и официальные мероприятия. Он имел протокольные встречи с малолетним королём, который очаровал его: «дитя зело изрядное образом и станом» и притом «разумное»; позже царь писал русскому послу в Париже Б.И. Куракину: «зело бы мы желали, чтобы сей жених (Людовик XV. – С.М.) нам зятем был» [1, л. 114]. Пётр встречался с регентом, его женой, матерью и дочерью. Ради любопытства царь буквально напросился на встречу в монастыре Сен-Сир с доживавшей свой век маркизой де Ментенон, вдовой короля-солнца. Интересных собеседников русский царь нашел в лице герцога д'Анте́на (суперинтенданта королевских строений), вице-адмирала д'Эстре, маршала Виллара. Для него был устроен смотр французских войск на Елисейских полях.

Несомненно, что Пётр I был до некоторой степени разочарован политической стороной своего визита во Францию. По мере того как выяснялось, что переговоры в Париже не принесут больших успехов, на первый план выходили контакты в области культуры и науки.

Знакомство с Парижем занимало заметное место в напряженном графике царского визита [8]. Царь в письме к жене выказывал горячее желание «всего смотреть» в Париже. Каждая поездка по французской столице наполняла русского царя новыми впечатлениями. Особое значение имела первая «экскурсия» по Парижу, на которую он отправился в 5 часов утра 11 мая. С утра царь осмотрел находившиеся рядом с отелем Ледигьер Большой и Малый Арсеналы, представлявшие собой целый комплекс зданий, дворов и садов. Из Арсенала царь отправился на площади, украшенные статуями королей. Сначала он совершил прогулку по Королевской площади (ныне площадь Вогезов), украшенной памятником Людовику XIII. Потом царь посетил овальную площадь Побед в квартале Сен-Рок, построенную по проекту знаменитого архитектора Ж. Ардуэна-Мансара как обрамление для пешей статуи Людовика XIV. Петру показали и площадь Людовика Великого (ныне Вандомская площадь). На ней возвышалась колоссальная конная статуя работы скульптора Ф. Жирардона представляющая Людовика XIV в одежде античного героя. В другой день Пётр посетил еще одну регулярную площадь города – площадь Дофина, которая примыкала к Новому мосту. На мосту находился конный памятник Генриху IV – единственный, сохранившийся в неприкосновенном виде до наших дней. С Нового моста открывался лучший вид на обновленный Париж Людовика Великого: с благоустроенными набережными и мостами, с величественными дворцовыми постройками. С тех пор вид, открывающийся с Нового моста, кардинально не поменялся, лишь появились зеленые насаждения, которых тогда не было.

Побывав на центральных площадях Парижа, Пётр I познакомился с лучшими образцами регулярного градостроительства того времени и обратил внимание на своеобразие французской архитектуры. Но особенно его привлекли конные монументы, ведь в это время им уже была заказана скульптору Б.К. Растрелли собственная конная статуя в память о победах русских войск над шведами.

Русский царь с видимым удовольствием посещал загородные резиденции французских королей и знати. Он побывал в Мёдоне, Сен-Клу, Сен-Жермен-ан-Ле, Фонтенбло и др. Но более всего царя очаровали Версаль и Марли, куда он возвращался дважды. Царь осматривал дворцы, прогуливался по паркам, плавал по каналам, мерил «огород» Версальский, изучал Машину Марли. Пребывание там представлялось ему большим удовольствием. При этом можно заметить, что царь проявил к парку больший интерес, чем к дворцу, а более всего его увлекли фонтаны и другие гидротехнические затеи. Не склонный делиться своими впечатлениями, он не удержался от похвалы в письме к жене: «и могу сказать <...> что я был в Версалии и Марли, дней з 12, сколь великий плезир имел!» [10, с. 71]. Под влиянием увиденного царь сформулировал собственную идейную и архитектурную программу резиденций в Петергофе и Стрельне [6].

Задолго до поездки в Париж Пётр I был наслышан о цветущем состоянии французского искусства. Он поручал своим агентам нанимать во Франции мастеров и покупать картины и предметы роскоши. Эту деятельность он лично продолжил в Париже. Здесь проявились его художественные пристрастия. В Люксембургском дворце на царя особое

впечатление произвела знаменитая серия картин Рубенса, посвященная истории Марии Медичи и Генриха IV (ныне находится в Лувре). Царя привлекала также батальная живопись А.Ф. Ван дер Мелена, создавшего для Людовика XIV серию полотен на тему «Завоевания короля». 47 картин серии украшали стены королевского павильона в Марли. Они понравились русскому царю, о чем свидетельствует подаренный ему альбом гравюр с картин Ван дер Мелена, а также заказ художнику-баталисту Мартену-младшему аналогичной серии картин, посвященных победам в Северной войне.

Особое внимание было уделено художественно-промышленным предприятиям, которыми славилась французская столица. Самый большой интерес вызвали у Петра мануфактура Гобеленов и Монетный двор. Царь посещал их неоднократно и лично вникал во все подробности производства, которое он хотел видеть у себя в Петербурге. Он внимательно изучал то во французском искусстве, что можно было позаимствовать, что могло, по его мнению, прижиться на русской почве.

Обширными и плодотворными были научные контакты русского царя в Париже. Сначала как будто преобладали естественнонаучные и технические интересы. Прежде всего (в первый же день) царь отправился в Ботанический сад и в анатомический театр. Царь наблюдал операцию на глазах и заказал восковые модели органов человеческого тела. Два раза он посетил Парижскую обсерваторию. Пётр беседовал с известным географом Гийомом Делилем, с геометром Пьером Вариньоном, с изобретателем и математиком отцом Себастьяном, осматривал кабинет технических диковинок Луи-Леона Пажо. Царь купил в Париже большое количество приборов, инструментов и книг. В конце своего пребывания в Париже Пётр I нанес визит в Королевские академии в Лувре: Академию наук, Академию надписей, Французскую академию, Академию живописи и скульптуры. Наибольший резонанс имело посещение Академии наук, где французские ученые продемонстрировали царю свои успехи. Тогда же возник вопрос о приёме царя в члены Академии, но разрешился он лишь в конце 1717 г. – 22 декабря.

Таким образом, визит Петра I в Париж положил мощное начало русско-французскому культурному диалогу. Результатами этого диалога станут открытие в Петербурге Академии наук по образцу Парижской, а позже – основание Академии художеств, где сначала преподавали приглашенные из Франции профессора, деятельность французских архитекторов в Петербурге, увлечение Вольтером... Потом придет черед русских балетных сезонов в Париже, настанет время увлечения французских писателями и художниками-авангардистами... А началось всё с шуточного письма Петра I жене от 24 апреля 1717 г.: «Объявляю вам, что мы четвертого дни во Вьрянки въехали со всею компаниею...» [10, с. 64].

20 июня, в день Св. Троицы после праздничной службы Пётр I выехал в сторону северо-восточной границы Франции: миновал Суассон, Реймс, 23 июня в Шарлевиле погрузился со свитой на барку и отплыл по реке Мёз в Испанские Нидерланды для посещения водного курорта Спа. Здесь царь поправлял свое здоровье до 24 июля. Остаток лета Пётр с супругой провел в Голландии, «прогуливаясь» по голландским городам, а между тем в Амстердаме был заключен союзный договор между Россией, Францией и Пруссией. Из Голландии путь Петра лежал в Россию с небольшими остановками в Берлине и Данциге. 20 октября 1717 г. царь вернулся в Петербург.

Подводя итог большому путешествию Петра, один из его исследователей отмечает: «как и первое путешествие, второе кончилось катастрофой» [4, с. 27]. Историк имеет в виду соответственно стрелецкий бунт и дело царевича Алексея. Едва ли сам Пётр разделял трагизм этого наблюдения. С сыном он порвал отношения и не испытывал по этому поводу больших моральных мук. Конечно, не все цели путешествия были достигнуты, однако царь лично разведал политическую ситуацию в Европе, искал и находил новые пути к скорейшему завершению войны. Он думал о мире: о реформировании органов управления, о строительстве и украшении городов, о развитии торговли и искусств, о научных открытиях, об обустройстве Астраханской губернии, наконец, и перед ним открывались еще более широкие перспективы.

Список литературы

1. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 270. Д. 106.
2. Баггер Х. Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений / Х. Баггер. – СПб. : Европейский Дом, 2017. – 188 с.
3. Вагеманс Э. Петр Великий в Бельгии / Э. Вагеманс. – СПб. : Гиперион, 2007. – 232 с.
4. Вагеманс Э. Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716–1717) ; пер с нидерл. В.К. Ронина / Э. Вагеманс. – СПб. : Европейский Дом, 2013. – 256 с.
5. Голиков И. И. Деяния Петра Великого / И. И. Голиков. – М. : В унив. тип., у Н.Новикова, 1788. – Ч. 5. – 420 с.
6. Горбатенко С. Б. Архитектурные маршруты Петра Великого / С. Б. Горбатенко. – СПб. : Историческая иллюстрация, 2015. – 376 с.
7. Конингсбрюгге Х. ван. История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. ; пер с нидерл. В. К. Ронина / Х. ван Конингсбрюгге. – СПб. : Европейский Дом, 2014. – 256 с.
8. Мезин С. А. Париж Петра Великого / С. А. Мезин // *Questio Rossica*. – 2017. – Т. 5, № 2. – С. 329–353.
9. Мезин С. А. Пётр I во Франции / С. А. Мезин. – 2-е изд. – СПб. : Европейский Дом, 2017. – 320 с.
10. Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. – М. : Тип. Сергея Орлова, 1861. – 172 с.
11. Походный журнал 1716 года. СПб.: [Изд. II Отд. Собств. Е. И. В. канцелярии], 1855. – 110 с.
12. Штелин Я. Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санкт-Петербурге / Я. Штелин. – М. : В вольной тип. Пономарева, 1789. – 592 с.

СОПЕРНИЧЕСТВО АСТРАХАНСКИХ И ОРЕНБУРГСКИХ ВЛАСТЕЙ ЗА ЛИДЕРСТВО В РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА СРЕДНЕАЗИАТСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В XVIII в.

Торопицын Илья Васильевич,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Развитие торговли со странами Востока было одной из наиболее важных задач, которую пыталось решить российское правительство со времен присоединения Нижнего Поволжья к России. При Петре I были предприняты энергичные шаги для поиска удобных торговых путей из Астрахани в страны Юго-востока Азии. Однако они не увенчались успехом. Гибель в 1717 г. экспедиции князя А.Бекевича Черкасского, посланного Петром I в Хиву, лишь на время отодвинула реализацию стратегических планов правительства России по установлению торговых отношений со странами Средней Азии и более отдаленными государствами Востока.

К активным действиям в этом направлении российские власти подталкивали отечественные и зарубежные купеческие круги, заинтересованные в развитии караванной торговли в среднеазиатские города. Торговля с Хивой и Бухарой даже без государственной поддержки фактически не прекращалась. Купцы из Астрахани и других городов продолжали на свой страх и риск ездить в среднеазиатские города [20, с. 267–269]. Донесения российского посланника в Бухаре Флорио Беневени также свидетельствуют, что в первой половине 1720-х гг. в Хиву приезжали из России с товарами астраханские и казанские татары [7, с. 72].

В 1726 г. в Астраханскую губернскую канцелярию регулярно поступали прошения от астраханских, армянских, индийских и бухарских купцов о разрешении им отправиться с товарами «в караване... чрез Хиву и Бухары». В июне того же года астраханский губернатор И.А. фон Менгден ходатайствовал перед Сенатом об отпуске торгового каравана в Среднюю Азию. Возобновления торговых связей с Россией добивался и хивинский посол Субхан-Кулы бек, прибывший в Санкт-Петербург в 1726 г. [18, с. 29].

Усилия купечества при поддержке астраханских властей и Коммерц-коллегии в конце концов увенчались успехом: 21 марта 1727 г. появляется указ «о восстановлении в Хиву и Бухару и в прочие места коммерции по прежнему» [22, с. 114]. Разработанные Коммерц-коллегией условия и порядок таможенного оформления и сбора пошлин с товаров, которые предполагалось отправлять в Среднюю Азию, свидетельствуют, что Астрахани в этот период отводилась ведущая роль в развитии караванной торговли со среднеазиатскими странами [11, с. 177].

М. Чулков, изучавший историю российской коммерции, отмечает, что в правление Анны Иоанновны российское правительство было озабочено выяснением вопроса: как выгоднее организовать торговлю со среднеазиатскими государствами – с помощью купеческой компании или «из казны торг производить» [21, с. 168–169]. Данный вопрос поручили изучить кабинет-министру князю А.М. Черкасскому, который в марте 1731 г. представил «Предложения о бухарском торге». В них отмечалось, что со второй половины 1720-х гг. некоторые российские купцы возобновили поездки с товарами в среднеазиатские ханства, «однакоже оной торг, как слышно, произведен тамо непорядочно, без общего обыкновению и купеческому согласию». При этом кабинет-министр вынужден был признать, что купцы, торговавшие в Хиве и Бухаре, несмотря на то, что продавали и покупали товары «непорядочно», выехали обратно с «немалою прибылью». Теперь их примеру готовы были последовать другие российские и армянские купцы, которые заготовили в Астрахани товаров к отпуску в среднеазиатские города на большую сумму [14, л. 34].

Князь А.М. Черкасский детально разъяснил в своем Представлении, как следует организовать из Астрахани караванную торговлю со среднеазиатскими странами, а также предложил под видом торгового каравана провести исследовательскую экспедицию в Среднюю Азию с тем, чтобы выяснить условия здешней торговли. В 1731 г. по его инициативе из Астрахани под руководством полковника И.И. Гербера отправляется в Хиву и Бухару купеческий караван с товарами на 100 тысяч рублей. Перед И.И. Гербером была поставлена задача заключить от имени России торговый договор с правителями Хивы и Бухары. Но в пути за рекой Яик караван был разграблен кочевниками. И.И. Гербер со своими спутниками вынужден был вернуться в Астрахань.

Одновременно с этими событиями с начала 1730-х гг. начинаются переговоры российских властей с казахскими владельцами, изъявившими желание вступить в российское подданство. Переговоры привели к созданию Оренбургской экспедиции, одной из задач которой было развитие торговых связей со странами Средней Азии и Индией. С этой целью на границе башкирских и казахских земель был основан новый город Оренбург. «Основатели Оренбурга (И.К. Кириллов, В.Н. Татищев, И.И. Неплюев, П.И. Рычков и др.) питали твердое убеждение, – пишет П.Е. Матвеевский, – что этот город устанавливается в дикой степи «для отворения свободного с товарами пути в Бухару, Водокшан, Балх и в Индию» [12, с. 105]. Первый руководитель Оренбургской экспедиции И.К. Кириллов указывал в своем проекте «Изъяснение о Киргиз-кайсацкой и Каракалпакской ордах», что место, выбранное им для основания Оренбурга «во всем изобильное», а дорога, ведущая от этого города к Аральскому морю и далее к Бухаре и Бадахшану более удобная и безопасная, чем хивинская дорога, идущая от Астрахани [3, с. 97].

Проверить на практике свои предположения И.К. Кириллов не успел. Его преемник тайный советник В.Н. Татищев в конце декабря 1737 г. направил в кабинет императрицы Анны Ивановны свои предложения о способах организации торговли с народами Средней Азии. Он предложил создать купеческую компанию с капиталом в 100 тысяч рублей, которой предоставить монополию на торговлю в Оренбурге на период «доколе в Оренбурге купцы населятца и магистрат учредят» приведут ее в надлежащее состояние. Возглавлять компанию, по мысли В.Н. Татищева, должны были четыре директора, один из которых в течение года должен был находиться в Оренбурге. Одним из

кандидатов в директора данной компании руководитель Оренбургской комиссии рекомендовал казанского купца Бориса Пушникова. В качестве другого варианта развития оренбургской торговли В.Н. Татищев предлагал ограничить круг ее участников и назначить фиксированное время проведения торгов, ограничив его периодом с 1 июня по 1 октября. Он считал, что нужно запретить ездить «крестьянству в такие пограничные торги», найти способ отрегулировать приграничную торговлю яицкого казачества и казахов, а приезжающим ежегодно в Оренбург российским купцам давать время для того, чтобы они успели «цену товаров учредить» до начала торгов. Помимо организации торговли с восточными купцами непосредственно в Оренбурге, предложения В.Н. Татищева предусматривали и отправку караванов в Ташкент и Бухару [13, л. 41–42об.]. В 1738 г. первый такой караван, сформированный В.Н. Татищевым, отправился из Оренбурга в Ташкент, но в пути подвергся разграблению [19, с. 179–180].

Несмотря на эту неудачу, торговые связи Оренбурга с народами Средней Азии не прекратились, а лишь изменились: с начала 1740-х гг. не русские купцы отправлялись из Оренбурга в среднеазиатские города, а восточные торговцы стали совершать рискованные путешествия через казахские степи в Россию. Заслуга в этом принадлежала новому руководителю Оренбургской комиссии тайному советнику И.И. Неплюеву. По мнению В.Н. Витевского, И.И. Неплюев «так умно и умело вел торгово-промышленное дело, что среднеазиатские купцы, особенно хивинцы, стали приезжать в Оренбург большими партиями, не смотря на все трудности и опасности во время их пути через киргизские степи» [6, с. 724].

Н.Б. Голикова, проанализировавшая содержание «сказки» татарского купца Шубая Арсланова, побывавшего в начале 1740-х гг. в Ташкенте и собравшего ценные сведения о положении в этом городе и в Туркестане, пришла к выводу, что его сведения оказали решающее влияние на позицию И.И. Неплюева в отношении перспектив развития русско-среднеазиатской торговли, который «счел правильным отказаться от широких планов И.К. Кириллова» [9, с. 22]. Поддерживая данный вывод, Н.Г. Козлова пишет: «К 1742 г. благодаря достоверным сведениям об обстановке в Ташкенте и Туркестане, представленным побывавшим там с караваном татарским купцом М. Арслановым, новый руководитель Оренбургской комиссии И. Неплюев осознал тщетность надежд на сказочные прибыли от торговли со странами Средней Азии. И по его представлению Сенат поездки туда запретил» [11, с. 178].

В историографии прочно укрепилась точка зрения, что Оренбург (город в 1730–1740-е гг. несколько раз переносился на новое место) прочно занял в XVIII в. место главного центра русско-среднеазиатской торговли. «Следует отметить, – пишет М. Абдураимов, – что после организации так называемой Оренбургской экспедиции и комиссии (1734), сосредоточием торговли России со Средней Азией и Казахстаном стали Оренбург и Орская крепость, куда участвовали торговые караваны из Ташкента». «На протяжении всего XVIII в. Оренбург был главным пунктом меновой торговли России с населением Казахстана и Средней Азии», – отмечает Н.Г. Аполлова [1, с. 90; 4, с. 461].

Не умаляя той важной роли, которую стал играть Оренбург в товарообороте России на среднеазиатском направлении, отметим, что этот город был не единственным центром данной торговли. Торговые связи со среднеазиатскими ханствами поддерживались и через Астрахань. Так, в 1736 г. в Астраханскую губернскую канцелярию поступил указ из Коллегии иностранных дел, которым велено было «по листу хивинского хана и по предложению хивинцев купечество с Хивой и Бухарами как прежде было до указа продолжать до Мангышлакской пристани на судах, а от той до Хивы сухим путем» [2, л. 111].

Возможностями астраханско-среднеазиатской торговли пользовался даже императорский двор. В 1739 г., например, в Астрахань поступил указ из Кабинета императрицы, предписывавший организовать покупку для императорского двора бухарских овчинок. С этой целью астраханскому купцу Тихону Лошкареву было выдано из казны 396 рублей. Купец отправил в Хиву и Бухару своих приказчиков (астраханских татар), которые выполнили его поручение, и часть товара прислали в Астрахань. Доставить всю партию бухарской овчины приказчики астраханского купца не рискнули и «за опасностью в проезде остались тамо» [17, с. 300].

Безопасность на караванных путях была не единственной причиной, которая влияла в середине XVIII в. на состояние русско-среднеазиатской торговли. Летом 1742 г. В.Н. Татищев, ставший к тому времени губернатором в Астрахани, получил на свое представление императорский указ от 8 июля того года, в котором ему разрешалось в случае отсутствия опасности «как в пути, так и по причине явшаго в Персии в городе Казбине морового поветрия и от находящихся в бухарской стороне персидских войск и в прочем» дать астраханским татарам «позволение» отправиться с товаром в Хиву и Бухару [2, л. 111].

При этом астраханскому губернатору поручили выяснить у местных купцов, торгующих с Хивой и Бухарой, каким способом им удобнее совершать туда поездки, «и прислать мнение». «Астраханские купецкие татары» сообщили местным властям, что в условиях «замирения» между казахами и калмыками им удобнее ездить в Хиву и Бухару сухопутным путем через Гурьев, нежели по Каспийскому морю до Мангышлакской пристани. Купцы говорили, что морем возить товар опасно, к тому же за провоз на судне с товаров взимается немалая плата, от Мангышлакской пристани до Хивы они нанимают для доставки товара верблюдов и лошадей у местных туркмен, а также проводящих «дорогою ценою». А если отправляют товары сухопутным путем от Астрахани, то везут их на своих верблюдах, «которым только потребен один корм» и убытков больших не имеют [2, л. 111–111об.].

Именно таким путем воспользовались астраханские татары, возвратившиеся из Хивы в ноябре 1742 г. в Астрахань. Учитывая, что в пути они не встретили никакой опасности со стороны кочевников, астраханский губернатор в том же году разрешил им и другим желающим астраханским жителям (бухарцам и татарам) отправиться через Гурьев в новую торговую поездку в Хивинское ханство [2, л. 111об.–112].

Размеренное течение астраханско-среднеазиатской торговли зимой 1742–1743 гг. было неожиданно нарушено новым фактором. «А ныне тайной советник господин Неплюев сообщил ко мне, – докладывал астраханский губерна-

тор в феврале 1743 г. Коллегии иностранных дел, – что он Правительствующему Сенату доносил, якобы уведомился он, будто бы я намерен из Астрахани до Хивы караван отпустить отдать на руки Абулмаммет хану киргиз кайсацкому, а оной де неблагонадежен и в сумнительных верности его обстоятельствах находится и для того бы отправление того каравана в Хиву до получения на доношение ево указу поудержать» [2, л. 112].

В своем донесении Сенату от 22 декабря 1742 г. оренбургский губернатор утверждал, что «подлинно» ведает о намерении В.Н. Татищева доверить казахскому хану торговый караван до Хивы, «яко он по письмам ево Абулмамметовым мнит ево быть Ея императорского величества верна». И.И. Неплюев же считал, что на обещаниях Абулмаммета «утвердиться... весьма неблагонадежно». Далее оренбургский губернатор пишет, что «экспериментацию уже познано, что от таких караванных отпусков казне Ея императорского величества ниже российскому купечеству дальней прибыли нет, ибо хотя б такой караван сие и благополучно дошел /: но и сие с тем еще сумнительно: /, то на месте у тамошних народов купцы отягощаемы бывают великою пошлиною дороговизною в содержании и многими обидами, чему я по Оренбургской комиссии многие примеры имею, так что ежели кто не совсем ограблен, то ни один без накладу не выехал, и за тем от 27 сентября в Правительствующий Сенат принужден был доносить, что такие караванные отпуски до времени сходне остановить, и действительно до указа остановил, ибо хотя российские купцы туда ездить и не будут, однако тамошних приезды тем не остановятся, яко им российские товары необходимо нужные и неотколь, как разве через Персию с великим трудом достать их им не можно, и тако российские купцы не подвергая себя путевой опасности пользы своей не лишатся, ибо оная опасность тамошним, а не нашим купцам останется». При этом И.И. Неплюев высказал мнение, что если такой «Абулмаммет хану на руки отданный» караван будет разграблен, как и тот, что ранее был отправлен в Ташкент, то это может привести казахам и самого хана Абулмаммета «в худшее состояние и подать повод к противным поступкам и к совершенному подвержению к зюнгорскому владельцу». Допускать до этого, по мнению И.И. Неплюева, не следовало, «не упоминая сего, – пишет он, – какое безвременное помешательство приключится тем может в строении нового Оренбурга и в совершенном основании всей Оренбургской линии, также и в происхождении оренбургского торгу, которой, хотя российские купцы в Хиву ниже в Ташкент и в другие тамошние места более уже и не ездят, однако тем оной не умоляется, но год от году приумножается, как то Правительствующий Сенат из посланного моего доношения от 16 сего декабря изволил усмотреть». В заключении оренбургский губернатор сделал небольшую оговорку: «А понеже Хива ныне в персидских руках и ежели он тайный советник тот караван отправит водою или сухим путем чрез тухменцев, не мешая в то киргизов и каракалпак, в то я не вступаю, ибо обстоятельств тех не сведом, но оставляю в его усмотрение» [8, л. 23–24].

В.Н. Татищев не оставил без комментариев выдвинутые против него абсурдные и некомпетентные обвинения И.И. Неплюева в отношении торгового каравана из Астрахани в Хиву. Он решительно заявил в донесении в Коллегию иностранных дел: «я означенный караван упоминаемому Абулмаммет хану на руки, чтоб он до Хивы в целости препроводил не вверивал». Астраханский губернатор отметил, что «ходят отсюда караваны не чрез кайсацкие жилища, но от Гурьева тухменскими местами». В.Н. Татищев указал, что если из Астрахани торговые караваны не отпускать, то «здесьние подданные ея императорского величества бухарцы, гилянцы и татары, которые чрез один бухарской и хивинской торг прибыль имеют, в крайнее убожество придут, а в таможенном пошлинном зборе последует умаление». При этом он резонно обратил внимание Коллегии, что если бы астраханские купцы, участвовавшие в караванной торговле с Хивой и Бухарой, получали там «обиды, чтоб совсем ограблены или с накладом выезд их был, как он тайной советник изъяснил, то б никто из здесьних впредь туда ездить покушаться не мог». Напротив, указывал В.Н. Татищев, видно, что такого рода убытков астраханские купцы не несут и «оной торг охотно распространять желают». Если же их заставлять, чтобы они ездили торговать со среднеазиатскими купцами в Оренбург, который расположен от Астрахани достаточно далеко, то никто из астраханских купцов, считал астраханский губернатор, ездить туда не пожелает, «ибо отсюда прямо в Хиву ездить им ближе» [2, л. 112–112об.].

7 апреля 1743 г. в Астрахань был доставлен сенатский указ от 4 марта того года, который предписывал В.Н. Татищеву дать объяснения, «по какому указу и с какими товары и людьми и для каких обстоятельств» он намеревался отпустить торговый караван из Астрахани в Хиву, передав его под охрану Абулмаммет хану? При этом Сенат приказал «до получения на то указу отпуску того каравана не чинить». 21 апреля В.Н. Татищев отрапортовал в Сенат, что имеет на отправку каравана в Хиву императорский указ от 8 июля 1742 г. Основываясь на этом указе, прошениях местных купцов и тех, что находились с товарами с Хивы, от которых прибыли в Астрахань «нарочные», в Астраханской губернской канцелярии решено было отправить караван в Хиву, о чем В.Н. Татищев уведомил 19 февраля 1743 г. Сенат и Коллегию иностранных дел. Но так как зимой 1743 г. случился набег к Волге «воровских киргиз кайсаков», участники того каравана остались в Астрахани. Астраханский губернатор вновь подтвердил, что никогда не вверивал судьбу этого каравана казахскому хану Абулмаммету, что караваны ходят из Астрахани в Среднюю Азию не через казахские кочевья, а через Гурьев «тухменскими местами». И хотя теперь опасность миновала, но отпустить этот караван в виду запретительного сенатского указа уже нельзя. При этом В.Н. Татищев подчеркнул, что астраханские купцы, собравшиеся в Хиву, просили его, если им нельзя ехать сухопутным путем, то они готовы были выехать водным путем до Мангышлакской пристани, и оттуда уже будут добираться в Хиву сухим путем, как уже поступали ранее. В связи с этим астраханский губернатор просил Сенат разрешить ему отпустить торговый караван до восточного побережья Каспия «для приращения в пошлинном сборе Ея императорского величества пользы», а купцам «к выгодному торгов распространению в Хиву и Бухары» [8, л. 30–30об.].

Так и не получив ответа на свой рапорт в Сенат и донесение по этому вопросу в Коллегию иностранных дел, астраханский губернатор обращается 4 января 1744 г. за содействием в разрешении данной ситуации к кабинет-секретарю императрицы Елизаветы Петровны барону И.А. Черкасову [17, с. 300–301]. Есть основания полагать, что

астраханскому губернатору удалось отстоять свою позицию перед правительством в заочном споре с оренбургским губернатором. Как сообщает П.И. Рычков в «Истории Оренбургской», в 1744 г. хан Младшего жуза Абулхайр «астраханских купцов, кои из Астрахани отпущены были в Хиву и Бухарию для купечества с товарами, и попутно к нему хану заехали, ограбил» [16, с. 78]. В данном случае важен сам факт отправки торгового каравана из Астрахани в Среднюю Азию.

В 50-е годы XVIII в. в России предпринимаются новые шаги по развитию караванного торгового пути со Средней Азией и другими странами Востока. Один из таких проектов был предложен оренбургским губернатором И.И. Неплюевым. В 1750 г. он получил разрешение посетить Санкт-Петербург для обсуждения своих предложений «о начатии торгового пути в Индию» но вынужден был спустя время вернуться обратно в Оренбург, «не возымев, к огорчению... успеха о начатии предприятия... в пользу России торгового пути с Индией» [10, с. 141–142]. Как отмечает П.Е. Матвиевский, оренбургские правители и деятельный татарский купец Сеит Хаялин, основатель Сеитовской (Каргалинской) слободы задумали проложить караванный путь из Оренбурга до самой Индии. Составленный в этих видах проект торговой компании, утвержденный правительством в 1751 г., остался, однако, без исполнения [12, с. 108]. В то же время, Н.В. Козлова указывает, что в проекте Коммерц-коллегии 1754 г. ставилась задача: «В Хиву, в Бухару... коммерцию восстановить по-прежнему и определить караван башу за выбором купеческих людей, кои в караване идти пожелают». В 1759 г. Сенат принял прошение Р.И. Воронцова о создании компании для торговли с восточным побережьем Каспийского моря, Хивой и Бухарой. Компания получила монопольное право на торговлю со Средней Азией на 30 лет [11, с. 219].

В октябре 1763 г. Сенат подал доклад Екатерине II о взаимоотношениях с туркменами, развитии торговли с Хивой и Бухарой, в котором отмечал: «прежде нежели город Оренбург построен и там для азианского торгового учреждения, как хивинские, так и бухарские купцы, ездили для торгу в Астрахань сперва чрез реку Яик и простирающуюся от оной реки к Астрахани степь, а потом и чрез море на судах, от астраханских купцов к Мангышлаку высланных, тогда сия коммерция Астрахани, как известно, происходила с немалым успехом. Напротив того, только донные старания не прилагаются о распространении в Оренбурге коммерции, да и сами азианцы охоту к тому имеют, токмо почти непреодоленное в том препятствие находится по причине варварского и к воровству и грабительствам склонного киргиз-касацкого народа, чрез которой азиатским купцам в Оренбурге проезжать и возвращаться надлежит... И так, хивинские и бухарские ханы время от времени здесь домогались, что при продолжающемся с азианцами в Оренбурге и в Троицкой крепости торгу дозволено было их купцам торговать и в Астрахани по-прежнему и для перевода их высылать из Астрахани суда к Мангышлакской пристани, о чем и бывшей на последи в Москве в нынешнем 1763 г. хивинской посланник именем своего хана и всего общества усильно домогался, в чем ему некоторое обнадеживание при отпуске его и учинено» [15, с. 95–96].

В декабре того же года Коллегия иностранных дел направила указ к астраханскому губернатору Н.А. Бекетову, предписывавший направить экспедицию для обследования восточного побережья Каспийского моря, а также по вопросам взаимоотношений с туркменами и развития торговли с Хивой и Бухарой. В указе было выражено стремление «восстановить и сколько возможно, отвращая все препятствия, учредить порядочную и непрерывную с азиатскими областями, как-то, с Бухарией и Хивой коммерцию» [15, с. 98–99].

В 1797 г. в Непременном совете, который являлся предшественником Государственного совета, рассматривалась записка отставного майора Бланкеннагеля, переданная в этот государственный орган по распоряжению императора Павла I. По сведениям Е.В. Бунакова, в записке шла речь о перспективах покорения Хивинского ханства, которое должно было способствовать развитию русско-восточной торговли на среднеазиатском направлении и далее в Индию. Непременный совет счел данную записку достойной внимания и запросил мнение по этому вопросу оренбургского военного губернатора барона Игельстрема и главнокомандующего кавказскими войсками (в Грузии и Астрахани) графа Гудовича [5, с. 7–8].

Барон Игельстрем предложил обеспечить конвоирование торговых караванов через степи до Хивы, организовать в Оренбурге русские торговые конторы, которые бы занимались изучением восточного рынка, разрешить азиатским купцам самим продавать свои товары внутри России. Е.В. Бунаков, проанализировавший данный вопрос, отмечает, что у него сложилось впечатление, что барон Игельстрем «мало верит в реальность своих предложений», большинство из которых сводилось «к поискам добросовестных купцов» [5, с. 11–12]. Граф Гудович предложил для развития торговли с Хивой наладить военное сопровождение судов, идущих из Астрахани к восточным берегам Каспийского моря, чтобы они не были там разграблены кочевниками, а также основать военно-торговый порт на восточном побережье Каспия и построить там укрепление [5, с. 12].

Анализируя реакцию правительства на данные предложения местных властей, Е.В. Бунаков отмечает, что предложения о конвоировании торговых караванов не были поддержаны. По вопросу о строительстве порта и укрепления на восточном побережье Каспия и, в частности, на Мангышлаке Непременный совет постановил создать для обсуждения этого предложения специальный комитет. Высказанные замечания оренбургских и кавказских властей на значительные неудобства торговли с азиатскими странами вследствие запрещения ввоза в них из России металла, металлоизделий и хлеба, был рассмотрен Коммерц-коллегией, которая высказалась за разрешение вывоза указанных товаров из России, поскольку в обмен идут не предметы роскоши, а необходимое для русских фабрик сырье. Непременный совет согласился с этим мнением и был выпущен императорский указ, разрешающий вывоз золота, металлов и изделий из них, кроме оружия, а также хлеба через Оренбургскую, Троицкую, Астраханскую, Кизлярскую и Моздокскую таможи. «Иная судьба постигла предложение оренбургского военного губернатора о разрешении азиатским купцам самим продавать товары внутри России, – пишет Е.В. Бунаков. – Рассматривавшая этот вопрос Коммерц-коллегия отклонила полностью предложение» [5, с. 13].

Таким образом, можно видеть, что на протяжении XVIII в. вопросы развития русско-среднеазиатской торговли находились в поле зрения не только правящих кругов России, но и местных властей Астрахани и Оренбурга, которые, подчас, по разному видели ее перспективы и пути развития. Между местными властями в 1740-х гг. присутствовало определенное соперничество, вызванное желанием оренбургских властей сконцентрировать торговлю со странами Средней Азии в Оренбурге. Астраханские власти отстаивали право российских купцов самостоятельно выбирать способ ведения караванной торговли.

Во второй половине XVIII в. в правительственных кругах рассматриваются различные проекты, направленные на развитие торговли со среднеазиатскими ханствами через Астрахань, что свидетельствует о том, что город не потерял своего значения в системе русско-среднеазиатской торговли.

Список литературы

1. Абдураимов М. Первый русский купеческий караван в Ташкент (1738–1739 гг.) / М. Абдураимов // Известия АН УзССР. Ташкент, 1955. – № 6. – С. 87–93.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Ф. 77. – Оп. 1. – 1743 г. – Д. 12.
3. Аполлова Н. Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. / Н. Г. Аполлова. – М. : АН СССР, 1960.
4. Аполлова Н. Г. Особенности возникновения и развития городов Оренбургского края в XVIII в. / Н. Г. Аполлова // Города феодальной России. Сборник памяти Н.В. Устюгова. – М. : Наука, 1966. – С. 456–462.
5. Бунаков Е. В. К истории сношений России с среднеазиатскими ханствами в XIX в. / Е. В. Бунаков // Советское востоковедение. – М. – Л. : АН СССР, 1941. – Вып. 2. – С. 5–26.
6. Витевский В. Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. / В. Н. Витевский. – Казань, 1897. – Т. 3.
7. Воловников В. Г. Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах / В. Г. Воловников. – М. : Наука, 1986.
8. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 872.
9. Голикова Н. Б. Ташкент и его округа в 40-е годы XVIII в. по свидетельству очевидца / Н. Б. Голикова // Вестник Московского университета. – 1990. – № 6. – С. 14–23. – (Серия История).
10. Записки Ивана Ивановича Неплюева (1692–1773). Новое полное издание с примечаниями. – СПб., 1893.
11. Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. / Н. В. Козлова. – М., 1999.
12. Матвиевский П. Е. О роли Оренбурга в русско-индийской торговле в XVIII в. / П. Е. Матвиевский // История СССР. – М. : Наука, 1969. – № 3. – С. 98–111.
13. РГАДА. – Ф. 248. – Кн. 1167.
14. РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Кн. 314.
15. Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). – Ашхабад : АН ТуркмССР, 1963.
16. Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Издание Оренбургского губернского статистического комитета / П. И. Рычков / под ред. и с примеч. Н.М. Гутьяра, секретаря Комитета. – Оренбург, 1896.
17. Татищев В. Н. Записки. Письма. 1717–1750 гг. / В. Н. Татищев. – М. : Наука, 1990.
18. Торопицын И. В. «По прошению астраханского бухарского караван-сарая купеческого человека» (1726 г.) / И. В. Торопицын // Астраханский край в истории России XVI–XXI вв. / под ред. В. В. Ишина, И. В. Торопицына. – Астрахань : АГУ, 2007. – С. 29–31.
19. Торопицын И. В. Роль тайного советника В.Н. Татищева в развитии отношений России со Старшим казахским жузом во второй половине 1730-х гг. / И. В. Торопицын // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики : в 2 ч. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 1 (15) – Ч. 2. – С. 177–182.
20. Торопицын И. В. Новые данные о судьбе участников Хивинской экспедиции князя А. Бековича-Черкасского. 1718–1719 гг. / И. В. Торопицын // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. – Казань, 2016. – С. 266–273.
21. Чулков М. Историческое описание российской коммерции / М. Чулков. – М., 1785. – Т. 2, кн. 2.
22. Юхт А. И. Торговля Хивы и Бухары с Россией через Астрахань (20–40 годы XVIII в.) / А. И. Юхт // Позднефеодальный город Средней Азии. – Ташкент, 1990.

АСТРАХАНСКИЙ ФРОНТИР КАК МОДЕЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ В XVII–XIX вв.¹

Якушенков Сергей Николаевич,

доктор исторических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Туда, на родину арбуза,

Туда, где зреет ананас.

Владимир Соллогуб (Т-вой, при отъезде ее в Астрахань)

Когда в конце XIX в. историк из штата Висконсин Ф. Дж. Тёрнер в 1893 г. предложил научному сообществу свою теорию регионального развития американского Запада, огромные пространства Астраханской губернии постепенно утрачивали свои характеристики как фронтальной территории. Астраханская губерния постепенно переставала быть пограничной территорией, а границы Российской империи отодвигались все дальше на Юг. Правда, и сам американский фронт, по мнению многих американцев, также прекращал свое существование. В тот период термин фронт имел несколько значений. Это была, прежде всего условная линия, отделяющая освоенную территорию США от

¹ Работа выполнена по Государственному заданию N 35.6373, 2017/БЧ «Построение модели функционирования традиций и инноваций в пространстве фронта».

неосвоенной дикой земли, воспринимаемой американцами как незаселенной, так как местные племена коренных американцев, как правило, не жили оседло, а кочевали с одного места на другое. Племенные территории не имели четких границ, постоянно менялись, а племена непрерывно воевали друг с другом. Другим значением термина фронтир была военная линия нападения или сдерживания. Как правило, этот термин употреблялся в колониальном контексте в Британской империи, вынужденной держать во многих местах мира свою колониальную армию для завоевания новых территорий или охраны границ своих колониальных владений. В XIX в. оба значения данного слова были приемлемы к российской ситуации, так как в отдельных случаях это была именно условная линия, отделявшая российские поселения и города от еще не освоенных территорий, даже если они формально и принадлежали России. В отдельных случаях это был многослойный фронтир, так как в ряде территорий этот «водораздел» между российской и местной культурами проходил при активном влиянии (экономическом, политическом, культурном) других империй (Цинской, Отоманской, Персидской, Британской).

Однако, когда мы примеряем тернеровский подход к российским реалиям, российский фронтир оказывается не столь похожим на американский «прототип». Согласно Тёрнеру, американский Дикий Запад оказался той территорией, которая дала мощный толчок дальнейшему развитию США: «Дикий Запад, историческая Северо-западная территория сейчас является Центральным регионом Соединенных Штатов, а еще век назад это была сплошная дикость (wilderness), прерываемая лишь немногочисленными французскими поселениями и деревушками американских поселенцев вдоль реки Огайо и ее притоков...Сегодня этот район является краеугольным камнем американского сотрудничества. С 1860 года большая часть населения Соединенных штатов проживает в его приделах, а центр национальной промышленности располагается всего лишь в 8 милях от дома президента Мак-Кинли в Огайо. Из семи президентов, избранных в США с 1860 г., 6 были выходцами с Дикого Запада, и лишь седьмой из них был родом из района к Западу от Нью-Йорка» [4, с. 191].

Если первоначально Ф. Тернер был сторонником экспансионизма, т.е. такого видения истории, которая помещала исторический опыт США в особую, исключительную позицию по отношению к историческому опыту других стран. Особые условия Дикого Запада (фронтира) породили исключительную ситуацию среди американцев, старавшихся колонизовать эти территории. Эту ситуацию он характеризовал через призму эгалитарности, стремление к свободе, демократии и т.д. Наличие огромного количества свободных земель снижало уровень социального неравенства, сводило на нет социальные конфликты, и предоставляло жителям Дикого Запада уникальные возможности для самореализации [9, с. 157]. Правда, позднее сам Тёрнер заявлял, что и другие страны должны иметь свой фронтир: «сравнение американского опыта с опытом колонизации в таких странах, как Россия, Германия, и в английских колониях в Канаде, Австралии и Африке, может быть весьма продуктивно» [18, с. 19].

Все это ставит нас в весьма сложное положение относительно тернеровской теории фронтира. С методологической точки зрения, как мы уже сказали, тернеровская идея фронтира состояла в исключительности американского опыта, выразившегося в особых формах демократии, особом американском характере и т.д. Но одновременно он настаивал о возможности применения его теории и к другим странам, в том числе и России. Что собственно и было продемонстрировано многими американскими историками [5; 15–17]. Вместе с тем, вопрос остается открытым. Освоение новых земель на окраинах Российской империи выполняло схожие функции, что и освоение фронтальных земель в Америке: служило спусковым клапаном, выпускавшим лишний пар социального напряжения в центральных районах России, создавало новое переселенческое общество. Но российский фронтир не стал мощным стимулом формирования демократического общества (хотя, несомненно, принимал участие в формировании новых институтов), не выполнил функцию спускового клапана для снятия социальной напряженности и т.д., т.е. российский фронтир не отвечал основным параметрам тернеровского подхода, определенного сквозь призму теории зарождения (Germ theory). К данному примеру можно добавить и другие фронтиры, которые также, как и российский, не послужили основой для качественных изменений в их странах. А в отдельных случаях оказались примерами консерватизма, сохранения архаичных социально-экономических и культурных форм.

Вместе с тем следует понимать, что фронтирную теорию Тёрнера нужно воспринимать скорее в терминах продуктивной гипотезы, чем реальной теории. Тёрнер увидел во фронтире определенные закономерности и попытался одним из первых их показать и доказать. Кроме того, не следует воспринимать даже американский фронтир как единое целое и универсальное во всех отношениях. На самом деле мы можем говорить о множестве самых различных фронтирх, каждый из которых проявлялся по-разному и имел различные формы, так и тенденции развития. И речь здесь следует вести не только о различных региональных особенностях, но и стадийных (например, траперский, скотоводческий, земледельческий, шахтерский и т.д.). Весьма примечательно, что если южный фронтир (пограничный с Мексикой) воспринимался американцами как истинный фронтир (frontier), то территория, пограничная с Канадой определялась в США как пограничье (border, boundary) [19, с. 2]. Даже в этом факте мы видим двойственное отношение к двум территориям. В одном случае, южная территория воспринимается как нечто открытое, в другом, северная – заканчивающаяся границей, т.е. имеющая предел. Правда, как мы видим в последних тенденциях, американский президент желает и южную границу превратить в предел, отгородившись от южного соседа (точнее от мексиканцев) сплошной стеной, наподобие Великой китайской стены или римских лимесов (Валы Адриана и Антонина, Трояна и т.д.).

До сих пор американцы воспринимают пограничные районы с Мексикой как территорию хаоса, преступности и беспорядка. Может, поэтому П.Н. Лимерик предложила называть американско-мексиканскую границу с помощью термина фронтера, т.е. испанского аналога термина фронтир. Но для чего понадобился этот новый термин? Да просто старый подход к границе между этими двумя странами не отвечает научным потребностям. Феномен этой территории

невозможно описать с помощью устаревшего понятия границы (border). Современные границы уже не являются пределами, непроницаемыми для жителей. На этой территории, которая когда-то принадлежала Мексике, мы видим активный процесс рефронтира, т.е. такой ситуации, когда один из акторов, некогда утративший свое влияние на определенной территории (в данном случае мексиканцы), возвращает ее (заселяет, завоевывает, оказывает на нее значительное культурное и экономическое влияние и т.д.). Испанский язык во многих графствах южных штатов теперь является вторым по значимости. Во множестве южных городов имеются газеты, радио и телевизионные каналы на испанском языке, в некоторых школах идет преподавание на испанском языке и т.д.). Даже в таком американском городе США как Лас Вегас более 30 % жителей являются выходцами из Латинской Америки, значительная часть которых мексиканцы, что вполне закономерно, учитывая близость Лас Вегаса к границе с Мексикой. Все это серьезнейшим образом изменяет культурный ландшафт штата Невада, превращая его в особую поликультурную среду.

И это лишь один из примеров того, как фронтир может принимать разные формы. Если для Тернера фронтир это особая плотность населения, проживающего на данной территории, и в этом вопросе он следует определению Бюро переписи США как территории с плотностью не менее двух и не более шести постоянных жителей на квадратную милю [цит. по 7, с. 3], то для современных историков фронтир – «территория или зона проникновения между двумя ранее различными обществами» [11, с. 7].

Но такое определение не снижает значимости подхода Тёрнера в выделении и других признаков этой территории контактов. Кроме того, Тернер и сам уделял внимание вопросам культурных контактов пришлого и местного населения на фронтире. Хотя в то же время, фронтир в XIX в., да и для многих жителей США в XX в. это главным образом поток белых переселенцев, чьим предназначением было покорение Дикого Запада и спасение мира (Manifest Destiny). Но как бы то ни было, большинство историков и в прошлом, и в настоящем не отрицают того факта, что именно фронтир сформировал особую фронтирную культуру и фронтирного человека.

На основании всего вышесказанного мы можем определить территорию Нижней Волги как российский фронтир. При этом фронтирность этой территории сформировалась еще до момента продвижения России на эту территорию. Говоря о фронтирных характеристиках Юга России, австрийский историк А. Каппелер выделяет следующие параметры, представляя их в виде границы: «Степная граница России на Юге и Юго-Востоке была: географической (между лесом и степью); социально-экономической (между оседлым и кочевым образом жизни и формами хозяйства); религиозно-культурной (между христианизированными русскими и тюрко-монголоязычными мусульманами, буддистами или анимистами) и военно-политической» [2, с. 49].

Если не брать во внимание замещение понятия фронтир термином граница, который несколько упрощает проблему, низводя ее до разграничительной линии, то все параметры присутствуют в Астраханском фронтире. Может быть географический мы должны провести не на уровне разделения леса и степи, а на уровне степи и полупустыни/пустыни или полупустыни и поймы. Но, учитывая, что территория Астраханской губернии занимала огромную площадь, то данное замечание условно. По территории губернии проходило несколько фронтиров.

Астраханская губерния была многослойным фронтиром, так как здесь проходили зоны контактов русских с самыми различными культурами и народами. Один фронтир накладывался на другой, вытесняя предыдущий. Но кроме этого, Астраханская губерния являлась фронтиром не только в территориальном значении (как некая передовая, где российская цивилизация вклинивалась в культурные ландшафты других народов), но и идеологически, так как являлась и символом и двигателем такого важного этапа развития для многих государств как империя. Говоря об этом, мы не должны забывать, что фронтирные процессы нередко являлись и следствием, и стимулом имперских процессов во многих странах. Мы не вкладываем в термин империя никакого отрицательного значения, так как в данном случае для нас важнее определенный тип развития государства, направленный на расширение его границ, вовлечение других народов в орбиту своего влияния. И в этом плане Астрахань, если так можно выразиться, была актором этой политики. Она действительно находилась на передовой подобного развития длительный период существования российского государства. Выражаясь метафорически, по нашему мнению, Астрахань являлась полигоном имперскости Российского государства. Напомним, что Российская империя была провозглашена 22 октября 1721 г. Но это только дата, за которой ничего не стоит. Российское государство, как нам кажется, стало империей задолго до этой даты, и в этом плане Астрахань играла важнейшую роль в воплощении имперской идеологии. И эта роль ничем не уступала таким важнейшим центрам Российского государства как Петербург и Москва.

Хотя во многом термин империя условен и нередко употреблялся по отношению к самым разнообразным политическим организмам (здесь уместно вспомнить хотя бы Гаитянскую империю Жака I), Российская империя, образовавшаяся в начале XVIII в., во многом находилась на одном уровне с многими передовыми европейскими империями. В нашем понимании, империя складывается тогда, когда государство из регионального состояния вырастает до международного, становится организмом, чьи характеристики выходят за рамки политической, экономической, территориальной гомогенности. Все это проявляется как на уровне новой идеологии, так и на уровне имперских практик, выражающихся в конструировании нового имперского культурного ландшафта. И в этом имперская история астраханского фронтира весьма показательна. Астрахань оказывается передовым форпостом не только российского государства, но и передовым имперским городом, в котором активно и реализовывались имперские практики: государственного строительства, конструирования нового имперского культурного пространства (выражавшегося в активном перемешивании русской и региональных иноэтнических элит и культурных элементов), новых хозяйственных форм, отраслей экономики и т.д.

Стараясь избежать употребление термина империализм, подвергшегося компрометации еще в XIX в., мы, однако, вынуждены отметить, что сложно представить империю вне империализма, т.е. имперской политики, в которой

легко заметить два вектора: внутренний и внешний. Один направляет этот имперский посыл на территории и народы за пределами империи, а другой извне внутрь. Последний посыл нередко выражается в стремлении превратить империю в центр мира, создать аналог многомерности пространства, выражающегося в построении таких гетеротопий, которые бы воплощали в себе пространства других стран, этносов, земель и т.д. Именно эти гетеротопии воплощают в себе «чувство мессианской избранности у ее правящей элиты и тесное переплетение космогонии и символической репрезентации верховной власти» [1, с. 14].

Таковыми примерами имперской гетеротопии являются музеи, сады, дворцы, храмы и т.д. Именно создание или основание (конструирование) подобных имперских пространств и озаглаивают империю. Примечательно, что многие подобные проекты петровской имперскости предвосхищали создание или точнее провозглашение империи. Астрахань играла в этих проектах не последнюю роль. Здесь воплотились многие передовые начинания российского императора. Хотя справедливости ради следует заметить, что ряд подобных проектов был начат задолго до этого, еще в начале XVII в. Достаточно упомянуть, что именно Астрахань является одним из первых центров российского виноделия. И хотя, казалось бы, это частный случай, не связанный с имперскостью, но это только на первый взгляд, так как именно стремление привнести на свою территорию чужие растения, чужих животных, привезти предметы чужих народов, собрав их в музеях, кунсткамерах и прочее и является символами и функциями имперскости. Астрахань в этом плане представляет нам уникальный вариант имперских попыток «собрания» чужих растений, и даже животных. 26 октября 1720 г. Петр I посылает именным указ Астраханскому губернатору Волынскому «О заведении в Астрахани Аптекарского огорода, виноградных садов и конского завода Персидских пород». Указ предписывал: «1. Завести в Астрахани Аптекарский огород, также сделать оранжерею и держать вывозимые из Персии деревья и травы (которые не могут в городе зимовать) и для приготовления трав, которые потребны в Аптеку, взять из Санкт-Петербурга в Астрахань аптекаря, да огородника. 2. Которые виноградные сады при Астрахани, из того винограда делать горячее вино, а вместо того для вин завести виноградные сады в Гребенях. 3. Завести при Астрахани овчарные заводы, для которых взять несколько из тех овчаров, что из Шлезии; а также для овец посылать в горы и другие места; ... 6. Купить в Персии буйволов пятнадцать пар... 11. Завести в Астрахани чистых лошадей от Персидских жеребцов и от Черкасских кобыл, и к тому заводу для надзирания и наездки взять из шведских арестантов прапорщика Рутова, который в Саранске, да стремянного конюха Ивана Ченцова» [3, с. 251–252].

Мы здесь не будем подробно анализировать роль подобных указов в конструировании имперскости, сошлемся на специалистов по данному вопросу [8; 10; 12; 14]. К сожалению, данная тема не получила пока еще должного рассмотрения, и нет пока еще сложившегося понятийного словаря, с помощью которого можно было бы описать данный процесс. Вместе с тем роль России в том, что Л. Шебингер называет “colonial bioprospecting” – колониального биопроспектирования или колониальной биоразведки высока. Россия довольно-таки рано стала частью мировой торговой системы биологическим материалом, как правило, медицинским [13], но не только. И Астрахань играла в этом вопросе не последнюю роль. Об этом можно судить хотя бы по тому факту, что упомянутый ранее Аптекарский огород был создан здесь третьим в России. Первый огород был создан в Москве в 1706 г., но затем, по указу Петра, Аптекарский приказ в 1712 г. переезжает в Санкт-Петербург, где и начинает в 1713 г. свою новую жизнь. Таким образом, с учетом этого факта, Астраханский аптекарский огород можно считать даже не третьим, а вторым крупнейшим аптекарским огородом в стране. Аптекарский огород, ставший предтечей российских ботанических садов, как нельзя лучше отвечал задаче формирования государства нового типа. Хотя, прежде всего перед подобными учреждениями стояли сугубо прагматические цели, сам по себе ботанический сад воплощал в себе особую идею макрокосма, т.е. воплощенного пространства мира, в котором, как в райском саду, собраны разные растения со всего света [5, с. 282–284].

Именно этот факт, наряду с многими другими, доказывает особый статус Астрахани в формировании научной системы Российской империи.

К сожалению, в силу формата статьи, у нас нет возможности подробно проследить формирование фронтального культурного ландшафта в Астрахани, вместе с тем, даже беглый анализ показывает, что во многих вопросах астраханская провинциальная культура могла соперничать со столичной. Астрахань, хотя и оставалась провинциальным городом, однако именно здесь выкристаллизовывались параметры современной российской культуры.

Список литературы

1. Герасимов И. Языки самоописания империи и нации как исследовательская проблема и политическая дилемма. От редакции / И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семенов // *Ab Imperio*. – 2003. – No. 1. – P. 11–22.
2. Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI – XVIII веках / А. Каппелер // *Ab Imperio*. – 2003. – No. 1. – P. 47–64.
3. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (1720–1722 гг.). – Санкт-Петербург, 1830. – Т. 6.
4. Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории / Ф. Дж. Тернер. – М.: Весь мир, 2009.
5. Якушenkova O. C. Между природой и цивилизацией: культурное наследие и культурная безопасность китайского парка / O. C. Якушenkova // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2015. – №4. – С. 282–286.
6. Bassin M. Turner, Solov'ev, and the “Frontier Hypothesis”: The Nationalist Signification of Open Spaces / M. Bassin // *The Journal of Modern History*. – 1993. – Vol. 65, no. 3. – P. 473–511.
7. Billington R. A. Westward Expansion: A History of the American Frontier / R. A. Billington. – N-Y.: Macmillan, 1960.
8. Colonial Botany: Science, Commerce, and Politics in the Early Modern World / ed. by L. Schiebinger, C. Swan. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2016.
9. Cronon W. Revisiting the Vanishing Frontier: The Legacy of Frederick Jackson Turner / W. Cronon // *The Western Historical Quarterly*. – 1987. – Vol. 18, no. 2. – P. 157–176.
10. Harrison M. Science and the British Empire / M. Harrison // *Isis*. – 2005. – Vol. 96, no. 1. – P. 56–63.

11. Lamar H. *Comparative Frontier History* / H. Lamar, L. Thompson // *The Frontier in History: North America and Southern Africa compared* / ed. Howard Lamar and Leonard Thompson. – New Haven : Yale University Press, 1981.
12. Osborne M. A. *Science and the French Empire* / M. A. Osborne // *Isis*. – 2005. – Vol. 96, no. 1. – P. 80–87.
13. Romaniello M. True rhubarb? Trading Eurasian botanical and medical knowledge in the eighteenth century / M. Romaniello // *Journal of Global History*. – 2016. – No. 11. – P. 3–23.
14. Schiebinger L. *Plants and Empire: Colonial Bioprospecting in the Atlantic World* / L. Schiebinger. – Cambridge : Harvard University Press, 2007.
15. Shaw D. J. B. *The Frontier Experience in Romanov Russia* / D. J. B. Shaw // Pallot J., Shaw D. J. *Landscape and Settlement in Romanov Russia, 1613–1917*. – Oxford : Oxford University Press, 1990. – P. 13–32.
16. Treadgold D. W. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of the American Frontier / D. W. Treadgold // *Agricultural History*. – 1952. – Vol. 26, no. 4. – P. 147–152.
17. Treadgold D. W. Siberian Colonization and the Future of Asiatic Russia / D. W. Treadgold // *Pacific Historical Review*. – 1956. – Vol. 25, no. 1. – P. 47–54.
18. Turner F. J. *The Significance of Sections in American History* / F. J. Turner. – N-Y. : Holt, 1932.
19. Webb Prescott W. *The Great Frontier* / Prescott W. Webb. – Austin : University of Texas Press, 1964.

ПЕТРОВСКИЕ ГОРОДА: ИСТОРИЧЕСКАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ, МИГРАЦИЯ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ АСТРАХАНСКОГО КРЕМЛЯ И БЕЛОГО ГОРОДА

Васильев Дмитрий Викторович,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Гречкина Татьяна Юрьевна,

кандидат исторических наук, научно-производственное учреждение «Наследие», г. Астрахань

Шандер Елена Николаевна,

кандидат исторических наук, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Астраханский кремль и Белый город представляют собой комплекс кирпичной крепости, построенной во второй половине XVI – первой половине XVII вв. Из этого комплекса сохранился до настоящего времени лишь Кремль, объект культурного наследия федерального значения, который занимает западную часть Кремлёвского бугра. Исторически за ним сохранились такие названия как «Заячий», «Долгий» или, по-татарски, «Шабан-тюбе». Очень интересное мнение высказала Е.В. Гусарова о том, что название бугра «Заячий» является всего лишь русской огласовкой его татарского названия «Саинчи» [17, с. 31]. В основе этого слова лежит корень «саин», означающий «благородный», «справедливый», «превосходный». Именно таков был посмертный титул внука Чингиз-хана, Бату, которого письменные источники называют «Саин-хан». По мнению Дж. Бойла, этот титул означает применительно к Бату не вышеозначенные определения в превосходной степени, а просто «покойный» [6, с. 28–31]. Подобный уважительный топоним предполагает некоторую предысторию данного места. Возможно, на Саинчи-тюбе («бугре покойных») располагалось кладбище золотоордынского и ханского времени, которое почиталось местным населением. Некоторые результаты археологических исследований на территории Кремля позволяют с осторожностью принять эту версию.

Восточная часть бугра была занята территорией Белого города – городского посада, возникшего одновременно с Кремлём. Стены его на настоящий момент не сохранились, они были разобраны в начале XIX в. ввиду полного обветшания. На территории Белого города сохранилась историческая планировка, в общих чертах сформировавшаяся в XVI в. Однако, хотя культурный слой Кремля и Белого города составляют единое целое, на государственной охране они стоят как два самостоятельных памятника: «Культурный слой Заячьего (Долгого) бугра», середина XVI–XIX вв. и «Культурный слой Белого города», XVI–XIX вв.

На момент включения Астраханского ханства в состав Московского царства город, имевший татарское наименование Хаджи-Тархан, располагался на правом берегу Волги, на городище «Шарёный бугор», примерно в 11–12 км выше по течению от центра нынешней Астрахани [18, с. 119]. Основная часть городской территории Хаджи-Тархана до наших дней не дошла, она была частично смыта изменившей русло рекой, а частично застроена в 1950–1960-х гг. посёлками АЦКК и Стрелецкое в ходе возведения целлюлозно-картонного комбината. В исторической литературе неоднократно освещался вопрос, связанный с переносом Астрахани на правый берег. Наиболее глубокий анализ ситуации и обстоятельств строительства нового города содержится в книгах И.В. Зайцева и Е.В. Гусаровой. Они предполагают, что к этому времени могло существовать два татарских города, приводя цитату из Разрядной книги: «А как государевы воеводы (имеются в виду стрелецкий голова Иван Черемисинов и казачий Михайла Колупаев – прим. авт.) ... на Астрахань приходили, и было в Астрахани два города плетёны камышу и насыпаны землёю» [24, с. 36]. При этом они сходятся на мысли, что Астрахань могла в этот период представлять собою не постоянный, а ежегодно возобновляемый город, кочевую ставку, окружённую такой вот примитивной стеной, сделанной из камышовых плетней с внутренней засыпкой землёй [19, с. 167]. Естественно, что подобного рода укрепления были непрочными и недолговечными. Археологические исследования, проведённые на городище «Шарёный бугор» в 1966 году, не выявили там слоёв XV в. [16, с. 44–89]. Видимо, город стал опасным для постоянного поселения, да и экономический уклад Астраханского ханства деградировал с золотоордынских времён. Учитывая желание русского царя укрепиться в Нижнем Поволжье надолго, воевода Черемисинов в первое время пытался обосноваться в развалинах татарского города, укрепив его по возможности, но уже к осени 1556 г. начал подыскивать место для нового поселения за рекой, поскольку степное правобережье было открыто для нападения со стороны Крыма. Полупорухенный город на правом берегу, находившийся в упадке, русские поселенцы не надеялись удержать в случае внезапного нападения крымских татар. Более того, уже в 1557–1558 гг. русское войско описывается в ногайских грамотах русскому царю как стоящее в урочище «Кунгуль». О его местонахождении можно судить по тому, что С.Г. Гмелин и П. Неплюев в XVIII и XIX вв. соответственно писали об упоминающемся в татарских сказаниях городе «Чунгур» «в 7 верстах от Астрахани, за Казачьим бугром», где «находили серебряные и золотые «татарские» украшения, монеты и др.» [19, с. 168], т.е., русское войско встало лагерем на безопасном левом берегу Волги и ожидало царского решения о строительстве города. Мы согласны с Е.В. Гусаровой, что город «Чунгур» и урочище «Кунгуль» – это одно и то же. Судя по описанию, они локализируются на месте городища Мошаик на р. Прямая Болда, которое как раз располагается «за Казачьим бугром» относительно центра нынешнего города.

Е.В. Гусарова упоминает о грамотах и списках «астраханской присылки» в описях царского архива XVI в., которые относятся к сентябрю 1556 г. – от Черемисинова и к июлю 1557 г. – от Колупаева, предполагая, что эти грамоты посвящены во многом выбору и обмерам места для нового города, а также расчётам строительного материала для его возведения. «Ключаревская летопись» цитирует слова Черемисинова, обращённые к царю: «А как городу быть, ... я начертил, где мы живём все здорово; на первый раз леса не надо, а рубить подле бугра, его тут есть очень много. Пожалуй, Царь Государь, поскорее отпусти своё повеление» [10, с. 7]. Отсюда видно, что строительство нового города было делом государственного уровня, и местные воеводы не могли приступить к работам по его возведению без государева повеления. Видимо, реляции воевод инициировали процесс подготовки к строительству нового города. Был составлен план по присланным чертежам, начал готовиться строевой лес, как это было в случае со строительством Свияжска. Более того, Е.В. Гусаровой удалось установить обстоятельства и точное время закладки русской Астрахани. Весной 1558 г. к Астрахани отправился дьяк разрядного приказа Иван Выродков, которому было поручено строить новый город и вступить в права воеводы, сменив Ивана Черемисинова. Сопровождал его английский посол в Персию Энтони Дженкинсон, который и оставил первое описание русской Астрахани. Огромный караван в 500 судов прибыл в Астрахань в середине июля 1558 г. Видимо, в составе каравана были суда-беляны, подлежавшие разборке на строительный лес [17, с. 32–33]. Закладка города состоялась через две недели, 1 августа 1558 г., о чём можно судить по сведениям, которые приводит Адам Олеарий [21, с. 524]. Он в 1636 г. наблюдал в этот день празднование астраханцами дня основания города, которое приходилось на церковный праздник Происхождения честных Древ Животворящего Креста Господня, в который, по преданию состоялось крещение Руси. Чин закладки города был предписан градостроителям из Москвы: «А на том месте, где по их рассмотрению, городу быти, изготовя лес, прося у Бога милости и у пречистой Богородице помощи и у всех святых и пев молебен, город обложить» [4, с. 185]. Таким образом, закладку первого деревянного кремля и основание русского города Астрахани следует отнести к 1 августа 1558 г.

Удачное расположение нового города было подтверждено не раз историческими событиями, этот же факт был зафиксирован ещё в Ключаревской летописи: «... бугор сей огражден самой природою: со стороны к востоку окружен не проходимыми болотами, тинами, солончаками и частию лесом, с севера Волгою, тремя реками и большими ильменями, с полудня глубочайшим соляным озером до самого бугра и тремя протоками к полудню, с запада Волгою, так что за 10 верст подойти к нему было невозможно, кроме лодок, коих в то время татары не имели» [10, с. 5].

В фондах Астраханского музея-заповедника хранятся планы поэтапного формирования застройки на территории Кремлёвского бугра, реконструированные на основании многочисленных архитектурных шурфовок и раскопок сотрудниками Центральных научно-реставрационных проектных мастерских под руководством А.В. Воробьёва и Л.А. Потапова. В ходе реконструкции застройки и определения местоположения различных башен и объектов на территории Астраханского кремля реставраторы сопоставляли результаты раскопок с имеющимися историческими планами, а также с зарисовками и гравюрами многочисленных путешественников, наблюдавших кремль на разных этапах его истории.

Для реконструкции деревянного кремля наибольший интерес представляет схема «Астраханский кремль во второй половине XVI века». Она составлена целиком и полностью на основании археологических шурфовок и наблюдений за культурным слоем после сноса ветхих строений в кремле, предшествовавших масштабной реставрации кремля в 1950–1960-х гг., поскольку изображений деревянной астраханской крепости нам не известно. Возможно, схема эта во многом умозрительна и не полна. Однако, некоторые результаты археологических раскопок, проводившихся авторами настоящей статьи, позволяют относиться к ней, как к достоверной реконструкции. На схеме изображен первоначальный кремль с деревянными стенами и башнями и примыкающий к нему с востока деревянный же острог. Изображение наложено на чертёж современной территории кремля и Белого города. Деревянный кремль имеет треугольную форму. В линию стен встроено шесть башен. Глухие башни показаны на схеме квадратными. Одна из них, северо-восточная угловая, находится на месте башни с Никольской надвратной церковью, западная угловая – на месте современной Крымской башни, юго-восточная угловая – на линии южной стены кремля, напротив современного здания Консистории. Посередине южной деревянной стены, метрах в 30–40 западнее современной Житной башни располагается глухая квадратная деревянная башня. Проездные башни показаны на схеме многогранными. Одна из них, выходящая к Волге, расположена на месте нынешней башни Красные ворота, однако, она выглядит значительно меньшей по размеру. Ещё одна проездная башня расположена на линии восточной деревянной стены кремля, примерно в 20–30 м к востоку от северо-восточного угла ныне существующего здания офицерских светлиц. Местоположение башни приходится на перекрёсток главной улицы кремля от Пречистенских ворот до башни Красные ворота с основным поперечным проездом, ведущим от Никольских ворот вдоль здания Консистории на юг. Таким образом, первоначальная территория, занятая деревянным кремлём, рисуется примерно на одну третью часть меньшей, чем занимает современный кремль. О том, что восточная стена деревянного кремля располагалась значительно западнее своего нынешнего положения, пишет и Е.Л. Хворостова, проводившая раскопки вокруг Успенского собора и установившая, что этот участок территории Кремля начал осваиваться лишь в конце XVI – начале XVII в. [27].

Территория внутри деревянного кремля разделена на две неравные части: северную и южную – главной продольной улицей, проходящей от восточной проездной башни к башне Красные ворота. К северу от улицы примерно на юго-восточном углу нынешней церемониальной площадки около Гауптвахты показано местоположение деревянной церкви Иоанна Богослова. У северного края современной аллеи между Гауптвахтой и башней Красные ворота, примерно посередине её длины, на схеме расположена церковь Воскресения Христова. Северо-западный угол

кремля занимает воеводский двор, западный угол, примыкающий к Крымской башне – Зелёный двор. Остальная территория разделена узкими улицами, ориентированными с севера на юг на кварталы жилой застройки.

Наиболее дискуссионным вопросом в современной астраханской исторической науке при рассмотрении изначальной планировки астраханского кремля является вопрос о местоположении астраханского Раската.

Раскат – традиционное для русского фортификационного зодчества сооружение, часто упоминается в документах XVII в. как специально предназначенное для размещения артиллерии и стрелков. По сути – это крепостная башня с плоской площадкой наверху. Иногда оно представляло собой либо невысокую земляную насыпь с бруствером вблизи городских стен, либо деревянную надстройку над башнями [25, с. 53]. Высокое расположение пушек позволяло вести с раската огонь на дальние расстояния и подавлять батареи противника. Попасть же из пушки с поверхности земли по пушкам на раскате было практически невозможно, заставить их прекратить огонь можно было, лишь обрушив саму башню.

Раскаты существовали во многих крепостях. Например, башня Похвальский раскат упоминается в 1581 г. во Пскове, когда она служила весьма эффективным пунктом обороны города против войск Стефана Батория [5, с. 123–127].

Астраханский Раскат, как свидетельствует Ключаревская летопись «...был на самом высоком месте и имел два только заключения: первое – прощать или истреблять, второе – на таком высоком месте, на самом верху, четыре время года по ночам зажигать свет, по которому выходили русские из орд. На раскат вводили уже избитых, колесованных, без жил и без пяток, западными дверьми войты, а на определённом месте ударяли в вечевой колокол, по которому собирался народ: тут войты по мукам означали имена преступников, и первые кричали с раскату: «Пех!», народ отвечал: «Не пех!», опять кричат войты: «Не пех!», народ вторично кричал: «Не пех!». И таким образом освобождались мучимые. Но другие мучимые не сем же месте получали и конец. Войты кричали с раскату: «Пех!», народ также отвечал: «Пех!»; войты опять кричали: «Пех!» или «Перепех!», и когда народ весь закричит: «Пех!», «Перепех!», «Пех!», тогда осуждённый, стоявший на самом возвышении раската, сталкивался с раската» [10, с. 26–27].

Наиболее раннее упоминание Раската находится в описании путешествия купца Федота Котова в Персию в 1623 г.: «... А двор архиепископов блиско к собору. А раскат у ворот архиепископова двора деревянной, велик и высок о многих стенах» [29, с. 30], из чего явствует, что башня была многогранной («о многих стенах»). Единственное графическое изображение Раската мы можем найти на гравюре «Взятие Астрахани разинцами» Я. Стрюса [25, с. 104]. Гравюра сама по себе полна фантастическими подробностями – на горизонте за городом возвышаются горы. Кремль имеет многогранную форму, внутри кремля растут пальмы. Однако, рядом с кремлёвским собором в центре композиции изображена четырёхъярусная башня с зубчатой вершиной – два яруса кубических и два яруса круглых – у основания которой заседает казачий круг. С вершины башни казаки бросают вниз казнимых представителей городской верхушки.

Виднейший астраханский краевед А.С. Марков провёл подробное исследование местоположения башни Раскат и пришёл к выводу, что наиболее вероятным его остатком является Лобное место [20, с. 103]. Он связывал возведение раската с появлением в кремле первого каменного Успенского собора в конце XVI в. По его версии, Раскат одновременно исполнял роль колокольни при соборе и боевой артиллерийской многоярусной башни [20, с. 99]. А.С. Марков говорит, что примерно того же мнения придерживался и А.В. Воробьёв. Он рассказывает, что во время реставрации Лобного места был обнаружен «фундамент старой колокольни». На этом основании А.В. Воробьёв предположил, что Дорофей Мякишев использовал нижние ярусы колокольни под Лобное место. Внутренняя кладка напоминала приёмы мастеров XVII в. Кроме того, Лобное место с Раскатом сближает расположение под Раскатом, как и под Лобным местом, подвального или полуподвального помещения, которое использовалось для содержания казнимых или наказуемых. Та же мысль, о тождестве основания Раската и Лобного места повторена в книге «Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу» [25, с. 53].

Но есть и иная точка зрения на эту проблему. Именно к наивысшей точке Кремля, к вершине бугра, привязывал в своё время, по словам А.С. Маркова, местоположение Раската астраханский краевед Борис Петрович Богданов [20, с. 101]. Он полагал, что раскат находился в 30–35 метрах от западной стены Успенского собора и что это именно восьмая башня кремля. Ведь в царствование Фёдора Иоанновича велено было строить кремль с восемью башнями. А позже их оказалось только семь. Богданов попытался локализовать Раскат относительно известных кремлёвских строений на основании сведений о том, как производились казни на Раскате и куда бросали казнимых. Так воевода Прозоровский был сброшен «на зимний восток (т.е. на юго-восток) голова астраханских стрельцов Матвей Лопатин «на зимний запад (т.е. на юго-запад)», сын Прозоровского Борис «на полночь (т.е. на север), против Троицкого собора», митрополит Иосиф «упал перед раскатными дверями к Успенскому собору...» [10, с. 27]. Основываясь на этих данных, Богданов составил схему расположения казачьего круга в кремле и квадратом выделил предполагаемое место Раската. Ныне здесь находятся газоны и асфальтовая дорожка, ведущая к зданию Консистории (бывшему художественному училищу). В заключение краевед заявил, что фундамент Раската или его остатки должны существовать и обнаружить их помогут лишь раскопки. Возразим, однако, что если выемка грунта в этом месте в конце XVIII века производилась на 1,5–2 метра, то основание башни могло и не сохраниться, ведь она, будучи возведена одновременно с деревянной кремлёвской стеной, наверняка не имела каменного фундамента. Следовательно, вопрос о местоположении Раската продолжает оставаться открытым.

В 1582 г. было начато строительство кирпичного кремля. Руководили работами специально присланные из Москвы градодельцы Михаил Вельяминов, Григорий Овчин и особый дьяк Дей Губастый [25, с. 43]. Как сообщает «Ключаревская летопись», по царскому указу был «выдан чертёж на построение кремля каменного, в окружности не бо-

лее, как стоял старый палисад», предписывалось поставить в кремле восемь башен: в опасных местах – большие, а в прочих – малые, чтобы все были «о трёх бойницах». С восточной стороны требовали построить большую башню для «удобства подъезда» [10, с. 7].

Что же это был за «чертёж», по которому строился Астраханский кремль? На это вопрос даёт ответ в своём исследовании известный астраханский краевед Г.Э. Гибшман [12, с. 465–469].

Он проанализировал с источниковедческой точки зрения широко известный план города Астрахани, авторство которого приписывается Адаму Олеарию и заметил некоторое несоответствие с историческими реалиями. Он сразу заметил удивительное сходство стиля изображения города со средневековыми планами русских городов, которые изготовлялись в голландских и других странах мастерами. Поражает идеальная, похожая на современную, планировка города с прямоугольными кварталами, широкими и прямыми улицами. Кроме того, Г.Э. Гибшман обнаружил на плане отсутствие Долбиловского монастыря, находившегося чуть южнее Крымской башни кремля, который был построен в 1623 г., и который Олеарий непременно должен был видеть. Кроме того, в кремле не обозначен каменный Успенский собор, который был выстроен в 1602 г., и который также должен был видеть и отметить на столь подробном плане Олеарий. Отсутствуют также многие другие уже существовавшие объекты – Зелёный двор, приказная изба и духовная консистория. Однако, на плане присутствуют объекты, которые Олеарий не мог видеть – в северо-западном углу территории Белого города показана церковь Николы Гостинного, которая построена в 1721 г. Кроме того, на плане не на своём месте, а на другой стороне Большой Продольной улицы Белого города отмечена Входа-Иерусалимская церковь, которая также выстроена позже – в 1699 г. Ещё одна церковь – Знаменская – попала в квартал, размещённый восточнее, т.е., тоже не на своё место. Основана она также была значительно позже – в 1751 г. Не на своём месте показан Спасо-Преображенский монастырь. На Большой продольной улице восточной её части расположены две церкви, хотя хорошо известно, что там находилась всего одна церковь во имя Рождества Богородицы. Между тем, на плане Николаса Витсена, составленном в 1693 г. и отображающем реалии 1664 г., мы наблюдаем более реалистичную картину. Здесь правильно отображены три части города – кремль, Белый город, Земляной город. В кремле показаны Успенский собор и Раскат, за Крымской башней обозначен Долбиловский монастырь и т.д. Сопоставляя все эти факты, Гибшман делает вывод, что это не план существующего города, а, если можно так сказать, проект будущего города, т.е. чертёж, как должен быть устроен город и, несомненно, этот чертёж был изготовлен иностранным специалистом, возможно – голландцем, в городе Москве, по заданию Московских властей. Адам Олеарий в Астрахани получил возможность ознакомиться с генеральным планом застройки города и скопировал его, благодаря чему он и дошёл до нас. Кроме того, Олеарий объединил в одном плане уже построенный кремль и ещё только строившийся Белый город, который на момент пребывания путешественника в Астрахани ещё не вполне был отстроен.

Из-за отсутствия топлива для обжига оказалось невозможным организовать производство строительного материала на месте, поэтому мастера использовали квадратный обожжённый кирпич, привозимый из разрушенных золотоордынских городов. Этот стройматериал, по свидетельству Адама Олеария, доставлялся для строительства Астраханской крепости с развалин, имевших название «Царёвское городище», расположенных недалеко от Царицына, которые считались остатками столицы Золотой Орды. Помимо кирпича, русские мастера употребляли в дело строительство крепостных стен и башен и «старое связующее»: затвердевший раствор вновь пережигали и использовали «в кладку пополам с новой известью». Сведения о постройке кремлёвских стен из золотоордынского камня подтверждаются другими источниками. Так, глава нидерландской Ост-Индской компании Николас Витсен, приводит рассказ русского воеводы (имени которого не называет), руководившего вывозом из развалин золотоордынского города Сарая («разрушенного города Охтубы») камня для постройки и ремонта стен астраханской крепости. По его свидетельству, «там можно было найти камни для 10 городов».

Отмечается не только изобилие этого экзотического для тех мест материала, но его многообразие и художественная отделка: «мрамор чёрный, белый и зелёный... красивые пилястры, великолепные полы из камня, блестящие, как железо, очень крепкие, ещё и другие камни, теперь неизвестного сорта...». В документах Астраханской приказной палаты XVII в. многократно упоминаются «кирпичные татары», жившие у реки Ахтубы и промышленно поставками в Астрахань кирпича и других материалов из развалин древнего города, а также посылавшиеся «за государевым кирпичом на Ахтубу» стрельцы и каменщики [25, с. 43–44].

На планах и чертежах шурфов, выполненных реставраторами кремля в 1950–1960-х гг., отражены и фундаменты кремлёвских стен, выложенные из мощных валунов, перекрытых кладкой из ордынского кирпича на известковом растворе, а также следы деревянных надолбов – основ крепостных сооружений первого кремля, расположение которых совпадало отчасти с расположением кирпичных стен, ведь по приказу царя строить новые стены было нужно по контуру старого «палисада».

Архитектурные исследования показывают, что стены кремля не являются сплошь кирпичными. Они строились на фундаменте из бутового камня в технике панцирной кладки – возводились внешний и внутренний панцири стен из целых кирпичей, внутренние полости стен заполнялись обломками и глиной, после чего плотно утрамбовывались. В качестве подтверждения можно привести имеющиеся фотографии разрушенных стен кремля до реставрации середины XX в. [25, с. 173–174].

Астраханский кремль нельзя назвать достаточно полно исследованным в археологическом отношении, поскольку здесь всегда строительные работы опережали археологические исследования, которые, в целом, носили спорадический характер и проводились, главным образом, архитекторами-реставраторами или по их заданию.

В 1950 г. архитектором А.В. Воробьевым были сделаны шурфы по периметру кремлевских стен. Им же в 1959–1974-х гг. в ходе подготовки к фундаментальной реставрации был подготовлен реставрационный проект, а также архитектурные схемы развития и застройки кремлёвской территории.

В 1973 г. археолог Е.А. Толмачев провел раскопки внутри Успенского собора, выявив остатки кладки первоначального здания собора, построенного в 1602 г. из золотоордынского кирпича [15, с. 465–469], а также некрополь, состоящий из захоронений церковных иерархов: в подклете собора был исследован ряд захоронений, в том числе могилы грузинских царей Вахтанга VI и Теймураза II. Оба этих царя были представителями династии Багратиони. Вахтанг VI был правителем одного из грузинских княжеств – Картли, занимавшего территории нынешних краёв Квемо-Картли и Шида-Картли на востоке Грузии. Он правил с 1701 по 1711 г. и в 1719–1724-х гг. В 1722–1723 гг. Пётр Великий, опираясь в том числе на силы Вахтанга, предпринял персидский поход. В борьбе с персами Вахтанг потерпел поражение и бежал в Россию, где жил в Москве и Астрахани, в которой в 1737 г. умер и был погребён. Не снижавший лавры на государственной ниве, он был гораздо успешнее в просветительской и образовательной сфере: основал типографию (где впервые был напечатан «Витязь в тигровой шкуре»), переводил персидские книги, писал стихи – для грузин он не только государственный деятель, но и крупнейший просветитель своего времени.

Теймураз II, сначала царь Кахетии, затем – Картли, был зятем Вахтанга. Во внешней политике ориентировался на Иран и Россию. В 1744 г. вступил на престол Картли, оставив в Кахетии своего сына Ираклия II. В 1758 г. совместно с царями Соломоном I и Ираклием II заключил военно-политический союз, по условиям которого Картли, Имеретия и Кахетия должны были помогать друг другу в случае нападения на союзника. Данный шаг можно считать одним из первых на пути объединения Грузии. В 1762 г. уже после смерти Теймураза его сыном Ираклием II было основано объединённое из двух царств Картли-Кахетинское царство, просуществовавшее до 1801 г., когда восточная Грузия вошла в состав России. Останки обоих царей, умерших в России, в настоящее время покоятся у южной стены в подклете Успенского собора Астраханского кремля. В 1943 г. могилы были потревожены – в Успенском соборе находился оружейный склад и плиты над погребениями просели под тяжестью ящиков со снарядами. Военврач подполковник Филиппов, участвовавший в данном предприятии, обратил внимание на череп царя Вахтанга, после чего забрал его для учебно-анатомических действий. Существует фотография, на которой Б.Т. Филиппов изображён держащим этот череп. Дальнейшая судьба черепа царя Вахтанга туманна. Грузинский археолог профессор Г. Гамбашидзе долгое время занимался поисками этого черепа. В 1982 г. он получил предположительно череп Вахтанга из рук сына Филиппова. Однако, по заключению профессора Г.В. Лебединской, заведующей лабораторией пластической реконструкции Института этнологии и антропологии РАН, этот череп не принадлежит Вахтангу VI, точнее не соответствует тому, который держит в руках на фотографии Б.Т. Филиппов. Таким образом, уточнить принадлежность ныне хранящегося в Институте антропологии Грузии черепа может только генетическая экспертиза [26]. В 1955 г. проводились предварительные раскопки в ходе реставрационных работ в кремле, без вскрытия могил. В феврале 1973 г. под руководством археолога Е.А. Толмачёва могилы были вскрыты при участии грузинских историков. Об этих раскопках вспоминал астраханский краевед А.С. Марков, который принимал участие в исследованиях в качестве художника: «Это было в феврале 1973 года, в усыпальнице Успенского собора, в нижнем храме, названном в честь иконы Владимирской Божьей матери ... В 1973 году здания кремля превращали в музеи. Требовалось сделать нижний храм пригодным для работы в зимнее время, чтобы проводить экскурсии, выставки. Отопление надо было провести вдоль стен, поэтому решено было перенести захоронения в другое место. Прежде они располагались у стен, под полом нижнего храма, а их перенесли ещё ниже, в подвал. Там захоронены грузинские цари Вахтанг VI и Теймураз II. Каждый из них почитал свою родословную. Вахтанг VI считал, что ведёт своё начало от библейского царя Давида, а Теймураз – от древних ариев. Вскрыв захоронение Теймураза, мы убедились, что он действительно считал себя потомком ариев. Он умер в Петербурге, где незадолго до смерти позировал лучшему придворному живописцу Алексею Антропову. Похоронен он был в том же костюме, что изображён на портрете. Все одеяние отлично сохранилось. На груди у него был золотой крестик. На лицевой стороне крестика вместе распятия была свастика. Я зарисовал этот крестик. Он был явно изготовлен специально для Теймураза, чтобы символ ариев всегда был у его сердца... На раскопки прибыла специальная комиссия из Грузии – профессор Георгий Павчавадзе, археолог Вахтанг Джапаридзе, заведующий фотолaborаторией Института истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили Николай Арчавадзе. Были и наши ученые» [13].

История Троицкого монастыря в Астрахани начинается с 1568 г., когда царь Иоанн Грозный, посылая сюда игумена Кирилла, повелевает ему устроить в городе «Николы Чудотворца монастырь общий». К 1573 г. игуменом Кириллом были выстроены: храм Живоначальной Троицы, к которому была прирублена «трапеза о шести сажень, да келарская о трёх саженьх, 12 келий, две погребницы с сушилами, хлебня и поварня». В 90-х гг. XVI в. новый игумен Феодосий, присланный в Астрахань, (будущий первый епископ Астраханский), провел работы по перестройке монастыря из деревянного в каменный. 13 сентября 1603 г. новый каменный Троицкий собор был освящён.

В 1623 г. на Пасхальной неделе в субботу в Троицком монастыре произошёл сильный пожар. Выгорели почти все здания обители. Из всех зданий в монастыре уцелели от огня только храм Входа Господня в Иерусалим и пять братских келий. Благодаря стараниям игумена Рафаила монастырь был восстановлен и просуществовал до конца XVII в. без ремонта и переделок.

В 1696–1700 гг. Троицкая церковь собора была перестроена. Вскоре после этого монастырь передали в ведение Троице-Сергиевской лавры, и он пришел в запустение. В 1765 г. Троицкий монастырь передали в гражданское ведомство, в нем разместились гражданские заведения, и здания монастыря обветшали до такой степени, что в

1806 г. Астраханское гражданское ведомство выступило с предложением о сломе всех сооружений монастыря. Оно было одобрено Сенатом, и только ходатайство астраханского архиепископа Братановского о превращении Троицкой церкви в теплый собор спасло архитектурный комплекс. В 1815 г. собор ремонтируется на средства купца Обезьянина. Только в ноябре 1865 г. Троицкий собор приспособили для использования в зимнее время [11].

Следующие ремонтно-реставрационные работы начались по истечении более ста лет, когда в 1973 г. Управление по охране памятников истории и культуры РСФСР рассмотрело и одобрило проект первой очереди реставрации комплекса Троицкого собора Астраханского кремля, разработанный Всесоюзным производственным научно-реставрационным комбинатом. Тогда же было решено провести в ходе реставрации археологические раскопки с северной стороны собора с целью выявления остатков разрушенной галереи. В апреле-мае 1979 г. силами студентов исторического факультета Астраханского пединститута под руководством Е.В. Шнайдштейн архитектурно-археологические раскопки были начаты у северного фасада Троицкого монастыря. Раскоп площадью 100 м² был заложен вдоль северного фасада собора, около его северо-восточного угла, менее нарушенного земляными работами.

В результате проведенных работ были обнаружены и исследованы фундаменты утраченной галереи-гульбища с северной стороны Троицкого собора. Следов первоначального деревянного храма, построенного согласно источникам, в 1568–1576 гг. на месте современного собора, не сохранилось. Обнаруженные во время раскопок фундаменты исследователь датировал 1597–1603 гг. На валунных камнях и золотоордынских кирпичах были отмечены следы пожара 1623 г., когда храм сгорел вместе со всеми монастырскими постройками, но вскоре он был восстановлен на первоначальном фундаменте. Следы восстановительных работ XVII в. также были обнаружены в юго-восточной части раскопа. В северо-восточной части раскопа были обнаружены следы реставрационных работ XIX в. Кроме того, в ходе работ по археологическому изучению территории, прилегающей к собору с севера, было обнаружено и исследовано 2 подпольных помещения, которые служили кладовыми. Также между стенами кладовой и валунами фундамента северной стены галереи был обнаружен и исследован склеп, по предположению учёных-археологов датируемый временем до постройки фундамента собора, поскольку валуны северной стены частично перекрывали позвоночник погребённого в склепе мужчины старческого возраста [30].

В 1983 г. у апсид Троицкого собора археологом П.М. Алешковским было исследовано 4 шурфа. Как отмечал исследователь, культурного слоя в шурфах им обнаружено не было. Автор связал это обстоятельство с близостью Троицкого собора – первого здания на территории Астраханского кремля. Археологические исследования, проводившиеся в 2016 г. С.Ю. Акимовским рядом с Троицким собором сопровождались сбором архивного материала о строительстве и реконструкциях, проведённых в 80–90 гг. XX в. [3]. На фотоснимках, запечатлевших отдельные моменты реконструкции, отчётливо видно, что с северной стороны от собора на расстоянии около 2 метров от стен снят мощный слой грунта. Вероятно, это было сделано для того, чтобы провести работы по укреплению фундаментов сооружения. Возможно, так же, что в ходе этих реставрационных и реконструкционных работ весь археологический культурный слой вокруг Троицкого собора был уничтожен. Этот культурный слой, скорее всего, был весьма значительным по мощности, поскольку Троицкий собор одно из первых зданий, построенных на территории Астраханского Кремля, и, следовательно, времени на образование культурного слоя вокруг него было очень много.

В ходе этих же работ 2016 г. на восток от алтарной части комплекса Троицкого собора в шурфе были обнаружены погребения в дощатых гробах. Скорее всего, погост образовался вблизи первой деревянной церкви, строительство которой предшествовало строительству каменного Троицкого монастыря.

В 1989 г. археологом НИПМ В/О «Союзреставрация» Ю.Ю. Васильевым и Е.Л. Хворостовой были раскопаны 4 шурфа у здания бывшей Консистории, а в 1990 г. им же были выполнены шурфы около здания бывшего Архиерейского дома. В результате раскопок удалось найти остатки галереи, проходившей вдоль южного фасада Архиерейского дома и обследовать его фундамент. Было установлено, что мощность культурного слоя у западной части южного фасада варьирует от 0,9 м до 1,6 м (в ямах), в целом же слой, сложенный в основном супесями с включениями строительного мусора, не превышает по мощности 1–1,2 м.

Более значительные по объёму исследования в том же районе проводились в 2001–2002 гг. под руководством Е.Л. Хворостовой [27; 28]. В результате этих работ было установлено, что культурный слой, образовавшийся на территории, прилегающей к Успенскому собору и Архиерейскому дому, содержит археологический материал, относящийся как к золотоордынскому времени, так и к XVII–XVIII вв. – времени интенсивного обживания Архиерейского двора. Слой состоял практически из строительного мусора, образовавшегося при ремонтных работах, которые, по предположению исследователей, могли происходить в 30-х гг. прошлого века, когда в кремле расположился военный гарнизон. Обнаружение в слоях артефактов золотоордынского времени исследователи связывают с хорошо известным фактом вторичного использования золотоордынского строительного материала для сооружения кремля, когда вместе с квадратным кирпичом в строящуюся Астрахань могли попасть золотоордынские мозаичные и майоликовые плитки, керамика и монеты.

Ограниченные раскопки на территории кремля – к юго-востоку от Троицкого собора и в зелёной зоне к западу от здания солдатских казарм – проводили в 2006 г. сотрудники Астраханского государственного объединённого историко-архитектурного музея-заповедника В.В. Плахов и Е.М. Пигарёв [23]. Раскопы были доведены только до уровня XVIII–XIX вв. и не позволили составить цельной картины о стратиграфическом строении изучаемых участков.

Новые данные об исторической планиграфии кремля позволили получить раскопки 2007 г., проведенные в юго-восточной части кремля сотрудниками ГНПУ «Наследие» Т.Ю. Гречкиной и Д.В. Кутуковым [15]. У северного фасада Архиерейского дома в слое желто-коричневого суглинка с углем, фрагментами красноглиняной и сероглиняной гон-

чарной керамики, костями животных и большим количеством обломков слюды были обнаружены остатки сгоревшего деревянного сооружения. Сохранился только нижний слой бревен диаметром до 30 см, судя по расположению которых, сооружение состояло из двух частей – восточной и западной размерами соответственно 435 x 280 см и 280 x 250 см. Во внутренней части восточного и западного помещений сохранились остатки пола из обуглившихся деревянных досок. Сооружение может быть датировано второй половиной XVI – началом XVII в.

К югу от восточной части Архиерейского дома было обнаружено более 50 погребений, из которых исследовано только 30. Захоронения были совершены в деревянных гробах, без инвентаря. Погребённые лежали вытянуто на спине, головой на запад. Руки скрещены на груди. Судя по всему, захоронения совершены согласно христианским канонам. Один медный нательный крест был обнаружен в верхних слоях раскопа. Отсутствие крестов в захоронениях объясняется следующим обстоятельством. Исследовательница русской средневековой погребальной обрядности Т.Д. Панова отмечает, что историки и археологи, изучающие культуру и быт средневековой Руси, до сих пор не задавались вопросом, насколько широко была распространена такая деталь обряда, как захоронение с символом христианской религии – нательным крестом [22, с. 158–159]. В городских захоронениях XI–XV вв. их зафиксировано крайне мало. Между тем, представление об обязательности погребения христианина с крестом на груди получило широкое распространение даже в научной литературе. Однако в письменных источниках нет прямых указаний на то, что крест был обязательной деталью обряда погребения. Археологические материалы позволяют изучить историю развития этой детали погребального обряда подробнее. Выясняется, что в домонгольской Руси захороняли покойных с нательным крестом крайне редко, в основном в двух регионах, где раннее принятие и активное распространение христианства привело к появлению крестов в захоронениях представителей феодальной верхушки и монашества (Киев и Новгород). Значительную часть таких погребений следует относить к монашеским, где помещение крестов было обязательным и соблюдалось строго. В захоронениях светских лиц крестов мало. Очень редки находки захоронений с крестами в период XIV–XV вв. Только начиная со второй половины XVI в. применение крестов как детали обряда становится более частым. В этот период уже до трети захоронений сопровождаются крестами; в отличие от раннего периода этим явлением уже была охвачена значительная территория. Так, например, в трёх захоронениях усыпальниц представителей правящего дома в Московском Кремле были найдены нательные кресты. Они зафиксированы также в виде вышивки на саванах, венчиках (налобных лентах) и куколях погребённых. В итоге выясняется крайне позднее (XVI–XVII вв.) появление традиции захоронения с нательным крестом в городских средневековых некрополях русских городов, окончательное закрепление которой нужно относить только к XVIII в.

Это православное кладбище, по всей видимости, также как и сгоревшее деревянное сооружение, существовало до постройки Архиерейских палат и тоже может быть датировано второй половиной XVI – началом XVII в. Оно возникло на территории, которая имела подобное назначение и в предшествующее время, о чем свидетельствуют два погребения с мусульманским обрядом захоронения, располагающиеся между православных могил. Ещё одно мусульманское захоронение было исследовано у СВ угла Консистории, причем, сохранилась только западная часть погребения, восточная часть была уничтожена при рытье траншеи. Погребение оказалось «коллективным», в нём была захоронена женщина 30–35 лет и 3 детей различного возраста – от младенческого до подросткового. По способу погребения и костяным «конькам», найденным в погребении, оно может быть датировано ханским временем. Об этом же свидетельствует амулет-монета – акче Менгли-Гирея, чекан Крыма, (год не читается). По предположению нумизматов, монета относится ко второму периоду правления Менгли-Гирея, т.е. к 1478–1515 гг.

В центральной части восточного фасада Консистории были расчищены остатки фундаментов и вымостки каменного крыльца, примыкавшего к зданию в XVIII–XIX вв., а также кирпичная наружная лестница, состоящая из восьми ступеней. В настоящее время каменное крыльцо с лестницами, ведущими в полуподвальное помещение и на верхние этажи здания, восстановлено.

К югу от здания Консистории в 2007 г. был заложен раскоп Д.В. Васильевым [9]. Здесь были исследованы культурные слои, относящиеся к самому малоизвестному периоду существования кремля – к 20–30-м гг. XX в. Был исследован попавший в раскоп погреб, являвшийся частью гарнизонного хозяйства. Здесь были обнаружены многочисленные ампулы из-под медикаментов, разнообразная посуда, в том числе многочисленные фрагменты тарелок и блюд с клеймом «РККА», а также большое число ёмкостей из-под парфюмерных принадлежностей – одеколонов, духов, пудры, которые входили в офицерское довольствие. Помимо этого, найдено множество специфических предметов военного назначения: патроны, гильзы и пр. Данный участок был перекрыт мощным слоем разрушения, содержащим многочисленные фрагменты архитектурного декора, который явно возник в ходе последней масштабной реставрации кремля в середине-второй половине XX в. Необходимо отметить, что в раскопе был прокопан стратиграфический шурф на глубину свыше 4 м до уровня материка с целью изучения характера культурных напластований. Шурф показал наличие культурного слоя однородной консистенции, состоящего из мелкого лёсса, смешанного с известью и угольками. Следы строительного мусора и архитектурные сооружения были выявлены только до глубины 1–1,5 м от поверхности раскопа. Такая ситуация могла сложиться лишь в случае одновременного заполнения малонасыщенным культурными остатками слоем какого-то грандиозного углубления, может быть оврага. Однако, естественные овраги на бэровских буграх, каковым является Кремлёвский бугор явление крайне редкое в силу отсутствия больших масс текучих или талых вод на поверхности бугров из-за сухого климата Нижнего Поволжья. Если же сопоставить местоположение раскопа (около южной стены Консистории) с архитектурной схемой «Астраханский кремль во второй половине XVI века», которая хранится в фондах Астраханского музея-заповедника, то происхождение «оврага» становится понятным. Это был городской ров, располагавшийся в 1558–1582 гг. вдоль восточной

стены деревянного кремля, который в процессе строительства кремля из кирпича в 1582–1589 гг. был единовременно засыпан землёй, но частично просел и превратился в ложбину-овраг. Следы этой ложбины можно ещё и сейчас наблюдать на противоположной стороне кремля – она образует спуск к Никольским воротам.

В 2009 г. сотрудником ОГУ «ГНПУ «Наследие» С.Ю. Акимовским велись исследования на наименее изученном участке – в «парковой зоне» Астраханского кремля, в его западной части: на ЮВ от Красной башни и на север от здания Цейхгауза [1]. В результате проведенных работ была выявлена часть кирпичного сооружения, стены которого базировались на небольшом по мощности, практически, условном фундаменте. Возможно, он предназначался для какого-то легкого сооружения – небольшого крыльца, либо тамбура перед входом в какое-то здание, хотя ни на одном из известных планов Астраханского кремля в этой его части не обозначено ни одно сооружение.

Масштабные охранно-спасательные археологические работы на территории кремля в 2012 г. под руководством Т.Ю. Гречкиной были направлены на выявление и сохранение новых объектов культурного наследия, а также получение новой исторической информации о времени становления города Астрахани и Астраханского кремля [14]. Эти исследования были продолжены в 2013 г. С.Ю. Акимовским [2]. Раскопки в юго-восточной части кремля на ЮВ от Архиерейского дома показали, что эта территория неоднократно подвергалась активному воздействию строительных и хозяйственных работ, связанных с реставрацией и перепланировкой территории кремля, в результате чего культурные слои второй половины XVI–XVII вв. сохранились эпизодически, а мощность из редко достигает 0,5 м. В западной части заложенного на этой площади раскопа в его нижней части выявлена восточная часть погоста, исследования которого были начаты в 2007 г.

В восточной части раскопа была вскрыта северная часть кирпичного здания XIX в. – нижней части стены и фундамента. По заключению архитектора-реставратора А.В. Рубцова, «незначительная глубина залегания подошвы фундаментов указывает на то, что здание было одноэтажным. По характеристикам кладки, кладочного материала и историческим исследованиям планов кремля обозначен период постройки и её назначение: здание «служб» было возведено во 2-ой половине XIX века. Вероятно, строительство велось достаточно спешно, поскольку даже при такой толщине несущих стен, они отклонились от вертикали. Позже пришлось возводить 2 кирпичных контрфорса со стороны западного фасада, не перевязанных с кладкой несущих стен». Верхняя часть здания была снесена при ремонтно-реставрационных работах в кремле, проводившихся в середине прошлого века под руководством А.В. Воробьева, поскольку здание было признано ветхим.

Ниже, с севера, под подошвой фундамента этого строения на глубине около 1,3 м от дневной поверхности был обнаружен фрагмент более раннего сооружения, возведённого из кирпича. Наличие сохранившихся деревянных труб, округлых гнёзд для достаточно больших ёмкостей, отдельных капель меди, остатков шлаков, даёт основание предположить, что это была небольшая медеплавильная мастерская.

На север от мастерской на глубине около 2,3–2,5 м от дневной поверхности зафиксированы остатки полов и печей от разновременных (в пределах нескольких десятков лет), по всей видимости, жилых сооружений. Монета первой трети XVII в. и другие находки, позволяют датировать выявленные объекты началом XVII – началом XVIII в.

В юго-восточном углу раскопа была расчищена часть деревянной стены, сложенная из вертикально и горизонтально расположенных брёвен. Как предположил архитектор-реставратор А.В. Рубцов, «по характеру и местоположению конструкции, можно предположить, что это могла быть стена-тараса деревянного кремля (1558-1588 гг.) или же более поздний сруб».

Интересной находкой стало и расположенное в 4 м на ЮВ от православного погоста захоронение женщины 25–30 лет, проведенное по мусульманскому обряду в грунтовой могиле с сырцовым закладом типа «домино». Череп имел следы монголоидной примеси (по определению Е.В. Перервы) и непреднамеренной искусственной деформации по типу «бешика». Погребение было выявлено на глубине около 2,5 м от современной дневной поверхности. Датировается оно золотоордынским или ханским временем. Мусульманское захоронение с сырцовой надмогильной конструкцией, захоронение женщины и детей с крымской монетой и захоронение в нижней части христианского погоста подтверждают предположение Е.В. Гусаровой о существовании бугре Саинчи-тюбе до строительства кремля мусульманского кладбища.

Археологические исследования, проведенные в западной части кремля, подтвердили данные письменных источников о том, что здесь находился стрелецкий городок или зона сплошной застройки, которая состояла, в основном, из полуземлянок. Они были выявлены под слоями активной техногенной и хозяйственной деятельности на глубине от 1,5 до 1,9 м от современной дневной поверхности в слоях XVII – первой половины XVIII в. Более поздние слои XVIII и XIX вв. были уничтожены, скорее всего, в середине XX в. при проведении реставрации и реконструкции кремля.

Жилые сооружения – полуземлянки, либо землянки сохранились они на высоту до 0,8–1,0 м, поэтому более точно определить характер выявленных сооружений не представляется возможным. Застройка западной части кремля была очень густой. Жилища располагались на небольшом расстоянии в 2–4 м друг от друга. Иногда их стены буквально соприкасались. Согласно письменным источникам, эти постройки просуществовали до 20-х гг. XVII в. Во время подготовки города к посещению его императором Петром I, губернатор А.П. Волынский приказывает освободить территорию кремля от жилых, культовых, надворных и прочих деревянных строений.

В процессе исследования многочисленных землянок и полуземлянок был выявлен основной алгоритм их сооружения: вначале копались котлован, который был больше самого жилища на 0,2–0,7 м. Затем в подготовленном котловане выкладывались из деревянных досок или брусьев стены. Пространство, образовавшееся между неров-

ными стенами котлована и деревянными стенами жилища, засыпалось материковым грунтом – иногда чистым, а иногда с примесью культурного слоя. Отапливались жилища печами, которые складывались как из обожженного кирпича, так и из сырцового. В одном из жилищ зафиксированы обломки слюды в большом количестве. Возможно, это была полуземлянка, верхняя часть которой имела окна.

При расчистке одного из жилищ, сгоревшего в результате пожара, возможно, 1623 г., в верхней его части было зафиксировано большое количество фрагментов сгоревших деревянных досок различной длины, которые располагались как под слоем горелой массы, так и внутри её и над ней. Это факт позволяет предполагать, что сооружение если и было вкопано в материк, то на небольшую глубину, а стены и крыша сооружения были деревянными. На площади сооружения при расчистке в слое горелой массы было обнаружено три практически целых сосуда, а между двумя горелыми досками обнаружены останки домашних животных, сгоревших при пожаре.

Но наибольшую научную значимость среди выявленных объектов представляет жилое сооружение, состоящее из двух помещений со встроенными в полуземлянку деревянными конструкциями, попавшими в раскоп только своей южной частью шириной до 112 см. Данный комплекс является уникальным и единственным в своём роде источником по истории домашнего быта населения русской Астрахани XVII в.

Сооружение погибло, скорее всего, во время пожара 1623 г., его перекрытия завалились вовнутрь и законсервовались, таким образом, все внутренне убранство дома. Сооружение состояло из двух помещений – западного и восточного. Судя по набору вещей в помещениях западное помещение было жилым, восточное служило кладовой. Перегородкой между помещениями служила стена из досок и печь, которая отапливала оба помещения.

Полностью конструкцию печи установить не удалось. Ясно только, что печь представляла собой сложное теплотехническое сооружение с дымоходом и топкой, которая располагалась под духовкой. Кирпичи пода духовки лежали очень непрочны, они шатаются и при простукивании издают гул, как будто под ними находится пустота. Таким образом, ниже духовки должна располагаться топочная камера. При расчистке духовки на вымостке пода из обожженного кирпича были обнаружены два керамических археологически целых горшка с остатками пищи на стенках. К западу от печи удалось проследить остатки деревянной конструкции, которая, скорее всего, являлась столом.

В восточном помещении были обнаружены 2 ручные мельницы в сборе, состоящие обе из двух каменных жерновов. Одна из мельниц была расположена около западной стены помещения. Она была установлена на штабель из целых обожженных кирпичей и мешок с запасом гончарной глины. Вторая ручная мельница располагалась к юго-востоку от первой поверх сгоревших деревянных конструкций лавки и рогожного мешка с зерном.

Вдоль южной стены помещения сохранились остатки деревянной лавки. Ножки лавки также были вкопаны в пол помещения. Сохранилась лишь западная часть лавки, на которой стояла вторая ручная мельница. К востоку от мельницы, вплотную к ней на лавке стоял кувшин, заполненный зернами овса. Под лавкой стоял рогожный мешок, сплетенный из стеблей чакана (рогоза), в которых хранили еще целые зерна овса. Вдоль восточной стенки помещения были прослежены остатки ларя. От него сохранилась параллельная стенке котлована деревянная перегородка. Пространство между перегородкой ларя и стенкой помещения было заполнено обугленными зернами овса, периодически встречались фрагменты рогожи. В ларе лежал перевернутый керамический горшок, в котором также было обнаружено обугленное зерно и фрагмент кожаного изделия. После окончательной расчистки ларя были обнаружены отпечатки досок, служивших дном конструкции. Стенки и дно ларя, скорее всего, были выстелены рогожей из чакана. К западу от первого ларя были прослежены остатки еще одной подобной конструкции в виде отпечатков досок на дне помещения. Возможно, это один и тот же ларь, только разделённый на два отделения продольной перегородкой.

В ходе исследования сооружения было принято решение о его консервации и дальнейшей музеефикации. В целях музеефикации исследование сооружения было приостановлено и проведена тщательная консервация всех объектов внутри помещений путём укрытия полиэтиленом с дальнейшей засыпкой данной части раскопа чистым песком.

Помимо сооружений на площади раскопов было выявлено несколько сотен ям различного назначения: столбовых, выгребных, мусорных и собран очень большой археологический материал, представленный серийными керамическими формами, костяными, каменными, глиняными изделиями, монетами. Помимо этого, были обнаружены фрагменты золотоордынской мозаики, привезенной на территорию кремля, по всей видимости, вместе с золотоордынским обожженным кирпичом, использовавшимся для строительства каменных стен.

В середине XVIII века территория центральной части Кремля подверглась нивелировке, была срезана верхушка бугра и устроена Пляц-парадная площадь. Продолжали возводиться строения, принадлежавшие военному ведомству, что сильно разрушило культурный слой ранних веков существования русского города. Кремль продолжал функционировать в качестве военного городка вплоть до середины XX в. К 400-летию русской Астрахани была проведена полная реконструкция кремлёвской территории, восстановлены стены и башни, снесены все ветхие постройки. Таким образом, вся верхняя часть культурного слоя в Кремле до глубины 100–150 см представляет собой сплошной слой утрамбованного строительного мусора, отложившегося в период реставраций и перестроек.

В отличие от Кремля, территория Белого города изучена археологически значительно хуже. Планомерные раскопки проводились здесь всего дважды, в 2007 г. – в сквере на улице Эспланадной, на месте фонтана рядом с Домом детского творчества и а также в Братском садике, перед сооружением цветочного магазина на его северо-западном углу. Раскопки в обоих случаях проводились под руководством Д.В. Васильева.

В сквере на улице Эспланадной были обнаружены остатки Настоятельского корпуса Спасо-Преображенского монастыря [8]. Сквер по ул. Эспланадной располагается вдоль северной границы охранной зоны культурного слоя

Белого. В своё время именно по южной части ул. Эспланадной проходила городская стена, выстроенная из обожжённого кирпича. Именно обнаружение остатков крепостной стены Белого города было одной из вероятных целей раскопок на данном месте. Название своё улица Эспланадная получила от городской эспланады – свободной от построек и растительности широкой полосы вдоль городских стен, организованной в целях обороны. Застраиваться эспланада стала лишь в конце XVIII – начале XIX вв. В первой половине XIX в. стены и башни Белого города были разобраны, поскольку уже не играли оборонительной роли, сильно обветшали и грозили опасностью обрушения, а ремонт и содержание их были чрезвычайно затратны для городской казны. Городской въезд, располагавшийся рядом с северо-восточной угловой башней Спасо-Преображенского монастыря, примыкавшего к городской стене, был сохранён и частично вписан в монастырский архитектурный ансамбль.

Архитектурный ансамбль Спасо-Преображенского монастыря был обширным и формировался в течение всего периода его существования. На его территории, помимо башен и стен находились церкви, кельи, здания епархиальной библиотеки и Настоятельский корпус. Именно Настоятельский корпус, соединённый с угловой башней стеной с устроенными в ней воротами, выходил своим главным северным фасадом на улицу Эспланадную.

Спасо-Преображенский – второй (после Троицкого в Кремле) построенный в Астрахани мужской монастырь. Основан он был во второй половине XVI века в северной части Белого города (тогда ещё острога) и первоначально назывался «Спасский, что в остроге». Настоятельский корпус, частично изученный в раскопе, был выстроен в 1827–1830 гг. Просуществовало это здание до 1980-х гг., когда окончательно обветшало и было снесено. В настоящий момент от всего комплекса Спасо-Преображенского монастыря сохранилась лишь северо-восточная башня, построенная в 1607 г. и перестроенная в 30-х гг. XVIII в. при архимандрите Мефодии. Она имеет восьмигранную в плане форму и украшена поясами и вставками из полихромных изразцов. Такие восьмигранные башни стали возводить на Руси в XVI в. взамен предшествовавших им круглым. Завершает башню крутой каменный шатер. Верх шатра венчает каменная голубая главка с флюгером в форме льва, которая установлена на глухом изящном барабанчике и покрыта тонким слоем сусального золота. Декоративные элементы, украшающие башню, характерны, для архитектуры конца XVI – начала XVII вв. Барочная стилистика Спасской башни позволяет судить о характере монастырских построек начала XVIII в.

Памятник интересен не только как оригинальный образец монастырского крепостного сооружения конца эпохи «нарышкинского» барокко. Возможно, его фундамент и нижние части стен являются элементами единственного уцелевшего памятника не дошедшей до нас второй астраханской крепости. Башня стоит на месте одного из северных городских въездов. В начале XVIII века крепостные стены и башни были уже не так важны, как в середине XVII в. И вполне вероятно, что при строительстве монастырской башни были использованы конструкции полуразвалившегося старого проезда. В другом случае, было бы необъяснимо существование двух башен – монастырской и городской – в непосредственной близости друг от друга. В раскопе, помимо предметов, характеризующих городской быт XVIII–XIX вв., были обнаружены некоторые находки, относящиеся к предшествующему периоду – несколько изразцов золотоордынского времени, которые могли попасть в культурные отложения в виде архитектурного декора вторичного использования.

К сожалению, в ходе раскопок на ул. Эспланадной не были обнаружены не только основания или фундаменты, но даже следы стен Белого города. Из этого можно сделать вывод, что стены были разобраны полностью и от них не сохранилось ни фундаментов, ни фундаментных траншей. Как такое стало возможным? Ведь фундаменты опускались на большую глубину, значит от них в любом случае остались бы либо траншеи, либо большое количество строительного мусора. Однако отсутствие следов стен может объясняться тем обстоятельством, что стены Белого города могли быть бесфундаментными. Пример тому в нашем городе есть – стены сохранившегося до наших дней Благовещенского монастыря на улице Советской. Как показало архитектурное обследование, стены толщиной около полутора метров были возведены не на бутовом основании, а на выровненной поверхности материка, т.е., фактически на глине. Книзу они слегка расширяются, образуя подпятник, который шире стены на 1–2 кирпича. С этим связано то плачевное состояние монастырских стен, в котором они находились ещё не так давно – в 1990-х гг., до того, как была проведена полная их реставрация. Башни, которые фланкируют стены, невысокие, они явно носят декоративный, а не оборонительный. Они вполне сопоставимы по высоте с единственной сохранившейся башней Белого города на углу улиц Эспланадной и Коммунистической. Вполне вероятно, что стены Белого города также были не столь массивными и высокими, как стены кремля, они также могли быть выстроены без фундамента, что объясняет их полное обветшание к началу XIX века, после чего они были разобраны. К сожалению, описаний и изображений стен Белого города, кроме известного «плана Адама Олеария», о котором шла речь выше, не сохранилось.

Во время раскопок на северо-западном углу Братского садика зимой 2007–2008 гг., были выявлены часть цокольной стены и внутренних перегородок подвальных помещений Русского Гостиного двора, являвшегося одним из самых значительных сооружений на территории Белого города [7]. Ныне существующий Братский садик был разбит в 30-х гг. XX в. как расширение Губернаторского сада, существовавшего восточнее. Братский садик был разбит на месте снесённого Русского гостиного двора чётко по его периметру.

Русский гостиный двор был самым крупным и самым важным из всех гостиных дворов, существовавших в Астрахани, поскольку обеспечивал торговлю на самом важном – московском – направлении. Вместительные подвалы Русского гостиного двора служили одним из самых важных стратегических складов в городе, наряду с амбарами Житного двора и Архиерейскими погребами.

Из архивных данных известно, что первоначальное кирпичное здание Гостиного двора, стоявшее на данном месте в XVII–XVIII вв., было одноэтажным. Сохранились лишь частично его обмерные чертежи и рисунки, выполненные Александром Дигби перед сносом этого здания в конце XVIII в.

Второе здание, выстроенное в 1824 г. по проекту архитектора Карло Деледри, было трёх-четырёхэтажным и носило в южной части (ближе к главному въезду в Кремль) наименование Вечернего Базара. Судя по чертежам, сохранившимся в архивах, комплекс зданий Гостиного двора подвергался частым перестройкам, но в целом ансамбль имел форму неправильного каре, занимая всю западную часть нынешнего Братского сада. В 1918 г. в ходе казачьего восстания против Советской власти в результате уличных боёв в Астрахани здание было сильно повреждено и выгорело изнутри. В конце 1920-х гг. здание Гостиного двора, стоявшее напротив фасадной кремлёвской стены по нынешней улице Тредиаковского, было снесено и на его месте, а также на месте Губернаторского сада был разбит Братский садик. Кирпичные здания были разобраны до цоколей, строительным мусором были заполнены подвалы, основания стен, а также подвалы были покрыты сверху дёрном и засажены деревьями. В результате этого западная часть Братского сада имеет превышение уровня над восточной примерно на 1 м.

В ходе раскопок на территории Белого города были обнаружены единичные фрагменты керамики, изразцы и монета золотоордынского времени. Таким образом, можно сказать – Долгий (Заячий, Шабан) бугор был заселён ещё до 1556–1558 гг., т.е. до установления русской власти в Нижнем Поволжье и переноса Астрахани на левый берег. Однако, если сравнить качество и количество археологического материала, обнаруженного здесь и, скажем, на городище Шареный бугор, то мы убедимся, что говорить о существовании татарского города на Шабан-бугре после 1395 г. нельзя. Один-два фрагмента керамики не являются свидетельством постоянного и даже эпизодического поселения, тем более городского типа. Все, кто описывал развалины Хаджи-Тархана, свидетельствуют о тысячах керамических черепков, о целых сосудах, о сотнях костей человека и животных, множестве монет, изразцов, бесчисленных кирпичных обломках, повсюду в обилии встречающихся на поверхности земли и в культурных отложениях. Здесь же, на Долгом бугре, раскопками не зафиксировано даже наличие золотоордынского культурного слоя. Возможно, слой переработан, скрыт в более позднее время. Но в таком случае должны сохраниться впущенные, как говорят археологи, в материк самые глубокие хозяйственные ямы и колодцы. Ничего этого пока не обнаружено. Наличие золотоордынских захоронений на Кремлёвском бугре позволяет вспомнить интересные данные, собранные астраханскими этнографами по поводу так называемых «ауль» – святых мест мусульман Астраханского края. Народная память связывает местоположение в прошлом ряда ауля с нынешними местами расположения православных храмов. Неизвестно, насколько достоверны эти сведения – возможно, это память о реально почитавшихся местах поклонения, но возможно также, что здесь следует видеть и стремление мусульманского населения края таким образом обозначить права своей религии на первородство в духовной сфере жизни региона. Одно из таких мест, якобы почитавшихся ещё до прихода русских – ауль «Кара-Дауд», святая могила, располагавшаяся на месте или рядом с Троицким собором Кремля. Существуют смутные сведения о том, что Кара-Даудом татары называли первого игумена Троицкого монастыря, местночтимого православного святого Кирилла по прозвищу Строитель. Не потому ли появилось это имя, не совпадающее с собственным именем игумена, что местом своего обитания он избрал традиционно почитавшееся местными мусульманами святое место? Если это так, то в таком случае легко объясняется наличие отдельных мусульманских захоронений на территории кремлёвского бугра. Однако и эта версия нуждается в тщательной проверке. Накопленный на настоящий момент объём археологических данных об Астраханском кремле явно недостаточен для того, чтобы делать серьёзные и аргументированные заключения. Только дальнейшие раскопки и кропотливое сопоставление их результатов с архивными данными позволят приоткрыть завесу тайны, которую скрывают недра Кремлёвского бугра.

Список литературы

1. Акимовский С. Ю. Отчёт об археологических исследованиях на территории Астраханского Кремля в 2009 г. / С. Ю. Акимовский // Астраханский музей-заповедник. – Коллекция «Археология». – Фонд НВ. – № 17182.
2. Акимовский С. Ю. Отчёт об археологических работах на территории Астраханского кремля в 2013 г. / С. Ю. Акимовский // Астраханский музей-заповедник. – Коллекция «Археология». – Фонд НВ. – Б/Н.
3. Акимовский С. Ю. Отчёт об археологических исследованиях на территории Астраханского Кремля в 2016 г. / С. Ю. Акимовский // Астраханский музей-заповедник. – Коллекция «Археология». – Фонд НВ. – Б/Н.
4. Алфёрова Г. В. Византийские традиции в русском градостроительстве / Г. В. Алфёрова // Византийский временник. – М. : Наука, 1982. – Т. 43. – С. 183–190.
5. Аракчеев В. А. Иван Петрович Шуйский / В. А. Аракчеев // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. – 2004. – № 21. – С. 123–127.
6. Бойл Э. Дж. Посмертный титул Батия / Э. Дж. Бойл // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и ее наследие. – М. : Восточная литература, 2002. – С. 28–31.
7. Васильев Д. В. Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике археологии – территории «Белого города» в историческом центре города Астрахани (на углу улиц Тредиаковского и Ахматовской) в 2007 г. / Д. В. Васильев // Астраханский музей-заповедник. – Коллекция «Археология». – Фонд НВ. – Б/Н.
8. Васильев Д. В. Отчет об археологических раскопках на территории «Белого города» в 2007 г. / Д. В. Васильев // Астраханский музей-заповедник. – Коллекция «Археология». – Фонд НВ. – Б/Н.
9. Васильев Д. В. Отчет об археологических раскопках на территории Астраханского кремля в 2007 г. / Д. В. Васильев // Астраханский музей-заповедник. – Коллекция «Археология». – Фонд НВ. – Б/Н.
10. Васильев К. Ключаревская летопись / К. Васильев. – Астрахань : Астраханские епархиальные ведомости, 1887. – 89 с.
11. Воробьев А. Астраханский Кремль / А. Воробьев. – Волгоград : Нижневолжское книжное издательство, 1968. – 48 с.

12. Гишман Г. Э. Замечания к плану города Астрахани 1636 года, опубликованного в сочинении Адама Олеария во время его путешествия в Персию в 1636–1638 гг. / Г. Э. Гишман // Астраханские краеведческие чтения. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2011. – Вып. 3. – С. 465–469.
13. Годунова Г. «Меня волнует всё, что таит в себе загадку» / Г. Годунова, Н. Телюфанов, Д. Трубицын // Каспийские новости. – Режим доступа: <https://casr-news.ru/person/russia/aleksandr-markov-85-let-30-knig-vse-tayny-astakha?month=07&year=2016>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
14. Гречкина Т. Ю. Отчёт об археологических исследованиях на территории Астраханского кремля в 2012. / Т. Ю. Гречкина // Астраханский музей-заповедник. – Коллекция «Археология». – Фонд НВ. – Б/Н.
15. Гречкина Т. Ю. Отчёт об археологических исследованиях на территории Астраханского кремля в 2007 г. / Т. Ю. Гречкина, Д. В. Кутоков // Астраханский музей-заповедник. – Коллекция «Археология». – Фонд НВ. – № 17399/253.
16. Гузейров Р. А. Золотоордынский город Хаджи Тархан и его округа : дис. ... канд. ист. наук / Р. А. Гузейров. – Казань, 2004. – 307 с.
17. Гусарова Е. В. Астраханские находки: история, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. По документам из собраний Петербурга / Е. В. Гусарова. – СПб. : Нестор-История, 2009. – 492 с.
18. Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. / В. Л. Егоров. – М. : КРАСАНД, 2010. – 245 с.
19. Зайцев И. В. Астраханское ханство / И. В. Зайцев. – М. : Восточная литература, 2006. – 153 с.
20. Марков А. С. По следам Разина / А. С. Марков. – Волгоград : Нижневолжское книжное издательство, 1980. – 144 с.
21. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / А. Олеарий. – СПб. : Издательство А.С. Суворина, 1906. – 532 с.
22. Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. / Т. Д. Панова. – М. : Радунца, 2004. – 188 с.
23. Плахов В. В. Отчёт о раскопках на территории Астраханского Кремля в 2006 году. / В. В. Плахов, Е. М. Пигарёв // Астраханский музей-заповедник. – Коллекция «Археология». – Фонд НВ. – Б/Н.
24. Разрядная книга. 1550–1636 г. / АН СССР, Ин-т истории СССР ; сост. Л.Ф. Кузьмина. – М. : Наука, 1975. – Т. 1. – Ч. 1. – С. 1–240. – Ч. 2. – С. 242–492.
25. Тимофеева Е. Г. Крепость. Путешествие в Каспийскую столицу. / Е. Г. Тимофеева, Д. В. Васильев, С. В. Лебедев, А. В. Сызранов, Г. Г. Карнаухова. – Астрахань : Нова, 2009. – 210 с.
26. Токарев А. Возвращение грузинских царей / А. Токарев. – Режим доступа: <http://politcom.ru/17027.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
27. Хворостова Е. А. Отчёт об археологических исследованиях на территории Астраханского кремля в 2001 г. / Е. А. Хворостова // Астраханский музей-заповедник. – Коллекция «Археология». – Фонд НВ. – Б/Н.
28. Хворостова Е. А. Архитектурно-археологические исследования на территории Астраханского Кремля в 2002 г. / Е. А. Хворостова // Астраханский музей-заповедник. – Коллекция «Археология». – Фонд НВ. – №16548, 16549.
29. Хожделение Федота Котова в Персию / Публикация Н.А. Кузнецовой. – М. : Изд-во восточной литературы, 1958. – 112 с.
30. Шнайдштейн Е. В. Отчёт о проведении археологических работ на территории Астраханского Кремля в 1979 г. / Е. В. Шнайдштейн // Астраханский музей-заповедник. – Коллекция «Археология». – Фонд НВ. – № 16217.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ г. АСТРАХАНИ КАК ПОГРАНИЧНОГО ГОРОДА

Великая Сабина Азеровна,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Понятие «граница» существует с давних времен, но проблема пограничья становится все более актуальной уже в современном мире. Граница имеет две стороны: внутренняя сторона представляет черты, исторически характерные внутри государства, внешняя же демонстрирует взаимодействие с другим государством в условиях общности территорий. Обе стороны неизбежно будут взаимодействовать друг с другом и модифицироваться.

Сближению и движению границы способствовали процессы глобализации. Каждый день мы видим результаты взаимодействия различных культур, их симбиоза. Постоянно появляются новые формы и пути влияния культур пограничных территорий.

Современное пограничье подчиняется законам времени и, в меньшей степени, пространства. Глобализация не только сглаживает границы культур, но при этом позволяет множиться различиям. И время здесь выступает контекстом, обеспечивающим данные процессы [1, с. 10–12].

Границы обозначают различия, а различия обрамляют границы. Они расширяются и сужаются, изменяются в содержательном плане. Эволюция границ приводит к возникновению новых, их количество увеличивается. Одновременно устаревшие рамки исчезают или заменяются более современными: рушатся барьеры, перегородки между обществами.

Современные границы становятся прозрачными, что обеспечивается свободным движением различной информации. Новые технологии становятся фундаментом для создания новой исторической эпохи.

Астрахань – один из примеров сложного переплетения различных культурных связей, как с другими городами, так и с другими государствами. Как приграничная область она испытывала на себе влияние иностранных территорий.

С 1556 г. начинается расцвет бывшей столицы татарского княжества, русского города – Астрахани. Особое положение границ вызвало внимание путешественников со всего света. Так Исаак Масса, купец из Голландии в своей работе утверждает, что город изначально имел большую значимость благодаря интенсивной торговой деятельности иностранных и русских купцов [5, с. 150].

После присоединения Астрахани к русским землям, город пришлось перенести с правого берега Волги на остров. Англичанин Энтони Дженкинсон отмечает, что в 1558 г. внутри города располагался кремль, обнесенный деревянной стеной и земляным валом [3, с. 25]. Объясняется это тем, что московские власти должны были постоянно укреплять город и подходы к нему.

Русское население сосредотачивалось в городе. Степные пространства были заняты кочевниками, которые были постоянной угрозой для Астрахани. Каждый народ жил в своей слободе. Контакты между народами проходили, в первую очередь, по хозяйственным вопросам. Татарская слобода располагалась за пределами Белого города и представляла собой большую улицу, которая вела к Паробичевскому бугру от армянской слободы.

В Армянской слободе проживали и грузины, греки. В окрестностях города в аульных селениях жили юртовские татары. Бухарские, Хивинские, Персидские, Индийские купцы останавливались в караван-сараях – «слободках» [6, с. 112]. В XVII в. продолжались набеги татарских племен. Пути в Астрахань оставались небезопасными.

Кочевые племена – сарматы, гунны, хазары, печенеги, половцы, монголы – сменяли друг друга, оседая на земле и ассимилируясь с местным населением. Приграничный статус и связанная с ним относительная самостоятельность привлекал «беглый люд». В это время начинают формироваться особенности нравов и поведения населения, характерных для поселенческих моделей кочевого типа с его предприимчивостью, трудолюбием, экстенсивными формами хозяйства и т.д.

Астрахань описывают в своих сочинениях путешественник А. Олеарий, Я. Стресс, Б. Козйт и др. Все авторы указывали на то, что на астраханских ярмарках всегда было много иностранных купцов, которые обеспечивали многообразие товара. Но к середине XVI в. роль города в восточной торговле постепенно ослабевает, что отметил венецианский посол Иосафат Барбаро [2, с. 325].

С присоединением к русскому государству ситуация в городе меняется. Астрахань снова стала центром международной торговли. Купцы из Персии, Аравии, Индии, Армении, Шемахи, Турции торговали здесь жемчугом, бирюзой, коврами, шелком, пряностями. Присутствовали здесь и голландские, и английские купцы. Астрахань стала доступным путем в Азию.

Для торговцев существовали определенные правила, созданные во избежание споров. Некоторые народы должны были торговать на отдельных рынках, другие торговали в установленные дни или время. Связано это было и с историческими разногласиями народов. Из-за близости к кочевым племенам в Астрахани сохранялась и работорговля, которая была характерной чертой восточной торговли. Позднее работорговля, как пережиток местных племен начинает исчезать.

Город имел значение не только в развитии торговых связей с другими государствами, но и в обороне южных рубежей. С этой целью в Астрахань направлялись металлические орудия. Население города постоянно росло. К началу XVII в. Астрахань представляла собой богатый, укрепленный город, заселенный стрельцами и вольными людьми.

Необходимо отметить и климатические особенности края. Зима была короткой, но холодной, а летом температура поднималась до критических величин, все это сопровождалось сильными ветрами. Пустынная территория была непригодна для земледелия. Это подтверждает и Э. Дженкинсон: население зависело от рыбного промысла, т.к. не могло обеспечить себя другими видами продуктов. Соленую и замороженную рыбу отправляли по всей стране. Икру белуги и осетров доставляли и в заграничные города. Позднее, благодаря русскому населению, здесь начинает развиваться садоводство и овощеводство: стали выращиваться плодовые деревья, бахчевые культуры и т.д.

Путешественники отмечали, что именно Астрахань является основным поставщиком соли в русские города в XVII в. Кроме того, климат позволял выращивать виноград и производить вино.

Все это повлияло на культуру питания местного населения, в пищу начали употреблять овощи, фрукты, ягоды. Кухни различных народов обогащались новыми рецептами. Происходил обмен кулинарным опытом.

Характерным для Астраханского края было разведение овец. Кроме того, слово «астрахань» в европейских языках является названием одного из видов каракуля, который изготавливался из шкуры молодых барашков с особым завитком шерсти.

Астрахань – рубеж, отделяющий Запад от Востока. Но во время своего становления город был частью территории под название «Тартария», что являлось оговоркой в названии татарского этноса. В Европе эти земли ассоциировались с подземным миром. Таким образом, географическое положение Астрахани позволило ей стать центром подземного царства, пугающего своей неизвестностью.

Европейцам город представлялся фантастическим. Например, в книге путешественника Я. Стрейса можно найти гравюру, на которой изображены пальмы внутри городского укрепления [8]. Автор был в Астрахани и знал, что пальм здесь нет, но посчитал, что именно так можно выразить экзотичность края.

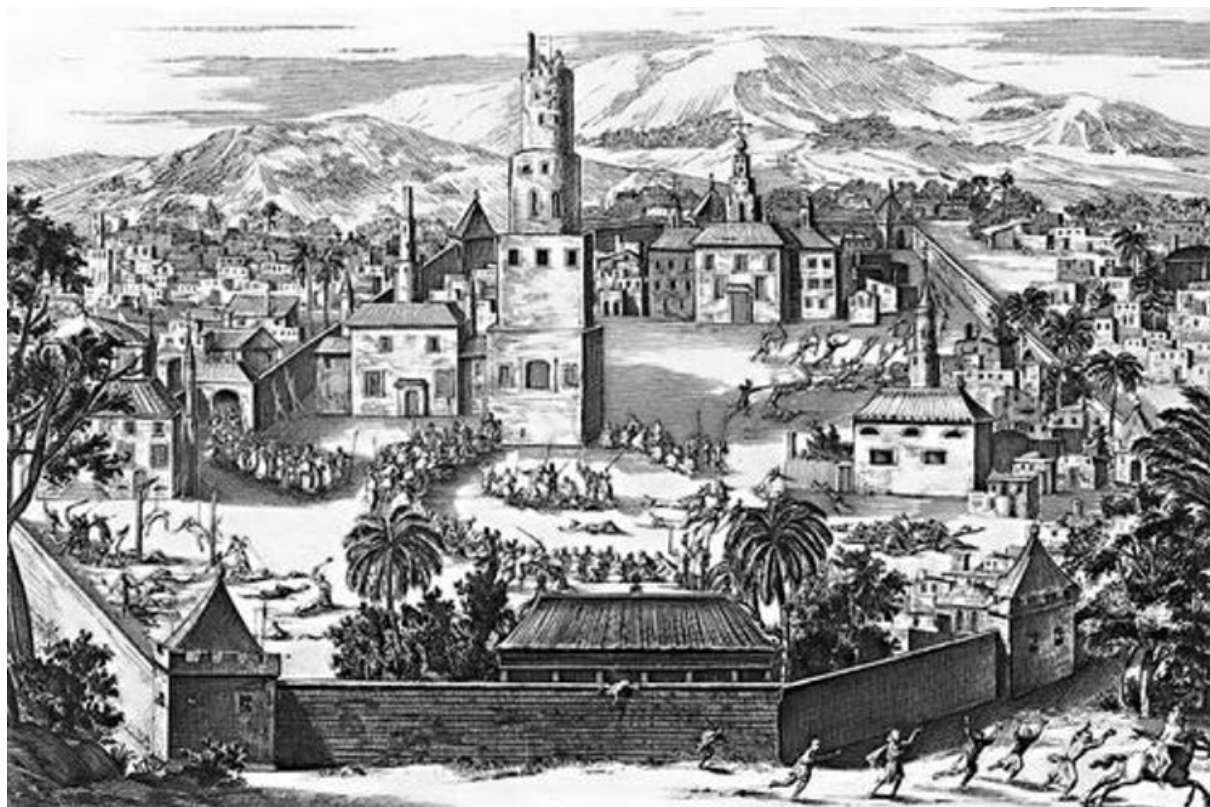

Рис. Гравюра XVII в. из книги Я. Стрейса. Бесчинства казаков Степана Разина в захваченной Астрахани

Пограничье Астрахани было выражено и в разнообразии религиозных воззрений местного населения. Монотеизм был представлен иудаизмом, христианством, исламом, а политеизм – индуизмом и т.д. Веротерпимость была отличительной чертой жителей города, что являлось традицией еще населения бывшей Золотой Орды.

В Нижнем Поволжье прослеживается огромное разнообразие языков: тюркский, персидский, татарский, калмыцкий, казахский, армянский, русский и другие. Все это отражено в топонимах и речи населения.

Астрахань быстро принимала европейские традиции, но сохраняла и характерные черты азиатского города. Открытый социум вбирал большое количество инородных элементов, сохраняя этнокультурную специфику. Большое влияние при этом оказывали многочисленные кочевые народы, которые окружали данную территорию до конца XIX в. Город воплотил в себе идеи государственной мощи и фантастические представления европейцев о новом субъекте Русского государства. Феномен пограничья в Астрахани можно наблюдать и в современном городе, т.к. процесс взаимодействия культур проходит постоянно, пока существуют данные территориальные единицы.

Список литературы

1. Border Theory: The Limits of Cultural Politics / Scott Michaelson and David E. Johnson, editors. – University of Minnesota Press, 1997.
2. Барбаро И. Путешествие в Тану / И. Барбаро // Никитин А. Хожение за три моря: с приложением описания путешествий других купцов и промышленных людей в Средние века. – М.: Эксмо, 2009. – С. 325–378.
3. Известия англичан о России XVI в. (Ченслор, Дженкинсон, Рандольф, Баус) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – 1884. – № 4.
4. Контарини А. Путешествие в Персию / А. Контарини // Никитин А. Хожение за три моря: с приложением описания путешествий других купцов и промышленных людей в Средние века. – М.: Эксмо, 2009. – С. 425–448.
5. Масса И. Краткое известие о Московии в начале XVII в. / И. Массаю. – М.: Соцэкгиз, 1937. – 208 с.
6. Небольсин П. Очерки Волжского Низовья / П. Небольсин. – СПб.: Тип. министерства внутренних дел, 1852. – С. 112.
7. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / А. Олеарий. – Смоленск, 2003. – 480 с.
8. Стрейс Я. Я. Три путешествия / Я. Я. Стрейс; под. ред. А. Морозова. – М.: Соцэкгиз, 1935. – 416 с.
9. Шемякин Я. Г. Цивилизации «пограничного» типа: формирование концепции / Я. Г. Шемякин // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: Междисциплинарное исследование / отв. ред. И. В. Следзевский, А. Н. Мосейко. – М., 2008.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В АСТРАХАНСКОМ СТРОИТЕЛЬНОМ ТЕХНИКУМЕ (1950–1980-е гг.)

Кузьмина Ирина Валерьевна,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

В 1950-е гг. благоустройство и реконструкция Астрахани получают новый импульс в соответствии со вновь утвержденным Генеральным планом развития и реконструкции города [3, с. 325].

В связи с перспективными планами по расширению объектов строительства в Астрахани и области значительно выросла потребность в квалифицированных рабочих кадрах по профессиям: каменщик, плотник, столяр, маляр, электромонтер, сварщик. Перед Областным управлением профтехобразования было поставлена задача по расширению перечня подготавливаемых профессий строительного профиля [5, с. 487].

Появляются новые учебные заведения, призванные подготовить достойные кадры для строительной отрасли. История Астраханского строительного техникума началась в 1952 г., когда в г. Дубовка Сталинградской области учрежден Дубовский техникум сельского строительства. В 1956 г., согласно приказу Министерства городского и сельского строительства РСФСР № 128, переведен в Астрахань и получил название «Астраханский строительный техникум» [4, с. 21]. Первым директором Астраханского строительного техникума (с 1956 по 1977 гг.) был Манаев Владимир Евсеевич.

По сведениям «Отчета о работе техникума за 1958-1959 гг.», на 1-е января 1959 г. контингент учащихся составил: по дневному отделению – 366 чел. в составе 12 групп, по вечернему отделению – 120 чел. в составе 4 групп; всего – 486 чел. Специальность поначалу была одна – «Промышленное и гражданское строительство», в середине 1960-х гг. появилась еще одна – «Технология производства».

С первых дней работы учебное заведение столкнулось с трудностями в работе в новых условиях. Занятия проводились в три смены, что было связано с недостатком аудиторий. Техникум располагал всего лишь семью учебными комнатами небольшой площади. Отсюда еще одно неудобство – необходимость учитывать деление учебных групп при работе над курсовым проектом, а также при работах по черчению.

Для осуществления эффективного учебного процесса требовалось расширение площадей. Поэтому строительство нового учебного корпуса, которое было начато в 1957 г. и закончено в 1962 г., стало самым ярким событием тех лет. Строительство здания вело СМУ-3, работали и группы учащихся – как в период прохождения производственной практики, так и после занятий. Полезная площадь нового здания составила 3150 м², рабочая – 1775 м². Появилась 21 аудитория, читальный зал, библиотека с книгохранилищем, актовый и спортивный залы, столярная мастерская, лаборатории строительных материалов, химии и физики.

Получила новое развитие учебная, научная, воспитательная работа. В 1959 г. в техникуме работало несколько предметных кружков: «Строительные материалы», «Архитектурные конструкции», «Строительные машины и оборудование», «Технология строительно-монтажных работ». Результатами их деятельности, было, как правило, изготовление наглядных пособий, в том числе участниками кружка «Технология строительно-монтажных работ» был изготовлен макет части главного корпуса АЦКК. Итогом работы кружков стало проведение технической конференции.

Развивающаяся строительная отрасль требовала подготовки высококвалифицированных кадров, прежде всего – практиков. Поэтому связь учебного процесса с реальным производством – актуальный вопрос тех лет [6, с. 261].

В конце 1950 – начале 1960-х гг. студенты проходили учебную практику на Деревообрабатывающем комбинате, Заводе сборных железобетонных конструкций, Домостроительном комбинате. Все учащиеся были прикреплены к рабочим бригадам и принимали участие в производственном труде.

Со второго курса учащиеся направлялись на строительные объекты города – рабочими, где знакомились со многими видами строительных работ, осваивали кирпичную кладку, бетонные работы, производство сборных железобетонных изделий, изготовление мозаичных железобетонных подоконных досок.

Производственная практика третьего курса проводилась на строящихся объектах г. Астрахани, например, в 1959–1959 гг. – на строительстве общежития на 90 чел., 80-квартирного жилого дома. Средний дневной заработок учащихся составлял 31 руб.

Студенты с самого начала обучения не просто наблюдали за процессом строительства, а непосредственно в нем участвовали; иногда даже – возглавляли. Например, в 1959 г. студент 3-го курса, будущий заслуженный строитель В. Палаткин, получивший до поступления в техникум VI разряд сварщика, при прохождении практики был назначен бригадиром команды сварщиков [2, л. 3–4]. Жизнь техникума всегда была насыщенной и разнообразной.

Из воспоминаний Мироновой Эвелины Рихардовны, преподавателя строительных конструкций: «У нас был замечательный директор Манаев В.Е., замечательные педагоги, завуч Полонецкий Борис Анатольевич. Все преподаватели были молодые, дружили семьями, буквально «жили» в техникуме, праздники отмечали вместе в техникуме, знали и детей, и супругов и их родителей. Заводилой был директор Манаев. Молодежь, студенты активно участвовали в общественной жизни, всегда имели высокие результаты в городских и областных спартакиадах по волейболу и баскетболу.

В эти годы учился Валерий Розанов (выпуск 1964 г.). Высокая ответственность, чувство патриотизма, чувство долга нашего выпускника позволили ему совершить подвиг – во время службы в армии для спасения товарищей при аварии на подводной лодке «Ленинский комсомол» он пожертвовал своей жизнью. Техникум не забыл своего героя и

в последующем был открыт раздел Музея Боевой Славы, посвященный Валерию Розанову. Техникум всегда жил общей судьбой со своей страной».

Из воспоминаний преподавателя Сочковой Ларисы Ивановны: «Учились ребята хорошо, так как был большой конкурс при поступлении. У нас работали замечательные преподаватели. Уроки химии вела участница Великой Отечественной войны Фрида Андреевна Элькинд. Войну прошли также Неретин Алексей Федорович, Лыгин Иван Федорович, Манаев Владимир Евсеевич, Лунев Василий Иванович. Преподавателем математики был В.Ф. Залевский – окончил Оксфорд и знал блестяще несколько языков. Заместителем директора по хозяйственной части был Райчев, участник I и II Мировых войн (ему сам К.Е. Ворошилов подарил шашку). Было очень интересно работать с такими людьми».

1960–1970-е гг. – время небывало размаха строительного дела, как в стране, так и в Астраханской области. Неудивителен постоянный рост стремящихся получить интересную и востребованную профессию: с 1972 по 1975 гг. в учебном заведении было подготовлено 1535 чел. по специальности «техник-строитель» и «техник-технолог».

Растут и учебно-производственные площади. В 1976 г. техникум располагал учебным корпусом общей площадью 2997 м², учебно-производственный корпусом полезной площадью 2014 м². В распоряжении коллектива было 32 учебных кабинета, 3 лаборатории и 5 мастерских. В июне 1976 г. техникум получил от строителей новое общежитие на 360 мест. Появилась возможность разместить всех учащихся.

В 1970-е гг. педагогический коллектив техникума состоял из 103 преподавателей, 3 мастеров производственного обучения и 9 лаборантов. Согласно сведениям «Отчета о работе техникума за 1975–1976 гг.», среди преподавателей, успешно справлявшихся с работой, названы В.В. Шумихин, В.М. Балченков, М.А. Кравченко, И.А. Мартынов, Л.Д. Иванова, А.А. Славинская.

Следует отметить, что многие преподаватели были «производственниками» и пришли в учебное заведение из различных строительных организаций города, что, несомненно, усиливало связь теории с практикой.

Прием в техникум в 1975–1976 гг. проводился по 3 специальностям:

- промышленное и гражданское строительство – 360 чел.;
- архитектура – 90 чел.;
- производство строительных деталей и железобетонных конструкций – 180 чел.

Существенную помощь в выполнении плана приема оказала организация работы подготовительных курсов. Из 145 слушателей подали документы 119 чел., а 102 чел. были приняты в техникум. На начало 1976 г. контингент учащихся составлял:

- дневное отделение – 1397 чел.;
- вечернее отделение – 801 чел.;
- заочное отделение – 408 чел.

Для повышения эффективности учебной и воспитательной работы в техникуме были созданы и успешно работали предметные комиссии. Основным направлением в работе предметных комиссий было улучшение методики обучения учащихся и повышение квалификации преподавателей. На заседаниях комиссий обсуждались методические разработки, проводилась аннотация технических журналов, изучался передовой педагогический опыт, обсуждались и корректировались методические работы преподавателей.

Для прохождения учебной и производственной практики техникум располагал широкой базой мастерских под руководством мастеров производственного обучения соответствующей квалификации. Были оборудованы помещения для плотничных, каменных, сварочных, штукатурных, малярных, слесарно-сварочных работ. Практику на получение строительного разряда учащиеся всех специальностей проходили на строительных предприятиях г. Астрахани в системе «Главастрханстроя», а производственную технологическую – в строительном-монтажных управлениях того же главка в г. Астрахани. Часть учащихся 3-го курса работали на строительных предприятиях стройиндустрии Ленинграда, Киева, Волгограда.

Определенные трудности испытывал техникум с прохождением производственной и преддипломной практики для студентов специальности «Архитектура» – в Астрахани на тот момент было недостаточно проектных организаций для размещения всех учащихся названной специальности. Руководству удалось договориться о приеме студентов в проектные институты Москвы и Ленинграда (Гипрокино, Гипрогор, Гипротест и др.), но недостаточные ассигнования по смете на оплату проезда и суточных учащимся, не позволили направлять значительное количество студентов в другие города.

В 1980–1981 учебном году для увеличения полезной площади обеспечения учебного процесса, было произведено выселение с 4 этажа общежития № 2 работников треста «Астраханспецстрой». В освободившихся помещениях произведен ремонт и, таким образом, количество мест в общежитии достигло 680.

В отчетном году коллектив техникума проделал большую работу по организации приема на 1980–1981 учебный год. Преподаватели техникума встретились с выпускниками школ, проведен день открытых дверей, показаны выступления администрации техникума по телевидению. Работали подготовительные курсы, которые оказали существенную помощь в выполнении плана приема. В техникум было принято:

- на дневное отделение – 300 чел.;
- на вечернее отделение – 150 чел.;
- на заочное обучение – 90 чел.

Прием в техникум проводился по 4-м специальностям:

- архитектура – 30 чел.;
- промышленное и гражданское строительство – 270 чел.;
- производство строительных деталей и железобетонных конструкций – 180 чел.;
- санитарно-технические устройства зданий – 60 чел.

На начало учебного года контингент учащихся составлял 2053 человек.

Ежегодно в отчетах отмечался «отсев» учащихся. Среди причин отсева в основном назывались слабая подготовка учащихся за курс восьмилетней и средней школы. Другой причиной было длительное нахождение учащихся на сельскохозяйственных работах в осенний период и, как следствие – неуспеваемость. Руководство учебного заведения проводило работу, как тогда говорили, «по сохранению контингента». Преподавателями и студентами организовывались группы взаимопомощи, проводились индивидуальные занятия с учащимися, имеющими недостаточную подготовку по школьной программе, велась большая разъяснительная и воспитательная работа.

Выпуск молодых специалистов за период 1980-1981 гг. составил 476 чел.:

- дневное отделение – 274 чел.;
- вечернее отделение – 116 чел.;
- заочное отделение – 86 чел.

В 1980-е гг. в техникуме продолжалась активная учебная и производственная деятельность – студенты проходили практики, защищали дипломные работы, занимались в предметных кружках. Интересно, что темы дипломных проектов были тесно связаны с практикой. Например, работы Толстоконевой «Реконструкция Никольского надвратного храма с благоустройством территории», Тамбовцева «Реконструкция ресторана «Лотос», Винокуровой «Реконструкция кафе «Дружба».

Работали вечернее и заочное отделения. Здесь сложностей было больше – сравнительно небольшие группы и значительный отсев, связанный с загруженностью учащихся на производстве, сменными или удаленными видами работ.

Серьезная работа педагогического коллектива не могла быть не отмечена. В «Отчете о работе техникума за 1980-1981 гг.» к числу преподавателей, «успешно осуществляющих педагогическую деятельность в сочетании с большой общественной работой» относятся: И.А. Мартынов – военный руководитель, В.Д. Перемотина – заведующая дневным отделением, В.В. Шумихин, В.А. Петрякова – председатели цикловых комиссий, М.В. Кривонос – мастер производственного обучения, В.Н. Коневая – воспитатель общежития.

В 1983-1988 гг. техникум возглавил почетный строитель России, старейший преподаватель – М.Л. Касаткин [1, л. 4–10], который прошел трудовой путь от рабочего до первого заместителя начальника главного управления по строительству в г. Астрахани и Астраханской области.

С середины 1980-х гг. экономические трудности государства начинают сказываться во всех сферах. В техникуме наблюдается медленное, но неуклонное снижение приема учащихся:

- в 1984 г. было принято 540 чел.;
- в 1986 г. – 510 чел.;
- в 1988 г. – 380 чел.;
- в 1991 г. – 240 чел.

В сложных социально-экономических условиях конца 1980-х – начала 1990-х гг. руководству техникума удалось сохранить и развить интерес абитуриентов к учебе. В дальнейшем происходят перемены в административном составе техникума. Начинается новый этап развития учебного заведения – поиск новых методов работы, освоение новых специальностей.

Список литературы

1. Государственный архив современной документации Астраханской области (ГАСД АО). – Ф. 325. – Оп. 11. – Т. 2. – Д. 2754.
2. ГАСД АО. – Ф. 325. – Оп. 11. – Т. 3. – Д. 4769.
3. История Астраханского края. – Астрахань, 2000.
4. Народное хозяйство Астраханской области: Статистический сборник. – Саратов, 1958.
5. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. – Волгоград, 1985.
6. Промышленная Астрахань. – Астрахань, 1959.

КРИЗИСЫ НЭПА И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЧАСТНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА (НА ПРИМЕРЕ г. АСТРАХАНИ)

Кулаков Владимир Олегович,

*кандидат исторических наук, и.о. заведующего кафедры зарубежной истории и регионоведения,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Кулакова Наталия Игоревна,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

В 1923 г. советские предприниматели получили первый сигнал, свидетельствующий об обоснованности недоверия к советской власти. Именно в этом году советскую экономику поразил кризис перепроизводства, когда рынок

страны был переполнен сельскохозяйственными продуктами (после отмены продразверстки и хорошего урожая 1923 года крестьяне получили возможность продавать излишки продуктов), соответственно цены резко поползли вниз. А цены на промышленные товары в свою очередь оставались очень высокими [4, с. 82]. Это привело к возникновению так называемых «ножниц», обусловивших существенный разрыв между оптовыми и розничными ценами.

С переходом к НЭПу в руках государства остались наиболее крупные, «жизнеспособные» предприятия. Несмотря на это и их положение оставалось довольно сложным, большинство из них к 1921 г. было переведено на хозрасчет, т.е. самоокупаемость, лишившись, таким образом, государственных поставок сырья и кредитов. Это решение было призвано восстановить, насколько это было возможным в условиях последствий гражданской войны, товарообмен промышленных и сельскохозяйственных товаров, с помощью рынка, оживить тем самым экономику и взять курс на выход из затянувшегося экономического кризиса. Но в реальности промышленность страны находилась на очень низком уровне, те предприятия, которые не были непосредственно разрушены в процессе боевых действий, и которые, по мнению большевиков, и должны были ликвидировать промышленный голод, просто не могли с этим справиться, оборудование их было настолько изношенным и устаревшим (оно не менялось как минимум с 1913 г.) [8, с. 644–645], что процент готовой продукции, не мог даже решить минимальной обеспеченности потребностей населения города в котором они непосредственно располагались.

В отправленной в ВСНХ телеграмме руководство Астраханского губернского совнархоза отчитывалось, что на хозрасчет в 1921 г. были переведены 5 предприятий (4 мельницы и 1 стеклозавод), с 643 рабочими и служащими занятыми на них. Чуть позже еще 15 предприятий были переведены на принципы самоокупаемости, но они были в полурабочем состоянии из-за изношенности оборудования или отсутствия сырья, число рабочих занятых на них было всего 640 чел. [5, с. 53]. Поскольку эти предприятия были предоставлены сами себе в вопросе производства продукции ее сбыта, а главное выплате зарплат своим сотрудникам, острая потребность в финансах вынудила руководство распродавать, по сильно сниженным ценам, запасы своей продукции. Что в условиях высокого уровня инфляции и негибкого рынка привело к резкому падению цен на промышленные товары в целом по стране.

Чтобы остановить этот процесс, центральной властью, было принято решение о монополизации отдельных отраслей промышленности, началось активное формирование синдикатов. Благодаря этим мерам к августу 1922 года цены удалось выровнять, но положение оставалось неустойчивым [8, с. 644–645]. И как только крестьяне перенасытили рынок своей продукцией, цены вновь начали двигаться в разных направлениях, но теперь взлетели цены на промышленные товары. Так в своём докладе на III Съезде Советов СССР в 1925 г. председатель СНК А.И. Рыков констатировал, что в октябре 1923 г. работала в пределах лишь 40 % от довоенного времени, товаров производилось на 110 млн руб., а продавалось на 80 млн руб., т.е. 72 % выработки. В ноябре же этого года произведено было на 105 млн руб., продано лишь на 80 млн руб. [1, с. 9].

В Астрахани вследствие этого кризиса резко падает покупательная способность населения, и как в целом по стране цены на рабочий инвентарь резко выросли, в пять раз по сравнению с 1913 г., а на рыбу наоборот снизились в среднем в шесть раз. Положение продолжало ухудшаться и на протяжении зимы 1923–1924 г., продажа промышленных товаров практически не производилась. Но, не смотря на это, руководители предприятий не шли на уступки и цены на промышленные товары продолжали расти. Так в июле 1923 г. за один пуд ржи можно было купить 12 коробков спичек [5, с. 33].

Чтобы выйти из сложившейся ситуации, правительство идет на пересмотр цен на промышленные товары в сторону их снижения. Кроме этого произошло увеличение заготовок хлеба на экспорт, а комиссия внутренней торговли была преобразована в Наркомат внутренней торговли с широкими правами в урегулировании цен.

В итоге этих мероприятий к 1 октября 1923 г. оптовые цены на промышленные товары снизились, а промышленных товаров было произведено на 142 млн руб., продано на 171 млн руб. таким образом, продажа на 20 % превысила производство [1, с. 9]. Но важнейшая причина кризиса – монопольное положение государственных трестов и синдикатов, так и не была учтена.

Несмотря на то, что частные предприниматели не допускались на командные высоты советской экономики, всю вину за углубляющийся кризис возложили на них. Было объявлено, что кризис спровоцировали оптовые торговцы, завышавшие цены на промышленные товары. Безусловно, что само государство не могло, не обратив внимание на такую «подлую» деятельность частного капитала и вынужденно принять меры, так резолюция XIII партийной конференции РКП(б) призывала «поставить предел росту частного капитала».

Главным способом борьбы с ним становится взимание с частных предпринимателей завышенных налогов. Законом о подоходном налоге от 12 ноября 1923 г. вводилось разделение населения по классовому признаку. «Нетрудовые элементы» были выведены в специальную категорию «В». На сессии ЦИК СССР II созыва 29 октября 1924 г. было принято новое положение о подоходном налоге. Его прогрессия была доведена до 30 %, не считая 25 % надбавки в пользу местного бюджета [7, с. 74].

Несмотря на то, что кризис никак не был связан с розничной торговлей, власти принимают меры к вытеснению частного капитала и отсюда. Если во втором полугодии 1923 года на долю частной торговли в 1-м и 2-м разрядах приходились все 100 %, а в 3-м разряде 98,4 %, то во втором полугодии 1924 г. картина резко меняется: на долю частников торговавших по патентам 1-го разряда падает 94,5 %, 2-го разряда 89,4 % и на 3-й приходится только 75,8 % [11, с. 33]. Совсем иная тенденция наблюдается в частной оптовой торговле, если во втором полугодии 1923 г. число патентов по 5 и 4 разрядам составила 80,9 и 77 %, в первом полугодии 1924 г. 40,9 и 22 % соответственно [11, с. 34–35]. Данная тенденция, в условиях вытеснения частного капитала из торговой сферы, кажется закономерной лишь на первый взгляд. По мнению барнауль-

ского историка Е. Демчик, от кризиса пострадали в первую очередь именно розничные торговцы, в то время как крупные предприятия могли получать существенную прибыль, так как именно они и являлись основными поставщиками сырья мелким торговцам, соответственно диктуя свои цены. На примере сибирских городов увеличение оборотов частной оптовой торговли составило 16 %, а обороты общесоюзной частной торговли возросли на 31,7 % [7, с. 89–90].

Хотя в Астрахани мы не наблюдаем резкого увеличения числа крупных оптовых предприятий, в первом полугодии 1924 г. их насчитывалось 10, во втором 11, [11, с. 35], скорее речь можно вести о сохранении частными оптовыми предприятиями своих позиций. Политика вытеснения частника из торговли привела с одной стороны к усилению позиций частной оптовой торговли, а с другой к его развитию за пределами города. Так внегородская торговля увеличилась с 79,3 % в 1923 г. до 84,2 % в 1924 г. [8, с. 473].

Эти меры привели к уменьшению частного капитала и снижению его роли, и как прямое следствие этого процесса к еще большему увеличению дефицита товаров на рынке. Государственные предприятия и кооперация просто не могли обеспечивать все потребности населения, в условиях отсутствия частников. К весне 1925 г. негативные последствия вытеснения частного капитала из экономики стали очевидны. Кроме возросшего дефицита товаров и активизации нелегальной деятельности частников, понадобились новые средства для развития государственной промышленности, потребность в которых возрастала в геометрической прогрессии по мере её восстановления. Поэтому на XIV конференции РКП(б) было признано, что «кооперативная и государственная торговля не может полностью обслужить возрастающего товарооборота в стране, в силу чего в области торговли остается значительное место для участия частного капитала» [7, с. 95].

Перспективы дальнейшего использования частного капитала связывались с необходимостью устранения административного нажима на него по линии налоговой и арендной политики, налаживанием устойчивых отношений с частным капиталом вообще, опиравшихся на регулярное снабжение частной торговли товарами и необходимыми кредитами [15, с. 80–81]. В ходе обсуждения вопросов, связанных с частным капиталом, в отделе торговли наркомата финансов высказывались суждения о необходимости использования в торговых операциях госпромышленности частного оптовика, способного не только продвинуть товар в низы товарооборота, но и облегчить промышленности задачу питания оборота средствами, привлекая в него свой капитал. Было признано необходимым коренное преобразование кредитной политики банков в целях кредитования частного оборота. В постановлении совещания при управлении торговой политики наркомата внутренней торговли СССР по вопросу о кредитовании частного капитала, проходившего 19 марта 1925 г., указывалось, что частному капиталу должен оказываться товарный и денежный кредит, сроки и размеры которого не должны резко расходиться с условиями кредитования госторговли и кооперации [7, с. 96–97]. Намечалось также уменьшить налоговый пресс на частное предпринимательство, облегчить получение товаров частной торговлей.

Даже частичные изменения и облегчение в налогово-кредитной политике государства в отношении частного капитала привели к значительному его усилению на рынке и в экономике в целом. В Астрахани с 1925 г. начинает увеличиваться количество патентов выданных частным предпринимателям, особенно растет число розничных торговцев (1–2 разрядов) [14, с. 80]. С первого полугодия этого же года поступает несколько заявок на аренду и продления договоров [3, с. 32].

Благодаря активному развитию частного капитала в этот период, основные показатели страны догнали довоенные. Как отмечалось в Политотчете ЦК XIV съезду ВКП(б), валовая продукция промышленности, посевные площади, товарооборот составили около 70 % довоенного уровня [7, с. 157]. Несмотря на то, что не всё в экономической и социальных сферах было так радужно, прогнозы довольно противоречивы, руководством страны на вторую половину 1920-х гг. была поставлена новая задача: обеспечить дальнейший экономический рост на базе реконструкции народного хозяйства.

Одной из составляющих второго этапа новой экономической политики явилось проведение развернутого наступления на «капиталистические элементы», подготовка к которому началась уже в 1926 году. Были повышены налоги, они достигли таких размеров, что предпринимательская деятельность стала просто невыгодной. В 1927 году предприниматели были обложены «налогом на сверхприбыль».

Практически не велось кредитования частных предприятий, по данным на октябрь 1923 г. процент кредитов, выдаваемых частным лицам составлял 29 % и от всех выдаваемых кредитов, но уже к октябрю 1924 г. процент кредитов, выданных частным предпринимателям снижается до 8,5 % [13, с. 120]. Немного улучшилось положение в 1925 г., после постановления наркомата внутренней торговли СССР; но и это существенно не изменило ситуацию, сумма выданных кредитов частным предпринимателям увеличилась с 600 тыс. руб. в 1924 г. до 800 тыс. руб. в 1925 г., и осуществлялся преимущественно ОВК, государственные же банки практически не кредитовали частных лиц, поэтому процент выданных кредитов частным предпринимателям сократился до 3 % [10, с. 34].

Особенно сильный удар был нанесен по крупным оптовым фирмам. С одной стороны, по ним тяжело ударил налог на сверхприбыль. С другой стороны, власть применила административный ресурс, запретив государственным и кооперативным предприятиям продавать товары частникам. К началу 1928 г. в Астрахани частные оптовики были вытеснены с рынка. Это же ожидало и розничную торговлю, так в 1926–1927 г. по общему торговому обороту частный капитал составил 49,6 %, [2, с. 51] и снизился по сравнению с предыдущим годом с 55,7 млн руб. до 39,1 млн руб. [12, с. 96], а к 1928 г. из общего количества 2144 торгово-промышленных складов в аренде у частных лиц находилось только 213 (16 %), а количество мест на рынках и базарах города составило 59 % [9, с. 67].

В 1926–1927 гг. частный капитал был вытеснен из мучной торговли, сильно были ослаблены его позиции в промышленной торговле. Правда частник еще сохранял свои позиции в пищевой торговле, но положение становилось все более зыбким и зыбким.

Государственные предприятия окончательно запрещалось сдавать в аренду постановлением СНК СССР от 15 мая 1928 г., хотя тенденция по уменьшению их числа и так неуклонно стремилась к нулю. Если в 1926 г. это число составляло 29, то к 1928 г. сократилось до 18, а в 1930 г. эта форма хозяйственной деятельности была и вовсе исключена из экономической жизни [12, с. 88].

Таким образом, это была ясная установка на скорейшее свертывание нэпа в области промышленности и торговли независимо от того, способствуют ли эти мелкие «капиталисты» лучшему обеспечению товарами широкого спроса население городов и особенно сотен глухих деревень. Когда государственная и кооперативная торговля не были еще способны в полной мере обеспечить необходимыми товарами и продуктами даже города.

По мнению С. Кона, одного из авторов выходившего в 1920-е гг. в Праге «Русского экономического сборника», в таких условиях, «когда специально против частного капитала как конкурента государства на экономическом поприще направляется целый арсенал средств – от тягчайших налогов и сборов до отказа в кредите, в отпуске товаров, в перевозке грузов, – тогда на работу в качестве частных торговцев и промышленников могут идти, казалось бы, только авантюристические элементы, причем, нажившись, тут же нажитое богатство и проматывать, ибо копить его на предмет конфискации тем или иным порядком – бессмысленно» [6, с. 38].

В данных условиях продолжение предпринимательской деятельности было просто невозможным. Частные предприниматели разорялись или как можно скорее старались избавиться от своих предприятий и торговых заведений. НЭП был окончательно вытеснен из советской экономики.

Список литературы

1. III Съезд Советов СССР (13–20 мая 1925 г.) // Власть Советов. – 1925. – № 22. – С. 9–10.
2. Астраханское городское хозяйство. – Астрахань, 1928.
3. Астрахань в кармане. – Астрахань, 1925.
4. Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 1920-е гг. / Ю. П. Бокарев. – М.: Наука, 1989. – 427 с.
5. Виноградов С. В. Экономическое развитие Поволжья в период НЭПа 1921–1927 гг. / С. В. Виноградов. – М., 1996. – 302 с.
6. Демчик Е. В. «Новые русские». Годы 20-е / Е. В. Демчик // Родина. – 2000. – № 5 – С. 146–149
7. Демчик Е. В. Частный капитал в городах Сибири в 1920-е годы: от возрождения к ликвидации / Е. В. Демчик. – Барнаул, 1998. – 240 с.
8. История Астраханского края. – Астрахань: АГПУ, 2000. – 1122 с.
9. Карр Э. История Советской России / Э. Карр. – М.: Прогресс, 1990. – Кн. 1. – 771 с.
10. Клементьев А. О работе банков в Астрахани в 1926–1927 гг. / А. Клементьев // Наш край. – 1926. – № 4–5. – С. 64–67.
11. Ларионов А. Динамика торговых предприятий за 1923–1924 и 1924–1925 гг. Астраханской губернии по данным промнала / А. Ларионов // Наш край. – 1926. – № 9–10. – С. 33–36.
12. Отчет Астраханского Окружного Исполнительного комитета за 1927–1928 гг. – Астрахань, 1929.
13. Собгайда. Кредит // Наш край. – 1924. – № 2. – С. 96–98.
14. Торговля в Астраханской губернии к X годовщине Октябрьской революции // Наш край. – 1927. – № 8. – С. 118–120.
15. Ханин Г. Как скончался НЭП / Г. Ханин // Родина. – 1989. – № 7. – С. 80–81.

АРХИТЕКТОРЫ И ПРОЕКТАНТЫ ЗДАНИЙ г. АСТРАХАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛА XX в.: ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Кучерук Ирина Владимировна,

*доктор культурологических наук, профессор кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

«Антропологический поворот» вызвал увеличение массива исторических исследований междисциплинарного характера, авторы которых активно применяют новые методы исследования, в том числе и просопографический. Просопографический метод (от др.-греч. *πρόσωπον* «лицо, личность» и *γράφω* «пишу»), предполагает изучение различных источников с целью создания коллективной биографии представителей различных общественных групп и страт. Его востребованность в современных исторических исследованиях связана с рядом оснований, в первую очередь, с предоставляемой данным методом возможностью систематизировать разрозненную информацию и создать в новом ракурсе связанное поле сведений о прошлом. При использовании просопографического метода исследователь «обнажает» и делает более выпуклыми исследовательские процедуры, акцентируя внимание на аналитических операциях. Тематическое поле просопографии постоянно разрастается: если первоначально в центре внимания отечественных исследователей находились политические элиты, то ныне «центр тяжести» переместился в сторону массовых социальных групп в контексте изучения повседневности и истории культуры.

Результатом современных просопографических исследований становится как гипертекст (метадокумент), представляющий электронный документ, интегрирующий сведения множества бумажных документов, так и базы данных, которых, по сведениям Ю.Ю. Юмашевой, уже к 2004 г. было создано более 120. При этом исследование осуществля-

ется в двух основных направлениях – создание динамических и статичных коллективных портретов. В настоящей статье наше внимание сконцентрировано на статичной коллективной биографии архитекторов Астрахани и проектантов зданий города, действовавших в данном направлении в период со второй половины XIX до начала XX в. Центральная часть современной Астрахани сохранила застройку XVIII – начала XX в., многие здания которой являются признанными памятниками архитектуры. В этом смысле, как справедливо отмечает Е.В. Гусарова, историческая Астрахань – «редкая по целостности, удивительная по сохранности архитектурно-градостроительная структура».

Нами проанализированы имеющиеся в открытом доступе исторические документы, содержавшие как персональные сведения (дата, место рождение, происхождение, образование) интересовавших нас лиц, так и сведения, связанные с результатами их профессиональной деятельности по формированию архитектурного облика Астрахани в период около 70 лет.

В процессе исследования изучены материалы, содержащие персональные данные астраханских архитекторов и проектантов зданий нашего города. На первом этапе анализу подвергались сведения об их происхождении, образовании. Вероятно, самым старшим по возрасту был П.В. Шкателов, биографические данные которого крайне скудны, однако есть свидетельства о том, что уже с 1850 г. он являлся дипломированным архитектором, а с 1875 г. стал главным астраханским архитектором. В 50-е гг. XIX в. родились К.К. Домонтович и А.С. Малаховский, в первой половине 60-х гг. на свет появились будущие астраханские архитекторы и проектанты П.И. Балинский (проектант) (1861), А.М. Вейзен (1863), С.И. Карягин (1865) и, наконец, в 1870-е гг. В.Б. Вальдовский-Варганек (1873) и Н.Н. Миловидов (1877).

Среди 9 архитекторов и проектантов подавляющее большинство закончило гражданские высшие учебные заведения (8 чел.) и только Н.Н. Миловидов в 1904 г. завершил обучение в Санкт-Петербургском институте военных инженеров. Из 8 выпускников гражданских вузов трое (Вейзен, 1887; Карягин, 1888(89) и Малаховский, 1892) обучались в Санкт-Петербургской Академии художеств и завершили обучение в звании классных художников, однако с различной степенью классности – Вейзен, награжденный за успехи в учебе двумя серебряными и золотой медалью, получил звание художника первой степени, Карягин – звание художника второй степени и Малаховский – третьей степени. Помимо Санкт-Петербургской Академии художеств, будущие архитекторы и проектанты обучались в Московском училище живописи, ваяния и зодчества (отделение архитектуры) – Вальдовский-Варганек и в Институте гражданских инженеров имени Николая I – проектант Балинский и архитектор Домонтович.

Ниже помещена таблица, в которой с персональными данными (возраст, образование) соотносятся данные о должности интересующих нас лиц на архитектурном поприще и наиболее значимых постройках /проектах в г. Астрахань.

Таблица

**Персональные данные об архитекторах и проектантах архитектурных сооружений г. Астрахань
конца XIX – начала XX в. и построенных (спроектированных) ими зданиях**

ФИО архитектора / проектанта, его образование	Должность	Построенные / спроектированные наиболее значимые архитектурные сооружения в г. Астрахань (сохранившиеся)
Шкателов П.В.	1875 г. – главный архитектор г. Астрахани	Проектировал в конце 90-х гг. XIX в. здания нового летнего театра, вокзал и клуб. Здание Пастората церкви во имя Иисуса евангелического лютеранского исповедания. 1892–1893 (ул. Казанская) <i>Псевдоготика</i>
Вейзен А.М.	1900–1916 гг. – архитектор строительного отделения Астраханского губернского правления	Здания Губернского правления и Палаты государственных имуществ (Екатерининская / Индийская) <i>Псевдоренессанс</i>
Домонтович К.К. Институт гражданских инженеров им. Николая I	1883–1913 гг. – архитектор Астраханского общественного управления	Здание лютеранской кирхи. Фабрика шоколада торгового дома «К.А.Шарлау с сыновьями» (1890). Архитектурный ансамбль зданий городских учреждений (1901–1912). <i>Эклектика, псевдоренессанс</i>
Карягин С.И. Санкт-Петербургская Академия художеств	1890(91) г. – архитектор при Управлении калмыцким народом; 1908–1918 г. – Астраханский епархиальный архитектор	Пречистенский ворота с надвратной соборной колокольней
Малаховский А.С.	младший архитектор строительного отделения Астраханского губернского правления; 1896 г. – архитектор г. Астрахани	Здание Русского торгово-промышленного банка; здание Армянского благотворительного общества-богадельни; здание Почты и телеграфа, здание Городской Думы (ул. Московская)
Вальдовский-Варганек В.Б.	1900 г. – архитектор Управления калмыцким народом и и.о. младшего архитектора строительного отделения Астраханского губернского правления	Здание Войскового правления Астраханского казачьего войска, <i>Псевдоренессанс</i> Здание кинотеатра «Модерн», Здание купеческой биржи <i>Модерн</i>

Миловидов Н.Н. Санкт-Петербургский институт военных инженеров	1904 г. – инженер-архитектор Астраханского губернского правления	Здание Азово-Донского банка (проект Ф. Лидваля). <i>Северный модерн</i> Водонапорная башня и станция на Форпосте
Балинский П.И. Институт гражданских инженеров им. Николая I	Проектант	1910 г. – по проекту П.И. Балинского было построено здание Правления Русского банка для внешней торговли (Восточный банк) <i>Эклектика</i>
Лидваль Ф. (Юхан Фредрик Лидваль) 1870–1945 гг.	Проектант. Окончил в 1896 г. архитектурное отделение Петербургской Академии художеств со званием художник-архитектор, с 1894 г. по 1896 г. учился в мастерской выдающегося архитектора Л. Н. Бенуа	Проектировал здания Азово-Донского банка и его филиалов в городах России, в том числе и в Астрахани <i>Северный модерн</i>

Просопографический анализ биографии архитекторов и проектантов зданий г. Астрахань позволяет представить статистический срез и аргументировать конкретными фактами тезис значительной части краеведческих источников о том, что для гражданской застройки города наиболее плодотворным оказался период второй половины XIX (с 70-х гг.) – начала XX в. (до 1917 г.), когда в городе в разных должностях (главный архитектор, инженер-архитектор, епархиальный архитектор, младший архитектор и пр.) работали талантливые архитекторы, получившие глубокие знания в стенах Санкт-Петербургской Академии художеств, Московского училища живописи, ваяния и зодчества и других значимых образовательных учреждениях Российской империи. Им удалось создать, при различных подходах и стилевых решениях, уникальное архитектурное пространство Астрахани и органичную целостность ее исторического центра, здания которого и ныне являются образцами для современных архитекторов и неотъемлемой частью исторических экскурсионных маршрутов.

Список литературы

1. Горбачев О.В. Историко-демографические базы данных в контексте европейских компаративных исследований: проект EHPS-NET / О. В. Горбачев // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. – 2014. – № 2–3 (8–9). – С. 4–9.
2. Гусарова Е. В. Астраханские находки: история, архитектура, градостроительство Астрахани XVI–XVIII вв. по документам из собраний Петербурга / Е. В. Гусарова. – СПб., 2009.
3. Илюхин Л. К. Развитие планировочной структуры исторического центра Астрахани / Л. К. Илюхин, Б. Л. Илюхин // Труды Астраханского инженерно-строительного института. – 2007. – № 7. – С. 9.
4. История через личность: Историческая биография сегодня / под ред. Л. П. Репиной. – М.: Квадрига, 2010. – 721 с.
5. Матюшин А. Л. Российская архитектура в контексте модернизационных процессов конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Л. Матюшин. – М., – 2007. – 27 с.
6. Юмашева Ю. Ю. Историография просопографии / Ю. Ю. Юмашева // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 10 (39). – С. 95–127. – (Сер. 2. Гуманитарные науки).

ВИЗИТ ПЕРСИДСКОГО ШАХА В АСТРАХАНЬ В 1873 г. (К ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ПЕРСИДСКИХ ОТНОШЕНИЙ)

Медведик Ирина Семеновна,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и регионоведения,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

В 1850–1870-х гг. российско-персидские отношения развивались успешно. Во время Крымской войны России удалось подписать с Персией конвенцию о нейтралитете. В благодарность за это Россия отказалась от невыплаченной части контрибуции по Туркманчайскому миру.

О дальнейшем развитии дружеских отношений свидетельствует посещение шахом Наср эд-Дином российской Каспийской флотилии в марте – апреле 1866 г. С его стороны это было первое посещение иностранной военной флотилии. Наср эд-Дин побывал на корабле «Астрахань», продемонстрировав интерес и наградив российских моряков.

Позже генерал-адъютант шаха пригласил российского посланника и сообщил о том, что Наср эд-Дин шах убедился в искренности намерений России по обеспечению безопасности Каспийского побережья. Визит получил освещение в российской прессе «... Эта встреча оставила в русских самые лучшие воспоминания и, кажется, была не менее приятна дружественному нам народу» – писал «Кронштадтский вестник» [8].

Тогда же, в конце 60-х гг. XIX в., появилось несколько публикаций об отношениях России и Персии в астраханской газете «Восток». Учитывая незначительное внимание, традиционно уделявшееся провинциальной прессой международным событиям, это можно считать показателем растущего интереса к российско-персидским связям. В небольшой заметке в номере за 29 июля 1866 г. сообщалось о двух новых шхунах, прибывших в Астрахань из английских верфей. «Шхуны получили символические названия – «Россия» и «Иран» ... всякое новое судно, появляющееся на волнах Каспия, делается новым звеном, все крепче смыкающим наши торговые интересы с таковыми же соседнего Востока», – писал корреспондент. В той же газете помещались материалы Императорского Русского гео-

графического общества о Тегеране и его окрестностях, описание российской миссии, корреспонденции об Астрабадской станции и острове Ашур в Каспийском море [7].

Эта тенденция на сближение между двумя странами нашла продолжение в 1873 г., когда персидский шах Наср-эд-Дин отправился в путешествие по Европе, которое повторил в 1878 и 1889 гг. Первой страной на его пути была Россия, а первым российским городом – Астрахань.

Вопрос о визите персидского шаха в Астрахань рассмотрен на основании изучения материалов ГААО [1; 2], брошюры «Наср-Эддин шах и его выезд в Россию в 1873 году», опубликованной в том же году русским писателем Е.В. Богдановичем и основанной, по его словам, «на рассказах очевидцев, сопутствовавших шаху» [3], а так же на материалах путевого дневника самого шаха. Дневник был переведен на английский язык и опубликован в Лондоне в 1874 г. [5].

Астраханские власти тщательно готовились к встрече высокого гостя. Фонды ГААО содержат обширную переписку с МИДом и другими центральными ведомствами о согласовании подробностей встречи [1, д. 709, л. 7–8, 32, 58–59, 156–160]. В Санкт-Петербурге был заказан поясной портрет Наср-эд-Дина шаха в овальной золотой раме. Был подготовлен список российских подданных – астраханцев, для награждения персидским орденом «Льва и Солнца» 2–5 степеней. Он включал 15 человек, представлявших разные социальные слои: духовенство, военных, купцов, чиновников [1, л. 58–59]. Одним из награжденных был астраханский городской голова А.К. Ключарев, управлявший также астраханской таможней. Высочайшим фирманом «вследствие дружбы между двумя великими державами Персией и Россией» ему был пожалован орден «Льва и Солнца» 3-степени в декабре 1872 г. [2, л. 1–2].

В Персию выехал генерал-адъютант В.А. Меньшиков и другие представители российского императора для того, чтобы встретить шаха в Реште и сопровождать его по России. Из Решты торжественная процессия последовала в Энзели, где российские военные корабли «Урал», «Шах», «Бухарец» приветствовали ее. На пароходах «Константин» и «Князь Барятинский» общества «Кавказ и Меркурий» шах и его свита вышли в Каспийское море и отправились в Астрахань. Подчеркивая дружеский характер визита, Богданович писал: «В прощальной аудиенции шах просил русского посланника Бергера принимать участие в управлении государством вместе с персидскими сановниками ... За час до оставления владений шах повелел возратить в Тегеран всех телохранителей... Говорят, что повеление свое шах мотивировал чувством доверия к Державному хозяину русской земли и будто сказал: «На русской почве персидский шах безопаснее, чем где-нибудь» [3, с. 20–21].

По словам Богдановича в море была сильная качка, но на шаха она не произвела такого воздействия, как на его спутников. «Я люблю море, как любил его Петр Великий» – говорил он. В своей каюте шах занимался живописью, написал акварель, изобразив пароход и сделав надпись по-французски [3, с. 21]. В своем дневнике шах похвалил присланное для его поездки судно, отметив красоту кают, роскошно украшенных и чисто убранных [5, р. 17]. Во время всего пути он был чрезвычайно любознателен. В дневнике подробно описывается все, виденное им по берегам Каспия и Волги. Так, недалеко от Баку он описал «берег, покрытый кустами тамариска, который оказался так близко, что людей и животных можно было коснуться рукой». Внимание шаха привлек маяк в виде квадратной башни, шхуна «Иран», проплывавшая мимо [5, р. 17–20].

«Через несколько дней – писал шах, – проснувшись утром, я обнаружил, что нам удалось счастливо выбраться из морских пучин. Мы вошли в большую реку под названием Волга, она очень красива и удивительна. Эта река настолько широка, что едва ли пуля, выпущенная из мушкета, сможет долететь от одного берега до другого. Ее мутные воды обладают такой скоростью, что волны поднимаются не меньше, чем на море» [5, р. 22–23].

На берегах Волги шах заметил много зелени, ивы разных пород, войлочные жилища калмыков, стада домашних животных. Ближе к Астрахани перед путешественниками предстали большие, густонаселенные русские села. «В каждом селе, – писал шах, – издалека видны красивые величественные церкви. Когда наше судно оказывалось напротив этих поселений, люди собирались на берегу и приветствовали нас. Основное их занятие – рыбная ловля, но удивительно отсутствие садов и огородов» [5, р. 23].

Волга восхищала шаха на всем протяжении пути до Астрахани, а затем до Царицына: «Она как море, в некоторых местах так широка, что берега не видно. Вокруг много островов, на берегах большие села. Куда ни кинь взгляд, берега покрыты травой и деревьями, образуя прекрасную картину... Мы не видели никакой другой реки, которая могла бы сравниться с Волгой красотой и величием. Я не переставал восхищаться ею» [5, с. 31].

На Бирючей Косе шах был встречен астраханским губернатором, который сопровождал его до города. Пристань и дома горожан были украшены флагами России и Персии, коврами и цветами. Шах был встречен орудийной пальбой, персидским маршем. Его приветствовали представители сословий, гражданских и военных ведомств, персидский консул, городской голова, персидские подданные, духовенство. В сопровождении двух взводов Астраханского казачьего полка Наср-эд-Дин шах проследовал по аллеям порта и бульвару Императора Александра II к губернаторскому дому. Вечером город был иллюминирован, сверкали бенгальские огни. Проведя несколько дней в Астрахани, шах посетил театр, где был дан спектакль, мечеть, учебные и благотворительные заведения, конский и механический заводы, домик Петра Великого.

Встреча впечатлила шаха: «В тот момент как наша нога ступила на берег, огромная толпа мужчин и женщин, собравшаяся там, одновременно громко приветствовала нас. Это было необыкновенно – видеть столько людей и слышать необычное сочетание громких голосов. На улицах люди стояли так тесно, как только позволяло пространство». С гордостью шах описывает Триумфальную арку, устроенную для него «с большим старанием и имевшую весьма впечатляющий вид, все пространство от пристани до арки было покрыто коврами» [5, с. 25].

Шах описал и обычай встречать прибывших хлебом и солью, подчеркнув, что это касается только императоров и королей и никого более: «На золотой солонке и серебряном блюде для хлеба была выгравирована дата нашего приезда в Астрахань» [5, с. 25].

Проезжая в открытой карете по улицам Астрахани, шах видел толпы людей, молодых и старых, бежавших по обеим сторонам с приветственными криками. «Пыль и шум стояли ужасные. На балконах и крышах было тоже много людей, наблюдавших этот спектакль» [5, с. 26].

Из всего увиденного в Астрахани шах потряс дом губернатора, «импозантный, полный множеством разнообразных помещений, украшенный необыкновенным количеством цветов, красивой мебелью, изыскано сервированными столами с фруктами и шербетом». Особое впечатление произвела ванная комната с бассейном, нашедшая подробное описание в дневнике [5, с. 26–27].

Театр, наоборот, не очень понравился почетному гостю, оказался маленьким и душным. Актеры показались картонными фигурами, а не живыми людьми. «Если бы было не так жарко, – заметил шах, – представление показалось бы более привлекательным» [5, с. 28].

Большой интерес шаха вызвало посещение здания, где хранились реликвии, связанные с именем Петра Великого: «Я увидел там две большие лодки, построенные Петром своими руками, и, более того, украшенные прекрасным орнаментом, особенно красивым на одной из них. Там же был портрет Петра и Екатерины, было показано несметное количество стеклянных бокалов, из которых, как известно, Петр Великий пил вино с князем Меншиковым, предком нашего сопровождающего. Было также кресло, подаренное Екатериной тогдашнему губернатору Астрахани и ее грамота, отправленная жителям города. Кроме всего прочего, были продемонстрированы инструменты Петра Великого, старинное оружие и пушки. «Все это не было лишено интереса», – заключил шах [5, с. 30].

В сопровождении астраханского губернатора Наср эд-Дин шах отправился дальше, к Царицыну [3, с. 14–19; 1, д. 709, л. 7–8, 32, 58–59, 156–160].

Во время пребывания в России, 10 мая 1873 г., Наср эд-Дин шах получил орден Святого Андрея Первозванного, став первым персидским главой государства, удостоенным высшей награды Российской империи. Позже, в 1896 г., этой награды удостоился его сын Музаффар-ад-Дин, наследовавший персидский престол [4, с. 95].

Используя визит шаха, российское правительство сумело добиться значительного успеха: получить его согласие на аннулирование концессии Рейтера, которая была нежелательна для России, так как давала безграничную власть этой компании на территории от Каспийского моря до Персидского залива. Ноты Александра II и главы МИДа Горчакова, направленные шаху в 1872 г. цели не достигли. В ходе личных встреч шах уступил, получив в обмен согласие России оказать помощь в постройке железных дорог. В конце 1873 г. договор о концессии Рейтера был расторгнут, но и российско-персидский договор 1874 г. о концессии на строительство железных дорог, телеграфных линий и разработку месторождений каменного угля в Северной Персии не получил реального воплощения ввиду отсутствия средств [6, р. 110].

Список литературы

1. Государственный архив Астраханской области (далее ГААО). – Ф. 1. – Оп. 11. – Д. 709.
2. ГААО. – Ф. 94. – Оп. 1. – Д. 1934.
3. Богданович Е. В. Наср-Эддин шах и его выезд в Россию в 1873 году / Е. В. Богданович. – СПб. : тип. Майкова, 1873. – 22 с.
4. Дуров В. Лев, Солнце и Орел / В. Дуров // Родина. – 2001. – № 5. – С. 95.
5. The Diary of H.M. the Shah of Persia, during his Tour through Europe in A.D. 1873. By J. W. Redhouse. A verbatim translation. – L. : John Murray, Albemarle Street. 1874. – 472 pp. – Available at: <http://archive.org/details/diaryofhmsahhof00nasiuoft>. – (Accessed: 12.10.2017).
6. Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia. 1864–1914 / F. Kazemzadeh. – New Haven and L. : Yale University Press, 1968. – Vol. 12. – 711 pp.
7. Восток. – 1866. – № 5, 24, 33.
8. Кронштадтский вестник. – 1866. – № 61–62.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ПОГРОМЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЯНВАРЬ 1915 – ЯНВАРЬ 1917 г. (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)

Пилипцов Иван Николаевич,

аспирант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В годы Первой мировой войны губернские власти и органы местного самоуправления принимали различные меры для снабжения населения городов продовольствием. С течением войны и ухудшением экономической ситуации функция снабжения у органов власти всё более возрастала. В результате, в 1917 г., после февральской революции и перестройки системы управления, приведшей к хаосу в продовольственном деле, народные протесты из-за дефицита продовольствия стали регулярными. Однако и до революционных потрясений 1917 г. в городах Нижнего Поволжья произошёл ряд выступлений. Количество и сила продовольственных погромов, по нашему мнению, отражают эффективность деятельности органов власти в борьбе с продовольственным кризисом в конкретный момент времени.

Под продовольственными погромами мы понимаем действия населения по уничтожению, порче или похищению продовольственных ресурсов, как правило, в местах розничной торговли: базарах, рынках и магазинах.

В Астрахани беспорядки начались 8 сентября и продолжались 9 сентября 1915 г. [7, с. 173]. Астраханский губернатор И.Н. Соколовский немедленно выпустил обязательное постановление, утверждающее санкции за участие в беспорядках [9, с. 208].

Участниками погромов были дети до 14 лет и женщины под руководством 8–10 хулиганов, которых в течение дня несколько раз заключали под стражу и отпускали [4, с. 92]. Толпа разгромила ряд магазинов и торговых промышленных фирм. По мнению К.С. Фединой, погромы прекратились только с прибытием солдат, а по мнению Е.Ю. Семёновой, с прибытием казаков [8, с. 76], [9, с. 208]. Несколько иначе описывает эти события Д.А. Аманжолова. По мнению исследователя, беспорядки начались с драки призываемых ратников с рабочими-персами. Столкновения возникли из-за ссоры о высоких ценах, и превратилась в погром персидских лавок, после чего в течение двух дней призывники, мастеровые и подростки разгромили 41 магазин при незначительном противодействии казаков. Властями было арестовано около 108 активных участников погрома [1].

10 июля 1916 г. произошли беспорядки на базаре в г. Вольске [6, с. 299]. Поводом к погромам стало задержание рядового 10-й роты 150 пехотного запасного полка Василия Дмитриевича Ледкова, подозреваемого в краже сапог у нижнего чина 245 пехотного запасного полка Григория Тихоновича Ермолаева на Базарной площади города. Во время задержания на базаре окружающим показалось, что городовые бьют задержанного. В результате толпа ворвалась в полицейский участок и избива находившегося там полицейского. Далее, в соответствии с рапортом исправника, кто-то крикнул: «На базаре поймали городского Марусова». После этого толпа ринулась на базар, опрокинув и разбросав несколько корзин с помидорами и ягодами у торговца Саркисова. Позже появились призывы разгромить магазин Риль. В магазине были выбиты стёкла, внутрь пробралась группа из нескольких человек, преимущественно подростков, и стала вытаскивать разный товар [3, л. 1–7]. По мнению Ю.И. Кирьянова, данные беспорядки были спровоцированы высокими ценами на сахар [5, с. 12].

Погром прекратился только с прибытием роты солдат, причём из задержанных тридцати человек двадцать оказались женщинами [6, с. 299]. После разгона толпы в одном из концов базара осталась небольшая кучка женщин и рабочих. Одна из девушек кричала: «Нет нигде правды, жить не на что, а за всё берут непомерно высокие цены, полиция же никаких мер не принимает» [3, л. 7].

Между тем, рядовой Ледков, подозреваемый в краже, в объяснительной полицмейстеру указал, что городовые всю дорогу его били, но кто именно, сказать или указать он не может, так как фуражка была надвинута ему на глаза [3, л. 21–22].

Напряжённая ситуация сложилась в сентябре 1917 г. в г. Петровске. В городе одновременно проходила ярмарка и находилось много нижних чинов и их родственников. Петровский, уездный исправник, в рапорте саратовскому губернатору отмечал, что ратники призыва 8 сентября ведут себя вызывающе всех прошедших мобилизаций. 13 сентября в город прибыло более четырёх тысяч московских ратников – участников московского погрома. Для предотвращения инцидентов 5 сентября в Петровск были предприняты усиленные меры безопасности, а 8 сентября появились патрули [2, л. 6].

13 сентября 1915 г. в городе Петровске один из ратников ополчения 2-го разряда, не заплатив, забрал калач их хлебной лавки. Торговка хлебом Лукерья Калинина стала требовать деньги, в результате чего несколько сот человек ратников с криком «ура» бросились к стоявшим на земле и принадлежавшим Афанасьеву, Одинцову, Яковлеву, Соколову и Чеботарёву корзинам с арбузами и яблоками. Часть арбузов была разбросана, а другая часть увезена с собой. Убыток составил 100 рублей. Погром был остановлен отрядом под руководством помощника исправника. При этом, заметив приближение стражи, ратники смешались с толпой, не оказав никакого сопротивления [2, л. 1–3, 6].

Особый интерес представляют беспорядки, произошедшие 20 сентября 1915 г. в г. Петровске, так как сведения о них крайне противоречивы и содержатся в разных источниках.

В соответствии с рапортом Петровского уездного исправника Саратовскому губернатору, 20 сентября 1915 г. ратники второго разряда, прибывшие из Московской губернии, устроили погром на базаре. Несколько сотен человек подошли к лавке мещанина Ильи Сорокина, где в это время была его жена Александра Сорокина, и стали брать арбузы, не платя денег. «Последняя отступила и стала плакать» [2, л. 10]. В защиту А. Сорокиной выступил сосед-родственник торговец Ф.Т. Панов, который толкнул одного из ратников «в шею» и отнял арбуз, который тот забрал. Ратники (около 600 чел.), стоявшие рядом, с криком «ура» бросились за Пановым и нанесли ему «лёгкие побои». Затем они стали разбивать принадлежавшую Панову и Сорокину тару с рыбой. При этом было разбито, раскидано или унесено 25 тар солёной рыбы (общей стоимостью 750 руб.); 10 бочонков сельди (общей стоимостью – 80 руб.); 3 тары копчёной воблы (общей стоимостью 150 руб.); 4 тыс. арбузов (общей стоимостью 300 руб.); а также похищено 300 руб. из незапертой шкатулки.

В лавке Панова было разбросано 6 тар солёной рыбы на 180 руб., 8 кулей сухой воблы на 64 руб. и похищено 12 руб. Таким образом, общий убыток от действий погромщиков составил 1861 руб.

Панов из-за угроз скрылся в теплушке, которую ратники начали рубить двумя топорами, взятыми около неё. Полицейскому надзирателю Мещерякову и двум старшим городовым (Фролову и Абдрашитову) камнями были нанесены лёгкие побои, причём задержанные пять ратников были вскоре отбиты. Беспорядки были остановлены начальником Петровского гарнизона с отрядом стражи [2, л. 10].

В анонимном донесении губернатору сообщалось, что Фёдор Панов избил ополченца за арбуз. «Следует мерзавца проучить, чтобы он своим рукам волю не давал» [2, л. 11]. В ещё одном анонимном сообщении на имя губер-

натора отмечалось, что 20 сентября 1915 г. «на базаре был бунт» [2, л. 13]. Четыре ополченца подошли к торговцу Фёдору Панову, и один из них хотел купить арбуз за 12 коп., при стоимости 20 коп. На просьбы ополченца о снижении цены Панов ударил его «со всего размаха по лицу» [2, л. 13]. В целом, автор данного послания негативно отзывался о торговле в г. Петровске: «Панов – жулик, торгует вонючей рыбой. За калач берут 12 копеек фунт. Таксы нет. Городской голова бывший жулик. Жуликов, каких мало, при таком множестве народа такса необходима» [2, л. 13].

Очевидец событий, Сергей Кривошеин в послании губернатору отмечал, что торговец Панов ударил ополченца по лицу. «Панов – известный мерзавец» [2, л. 15]. Однако полиция «мерзавца» не задержала [2, л. 15].

Начальник Саратовского губернского жандармского управления отправил губернатору донесение своего помощника, из которого следует, что 20 сентября около одиннадцати дня к рыбной лавке на базаре г. Петровска подошёл ратник местного гарнизона и стал выбирать арбуз из кучи, лежащей на земле около лавки Ф.Т. Панова. Выбрав арбуз, ратник начал торговаться, предлагая вместо 12 коп. установленной цены только 10 коп. Вскоре Панов потребовал, чтобы ратник положил арбуз на место, но тот не подчинился. Тогда Панов сорвал шапку с головы ратника и ударил его рукой по щеке, за что и получил ответный удар.

После произошедшего «праздничная базарная толпа», состоящая из горожан, крестьян и ратников, подошла к лавке Панова для защиты ратника [2, л. 16]. Панов скрылся за дверью лавки. В это время на место происшествия прибыл полицейский надзиратель первого участка г. Петровска Мещеряков, и толпа отхлынула от лавки. Однако затем Панов «выскочил из лавочки и убежал» [2, л. 16]. Толпа с криком «ура» двинулась на полицейского надзирателя, в него были брошены арбузы и камни. В результате надзиратель Мещеряков, а также городской Фролов убежали и скрылись.

Толпа же разбила несколько сот арбузов, несколько бочек с солёной рыбой в лавке Панова и соседней с ней лавке И.Н. Сорокина. Как заявила жена И.Н. Сорокина, толпа разбила в её лавке шкатулку и унесла 300 руб., при этом ни арбузов, ни рыбы никто не унёс. Товары были раскиданы, а арбузы – расколоты. У Сорокина в лавке были выбиты дверь и окно [2, л. 16].

Таким образом, продовольственные погромы явились высшей стадией конфликта между обществом и государством, отразившего продовольственное положение населения. В то же время причины беспорядков не всегда были непосредственно связаны с недовольством населения продовольственной ситуацией в городе. Так, только в случае беспорядков в Вольске причиной агрессивного поведения населения можно считать дефицит сахара. В Нижнем Поволжье продовольственные погромы происходили как в губернских центрах (г. Астрахань), так и в уездных городах (Вольск, Петровск). Объединяющей чертой большинства продовольственных погромов явилось участие в них ратников ополчения и женщин на фоне негативного отношения населения к полиции.

Список литературы

1. Аманжолова Д.А. Из истории межэтнических конфликтов в России (1905–1916 гг.) / Д. А. Аманжолова. 2002. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Article/Aman IstKonf.php, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – Дата обращения: 26.09.2017.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). – Ф. 1 – Оп. 1. – Д. 9642. – Л. 1–3, 6, 10–11, 13, 15–16.
3. ГАСО. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 9831. – Л. 1, 7, 21–22.
4. Булдаков В. П. Первая мировая война и городское бунтарство в России: 1914–1916 гг. / В. П. Булдаков // Петербургский исторический журнал. – 2014. – № 2. – С. 82–97.
5. Кирьянов Ю. И. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) / Ю. И. Кирьянов // Отечественная история. – 1993. – № 3. – С. 3–18.
6. Семёнова Е. Ю. Мирозрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты: монография / Е. Ю. Семёнова. – Самара: СНЦ РАН, 2012. – 888 с.
7. Семёнова Е. Ю. «Продовольственный вопрос» в жизни горожан Поволжья в годы Первой мировой войны // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение / Е. Ю. Семёнова // Вопросы теории и практики. – 2011. – № 1 (7). – С. 169–174.
8. Семёнова Е. Ю. Социальные и индивидуальные поведенческие практики горожан в годы Первой мировой войны в контексте влияния «продовольственного вопроса» на повседневную жизнь / Е. Ю. Семёнова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17, № 3. – С. 68–79.
9. Федина К. С. Первая мировая война глазами астраханцев: «продовольственный вопрос» (по материалам астраханской прессы) / К. С. Федина // Астраханские краеведческие чтения: сборник статей. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2015. – Вып. 7. – С. 205–209.

К ВОПРОСУ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ НОВЫХ УКРЕПЛЕНИЙ АСТРАХАНИ В 1631 г.: УЧАСТНИКИ СОБЫТИЙ И ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Рабинович Яков Николаевич,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и археологии,
ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», г. Саратов*

После освобождения Астрахани от атамана Заруцкого (лето 1614 г.), а особенно – после окончания Смутного времени вновь возобновились торговые и политические контакты Русского правительства с Ираном и государствами Средней Азии. Ежегодно снаряжались по три огромных каравана вверх и вниз по Волге (весенний, летний и осен-

ний), которые сопровождали крупные отряды стрельцов для охраны от нападения воровских казаков (волжских, яицких, донских, а иногда и запорожских). Сложные отношения с ногайцами, а также с появившимися в Нижнем Поволжье калмыками также вынуждали русское правительство принимать экстренные меры к укреплению крепостей на Волге. В конце 1620-х гг. строится новая крепость Черный Яр, возводятся новые укрепления в Саратове и других поволжских городах, в том числе в Астрахани. Этим строительством в Астрахани занимался князь-юрикович Федор Тимофеевич Черново-Оболенский.

Его биография к настоящему времени изучена достаточно подробно. Сведения о нем имеются в Русском биографическом словаре (автор статьи Е. Лихач) и в современной Славянской энциклопедии. Автор этих строк также посвятил ряд работ этому активному деятелю Смутного времени, который в 1616 г. восстановил (построил заново) Саратовскую крепость на левом берегу Волги, а закончил свой жизненный путь около 1650 г. при царе Алексее Михайловиче.

В марте 1631 г. Ф.Т. Черново-Оболенского как специалиста по строительству укреплений отправили в Астрахань. В Дворцовых разрядах за 1630–1631 г. сохранилась следующая запись: «Марта в 30 день, указал Государь быти, на своей государеве службе, в Астрахани воеводам: Ивану Иванову сыну Салтыкову да Григорью Васильеву сыну Житову, да дьяком: Михайлу Смывалову да Ивану Трофимову, на перемену воеводам: князь Федору княж Семенову сыну Куракину да Ивану Кирилову (в другом списке правильно – Гаврилову) сыну Коробину да дьяком: Андрею Подлесову да Тихану Бормосову; да для городского дела сказано в Астрахань: князь Федор княж Тимофеев сын Оболенской да дьяк Михайло Патрикеев» [2, стб. 194]. В Славянской энциклопедии ошибочно указан 1630 г. [7, с. 56].

В апреле 1631 г. с началом навигации на Волге князь Федор Оболенский вместе с помощником Михаилом Патрикеевым отплыл из Нижнего Новгорода к новому месту службы. Его маршрут по Волге в апреле – мае 1631 г. проходил через Саратов. Та саратовская крепость, в строительстве которой принимал участие Федор Тимофеевич 14 лет назад, сильно пострадала от нападений татар. Укрепления её стали ненадежными. Когда Федор Оболенский по пути в Астрахань в мае 1631 г. останавливался в Саратове, строительство новой саратовской крепости уже шло полным ходом под руководством воеводы Степана Васильевича Чемесова. Аналогичное «городовое дело», но в более крупных размерах, предстояло предпринять в Астрахани Федору Тимофеевичу. Отдохнув несколько дней в Саратове у Степана Чемесова, старого соратника по совместной службе в Мценске 1625 г., Федор Тимофеевич отправился дальше в Астрахань.

Пост воеводы в Астрахань был достаточно почетным. Обычно сюда назначались первые воеводы из числа окольных, реже – стольники. Также в Астрахань помощниками воевод назначали двух дьяков.

К моменту приезда Ф.Т. Черново-Оболенского в Астрахань там уже два года (с весны 1629 г.) находились воеводы князь Федор Семенович Куракин и Иван Гаврилович Коробьин, а также дьяки Андрей Подлесов и Тихон Бормосов [2, стб. 90; 3, с. 350].

В конце мая 1631 г., в Астрахань с первым весенним караваном прибыли новые воеводы Иван Иванович Салтыков и Григорий Житов. Они плыли в составе одного каравана вместе с кн. Ф.Т. Черново-Оболенским и его людьми, среди которых был опытные градодельцы.

Сразу после прибытия в Астрахань уже с лета 1631 г. началось строительство нового города в Астрахани, которое осуществлял князь Ф.Т. Черново-Оболенский. Оно происходило уже без участия прежних воевод Астрахани Ф.С. Куракина и И.Г. Коробьина, которые после передачи дел новым воеводам отплыли в июне 1631 г. в Москву [2, стб. 90, 165, 194].

Следует отметить, что предварительные работы по подготовке к строительству нового города в Астрахани осуществлялись под контролем прежних воевод Ф.С. Куракина и И.Г. Коробьина. В 1630 г. происходила интенсивная разборка старой столицы Золотой Орды (Царевского городища). Сюда были направлены стрельцы из Саратова, Царицына и Астрахани. Камни из разобранных крепостей на судах по Волге свозили в Астрахань. В дальнейшем этот материал использовался при строительстве новой крепости.

Сохранились известия не только о строительной деятельности Федора Оболенского, но и о материале, который использовался при строительстве: «Апреля в 10 день (1631 г.) в царствование Михаила Федоровича при воеводах Салтыкове и Житове, при дьяках Смывалове и Трофимове построен г. Астрахань каменной князем Оболенским, Хохловым да дьяком Патрикеевым; велено кирпич брать на Ахтубе, и ханскую мечеть и дом ханский сломать, чтобы было на построение довольно, как белого камня, так и желева от Ахтубы» [8, с. 2]. Автор (П.П. Смирнов) ссылается на Историко-географический словарь Саратовской губернии А.Н. Минха, который впервые опубликовал некое рукописное описание Астрахани.

Обратим внимание, что вместе с Оболенским и дьяком Патрикеевым среди строителей новой крепости в Астрахани указан Хохлов.

Год в этом рукописном описании Астрахани, которое использовал в своем труде А.Н. Минх, указан неточно. 10 апреля 1631 г. новые воеводы Салтыков и Житов никак не могли попасть в Астрахань, ведь в это время только начиналась навигация на Волге. Даже если учесть, что воеводы Салтыков и Житов в начале апреля 1631 г. отправи-

лись из Казани в Астрахань, то прибыть туда они могли лишь в мае. Указ строителю крепости Федору Оболенскому был дан, как следует из Дворцовых разрядов, 30 марта 1631 г. В этот же день последовало назначение новых воевод в Астрахань.

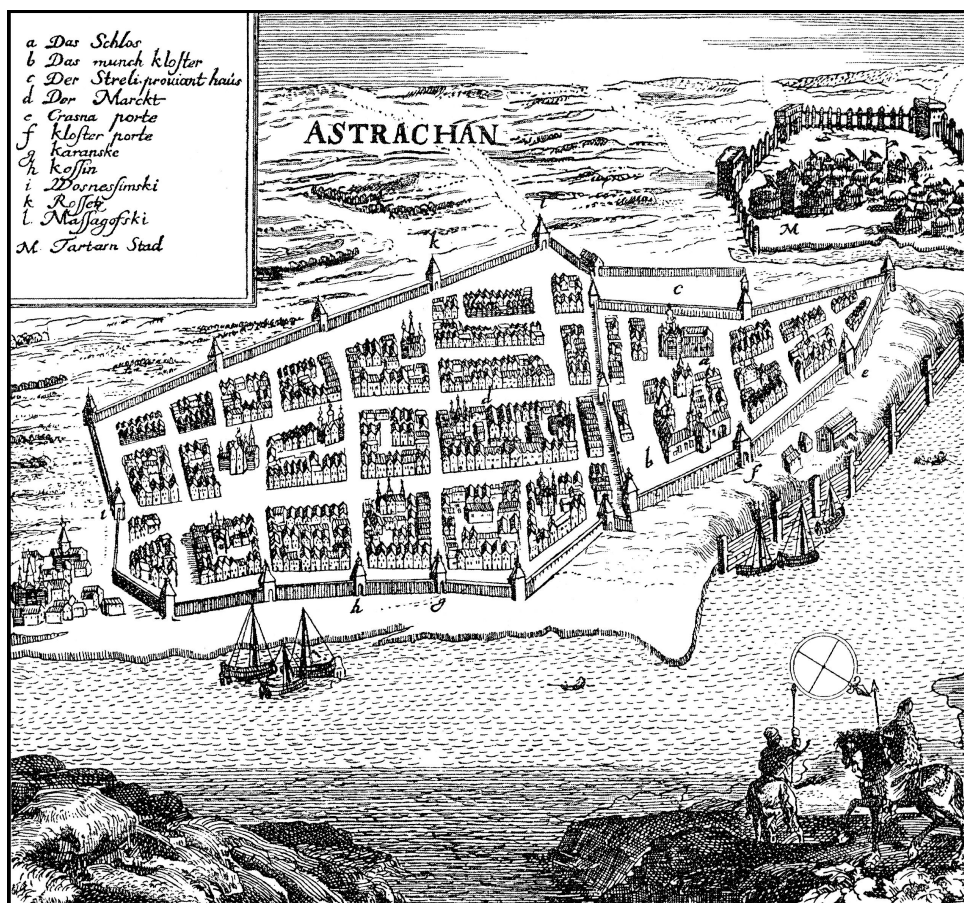
Возможно, что здесь ошибочно указан год (следует читать 10 апреля 1632 г.). Впрочем, возможны и другие варианты.

Через много лет, когда в апреле 1645 г. было решено строить на Яике город Гурьев, то дьяки приняли решение взять за образец построенный Федором Оболенским Астраханский кремль. В наказе Михаилу Гурьеву записано: «А зделати тот каменной город, в ширину и в толщину и в вышину и с зубцами, против Астараханского каменого города, каков каменной город сделал в Астарахани князь Федор Оболенской с товарищи». Слово «против» означает «по такому же подобию», «таким же образом», «точно так же, как...».

Далее приводится фактически описание Астраханского кремля, ведь именно точно такую же надо было строить крепость в Гурьеве: «Стена городова меж ворот и башен делать в ширину в полторы сажени, а в вышину и с зубцами четырех сажень, а зубцы по стене делати в длину сажень, а в толщину в полсажени, а в вышину в полторы сажени, и башни делати мерою против Астараханского ж каменого города, каковы башни деланы в Астарахани меж городовых прясел» [5, с. 134].

Интересные подробности о кн. Оболенском содержатся в «Боярской книге 1639 года»: «Князь Федор княж Тимофеев сын Черново-Оболенской. В книге 137-го году помесной ему оклад 800 чети, денег 80 рублей. Да по памяти ис Казанского приказу 150-го октября в 7 день за астраханское городовое дело придано двесте чети, денег шездесят рублей» [1, с. 91].

Судя по данному тексту 7 октября 1641 г. Федор Тимофеевич получил придачу к поместному и денежному окладу за прежние заслуги десятилетней давности, связанные со строительством укреплений в Астрахани. Можно предположить, что в это время (сентябрь – октябрь 1641 г.) он уже находился в Москве, завершил «Кольскую службу» (приехав из далекого Кольского острога, где был воеводой). Особых претензий к нему за воеводство в Коле не было, он подал челобитную о своих прежних заслугах в Астрахани (возможно, это была повторная челобитная) и после ее рассмотрения в Москве было принято решение о прибавке жалования.

План Астраханской крепости (взято из: *Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно.* СПб., 1906. С. 525)

По архивным материалам удаётся узнать и размер годового денежного оклада кн. Ф. Т. Черново-Оболенского в этот период – 140 рублей: он указан в кормлёной книге Галицкой четверти за 1641/42 г. [6, л. 9]. Этот новый денежный оклад соответствует той задаче, которая была дана за строительство Астраханской крепости ($80 + 60 = 140$).

Адам Олеарий, немецкий ученый-энциклопедист, секретарь и советник голштинского посольства в Россию и Персию, впервые увидел Астрахань 15 сентября 1636 г. и оставил следующее описание: «Город этот впоследствии тиран (Иван Грозный) укрепил толстой каменной стеною, а нынешний же великий царь (Михаил Федорович) велел расширить его и построить около него Стрелецкий город (Strelitz gorod) или часть, где живут стрельцы».

Это указание царя Михаила Федоровича о расширении города и постройке Стрелецкого города в 1631 г. начал выполнять Федор Тимофеевич Черново-Оболенский, за пять лет до прибытия Олеария в Астрахань. На гравюре А. Олеария восточнее Кремля, между Кремлем, Белым городом и Татарским городом обозначен под буквой «С» прямоугольник с четырьмя угловыми башнями с надписью «Der Streliprouiant haus».

После строительства, предпринятого Федором Оболенским, в Астрахани, по словам Олеария, стало значительно больше стрельцов: «9 приказов, каждому из которых принадлежит 500 стрельцов». Олеарий писал, что для строительства этой крепости в Астрахани использовали кирпичи из бывшего ханского дворца, расположенного недалеко от Царицына. Он лично видел, как несколько лодок с камнями из бывшего «дворца жестокого изверга Тамерлана» плыли в Астрахань. По его словам, несколько лет назад «русские увезли наибольшее количество камней в Астрахань и построили из них большую часть городских стен, церквей, монастырей и других зданий» [4, с. 391–405].

Судя по этой записи, строительная деятельность кн. Ф.Т. Черново-Оболенского не ограничивалась лишь постройкой «Стрелецкого города». Итоги этой деятельности мы можем наблюдать и в настоящее время, ведь Астраханский кремль, в отличие от многих каменных крепостей России, сохранился неплохо.

Таким образом, исследование данного вопроса показало, что строительство новых укреплений в Астрахани в 1631 г. велось под руководством князя Ф.Т. Черново-Оболенского. Подготовительные работы осуществлялись под руководством воевод Ф.С. Куракина и И.Г. Коробьина, а также дьяков А. Подлесова и Т. Бормосова. К моменту приезда Ф.Т. Оболенского заготовка строительного материала была завершена. Новые воеводы Астрахани Иван Салтыков и Григорий Житов оказывали помощь Ф.Т. Оболенскому, предоставляя людей, продовольствие и т.д.

Источниками, в которых были обнаружены сведения о данном строительстве, были скупые разрядные записи, рукописное описание Астрахани, впервые опубликованное А.Н. Минхом, более поздний наказ астраханским воеводам, в котором подробно указаны размеры новой крепости. О том, как правительство оценило заслуги Ф.Т. Оболенского в строительстве Астраханской крепости, можно узнать из боярской книги 1639 г., а также из архивных документов РГАДА. Важные сведения о новой крепости привел Адам Олеарий (нарисовал план и составил ее краткое описание).

Список литературы

1. Боярская книга 1639 года. – М., 1999.
2. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. – СПб., 1851. – Т. 2.
3. Разрядная книга 1550–1636 / сост. Л. Ф. Кузьмина; отв. ред. В. И. Буганов : в 2 т. – М., 1975. – Т. 2, вып. 2.
4. Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / А. Олеарий. – СПб., 1906.
5. Орывок наказа Астраханским воеводам, боярину князю Михаилу Пронскому, окольничему Тимофею Бутурлину и Илье Безобразову. 1650, в июне // АИ : в 5 т. – СПб., 1842. – Т. 4 (1645–1676). – № 40.
6. РГАДА. – Ф. 137. «Боярские и городские книги». – Оп. 1. – Галич. – Кн. 9.
7. Славянская энциклопедия. XVII век : в 2 т. – Т. 2.
8. Смирнов П. П. Окладная роспись пятины по городу Саратову 1634 года / П. П. Смирнов // Труды СУАК. – Саратов, 1916. – Вып. 33.

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ СТРУКТУР В АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в.

Рослякова Ольга Борисовна,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

В условиях реформирования основ социально-экономической и политической системы России важнейшее значение имеет деятельность государства по обеспечению правопорядка. В течение всего периода существования императорской России деятельность полиции была направлена на обеспечения благочиния, спокойствия и безопасности под которыми законодательство XVIII–XIX вв. понималось «контроль за послушанием, порядком, спокойствием, приличием и благопристойностью».

Попытка создать полицию в г. Астрахани, как и в других периферийных городах, предпринимались еще при жизни Петра I, издав в 1718 г. указ об учреждении в Петербурге должности генерал-полицейстера, в истории России было положено начало созданию регулярной полиции. В задачи нового органа входил обширный круг обязанностей, которые можно свести к трем группам: по надзору за благоустройством и санитарией; обязанности по охране общественного порядка и борьбе с преступностью; обязанности по обеспечению пожарной безопасности. В целом регулярная полиция в России должна была стать государственной структурой по обеспечению «добрых гражданских порядков». Поиск путей организации общественного порядка и борьбы с преступностью в городах привел к созданию различных по своему назначению полицейских формирований. Однако в ту пору они были весьма безуспешными. Указ от 10 февраля 1723 г. «О создании полиции в г. Астрахани» исполнен не был.

Наиболее результативно процесс создания полиции в г. Астрахани начался с 1732 г., когда на престоле утвердилась императрица Анна Ивановна. Именно она 23 апреля 1733 г. издала Манифест «Об учреждении полиции в городах», который впоследствии приобрел реальную юридическую силу. Центральному полицейскому управлению апрельский указ 1733 г. поручал устроить полицию в 23 городах. В их числе была резолюция по Астрахани. Создание здесь специального органа правопорядка было обусловлено крайней неустроенностью города и его санитарным неблагополучием. О чем свидетельствует Высочайшая резолюция на доклад полицмейстерской канцелярии: «По прибытии из Астрахани генерал-лейтенант князь Гессен-Гамбургский усмотрел по тамошнему месту и разных в городе народов, наполненных от тамошнего тяжелого воздуха, а летнюю порою от великой теплоты, за недосмотрением чистоты, самый вредительный и язвительный смрад, от чего потребно тамо учредить полицию» [4, с. 156]. Таким образом, именно с 1733 г. мы можем утверждать, что в Астрахани возникают новые органы исполнительной власти: создаются полицмейстерские конторы, которые непосредственно подчинялись главной полицмейстерской канцелярии. Помимо чиновников данных органов к ним относились воинские команды, сотские, ночные караульщики, назначаемые в порядке полицейской повинности [4, с. 158]. Новые структуры содержались за счет местных доходов и сборов с населения.

Делая свои первые шаги, астраханская полиция в XVIII в. еще не представляла собой четкой организованной структуры. Несовершенна она была и в первой четверти XIX в. Однако этот отрезок исторического времени является немаловажной вехой на пути развития полицейской службы города.

В 1801 г. на основании «Высочайшего конфирмованного расписания городов, где состоят крепости и порты, в отношении к Полицейскому их Управлению» в Астрахани была учреждена должность военного губернатора [5, с. 97]. Несмотря на то, что до 1832г. параллельно существовал гражданский губернатор, вся полнота административно-полицейской и военной власти в губернии, как губернии пограничной, принадлежала военному губернатору.

В центре системы полицейских органов находилась Городская Управа благочиния, которую возглавлял городской полицмейстер. Но функции начальника городской полиции до 1803 г. осуществлял Астраханский городничий. Эта должность существовала вплоть до 1862 г., когда она была заменена городским полицейским управлением. Существовая параллельно с должностью полицмейстера, городничий ограничивался выполнением судебных функций по решению мелких гражданских и уголовных дел. Он назначался Сенатом на основании «Учреждения о губерниях» 1775 г. Помимо городничего в состав Управы благочиния должны были входить и приставы Гражданских и Уголовных дел. Однако анализ архивных данных позволяет говорить о том, что, несмотря на давность введения института приставов Гражданских и Уголовных дел (с 1782 г.), в полицейской практике нашего города таких должностей не было, они появились только в 1804 г. хотя в числе обнаруженных источников о них не найдено никаких сведений. Информативные данные из фонда архива, послужили поводом для подобного рода предположений. В таблице «Примерный штат Астраханской полиции» имеются сведения о числе полицейских служащих и размерах их жалований в период правления Александра I и Николая I, а также дает возможность определиться в структуре Астраханской полиции на данном этапе истории.

Таблица

Примерный штат астраханской полиции

ДОЛЖНОСТИ	ЧИСЛО запрещала и ЖАЛОВАНИЕ	
	1825 г.	1831 г.
1. Полицейстер	1 (900руб.)	1 (1200 руб.)
2. Приставы которые уголовных и гражданских мастера дел		2 (по 700 руб.)
3. Секретарь	1 (500руб.)	1 (600 руб.)
4. Помощник кроме секретаря		2 (по 400 руб.)
5. Столоначальник	3 (по 300руб.)	4 (по 400 руб.)
6. Помощник неровных столонач-ка		4 (по 300 руб.)

7. Писцы		8 (по 200 руб.)
8. Журналист	1(200 руб.)	1 (350 руб.)
9. Регистратор		1 (350 руб.)
10. Архивариус	1 (300 руб.)	1 (300 руб.)
11. Переводчик	1 (300 руб.)	1 (300 руб.)
12. Казначей	1 (400 руб.)	1 (400 руб.)
13. Частные приставы	3 (по 300 руб.)	4 (по 600 руб.)
назиратели	12(по 400 руб.)	16 (по 400 руб.)
одному на каждую часть)	3 (по 350 руб.)	4 (по 350 руб.)
14. Писцы в части	3 (по 200 руб.)	4 (по 200 руб.)
15. Городовые унтер-фицеры	12 (по 100руб.)	16 (по 100 руб.)
16. Стражи на будках	112 (по 24 руб.)	148 (по 24 руб.)
17. Брантмейстер	1 (500 руб.)	1(500 руб.)
18. Унтер-брантмейстеры		5(по 100 руб.)
19. Трубные мастера	3 (по 200 руб.)	3 (по 200 руб.)
20. Пожарные служители	138 (по 24 руб.)	172 (по 24 руб.)

Такова штатная расстановка чинов Астраханской полиции к концу первой четверти XIX столетия [1, л. 6].

Документы, характеризующие состояние Астраханской полиции в первой четверти XIX в., немногочисленны. Основными руководящими документами, регулировавшими вопросы организации и деятельности полиции этого периода, являлись «Учреждения для управления губерниями» 1775 г., «Устав благочиния и полицейский» 1782 г. и «Закон о земской полиции» 1837 г.

По данным документам компетенция городской полиции определялась очень широко. Кроме охраны тишины и спокойствия на подведомственной территории, в полиции сосредоточивались судебно-следственная и хозяйственная части. На полицию возлагалось производство дознания о всяком происшествии, преследование преступления, разбор маловажных проступков, вынесение решений по незначительным искам, взыскание податей и недоимки, наблюдение за починкой дорог, особенно за санитарным состоянием города. Последнему придавалось немаловажное значение. В фондах Астраханского государственного архива храниться «Дело о наблюдении городской полицией за санитарным состоянием города», в котором говорится, что под «наблюдением за санитарным состоянием города» подразумевалось:

- «1. ...не позволять ни под каким видом обывателям засорять улицы всякими нечистотами... ;
2. ...не терпеть на самих дворах нечистот, вредных здоровью самих хозяев и обывателей вообще... ;
3. [следить], чтобы канавы... всегда содержимы были в их надлежащем углублении и давала бы нужный исток;
4. [следить], чтобы колодези были надлежащим образом чищены, незасоряемы;
5. [следить], чтобы реки и источники ничем не были засорены...»[1, л. 4–6].

Из «Рапорта Астраханской полиции о пожарах в городе» (19 сентября 1802 г.) видно, что и этот вид деятельности относился к компетенции полиции.

В ведении городской полиции находился также контроль за состоянием здоровья населения: полиция следила за количеством больных, вела учет различных видов заболеваний, запрещала с больными «всякое сообщение». На время эпидемий в городе учреждалась временная полиция. В документе от 26 мая 1807 г. говорится о необходимости создания в Астрахани на время распространения «заразы» (эпидемии) дополнительной команды из казаков [1, л. 1].

Полномочия Астраханской полиции и роль исполнительной полиции в жизни города были огромные. Кроме охраны тишины в задачи Астраханской полиции, как и полиции других губернских городов, относились действия по соблюдению благочиния в церквях. Согласно Указу за 1804 г. Управа благочиния должна была «иметь бдение, дабы всяк в церкви Божией почтителен был, да войдут в храм Божий с благоговением и да пребывают в оном во время службы со страхом в молчании, тишине и во всяком почтении» [5, с. 204]. В подобном указе за 1816 г. «О смотре полиции за благочинием в церквях» говорилось, что «нарушителей благопочитания и вероисповедания через полицию отсылать (даже за малейшее отступничество) к суду [5, с. 209].

В соответствии с Указом от 20 апреля 1809 г. все городские и земские полиции обязаны были также «наблюдать, чтобы цыгане толпами празднo не шатались, шатров и других подвижных пристанищ не ставили» [1, л. 3].

Рассмотрев лишь часть функций, возложенных на органы полиции в первые годы XIX в., становится очевидным, что круг их полномочий в основном остался таким же, каким был установлен еще в Уставе благочиния 1782 г. Как и прежде, он носил всеохватывающий характер.

С началом войны 1812 г., согласно «Правилам, данным главнокомандующему действующей армии для управления губерниями, объявленными на военном положении» [4, с. 345], полиция этих губерний передавалась в подчинение главнокомандующему, который наделялся по укреплению полиции на местах отрешать от должности чиновников городской и земской полиции, а также передавать их военному суду. Министерству удалось обеспечить эффективную деятельность полиции по поддержанию порядка в городе. Но не всё так было хорошо. В частности, трудноразрешимой оказалась задача улучшения кадрового состава. Война с наполеоновской Францией привела к увеличению затрат на содержание армии, а на полицию средств не хватало.

В фондах Астраханского архива хранится документ, датированный 1812 г. «Дело об увеличении штата городской полиции». В нем указывается на недостаток полицейских штатов в Астрахани: «Число наличных полицейских офицеров, за исключением находящихся в командировках и больных, столь мало, что части города не имеют способов отражать оных в ночные обходы с военными командами ежедневно от Астраханского гарнизона, обязанности офицеров почти не выполняются ...» [1, л. 7].

В 1814 г. астраханская шестигласная Дума ходатайствовала перед Александром 1 об увеличении доходов, в том числе и на содержание полиции. В данном документе говорилось, что «город Астрахань не имеет ни брандмейстеров, ни учеников для сего необходимых, посему комитет... назначает отправить в учрежденное по сей части в Москве особое Депо из здешних обществ мещанского, армянского и татарского по одному ученику. Отчисляя при первом случае на содержание им 600 руб.» [1, л. 6].

О несовершенстве полицейских структур в губернии свидетельствует «Копия рапорта Астраханского гражданского губернатора Бухарина Главнокомандующему Астраханской и Кавказской губерниями генералу от инфантерии Ермолову о плохом устройстве города и об отсутствии в нем полицейских чинов» датированная 1819 г. Этот документ указывает на то, что полиция в Астрахани к октябрю 1819 г. находилась «в прежнем ничтожном положении». «Вообще, губернский город Астрахань найден мною совершенно неустроенным, почти без надзора полицейского, из-за неимением полицейских чиновников.» И далее автор рапорта предлагает ряд мер по улучшению состояния астраханской полиции и прежде всего: «назначить из Военного в Гражданское ведомство 308 человек, потребных по полицейскому штату в сотские, десятские и пожарные служители, из коих каждому на одежду, провиант и жалование полагается на счет городских доходов ежегодно по 110 руб. Без сих людей полиция, по невозможности отыскать наемных полицейских служителей, не в состоянии будет действовать соответственно обязанностям» [2, л. 4–5]. Таким образом, и семь лет спустя ситуация в городе не изменилась. Неустроенность Астрахани, а это - «низкие улицы, непроходимые от грязи и неровных насыпей, нечищенные площади с большими земельными буграми, неисправные мосты...», свидетельствуют о том, что полицейские функции реализуются не в полной мере. Орган правопорядка был не в состоянии действовать в соответствии со своими функциональными обязанностями.

В 1816 г. Александр I посетил ряд губерний и обратил внимание на то, что полиция не всегда хорошо исполняла свои обязанности, особенно по поддержанию порядка на улицах и в «обывательских дворах». В том же году последовал указ, обязывающий Министерство полиции пересмотреть полицейские штаты городов на основании Положения «О средствах к исправлению полиции в городах» от 1803 г. Настоятельно рекомендовалось подбирать на службу в полицию достойных чиновников, а также контролировать правильность и целесообразность разделения городов на полицейские части и кварталы.

С 1818 г. астраханским полицмейстером являлся титулярный советник М.Т. Смигин. Штат частных приставов состоял из трех человек: коллежского асессора П.С. Аксютин, титулярного советника З.И. Семенова. Прапорщика М.Д. Смолицына, полицейского регистратора Д.С. Весалухина [2, д.2] Частный пристав назначался губернским правлением. Он следил за общим порядком в части, руководил текущей полицейской работой в ней. С 1814 г. в круг обязанностей астраханских частных приставов входило «по очередное дежурство по полиции, сменяясь каждые 7 дней. В подчинении у частного пристава были квартальные надзиратели (участковый полицейский чин), которые занимались самым низовым обеспечением полицейской деятельности. Квар-

тальным надзирателям подчинялись все сторожа квартала, а также квартальные поручители, избираемые сроком на 3 года.

Полицейские части разделялись на кварталы в главе с квартальными надзирателями, помощники которых назывались квартальными поручиками. В народе квартальных надзирателей называли просто квартальными или уничижительно кварташками [2, с. 75].

С 1837 г. в губерниях, в сельской местности учреждались станы, на которые делились уезды. В каждый стан губернатор назначал становых приставов. В осуществлении своих полицейских функций становой пристав опирался на сельскую выборную полицию из государственных крестьянских и десятских, а также на вотчинную полицию помещиков. Из архивных материалов видно, что в обязанность полиции входило «преследование разбойников и воров» «действия полиции в случае поисков и преследования виновных, не останавливалась границами уезда своей губернии», продолжались до стана полиции, коего пристав обязан принимать дальнейшие меры и удовлетворять требованиям градской полиции [2, л. 4].

В 1811 г. император приступил к созданию внутренней службы. 16 января он издал Указ о приведении губернских рот и уездных команд, «внутреннюю губернскую стражу составляющих в лучшее устройство». Было решено подчинить единому центру в Военном министерстве управление этими ротами и командами. Затем последовала реорганизация гарнизонных батальонов. 17 января 1811 г. по представлению военного министра, издается императорский указ о формировании новых полков на базе гарнизонных батальонов. Эти указы явились законодательной основой создания внутренней стражи. Уже 3 июля было принято Положение о внутренней стражи, которое предусматривало образование бригад и округов во главе с окружным генералом. В сентябре указанного года такая бригада была сформирована в Астрахани. В обязанности внутренней стражи входило:

- обучение запасных рекрутских делу военной экзерциции;
- действия на исполнение закона и приговора суда и на охранение либо восстановление внутреннего порядка, включая поимку воров, преследование и истребление разбойников и рассеяние запрещенных законом скопищ;
- задержание беглых, ушедших преступников и дезертиров;
- борьба с контрабандой, содействие сбору податей и недоимок;
- охранение порядка и спокойствия церковных обрядов всех исповеданий, на ярмарках, торгах и народных празднествах, проведение спасательных работ при стихийных бедствиях (пожарах, разливах рек и т.д.) и многое другое [5, с. 121].

Таким образом, внутренняя стража представляла собой военную силу, наделенную полицейскими функциями.

В первой половине XIX в. в помощь полиции активно направлялась астраханское казачество. Постоянная конно-полицейская казачья команда составляла 25 чел. Казачьи разъездные посты придавались в помощь местной земской полиции для поимки бродяг и преступников. При этом полагалось, чтобы вместе с казаками отряжались понятые и при задержании обязательно присутствовал представитель полицейской власти.

Весьма эффективной полицейско-профилактической мерой стала практика изъятия адресными конторами паспортов и других документов, удостоверяющих личность и выдача вместо них билетов на жительство (адресных билетов) разной формы, в зависимости от категории регистрируемых). Билет на жительство являлся для владельца «одобрительным свидетельством». Принимать без такого билета кого-либо на работу запрещалось. Нарушившим этот запрет грозил штраф в размере двух рублей за каждый день работы. Лиц, не имевших билетов на жительство, полиция высылала из города.

Таким образом, с созданием МВД как центрального органа управления полицейской службой структура местного полицейского аппарата не претерпела каких-либо существенных изменений. По-прежнему в городах сохранялись управы благочиния, в уездах – нижние земские суды. Однако в политике правительства прослеживаются попытки несколько усовершенствовать деятельность полиции в городах. Начиная, с первой четверти XIX в., сложилась и получила законодательное оформление военно-охранительная система России. Главной задачей этой системы являлось обеспечение «тишины и спокойствия» в государстве, охрана его внутренней безопасности в тех случаях, когда для этого необходима специальная вооруженная сила, организованная, в отличие от полиции, по армейскому образцу.

Список литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 187, 439, 2163.
2. ГААО. – Ф. 290. – Оп. 1. – Т. 1. – Д. 2, 3, 39.
3. Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 1. – Т. 37. – № 25139.
4. Российское законодательство X–XX вв. – М., 1986. – Т. 5.
5. Собрание узаконений по полицейской части со времен издания Устава Благочиния до 1817 г. – СПб., 1817.
6. Федосюк Ю. А. Что непонятное у классика или энциклопедия русского быта XIX века / Ю. А. Федосюк. – М., 1999.
7. Хавский П. Собрание законов о полицейском управлении, или наказы губернаторские и Уставы управы благочиния. Со включением законов с 1708 по апрель 1823 г. / П. Хавский. – СПб., 1823.

ПАРКОВОЕ И САДОВОЕ ХОЗЯЙСТВО ГОРОДА АСТРАХАНИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1953 гг.).

Федина Ксения Сергеевна,

аспирант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Сфера досуга в советский период была частью культурной политики государства, спустя два года после окончания Великой отечественной войны Совет министров РСФСР в соответствии с Постановлением № 337 от 5 мая 1947 г. «О мероприятиях по улучшению работы городских парков культуры и отдыха» обязал Комитет по делам культурно – просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР навести необходимый порядок в городских парках культуры и отдыха, своевременно открыть их для публичных посещений и обеспечить повышение идейного уровня проводимой в них культурно-просветительной деятельности.

Областные исполкомы обязаны были восстановить здания, сооружения, обеспечить ремонт оборудования, а также привести в порядок зеленое и дорожное хозяйство, освещение и канализацию, установить ограждения; принаять парки культуры и отдыха на плановое снабжение строительными и другими материалами; обеспечить их мебелью и культивентарем; провести массовую посадку зеленых насаждений и организовать надлежащую их охрану, произвести инвентаризацию зеленых насаждений, организовать в каждом парке оранжерейно-парниковое хозяйство, создать при каждом парке культуры и отдыха Совет содействия в составе представителей местных исполкомов, профсоюзных, комсомольских, физкультурных организаций и работников культуры. Кроме того, было установлено, что парки культуры и отдыха состоят на хозрасчете, и могут обращать доходы и прибыли от хозяйственной деятельности, на строительство, капитальный ремонт своего паркового хозяйства. Министерство торговли РСФСР, областные исполкомы обязали обеспечить широкое развертывание весенне-летней торговли, а Комитет по делам искусств при Совете министров РСФСР – организовать обслуживание посетителей парков силами театров, филармоний, обеспечив высокое идейно-художественное качество репертуара [15].

Организуемые работниками партийных и хозяйственных органов, жители города внесли большой вклад в развитие паркового хозяйства г. Астрахани, участвуя в весенних месячниках, субботниках и воскресниках. 23 марта 1947 г. в рамках воскресника на территории парка имени Ленина в Ленинском районе г. Астрахани (ныне парк Театральный) собралось около 1500 рабочих и служащих бондарного завода им. Сталина, завода им. Урицкого, речники местного порта, учащиеся зоотехникума, учащиеся нефтяного техникума, юнги из школы Волго-Каспийского треста, служащие нефтеснаба, растянувшись на полтора километра, они копали траншеи для фундамента чугунной ограды, которая была установлена потом по периметру парка [1, л. 2]. С каждым годом парк имени Ленина становился все более благоустроенным, в летний период 1949 г. он пользовался у публики большим успехом, павильон, где продавались прохладительные напитки и мороженное, не вмещал всех желающих. Но не все устраивало горожан, в саду не было помещения, где можно было почитать газеты, журналы, сыграть в шашки и шахматы, не было радио [7, л. 3]. На следующий год в парке к открытию сезона убрали более шести гектаров площади, подрезали двадцать восемь тысяч деревьев и кустарников, было отремонтировано 65 скамеек, подготовлено около 1000 м² площади для разбивки клумб. Однако по прежнему под вопросом оставались работа в парке радио, читальни, оркестра, проведение массовых спортивных игр, выступление артистов. Эти вопросы были поставлены в статье местной газеты перед руководителями Ленинского района и в частности председателем райисполкома Никифоровой. И хотя на тот момент в парке с большим опозданием только началась постройка эстрады, ни чего не делалось по радиофикации парка, по устройству читальни [12, л. 3].

В 1949 г., силами общественности города, был создан сад пионеров, в котором были размещены скульптуры, библиотека, спортивные площадки, летняя эстрада, кукольный театр, беседки, тир, так же и в парке имени Микояна произошли значительные улучшения, вокруг памятника Ленину были разбиты цветочные клумбы и газоны, к осени этого же года было запланировано увеличить его территорию с устройством чугунной ограды [5, л. 3]. Астраханцы, проживающие на улицах Менжинского, Донецкой и в Приволжском затоне Сталинского района (ныне Кировский район) разбили сад у районного Дома культуры. При содействии учащихся мореходного училища и физкультурного техникума был заложен сквер близ кинотеатра «Родина» (ныне развлекательный центр «Даир»). Председатель исполкома Сталинского райсовета С.П. Симонов отметил заслуги депутатов райсовета Малыгиной, Черемушкиной, Грачевской в большой массово – разъяснительной и организаторской работе среди граждан района по благоустройству [5, л. 3].

В Тусовском районе г. Астрахани расположенном на правом берегу Волги был разбит парк им. Ленина, который существует и в наше время. Из беседы с председателем исполкома Тусовского райсовета А.П. Трифоновым, опубликованной в газете «Волга» можно узнать, что за первых шесть месяцев 1949 г. в этом парке по инициативе комсомольцев было проведено пять воскресников по благоустройству парка, в которых участвовало более 7 тыс. чел. Среди них молодые рабочие, учащиеся ремесленного училища, школы ФЗО, служащие, домохозяйки. Они расчистили дорожки и аллеи, разбили клумбы. В парке было освещение, территория ограждена металлической изгородью [5, л. 3].

Весной 1950 г. рейдовая бригада газеты «Волга» изучила состояние садов и парков в г. Астрахань. Вот описание парка им. Ленина, в Тусовском районе: «Прямые аллеи стройных тополей, кленов и вязов тянутся вдоль берега ерика (ер. Солянка). Это один из самых живописных уголков пос. Тусова. В центре парка на мраморном постаменте возвышается скульптура Ленина. Меж деревьев видна эстрада, детская площадка, спортивный городок, читальня». Работники парка вместе с общественностью поселка (жители Тусовского района, трудящиеся предприятий, школьники) переоборудовали теплично-парниковое хозяйство, выкорчевали около 200 засохших деревьев, на их месте посадили 200 трехлетних деревьев, 1500 корней декоративного кустарника. Шеф парка – райком комсомола проводил молодежные воскресники, разработал обширный план культурно-массовой работы в парке, наметил массовые игры, спортивные состязания, гулянья. Но и здесь не обошлось без недостатков, в связи с тем, что коммунальный отдел райисполкома, в лице заведующего Гавриша, отрывал служащих парка на другие хозяйственные дела, вместо 12 чел., числящихся в штате, в парке работало 4, в результате не полностью была восстановлена изгородь, в парке появлялись животные, которые портили молодые саженцы [11, л. 3].

Вопрос об ограждении территории места отдыха жителей Тусовского района не был решен и спустя два года, в небольшой заметке «Почему хиреет парк» на страницах газеты Волга за невнимание к благоустройству парка критикуется председатель Тусовского исполкома райсовета депутатов трудящихся Бычков. Вдоль аллеи парка была проложена автогужевая дорога, и проезжающие машины наносили ущерб зеленым насаждениям. Но парк по-прежнему, по обилию насаждений и планировке был очень красив, и в выходные, и в обычные дни его посетителями становились сотни жителей района [14, л. 3].

«Сад имени Карла Марса – излюбленное место отдыха трудящегося нашего города. В каждый летний сезон астраханцы находили здесь много привлекательного. В саду – прекрасные тенистые аллеи, эстрада, где выступает оркестр, читальный зал, тир» – такое описание давала рейдовая бригада газеты «Волги» на ее страницах. В ходе подготовки к летнему сезону 1950 г. были приведены в порядок и расставлены в аллеях скамьи, подрезаны и побелены деревья, подготовлена почва для разбивки клумб. В воскресенье по уборке территории сада, побелке деревьев принял участие коллектив филармонии. В день открытия сада, 1 мая планировалась работа читальни, тира, киосков, буфета. До открытия необходимо было успеть окрасить вход в парк, раковину для оркестра, здание театра, оформить стенды. Вот только директор парка Власов не имел информации от директора филармонии Людмила об организации концерта в день открытия и о том, как будет строиться культурно – просветительская работа в саду [11, л. 3].

Летний театр парка им. Карла Маркса не простаивал. В летний сезон там походили представления Куйбышевского театра оперы и балета, гастрольные Сталинградского областного театра музыкальной комедии, а в июне 1950 г. состоялись гастроль артиста Академического малого театра народного артиста Б.Н. Бабочкина, героя картины «Чапаев» [4, л. 4; 6, л. 2; 8, л. 4].

Летом 1952 г. в Тусовском парке начал работать детский читальный павильон – филиал читального зала Тусовской районной библиотеки. В дни летних каникул учащиеся школ могли читать в парке свежие журналы и детскую литературу. Такие же читальные павильоны работали в Братском саду, в Ленинском парке и в парке Карла Маркса [13, л. 3].

В более сложном положении находился сад «Железнодорожник» располагавшийся на берегу Кутума и на стыках трех больших районов города Ленинского, Микояновского (ныне Ленинский район) и Кировского. Смета на его ремонт находилась в Саратове на утверждении и средств на ремонт не было, более того предлагали «зарабатывать самим садом», но открыть сад не могли, так как он не был отремонтирован. В результате на территории сада «покосившиеся ворота, полуразрушенные помещения бывшей читальни, буфета, кучи мусора по всей территории сада и давно уже требующие побелки заборы и стены построек». Ответственными за такое состояние сада являлись начальник отделения железной дороги Мытник и начальник политотдела – Чеботов [11, л. 2].

Летом 1947 г. по Волге курсировали пассажирские пароходы, перевозившие туристов, первое впечатление о г. Астрахань они получали на пассажирской пристани № 17 (ныне Петровская набережная), одной из красивейших на Волге [2, л. 4]. На территории речного вокзала росло много зеленых насаждений ежегодно, весной во всех газонах, клумбах и привокзальном цветнике высаживалось до 50 тыс. корней цветочной рассады, весной 1948 г. было высажено около 550 саженцев деревьев [3, л. 3].

В 1949 г. главный архитектор г. Астрахани И. Колодин в статье в газете «Волга» «Город меняет облик», пишет, что областной центр обогатился новыми скверами – имени Кирова с монументом С.М. Кирова на углу улиц Советской и Кирова, им. Чернышевского, скверами на набережной р. Волги, набережной р. Кутум, у кинотеатра «Родина» и садом пионеров. Расширены и реконструированы Морской сад, парки в Ленинском и Тусовском районах. Братский сад вырос по площади более в чем два раза. Сады, скверы, и парки обнесены новыми чугунными архитектурного рисунка оградками. В них дополнительно высажены цветники, установлены скамейки, садовые скульптуры. Начаты большие работы по реконструкции парка 17 пристани и парка культуры и отдыха. Пруд 17-й пристани будет благоустроен. С улицы Робесрьера (ныне ул. Адмиралтейская, район Лебединого озера) откроется вид на зеленый массив

пристани. Берег затона озеленяли и покрывали дерном. В городе строились тренировочные плавательные бассейны. В 1949 г. продолжается строительство стадиона на набережной реки Болды. Было запланировано откосы насыпи у Кремля покрыть дерном [5, л. 3].

Астраханский кремль за всю свою историю существования перенес значительное количество перестроек и ремонтов, в рассматриваемый исторический период не только башни, но и стены не имели первоначального вида, многие детали были утрачены, стены на отдельных участках разрушены. Постановлением правительства решено было провести реставрацию стен и башен кремля и восстановить этот замечательный памятник древне-русского зодчества. Проект реставрации и восстановления поручено было составить проектно-реставрационной мастерской Министерства городского строительства СССР. Руководителем бригады московских архитекторов, работающих над проектом реставрации Астраханского кремля, который было запланировано завершить к концу 1949 г., являлся архитектор А.В. Воробьев. Проектом было предусмотрено комплексное восстановление в первоначальном виде всех стен и башен кремля как ранее разрушенных, так и существовавших в то время, но с некоторыми исключениями, вызываемыми практической целесообразностью. Уже в 1950 г. были намечены к реставрации башни «Житная» и «Крымская». Выполнение намеченных работ должно было украсить город, увеличить его художественно-историческую ценность [9, л. 4].

Парки и сады были и остаются излюбленными местами отдыха горожан. После Великой отечественной войны, принимая во внимание важность того, как проводят свободное время советские граждане, за их оборудование отвечали райисполкомы, за озеленение городских парков – горзелентрест. Учитывая особенности местного климата, – засушливость, отсутствие дождей, высокую температуру воздуха в летний период становится ясно, что для успешного развития парков и садов требовалось немало усилий и средств. Поэтому для массовых ручных работ использовали общественность города, участвовавшую в субботниках и воскресниках.

Список литературы

1. Волга 23 марта 1947 г. – № 60.
2. Волга 20 сентября 1947 г. – № 187.
3. Волга 2 марта 1948 г. – № 44.
4. Волга 1 июля 1949 г. – № 127.
5. Волга 6 июля 1949 г. – № 131.
6. Волга 9 июля 1949 г. – № 133.
7. Волга 30 июля 1949 г. – № 129.
8. Волга 28 августа 1949 г. – № 169.
9. Волга 14 декабря 1949 г. – № 244.
10. Волга 25 февраля 1950 г. – № 42.
11. Волга 25 апреля 1950 г. – № 85.
12. Волга 27 июля 1950 г. – № 150.
13. Волга 15 июня 1952 г. – № 118.
14. Волга 2 июля 1952 г. – № 130.
15. Постановление Совета Министров РСФСР от 5 мая 1947 г. № 337 «О мероприятиях по улучшению работы городских парков культуры и отдыха» // СП РСФСР. – 1947. – № 7. – Ст. 26.

ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ АСТРАХАНСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Черник Мария Владимировна,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

9 мая 1894 г. императором Александром III было утверждено мнение Государственного совета о введении с 1 октября 1894 г. в Астраханской губернии судебной реформы 1864 г. в полном объеме, за исключением территорий Внутренней киргизской орды и Калмыцкой степи [13, л. 420]. Наряду с Судебными уставами Александра II также вводилось Положение о нотариальной части с соблюдением особых правил, установленных для Олонецкой, Оренбургской и Уфимской губерний [11, л. 243].

1 октября 1894 г. в 13:00 в здании бывшей Астраханской палаты уголовного и гражданского суда состоялось торжественное открытие Астраханского окружного суда [2, с. 2]. На мероприятии присутствовали начальник губернии генерал-лейтенант Н.Н. Тевяшов с супругой, астраханский вице-губернатор действительный статский советник А.Г. фон-Брикман, старший председатель Саратовской палаты действительный статский советник Иванов, губернский предводитель дворянства Х.Н. Хлебников, исполняющий должность уездного предводителя дворянства М.Г. Голубев, члены окружного суда, прокурор и его товарищи, судебные следователи, городской голова И.Н. Плотников, члены городской управы, многие из гласных астраханской думы, мировые судьи, присяжные поверенные, нотариусы и другие лица [2, с. 3]. На открытие окружного суда был приглашен персидский генеральный консул. Позже прибыл преосвященный Митрофан, епископ Астраханский и Енотаевский. После молебна преосвященный Митрофан благословил председателя окружного суда А.И. Петро-Павловского иконой Спасителя. Затем перед портретом императора Александра III были прочтены высочайше утвержденное мнение Государственного совета о введении судебной реформы в Астраханской губернии и приказы о назначении должностных лиц судебного ведом-

ства, в том числе и младших нотариусов. После этого старший председатель Саратовской судебной палаты Иванов объявил Астраханский окружной суд и Астраханский городской мировой съезд открытыми, а Астраханскую палату уголовного и гражданского суда закрытой. Затем началось заседание окружного суда для принятия присяги нотариусов и других должностных лиц судебного ведомства, не состоявших ранее на государственной службе.

Горожане с радостью встретили открытие окружного суда. С раннего утра город «расцвечился» государственными и национальными флагами, по улицам непрерывно «фланировали» толпы ликующего народа в праздничных костюмах. У здания Астраханского окружного суда до и после его открытия стояли «густые массы обывателей», то же самое наблюдалось и на набережной Канавы, напротив дома дворянского общества, где совершалось торжество открытия действий института земских начальников. Особенно богато были украшены флагами здания окружного суда и городского общественного управления (колонны были обвиты гирляндами из листьев акации). Вечером перед зданием окружного суда зажжены были плошки и стаканчики в два ряда, в центре же здания красовался транспарант с эмблемой суда и с окаймляющей ее надписью «Правда и милость да царствует в суде». Дом городского управления горел многочисленными фонариками, Александровский сквер и Московская улица также были залиты огнями. Над подъездом Зимнего театра из электрических лампочек красовалась буква «А» с цифрой «III» в середине [3, с. 3]. Также были иллюминированы и некоторые из частных домов. На народные гуляния и иллюминацию было ассигновано городским управлением 500 рублей. В Александровском сквере в этот день играли два военных оркестра: Казачьего полка и Царевского батальона.

Программа празднеств и развлечений в честь открытия Астраханского окружного суда включала танцевальный вечер, устроенный местными присяжными поверенными 2 октября 1894 г. в зале общественного собрания [1, с. 2]. Комиссия народных чтений устроила чтение специальных брошюр, объясняющих суть судебной реформы.

Астраханский окружной суд был открыт с двумя отделениями – уголовным и гражданским, и относился к третьему разряду окружных судов. Личный состав включал председателя, товарища председателя, пять членов, двух секретарей (в гражданском и уголовном отделении) и пять помощников секретарей. Помимо этого, при окружном суде состояли пять уездных членов суда (по числу уездов), один старший нотариус, четырнадцать судебных следователей, восемь судебных приставов, два переводчика, архивариус, прокурор суда с секретарем, пять товарищей прокурора и штат чиновников канцелярии (писцов).

Первое судебное заседание Астраханского окружного суда состоялось 7 октября 1894 г., в ходе него по гражданскому отделению были рассмотрены следующие дела: «Об утверждении в правах наследства Юсуповой», «О несостоятельности Багирова», «О подлоге расписки Степанова с Литвиновым», «Об утверждении в правах наследства Чепусенкова», «О вводе во владение Рукавишниковых», «О выдачи данных Назарову», «Чуракова о сложении запрещения», «Тетюшинова об уничтожении доверенности», «Искендерова об уничтожении завещания», «Решетникова с Миллером апелляционная жалоба», «Будариных апелляционная жалоба», «Пронякина об уничтожении завещания». Первое заседание по уголовному отделению состоялось 18 октября 1894 г. К рассмотрению было назначено несколько калмыцких и киргизских (казахских) дел [1, с. 3].

20 марта 1896 г. решением Общего собрания отделений Астраханского окружного суда был утвержден «Особый наказ Астраханского окружного суда», основополагающий документ, содержащий правила, регулирующие внутренний распорядок и делопроизводство суда.

Астраханский окружной суд состоял из гражданского и уголовного отделений. Одним из них по собственному выбору заведовал председатель, другим – товарищ председателя. Гражданское отделение состояло из трех членов суда, а уголовное – из двух. Распределение членов суда по отделениям происходило на Общем собрании суда [10, с. 4].

На Общем собрании обязаны были присутствовать все судьи, находящиеся на постоянном местопребывании суда. В случае неявки судья обязан был предоставить письменное уведомление, которое приобщалось к журналу заседаний. Решение Общего собрания о переводе членов суда в случае открывавшейся вакансии собиралось на следующий день после открытия вакансии. Решение о переводе членов суда без их согласия или по взаимному решению выносилось до появления вакансии.

В каждом отделении была своя канцелярия. В гражданском – один секретарь и три помощника секретаря, а в канцелярии уголовного отделения состояли один секретарь и два помощника. Кроме того, в составе каждого из отделений находились канцелярские чиновники и вольнонаемные писцы. У председателя суда был собственный секретарь, который исполнял секретарские обязанности в Общем собрании и по канцелярии суда. К канцелярии председателя относились общая регистратура, касса, архив, экзекуторская часть, хранение вещественных доказательств, библиотека суда и стол дел председателя. В нем сосредотачивались дела Общего собрания, дела о личном составе суда и подведомственных ему учреждений и лиц, общая по суду отчетность, вся переписка председателя, касающаяся его канцелярии вообще и тех предметов, которые не могут быть отнесены к ведомству отделений суда [10, с. 6].

Архивом заведовал определенный по штату архивариус суда, в помощь ему командировался особый канцелярский чиновник.

Обязанности кассира и бухгалтера исполнял по назначению председателя один из помощников секретаря или один из штатных чинов канцелярии суда. Временно в период с 1894 по 1896 гг. эти обязанности исполнялись архивариусом [8, л. 10]. Заведование столом дел председателя, возлагалось также на одного из помощников секретаря или на штатных канцелярских чиновников. В 1894 г. они были возложены на секретаря.

Исполнение обязанностей экзекутора возложено было на переводчика с калмыцкого языка, на него же возложили и хранение вещественных доказательств под ближайшим наблюдением секретаря уголовного отделения, кро-

ме особо ценных, которые сдавались в кассу. Заведывание остальными частями канцелярии председателя поручалось канцелярским чиновникам.

Право определения, увольнения и распределения по суду всех чинов канцелярии и вольнонаемных писцов принадлежало председателю и заносилось в книгу приказов по Астраханскому окружному суду [10, с. 7].

Вольнонаемные писцы допускались к занятиям только после предоставления удостоверяющих их личность документов, которые хранились в столе дел председателя, взамен этих документов им выдавался за подписью секретаря канцелярии председателя вид на жительство, который они возвращали при увольнении. При приеме канцелярских чиновников и вольнонаемных писцов на службу в суд им назначался оклад месячного жалования, который мог быть увеличен, но не более чем до 35 руб. в месяц. Средний оклад вольнонаемного писца в Астраханском окружном суде варьировался от 15 до 20 руб. [7, л. 124].

В канцелярии Астраханского окружного суда работали не только мужчины, но и женщины. Если в XIX в. путь женщин к государственной службе был закрыт, то в начале XX в. ситуация начинает меняться. Одним из основных требований, предъявляемых к кандидатам в судьи дореволюционной России было соблюдение цензов, среди которых возрастной, образовательный, имущественный и т.д. При этом в Судебных уставах 1864 г. нет ни одного упоминания о половой принадлежности кандидата на должность судьи, прокурора, следователя, присяжных поверенных и присяжных заседателей. Закон ограничивался формулировкой «лица», предъявляя к этим лицам требования ценза образованности и опытности. В силу традиции этими лицами могли быть только мужчины. Женщины не могли соответствовать данным условиям, так как они не могли получить высшее юридическое образование и поступить на государственную службу. Попытки нарушить данный порядок могли привести к скандалу. Например, в 1867 г. три мировых судьи Москвы осмелились взять женщин на должности делопроизводителей. Это привлекло внимание чиновников III отделения. Девушек обвинили в нигилизме и распутном поведении. В связи с этим министр юстиции дал личное указание провести проверку по данным фактам. Конечно, проверка не подтвердила ни одного обвинения, предъявляемого девушкам. Тем не менее, в сложившейся ситуации они были вынуждены оставить службу [12, с. 170]. Все попытки женщин заниматься адвокатской практикой также воспринимались враждебно чиновниками министерства юстиции. Однако у председателей окружных судов часто возникала проблема, связанная с невозможностью пополнения канцелярии необходимым количеством мужчин, а недостаток канцелярских служащих отрицательно отражался на работе суда. Жалование канцелярского служащего было небольшим, и на эту должность было легче найти женщину, чем мужчину. Решением проблемы стало высочайше утвержденное Положение комитета министров от 9 мая 1900 г., согласно которому к исполнению обязанностей по письмоводческой и счетной частям и в местных учреждениях ведомства министерства юстиции были допущены по вольному найму лица женского пола.

С этого времени во многих окружных судах женщины стали приниматься на работу на законных основаниях. Свидетельством службы женщин в Астраханском окружном суде является тот факт, что согласно приказу председателя суда И.Е. Стельмаховича от 15 октября 1908 г. об изменении порядка дежурства чиновников суда, в состав дежурных чиновников вошли как чиновники суда, так и чиновники канцелярии прокурора суда, не исключая женщин и вольнонаемных писцов [6, л. 124]. Так, например, 16 марта 1909 г. дочь священника В.А. Смирнову приняли на службу в качестве вольнонаемного писца, командировав ее для занятий в гражданское отделение Астраханского окружного суда с 20 марта [7, л. 110]. К этому времени в Астраханском окружном суде из 14 вольнонаемных канцелярских чиновников 9 были женщин [14, с. 4–5].

Возникновения «оскорбительных для женщин ситуаций» стремились не допускать. Так, вольнонаемных писцов при канцелярии старшего нотариуса Ивана Козлова и Александра Баранова за написание в дежурной книге суда неприличных, нецензурных и оскорбительных слов о сослуживцах (лицах женского пола) подвергли наказанию: Козлова уволили с 1 декабря 1912 г., а Баранова подвергли аресту на 3 дня в здании суда и уменьшили жалование на 2 рубля ежемесячно, «до того времени, пока он не искупил свою вину» [7, л. 118].

Уменьшение оклада считалось взысканием, которое могло быть сделано после объяснений причин и объявлялось не при выдаче содержания, а непосредственно после совершения проступка. Вольнонаемного писца Василия Фатеева и канцелярских служителей Астраханского окружного суда Павла Коптеева и Семена Аношкина за порчу электрических лампочек в здании суда наказали, уменьшив им жалование на 3 рубля ежемесячно [7, л. 181 об.].

Председателю принадлежало право делать все распоряжения, касающиеся помещений суда, сохранения порядка, ремонта, отопления и т.д., получать от всех должностных лиц Астраханского окружного суда и подведомственных учреждений необходимые сведения, производить ревизии делопроизводства во всех отделениях. В случае болезни, отпуска или увольнения обязанности председателя исполнял товарищ председателя, а в случае его отсутствия – старший из присутствующих членов суда [10, л. 9]. Старшинство членов суда определялось временем назначения каждого из них на должность. Однако если председатель отсутствовал по делам службы, был в отпуске или в вакантном времени, то исполняющий его должность в случае открытия вакансии нотариуса, судебного пристава, секретаря и помощника секретаря – не мог делать окончательных распоряжений о замещении этих должностей, до возвращения председателя.

Дела каждого члена суда сосредотачивались в отдельном столе, которым заведовал помощник секретаря. Члены суда, сверх своих обязанностей по докладу и написанию определений, приговоров, также вели непосредственное наблюдение за делопроизводством в своих столах и должны были содействовать председательствующим в надзоре за скорым и правильным ходом порученных дел [4, л. 12]. Они по очереди несли дежурство в суде ежедневно в дни присутственные с 12 до 15 часов дня для приема денежных пакетов и лично подаваемых прошений и бумаг. Очередь определялась председателем. Судьи, секретари и их помощники в часы, назначенные для общения с про-

сителями, должны были быть в форменной одежде [10, л. 12]. Согласно параграфам 25 и 28 утвержденного 28 мая 1894 г. «Свода правил о ношении форменной одежды чинами ведомства Министерства юстиции» и параграфов 20 и 21 дополнительных Правил 13 октября 1904 г. лица, не занимавшие штатных должностей, канцелярские чиновники и служащие из дворян должны были носить при парадной, праздничной и обыкновенной формах гражданский полукафтан, сообразно X разряду штатных чиновников; брюки по цвету кафтана, шляпу по чину, жилет и галстук по положению белые или черные; шпагу утвержденного образца, но без темляка. Для всedневной службы лица эти имели двубортный сюртук, установленный для штатных чиновников, брюки и жилет того же цвета, галстук черный, фуражку с кокардой [7, л. 148–149].

Канцелярские служащие не из дворян, не имеющие чинов при всех видах формы носили однобортный полукафтан с суконным воротником, по цвету воротников, установленных для полукафтанов чиновников; брюки по цвету полукафтана, фуражку без выпушки с суконным околышком по цвету воротника, без кокарды, шпагу без темляка.

Канцелярским чиновникам полагались общие принадлежности форменной одежды, но с заменой на петлицах, околышках фуражек и на мерлушковой шапке знака судебного ведомства металлическим золоченым орлом в шапке из лавровых и дубовых листьев, шпагу без темляка.

Присяжные и частные поверенные, как защитники подсудимых, должны были являться на судебные заседания во фраке [10, л. 19.]

Канцелярским служителям присваивалась та же форменная одежда, но на них не распространялось право ношения шпаги, на воротниках сюртука петлиц и арматур не полагалось, на пальто, укороченном пальто и шинели бархатные петлицы заменялись темно-зелеными суконными без звездочек и арматур [7, л. 149].

Вольнонаемным писцам Астраханского окружного суда ношение формы воспрещалось [5, л. 4].

Канцелярские чиновники, а также писцы нотариального архива отбывали по очереди дежурство в суде. В обязанности дежурного входил прием в присутственные дни с 3 часов пополудни до 9 часов утра следующего дня, в дни неприсутственные всех, кроме денежных, присылаемых в суд на имя председателя, прокурора, [9, л. 16.] его товарищей и старшего нотариуса пакетов. Кроме того, дежурные следили за целостностью имуществом суда.

Все чины канцелярии обязаны были являться для занятий к 9 часам утра и не оставлять службу раньше 3 часов пополудни. Занятия вечером и в неприсутственные дни допускались только с разрешения председателя или товарища председателя. Канцелярским чиновникам и вольнонаемным писцам дозволялось брать бумаги на дом для переписки в случае крайней надобности и только с разрешения председателя [10, л. 13].

С введением судебной реформы 1864 г. в полном объеме и открытием окружного суда кардинально изменился судебный процесс. Судебные заседания в Астраханском окружном суде становились устными, гласными и состязательными, а новый порядок организации службы должен был способствовать успешному отправлению правосудия

Список литературы

1. Астраханский вестник. 1894. – № 1566.
2. Астраханский вестник. 1894. – № 1564.
3. Астраханский справочный листок. – 1894. – № 211.
4. Государственный архив Астраханской области (ГАОО). – Ф. 205. – Оп. 1. – Д. 699.
5. ГАОО. – Ф. 205. – Оп. 3. – Д. 145.
6. ГАОО. – Ф. 205. – Оп. 3. – Д. 35.
7. ГАОО. – Ф. 205. – Оп. 3. – Д. 36.
8. ГАОО. – Ф. 205. – Оп. 3. – Д. 91.
9. ГАОО. – Ф. 800. – Оп. 1. – Д. 33.
10. Особый наказ Астраханского окружного суда. – Астрахань : Типография Н.Я. Петровых и Ф.Н. Шлякова, 1896.
11. Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. – СПб. : СЕИВК, 1898. – Собрание 3-е. – Т. 14.
12. Попова А. Д. Фемида в эпоху преобразований: судебные реформы 1864 г. и рубежа XX–XI вв. в контексте модернизации / А. Д. Попова. – М. : Новый хронограф, 2009.
13. Российский государственный архив. – Ф. 1405. – Оп. 87. – Д. 10062.
14. Сборник статистических сведений министерств юстиции. Сведения о личном составе и о деятельности судебных установлений Европейской и Азиатской России за 1909 г. Издание Министерство юстиции : в 2 ч. – СПб., 1911.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ИЗУЧЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ, ТРАНСЛЯЦИЯ

«ВОСТОЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ» КАК ОДНО ИЗ ПЕРВЫХ В РОССИИ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ИЗДАНИЙ, ПОСВЯЩЕННЫХ ИЗУЧЕНИЮ ВОСТОКА

Белолипская Галина Сергеевна,

*кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и истории журналистики,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет»*

Астраханские «Восточные Известия» (1813–1816 гг.) – одно из первых специализированных изданий в России, посвященных Востоку. Несмотря на постоянство контактов между Россией и Востоком, в первое десятилетие XIX в. ощущался дефицит достоверной информации о приграничных районах Азии. Даже на официальном уровне существовали весьма смутные представления о том, что реально из себя представляют те или иные ее регионы [2, с. 7].

«Восточные известия» обращали внимание читателя на вопросы развития экономики края и торговых связей с восточными странами. В обстановке постоянного общения людей различной национальной и религиозной принадлежности интерес к Востоку формировался под влиянием повседневных бытовых потребностей. Через Астрахань армянские, персидские и индийские купцы осуществляли торговлю между Россией и Востоком. В этой торговле принимало участие и татарское население города. Русские жители Астрахани (да и европейские эмигранты) также стремились включиться в торговлю. Для этого необходимо было располагать информацией о соседних государствах, иметь представление об обычаях восточных народов, связанных с ведением торговых операций. Появление периодического издания, посвященного Востоку, должно было способствовать решению данной проблемы. И.А. Вейсгопфен, главным образом, рассчитывал привлечь подписчиков тем, что: «Характерическое описание Азиатских народов даст понятие, как обращаться с ними, и откроет купцу, что азиатцу приятно и что нет, и т.д.» [2, с. 13]. В первом номере «Восточных Известий», вышедшем 29 января 1813 года, фон Вейсгопфен поместил следующее обращение к читателю (с. 7): «Желая соответствовать ожиданию правительства... приглашаю и покорнейше прошу любителей наук и народного просвещения, сделав свои замечания в рассуждении Азии, посылать на имя конторы «Восточных Известий». Таким образом, газета с самого начала была заявлена как востоковедное издание, которое расскажет отечественному читателю «об особенностях в правах, обыкновениях, вероисповедании, празднествах, нарядах, характере и телосложении, языке, образовании и искусстве живущих или приезжающих в Астрахань».

Исторически сложилось, что пресса в Астраханском крае существует в условиях полиэтнического региона. Своеобразие края образно подчеркнул поэт Велимир Хлебников: «В Астрахани, соединяющей три мира – арийский, индийский и каспийский, треугольник Христа, Будды и Магомета, волею судьбы образован этот союз». (В. Хлебников «Индорусский союз»). Газета «Восточные известия» придерживается такого же направления в освещении быта и культуры основных народов, населяющих Астраханскую губернию в начале XIX века. Так, например, много выпусков газеты было посвящено калмыкам с подробнейшим описанием этого этноса. «Восточные известия» 1813 г. публиковали следующие материалы: «О вероисповедании Калмыков» (№ 19, с. 161–164; № 20, с. 169–171), где редактор счел необходимым напечатать следующее обращение: «Весьма было бы полезно, есть ли бы живущие близ Калмыков и ближе с ними обращающиеся особы из Просвещенных Россиян, приняли на себя труд сделать подробнейшее замечание по сему предмету и сообщили в Контору Восточных Известий для напечатания в наших листах, к удовольствию Почтенной Публики», вновь подчеркнув, таким образом, строгую научность материалов, необходимых для востоковедного издания. Интерес к информации о калмыках продолжался в таких публикациях, как: «Миротворение, Богословие и Метафизика Калмыков» (№ 20, с. 185–188; № 23, с. 194–197; № 24, с. 201–203). В 1814 г. с № 41 по № 45 «Восточные известия» печатали «Перевод с Права Мунгальских и Калмыцких народов». Эти материалы касались вопросов культуры, традиций, уклада жизни калмыков и освещали основные постулаты их религии.

Однако буддизму в целом были посвящены следующие статьи: «Внешний обряд Индийского богослужения» (1813, № 27, с. 226–227), «Краткое сведение о Далай Ламе» (1813, № 28, с. 235–236); «Празднование Нового года у Тибетцев» (1815, № 30, с. 236); «О естественной философии китайцев» (1814, № 42, с. 352–356); «Праздник фонаров у Китайцев» (1815, № 27, с. 218–219); «Странной обычай Китайцев почитать Своих Богов и Поступать с ними» (1815, № 33, с. 259–260).

Магометанское население Астрахани в начале XIX в. состояло из суннитов (татар) и шиитов (персов). Татарская часть населения была самой сложной и насчитывала 11 видов: татары бухарские, гилянские, агрыжские, юртовские, кучерганские, казанские, кундровские, эмешные, хивинские, туркменские и местные. И практически каждому виду были посвящены следующие публикации «Восточных известий»: «Описание Татар, живущих домами в Астрахани и Кизляре и ведущих кочевую жизнь в степях Уральской и Кумской» (1813, № 25, с. 211–213), «Образ жизни Татарского народа» (1813, № 26, с. 217–218), «О Татарах разных поколений, удалившихся в города Сибири» (1814, № 32, с. 272), «Татаре Хивинские или Харазминские» (1814, № 32, с. 275), «О Татарах разных поколений. О Туркменах или Туркоманах. О Татарах Туркестанских» (1814, № 36, с. 306–307), «О Татарах Ташкентских» (1814, № 37, с. 315).

Персов в Астрахани манила торговля и возможность быстро разбогатеть. У персов в Астрахани были гостиный двор и мечеть. В мужской городской гимназии преподавался персидский язык. О персах «Восточные известия» пуб-

ликовали следующие подробности: «О медицине Персов» (1813, № 11, с. 95–96), «Новейшая персидская история» (1813, № 41, с. 337–338; № 43, с. 351–352), «Нечто о торговле Персии» (1814, № 15, с. 135–136), «Из Персии о землетрясении» (1814, № 33, с. 279), «Описание Российской торговли в Персию производимой» (1815, № 34–42).

«Восточные известия» помимо крупных этносов уделяли внимание и таким редким национальностям как, например, бухарцы. Газета рассказывала о правлении, нравах и обычаях бухарцев, о городах Бухарии, о промышленности и торговле в них. (1814, № 25–30). Кроме того, газета размещала и «Краткие замечания о Хиве, ее народонаселении, управлении и промышленности. География Хивы». (1815, № 11, с. 82–84); «Правление Хивинское» (1815, № 11, с. 84–86); «Климат и качества земли» (1815, № 11, с. 86–87).

О магометанской вере «Восточные известия» отражали следующие сведения: «О Заповедях Магометовых» (1814, № 12, с. 111–114; № 13, с. 121), «Ответ Муфтия, в случаях до религии касающихся» (1813, № 40, с. 315), «Здесь Таттары торжествовали Курбан-байрам» (1813, № 45, с. 367), «О Духовных Турецких Чинах» (1813, № 36, с. 298–299; № 8, с. 306–308).

Христианство же пропагандировалось как основополагающая религия на территории России, опираясь на официальную государственную политику начала XIX века, где основными принципами были самодержавие, православие, народность. Этому были посвящены материалы: «Обозрение Пользы и Святости Закона Божия» (1813, № 44–46), «Молитва Россиянина: Господи, помилуй» (1814, № 2, с. 17). В «Отрывке из письма к приятелю из А. в С.» указывается: «Какое здесь в церквях благоговение, какое к обитателям монастырским уважение. Не напрасно здесь проповедуется Слово Божие!». Такое замечание редактор не мог пропустить, и на страницах газеты поблагодарил «друга просвещения», сообщившего ему сей отрывок письма. И.А. Вейсгопфен написал: «Уповательно, что он будет приятен читателям известий». (1814, № 12, с. 114). Особое место занимают материалы о христианской вере в публикации «Отрывок из Путешествия на Кавказские горы», где подчеркивается значимость государственной политики на отдаленной окраине России: «... Со всех сторон угрожают набеги варваров. Боже мой! думал я: какое варварство произойти может от праздности и неверования в Христианскую Религию! Какие гибельные следы оставляет невежество и незнание святого Евангельского учения!» (1813, № 1, с. 5).

Христианские позиции в газете были закреплены и публикациями о вероисповедании, культуре и традициях таких народов, проживающих в Астрахани, как армяне и грузины. К тому же газета «Восточные известия» с 1816 г. начинает выходить на армянском языке, что само по себе говорит о расширении христианской читательской аудитории. Кроме того, достаточно много материалов было посвящено рассказу о духовной жизни приверженцев католической веры, одной из ветви христианства, так как в Астрахани проживало достаточное количество эмигрантов из Европы. Это следующие публикации: «... Сентября 6 дня в Здешней Католической церкви Настоятель Езуитского Ордена Патеръ Супериоръ Иосиф Суринь произнес приличное сему случаю на российском языке слово... По окончании Литургии здешнее Католическое общество приносило Всевышнему Богу благодарственное Молебствие, коя Гимн С.Амбросия» (1814, № 36, с. 304); «Объявления о публичных испытаниях в школе при Астраханской Католической церкви»: «При этом Супериор церкви и школы изъявляет от имени юношества признательность Почтенной Публике, которая благотворительностью своею толико одолжила сие училище, что оно после пожара не загорелось в пепле. Здание сие ... явным пребудет памятником благотворительности и ревности жителей Астраханских в расширении просвещения и к полезным заведениям служащим» (1813, № 25, с. 213).

Редактор размещал на страницах «Восточных известий» публикации и о других вероисповеданиях как, например, «Суждения о вере Японского Государя» (1814, № 4, с. 38–40), «Описание японцев» (1816 г., № 19, с. 73–75), «Царь и Комета. Учение Конфуция» (1814, № 44, с. 367–369), «О Талмуде» (1814, № 34, с. 290–291); «Об индийских колдунах» (1815, № 3, с. 21); «Индийские похороны» (1815, № 5, с. 33).

Кстати сказать, в конторе «Восточных известий» оживленно шла торговля книгами, среди них были книги и о Востоке. Так, например, из объявлений «Восточных известий» известно, что продавалась книга «Кузь-Курпачь, башкирская повесть, писаная на башкирском языке одним Курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских», изданная в 1812 г. Повесть была составлена дворовым человеком богатого помещика Оренбургской губернии Тимашёва Тимофеем Беляевым, хорошо знавшим язык, быт и героический эпос башкирского народа. Также в этом ряду были представлены следующие книги: «Магомет, трагедия в пяти действиях» (см. объявление «Вост.Изв.», 1813, № 10, с. 94), басни и сказки Индийские (1813, № 10, с. 94). Редактор и издатель «Восточные известия» Иосиф фон Вейсгопфен в своей типографии пытался также печатать книги восточного направления. Из протоколов Цензурного Комитета за 1813 год, который находился в Казани, известно прошение учителя французского и немецкого языков Астраханской мужской гимназии Вейсгопфена от 5 июня, где он писал: «При этом примечая, что здешняя публика довольно хорошо принимают некоторые сочинения и переводы из «Восточных Известий», например, «Нужное и Лишнее», желаю еще больше приохотить молодых Азиатцев к чтению книг, осмеливаюсь всепокорнейшее просить дать мне дозволение особенными тетрадями печатать то, что пред другими почту за полезное, причем я обязуюсь ничего не выпускать в свет, не предварив о том прежде здешнюю Гимназию» [1]. Из протоколов Цензурного Комитета можно узнать, что Вейсгопфену было разрешено печатать «Перевод с Права Мунгальских и Калмыцких народов», «Описание Российской торговли в Персию производимой».

При кажущейся эклектичности и разнородности материалов о народах и нациях, населяющих восточную окраину России, на страницах астраханской газеты происходило формирование общероссийской идентичности. Это характерная черта провинциальной журналистики, для которой с момента возникновения в XVII в. была характерна приверженность идеям российской государственности, выраженная нацеленность на сохранение отечественных ценностей, бережное отношение к отечественной истории. Неслучайно поэтому в «Восточных известиях» было мно-

го материалов и публикаций, подчеркивающих важность победы России в Отечественной войне 1812 г. и патриотическом участии всего многонационального состава населения Астраханской губернии. К примеру, «Восточные известия» писали: «По случаю получения губернатором именного рескрипта от Его Императорского Величества за благотворительную деятельность для военных потребностей состоялись молебен и проповедь. ... Равным образом отправлено было молебствие в Армянском соборе и Татарских мечетях». (1813, № 6, с. 51). Или: «... Во имя новой победы при Брине над неприятельскими Силами под непосредственным распоряжением Наполеона сражавшимися 20 генваря сего года благодарственное молебствие... Таковое же молебствие по сему случаю отправлено при прочих иноверческих здешних Храмах при стечении обоего пола жителей, прославляющих Геройския подвиги Помазанника Господня, возстановляющего с союзными Венценосцами спокойствие и довольство во всей Европе». (1814, № 10, с. 89). Другой характерный пример: «...патриотизм здешних жителей особенно примечателен. – уже несколько раз в периодических изданиях, и сих известиях, к удовольствию Почтеннейшей Публики, извещалось о разных онаго действиях – По случаю совершившихся радостнейших событий в Европе, посредством великодушных и мужественных подвигов вселюбезнейшаго Государя нашего Императора Александра I и Венценосных Его Союзников, – празднества взаимныя здесь пребывающих разных племян и народов продолжаютя досель. – О как восхитительны действия их на умы и сердца народныя!» (1814, № 23, с. 199). Об этом же далее: «По получении официальных известий о заключении мира России с Францией также происходило торжество. Был совершен Благодарственный молебен. И опять редактор отмечает: «Таковое же по сему же случаю Молебствие совершенно и в прочих Иноверческих здешних церквях при стечении народа: – а в Татарских мечетях в пять часов дня было моление» (1814, № 27, с. 231); «7 ноября по случаю прекращения военных действий Россией с Францией, Божественная Литургия... По сему торжественному для сынов России случаю отправлены молебствия в прочих здешних Иноверческих Храмах, при многочисленном стечении» (1815, № 46, с. 362). При опубликовании списков пожертвовавших разными суммами на военные потребности среди астраханцев, подчеркивалась их принадлежность к национальности и таким образом был представлен весь многонациональный состав населения Астраханской губернии. Он состоял из: «Из русского купечества, из армянского сословия, татарского сословия, индийского общества, персиянин, калмыцкой нации» (1813, № 7, с. 59–60).

А из числа защитников Отечества на страницы газеты особо отмечался «князя Тюменя калмыцкий полк под командою старшего его сына князя Серваджеба Тюменя» (1814, № 48). И в этом тоже был особый смысл, который заключался в том, чтобы показать всеобщий патриотический пафос в борьбе за Отечество, за российскую государственность.

Газета проповедовала на своих страницах идеи покровительства просвещенной российской монархии всем народам, проживающим на территории государства, независимо от их религиозной принадлежности. С другой стороны, в знак благодарности величайшему покровительству, газета это подчеркивала неоднократно, осуществлялись многочисленные молебны во здравие представителей Императорского Дома во всех иноверческих храмах.

Как видно из предыдущих публикаций, постоянно подчеркивалось участие всех иноверческих церквей Астраханской губернии в официальных государственных праздниках. Такое акцентированное внимание, как нельзя лучше, комментировало процесс формирования в общественном сознании россиян (в частности – астраханцев) понятия государственности, целостности всего российского пространства.

При этом особенная роль отводилась городу Астрахани, где нашли второй дом многие нации и национальности. Подтверждением этому могут послужить следующие материалы публикаций «Восточных известий». К примеру, «Восточные известия» 1814 г. № 23 писали: «Здесь Индийское Общество, для умножения разных отраслей торговли с давних лет здесь составившееся, и пользующееся в полной мере покровительством и безопасностью в любезном Отечестве нашем, – чувствуя благотворное и мудрое действие Российскаго Правительства, в ознаменование своих признательных к оному чувствований; сего июня 5 дня, по билетам приглашала вечером на маскарад всех здешних почтеннейших особ» (1814, № 23, с. 199). Постоянный автор «Восточных известий», скрывающийся под псевдонимом Смн. Блев., сочинил стихотворение «Весеннее чувство Россиянина или Признательность подданного к Государю Императору» (1815, № 14, с. 109), в котором попытался передать толерантность многонационального состава населения города Астрахани:

«... Татарин, Грек, – как Россияне –
Стремятся к выгодам своим,
Киргиз–Кайсак, Перс, Индияне
Правленьем счастливы златым,
Туркменец даже и Башкирец
Спокойно промышляют здесь;
Грузин, Бухарец и Хивинец
К нам идут как в родную весь
И обитатели Арабата,
И полудикий здесь Калмык
Нашли себе источник злата
Здесь не обижен и Кумык».

После этих слов поэт делает примечание: «Мое намерение было выставить одни Азиатские народы, которые столь свободно и без всяких им обид производят торговлю и промышленность свою в губернии Астраханской. Но

кому не известно, что находятся в ней много и Немцев, и Поляков, и других Европейцев, кои обязаны благополучием своим нынешнему Правительству России. Я уже не говорю о том, что все сии как Азиатцы, так и Европейцы большею частью живут и промышляют в самой Астрахани» (1815, № 14, с. 110).

Важно, что и сам редактор газеты, обращаясь к своим читателям, так подчеркивал роль города: «Я надеюсь, что Почтеннейшая Публика, которая уже в самом начале столь благосклонно приняла Восточные Известия, ныне сама желает, чтобы начатое мною издание продолжалось, тем более, что Астрахань в отношении торговли и благосостояния жителей по справедливости почитается по Столице первым городом» (1815, № 48, с. 384). В этих публикациях создается образ города-посредника между Россией и разными странами в восточном направлении, где предоставляются все возможности для мирной торговли иноземным купцам. Возможно, что это явилось следствием государственной политики России в начале XIX века, которая преследовала интерес развития российско-азиатской сухопутной торговли.

Список литературы

1. Протоколы Цензурного комитета за 1813 г. – Казань, 1813. – №4157. – (РО Научная библиотека им. Н.И. Лобачевского).
2. Сопленков С. В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX века) / С. В. Сопленков. – М.: Восточная литература РАН, 2000. – С. 7.

КНИЖНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ИВАНА АКИМОВИЧА РЕПИНА КАК ИСТОЧНИКОВЫЙ РЕСУРС ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

Бигалиева Амина Галимжановна,

*главный библиотекарь отдела редких книг и книжных памятников,
ГБУК «Астраханская областная научная библиотека им. Н.К. Крупской», г. Астрахань*

Киселева Юлия Александровна,

*главный библиотекарь отдела редких книг и книжных памятников,
ГБУК «Астраханская областная научная библиотека им. Н.К. Крупской», г. Астрахань*

В рамках 300-летия образования Астраханской губернии в нашей области проходит большое количество мероприятий. Празднование этого события организовано таким образом, чтобы способствовать усилению роли Астрахани как культурного центра Прикаспия и повышению его туристской привлекательности. Юбилейные мероприятия, объединенные общим названием – «Астраханская губерния. 300 лет на службе России», включают в себя историко-образовательные, культурные, международные, туристические, спортивные проекты.

Астраханская областная научная библиотека им. Н.К. Крупской как главный информационный и культурный центр регионального уровня включилась в областной культурный марафон. Являясь первой общественной библиотекой, созданной в 1838 году в русской провинции и единственной при своем основании на огромной территории Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, Астраханская областная научная библиотека им. Н.К. Крупской неотделима от города, от жизни его обитателей, от его насущных проблем. В 2018 г. она отпразднует свой 180-летний юбилей.

Основная роль библиотеки всегда заключалась в собирании, накоплении, сохранении и трансляции культурной памяти, продвижении информации по истории края, в том числе через интеграцию библиотечной, музейной и архивной деятельности.

Сочетание разнообразных форм мероприятий, методов подачи информации и методов работы с пользователями позволяет библиотекам наполнять новым содержанием традиционные направления культурно-творческой деятельности. Культурно-историческое наследие края – это не только то, что оставили нам предки, но и то, что мы сумеем сохранить и оставить нашим потомкам [2, с. 43]. Череду праздничных мероприятий в областной библиотеке в начале года открыла выставка-презентация Краеведческого календаря «Астраханский край: события и даты на 2017 год», который является уникальным источником информации о прошлом Астраханского края. Также в начале года прошла презентация нового сетевого проекта – электронного интернет-справочника «Авторы, писавшие об Астраханском крае», который содержит библиографическую информацию о людях, чьи книги, исследования, дневники и письма посвящены разным периодам истории и сферам жизни Астраханского региона. В этом проекте, призванном стать единым ресурсом об астрахановедах, аккумулируются сведения об источниках, содержащих краеведческую информацию. В мае состоялись Краеведческие чтения из цикла «Живая память» «Музыкальные традиции Астрахани». Мероприятие было посвящено юбилейным датам этого года, вошедшим в историю музыкальной жизни Астрахани, значимым событиям и людям, внесшим вклад в культуру региона: посещение Астрахани композитором П.И. Чайковским, юбилей оперных певиц – М.П. Макаковой и В.В. Барсовой, 125-летие со дня открытия летнего театра в саду «Аркадия», 110-летие хореографа, балетмейстера, театрального режиссёра, педагога Р.В. Захарова, 80-летие Астраханской государственной филармонии.

В июне по уже сложившейся традиции в библиотеке прошли «IX Бирюковские чтения», направленные на освещение вопросов истории и культуры астраханского казачества, 280-летию образования Астраханской трехсотной казачьей команды, 200-летию учреждения Астраханского казачьего войска и 100-летию начала Гражданской войны в России. Кроме того, состоялся цикл литературных встреч: «Астрахань ты Астрахань, ты – мое начало...» [5]. В рамках «Астраханских Петровских чтений» прошла презентация издательского гуманитарного проекта «Астраханская губерния. 300 лет на службе России». В работе над книгой участвовали 18 авторов. Одним из авторов и экспертов

создания книги была З.А. Маломётова, заведующая отделом редких книг и книжных памятников Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской, статья которой «Живой источник просвещения. Библиотека и власть: два века взаимодействия» вошла в состав юбилейного издания.

На завершающем этапе празднования юбилея губернии, 28 сентября 2017 г., состоялся Круглый стол «Дар бесценный: история вхождения библиотеки И.А. Репина в Астрахань». В 1892 году, 125 лет назад, библиофил и коллекционер, Почетный гражданин города И.А. Репин начал переговоры с Астраханской городской администрацией на предмет дарения им богатейшего собрания книг и гравюр Астрахани. На Круглый стол были приглашены студенты и преподаватели Астраханского колледжа культуры и искусств, представители Астраханской государственной картинной галереи им. П.М. Догадина, Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника, а также исследователи истории нашего края. Лейтмотивом мероприятия стала тема астраханской благотворительности. Студентами очного отделения Астраханского колледжа культуры и искусств С.Е. Сукариехом и И.С. Rogozовой было представлено сообщение на тему «Развитие благотворительности в среде астраханского купечества в конце XIX – начале XX вв.». Уточнения и комментарии к докладу молодых исследователей, сделанные зав. отделом З.А. Малометовой, естественным образом перетекли в её сообщение «Одиссея коллекции: история вхождения библиотеки И.А. Репина в Астрахань». Это выступление было дополнено старшим научным сотрудником Астраханской государственной картинной галереи им. П.М. Догадина Р.А. Захаровой, также многие годы работающей с гравюрной частью коллекции. Её доклад назывался «Некоторые штрихи к истории вхождения гравюрной коллекции И.А. Репина в собрание Астраханской картинной галереи». В заключение старшим научным сотрудником отдела истории Астраханского музея-заповедника А.Н. Алиевой было прочитано интересное сообщение о коллекции Николая Танасийчука в фондах Астраханского музея-заповедника. История его сложной и трудной судьбы слушалась присутствующими с нескрываемым интересом.

125-летие вхождения библиотеки И.А. Репина в Астрахань – знаменательная дата в истории культуры города Астрахани. Отраднo, что такое знаковое событие для нашего региона и для всей страны, совпадает и гармонично вписывается в историческую канву прошлого Астрахани. Без ложной скромности заметим, что имя И.А. Репина вновь зазвучало и обрело особую значимость благодаря работам и научным изысканиям З.А. Малометовой. Зоя Александровна, являясь руководителем отдела редких книг на протяжении ряда лет, положила начало научному осмыслению книжного наследия региона. В 2008 г. при поддержке Министерства культуры Астраханской области и в рамках 170-летия библиотеки вышла в свет книга З.А. Малометовой «Для удовлетворения любознательных умов к дальнейшему образованию...», в которой собраны очерки по истории библиотеки более чем за столетний период ее существования, с момента воплощения идеи о ее создании до Великой отечественной войны включительно.

В 2010 г. это издание стало лауреатом 24 Всероссийского конкурса научных работ по библиотечному делу, библиографии и книговедению за 2009–2010 гг. в номинации «История библиотек России». Целая глава в книге, под символическим названием «Главная звезда: «Репинка», посвящена «тернистому пути» «вхождения» личной коллекции в Астрахань, приведены письма, телеграммы, отчеты, архивные документы, имена всех причастных к этому благородному событию.

Иван Акимович Репин (1841–1908 гг.) – выходец из богатой купеческой семьи, известной своей общественно-полезной деятельностью. С целью способствовать просвещению жителей своей малой Родины Иван Акимович передал городу около 10 000 уникальных книжных изданий, мебель и немалые средства на обустройство библиотеки. В состав его личной коллекции входят издания XVI – начала XX вв. на латинском, древнегреческом, французском, английском, немецком, итальянском, русском и других языках – по искусству, истории, естествознанию, книговедению. Многие экземпляры снабжены автографами отечественных и европейских ученых, общественных деятелей. Особое место в собрании занимают издания с гравюрами, раскрашенными от руки, в художественных переплетах, многие экземпляры из серии нумерованных. Ныне книжная часть коллекции хранится в составе фонда редких книг и книжных памятников Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской, а собрание листовых гравюр – в Астраханской областной картинной галерее им. П.М. Догадина. В 1993 г. в память об И.А. Репине на здании Астраханской областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской была установлена мемориальная доска.

Передача библиотеки городу загадочна и запутана. Иван Акимович не оставил письменного завещания, он успел лишь на словах выразить свое волеизъявление. Прямым наследником покойного явился его родной племянник, сын бывшего астраханского городского головы Аполлона Акимовича Репина – Иван Аполлонович.

Являясь единственным наследником, он имел полное право не отдавать библиотеку городу. «Иван Аполлонович оказался в высшей степени любезным, корректным и внимательным исполнителем желаний покойного... при передаче ограничился самыми простыми формальностями... Сделано все это было с благородной простотой и предупредительностью, редко в наше меркантильное время встречающимися (статья написана в 1909 г.)... Счастливый случай в лице наследника Ивана Акимовича послал нашему городу чуткого к нравственному долгу человека» [6, с. 2]. Это выдержки из текста В.И. Склабинского, который был опубликован чуть более ста лет назад в местной прессе, а точнее в газете «Астраханский Листок» и републикован З.А. Малометовой в статье «Иван Акимович Репин и его библиотека глазами Вячеслава Ивановича Склабинского» [4, с. 316]. Вячеслав Иванович являлся издателем «Астраханского справочного листка», был активным общественным деятелем, неоднократно избирался гласным Астраханской Городской думы, состоял членом Губернского статистического комитета, был Председателем Общества садоводов и огородников. Его неуемная энергия и любовь к родному городу способствовали тому, что богатейшее книжное собрание Ивана Акимовича благополучно прибыло и разместилось в Астрахани в Доме Городских Учреждений. В.И. Склабинский до самого своего отъезда из Астрахани в 1918 г. выполнял обязанности Председателя комиссии

по управлению библиотекой им. И.А. Репина. Об этой весьма заметной во многих сферах жизни города и края личности подробно изложено в книге его внучки Р.В. Арсеньевой [1].

С течением времени библиотека И.А. Репина не утратила своей ценности, наоборот, значение коллекции в том виде, в каком она сохранилась до наших дней, возросло – с одной стороны, как памятника истории культуры, а с другой – как собрания богатейшего источникового материала для современного исследователя. В этом, как представляется, ее главная ценность. Книги эти служат основой для разнообразных книжно-иллюстративных выставок. Книжная выставка – традиционная форма массовой работы библиотеки, самая популярная и актуальная. В российской библиотековедческой науке понятие «книжная выставка» определено как «форма библиотечного обслуживания, обеспечивающая путем наглядной демонстрации документов, других экспонатов информирование об изданиях, событиях, проблемах». [3 с. 19]. Основные цели и задачи любой выставки – раскрытие богатства фондов библиотеки, привлечение максимально большого числа посетителей выставок с тем, чтобы донести до них знания о библиотеке и ее фондах. Астраханская областная научная библиотека им. Н.К. Крупской является участником многих международных конференций, конгрессов и т.д. В частности, на Каспийском медиафоруме (2015 г.), участниками которого стали журналисты территорий и стран Каспийского региона, отделом редких книг и книжных памятников была представлена выставка «Исторические взаимосвязи и культурное содружество стран Прикаспия». Помимо периодических изданий XVIII – нач. XX вв. библиотека представила книжные раритеты из коллекции И.А. Репина, отражающие историческое взаимодействие и культурное содружество народов территорий и стран Прикаспия: России, Ирана, Азербайджана, Туркменистана, Казахстана и др. В 2016 г. библиотека приняла участие в православной книжной выставке-форуме «Радость Слова». Она была посвящена юбилейной дате памяти святого князя Владимира и 70-летию Великой Победы. Отдел редких книг представил книжно-иллюстративную выставку «Живой родник православной книги», охватывающую все аспекты православной литературы.

В 2017 г. в отделе редких книг и книжных памятников работают несколько выставок. Году экологии посвящена выставка «Три Царства Природы из коллекции И.А. Репина». На ней представлены естественнонаучные издания, составляющие одну из самых привлекательных частей книжного собрания Репина. Большая их часть приходится на XVIII – первую треть XIX столетия. На выставке «Многоязыкая "Астраханика"» в собрании И.А. Репина», посвященной 300-летию Астраханской губернии, представлена лишь небольшая часть изданий, которые содержат богатейшую информацию о прошлом Астраханского края: о его этносах, природе, экономике, культуре – и используются в частности, в осуществлении крупного издательского культурологического проекта «Астраханская губернская библиотека», начавшего свою работу в 2007 г. Первой вышла книга известного российского ученого-исследователя XVIII в. П.С. Палласа «Заметки о путешествии в Южные наместничества Российской империи в 1793 и 1794 годах». Текст впервые был переведен на русский язык с экземпляра из Репинской коллекции. Иллюстрации к книге Палласа взяты из того же издания и других материалов его экспедиции, также хранящихся в коллекции И.А. Репина. В 2016 г. исполнилось 275 лет со дня рождения и 205 лет со дня смерти Петра Симона Палласа (1741–1811 гг.). Эти даты не остались без внимания: Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина, Новосибирский региональный центр Президентской библиотеки и Новосибирская государственная областная научная библиотека выступили с проектом «275 лет со дня рождения путешественника, естествоиспытателя Петра Симона Палласа», который призван показать процесс научного освоения территории Российского государства через деятельность П.С. Палласа и расширить фонд Президентской библиотеки. Проект поддержали несколько регионов России: Новосибирск, Бурятия, Чита, Екатеринбург, Алтайский край, Башкирия, Томск и в том числе и Астрахань.

Наша библиотека присоединилась к этому проекту, так как в Астраханском крае побывали две экспедиции П.С. Палласа, результатом которых стало подробное описание Астрахани и Астраханской губернии, её природы, хозяйственной деятельности местного оседлого и кочевого населения. Результатом проекта стала интерактивная выставка с указанием мест пребывания экспедиции Палласа и электронная коллекция его изданий.

Как было отмечено выше, богатейший наглядный иллюстративный материал репинской «Астраханики» сопровождает около двадцати изданий «Астраханской губернской библиотеки». Назовем некоторые из них: «Кулинарное путешествие в Каспийскую столицу», «Астрахань Велимира Хлебникова» и др.

Астраханский край в силу географического положения и исторических условий представляет собой ярко выраженный полиэтнический регион. Это способствует тому, что он привлекает многочисленных исследователей и Востока, и Запада. Тематика международных связей России со странами Средней Азии отражена в фондах отдела публикациями на русском, основных западноевропейских и восточных языках, изданных в период с XVIII по XXI в. Так в сентябре 2017 г. в отделе редких книг и книжных памятников работали научные сотрудники Института иранистики Австрийской Академии наук: П. Сартори, главный редактор Журнала экономической и социальной истории Востока (*Journal of the Economic and Social History of the Orient* (Brill)) и кандидат исторических наук У. Абдурасулов (в 2015 г. он уже посещал Астрахань и работал как в нашей библиотеке, так в Астраханском государственном архиве). В настоящее время оба исследователя заняты в международном проекте «Документы и формы управления в Средней Азии мусульманского периода». Целью их исследований является правление династии Кунгратов в Хорезме (Современный Узбекистан и Туркменистан) в плане режима документированности от средних веков до современности. Этот проект, получивший в 2013 г. премию Старт (Научного фонда Австрии), начал осуществляться с 2014 г., постоянно реализуется и должен завершиться в 2019 г.

Словно люди, отправляющиеся в путешествие, старинные книги иногда покидают специально оборудованное для них книгохранилище и переезжают в ярко освещенные витрины, чтобы вновь удивить читателей. Книги из личного собрания Репина играют роль настоящих музейных экспонатов, рассказывающих об эпохе и месте, в которых

они были созданы, повествующих о многочисленных перипетиях своей судьбы. Сама по себе ценность личных коллекций несомненна, а значимость книжных собраний как феномена в истории русской культуры очевидна, в настоящее время изучению этого вопроса уделяется пристальное внимание. Судьбы книг и судьбы людей, их собиравших, читавших, размышлявших над ними, сплелись неразрывно, стали нашей общей гордостью и памятью.

Список литературы

1. Арсеньева Р. В. Откуда есть пошла...или «Бабушкин клубок» / Р. В. Арсеньева. – М. : Onebook.ru, 2013. – 600 с.
2. Библиотека – хранитель традиционного культурного наследия региона: дайджест по итогам работы библиотек области за 2013 год / Научная библиотека Челябинского областного университета ; сост. Т. К. Кубракова ; отв. за вып. В. Г. Абрамовских. – Челябинск, 2013. – 45 с.
3. Библиотечное дело: терминологический словарь. – М., 1997. – 198 с.
4. Малометова З. А. Иван Акимович Репин и его библиотека глазами Вячеслава Ивановича Склабинского / З.А. Малометова // Астраханские краеведческие чтения : сб. ст. / под ред. А. А. Курапова. – Астрахань, 2010. – Вып. 2. – С. 312–318.
5. Областная научная библиотека включилась в региональный культурный марафон к 300-летию Астраханской губернии // Празднование 300-летия Астраханской губернии. – Режим доступа: <https://www.astrobl.ru/news/96190>, свободный. – Заглавие с экрана. – яз. рус.
6. Склабинский В. И. Из Репинской библиотеки / В. И. Склабинский // Астраханский листок. – 1909. – № 60. 17. – (30) марта. – С. 2.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНДАРНОГО ПУТИ ВИКИНГОВ

Бухарицин Петр Иванович,

доктор географических наук, ведущий научный сотрудник

Института водных проблем РАН, профессор,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет»,

председатель Астраханского отделения Русского географического общества, г. Астрахань

Много столетий водные пути служат человечеству надежной связью между странами и народами. С давних времен, благодаря рекам, морям и океанам люди наиболее быстро и дешево перевозили товары на большие расстояния, осваивали новые земли. Водные пути играли первостепенную роль в товарном и культурном обмене между народами, храня в себе историю и традиции древних цивилизаций. Далеко не всегда эти процессы происходили добровольно и мирно. К одной из интересных и драматических страниц истории средневекового мореплавания относится эпоха викингов.

Викинги (от скандинавского слова *Viking* – пират) – выходцы из племен Скандинавских стран, смелые воины и прекрасные мореплаватели, были участниками многочисленных морских походов, предпринимавшийся ими в VIII–XI вв. с целью поиска новых земель и переселения, развития торговых связей, а также грабежа и опустошительных набегов. В те времена викинги были известны от Балтики до Средиземного моря, прежде всего, как грозные завоеватели и морские разбойники. Дружины викингов (на Руси их называли варягами, в Западной Европе – норманами), неоднократно нападали на приморские города. Особенно страдала Франция: за два века викинги более пятидесяти раз вторгались в ее пределы. В 845 г. ими был взят Париж. Богатые германские города на Рейне и Эльбе, в том числе Гамбург и Кельн также не раз подвергались нападению. А около 860 г. их корабли впервые появились в Средиземном море, и та же участь постигла города Испании, Франции и Италии. Военные корабли викингов назывались дракарами, т.е. драконами, возможно потому, что их форштевни украшали стилизованные изображения головы мифического чудовища – дракона. Суда меньших размеров, также похожие по внешнему виду на дракары, назывались шнеками, или карвами. Эти корабли были беспалубными, с киллями, переходящими в высоко поднятые форштевни и ахтерштевни. Суда обладали хорошими мореходными качествами, могли двигаться как на веслах, так и под парусом.

В 1977 г. около острова Лапури в Финском заливе Балтийского моря (недалеко от русско-финской границы) группа финских археологов-аквалангистов обнаружила останки затонувшей древней ладьи викингов типа «дракар». Корпус судна хорошо сохранился, что позволило, в результате подводных археологических изысканий, сделать план судна и воссоздать конструктивное описание его остова. Размеры найденной ладьи: длина – 12 м, ширина – 3 м. Возможно, тысячу лет назад это судно плавало между Россией и Скандинавскими странами.

В 1992–1993 гг. на острове Реплот в Ботническом заливе (Финляндия) была построена его полномасштабная копия. Судну было дано имя «Рус» (русами называли викингов арабы). Задуманный проект был осуществлен как морской археологический эксперимент. В ходе его реализации, в целях изучения древней техники судостроения и мореплавания викингов, финны старались все делать так, как это делали в VIII–X вв. Так, например, вручную были выкованы гвозди, свиты волосяные канаты, из шерсти соткана ткань для паруса и выделаны лосиные шкуры, на которых спали члены команды. Даже съестные припасы на судне использовались те же, что и эпоху викингов.

Летом 1994 г. на построенном судне «Рус» было совершено первое длительное плавание по Балтийскому морю. Однако, из-за поломки руля у побережья Латвии судно потерпело крушение. К счастью, обошлось без жертв. Весь этот проект и его драматический финал описаны в книге «Рус-проектен» (издана в 1996 г. на шведском, финском и английском языках).

Зимой 1995–1996 гг. была построена новая копия. Это судно освятили именем «Хеймлоса Рус» (судно без постоянного домашнего порта) и спустили на воду летом 1996 г. Название судна напоминает о тех временах, когда

люди плавали по морям, не задумываясь о морских государственных границах. После его спуска команда судна под командованием капитана и руководителя проекта финна Фредерика Койвусало совершила плавание под парусом вокруг Европы вдоль берегов Финляндии, Швеции, Германии, Англии, Франции. Летом 1998 г. они продолжили свой поход и отправились «завоевывать» Средиземное море (Италия, Греция, Турция). В следующем 1999 г. «Хеймлоса Рус» благополучно пересекла Черное и Азовское моря и осталась на зимовку в российском речном порту Ростова-на-Дону.

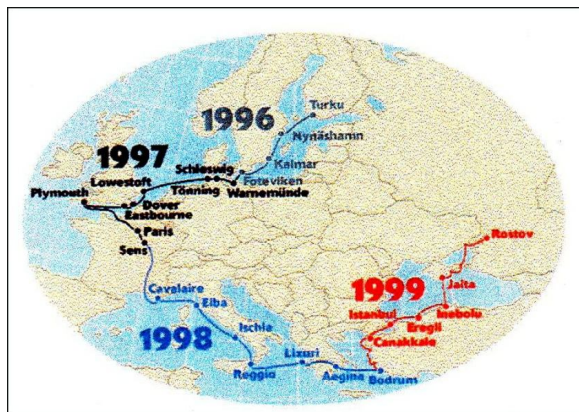

Рис. 1. Схема маршрута всей экспедиции «Хеймлоса Рус»

тельности природы, памятники археологии, истории и культуры Древней Руси VIII–XII вв. Большое внимание члены экспедиции уделяли на маршруте экологическим проблемам южных окраин России. Полученные во время экспедиции материалы помогут ученым-историкам Санкт-Петербурга, Киева, Новгорода, Пскова и Астрахани создать археологическую карту легендарного пути «из варяг в греки».

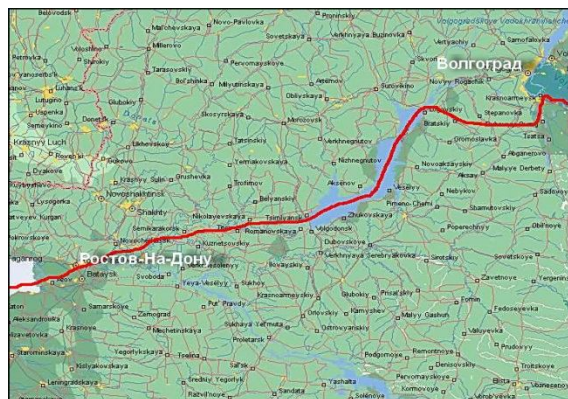

Рис. 2. Схема маршрута экспедиции 2000 г. Ростов-на-Дону – Волгоград

Рис. 3. Схема маршрута экспедиции 2000 г. Волгоград – Астрахань

Многолетний археологический эксперимент носит интернациональный, многокультурный характер. Он осуществляется на добровольной основе, без какой-либо государственной поддержки. На начало XXI в. «Heimlosa Rus» была единственным в мире древним судном, посетившим берега и порты стран Балтии, Западной Европы, Средиземноморья, Турции, Украины и России.

Идея проекта возникла в 1999 г. в связи с появившейся возможностью отправиться на Каспий в историко-экологическую экспедицию на судне ВИКИНГОВ, плавание на котором должно привлечь внимание широкой общественности к некоторым современным проблемам Каспийского моря. Источником первой информации послужили сообщения, полученные по электронной почте. Заявка была подана на конкурс Каспийский программы ISAR в декабре 1999 г., результаты конкурса объявлены в марте 2000 г.

Рис. 4. На борту «Хеймлоса Рус»

Согласно проекту финская команда на судне прибывает в Астрахань ориентировочно во второй половине июля

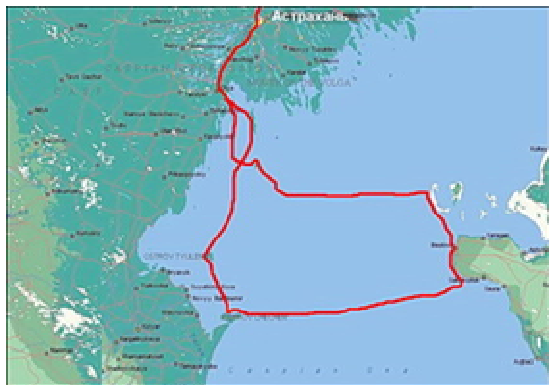

Рис. 5. Схема несостоявшейся, третьей части маршрута экспедиции

2000 г. Здесь на борт подсаживаются 3 астраханских участника экспедиции. Во время плавания по маршруту: «о. Чистая Банка – о. Малый Жемчужный – о. Кулалы – о. Чечень – о. Тюлений – Астрахань» члены экспедиции осуществляют попутные экологические наблюдения. Астраханские участники экспедиции координируют и ведут подготовительные работы ПО проекту, осуществляют все необходимые согласования, разрешения, касающиеся, маршрута экспедиции и должного оформления ее участников. Вовремя экспедиции выступают в роли консультантов и содействуют достижению целей экспедиции получения достаточной и достоверной информации о фактическом экологическом состоянии заповедной зоны района о. Малый Жемчужный и в целом на акватории Северного Каспия. Кроме того ведут видео и фотосъемку всех этапов экспедиции, ведут дневник экспедиции, проводят обследования (в т.ч. подводные) районов, интересных с исторической точки зрения (о. Чистая Банка, о. Кулалы). Руководитель проекта П.И. Бухарицин 28.02.2000 г.

СОГЛАШЕНИЕ

Мы, участники проекта: «Каспийское море на перекрестке тысячелетий и цивилизаций» общественной организации Астраханского отделения Русского географического общества в лице председателя Бухарицина Петра Ивановича, с одной стороны и «Викинг-Нево» в лице Сухорученного Сергея Васильевича, с другой стороны, составили настоящее соглашение в том, что: стороны данного соглашения доверяют Бухарицину П.И. выполнение обязанностей финансового менеджера проекта.

Во избежание разночтений, средства гранта распределяются в равных долях и соответственно расходуются на две группы задач проекта осуществляемого двумя партнерами по проекту, согласно рабочему плану проекта.

Контроль за расходованием средств осуществляет финансовый менеджер проекта.

[Signature]
16.02.2000

П.И. Бухарицин
г. Астрахань.

Первыми ладью варягов на подходе к Астрахани встретили на Волге яхтсмены Астраханского областного водно-парусного центра «Ривмар». На правах радушных хозяев они пригласили команду на свою базу. Там, на берегу Золотого затона, и был разбит лагерь.

К сожалению, из-за финансовых и административных затруднений дальнейшее плавание «Хеймлосы Рус» оказалось невозможным. Планы руководителя экспедиции, неожиданно для всех, резко изменились. Вопреки желанию команды продолжить плавание капитан (он же хозяин и финансовый директор) судна Фредерик Койвусало принял единоличное решение – экспедицию закончить. Решение было непреклонным и суровым, как приговор.

Судно по железной дороге было отправлено в Санкт-Петербург, а затем на его родину, в Финляндию. Члены команды, после короткого отдыха в гостеприимной Астрахани, разъехались по домам с верой и надеждой, что обязательно снова встретятся в следующем году и осуществят задуманное – на старинном судне совершат плавание вокруг Каспия, а потом проплывут вверх по Волге и Волго-Балтийскому каналу, чтобы вернуться в Балтийское море с востока, замкнув тем самым средневековую «малую кругосветку».

Рис. 6. «Хеймлоса Рус» на Нижней Волге

Рис. 7. На переднем плане слева-капитан «Хеймлосы Рус» Фредерик Койвусало

Рис. 8. Сергей Сухорученков дает интервью для астраханского телевидения

Рис. 9. Фото на память с финскими парнями. Второй слева – автор

Послесловие. В конце августа 2000 г. штаб-квартиру Русского географического общества в Санкт-Петербурге посетил известный норвежский ученый-археолог и путешественник Тур Хейердал. Цель поездки: подготовка экспедиции по маршруту «из варяг в греки», только наоборот, с юга на север. Исследователь водных путей древних цивилизаций высказывает предположение, что суда, способные проделать этот путь, раньше появились у южных народов. В сентябре того же года Тур Хейердал побывал в Азове, где продолжил поиски, подтверждающие его идею.

К сожалению, планам Тура Хейердала не суждено было сбыться, 18 апреля 2002 г. его не стало.

ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: СУДОСТРОЕНИЕ И СУДОРЕМОНТ

Воронова Анна Анатольевна,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Саратовская губерния, наряду с развитием здесь машиностроения, исторически являлась центром судостроения и судоремонта. Один из лидеров судостроения и судоремонта на Нижней Волге – Товарищество братьев Нобель, построило в г. Царицыне Саратовской губернии нефтеперерабатывающий завод бельгийской фирмы «Нобель». Он производил масла, имел сооружения для нефтеперекачки. При нем находились слесарно-механические мастерские. Также как в механических мастерских г. Астрахани, на их базе осуществлялось не только обслуживание собственного флота компании, но и строительство котлов, паровых машин и корпусов судов различного класса [12, с. 25]. Только за 1895–1897 гг. здесь построены два парохода. Благодаря усилиям компании в 1900 г. она была оснащена 24 пароходами, из них двумя наливными, а также ста баржами.

Строительство пароходов в конце XIX в. в Царицыне вели многие предприниматели. Судоремонтный завод Зимана с 1895 по 1897 гг., по некоторым сведениям, помимо судоремонтных работ построил 6 или 7 пароходов. В прессе писали о пароходе «Павел Чучин», построенном на заводе Зимана. Отмечалось, что корпус изготовлен из стали, имел полуморскую конструкцию, оборудован машиной системы «Компаунд» с давлением пара в 8 атмосфер, сделанной так хорошо, что «по чистоте не уступает заграничным» [8, с. 125].

«Товарищество Ахтубинского пароходства», учрежденное в 1890-х гг. построило в Царицыне судоремонтный завод, который вел ремонт судов, как самой компании, так и других заказчиков. На заводе было построено два парохода среднего размера для нужд самой компании.

Небольшой судоремонтный завод «Гардиен и Валлос», находившийся также в Царицыне и принадлежавший двум французским инженерам, построил с 1904 по 1905 гг. два парохода. Царицынский завод Бондина в 1903 г. спустил на воду один пароход.

Но больше всего известно случаев, когда пароходы в Царицыне строили хозяйственным способом – хозяин будущего судна сам и по своему разумению организовывал его строительство на берегу Волги зимой. А весной судно, поднятое половодьем, достраивалось уже на плаву. С 1888 по 1914 гг. чуть ли не ежегодно так завершали строительство от 1 до 4 пароходов [13, с. 270–273].

Порой не учтенные официальной статистикой заведения судостроения и судоремонта неожиданно отыскивались государственными инспекторами при визуальном изучении местности. Такие «самodelы» не отличались строгим следованием техническим государственным требованиям к предприятиям, игнорируя необходимость соответствующего освидетельствования их технического оснащения, условий труда рабочих, возможно, для сокрытия факта

их существования и самовольного снятия обременений, затрат на техническую безопасность, соблюдение минимальных требований к условиям труда и быта рабочих и служащих.

В 1899 г. при осмотре ремонтных мастерских в х. Букаutine Царевского уезда Астраханской губернии напротив г. Царицына старший фабричный инспектор обнаружил, что кроме множества мелких мастерских, здесь располагались крупные судоремонтные и судостроительные объекты. К примеру, мастерские общества «По Волге» состояли из слесарно-токарного, кузнечного и малярного цехов. Число занятых во время зимнего ремонта здесь составляло примерно 150 человек. Ахтубинское пароходное общество также имело мастерские из таких же цехов, где использовался паровой котел, приводивший в движение станки. Котел был установлен без разрешения и освидетельствования. Общество «Кавказ и Меркурий», как оказалось, также имело здесь мастерские из нескольких цехов, где было занято около 200 чел. В мастерских пароходного общества «Ока» работало до 100 чел. Станки в мастерских пароходного общества «Волжского бассейна» были на конном приводе. Здесь трудились до 200–250 рабочих. Общество «Самолет» имело арендованные мастерские, используя труд 100 рабочих. Работы велись только по окончании навигации в течение 3–4 месяцев на судах, зимующих в затоне. Кроме производственных помещений на хуторе было немало жилых домов и казарм для них. В общей сложности на заработки зимой сюда прибывало до 3 тыс. рабочих. В летнее же время оставалось не более 450 чел. [7, л. 142–156].

В Царицыне располагались и первые на Волге мастерские по производству стальных барж: «Строительной конторы Бари». Однако свой судостроительный завод в 1884 г. компания Бари основала в Саратове. Там он стал третьим по величине среди саратовских предприятий по данным на 1904 год. На нем трудилось 400 рабочих. Завод считался не самостоятельным предприятием, а лишь отделением головных [3, л. 50–50об.]. Фирма, основанная в 1880 г. А.В. Бари, гражданином США, располагалась в Москве, там же находились главные предприятия – Котельный завод и Строительная контора. Благодаря талантливому русскому изобретателю и конструктору – штатному инженеру фирмы В.Г. Шухову она прославилась технологиями строительства стальных баржей и массой других технических разработок. В Саратове и других городах фирма также строила наземные резервуары для нефтепродуктов. Только на Саратовском заводе она изготовила 2800 резервуаров. Завод в Саратове имел две открытые площадки. Одна размещалась в Затоне. Здесь одновременно можно было строить 10–11 барж, другая – в районе Улешей с расчетом постройки одновременно 6 барж. Первые 2 баржи были изготовлены в том же 1884 г., а в навигацию 1902 г. было одновременно спущено на воду 8 барж, из них 6 – наливные и 2 сухогруза. С 1884 по 1902 гг. компанией было построено в Саратове 47 баржей. Строительство велось поточным методом. Все расчеты делал Шухов в Москве, затем из поставленного материала на месте собирали баржи. Работы по сборке корпусов вели с октября до начала паводка методом клепки. После этого баржи всплывали и на плавку велись работы по достройке. Метод, применявшийся на Волге издавна, экономил затраты на спусковые механизмы. На заводе, также под заказ купцов, строились и пароходы. В 1905 г., например, был изготовлен колесный буксирный пароход «Ваня» [13, с. 243–255].

Еще одним крупным судоремонтным и судостроительным предприятием в Саратове был завод А.В. Чирихиной, основанный по разным данным в 1830 или 1842 г., располагался на берегу Волги на Затонской улице под Соколовой горой. Начал деятельность с производства и ремонта машин и орудий различного назначения. К 70-м гг. завод имел уже восемь цехов: токарный, слесарный, кузнечный, литейный и другие. Завод изготовлял детали и узлы машин, ремонтировал суда в период зимовья. В 1890 г. он был оснащен одним паровым двигателем в 36 сил, двумя вагранками, тремя горнами, одной плавильной печью и 35 станками. Работали на заводе 35 рабочих, производя продукции на 19 тыс. руб. [10, с. 8]. Известно, что в 1880 г. заведовал заводом М. Талтыков [5, л. 13–20]. До марта 1901 г. – заведовал В.А. Губанов. После его смерти временно исполнял обязанности мещанин А.В. Винокуров. Вскоре на эту должность был назначен горный инженер В.А. Молдавский. Уже в 1902 г. вместо него был назначен поселянин Камышинского уезда Э.К. Энгельгарт, а в 1904 г. заведующим завода стал потомственный почетный гражданин Н.В. Бальзаминов.

Фонд Саратовского государственного архива сохранил немало документов, свидетельствующих о перипетиях этого завода. Любопытно содержание доверенности, которую выдавала владелица завода Чирихина заведующему заводом. В частности, заведующий имел право нанимать и увольнять рабочих и служащих, приглашать с согласия владелицы механиков, исполнять заказы по чертежам и моделям заказчиков, с согласия хозяйки мог предоставлять заказчикам услуги в кредит. Он же брал на себя все хлопоты по судебным и внесудебным разрешениям споров, представляя интересы владелицы завода, которая обязывалась «доверять законно совершенным действиям заведующего, не спорить и не прекословить» ему [2, л. 7–11, 13–13об., 72].

С конца века на заводе ведется судостроение. С 1894 по 1904 гг. здесь было построено, по заказам разных предпринимателей, три больших парохода. Численность работников достигла 200 чел. В 1906 г. завод был сдан в аренду «Товариществу мастеровых», а в 1909 продан товариществу на вере «Волжский чугуно-литейный и механический, котельный и судостроительный завод «Работник» инженера А.Л. Зандберг и компании» [2, л. 7–11]. В 1910 г. на заводе произошел большой пожар, по этой причине его пришлось остановить на неопределенное время. С 1910 г. завод был сдан в аренду на три года М.С. Люршт [2, л. 138–140]. Завод работал до его закрытия в 1912 г. после случившегося большого обвала Соколовой горы [13, с. 232, 243].

Помимо завода Чирихиной в Саратове было еще несколько предприятий, ремонтировавших суда. Некоторые из них выпускали судовые машины и устанавливали их на судах. Немало было заводов широкого профиля, производивших агрегаты, котлы, детали машин, литье. Именно такой многопрофильный завод О.Э. Беринга «Сотрудник» по ул. Астраханской, 28 был открыт в 1887 г., когда в Саратове уже было два механических и пять литейных заводов. Поскольку этот завод был оснащен немецким оборудованием, он стал быстро вытеснять конкурентов. Предпри-

ятие было вооружено паровым двигателем в 12 сил, восемью горнами и пятнадцатью станками, и при 95 рабочих изготовляло изделий для мельниц, винокурен и пароходов на сумму 45 тыс. рублей в год [10, с. 8]. Имел Беринг в Саратове и судостроительную верфь, где строил небольшие суда. Однако, в 1900 г. завод обанкротился. Затем предприятие переключилось на производство почти исключительно двигателей внутреннего сгорания, что помогло поправить финансовое положение завода. В 1904 г. на заводе работало 400 чел. Ремонт и строительство судов перестало быть главным направлением, и это спасло завод от разорения [13, с. 255–257]. Так, если при ориентации на судостроение, завод в 1894 г. производил работ на 45 тыс. руб., то перейдя к производству паровых, а затем и бензиновых двигателей для разных отраслей народного хозяйства, завод в 1903 г. произвел продукции уже на сумму 262 тыс. руб., а в 1912 – на 412 тыс. руб.

Машиностроительный завод В. Парусинова, основанный в 1876 г., имел один паровой двигатель в 10 сил, две вагранки, четыре горна, одну плавильную печь и 35 различных станков при 57 рабочих. Производил сельскохозяйственные орудия и производил ремонтные работы на сумму 23 тыс. руб.

Машиностроительный завод «Э. Шиллер и К*», основанный в 1888 г., имел в 1890 г. один паровой двигатель в 16 сил, две вагранки, семь горнов и 12 разных станков при 45 рабочих, и давал продукции на 45 тыс. рубл. в год.

Машиностроительный завод В. Малышкина, основанный в 1873 г., имел один паровой двигатель в шесть сил и восемь различных станков. Используя труд 21 рабочего, завод производил детали и узлы машин на сумму шесть тыс. рублей в год [10, с. 8].

Литейно-механический завод М.С. Коробова по ул. Губернаторской также занимался судостроением и изготовлением котлов для пароходов. К началу XX в. на заводе было построено несколько пароходов. Пароходы также выпускались на заводах «Котельщик» и «Кузнец». Ремонт судов и котлов осуществлялся на механическом заводе И.М. Замоторина на ул. Астраханской и механическом заводе А.И. Терентьева на ул. Царевской [13, с. 257–259].

Механический завод князя Ливен, недалеко от г. Вольска, в с. Терса Саратовской губернии, был основан в 1884 г. и просуществовал шесть лет. За это время там было построено несколько небольших буксиров. Однако главный механик завода А.А. Минклеит переехал в Вольск и вместе с К.Э. Гильдебрандтом основал здесь в 1889 г. механический завод. Завод же, перешедший к этому времени в собственность княгини Ливен, от такой потери не оправился и закрылся.

После скорой кончины Минклеита завод в Вольске стал единолично принадлежать К.Э. Гильдебрандту. Поначалу на заводе занимались реконструкцией и ремонтом пароходов, паровых машин и котлов, земледельческих орудий, плугов, сенокосилок, молотилок, мельниц, паровых машин для пивоварен, винокуренных, маслобойных и других предприятий [4, л. 57]. Позднее он специализировался на постройке пароходов. Сначала это были все те же суда буксирного типа, затем – пассажирские пароходы. Так, в 1894 г. по заказам балаковских хлеботорговцев было заложено сразу два парохода по 60 сил каждый [8, с. 68]. В 1904 г. в обращении в губернское по фабричным и горнозаводским делам присутствие управляющий, между прочим, сообщал, что на заводе за всю его 14-летнюю историю было построено 24 парохода: 6 пассажирских и 18 буксирных пароходов различных конструкций и типов [4, л. 32]. С 1904 г. предприятие перепрофилировалось на выпуск машин и их деталей для других отраслей, прежде всего, сельского хозяйства, а также двигателей внутреннего сгорания. Как и завод «Сотрудник», оно искало спасение от финансового краха в условиях надвигающейся новой волны экономического кризиса в уходе от производства дорогостоящей штучной продукции в массовое производство относительно недорогого товара [13, с. 259–263].

Царицынское судоходное общество «Самолет» имело представительство в г. Астрахани не позднее 1880 г. На 1914 г. общество располагало 40 комфортабельными пассажирскими пароходами, совершавшими перевозки от Твери до Астрахани и по Каспийскому морю. Компания имела судоремонтные мастерские в Алексеевском затоне под г. Хвалынском Саратовской губернии. Здесь ремонтировались зимовавшие суда этой и других компаний – около сотни судов. При занятых 60–70 рабочих мастерские производили в год продукции на сумму не менее 60 тыс. руб. [5, л. 20].

Всего же в 1896 г. по Саратовской губернии было зарегистрировано 12 чугуно-литейных заводов и 9 механических заведений [6, с. 5]. За 1830–1912 гг. в Саратовской губернии было основано 22 предприятия судоремонта и судостроения, и еще 17 механических, металлообрабатывающих предприятий, прямо или косвенно связанных с этой отраслью, т.е. всего 37. До 1880 г. было основано всего 5 таких предприятий. С 1880 по 1890 гг. появилось еще 25, а с 1900 по 1912 гг. – 7. И здесь, как и в Астраханской губернии, наибольший рост новых предприятий приходился на конец XIX в. К 1912 г. в Саратовской губернии – в Саратове, Царицыне, Хвалынском и других уездах осталось лишь 19 машиностроительных предприятий крупного и среднего размера фабричного типа. Из них, ориентированных преимущественно, либо отчасти на судостроение и судоремонт – всего четыре, и все подходили под определение фабрики.

Таким образом, в Саратовской губернии заметно больший удельный вес предприятий, ориентированных изначально на судостроение и судоремонт, по сравнению с Астраханской губернией, были перепрофилированы на более широкий ассортимент продукции, либо в другие отраслевые производства, или вовсе закрыты в рассматриваемый период времени. Эти данные также указывают на устойчивое промышленное ведение бизнеса в сфере судостроения и судоремонта на Нижней Волге.

Саратовская губерния была одним из центров машиностроения на Волге, где находились крупные заводы, производившие нефтяные двигатели и насосы. Это заводы Р.К. Эрта, а также завод «Сотрудник». Крупные машиностроительные заводы по строительству нефтяных двигателей имелись в Самарской, Нижегородской, Казанской гу-

берниях, что, в свою очередь, влияло на оснащенность флота, интенсивность потребления и перевозок нефтепродуктов, общее развитие Волжского пароходства и промышленности [11, с. 46].

Согласно результатам первой всеобщей переписи населения, в России 1897 г. в целом на постройке крупных судов (пароходов и металлических судов) было занято 999 мужчин и 2 женщины. А на заводах смешанного производства машин, судов, паровозов и вагонов – 21627 лиц обоего пола. На постройке деревянных судов было занято 4212 чел. [14].

Были времена, когда производство на судостроительных и судоремонтных предприятиях замирало из-за неблагоприятной конъюнктуры. Так, в 1900 г. действия мастерских Бари в Саратове были прекращены «по неимению заказов». Так отреагировал этот сегмент рынка на экономический кризис, в который втянулось российское хозяйство. Еще хуже дело обстояло в 1905 г., когда на многих судоремонтных и судостроительных предприятиях количество рабочих сократилось на 70–90 %. На заводе Бари из 300 рабочих осталось 30. То же произошло на заводах бр. Нобель, на других крупнейших механических предприятиях [3, л. 1].

Тема стагнации в судостроении в начале XX в. не раз поднималась современниками и исследователями. Одной из причин падения производства было ухудшение общей экономической ситуации, другой – падение фрахтов в виду роста интенсивности перевозок. Была также третья причина: нефтепродукты в России резко подорожали.

В целом, в Нижнем Поволжье вообще, и в Саратовской губернии, в частности, в конце XIX – начале XX вв. активно развивалось промышленное производство, а именно машиностроение и судостроение.

Список литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 35. – Оп. 1. – Д. 117.
2. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 323.
3. ГАСО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 304.
4. ГАСО. – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 38.
5. ГАСО. – Ф. 421. – Оп. 1. Д. 353.
6. Приложение к всеподданнейшему отчету Саратовского губернатора за 1896 г. – Саратов, 1897.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 20. – Оп. 13а. – Д. 11.
8. Русское пароходство. – 1895. – № 160.
9. Русское пароходство. – 1894. – № 152.
10. Саар Г. Саратовская промышленность в 1890-х и в начале 1900-х гг. / Г. Саар. – Саратов, 1928.
11. Самедов В. А. Нефть и экономика России (80-90 гг. XIX в.) / В. А. Самедов. – Баку, 1988.
12. Статистический сборник Министерства путей сообщения. Нобель. Царицын. Внутреннее судоходство в 1912-1914 гг. – М., 1915.
13. Цыбин В. А. Пароход на Волге / В. А. Цыбин. – Саратов, 1996.
14. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

СПОРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УРАЛЬСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВЕНГЕРСКОГО ЭТНОСА В СВЕТЕ НОВЫХ ПАЛИНОЛИЧЕСКИХ И ДРУГИХ ДАННЫХ

Вереш Петер,
г. Будапешт
А.М. Пекина,
г. Петрозаводск

Внимательно читая объемистые монографии российских ученых об этногенезе многочисленных народов России, также их работы о культурной истории евразийской лесной и степной зоны, надо непредвзято признать: создается такое впечатление, что авторы этих работ во многих случаях лучше разбираются в венгерской праистории, чем большинство специалистов по данной дисциплине в Будапеште. Это невежливое преувеличение, а вполне закономерный факт истории венгерской науки. Объясняется это тем, что весьма необычный этногенез и ранняя этническая история венгров (*мадьяров*) до 895–900 гг. н.э., полностью проходила именно на территории СССР/России. Ведь самые близкие родственники по языку венграм обские угры, т.е. ханты и манси, проживают в Западной Сибири. Не говоря о том, что *мадьяры* единственный народ среди этносов, говорящих на финно-угорских или уральских языках, который в ходе их этногенеза переместился из североевразийской лесной области в степную зону, и там приобрел черты типичного кочевого хозяйства – *номадизма*. Поэтому без знания огромной русскоязычной специальной литературы невозможно объективно реконструировать венгерскую праисторию до появления венгерских племен – типичных кочевников на современной этнической территории их потомков, на западном краю евразийской степной зоны на рубеже IX–X вв. нашей эры.

Однако для того чтобы объективно установить именно где, т.е. в каком районе Евразии стали кочевниками древние венгры надо знать: во-первых, где возникло (*моноцентрично*) номадное скотоводство в евразийской степной зоне, как новый, однобоко специализированный подвижный хозяйственно-культурный тип (ХКТ или *экотип*), во-вторых, куда локализовать прародину далёких предков уральских, потом финно-угорских народов. Только на основе всего этого можно объективно вычленив исходную территорию древних венгров, где протомадьяры могли переходить к кочевому скотоводству степи. Гипотетическая территория угорской или финно-угорской прародины, с которой предки венгров появились в Европе – на их современной родине в Среднем Подунавье, – была предположительно определена благодаря развитию лингвистической науки. Плодотворный междисциплинарный подход важ-

но применять к проблемам определения уральской или финно-угорской прародины, по новым терминологии «языковым экологическим ареалам» – восточной частью которой является нынешняя этническая территория обских угров.

Начиная с 80-х гг. XIX в., исходной территорией финно-угров, традиционно считалась в течение более ста лет лесная область, расположенная между Средним Поволжьем и Уральскими горами. Основополагающая роль в становлении этой популярной до наших дней ошибочной концепции принадлежит немецкому учёному-филологу О. Шрадера (1855–1919 гг.), который первым последовательно применил в финно-угроведении биогеографический метод, а внутри него – довод о медоносной пчеле, который вплоть до новейших трудов стал главным аргументом по вопросу прародины финно-угорских народов [10, с. 191–207].

Эта первая палеолингвистическая гипотеза, которую патом Ф.П. Кеппен (1835–1911 гг.) также популяризировал, ошибочно предполагая, что совместную прародину общих предков индоевропейцев и финно-угров на основе распространения медоносных пчел можно локализовать лишь в Европе, так как Западной Сибири раньше вообще якобы не жили медоносные пчелы [4, с. 84]. Хотя основоположник российской тюркологии В.В. Радлов вовремя предупредил о том, что на Алтайских горах на берегу Телецкого озера он сам нашел диких медоносных пчел и бортничество, и даже корректно указал на языковой материал алтайцев: *bal* или *pal* [2, с. 234].

Впервые Шрадер, позже и Кеппен в своих работах в конце XIX века, категорично, но совершенно неверно утверждали, что на сибирских землях к востоку от Уральских гор, также в Туркестане, проживавшие там коренные народы, вообще не могли знать дикой медоносной пчелы. Поскольку у финно-угорских и индоевропейских народов общее название имеется не только для мёда, но и для пчелы, то по их мнению, место расположения совместной прародины согласно биогеографическим данным нельзя предполагать в Северной Азии (в Алтайском регионе), а скорее нужно локализовать в Восточной Европе, и к тому же в пределах установленного им гипотетического ареала «спонтанного распространения» дикой медоносной пчелы, к западу от Уральского хребта, а именно, в более обширных территориях Средней Волги. Эта традиционная и весьма широко распространённая неверная гипотеза из-за утверждавшегося отсутствия дикой медоносной пчелы Зауралья в прошлом, вплоть до XIX в., безосновательно исключала территорию Западной Сибири из числа предполагаемых мест распространения финно-угорской прародины.

Тем не менее, до сих пор эта самая распространённая зарубежная гипотеза относительно прародины финно-угров. В течение более ста лет эту неверную концепцию почти до последнего времени некритично поддерживало подавляющее большинство иностранных исследователей: М. Жираи, И. Шебештэн, Э. Моор, Дь. Ласло, П. Липтак, А. Барта, Ш. Шомоди, И. Зимони, И. Маккаи, А. Тюрк, М. Шугар, И. Сентпетери, Е. Микош, К. Адьягаши, К. Шандор и П. Фодор, в том числе известные венгерские академики АНВ: Гомбоц З. Дьерфи Иштван (1939 г.) и его сын Дьерфи Дьердь (1973 г.), Барци Геза (1963 г.), Хайду Петер (1953 г. и 1978 г.), Лигети Лайош (1968 г.), Рона-Таш Андраш (1972 г.), Кришто Дьюла (1981 г.), Вашари Иштван (2013 г.) и Палади-Ковач Атила (2013 г.) [14, 34–67]. Таким образом, большой поучительный парадокс в истории изучения данной темы состоит в том, что дикая медоносная пчела – хоть существо и мелкое – как не странно в течение более ста лет создавала серьёзную проблему лингвистической палеонтологии в локализации исходной для миграции предков финно-угров территории. В прошлом зарубежные исследователи эмпирически и методологически неверно определяли уральскую, финно-угорскую, угорскую и, следовательно, венгерскую прародину исключительно в Европе, на лесистой территории Поволжья, ошибочно предполагая, что медоносные пчелы якобы не эндогенны в Западной Сибири, а появились там лишь в XIX в.

Однако в 1964 г. известный финно-угровед из Будапешта, Петер Хайду (1922–2003 гг.) предлагал другую, западно-сибирскую концепцию прародины уральских народов [7, с. 47–83]. По мнению академика, первоначальное место расселения древних уральцев вплоть до формирования отдельной финно-угорской прародины в Восточной Европе следует искать исключительно в Западно-Сибирской тайге, где преобладают еловые леса. «Древние уральцы, видимо, знали лишь названия деревьев Сибирской тайги, главным образом *кедра* и *пихты*, которые появились на севере Западной Сибири с востока во время климатического оптимума среднего голоцена. Поэтому и их прародину следует искать на субарктической территории, к северу от Среднего Урала, в основном между Нижней Обью и Уралом, но частично включая верхнее течение р. Печоры». Хайду явно предполагал, что из Западной Сибири около VI–V тыс. до н.э., когда протофинно-угры выделились из уральской языковой общности, они почему-то полностью переселились в Европу, к западу от Урала, в бассейн рр. Печоры и Камы. Он считал, что территория их прародины не могла заходить далеко вглубь зоны смешанных европейских широколиственных лесов, поскольку названия лиственных деревьев, за исключением вяза (лат. *Ulmus*; PFU **s'ala* > венг. *szil*), сформировались в языке обособившихся групп финно-угров намного позднее. «Здесь, в европейской части Уральских гор, окончательно отделившиеся от древних уральцев их финно-угорская ветвь, постепенно знакомилась с деревьями европейских широколиственных лесов: сначала, V тыс. лет до н.э. — с вязом, а потом, после окончательного распада финно-угорской языковой общности, — с дубом и липой, появившимся на европейских склонах Урала предположительно около III–II тыс. до н.э. [7, с. 56–79]. Любопытно, что Петер Хайду (1964 г., 1978 г.), как и венгерский археолог Янош Маккаи (1990 г.) и вслед за ним финский лингвист Калеви Виик (2002 г., 2008 г.), ошибочно считали, что в конце ледникового периода существовали всего три рефугиума широколиственных лесов в Европе: *иберский*, *балканский* и *украинский*. Последний, т.е. «украинский» рефугиум Я. Маккаи и К. Виик связывали с прародиной древних финно-угров. Однако, все эти весьма поверхностные утверждения Хайду, Маккаи или Виика вызывают большие сомнения с позиций справедливой методологической критики [7].

Дело именно в том, что подробные палинологические исследования известного московского биолога Н.А. Холтинского (1935–2005 гг.), 40 лет назад убедительно доказали, что существовал, как раз на восточной границе Европы

четвертый первоначальный центр распространения широколиственных лесов, находившийся во время позднего палеолита и раннего голоцена именно на Урале [3, с. 285]. Определение четвертого рефугиума широколиственного леса на границе Европы и Азии явилось, несомненно, сенсационным научным открытием советской палеогеографии, имеющим исключительное международное научное значение, в том числе и в финно-угристике / урاليстике. Следует обратить особое внимание на то, что на эти новые ключевые результаты палинологии относительно истории лесов российской географии от 70–80-х гг. XX века, до сих пор по разным причинам еще не учитывались зарубежными специалистами при определении уральской, или финно-угорской в том числе и угорской и венгерской прародин. Хотя эти важные палинологические результаты Н.А. Хотинского и его учеников (В.С. Волковой и В.А. Белковой), однозначно свидетельствуют о том, что во время климатического оптимума атлантического периода, когда наблюдалось максимальное распространение широколиственных лесов в Евразии, как в западном, так в северном, но и в восточном направлениях – вяз, дуб и липа росли уже не только на Урале, но и намного восточнее, вплоть до среднего течения Оби, а также в Алтайских горах Западной Сибири [1, с. 3]. Из этого логично следует, что все типичные деревья широколиственного леса все-таки были известны в Западной Сибири минимум шесть тысяч лет тому назад, около 4500 ± 50 до н.э. Хотя зарубежные исследователи категорически отрицали этот неоспоримый эмпирический факт, тем более эндогенность медоносных пчел на территории Зауралья, т. е. юго-западной части финно-угорской и уральской прародины. Все выше перечисленные данные советских палинологов убедительно свидетельствуют о том, что к востоку от Урала, на территории Западной Сибири по экологическим причинам дикие медоносные пчелы были довольно широко распространены в течении последних 6800 лет, даже раньше. Это явно противоречит популярному, но совершенно неверному предположению о недавно одичавшими потомками домашних пчел из улей местных русских крестьян, как это обычно считается, даже в настоящее время в специальной литературе по зарубежной финно-угроведению.

Это научнообразный ошибочный миф в зарубежной урاليстики к сожалению, в течение целого века отрицал эндогенности диких медоносных пчел на территории Западной Сибири. Хотя эти пчелы везде живут в Северной Евразии, кроме субарктических районов. Тем более, что новейшие биологические данные российских палинологов имеют ключевое значение в данном вопросе. Так как, однозначно свидетельствуют о том, что зарубежная лингвистическая палеонтология в течение более ста лет совершенно неправильно определяла восточные границы распространения широколиственного леса около Урала, на основе этого заблуждения и спонтанного распространения диких медоносных пчел, следовательно, архаическое бортничество среди финно-угорских народов, прежде всего у хантов и манси Западной Сибири. А поскольку эти эмпирические факты до сих пор являются главными биогеографическими аргументами при определении территории финно-угорской прародины, напрашивается вывод: при установлении восточной границы исходного района древних уральцев и финно-угров, также венгров, иностранные лингвисты, занимающиеся этой проблематикой до последнего времени, почему ошибались? Ответ: главным образом по той причине, что до сих пор некорректно полностью игнорировали результаты других наук, но прежде всего основополагающие палинологические данные российских ученых. Новое открытие московских палеогеографов относительно истории лесов Северной Евразии убедительно свидетельствуют как раз о том, что еще *во время среднего голоцена*, не только вяз и липа, но и дуб, вместе проникли с Уральского рефугиума на восток, приблизительно до среднего течения Оби в Западной Сибири. Это случилось именно тогда, когда шесть тысяч лет тому назад под оптимальным климатическим влиянием появились кедр и пихта на севере Западной Сибири с востока. Таким образом не только в финно-угорской эпохой, но и до этого, т.е. во время даже существования уральской прародины, которые азонально в меридиальном направлении пересекали несколько экологических зон с обеих сторон Уральских гор, все типичные деревья и тайги и широколиственного леса одновременно были известны на прародине уральцев и позже – древних финно-угров, даже в Зауральской части Западной Сибири.

К сожалению, западные исследователи до последнего времени категорически отрицали эти важные палинологические факты, как и эндогенность медоносных пчел на территории Зауралья. При традиционном определении границы прародины финно-угорских народов все перечисленные палеоэкологические факты Урала и Западной Сибири не принимались во внимание в течение более ста лет. Поэтому зарубежные ученые перманентно, но совсем не критически придерживались столетней ошибочной точки зрения немецкого филолога О. Шрадера, согласно которому исходная территория древних финно-угров якобы располагалась исключительно в европейском лесистом районе между Средним Поволжьем и Уральскими горами. Этому старому и неверному предположению явно противоречит первоначальный центр распространения широколиственного леса на Урале на раннего голоцена. Правда этот ключевой факт палеогеографии Урала и Западной Сибири до последнего времени не был известен в специальной литературе по зарубежной финно-угристик, хотя был опубликован уже в 1977 г. в Москве. Несмотря на то, что для биогеографического метода лингвистической палеонтологии всегда определяющие значение имело как раз географическое распространение вяза, дуба и липы. Ведь рефугиум этих деревьев широколиственных лесов находившийся в начале голоцена именно в средней и южной частях Уральских гор. Важно подчеркнуть, что со времени 1881–1886 гг. зарубежные исследователи под влиянием Шрадера и Кеппена, совершенно не считались с тем, что дикие медоносные пчелы постоянно пребывают в особенно тесном симбиозе с липой, и совершили непростительные ошибки, когда не принимали во внимание, что пчелы всегда отдают предпочтение прежде всего цветам липы. Весьма странно, даже те редкие языковеды финно-угристы, которые признавали произрастание липы в Западной Сибири, были слепо убеждены, в том, что до рубежа XVIII–XIX вв. дикие медоносные пчелы в Зауралье, якобы вообще не жили (Ирен Шебешьтен и т.п.). Хотя липа хорошо известна на этнической территории обских угров к востоку от Уральских гор и в настоящее время.

К вышесказанному можно привести дополнительные аргументы, о которых тоже не знали предыдущие исследователи до нас. Так, например, *ива*, *берёза* и *тополь* также издревле произрастают и в Западной Сибири, цветочная пыльца этих деревьев весьма привлекательна для тамошних диких медоносных пчёл, а название этих деревьев как известно из работ лингвистов, ходят в древний словарный фонд уральских языков. Более того, зарубежные исследователи уральской и финно-угорской также угорской и венгерской прародин до сих пор не знают того весьма интересного биологического факта, что деревья тайги могут давать основу для изготовления мёда, который называется таёжным мёдом. Из всего сказанного можно сделать далеко идущий этногенетический вывод по древней истории уральцев, в том числе относительно географического определения территории уральскую прародину древней финно-угорской языковой общности. Ведь начиная уже с V тысячелетия до н.э., деревья широколиственных лесов распространялись вместе с дикими медоносными пчелами и лесным бортничеством по обеим сторонам Уральских гор, т.е. на совместной прародине уральских народов, включая и Западную Сибирь, где липа и вяз встречаются даже сегодня. Таким образом, слишком северный, суровый субарктический таежный район между нижним течением р. Оби и Полярным Уралом никак не может служить исключительной территорией уральской прародину, как в свое время ошибочно считал академик Петер Хайду. Хотя там, также как и на острове Новая Земля, обнаружена пыльца вяза и липы. Однако эти следы пыльцы попали сюда из более южных районов Урала, где находился четвертый рефугиум европейских широколиственных лесов на границе Европы и Азии, и также из южной части Западной Сибири, где до сих пор растут и липа и вяз, раньше – даже дуб.

Финно-угорское единство вследствие экологических причин распалось по-видимому во второй половине III тыс. до н. э., когда из-за ухудшения климата в 2600–2100 гг. до н.э. в Западно-Сибирской равнине началось интенсивное заболачивание и параллельно с этим в значительной мере изменились границы географических зон. На всякий случай большое значение имеет, что древне-угорская этноязыковая общность, возникшая в Зауралье после распада финно-угорского единства, имела андронидный культурный облик и, по-видимому, уральский антропологический тип. На основе лингвистических, этнографических, палеоклиматических и других данных можно считать обоснованным предположение российских ученых, прежде всего В. Н. Чернецова (1905–1970 гг.) К.В. Сальникова (1900–1956 гг.) и М.Ф. Косарева (1935–2027 гг.). Согласно их мнению андронидный черкаскульский археологический комплекс бронзовой эпохи лесостепной полосы Зауралья и Западной Сибири около озера Черкас с большой вероятностью этнически можно связывать с древними уграми – общими предками венгров и обских угров [5, с. 223]. Этот вывод не противоречит дальнейшей этнической истории венгров, хантов и манси, которые вместе образуют отдельную ветвь финно-угорской группы уральцев и соответствует результатам новейших исследований этногенеза названных народов [13]. Однако после тысячелетнего сосуществования в конце бронзовой эпохи древние угры окончательно разделились на две отдельные ветви. В распаде угорской этноязыковой общности большую роль играли эколого-климатические и культурные процессы на рубеже II–I тысячелетия до н.э. Эти сложные процессы решительным образом повлияли на дальнейшую судьбу древних угров, живших в бронзовую эпоху в контактной зоне широколиственного леса и степи, т.е. в лесостепи Зауралья около озера Черкас. Угорская этническая территория андронидной черкаскульской археологической культуры на юге Западной Сибири подвергалась дальнейшему заболачиванию в результате катастрофического изменения климата начиная с XIII–XII в. до н. э. – а именно резкого повышения влажности в лесной зоне Северной Евразии. Это весьма важно для этногенеза всех угорских народов, а не только венгров, так как объясняет сложную проблему: почему к концу бронзового века в полосе лесостепи Зауралья везде фиксируется заметное сокращение численности крупного и мелкого рогатого скота, но при этом интенсивно возрастает число лошадей, размер которых в это время вдруг значительно уменьшился. Параллельно отмечается резкое увеличение роли охоты, которая у местного угорского населения даже в предыдущий период не имела такого большого значения. Все эти факторы подтверждают теорию о резком ухудшении климата Западной Сибири, указывают на глобальное ухудшение экологической ситуации на рубеже II–I тыс. до н.э. Не случайно, что именно в Западно-Сибирской низменности сформировался самый крупный в мире район заболачивания.

Угорское население Зауралья – т.е. общие предки венгров, ханты и манси – проживавшее около озера Черкас, должно было соответственно отреагировать на все эти климатические изменения. По нашему мнению древние угры черкаскульской культуры вынуждены были либо приспособить свой хозяйственный быт к новой экологической обстановке, либо оставить свои земли и переселиться в другие области. Таким образом, южная часть угров – предков венгров – мигрировала в это же время из лесостепной Зауралья на юг в степную зону Западной Сибири. По нашему мнению, именно это переселение протоугров на юг отражает черкаскульская археологическая культура, которая в XII в. до н. э. вклинивался в евразийскую степную зону, что было выявлено археологом Г.Б. Здановичем. Однако в связи с этим специалисты по праистории мадьяров в Будапеште, также западно-европейские и американские этнологи или номуловеды в долгое время не обратили внимания на крупные научные результаты советских ученых относительно того, что в центре евразийской степной зоне на рубеже II–I тыс. до н. э. происходили крупные, можно даже сказать, революционные хозяйственные изменения. Так как по исследованиям М.Г. Грязного, Г.Е. Маркого и С.И. Руденко *моноцентрично* зарождался новый, специализированный хозяйственно-культурный тип – кочевое скотоводство (нумадизм) именно в степях Западной Сибири и соседнего аридного полупустынного района Северного Закаспия. Примечательно, что около X века до н.э. полукочевая черкаскульская археологическая культура, которую К.В. Сальников в своей монографии, этнически связывал с древними уграми, вдруг окончательно исчезла в степи. Это явление гипотетично мы связываем с полным переходом предков венгров к кочевому скотоводству во время возникновения нумадизма в евразийской степной зоне. Дело в том, что типичные кочевые народы или не оставляют археологических следов, или оставленные ими археологические артефакты представлены лишь в минимальной

степени. Необходимо подчеркнуть, что венгры – единственный народ среди финно-угорских этносов, который в ходе этногенеза переместился из лесной в степную зону, и там приобрел черты типичного кочевого этноса. Благодаря однобоко специализированному номадному скотоводству древние венгры исключительно далеко ушли от самой близкой к нему по языку группы, т.е. обских угров, с которыми венгры имеют около четырёхсот пятидесяти общих слов, а также общий корень своего этнонима мадьяр (magyar).

Для того чтобы установить в каком районе Евразии древние венгры стали кочевниками, надо знать где и каким образом возникло номадное скотоводство моноцентрично в евразийской степной зоне. По нашим совместным исследованиям в России и Венгрии протовенгры именно с XIII–XII вв. до нашей эры начинали создавать свой номадизм как однобоко специализированный подвижный культурно-хозяйственный тип. Во избежание недоразумения отдельно подчеркиваем это новый экотип в мировой культурной истории (X–K–T) возникал в середине степной зоны под экологическим давлением. По мнению российских ученых, прежде всего, Маркова, Грязнова и Руденко евразийское кочевничество с лошадиным уклоном возникло в Северном Прикаспии Казахстана и соседних районов именно *моноцентрично*.

Однако термин моноцентрическое формирование кочевничества ввел в научный оборот бывший заведующий кафедры этнографии МГЕ – профессор Г.Е. Марков. К сожалению, на это важный уточняющий термин по истории номадизма не обратили внимания западные исследователи. В том числе и венгерские академики Вашари Иштван, Кришо Дьюла, Рона-Таш Андраш или Палади-Ковач Атила, которые представления не имели о хронологии и географическом месте возникновения евразийского кочевничества до итоговой историографической публикации Петера Вереша о крупном достижении советских ученых относительно темы номадизма, тем более моноцентрического возникновения этого весьма важного экотипа. Действительно, изучать генезиса и эволюцию евразийского степного номадизма, в том числе и праисторию венгров до неожиданного их появления как полукочевников около 895–900 гг. в Панонии, не зная русской-советской-российской богатой литературы – этот нонсенс. Если начало было где-то там и большинство исследований по тем местам и временам сделаны российскими учеными – туда и дорога, там и источники. Как пожилые, так и молодые хунгарологи, не знающие досконально русского языка и не интересующиеся междисциплинарной специальной литературой России, никогда не придут ни к каким достоверным научным заключениям по венгерскому этногенезу и ранней этнической истории. Весьма странно, что именитые иностранные исследователи номадизма, также венгерской праистории до сих пор не придавали значения моноцентричному формированию евразийского кочевничества. Не совсем понятно почему-то игнорировали на Западе данную концепцию таких известных советских ученых как Грязнов, Марков и Руденко. Несмотря на то их ценные работы о моноцентрическом возникновении евразийского номадизма давно опубликованы на Западе на немецком, французском и английском языках. По нашему мнению, это главным образом объясняется, по-видимому, не сугубо политическим причинам, а прежде всего тем обстоятельством, что названные известные российские номадоведы, археологи и этнологи сделали очень важное, даже можно сказать крупное открытие в мировой науке. А как знаем из длинной истории разных наук: тем значительнее научное открытие, тем больше сопротивление наблюдается как раз среди коллег. Талантливых личностей обычно не любят, даже в научной области они своим обычно вызывают постоянные психологические раздражения у бездарных особ большинства. Это поведение, к сожалению, универсальная психологическая тенденция.

Список литературы

1. Волкова В. С. О роли широколиственных пород растительности в голоцене Сибири / В. С. Волкова, В. А. Белкова // Papers of the Soviet Palynologists to the V. International Conference on Palynology. Cambridge. – М.: Наука, 1980.
2. Радлов В. В. Из Сибири / В. В. Радлов. – М.: Наука, 1989. – С. 749.
3. Хотинский Н. А. Голоцен Северной Евразии / Н. А. Хотинский. – М.: Наука, 1977. – 245 с.
4. Кёппен Ф. П. Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индо-европейского и финно-угорского племени / Ф. П. Кёппен // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1886. – С. 3–101.
5. Чернецов В. Н. К вопросу прародины уральцев (финно-угров и самодийцев) / В. Н. Чернецов // Nemzetközi Finnugor Kongresszus. – Budapest: Akadémia Kiadó, 1963. – С. 432–439.
6. Czövek Judit. Világügyelő. Tanulmányok Hoppál Mihály 70. születésnapjára. In: Czövek Judit – Dyekiss Virág – Szilágyi Zsolt (red.) Budapest: MTA-Magyar Vallástudományi Társaság. 2012.
7. Hajdú Péter: Über die alten Siedlungsräume der uralischen Sprachfamilie. Acta Linguistica. No 14. Budapest: Akadémiai Kiadó 1964. 47–83.
8. Radloff W. Aus Sibirien. Lose Blätter aus meinem Tagebuche / W. Radloff. – Leipzig, 1884. – 749 c.
9. Serei Charles: The Linguistic Prehistory of Peoples belonging to the Uralic Family of Languages. VIII. Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Tokyo: 1970.456–463
10. Schrader O. Linguistisch-historische Forschungen / O. Schrader. – Jena, 1886. – С. 208.
11. Schrader O. Die Indogermanen / O. Schrader. – Leipzig, 1911. – С. 191–207.
12. Veres P. Die frühe Phase der Ethnogenese der Finno-Ugrier und Sibirien / P. Veres // Specimina Sibirica. – Pécs: Egyetemi Nyomda, 1988. – P. 78–97.
13. Veres P. The Ethnogenesis of the Hungarian People. Problems of Ecologic Adaptation and Cultural Change / P. Veres // Occasional Papers in Anthropology. No 5. Ga'bor. Vargyas (Ed. by): Budapest: 1996. 193
14. Veres P. Mérföldkövek a magyar őstörténetben. Cédrus Művészeti Alapítvány Kiadó. Ómúltunk Tára. No 5. Budapest: 2009. 185.
15. Witsens N. Berichte über die uralischen Völker. Studia Uralo-Altaica VII. P. Hajdú.- T. Mikola.- A., Róna-Tas (Ed. by). 1975. Szeged: Egyetemi Kiadó.

МУСУЛЬМАНСКАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ В АСТРАХАНИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ФОРМЫ И МЕТОДЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

Имашева Марина Маратовна,

*доктор исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии
Института международных отношений, истории и востоковедения,
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) Федеральный университет», г. Казань*

Мусульманское население в Астраханской губернии на рубеже XIX–XX вв. составляло вторую по численности демографическую группу в регионе. По данным 1901 г. мусульман в городе проживало до 10000 чел. обоего пола, при общей численности населения в 38000 чел. [5, л. 15]. Подавляющее большинство проживало в 5 и 6 участках города и представляло в основном различные группы тюрко-татарского населения: астраханских юртовских татар, татар-переселенцев из Средневожских и Приуральских губерний, ногайцев-карагашей.

Нужда в этноконфессиональном благотворительном обществе для мусульман города была тем более очевидна, что власти весьма неохотно помогали попавшим в сложные жизненные обстоятельства татарам. Государственной помощи не хватало даже православным, где уж тут до заботы о мусульманах, а если даже помощь оказывалась, власти обставляли эту акцию таким количеством административных препон, что обращаться к ней, порой, не вызывало никакого желания.

В 1890-е гг. многие татарские семьи были просто не в состоянии прокормить и обогреть своих детей: «По пятицам можно видеть у каждой мечети большие толпы нищенствующих мусульман. Голодные, оборванные мусульманские дети бродят по улицам, с утра до вечера, не только не получая образования, но подвергаясь развращающему воспитанию улицы» [17, с. 4; 18, с. 80]. Многие, проходя мимо Подкремлевского сада, видели «мусульманских детей в рубище, практически не одетых, сидящих на снегу и просящих подаяние» [13, с. 4].

Попечительство о бедных татарах г. Астрахани возникло в 1896 г. и действовало до 1918 г. В первый год своего основания оно предоставило приют детям умерших от холеры [13, с. 4], который, впрочем, закрылся, не просуществовав и года. Уже потом, в следующие два года, общественная организация обросла всеми необходимыми атрибутами, свойственными таковой.

Возникновение мусульманской этноконфессиональной благотворительной организации в Астрахани в это время было не случайно. Во всей российской умме значение общественной благотворительности к рубежу XIX–XX вв. невероятно возросло. Возникновение Попечительства в Астрахани стало следствием не только региональных социально-экономических и этноконфессиональных процессов, но и общемусульманского общественного движения, охватившего в этот период все регионы со значительным числом мусульманского населения, признанным лидером которой была Казань [14, с. 206–214].

В Уставе Астраханского Попечительства о бедных татарах была сформулирована цель «доставления средств к улучшению нравственного и материального состояния бедных татар г. Астрахани и ближайших к нему татарских селений».

В соответствии с этой целью были сформулированы «занятия» Попечительства:

- «а) доставление неимущим татарам возможности приобретать одежду, пищу и помещение собственными трудами;
- б) содействие к приисканию нуждающимся занятий, к приобретению ими для работ материалов и инструментов и к выгодному сбыту изделий бедных тружеников;
- в) доставление и облегчение способов для призрения и воспитания сирот и детей бедных родителей;
- г) оказание бедным больным медицинской помощи и пособия для погребения скончавшихся в крайней бедности;
- д) устройство с надлежащего разрешения и на основании утвержденных в каждом отдельном случае уставов, богаделен, ремесленных школ, столовых для бедных и т.п. благотворительных учреждений;
- е) содействие к образованию бедных детей, а также к улучшению внутренних и внешних условий обучающихся в татарских школах при мечетях;
- ж) принятие мер к искоренению нищенства, с разрешения местной полиции и в пределах прав, предоставленных законом;
- з) доставление неимущим средств для возвращения на родину» [16, с. 3].

Попечительство состояло из членов-учредителей, почетных и простых членов, среди которых мы видим в основном представителей местной, казанской и российской тюркской торгово-промышленной и духовной элиты. [16, с. 3–6].

В истории Попечительства можно выделить периоды активной деятельности и периоды стагнации, когда практически никакие благотворительные мероприятия не осуществлялись. В период 1896–1898 гг. Попечительство проходило период своего становления, организационного оформления. К 1898 г. в деятельности Попечительства наметились положительные сдвиги. О судьбе его члены Правления писали, как о «вполне обеспеченной». Причин было несколько.

Во-первых, Попечительство приобрело себе не только известность среди местного населения, но и «симпатии его по систематичности и целесообразности» его благотворительной деятельности. Во-вторых, Попечительство приобрело доверие и расположение влиятельного мусульманского духовенства, во всяком случае, местного, так как в состав его вступило значительное число мулл [9, с. 8].

На 1898–1904 гг. приходится период стабильности, в рамках которого, ежегодно, «для более целесообразного распределения пособий, назначенных Попечительством бедствующим и нуждающимся татарам», правление обращалось к настоятелям мечетей с просьбой указать наиболее бедных и нуждающихся в их приходах лиц. Таким образом, Попечительство «в пособиях своих бедствующим», руководствовалось преимущественно указаниями имамов.

Эти «пособия» заключались в следующем: выдача денег «на прокорм»; покупка и раздача учебников, обучающимся в медресе при мечетях; покупка и раздача дров в холодное время года; раздача теплой одежды; выдача денег на похороны «скончавшихся в крайней бедности»; отправка на родину бедных; снабжения их во время проезда продуктами [9, с. 7]. Для «увеличения» средств попечительства с 1898 г. членам Попечительства – муллам раздавались «квитанционные книжки», чтобы они принимали личное участие в сборе пожертвований.

Четырехлетие с 1904 по 1908 гг. – это период бездействия Попечительства. Юридически оно существовать продолжало, но только «по названию», так как совершенно не функционировало и ни в чем себя не проявляло». К началу 1909 г. создалось такое положение, что в городе официально благотворительное общество мусульман существовало (имелся и капитал приблизительно в 3000 руб.), а помогать бедным мусульманам было некому. И даже если какие-то средства собирались, они до адресатов, как правило, не доходили. [8, с. 4].

В 1906–1908 гг. в Астрахани разворачивается общественное движение мусульман, создаются новые организации, преследовавшие, согласно уставам, культурно-просветительские цели. Общества «Шурай-Ислам» и «Джамяти-Исламия», стоявшие на позициях умеренно-буржуазных начинают борьбу за влияние на дела Попечительства. Эта борьба стала фактором, способствовавшим в конечном итоге, возрождению Попечительства.

Группа местных мусульман – активистов татарского общественного движения в регионе, «побуждаемая добрым желанием прийти на помощь обездоленным мусульманским сиротам», без призора бродившим по холодным улицам, задумала оживить дела Попечительства [8, с. 4].

Группа эта обратилась к председателю правления «застывшего» общества с требованием собрать общее собрание членов. Записалось 160 человек, собрание состоялось 25 января 1909 г. [13, с. 4]. В результате, с весны 1909 г. и до начала Первой Мировой войны наступает самый активный период деятельности Попечительства [5, л. 18].

После длительного перерыва вновь избирается его правление. Наряду со старыми членами появляются новые лица – представители демократического крыла мусульманского общественного движения города: председатель – И. Искендеров (фактический руководитель общества «Джамяти-Исламия»), казначей – Х. Хаников, делопроизводитель – Ф. Шаммазов, члены правления – И. Ягудин, А. Каратаев и М. Измайлов (фактический руководитель общества «Шурай-Ислам»).

Была готова и программа действий. Татары из группы, желавшей оживления деятельности Попечительства, считали, что надо начать с назначения попечителей на каждый участок города, обследовать положение нуждающейся бедноты и придти ей на помощь и теми средствами, которые уже имелись общества, и теми, которые будут собраны попечителями с добрых людей, «которых немало среди мусульман». Также предполагалось открыть приют для беспризорных сирот, богадельню для престарелых, оказывать помощь безработным и больным выдачею ссуд и пособий и пр. Для осуществления задуманного, требовалось только доброе желание и «небольшая доля энергии» [13, с. 4].

С расширением сферы деятельности Попечительства, на основе намеченной программы, встает проблема материального обеспечения. Нехватку денежных средств не могли восполнить ежегодные членские взносы и единовременные благотворительные взносы отдельных лиц. Попечительство начинает искать новые источники доходов. Ими становятся организуемые время от времени благотворительные спектакли, лотереи-аллегри и даже цирковые представления [19, с. 4]. Также Попечительство практиковало сбор пожертвований, оставляя в магазинах состоятельных членов Попечительства кружки для сбора денег.

28 февраля 1910 г. на общем собрании членов Попечительства о бедных татарах г. Астрахани был рассмотрен проект устава Мусульманского детского приюта, который был представлен на утверждение Астраханскому губернатору в начале апреля того же 1910 года, который был утвержден 15 марта 1911 г. [2, л. 1–3].

Согласно положениям Устава Мусульманского детского приюта, он ставил своей целью «доставлять приютившимся детям воспитание, обучение и ремесленное образование, чтобы по выходе из приюта дети могли честным образом снискать средства к жизни, принося пользу обществу». Для достижения этой цели предполагалось обучать детей в приютской школе «первоначальной грамоте, мусульманскому вероучению, татарскому языку, арифметике и письму, а равно и русскому языку в объеме курса начальных народных школ». Дети в приюте воспитывались до 12-летнего возраста [2, л. 8]. Сам приют начал действовать с 1 января 1912 г., в него было определено 10 мальчиков-татар, круглых сирот, в возрасте от 3 до 9 лет [2, л. 10–11; 3, л. 3]. 12 августа 1912 г. общее собрание Попечительства решило открыть при приюте школу для приходящих детей [2, л. 15–17].

В 1913 г. была окончательно закрыта астраханская мусульманская общественная организация «Шурай-Ислам». И все чаяния татарской общественности с этого времени неразрывно были связаны с деятельностью Попечительства. Дела Попечительства попадают под пристальное внимание местной прессы, как русскоязычной, так и татарской. В газетах «Астраханский листок», «Астраханский вестник», «Астраханский телеграф» и «Идель» печатают анонсы спектаклей и других мероприятий Попечительства, отчеты о них, годовые отчеты о деятельности организации, критические статьи и заметки [20, с. 4; 5, л. 78–80; 11, с. 4; 22, с. 4; 17, с. 4; 15, с. 4].

Состояние дел Попечительства в 1913 г. получило достаточно высокую оценку в газете «Идель»: «Попечительство о бедных мусульманах г. Астрахани поработало довольно прилично... В здание Попечительства провели свет электрический, в зале здания устроили сцену, раньше за помещение театра чужим платили деньги, а теперь своя

сцена, деньги останутся в пользу Попечительства. В последнее время оно хлопочет об открытии читальни и библиотеки» [3, л.19–19об.].

Кроме организации благотворительных спектаклей общество также занималось просветительской деятельностью. В начале 1910-х гг. в помещении Попечительства проводились лекции на татарском языке, в основном на медицинские темы, со взиманием небольшой платы за вход. В качестве лекторов охотно выступали доктор Нариман Нариманов и провизор Ады Керимов. Так, 8 декабря 1913 г. в помещении Попечительства состоялась лекция о чуме. Плата за вход составляла 10 копеек [12, с. 4].

К концу 1913 г. Попечительство о бедных татарах г. Астрахани содержало за свой счет:

- 1) детский приют, в котором воспитывалось 10 мальчиков-сирот из татар;
- 2) начальное русско-татарское мужское училище, в котором обучалось около 100 мальчиков;
- 3) начальное женское русско-татарское училище, с курсом рукоделия, в котором обучалось около 100 девочек.

В предвоенные годы Попечительство играло огромную роль в общественной жизни татарского населения города. Его авторитет был настолько высок, что по самым важным вопросам общественной жизни махалля (стремилась получить одобрение этой организации. Астраханский корреспондент газеты «Кояш» в апреле 1913 г. писал: «На днях состоялось общее собрание мусульман. Обсуждению подлежал вопрос об открытии в Астрахани мусульманской мужской и женской семинарии. Собрание постановило обратиться к Астраханскому мусульманскому благотворительному обществу с просьбой высказать свое мнение по этому поводу» [11, с. 3].

Начиная с сентября 1914 г. и практически до его ликвидации, Попечительство, как и все другие благотворительные общества Империи, сосредотачивает свое внимание на посильной помощи раненым солдатам, помощи семьям убитых и пострадавших солдат, поддержку оставшихся без кормильцев семей. Уже на первом собрании было собрано 808 руб. 43 коп. в пользу раненых, а сам председатель Шамухамедов от своего имени, дополнительно, пожертвовал 50 руб. на покупку лекарств для раненых [4, л. 8]. Тогда же было решено содержать за счет средств Попечительства 5 кроватей для раненых солдат-мусульман [4, л. 14].

После «победы рабочего класса над буржуазией» в январе 1918 г. в Астрахани по примеру Центрального мусульманского комитета, одним из лидеров местных большевиков, Касимом Туйбахтиным, в сотрудничестве с «многими товарищами коммунистами-мусульманами», был организован Краевой Мусульманский Комиссариат, который взял под свой контроль деятельность Попечительства.

15 августа 1918 г. в Астрахани произошел мятеж противников советской власти, которые на несколько часов захватили власть в городе. В результате нападения на Краевой Мусульманский Комиссариат Касим Туйбахтин был убит, несколько сотрудников ранены [7, л. 1].

В ходе расследования обстоятельств мятежа в сентябре 1918 г. были арестованы «как заложники, представители крупной мусульманской буржуазии и видные контрреволюционеры-мусульмане». В числе этих «контрреволюционеров» оказался практически весь состав Правления Попечительства о бедных татарах города Астрахани [7, л. 74]. В отношении некоторых из них в исполнение были приведены расстрельные приговоры, например, в отношении муллы села Осыпной Бугор Беньямина Хузаирова [6, л. 19].

Судьба этой «богадельни» была предreshена. 23 сентября 1918 г. на заседании коллегии Комиссариата по мусульманским делам Астраханского края было решено «существующее Попечительство о бедных татарах г. Астрахани и приют при нем ликвидировать, для принятия дел избрать комиссию». Все имущество Попечительства было передано комиссариату, а приют – краевому отделу призрения [7, л. 36].

Таким образом, деятельность Попечительства о бедных татарах (мусульманах) города Астрахани, стала первым и достаточно успешным опытом мусульманской национально-конфессиональной благотворительной организации. Располагая достаточно скромными суммами, Попечительство сумело организовать целый ряд благотворительных акций, направленных на помощь беднейшим членам мусульманской общины. Деятельность Попечительства, на наш взгляд, способствовала становлению и развитию культурных и нравственно-эстетических основ мусульманской общины Астрахани в начале XX века, успешному поиску своей этноконфессиональной идентичности.

Список литературы

1. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 65.
2. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1089.
3. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1433.
4. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1465.
5. ГААО. – Ф. 289. – Оп. 1. – Д. 237.
6. ГААО. – Ф. Р. 38. – Оп. 2. – Д. 98.
7. ГААО. – Ф. Р. 386. – Оп. 2. – Д. 12.
8. Измайлов М. Мусульманская жизнь / М. Измайлов // Астраханский листок. – 1909. – 6 мая. – № 97.
9. Искендеров И. Х. Отчет Правления Попечительства о бедных татарах (мусульманах) города Астрахани за 1898 гражданский год / И. Х. Искендеров. – Астрахань: Губернская типография, 1899. – 32 с.
10. Мусин О. К судьбе общества «Шурай-Ислам» / О. Мусин // Астраханский вестник. – 1912. – 10 июля. – № 6707.
11. Мусин О. Мусульманская жизнь / О. Мусин // Астраханский вестник. – 1913. – 9 апреля. – № 79.
12. Мусин О. Лекция на татарском языке / О. Мусин // Астраханский вестник. – 1913. – 8 декабря. – № 262.
13. Нариманов Н. Возбуждение мусульманского благотворительного общества / Н. Нариманов // Астраханский листок. – 1909. – 20 января. – № 24.
14. Салихов Р. Р. Участие татарского предпринимательства России в общественно-политических процессах второй половины XIX – начала XX вв. / Р. Р. Салихов. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2005. – 191 с.

15. Тон. Мусульманский спектакль // Астраханский вестник. – 1913. – 17 февраля. – № 40.
16. Устав Попечительства о бедных татарах (мусульманах) г. Астрахани. – Астрахань : Губернская типография, 1894. – 22 с.
17. Ходжаев А. Отчет лотерее-аллегри, устроенной в пользу астраханского Попечительства о бедных татарах / А. Ходжаев // Астраханский вестник. – 1913. – 22 сентября. – № 203.
18. Чолахян В. А. Демографические процессы в Нижнем Поволжье в 1900–1930-х гг. / В. А. Чолахян // Отечественная история. – 2007. № 6. – С. 76–87.
19. Шаммазов М. Ф. Ходатайство мусульманского благотворительного Попечительства / М. Ф. Шаммазов // Астраханский вестник. 1913. – 7 ноября. – № 238.
20. Шаммазов М. Ф. Воззвание Попечительства о бедных татарах / М. Ф. Шаммазов // Астраханский вестник. – 1913. – 10 августа. № 170.

РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ И МИСТИЧЕСКИЕ СЕКТЫ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX в.

Канатьева Наталья Сергеевна,

*кандидат биологических наук, доцент кафедры культурологии,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

В царствование Александра II, в 30–40-х гг. XIX в., в истории Русской православной церкви начался принципиально новый этап – борьба с раскольниками и сектантами получила официальный статус под названием внутренней миссии. В отличие от внешней, нацеленной на «басурман и инородцев», направлена она была на «раскол», т.е. на «уклоняющихся от православия» великороссов по рождению, проживающих на собственной канонической территории Российской империи. Под это определение подпадали, во-первых, сторонники пореформенного, «дониконовского», православия, староверы или старообрядцы, именуемые официальными органами раскольниками, и разнообразных сектантов. Итак, под «расколом» подразумевали как старообрядчество, так и сектантство (в частности, это всегда подрывало все попытки определить общую численность «раскольников»), понимая под старообрядцами «потомков тех православных, которые в XVII в. не согласились с реформами Никона, а под сектантами – религиозных русских, не принадлежавших ни к православной церкви, ни к старообрядчеству, ни к существовавшим в России иноверческим конфессиям» [11, с. 34–35].

Русская православная церковь, пользуясь неизменной поддержкой власти, обладала исключительным правом на осуществление своей миссионерской деятельности на территории Российской империи и не имела официальной конкуренции в лице других конфессий. Как следствие, руководство РПЦ уделяло мало внимания разработке новых форм работы с населением. Поэтому старообрядчество и сектантство завоёвывали всё новых адептов, особенно вдали от крупных центров, на окраинах огромной империи. Неудивительно, что к середине XIX в. РПЦ вынуждена была сосредоточить свои миссионерские усилия на работе с представителями старообрядчества и особенно сектантства.

Вскоре при всех епархиях Российской империи были учреждены должности епархиальных миссионеров для борьбы со старообрядчеством и сектантством. Курс истории и обличения русского раскола в конце XIX в. становится обязательной частью учебной программы православного образования всех уровней. В 1880–1890-х гг. начинает издаваться целый ряд церковных журналов миссионерского характера; наиболее крупный из них, «Миссионерское обозрение», начал выходить в 1896 г. (первоначально в Киеве, в 1899 г. издание было перенесено в Петербург). В нем публиковались и исследовательские, и полемические работы, местные корреспонденции и обзоры сектантского «религиозного быта». По словам А.А. Панченко, «хотя большинство авторов «миссионерского круга» сохраняли... и предубежденность против сектантов, и традиционные стратегии конструирования «сектантской догматики», деятельность их подчас была весьма продуктивной в смысле публикации и первичного анализа ранее неизвестных документальных материалов» [7, с. 31].

История сектантства в России началась практически вместе с крещением Руси. «С XI столетия живет в русском новокрещенном народе еретическое предание», – считал А. Карташев, а под 1004 и 1123 годом Никоновская летопись сообщает о заточении инока Адриана и злого еретика Дмитра – проникших в Россию из Византии и из балканских славянских стран и соблюдавшие свое тайное учение вплоть до XVII–XVIII вв. давнишних еретиков-богомилев, когда они почти открыто превратились в секты хлыстов и скопцов. Об Адриане прямо сообщается, что он был скопец [6].

Под 1375 годом отмечена в Летописи казнь, путем потопления в реке Волхове, «развратников христианской веры», названных «стригольниками», расстриги дьякона Никиты и Карпа-цирюльника (парикмахера). Эта секта, питавшаяся внешними недостатками церковной жизни, отрицала реальность священнодействий иерархии, проповедовала спасение вне Церкви и священства. Ведет ли эта секта свое начало от богомилского предания, или отразились в ней внешние еретические влияния – проникавшая в Россию пропаганда с Запада? На этот вопрос нет точного ответа, но некоторые исследователи сектантства в России отмечают еврейское происхождение Карпа-цирюльника. Обращение архиепископа Новгородского Алексия к патриарху Вселенскому Нилу и получение от последнего двух увещательных грамот против еретиков-сектантов, и составление Пермским святителем Стефаном по просьбе того же архиепископа Алексия «Мерила Праведного» говорит о том, что эта секта была довольно популярна [6].

Вторым после богомилов тайным обществом в России, уже не восточного, а западного происхождения, была ересь жидовствующих. В 1470 г. прибыли в Новгород в свите князя Александра Михайловича Олельковича его лейб-медик еврей Схария и среди чиновников еврей Моисей Хануш и Иосиф Шмойло Скарабей. Это была группа модер-

нистов, представителей свободомыслящей идеологии мирового еврейства. Через них проникли на Русь «болотные огни гуманистического вольномыслия» под еврейским соусом. Ввиду традиционной склонности русского человека к библейским темам и преклонению перед всем иноземным, особенно с Запада идущим, они легко нашли общий язык как в русской книжной среде, так и с представителями русского духовенства. Первенцами еврейской миссии явились протопопы Денис и Алексей, а затем и протопоп Софийского Собора Гавриил. Образовался тайный союз жидовствующих, возглавленный дьяком Посольского Приказа Федором Курицыным. За год следы еврейской пропаганды глубоко вонзились в души членов этого кружка. «Протопопы Денис и Алексей обратили в новую веру своих жен и детей» и сами хотели принять обрезание», но ересеучители удержали их от этого, чтобы для сыска государственно не было осязательных доказательств» [6].

Этот тайный союз носил характер секретного заговора и «сохранил свой конспиративный быт целых десять лет». Секретный конспиративный характер нового еретического сообщества был отличительной чертой союза жидовствующих. Перекочовав из Новгорода в Москву, он втайне просуществовал еще семь лет, значительно умножив свои ряды. Следуя за дьяком Посольского Приказа (министром иностранных дел) Ф. Курицыным, в его ряды вошли высшие чиновники, дьяки великого Князя, купцы и многие книжные люди [6].

Будучи тайным, движение жидовствующих не было массовым; ко второй половине XVI столетия оно вымерло, и Стоглавый Собор уже не удостоил даже упоминанием бывшей ереси жидовствующих. Но «бродильные идеи» не вымерли, получив пищу в прокатившейся по Европе волне реформационного движения. Новым выразителем европейского вольномыслия явился ересиарх Феодосий Косой, русский протестант, «взращенный на почве скрыто жидовствующего вольномыслия, оживленного заносным протестантизмом» [4].

Заметным явлением русской жизни сектантство становится в конце XVII – начале XVIII в., когда из среды старообрядцев-«раскольников» выделились две секты, отличающиеся ярко выраженным асоциальным и изуверским характером – хлысты и скопцы. Затем стали появляться и другие секты, протестантского, иудейского и языческого характера, такие как штундо-баптизм, методизм или пашковщина, «Десное братство» или «Сионская весть», т.е. иеговисты, «Духовные христиане», молокане и субботники, адвентисты, «Истинные христиане» и духоборы [4].

Логика действий правительства в отношении сект диктовалась преимущественно прагматическими соображениями. Элита могла одновременно исповедовать самые «наиновейшие» идеологии, идущие с Запада (вольтерьянство, идеи «энциклопедистов», масонство и пр.) и жестко поддерживать максимальную вероисповедную однородность на подчиненных ей территориях, населенных православными [4].

Начиная с XIX века, позиция правительства в отношении сект становится дифференцированной, определяясь степенью лояльности последних по отношению к государству. Дело в том, что для некоторых сект был характерен религиозный нигилизм, т.е. религиозное отвержение государства, общества, всех светских законов и даже религиозных заповедей, как утративших силу для тех, кто имеет «личное озарение». Подобные тенденции жестко пресекались. Но в случае, если секты (по преимуществу возникшие в результате западных влияний) не нарушали государственных законов, ограничения их деятельности становились минимальными. Например, по закону от 3 мая 1883 года всем лояльным сектам предоставлялись определенные права [4].

Радикальные и лояльные течения и в старообрядчестве, и в сектантстве зачастую противопоставляли себя друг другу даже более ожесточенно, чем официально православию. «Единственное, что объединяло «раскольников» между собой, противопоставляя остальным, то, что они не были православными, оставаясь русскими» [11, с. 35].

Укоренившееся в миссионерском сектоведении деление сект на рационалистические и мистические было достаточно спорным, хотя бы из-за отсутствия четких критериев этих определений. Как уже было сказано выше, к мистическим сектам относились хлыстовщина, скопчество и их местные модификации, но с ними обычно связывали также и старообрядцев-бегунов, нетовцев и спасовцев, а также нехристианские секты жидовствующих и субботников. В категорию рационалистических сект входили молокане, духоборы, штундисты, баптисты и т.п. Основывалось такое деление на достаточно спорной теории о происхождении этих сект – «рационалистическими именовались те секты, в которых предполагалось западное, и прежде всего протестантское, влияние. Мистическими назывались секты более оригинальные и почвенные» [11, с. 35–36]. Торчинов считал, что «в сектах первого типа (мистических – НК), как и в религиях чистого опыта, психологическая сущность религии вполне обнажена, и достижение трансперсональных состояний в значительной степени выступает главной целью религиозной жизни, тогда как в сектах второго типа (рационалистических – НК) психологическая основа религии как бы скрыта за риторикой нравственного самосовершенствования, «духовного» истолкования Писания и социального утопизма» [10, с. 499]. Я не могу полностью согласиться с глубокоуважаемым Евгением Алексеевичем Торчиновым в том, что в мистических сектах, таких, как хлыстовская, отсутствовали попытки толковать Писание и размышлять о будущем устройстве мира, где все будут исповедовать хлыстовство. Но его определение позволяет увидеть принципиальную разницу между двумя типами сект.

Астраханская губерния во второй половине XIX в. в конфессиональном отношении представляла собой чрезвычайно пёструю картину. Наряду с традиционными религиями, господствующим православием и присущим региону мусульманством, существовали также старообрядчество и разнообразное сектантство: экстатико-мистические секты, такие, как хлыстовщина и скопчество, и рационалистические, такие, как молоканство, баптизм и штундизм. Я расскажу о молоканах, представителях рационалистического направления в русском сектантстве, и о хлыстах, принадлежавших к сектантам мистического толка.

Наиболее многочисленными сектантами губернии были молокане, они же были и первой сектой на этой территории. Основатель молоканства, уроженец Тамбовской губернии Семён Матвеевич Уклеин, побывавший в Астраханской губернии в рамках своего путешествия по Югу России в 70-х гг. XVIII в., «самыми привлекательными красками

описывал молоканам астраханский край, особенно местности, орошаемые р. Ахтубой, и советовал переселяться сюда для безмятежного жительства. Молокане последовали его совету, и с этого времени молоканские поселения по Ахтубе стали считаться для них обетованной землей, куда стремились они усиленно и впоследствии» [8, с. 253].

Летописец Астраханской епархии о. Иоанн Саввинский считал центром молоканства село Пришиб Царёвского уезда, где Уклеин лично побывал и «насаждал первые семена молоканства». Село Пришиб находилось на севере Астраханской губернии (ныне это Волгоградская область), население его в XVIII веке составляли «казаки и беглые люди разных губерний» [8, с. 253], среди которых проповедь Уклеина была более чем успешна.

К концу XVIII в. молоканство было распространено, помимо Царёвского, в Черноморском уезде губернии и в самой Астрахани.

В 1873 г., по представлению астраханского губернатора Н.Н. Биппена [3], была построена походная православная церковь с особым при ней причтом для степных жителей Царёвского уезда, в противодействие усилившегося в этой местности молоканства. В этом же году, 7 октября, при царевском соборе, с целью ослабления молоканства и предохранения от совращения в эту секту православных, было учреждено Свято-Троицкое братство, устав которого утвердил Феогност (Лебедев), архиерей Астраханский и Енотаевский ранее, в мае 1873 г. Главными задачами Братства являлись активные действия против молокан в виде церковных проповедей, публичных собеседований, распространения книг и брошюр противосектантского содержания, учреждением церковно-приходских школ, где уделялось бы особенное внимание опровержению молоканства при изучении Закона Божия. Немаловажным делом считалось также покровительство обращающимся из молоканства в православие и устройство для «малолетних обращенцев» приюта в г. Царев.

В 1877 г. при Астраханской епархии была учреждена должность особого «противомолоканского миссионера» (бесприходного) с назначением ему специального жалования, довольно большого (1830 руб. из епархиальных сумм, выдававшихся причтам в молоканских селах, и 429 руб. из сумм упраздненного Спасского монастыря) [8, с. 401].

Все эти данные говорят нам о том, что именно молоканство, а не старообрядчество и хлыстовство, стало основной проблемой для православных миссионеров в Астраханской губернии в XIX в.

По словам Саввинского, с 1811 года «молокане открыто выступили с пропагандой своего лжеучения» [8, с. 391]. Увеличилось количество сёл, в которых появились сектанты: Верхне-Погромное, Сасыколи, Селитренное, Каменный Яр, Солодники, Светлый Яр. Даже по неполным миссионерским данным, молокане составляли четвертую часть населения.

К концу XIX в. Царевском уезде, наиболее заселенном молоканами, насчитывалось, по официальным данным, более семи тысяч сектантов, а общее число молокан в Астраханской губернии подходило к восьми тысячам [5, с. 57-78].

Первые общины хлыстов появились в Астраханской губернии, по данным миссионеров Астраханского Кирилло-Мефодиевского братства, в середине XIX в. [9, с. 371-372]. Хлыстовские общины-«корабли» в губернии были в сёлах: Быково, Оленичево, Дубовый Овраг, Николаевское, Цаца, Тундутово, в «каком-то селе ниже Астрахани» [2, с. 372], а также в уездном городе Царёве и сёлах Пришиб, Заплавное, Солодовки и Колобовки [1, с. 248], т.е. хлыстовская «зараза ... привилась и распространилась в астраханском крае широко» [2, с. 372]. Наиболее многочисленными¹ были общины г. Царёва (40 человек, но есть данные, что доходило и до 100 человек), с. Оленичево (45 человек), с. Дубовый Овраг (численность не приводится, но указывается, что в этом «корабле» было три пророчицы-«богородицы», а это означает количество членов секты не менее 30 человек).

Распространяться хлыстовщина стала из самого южного села Астраханской губернии (на XIX в. – НК) – Оленичево (Оленя, Оленьевка), Яндыковского уезда. В то время Оленичево было совершенной глушью, удалённой от Астрахани на 150 вёрст, где не было своей церкви, а была только часовня, и жители занимались ловлей рыбы и земледелием. Но Оленичево располагалось рядом с Астраханско-Кизлярским, или, по-местному, Линейным, трактом (благодаря которому, собственно, село и было заселено), и, по мнению миссионеров, именно «с линии» и была занесена сюда хлыстовщина. Примерно в 1888 г. в селе появился выходец из Ставропольской губернии крестьянин Иван Акимович Савин. Он был членом «корабля» известного хлыстовского «пророка» Петра Катасонова, влияние которого распространялось на Кавказ и Терскую и Кубанскую волости Ставропольской губернии. По определению миссионеров, Савин был «честолюбцем», поэтому он предпринял путешествие в Астраханскую губернию с целью основать новый «корабль», в котором «пророком» станет он сам. Это ему удалось, и всего за 4 года оленичевский «корабль» насчитывал 45 членов (причём всего в селе было лишь 90 домохозяев с семьями). Разумеется, «пророком»-«христом» секты являлся именно он, а «богородицей» – его сожительница, уроженка с. Оленичево Прасковья Степановна Коротких [9].

Попытка объединиться с хлыстами других сёл и городов Астраханской губернии оказалась не столь успешной. Хлысты города Царёва и села Дубовый Овраг, самых многочисленных общин губернии, принадлежали к так называемому херсонскому, «единоверческому», ответвлению секты, в отличие от кавказско-тамбовского, «православно-го», к которому относились Катасонов и Савин, поэтому объединяться они не захотели. Различия между ними состояли, в частности, в том, что «ро́спевцы» (духовные стихи и песнопения хлыстов, исполняемые, в основном, во время радений – НК) у «единоверцев», дубоовражских и царёвских хлыстов, заканчивались на старообрядческий манер – «во веки веком»; они носили нательные медные осьмиконечные кресты выговской работы, да и вообще тяготели более к старообрядцам-беспоповцам, в то время как оленичевские хлысты называли себя «православны-

¹ Примечание: Численность сектантов приводится по миссионерским данным; как признавали сами миссионеры, эти данные занижены.

ми» и были усердны в посещении богослужений православной церкви. Что же касается собственно хлыстовской обрядности и системы предписаний, то они у этих ответвлений секты практически не отличались. Проводились радения, «сионской горницей» в Оленичеве была выбрана изба крестьянки Авдотьи Чёрных, в Царёве – дом мещанина Андрея Колобихина. Для радений надевали «белые ризы». «Пророками», «христами», «богородицами» становились либо по откровению во время радений, либо по общему выбору общины. Проповедовались строгий пост и отказ от мясной пищи, церковный брак признавался блудодеянием. Кроме того, по утверждению миссионеров, в обеих хлыстовских общинах пророки-«христы» пользовались «правом первой ночи» по отношению ко вступающим в секту девушкам и молодым женщинам. В «свальном грехе» обвинений не было [1; 2].

Итак, в Астраханской губернии XIX в. было несколько очагов хлыстовщины, причём сектанты чувствовали себя достаточно свободно, несмотря на умелое и изобретательное противодействие епархиальных миссионеров и местных священников.

В целом, астраханское сектантство XIX в., как мистическое, так и рационалистическое, было ярким и неординарным явлением, отличаясь особенностями, присущими населению края в целом – свободомыслием и некоторым радикализмом.

Список литературы

1. Астраханские епархиальные ведомости. – 1890 – № 8.
2. Астраханские епархиальные ведомости. – 1890 – № 11.
3. Виртуальная архивная выставка «Астраханские губернаторы». – Режим доступа: <https://archive.astrobl.ru/special/node/473>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
4. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. Издательство братства во имя св. князя Александра Невского / А. Л. Дворкин. – Нижний Новгород, 2005. – 816 с.
5. Костомаров Н. И. Воспоминания о молоканах / Н. И. Костомаров // Отечественные записки. – 1869. – № 3. – С. 57–78.
6. Мартинович В. А. Введение в понятийный аппарат сектоведения / В. А. Мартинович. – Минск : БГУ, 2008. – 103 с.
7. Панченко А. А. Хлыстовщина и скопчество: Фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А. А. Панченко. – М. : ОГИ, 2004. – 344 с.
8. Саввинский И. Очерки истории Астраханской епархии с 1602 по 1902 гг. / И. Саввинский – Ростов н/Д : Фолиант, 2002. – 632 с.
9. Тифлов М. Священные Царёвские хлысты / М. Тифлов // Астраханские епархиальные ведомости. – 1890. – № 8.
10. Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния / Е. А. Торчинов. – 4-е изд. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – 544 с.
11. Эткинд А. М. Хлыст: Секты, литература и революция / А. М. Эткинд. – 2-е изд., сокр. – М. : Новое литературное обозрение, 2013. – 644 с.

СТОЛЕТИЕ АСТРАХАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА (юбилей, который Астраханский государственный университет отмечать не будет)

Карабущенко Павел Леонидович,

доктор философских наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Резаков Равиль Гарифович,

доктор педагогических наук, профессор,

ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет», г. Москва,

Карнеев Рафаэль Камилевич,

кандидат психологических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского», г. Брянск

Подвойский Леонид Яковлевич,

кандидат философских наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Рекешева Фарида Марсильевна,

кандидат психологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В настоящее время в России функционирует 2424 университета, академии и института, в том числе в Москве – 289, в Московской области – 117, в Санкт-Петербурге – 105, в Ленинградской области – 20, в Астраханской области – 19, в Брянской области – 20. Поскольку самым высшим из всех высших учебных заведений является университет, то позволим себе краткий экскурс в его историю.

Идея университета. Известно, что образование европейских университетов приходится на XII век – эпоху так называемого высокого Средневековья. Слово «университет» в переводе с латинского означает «совокупность». С самого возникновения европейский университет стал не только важнейшим местом и субъектом общего образования и просвещения, но и активным актором общего преобразования социально-политической жизненной ткани народов и государств. Обращаясь к истории университета как, прежде всего, образовательной и общественной структуры, можно выделить несколько узловых моментов.

Слово «университет», употребляемое в Европе, как мы уже отметили, со времен высокого Средневековья, служило изначально для обозначения таких образовательных центров, как *Universitatis magistrorum et scholarium* в

Париже (1215 – будущая Сорбонна), Оксфорд (1249) и Кембридж (1284) в Англии, Гейдельберг (1386), Кёльн (1388), Тюбинген (1477) и других германских городах, Болонья в Италии (1088).

Хотя эти учреждения оставались полностью зависимыми от Церкви, а их взлеты и падения совпадали с всплесками и затуханиями в теологических или доктринальных дискуссиях, они были еще и главными институциональными центрами. Именно в них путем споров и размышлений вырабатывалась общая культура, без которой была бы невозможно сама политическое общественное пространство. В качестве элемента системы высшего образования и в то же время как некая автономия «университет» утверждается лишь в Новое время.

Огромная значимость средневековых университетов поистине непреходяща, ведь именно в них были выработаны базовые ориентиры европейского образования, сохранившиеся до наших дней. К примеру, такие понятия, как «лекция», «экзамен», «диспут», «университетская должность», «ученое звание», а также сама практика деления научных текстов на главы и подглавы, прямо связанная с канонами схоластики, пришли из средневекового университета. Образовалось целое сословие университетских интеллектуалов со своими традициями и образом жизни.

Следует подчеркнуть, что XVI–XIX в. являются временем рождения и становления современной науки, у колыбели которой стояли великие ученые Галилео Галилей и Исаак Ньютон, философы науки Фрэнсис Бэкон, Рене Декарт, Готфрид Лейбниц [4, с. 265–267].

Г.В. Лейбниц имеет самое непосредственное отношение к становлению науки и образования в нашей стране, что произошло во многом потому, что он был близко знаком с Петром I, роль которого в этом чрезвычайно важном государственном деле трудно переоценить. По свидетельству В.О. Ключевского, Петр I, выписывавший из-за границы не только профессоров для преподавания наук, но и студентов, которых на тот момент в России не было, а значит, что и учить было некого, самым первым (на то он и Первый, подчеркнем мы!), понял, что нельзя все время брать готовые плоды чужого знания и опыта, теории и техники. Ведь это означало бы вечно жить чужим умом. Мысль о том, что необходимо пересадить самые корни в свою почву для производства своих плодов, овладевать источниками и средствами духовной и материальной силы европейских народов, никогда не выходила из головы Петра.

В.О. Ключевский приводит следующий интересный факт. В 1724 г. лейб-медик Блуменроост просил В.Н. Татищева, отправлявшегося по поручению Петра в Швецию, подыскать там ученых для академии наук, открытие которой он подготавливал как будущий ее президент. «Напрасно ищите семян, – возразил ему В.Н. Татищев, – когда самой почвы для посева еще не приготовлено». Петр I, по мысли которого учреждалась Академия, вслушавшись в этот разговор, отвечал В.Н. Татищеву такой притчей. Некий дворянин хотел у себя в деревне построить мельницу, но воды у него не было. Тогда, видя, что у соседей есть обильные водой озера и болота, он с их согласия начал копать канал в свою деревню и заготавливать материал для мельницы. Хотя прижизни он не успел все это привести к концу, но его дети, жалея отцовских трудов и издержек, поневоле продолжили и докончили дело отца.

Как подчеркивает, В.О. Ключевский, эта крепкая вера поддерживалась в Петре со стороны таким славным ученым, как Г. Лейбниц, который давно предлагал ему учредить высшую ученую коллегию в Санкт-Петербурге с многочисленными научными и практическими задачами. При этом Г. Лейбниц не считал бедой недостаточность научных преданий и навыков, учебных пособий и вспомогательных учреждений. Россия в этом плане – белый лист бумаги (*tabularasa* (лат.), по выражению философа). То, что Россия – непочатое поле в этом отношении, где надо все завести вновь, это даже лучше, потому что в этом случае можно избежать ошибок и недостатков, каких наделала Европа. [3, с. 214–216].

Мы не случайно определенное внимание уделили личности Г. Лейбница в контексте рассмотрения вопроса о науке и образовании в России. Он нам особенно интересен в том плане, что еще в начале XVIII в. предлагал открыть университет в Астрахани, высоко оценивая ее географическое положение, а в связи с ним и важное значение в качестве форпоста России на Каспии, как сейчас принято говорить.

Воспользуемся интересной статьей Виктора Анри «Роль Лейбница в создании научных школ в России»¹. В этой статье он так оценивал роль Г. Лейбница. Этот универсальный гений имел большое влияние на насаждение наук и вообще культуры в России; в продолжение 20 последних лет своей жизни, от 1696 до 1716 гг., Лейбниц непрестанно интересовался Россией, виделся с Петром Великим пять раз, притом два раза по несколько недель, вел постоянную переписку с целым рядом государственных деятелей России, разработал план организации Академии наук в Петербурге, наметил сеть университетов в Москве, Киеве и **Астрахани** (здесь и далее выделено – авторами). Он также указал, как поставить среднее и высшее образование в России, и поставил ряд общих капитальных вопросов, которые должны быть решены в России. Многое из того, что советовал Лейбниц, было действительно проведено Петром Великим; так, например, 11-го июня 1718 года, на докладе, представленном Генрихом Фиком, в котором развивался план организации высшей коллегии наук по подобию того, который много раз предлагал Лейбниц, Петр Великий написал «Сделать Академию». Горячо ратуя за создание университетов в России, Г. Лейбниц считал, что они должны быть расположены в главных центрах России: в Москве, как центре севера, в Киеве – центре юга, в **Астрахани**, которая является очень важным пунктом, связующим Россию с Персией, Кавказом и всей Закаспийской областью.

Еще одним пунктом развития и движения наук вперед Г. Лейбниц понимал организацию Научного общества, при котором была бы оборудована большая центральная обсерватория, наподобие Парижской. Далее организация

¹ Виктор (Алексеевич) Анри (фр. Victor Henri) – (1872–1940) – французский физиолог и физиохимик русского происхождения. Потомок знаменитого рода Ляпуновых. Его матерью была Александра Викторовна Ляпунова – младшая сестра матери известного русского механика и кораблестроителя академика Алексея Николаевича Крылова.

сети меньших обсерваторий в Митаве, Риге, Ревеле, Москве, Архангельске, Киеве, Воронеже, Казани, Астрахани, Тобольске, Якутске, Бухаре, вплоть до Индии и Китая [1].

Обратим внимание на любопытную символику цифр: в 1718 г. (почти 300 лет назад), Петр Первый задался мыслью «сделать Академию», в 1918 г. (через двести лет после этого) в Астрахани был открыт университет, которому в ноябре 2018 г. исполнится 100 лет со дня учреждения. Это был первый Астраханский государственный университет (АГУ). Первый, потому что в наше время существует второй Астраханский государственный университет (до 1996 г. – Астраханский государственный педагогический институт, до 2002 г. – Астраханский государственный педагогический университет). В настоящее время это крупный образовательный, научный и социокультурный центр на Юго-Западе России. Участник Всемирной инициативы CDIO, член Ассоциации университетов Каспийского региона. Входит в состав 16 базовых российских вузов, которые формируют Университет Шанхайской организации сотрудничества.

Второй АГУ (назовем его так) использует здание на улице Шаумяна, в котором располагался тот, первый, университет, но никак не обозначает определенную преемственность с ним, ведя отсчет своей истории с 1932 г., и таким образом, не имеет ничего общего с тем, первым. Такая ситуация нам представляется не вполне логичной, мягко говоря. Столетний юбилей первого АГУ – дата мало кому известная, история его забыта и исторически запутана. Но грядущее столетие заставляет нас задуматься об этом событии и попытаться найти «ближайших родственников» нашего юбиляра.

Поэтому обратимся к историческим фактам и выясним, что собою представлял первый АГУ и почему он как бы стерт со страниц региональной истории.

Краткая история первого Астраханского государственного университета (1918–1922 гг.). В феврале 1918 г. в Астрахани была провозглашена советская власть, а уже 19 марта 1918 г. на «частном совещании коллегия при губернском комиссариате» среди прочих вопросов был рассмотрен вопрос о высшей школе – университете – в Астрахани. В докладе комиссара было сообщено следующее: «В Комиссариате открыт отдел высшей школы под руководством ученого агронома т. Подъяпольского, который уже выработал краткий проект об открытии в Астрахани Народного Университета. В наличный фонд Университета поступило пожертвование от г. Холчева 100000 руб. акциями своей консервной фабрики» [5].

Был составлен план работ Отдела, утвержденный Комиссаром 19 марта 1918 г., в задачи которого входила подготовка открытия Краевого Университета в г. Астрахани. Первоначально отделу поручено произвести учет местных организационных сил, а также организационных и операционных средств и учебных пособий, а в дальнейшем разработать обоснованный добытыми данными подробный план организации университета, определить число и наименование факультетов, разработать их программы, кооптировать техническую и ученую исполнительные комиссии и т.д. [5]. Факультетские программы были запрошены из Московских университетов (Государственного и Шанхайского) и Петроградского Психоневрологического института.

Отделу тут же предложили свои услуги в качестве лекторов «случайно оказавшиеся в Астрахани обладатели ученых степеней»: академик А.А. Мигулин предложил прочесть курс истории церкви и истории философии; доктор философии Венского университета А. Яролибек – курс новейшей истории; фитопатолог Губернского земства С.Ю. Шембель – ботанику, биологию и фитопатологию; ихтиолог Рыбного управления Н.Л. Чугунов – зоологию и ботанику, Губернский энтомолог Н.Л. Сахаров – прикладную энтомологию. Все это позволило сформировать мнение коллегии о возможности создания в Астрахани университета [5].

В 1918 г. планировалось открыть несколько факультетов: (1) Естественный факультет – первые два курса будут посвящены изучению общих основ естествознания; начиная с третьего, учащиеся могут специализироваться по отделам: горному, рыбному, сельскохозяйственному, энтомологическому, педагогическому. (2) Политико-экономический – первые два курса будут посвящены изучению специальных наук (правоведение, политическая экономика и др.); с третьего курса учащиеся могут специализироваться по отделам: 1) торгово-промышленному; 2) народно-хозяйственному; 3) юридическому. (3) Историко-филологический – на котором параллельно прохождению общеобразовательных наук и основ педагогики, специальные программы будут распадаться на отделы: а) исторический; б) словесный; в) философский. В планах было открытие физико-математического факультета, а в 1919 г. планировался также и факультет общественных наук [5].

Открытие Астраханского университета состоялось 9 ноября 1918 г. В постановлении совнаркома отмечалось: «В ознаменование Октябрьской революции 1917 г., раскрепостившей трудящиеся массы от политического, экономического и духовного гнета со стороны имущих классов и открывшей им широкие пути к источникам знаний и культуры, учредить государственные университеты в городах Костроме, Смоленске, Астрахани... Сроком открытия... считать день первой годовщины Октябрьской революции – 7 ноября 1918 г.» [2]. Первым ректором университета (1918–1919 гг.) был назначен профессор Сергей Александрович Усов. В год открытия университета на первый курс было зачислено более двух тысяч студентов, из них – 1500 на медицинское отделение. В соответствии с существовавшим тогда правительственным постановлением зачисление в университет производилось без вступительных экзаменов, без предъявления документов о среднем образовании [5]. В 1919 г. вторым и последним ректором (1919–1922 гг.) первого АГУ становится профессор Сергей Васильевич Паращук.

Что представлял собой Астраханский государственный университет в эти годы? Известно, что «в 1918–1919 учебном году профессорско-преподавательский коллектив состоял из 18 человек (в т.ч. – 2 профессора), историко-филологический – из 7 (в т.ч. – 5 профессоров). 1919/20 уч. год начался в университете при полупустых аудиториях: на занятиях присутствовало не более 150 человек, остальные студенты ушли на борьбу с контрреволюцией. Несмотря на трудности Гражданской войны в России учебная, научная и просветительская деятельность университета

продолжалась. К 1920/1921 учебному году в составе университета насчитывалось 35 кафедр, 7 факультетов: естественный, медицинский, горный, ихтиологический, сельскохозяйственный, общественно-исторический [5].

Из протоколов регулярных заседаний Совета Объединенных Ассоциаций Астраханского университета им. А.В. Луначарского, известен его первый состав (декабрь 1918 г.): проф. Усов, Парашук, преподаватели: Шембель, Шмидт, Солосин, Стабников, Ершов, препаратер Кулаков, представители студенчества: Кондаков, Синягин, Богопольский, Коновалов, Абих, Воробьева, Свердлин. При секретаре Павлинове. В одном из документов (датированном ноябрем 1919 г.) ректором Университета значится А.А. Дмитриевский. 18 января 1919 г. рассматривался доклад профессоров Парашука и Станкевича о желательности образования коммуны для общежития профессоров и служащих университета. В 1919 г. в Астрахани появляется филиал Московского университета, с которым Астраханский университет тесно взаимодействует [5].

Примечательным фактом деятельности первого АГУ является работа в его стенах известного российского ученого академика Алексея Афанасьевича Дмитриевского (11.03.1856, станица Дурновская, Астраханская губ. – 08.08.1929, Санкт-Петербург) – выдающегося византиста, специалиста по литургии, истории Церкви, видного общественного и церковного деятеля. Профессор А.А. Дмитриевский был секретарем Императорского Православного Палестинского общества (1907–1918), доктором церковной истории (1896), профессором Киевской Духовной академии (1896), членом-корреспондентом Академии Наук по Отделению русского языка и словесности (1903). С 1919 по 1922 г. он был профессором, проректором и и.о. ректора Астраханского государственного университета им. А.В. Луначарского. Во время работы в АГУ он приложил много усилий, чтобы сохранить в смутное время гражданской войны исторические ценности астраханских церквей. Им была составлена опись церковных предметов, которая является сейчас важнейшим историческим документом, свидетельствующим об утраченных произведениях искусства. В 1923 г. после возвращения в Петроград А.А. Дмитриевский работал на Высших Богословских курсах (до 1928 г. – времени их закрытия), был членом Русско-Византийской комиссии при Академии наук [6, с. 118].

Существенной трудностью для вуза стало резкое сокращение приема студентов. Так, если на медицинский факультет в первый год поступило 1500 чел., то в следующие годы набор студентов составлял 500, 400, а затем 100 чел. в год. После 1920 г. положение в стране и, в частности, в Астраханском крае становится чрезвычайно тяжелым. Финансирование учебных заведений было передано местному бюджету, росла задолженность по оплате труда преподавателей, не хватало средств на оплату счетов. Долг по Астраханскому губоно за 1921–1922 гг. достиг нескольких миллионов рублей. В условиях разрухи появилось постановление Главпрофобра (Главное управление профессионального образования в 1921–1929 гг.) о закрытии целого ряда высших учебных заведений на территории РСФСР, в числе которых оказался и Астраханский университет [5]. В начале 1922 г. Главпрофобром было принято решение о закрытии университета, а медицинский факультет, как исключительно необходимый для нужд Астраханского края, был преобразован в медицинский институт. В его ведении перешли все материальные средства других факультетов университета» [2].

Астраханский университет был государственной структурой. Поэтому его с полным основанием (несмотря на некоторые документальные разночтения) следует считать Астраханским государственным университетом.

Проблема столетнего юбилея. Современный (получается, что уже второй) Астраханский государственный университет официально ведет свою историю с 1932 г. – с момента открытия Астраханского педагогического института им. С.М. Кирова. В описываемой нами истории возникает историческая коллизия (некий конфликт интересов) – в ней расходятся де-факто и де-юре: де-факто АГУ существует с 1918 г., с перерывом в 10 лет (1922–1932 гг.); де-юре же другой организации не подтверждается 1918 г. По всему выходит патовая ситуация – и столетний юбилей АГМУ – вещь весьма сомнительная и сам АГУ не думает о том, что ему на самом деле уже 100 лет.

В данной истории решающим вопросом является вопрос о праве преемственности. На своем логотипе Астраханская государственная медицинская академия/университет (АГМА, с 2014 г. АГМУ) имеет дату «1918» и ссылалась на то, что «Астраханская государственная медицинская академия основана в 1918 году как медицинский факультет Астраханского университета. В 1922 г. все факультеты университета, кроме медицинского, были упразднены, а университет преобразован в медицинский институт. В 1927 г. институт получил в пользование здание бывшей армянской духовной семинарии, которое стало базовым административным и теоретическим корпусом вуза» (agma.astranet.ru). Но в 1918 г. никакой АГМА/АГМУ ещё не было. Этот вуз официально как самостоятельная структура появился лишь в 1922 г. И только с этого года начинается его официальная история. До этого была история совершенно иной юридической структуры. В случае с АГМУ проявился и сработал утилитаристский подход: делаем как выгодно. Выгодно и престижно считать, что история АГМУ начинается с 1918 г., вот и решили так считать, закрепив это решение на логотипе.

Перерыв в истории существования вуза – это всего лишь досадное историческое недоразумение, а не непреодолимое (роковое) препятствие. В России бывали куда более существенные перерывы в исторической традиции, но это не мешает ее продолжению. В данном случае речь идет о восстановлении традиции идеи университета в конкретном культурно-историческом региональном пространстве. При этом обратим наше внимание на то, что в 1918 г., обсуждая условия открытия в Астрахани Университета, его организаторы обсуждали именно условия воплощения в действительности качества идеи Университета. Об этом, например, говорилось на Первом международном конгрессе «Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете», который прошел в апреле 2017 г. в Астраханском государственном университете [7].

Еще римское право советовало всем рассматривать закон не только по букве, но и по духу. По букве де-юре всегда право, но по духу право оказывается на стороне де-факто. Неправыми оказываются обе стороны, а догово-

рится у них почему-то не получается (они это просто не вспоминают). А зря. История подобного пренебрежения к себе не терпит. И может быть стоит вузам прийти к некому компромиссному решению и договориться том, чтобы совместно отметить эту круглую дату в своей общей истории. Местечковый патриотизм здесь не уместен. Это общее достояние города и области и делить историю, по меньшей мере, не только некорректно, но в данном контексте и контрпродуктивно.

Хотелось бы обратить внимание на следующий аспект. Известно, что на протяжении последних, как минимум двух десятилетий, то и дело возникали слухи в виде идеи или идеи в виде слухов о якобы вот-вот грядущем объединении двух соседних высших учебных заведений – АГТУ и АГУ. Такой вариант укрупнения нам представляется не совсем логичным и исторически необоснованным, поскольку этот вуз изначально создавался как ведомственное образовательное учреждение Министерства рыбной промышленности. Вот таковым АГТУ пусть и остается (в народе его до сих пор именуют «Астрывтуз»; скорее всего, так именовать будут и впредь).

В то же время можно предложить единственно возможный, гораздо более логичный и справедливый с исторической и этической точек зрения вариант разрешения данной ситуации – слияние АГУ и АГМУ в единую образовательную структуру. Слов нет, наверное, организационно это сделать не просто. Это означало бы возвращение медицинского факультета, из которого потом выросли АГМИ/АГМА/АГМУ, в стены единого университетского сообщества. Во времена оптимизации и укрупнения образовательного процесса (которое переживает ныне Российская Федерация) данный проект кажется не столь уж и фантастической идеей. Пока же, название нашей статьи хотя и выглядит несколько парадоксально, но суть дела отражает адекватно.

По нашему мнению, столетний юбилей Астраханского государственного университета должен объединить, а не разъединить научное и образовательное сообщество города. Юбилей не повод для проявления местечкового шовинизма и чиновничьего «перетягивания каната»: кто сильнее. Юбилей – это хороший повод для осмысления истории и переосмысления дня сегодняшнего. Юбилей – это повод призадуматься о том, почему в Астрахани всё ещё существует подобного рода историческая аномалия и почему сами астраханцы столь невнимательны к своей собственной истории.

Список литературы

1. Анри В. А. Роль Лейбница в создании научных школ в России / В. А. Анри // Успехи физических наук. – 1 (2) 94. – (1918) – 1999.
2. История Астраханского края : монография. – Астрахань : АГПУ, 2000. – 1122 с.
3. Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и эпохи. Дневники / В. О. Ключевский. – М., 1993.
4. Подвойский Л. Я. Философия науки и философия образования (от Платона до наших дней) / Л. Я. Подвойский // Общие проблемы философии науки : учебное пособие для аспирантов / под общ. ред. проф. Ю. А. Ющенко и проф. П. Л. Карабущенко. – Астрахань : АГТУ, 2009. – 343 с.
5. Чуйков Ю. С. Материалы к истории народного образования в Астраханском крае / Ю. С. Чуйков // Астраханский вестник экологического образования. – 2012. – № 1 (19). – С. 155–98.
6. Элитология культуры: российская культурная элита XX века. Энциклопедический словарь / под редакцией проф. П. Л. Карабущенко. – Астрахань : АГУ, 2017. – 412 с.
7. Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете : мат-лы Международного конгресса. 19–22 апреля 2017 г. / под редакцией проф. А. П. Лунева и проф. П. Л. Карабущенко. – Астрахань : АГУ, 2017. – 474 с.

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РЕГИОНА В СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ¹

Каргаполова Екатерина Владимировна,
доктор социологических наук, доцент,
ГАОУАО ВО «Астраханский государственный
архитектурно-строительный университет», г. Астрахань

В Астраханской области накоплен значительный культурный капитал, но для региона, как и для других «регионов современной России, несомненно, актуальной является проблема освоения и использования культурного наследия, его приращения... Последние два десятилетия непрерывных преобразований постсоветских пространств привели к тому, что культурная идентификация их обитателей стала представлять определенную трудность» [3, с. 67–68].

Так, в ходе первой волны мониторинга в Астраханской области в 2010 г. По Всероссийской научно-исследовательской программе «Социокультурная эволюция регионов России»² на вопрос «Как Вы считаете, в хоро-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект 16-03-00463 «Динамика социально-экономического развития региона как гетерархической системы»).

² Мониторинговое социологическое исследование проведено Лабораторией социально-психологических исследований Астраханского государственного архитектурно-строительного университета под руководством Е.В. Каргаполовой и А.Ю. Арясовой в Астраханской области методом интервью по месту жительства по Типовой методике Всероссийской программы «Социокультурная эволюция России и ее регионов» (руководители и разработчики инструментария на федеральном уровне – Н.И. Лапин, Л.А. Беляева). Первый этап был проведен в январе 2010 г. (N = 1000), второй – в мае – июне 2012 г. (N = 600), третий – в апреле – мае 2016 г. Выборка стратифицированная, квотно-маршрутная. Квотируемые признаки: «пол», «возраст», «тип поселения», «этническая структура». Погрешность выборки – 3%. Обработка и анализ данных проведены с использованием SPSS 17.0. Матрица разработана специалистами Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук.

шем ли состоянию находятся в нашем регионе культурно-исторические памятники?» только 16,6 % опрошенных ответили, что они находятся в хорошем состоянии, 47,8 % отмечали их удовлетворительное состояние, 16,4 % астраханцев были обеспокоены их неудовлетворительным состоянием. Примерно каждый пятый (18,2 %) респондент затруднился ответить на этот вопрос, только 0,8 % респондентов отказались от ответа.

При этом на открытый вопрос «Назовите, пожалуйста, какие памятники истории и культуры в нашем регионе нуждаются в срочном ремонте, восстановлении (реставрации)?» 64,3 % ответили «не знаю», 9,5 % отказались от ответа и только около 10 % жителей области смогли дать ответ (табл.). Многие указывали на необходимость более тщательной реставрации главной достопримечательности областного центра – Астраханского Кремля (вероятно, по причине широкого обсуждения в местных СМИ проблемных вопросов, связанных с проведением комплекса реставрационных работ на территории этого памятника в рамках подготовки к празднованию 450-летия Астрахани в 2008 г.) Многие также считали необходимым восстановление религиозных сооружений, церквей, храмов, таких, например, как костел, армянская церковь, церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы, церковь на ул. Рузинской, Свято-Троицкий и Успенский соборы, храм Св. Владимира, храм Св. Пантелеймона, монастырь по ул. Советская, церковь в Малом Арале, храм Покова Пресвятой Богородицы в селе Басы, Хурул Хошеутовского Улуса в с. Речное.

Некоторые упоминали памятники светской архитектуры, начиная с археологического комплекса столицы Золотой Орды в селе Селитренное, купеческих домов, армянского и иранского подворьев и заканчивая домом-музеем Велимира Хлебникова, картинной галереей, музеем истории областного центра, памятниками В.И. Ленину, А.Е. Трусову, Шести павшим коммунарам, героям Великой Отечественной войны.

Встречались и такие ответы «бывший Дом пионеров», «Вечный огонь», «все», «дома культуры», «дороги», «зимний сад кинотеатра "Октябрь"», «историческая часть города», «кладбище», «Лебединое озеро», «летний театр», «мечети», «музыкальный театр в парке Аркадия», «набережная на реке Кутум», «площадь Ленина», «пока с ними все нормально», «пусть для начала хорошие дороги сделают», «промышленные предприятия», «река Волга», «ремонт дорог», «речной вокзал», «санатории, профилактории», «улица Яблочкова», «центральные улицы города».

Ответы респондентов на вопрос «Назовите, пожалуйста, какие памятники истории и культуры в нашем регионе нуждаются в срочном ремонте, восстановлении (реставрации)» выглядят следующим образом (% от опрошенных):

Таблица

Варианты ответов	2010 г.	2012 г.	2016 г.
Не знаю	64,3	63,0	68,4
Отказ от ответа	9,5	9,4	11,0

В 2012 г. доля ответов «не знаю» и «отказ от ответа» на этот вопрос не изменилась, но дали конкретный ответ только около 3 % астраханцев. Были названы Кремль, 17-я пристань, городские каналы, Введенская церковь, Дом пионеров, памятник В.И. Ленину, Лебединое озеро, маяк на острове Искусственный, монастырь села Чулкина, морской сад, обелиск и вечный огонь, памятник погибшим кораблям, сквер победы, храм Св. Владимира. Встречались также ответы «здания вдоль главных улиц центра города», «спортивные комплексы для детей», «старые деревянные постройки», «центры досуга», «церкви по селам».

В 2016 г. доля категоричных ответов «не знаю» и «отказ от ответа» увеличилась до 79,4 % (на 7% по сравнению с 2012 г.) и ответила на этот вопрос только исчезающе малая доля (1,3%) астраханцев. Среди ответов следующие: «Братская могила», «все старые здания», «дом купца», «жилые дома в исторической застройке города», «каналы», «летний театр», «маяк с. Вышка», «набережные каналов», «obelisk», «памятник В.И. Ленина», «памятники архитектуры».

Таким образом, в результатах мониторинга зафиксирована проблема освоения культурного капитала населением региона. Причем эта проблема имеет тенденцию к нарастанию. Одной из вероятных причин является факт, также зафиксированный в результатах мониторинга: астраханцы настолько озабочены проблемой бедности и выживания [1], что все остальное отступает для них на второй план. Когда на первом плане проблемы выживания, то снижается уровень социальных притязаний. И жизнь вне культурных ценностей становится для части населения нормой.

Другой вероятной причиной является реформирование отечественной системы образования, которое привело к сужению кругозора, снижению мотивации познания того, что лежит за пределами ЕГЭ [5, с. 91].

Изменения социокультурного пространства Астраханской области также связаны с миграционными потоками в эпоху современности [4]. Эти потоки характеризуются с одной стороны, значительным миграционным запросом на выезд, что приводит, на наш взгляд, к снижению культурного потенциала населения, так как стремится выехать самая активная и образованная часть населения [2]. С другой стороны, основную массу въезжающих в регион составляют отнюдь не высококвалифицированные специалисты, а носители «номадического», кочевнического типа менталитета. Носители такого типа сознания устойчивы, у них снижен уровень социальных притязаний, но также снижен и культурный капитал, проявляющийся в качественном образовании. Это повышает у них экономическую установку на простое выживание. И культурные ценности региона также находятся вне их сознания, их потребность в освоении культурного капитала области только формируется.

Список литературы

1. Каргаполова, Е. В. Социальные опасности: региональное измерение / Е. В. Каргаполова // *Primo Aspectu*. – 2017. – № 1 (29). – С. 9–16.
2. Каргаполова Е. В. Тридцатый регион: потенциал социального развития / Е.В. Каргаполова ; науч. ред. проф. Н. В. Дулина – Волгоград : Волгоградское науч. изд-во, 2011. – 375 с.

3. Когай Е.А. Курская область на социокультурной карте России / Е. А. Когай, Ю. М. Пасовец, А. А. Когай, Д. С. Яцкова. – Курск : Курская городская типография, 2015. – 236 с.
4. Миронова Ю. Г Региональные особенности современных миграционных процессов в Астраханской области / Ю. Г. Миронова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 2 (43). – С. 253–262.
5. Романов Е. В. Какой капитализм нужен России?: методологические ориентиры «новой индустриализации» / Е. В. Романов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – № 2 (50). – Т. 10. – С. 90–108.

НАСЛЕДИЕ ХАЗАРИИ В КУЛЬТУРЕ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ

Клеймёнова Ольга Александровна,

кандидат исторических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный медицинский университет

им. академика И.П. Павлова», г. Рязань

Культура является одним из важнейших аспектов взаимодействия народов средневековья. Межэтнические контакты земледельцев и степняков могли приводить к ассимиляции одних племен другими, установлению военно-политических и торговых союзов. Этнокультурные взаимопроникновения характерны и для истории Хазарского каганата, во всех его географических границах и на всех исторических этапах развития. Признаки культурного обмена сохранили предметы материальной жизни, обряды и мифологические представления населения империи. Сегодня все активнее обсуждается вопрос о взаимовлиянии, в частности, тюркских и оседлых культурных традиций во многих сферах жизни и деятельности, этногенезе, культуре, архитектуре, в отдельных деталях быта и обычаях. Определенный прогресс можно отметить и в том, что с конца XX столетия эту проблему рассматривают в русле перманентного взаимодействия двух историко-культурных ареалов, все чаще отдавая приоритет междисциплинарным исследованиям, в которых отдельные аспекты исторических взаимосвязей рассматриваются в широком кросскультурном контексте [1, с. 21–24; 23]. С этой точки зрения важно рассмотрение всего спектра междивизиационных контактов, демонстрирующих этнокультурное взаимовлияние народов, принадлежащих к разным хозяйственно-культурным и цивилизационным типам.

Становление хазарского этноса проходит в противостоянии с арабами, благодаря чему наблюдается объединение нескольких этносов под главенством хазар и дальнейшее массовое перемещение населения из Предкавказья на север, в степи между низовьями Волги и Дона. Этническая и языковая близость способствовала более быстрому слиянию в единый монолитный союз, что можно проследить на примере болгарского этноса. Присоединение приазовских болгар, а вместе с тем и их великолепных пастбищ, начинающих отстраиваться черноморских портов, представлялось хазарским правителям не только важным экономическим шагом, но и политическим. Царь Иосиф, например, считал этот акт началом образования Хазарского государства [18, с. 22].

Хазары играли важную роль в политической, экономической и культурной жизни народов Юго-Восточной Европы, Кавказа и Передней Азии. Основным их занятием долгое время оставалось кочевое скотоводство, на Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье было развито земледелие и садоводство. Относительно этногенеза и расселения хазар, установления границ Хазарского каганата важные сведения предоставляет анализ археологических данных, письменных свидетельств. И сегодня остается ряд дискуссионных тем, в частности, определение исторической роли Хазарского каганата, степени его влияния на становление русской государственности, локализация политического центра и хазарских городов.

Достаточно часто и применительно к разным объектам в арабо-персидских средневековых источниках встречается название ал-хазар. Морем хазар некогда именовали Черное море (при описании византийских фем), что объяснимо хазарскими владениями в восточном Крыму в IX в., в то же время гидроним море хазар относился и к Каспию, про что сообщает Ибн-Русте, упоминая о впадении р.Итиль в море хазар (Каспий), а также Ал-Масуди. Последний, однако, знал, что морем хазар называли и Черное море и, таким образом, отразил две традиции арабских географов. Позднее морем хазар именовали исключительно Каспий такие географы как ал-Истархи и Ибн-Хаукаль, что для X в. вполне естественно, поскольку к этому времени хазары обосновались в низовьях Волги и на прикаспийских территориях [23, с. 14].

О начале Итиля, который стал одним из первых хазарских поселений в низовьях Волги и новой столицей каганата, фактически ничего не известно. Следуя арабской и арабоязычной персидской традициям традиционно отождествление Итиля и Волги. В Астраханской области археологические исследования Самосдельского городища позволили выдвинуть предположение об идентификации нижних слоев городища с хазарской столицей – городом Итилем. Известно, что целые районы города были заселены славянами и русами и назывались «Славянская часть». В.Мавродин допускает, что они появились в VIII – начале IX в., т.е. во время распространения хазарского владычества на Приокские, Приднепровские и Подонские земли [13, с. 149]. Источники подтверждают присутствие выходцев из Хазарии и в русских городах. Это население иногда принимало участие в ритуалах господствующей верхушки Руси, а она, в свою очередь, воспринимала хазарские ритуалы [16, с. 100].

Своеобразным индикатором распространения влияния хазарского кагана является практика заключения династических браков с дочерьми вассальных правителей. В начале VIII в., во многом из-за угрозы со стороны арабов, наиболее тесные союзнические отношения установились у хазар с византийским правительством. В 732 г. был заключен брак между цесаревичем Константином и хазарской принцессой Чичак, их сын Лев Хазарин занимал визан-

тийский престол в 775–780 гг. [6, с. 92-93]. Были женаты на хазарках византийские императоры Юстиниан II, Тиберий II. Характерно, что уже в X в. Хазары не заключали брачных договоров такого высокого межгосударственного уровня и могли претендовать только на союзы с представителями местных племен и небольших государств, что связано, прежде всего, с постепенным упадком Хазарии. Можно говорить о формировании достаточно оригинальной и своеобразной тюркско-хазарской модели брачных отношений, распространенных среди представителей правящего класса [21, с. 93–94].

Историк, антрополог и археолог Н.Н. Крадин в отдельной главе «Роль кочевников в мир-системных процессах» показал, что есть корреляция между расцветом оседлых цивилизаций и кочевых империй, которые существовали за счет вымогания дани или набегов на земледельцев и горожан. Рассматривая вопрос «культурности» и «отсталости» кочевых обществ, обращает на себя внимание тот факт, что общества неоседлых скотоводов в экономическом плане выработали даже более совершенную систему культурной адаптации к экстремальным условиям природной среды, нежели первые цивилизации ирригационных земледельцев, а созданные ими системы коммуникаций по скорости и расстоянию передачи информации на тот момент были недостижимы для оседлых народов [12, с. 357; 1, с. 22].

Определенное влияние на племена и народы, еще только вступившие на путь формирования государственности, оказывала торговля. Межэтнические контакты нередко усложнялись военно-политическим противостоянием из-за контроля над торговыми маршрутами. Кочевые народы зачастую мешали торговле между великими государствами и в то же время нередко выступали ее полноценными субъектами, обеспечивая стабильность проведения торговых операций.

Хазарию определяли как торгово-даническую империю. Хазары охраняли пути, которые вели из Европы на Восток и Кавказ. Благодаря своему географическому положению, Хазарский каганат контролировал каспийский участок торговли. В Итиле общий экономический интерес привлекал представителей разных народов – магометан, евреев, арабов, христиан, болгар. Интересен факт наличия в столице иудейской, мусульманской, христианской и языческой общин, каждая из которых имела своих судей. Веротерпимость была обусловлена важной ролью каганата в международной торговле. Можно провести интересную параллель в организации управления и судопроизводства в Хазарском государстве: «Обе ветви были приспособлены к отдельным группам или общинам: религиозным – в случае с судопроизводством и этническим – в случае с управлением» [5, с. 232]. Отмечая высокий уровень политической культуры каганата, следует сказать, что отдельные элементы политической организации в той или иной степени усваивались оседлым населением контактных с ним зон.

Степняки были связаны с культурами Запада и Востока и активно использовали достижения своего окружения. С ростом городов усиливается обмен техническими и производственными навыками. Хазары стали основными посредниками в распространении предметов персидского и византийского искусства среди варварских племен Восточной Европы [11, с. 13]. Ряд «культурных иранизмов» оседал среди населения Хазарского каганата, расположенного между Хорезмом и Киевом, которое, в свою очередь, становилось своеобразным проводником этих влияний в Киевской Руси [14, с. 11]. В культуре Хазарии соединились элементы тюркской, византийской, иранской, арабской и еврейской культур. На процесс культурного становления кочевников влиял и переход к оседлому хозяйству, что подразумевало лучшие условия для развития материальной культуры. Более заметное культурное развитие, таким образом, прослеживается на второй и третьей стадиях кочевания, т.е. с частичным или полным оседанием и образованием собственных государственных центров.

Хазары получали дань, в том числе и современным оружием. Известно, что они требовали от византийского императора, помимо всего прочего, искусных архитекторов [10, с. 75]. Торговля длительное время была основой для обеспечения жизненных нужд, обогащения и развития как оседлых, так и кочевых племен, она предоставляла дефицитные товары, важные для обеих сторон. Не менее важную роль в распространении товаров, прежде всего роскоши, играла мода. В итильских мастерских периода расцвета изготавливали драгоценные сосуды, богатейшие накладки на конскую сбрую и снаряжение воина, характерные именно для X в. поясные воинские наборы. Про популярность последних свидетельствует тот факт, что их производство было поставлено «на поток», эти пояса стали модой в степях, в том числе, они проникали в Крым и на Русь [17, с. 156]. Производство отдельных видов товаров, пользующихся особым спросом среди кочевников, также было ориентировано на продажу именно степнякам. В частности, в Хорезме изготавливали ткани специально для вывоза в Степь [3, с. 54].

В эпоху образования кочевых государств, когда вещи одного стиля не были четко привязаны к этносам, характерным явлением стало появление так называемых вещей-гибридов, которые аккумулировали опыт и новшества разных народов. Это касалось как ремесленного производства бытовых товаров, так и военного вооружения. Изобретения средневековья распространялись и заимствовались с невероятной скоростью, при этом достижения соседних народов тесно переплетались с собственным опытом, утрачивая свою этническую принадлежность. Следует отдать должное и хазарским правителям, сумевшим сконцентрировать в государстве производственные и военные отношения многонационального населения, а также достижения покоренных и соседних племен.

Существование Хазарского каганата и Арабского Волжского торгового пути имело следствием появление русских купцов в хазарских городах и русских воинов в хазарских войсках и, соответственно, приобщение русских племен к орбите восточного культурного влияния. Связи славян со степняками способствовали не только проникновению кочевого населения и элементов его культуры в славянскую среду, но имели и обратный эффект [20, с. 330], определив синтез наиболее устойчивых традиций. Про влияние на кочевой мир славян-земледельцев писал еще М.С. Грушевский, отмечая, что имело значение и сама жизнь кочевников в соседстве с более культурными народами

и влияние от них. В целом все азиатские кочевые орды, как отмечал историк, на европейской почве со временем дегенерируют, ослабевают, сталкиваясь с более культурным русским элементом [7, с. 537–538].

Благодаря факту существования Хазарского каганата происходил процесс сближения культур народов, входивших в его состав. На разных этапах наблюдались определенные заимствования, в первую очередь воспринимался экономический элемент, политический и впоследствии культурный. В то же время следует отметить и осознанное неприятие номадами обычаев оседлых народов, попытки сохранения собственной самобытности.

Средневековые историки часто начало государственности связывали с принятием христианства или ислама. Так же как у сформированных земледельческих государств такой аспект религиозной политики имел место у кочевых племенных обществ, которые аналогично должны были включаться в сферу международной политики в качестве союзника одной из держав. Однотипная религия страны-неофита означала привлечение этого государства на свою сторону, вовлечение его в сферу собственного политического влияния. Такую практику использовали Византия, Арабский халифат и другие государства.

Хазары, как и другие этнические компоненты, входившие в состав, сначала были язычниками, поклонялись небесному божеству Тенгри-хану. Можно отметить и тот факт, что пластичность тенгрианства позволяла тюрктам в новых взаимоотношениях и при столкновении с новыми религиозными системами органично усваивать и перерабатывать их в часть собственной культуры [9, с. 122]. Кочевники знакомились с представителями разных религиозных конфессий прежде всего в городах. Для средневековых городов было характерно наличие общин, что объясняется широкой торговой конъюнктурой и вовлеченностью в торговлю иноэтничных народов.

Как один из главных структурообразующих признаков государства выделяют отделение власти от народа и принятие правящей верхушкой иудаизма, создание наемной армии, полностью оторванной от населения каганата и ставшей опорой власти его иудайзированной элиты [8, с. 154–155]. П.Н. Милуков, указав на важную роль торговли и замену язычества монотеистической религией, что способствовало переходу хазар к более высокому уровню культуры [15, с. 358]. Многие исследователи разделяют историю Хазарского каганата на два, почти не связанных периода – хазарский и хазарско-иудейский, при этом последний считая результатом случайного и крайне негативного влияния [4, с. 187]. О.М. Приходнюк делает вывод, что иудаизм исключал возможность привлечения к своей вере широких народных масс и остался религией господствующих верхов. Потому для своего утверждения центральная власть Хазарии опиралась не на собственный народ, а на печенегов, которые составляли ядро регулярной армии [19, с. 79]. При том, что еврейские проповедники обосновали иудейское происхождение кагана и его окружения, они не смогли сделать это для всех народов Хазарского каганата [22, с. 20]. Таким образом, новая религия не способствовала консолидации хазарского общества, а наоборот, разъединила разнородное население каганата, подчеркнув классовые противоположности и отделив правительство от народа. М.И. Артамонов оценивал роль хазар как прогрессивную лишь до принятия иудейской религии, последнее, по его мнению, стало для них роковым шагом, так как в результате был потерян контакт правительства с народом, наступила эпоха посреднической торговли и паразитического обогащения правящей верхушки [2, с. 274, 457].

Благодаря существованию Хазарского каганата наблюдается установление торговых, военных, дипломатических контактов и культурных связей населения Нижнего Поволжья и окружающих этот регион стран. Несмотря на то, что Хазария не смогла полноценно противостоять внешним вызовам и погибла, она передала элементы своих традиций и культуры Руси, Булгарии и печенегам. Сложные этноисторические процессы, определившие специфику развития Прикаспийского региона, предполагают дальнейшие исследования политического наследия и материальной культуры Хазарского каганата, вобравшей элементы традиционных хозяйственно-экономических укладов.

Список литературы

1. Арешян Г.Е. Роль неоседлых скотоводов в развитии цивилизаций Евразии / Г.Е. Арешян // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций : сб. статей / отв. ред. В.М. Масон. – Алма-Ата : Наука, 1989. – С. 21–24.
2. Артамонов М.И. История хазар / М.И. Артамонов. – СПб. : СПбГУ, 2002. – 560 с.
3. Бартольд В. В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии / В. В. Бартольд. – Алматы : Жалын, 1993. – 192 с.
4. Васильева Н. И. «Русская Хазария» / Н. И. Васильева // «Русская Хазария». Новый взгляд на историю. – М. : Метагалактика, 2001. – С. 159–254.
5. Вернадский Г. В. Древняя Русь / Г. В. Вернадский. – Тверь : Аграф – М. : ЛЕАН, 2000. – 448 с.
6. Герцен А. Г. Хазары / А. Г. Герцен // От киммерийцев до крымчаков (народы Крыма с древнейших времен до конца XVIII в.) : статьи. – Симферополь : Таврия-Плюс, 2004. – С. 92–93.
7. Грушевський М. С. Історія України-Руси : в 11 т. / М. С. Грушевський. – Київ : Наукова думка, 1992. – Т. 2. – 640 с.
8. Жих М. К проблеме «Русского каганата»: Древняя Русь и ее степные соседи / М. Жих // Русин. – 2009. – № 3 (17). – С. 147–157.
9. Жумаганбетов Т. С. Культ тенгри как основа государственной идеологии древнетюркского каганата / Т. С. Жумаганбетов // Восток. – 2006. – № 2. – С. 119–126.
10. Карамзин Н. М. История государства Российского : в 4 кн. / Н. М. Карамзин. – Тула : Приокс. кн. изд-во, 1990. – Кн. 3. – 557 с.
11. Кестлер А. Тринадцатое колено: крушение империи хазар и ее наследие / А. Кестлер. – СПб. : Евразия, 2006. – 381 с.
12. Крадин Н. Н. Кочевники Евразии / Н. Н. Крадин. – Алматы : Дайк-Пресс, 2007. – 416 с.
13. Мавродин В. Древняя Русь: Происхождение русского народа и образование Киевского государства / В. Мавродин. – М. : Госполитиздат, 1946. – 311 с.
14. Машанова Л. В. Россия и Восток: контакты, взаимодействия (IX–XVII вв.) : монография. / Л. В. Машанова. – М. : ГУУ, 2002. – 193 с.

15. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры : в 3 т. / П. Н. Милуков. – М. : Прогресс, 1993. – Т. 1. – 527 с.
16. Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков / В. Я. Петрухин. – Смоленск : Русич – М. : Генезис, 1995. – 320 с.
17. Плетнева С. А. Саркел и «шелковый путь» / С. А. Плетнева. – Воронеж : ВГУ, 1996. – 166 с.
18. Плетнева С. А. Хазары / С. А. Плетнева. – М. : Наука, 1976. – 93 с.
19. Приходнюк О. М. Степове населення України та східні слов'яни (друга половина I тис. н.е.) / О. М. Приходнюк. – Чернівці : Прут, 2001. – 285 с.
20. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период / В. Д. Баран [и др.]. – Киев : Наукова думка, 1990. – 488 с.
21. Тортика А. А. Династические браки как элемент внешней и внутренней политики Хазарского государства / А. А. Тортика // Східний світ. – 2005. – № 1. – С. 90–106.
22. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. – М. : Наука, 2003. – 459 с.
23. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2014. – 208 с.

ПОЛИГОН КАПУСТИН ЯР И ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СЕЛА ЖИТКУР

Милаева Татьяна Васильевна,

кандидат психологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет

им. Питирима Сорокина», г. Сыктывкар

В последние годы появилась немало исторических материалов, относящихся к проблеме исчезнувших населенных пунктов страны [3]. Одним из таких поселений является село Житкур. Согласно административно-территориальной отнесенности [2], в различные периоды оно относилось к Астраханской губернии, затем к округу Нижневолжского края.

Таблица

История административно-территориальной отнесенности с. Житкур

Годы	Административно-территориальная единица
1840 г. – 1 января 1851 г.	Царевский уезд Саратовской губернии
1850-е гг. – 7 сентября 1918 гг.	Царевский уезд Астраханской губернии
7 сентября 1918 г. – 15 февраля 1919 г.	Царевский уезд Царицынской губернии
15 февраля 1919 г. – 10 апреля 1925 г.	Ленинский уезд Царицынской губернии
10 апреля 1925 г. – 21 мая 1928 г.	Ленинский уезд Сталинградской губернии
21 мая 1928 г. – 11 июня 1928 г.	Нижневолжская область (с 11 июня 1928 г. – Нижневолжский край)
23 июля 1928 г. – 23 июля 1930 г.	Астраханский округ Нижневолжского края
10 января 1934 г. – 29 января 1935 г.	Владимирский район Сталинградского края (с 5 декабря 1936 г. – Сталинградская область)
29 января 1935 г. – 15 июля 1953 г.	Эльтонский район Сталинградской области
15 июля 1953 г. – 4 марта 1954 г.	Палласовский район Сталинградской области

История села богата и насыщена. Расцвет и закат его приходятся на 40-е – 50-е гг. XX столетия. Исчезновение связано с историей полигона Капустин Яр (ранее Кап-Яр) [6]. За военным городком, находилось совершенно захолустное село. По местной легенде, оно названо по имени атамана Капустина, поскольку в нем поначалу жили семьи разбойничавших на Волге ватаг [5]. Слово Яр произошло от соседнего оврага, в котором по той же легенде разбойники, они же «лихие люди», прятались и делили добычу. Тогда же или позже этот овраг стали называть балкой Смыслина, тоже по имени одного из активных «лихих людей». Собственно, полигон и начался из этой балки, в которой возвели первый стенд огневых испытаний боевых ракет [5]. Кап-Яр, также назывался Москва-400 (для внешней переписки) и 10-й площадкой (для своих). Название «Капустин Яр» за пределами полигона тогда не произносили. При посторонних эти слова не выговаривались. Это было табу. Работал и психологический барьер.

Интересная информация приведена в книге А. Железнякова «Летопись космической эры» [1]. Автор отмечает, что начинать рассказ об истории полигона надо с далёкого 1945 г. Победа над Германией сделала доступными для советских специалистов остатки выдающихся ракетных технологий команды Вернера Фон Брауна. Учёный вместе с наиболее значимой частью команды разработчиков, общей численностью около 400 чел., оказался в руках американских военных и продолжил свою работу уже в США. Всё самое ценное с заводов, испытательных и научных центров, включая несколько десятков собранных ракет ФАУ-2, практически всё специальное испытательное оборудование и документация уже были вывезены в США. На развалинах ракетной колыбели появились первые советские разведчики и специалисты. Собирая остатки немецкой команды и документации, перетряхивая мусорные корзины исследовательских центров, специалистам удалось всё-таки собрать достаточное количество материала для того, чтобы воспроизвести конструкцию ракет ФАУ-1 и ФАУ-2. В СССР были срочно сформированы ряд НИИ и КБ, которые вплотную занялись решением этой задачи. Назрела необходимость в создании специализированного полигона для проведения исследований и испытаний.

В мае 1946 г. было принято решение о создании такого полигона в СССР. Место для его размещения выбиралось из семи вариантов, которые были в кратчайшие сроки тщательно обследованы, собраны и проанализированы материалы по метеорологии, гидрологии, коммуникациям, строительным возможностям и т.д. В итоге одним из наиболее подходящих был признан район возле села Капустин Яр в Астраханской области (которое в последствии и дало имя новому полигону).

На полигон первые офицеры и военные строители прибыли 20 августа 1947 г. За полтора месяца работ к началу октября 1947 г. в голой степи кроме бетонного испытательного стенда и бункера на 1-ой площадке, были построены стартовая площадка с бункером, временная техническая позиция, монтажный корпус. Провели шоссе и 20-ти километровую железнодорожную ветку с мостом через глубокий овраг, соединяющую полигон с главной магистралью на Сталинград (Волгоград).

Строительства жилья для персонала на полигоне не велось до 1948 г. Строители и будущие испытатели жили в палатках, землянках, временных постройках либо квартировались в крестьянских избах. К 1 октября 1947 г. в Москву доложили о полной готовности полигона для проведения пусков ракет. 14 октября 1947 года на полигон прибыла первая партия ракет.

18 октября 1947 г. в 10 часов 47 минут по московскому времени произведен первый старт баллистической ракеты в СССР. Ракета поднялась на высоту 86 километров и, разрушившись при входе в плотные слои атмосферы, достигла поверхности Земли. С 18 октября по 13 ноября 1947 г. были запущены 11 ракет, из которых 9 достигли цели (с большим отклонением от заданной траектории) и 2 потерпели аварию.

На 10 лет (с 1947 по 1957 г.) Капустин Яр стал единственным местом испытаний советских баллистических ракет. На полигоне были проведены испытания ракет Р-1 (сентябрь – октябрь 1948 г., сентябрь – октябрь 1949 г.), Р-2 (сентябрь – октябрь 1949 г.), Р-5 (март 1953 г.), Р-12, Р-14, последней ракеты холодной войны, печально известную SS-20 РСД-10, всемирно известный «Скад» («Scud») и огромное множество других ракет малой и средней дальности, крылатых ракет, комплексов и ракет ПВО [4].

Еще во время первых пусков в октябре-ноябре 1947 г. Капустин Яр начинает использоваться и как место старта геофизических ракет. На стартовавшей 2 ноября 1947 г. ракете V-2 были установлены научные приборы. С тех пор эта традиция поддерживалась до тех пор, пока не были созданы специализированные геофизические ракеты В-1 и В-2. Однако местом старта геофизических ракет остался Капустин Яр. В дальнейшем к геофизическим ракетам прибавились метеорологические ракеты. В июне 1951 г. состоялась первая серия пусков ракет с собаками на борту [4].

В начале 1950-х гг. кроме активной программы пусков ракет шло становление и развитие испытательной базы полигона, строились стартовые и технические комплексы. Находившийся неподалёку Житкур явно мешал.

Из рассказа очевидца (к началу описываемых событий возраст 12 лет, училась в 5 классе Житкурской средней школы Эльтонского района Сталинградской области – так подписывались школьные тетради):

«Весна 1952 года. Учеников местной школы, (их в десятилетке было немало) построили в длинную колонну. Предстоял общешкольный «выход на природу». Промаршировали под руководством учителей за околицу. Вокруг необъятная степь с пробивавшейся зеленой травой, неяркое солнце – выдался слегка пасмурный день. Это зона полупустыни. Зимой холод, летом жара, суховей, пыль. По весне степь покрывалась тремя видами тюльпанов всех мыслимых цветов, гусиным луком и мелкими голубыми гвоздичками. Они хорошо переносили засуху и соленую почву. На открытых плоских местах росло много полыни, пырея, тысячелистников, и других неведомых трав. В обозримом пространстве деревьев или кустарников не было. Сплошное разнотравье. В нем сновали и шуршали множество насекомых, пауков. Больше всего было всяческих жуков разного размера и цвета. Летали крупные разноцветные пучеглазые стрекозы, прыгали зеленые жабы. Сновали суслики, тушканчики, хомяки, полевки. Много птиц – ласточки, воробьи, удоны. По этой степи медленно продвигалась в сторону Лощины и галдела колонна школьников. Кап-Яр находился в другой стороне. Дети вели себя как положено детям – болтали и веселились. Колонна постепенно превращалась в толпу. Мимо по бездорожью промчалось несколько побитых потрепанных «козлов» – воинские авто с открытым верхом. В них плотно сидели люди в погонах. Вдгонку неслись на велосипедах несколько мальчишек лет восьми-десяти. Притормозили у толпы путешественников.

– Видали? Самолет упал!

Слов типа «ракета» в обиходе тогда не было. Все, что летало, обозначалось «самолет».

Толпа остановилась. На этом поход закончился. Повернули к школе, потом всех распустили по домам. Не было никаких обсуждений, впечатлений, разговоров. Через несколько дней на обширный, неогороженный хозяйственный двор размером со стадион, который находился неподалеку от школы и куда обычно сносили металлолом и прочий утиль, стали привозить непонятно что: блестящее железо, что-то похожее на доски разной ширины, хотя это были совсем не доски. Везли долго, машинами и подводами. Очень много. Охраны не было, запрета тоже. Жители подходили, смотрели, уносили кому что приглянулось; мальчишки от мала до велика что-то откручивали и забирали с собой.

К зиме 1953 г. нагрянули очень красиво одетые люди – врачи, в основном женщины, в невиданных тогда меховых шубах. Во всех общественных местах – школа, почта, конторы – разместили медоборудование, которого здесь никогда не видели. Вызывали, направляли, приводили всех подряд. Это называлось «обследование населения». Люди впервые услышали слова «анализы», «рентген» и т.п. К весне медицина уехала. В мае из Эльтона прибыло около 200 «студебеккеров» с молодыми солдатами в кузовах. Незабываемое зрелище: ослепительные фары из

темной степи промчались по селу в сторону Лощины под взглядами не очень многочисленных зрителей. До Лощины километра 3. Оттуда дети ватагой ходили в житкурскую школу.

С утра солдаты приступили к работе. Разбирали избы, сараюшки, заборы, школы, магазины. Грузили на машины все до последнего гвоздя, урожай с огородов, коров, овец, свиней, кур, котов и собак. Из рассказа участника событий. Тёплая середина августа 1953 года. В дом завуча школы заходит офицер. Тихо, как-то буднично, уведомил: «Завтра поедем». Хозяйка быстро собрала вещи. В шесть утра «по холодку» у крылечка стоял «студебеккер». Двое солдат быстро вынесли и погрузили нехитрые пожитки. Набралась половина кузова. Туда же взобрались две женщины и двое детей. Девчонка под жидкой одежкой крепко прижимала рыжего кота. В кабину сели солдат-шофёр и вчерашний офицер. Машина отъехала от порога, развернулась и пристроилась к колонне таких же машин. Потом подъехала ещё целая вереница. Как по команде, колонна вздрогнула и двинулась, набирая скорость. Из-под колёс повалила серая густая пыль, сквозь которую едва различался небольшой жёлтый диск солнца.

Внезапно через высокий борт кузова, со стороны кабины, появился офицер. Стоя на подножке несущейся на всей скорости машины, перекрывая гул двигателей, он громко прокричал:

– Ну как вы тут? Сейчас будем обгонять!

Машина незаметно взяла вправо и помчалась по степному бездорожью рядом с колонной. Солдат (на вид ему было 18–20 лет) в зеленоватой гимнастёрке, ссутулившись, крепко держался за баранку. Один за другим «студебекеры» оставались позади. Вскоре посреди ровной серой степи оказалась одна машина. По едва намеченным двум параллельным тропинкам угадывалась дорога.

Офицер сопровождения всю дорогу поражал людей в кузове. Возникла мысль: не каскадёр ли этот молодой человек? Может быть цирковое училище окончил? Он на полном ходу открывал правую дверцу кабины, выбирался на подножку. Вцепившись в верхнюю кромку кузова, ловко находил где-то сбоку место для упора ногой. На вытянутых руках взмывал во весь рост над оторопевшими пассажирами. По выступу шириной с ладонь, по периметру огибал борт и каким-то чудом, удерживаясь за лобовое стекло, перемещался на исходную позицию – подножку у правой двери. Открывал, спокойно забирался на своё место. Через некоторое время начинался новый трюк. Мгновенно оказывался на капоте. Раскинув руки в стороны, он на минуту распластывался лицом вниз. Потом поднимал голову, как будто примерялся в какую сторону метнуться, снова вцеплялся в известные, по-видимому, лишь ему одному, выемки, выступы, детали. И вновь начинались манипуляции по периметру. При этом он вёл с пассажирами непринуждённые разговоры. Справлялся, не беспокоит ли что, не очень ли трясёт, не царапается ли кот, не хочется ли пить, не надо ли остановиться. На все вопросы народ в кузове отрицательно молча качал головой. К вечеру прибыли на новое место.

К зиме Житкур перестал существовать. Кап-Яр мог запускать ракеты, не опасаясь, что они упадут на жителей.

Интерес к исчезнувшему селу со временем не пропал. Историки, философы, уфологи, литераторы периодически обращаются к судьбе этого населённого пункта. К середине 60-х годов на русском языке вышел перевод книги Артура Кларка (США) «Лунная пыль». В одном из рассказов есть строки: «После запуска искусственного спутника Земли ученые поехали из Капустина Яра праздновать в Сталинград, отстоящий на 100 км».

В 1990-е гг. о Житкуре немало мифов написано уфологами. Самый «оригинальный» из них об осколках НЛО. Представлены даже схемы находящихся там внеземных кораблей. К мифам можно отнести и предположение о наличии в Житкуре в 1930-х–1950-х гг. лагеря ГУЛАГа.

Житкур в публикациях именуют то городом, то поселком. Жители точно знали, что живут они в густонаселённом селе, которое считалось центром Эльтонского района. Это подтверждается наличием тогда учреждений: райкома ВКП(б), сельсовета, больницы. В трех больших одноэтажных домах располагалась школа-десятилетка. Были сберкасса, магазины. Детский сад и ясли располагались под разными крышами в противоположных концах улицы. Поодаль в степи возвышались три высоких ветряных мельницы. Они полукругом охватывали одну из крайних улиц. Вдоль другой крайней улицы (всего их было три) тянулись ряды огородов с колодцами и журавлями. До поздней осени там благоухали всевозможные овощи и цветы. За огородами простирался лиман. Весной заливался талой водой от снега, а к лету покрывался травой выше детей младших классов, камышом и кугой, из которой плели конусовидные высокие шляпы. Если отойти подальше, встречались поляны, покрытые ковром желтых цветов. На лимане до поздней осени дети гонялись за саранчой, прятались в траве, чтобы их не нашел объездчик на лошади.

Со временем в вечернем или утреннем небе часто были видны звездочки, которые медленно приближались друг к другу. Они соединялись в одну, ярко вспыхивали и исчезали. Это не рождались новые или сверхновые объекты вселенной, это шли испытания и запуски ракет [5].

Существуют публикации, по которым можно проследить судьбы отдельных людей-уроженцев Житкура. Многие достигли немалых успехов. Есть среди них и ученые, и поэты, и журналисты. Все до сих пор с сожалением вспоминают свою малую родину.

Список литературы

1. Железняков А. Б. Летопись космической эры. 1957 год / А. Б. Железняков. – СПб., 2002.
2. История административно-территориального деления Волгоградской (Сталинградской) области. 1936–2007 гг.: справочник (интернет-версия). – Режим доступа: <http://volga.rusarchives.ru/atd.shtml>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Исчезнувшие города России и СССР. – Режим доступа: <http://www.dead-cities.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

4. Кавелькина В. В. Полигон Капустин Яр. 1946–2006 / В. В. Кавелькина [и др.]. – 139 с. – Режим доступа: <http://en.b-ok.org/book/729355/8b4af3>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

5. Клёсов А. А. Заметки научного сотрудника / А. А. Клёсов. – Режим доступа: https://bookz.ru/authors/anatolii-klesov/internet_715/1-internet_715.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

6. Шишкина М. В. История бывшего села Житкур Палласовского района Сталинградской области / М. В. Шишкина // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – 2012. – № 6.

ЛОВЕЦКОЕ ХОЗЯЙСТВО АСТРАХАНСКОГО КРАЯ В НАЧАЛЕ XX в. И ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Лихолет Олег Владимирович,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Сельское хозяйство Астраханского края традиционно является многоотраслевым. В начале века в местном сельском населении выделялись две производительные группы – крестьяне и ловцы.

Большая часть сельского населения Астраханской губернии в рассматриваемый период занималось промысловой рыбодобычей и рыбообработкой. В 1925 г. в губернии насчитывалось 235 593 работающих – как нанятых, так и самозанятых лиц. Из них в рыбной отрасли было занято 127 918 чел. – 55 % [2, с. 97].

В годы «военного коммунизма» сельское хозяйство Нижнего Поволжья пришло в полный упадок, сельское население, в основном, разорилось. В условиях национализации водных угодий и продразверсток, ловцы лишались стимулов для производства товарной продукции. Свою роль в кризисе ловецкого хозяйства сыграли военные реквизиции и обычный грабёж в годы гражданской войны. В результате материальное положение ловцов резко ухудшилось.

В рассматриваемый период политика государственных органов в отношении ловцов неоднократно менялась. В соответствии с изменениями социальной политики менялось и положение ловецкого населения. Местные органы власти отводили важное место ловцам, как особой социальной сельской группе, деятельность которой обеспечивала занятость огромного числа людей и поступление доходов в казну, а в период продовольственного кризиса – снабжение населения рыбной продукцией. О важности местного ловецкого населения как производящей группы говорит то, что в течении веков астраханское рыболовство было основой рыбной промышленности Российской империи.

С дореволюционного времени астраханские ловцы делились по уровню оснащения, местам проведения лова и зависевшему от этих условий благосостоянию, на две группы: морских ловцов и речных. Морские ловцы жили, в основном, в малочисленных приморских селах, в дельте Волги до Астрахани, и в самом городе. Речные ловцы жили от взморья до Царицына, и даже севернее его. По переписи 1905 г. 70,1 % ловецкого населения относилось к морским ловцам, 29,6 % – к речным. В 1914 г. из 95 тыс. зарегистрированных ловцов морским ловом занимались 65 тыс. [6, с. 5].

В одном поселке могли жить и морские и речные ловцы, но специализация ловецкого труда была совершенно четкой: либо только морской лов, либо только речной. Такое же положение сохранялось и в 1920-е гг. Основой деления ловцов была разница оборудования для разных видов лова, которая основывалась на отличиях его стоимости. Речным ловом занимались либо те ловцы, которые жили слишком далеко от моря (например, севернее Астрахани), либо те, которые даже и живя недалеко от моря, не могли купить дорогостоящее оборудование для морского лова.

Основной рабочей единицей речного лова была лодка с двумя ловцами, обычно родственниками – братьями или отцом и сыном. Стоимость оборудованной лодки в зависимости от ассортимента оборудования, колебалась от 30–0 до 100–120 руб. в ценах 1913 г. Выручка при речном лове перекрывала себестоимость лова в 3–5 раз, и ежегодный доход ловца с лодки варьировался от 100 до 235 руб.

Весьма многочисленной была группа речных ловцов, ловивших неводом, так называемых «неводчиков». Из-за тяжелых условий труда и большой стоимости (до 400 руб.) неводного оборудования, неводчики работали только артелями по 12–чел. Прибыль неводчиков перекрывала расходы в 5–6 раз их заработок накануне Первой мировой войны и составлял в среднем 345 руб. в год.

Совершенно иное оборудование было у морских ловцов – приспособленные к морским условиям высокорботные, часто палубные лодки, небольшие парусные судна, иногда – двухмачтовые, длиной до 17 аршин и грузоподъемностью до 1000 пудов. Применительно к морским условиям суда и лодки, так называемые «посуды», строились особо прочными, при надлежащем уходе служили 15–18 лет. Себестоимость морского лова была намного выше речного. Стоимость оборудованной посуды была от 600 до 2000 руб. в ценах 1913 г. Морские ловцы работали либо артелями (обычно из родственников), либо применяли наемный труд, так как небольшой семейной группы – 2–3 чел. было недостаточно для обслуживания морского лова. Но и годовой доход морских ловцов в дореволюционный период всегда был выше, чем речных – от 364 до 609 руб. на человека. Зарплата наемных рабочих (в основном. калмыков и казахов) составляла примерно 200 руб. в год [6, с. 5]. Число наемных работников не превышало 10 % от числа всех участников лова.

В морском лове были чрезвычайно распространены трудовые артели или товарищества на паях, где одному принадлежали снасти, другому лодка, кто-то закупал провизию на всю артель, и т.д. Если в хозяйство и попадал батрак, то только на первое время: если он не устраивал по каким-то причинам остальных участников трудового коллектива, то его больше не приглашали, если же «срабатывался», то на следующий год он покупал собственные сети и приходил в коллектив как пайщик. Чаще же работник сразу приглашался не на жалование, а на пай, ибо в

этом случае он становился сильно заинтересован в увеличении улова, так как прибыль распределялась между пайщиками в зависимости от размеров пая. Эта система трудовых отношений возрождается с осени 1923 г.

Следует отметить важную черту производственных отношений в ловецком промысле – отсутствие хозяйств, использующих только наемный труд. Напротив, имела устойчивая тенденция отхода разбогатевших ловцов от лова и перехода их на скуп рыбы. Перепродажа была значительно выгоднее лова, так как вложенные средства оборачивались быстрее, и практически отсутствовал риск потерять судно, неизбежно связанный с морским ловом: «...разбогатевших ловцов надо было искать не в море на добыче, а в Кутуме на скупе – они и представляли пресловутую группу «кутумщиков». В связи с отсутствием капиталистического ловецкого хозяйства, почти отсутствовал и ловецкий пролетариат.

Развитие ловецкого промысла было прервано первой мировой войной. Число ловцов резко сократилось после мобилизации 1914 г. так как многие ловцы относились к казачьему сословию и были мобилизованы в первую очередь. Их хозяйства быстро пришли в упадок, оборудование портилось и не обновлялось из-за отсутствия материалов и финансовых средств.

После революции ловцы занимались речным ловом, так как Каспий стал ареной борьбы между большевиками и белогвардейцами, а в этих условиях морской лов стал и опасен и бесполезен – контролировавшие взморье белые не в коем случае не пропустили бы идущие с моря в Волгу, а, значит, в руки красных, груженные рыбой суда. Это вынудило многих морских ловцов заняться речным ловом, так как обстановка была более спокойной, и оборудование для речного лова более дешевым, что было немаловажным для разоренного войной ловецкого хозяйства. Другая часть ловцов подрадилась работать на рыбообрабатывающие промыслы.

Председатель Енотаевского исполкома Луковской в июле 1918 г. отмечал: «...У ловцов нет сетей и других орудий лова и негде купить таковые, а между тем, в них самая острая нужда. Кроме того, ловцам грозит опасность от Гурьевских казаков... задерживающих и уводящих к себе паровые суда..., а далее возможно, будут задерживать и ловцов, выехавших в море на лов рыбы. Если не будет ликвидировано самовольство Гурьевских казаков, то ловцы не смогут выходить в море на лов рыбы в предстоящую осеннюю путину, а это внесет полный застой в дело всей рыбной промышленности» [7]. Об аналогичных проблемах сообщали из Красноярского и других уездов. [1, л. 102].

Большое количество ловцов вообще отошло от рыболовства и занялось непривычным им сельским хозяйством. Наиболее же зажиточные занялись «торговлей на линии» – так в те годы называли скуп рыбы в Астраханской губернии и вывоз ее в Ставрополье для обмена на муку. Ловецкие села опустели, на повестку дня встал вопрос о существовании крупномасштабного промышленного лова как такового, ибо из него исчезли два важнейших звена: морской ловец, дававший до войны до 80 % улова, крупный скупщик, разоренный революцией.

В целом, за период 1914–1922 гг. астраханский промысловый флот пришел в полный упадок. Из строя вышло 90 % стоечных судов, 75 % реюшек. Добыча в море сократилась в 10 раз. Сократился и речной лов. Вместо действовавших в 1913 г. 800 тоней, к 1922 г. осталось 162 тони. Количество неводов сократилось с 2140 до 238 т.е. в 9 раз [8, с. 8–9]. В период «военного коммунизма» были предприняты первые попытки определить место ловцов в структуре советского общества. Так Астраханский Губернский съезд Советов (февраль – март 1918 г.) постановил считать самостоятельных ловцов рабочими и распространить на них страхование. Совнарком Астраханского края 25 марта принял постановление о национализации рыбных промыслов. На промыслах создавались фабрично-заводские комитеты, а при них – контрольные комиссии.

15 декабря 1918 г. в Москве созывается первый съезд ловцов и рабочих рыбной промышленности, который взял курс на монополизацию государством всей рыбодобычи и обработки. В Москве было образовано Центральное управление рыбными промыслами в РСФСР (Главрыба), а на местах (в том числе – в Астрахани) – областные управления по рыболовству и рыбной промышленности (Областьрыба).

Государственная монополия на добычу и обработку рыбы – вполне типичное решение для периода «военного коммунизма», но оно означало и то, что властям необходимо определить свое отношение к ловцам, как производящей социальной группе. В этот период мнение центральных властей, было следующим: капиталистического лова при социализме не будет, а мелкий, так называемый «неконцентрированный» лов нерентабелен, не сможет обеспечить страну рыбой, а потому должен был заменен «концентрированным» государственным ловом. Первым шагом на пути реализации этой программы стало принудительное объединение ловцов в трудовые товарищества, «...стремясь впоследствии создать из этих объединений Коммунистические и Советские хозяйства» [4, с. 80].

После создания объединений, власти приступили к огосударствлению и фактической пролетаризации ловцов. Каждый ловец закреплялся за каким-либо промысловым участком или районом и подчинялся ряду особых правил, главными из которых были: невозможность самостоятельного выбора системы лова и обязательство сдавать весь улов на определенный рыбообрабатывающий участок по установленным местным управлением рыболовства ценам. В 1920 г. ловцы независимо от количества индивидуального улова стали получать одинаковые пайки по нормам рабочего снабжения. Однако положение ловцов было гораздо хуже, чем рабочих: фабрично-заводские рабочие получали паек в течение всего года, а ловцы и промысловые рабочие – только во время путины, кроме того, в отличие от рабочих, ловцы использовали собственное оборудование, амортизацию которого им никто не возмещал. Такие производственные отношения получили название системы государственного лова, и, перейдя к ним, государство фактически приступило к ликвидации ловцов как вполне оригинальной социальной группы. Государственный лов как система социально-экономических отношений государства и ловца в 1920–1921 гг. считалась единственно правильной.

Вопреки ожиданиям чиновников от рыбной промышленности, после огосударствления, ловцы вообще потеряли всякий интерес к лову. Их количество стало стремительно сокращаться: если в 1919 г. Астраханское областное

управление рыболовства зарегистрировало 80650 ловцов, то в 1920 г. – 56432 ловца, а в 1921 г. – 23203 ловца [6, с. 1]. В отчёте Областьрыбы за 1920 год констатируется: «...внимание, которое оно уделяло ловцу далеко недостаточно... Раздача снаряжения велась без определенной системы, ловец снабжался продовольствием только во время лова. Время, затраченное на подготовку к лову не оплачивалось. Ловец даже не знал, какой паек он получит во время лова и старался подыскать более доходные занятия... Только этим и приходится объяснять... то неудержимое стремление ловецкого населения к занятию сельскохозяйственными работами в пределах самой дельты... Ясно, что такое положение ненормально» [5, с. 20].

В результате отхода ловцов от промысла путина 1921 г. оказалось под угрозой срыва. Из зарегистрированных в январе 23,2 тыс. ловцов на весенний путинный призыв явилось всего 6,5 тыс. человек [6, с. 8]. Власти вынуждены были прибегнуть к трудовой мобилизации на путину, однако, ситуация не улучшилась, так как трудмобилизованные (в основном, с верховьев Волги) массами бежали с места работ.

Весна 1921 г. – это время апогея системы государственного лова. Ловцы и промысловые рабочие были поставлены под полный контроль областного управления по рыболовству и рыбной промышленности, работали только по его нарядам, и только от него получали продукты. Любые попытки уклониться от работ на путине и заняться другим видом деятельности, объявлялись трудовым дезертирством.

Небывало низкие уловы, массовое бегство трудмобилизованных, эмиграция коренного населения в соседние губернии – все это окончательно доказало несостоятельность практики гослова и настоятельно потребовало изменения самой сути политики государства по отношению к ловцу.

Весенняя путина 1921 г. закончилась 28 мая, а 31 мая был издан Декрет СНК «О рыбной промышленности», который фактически стал первым веянием НЭПа в Астраханском крае. Вот некоторые статьи этого документа: «В целях наибольшего использования местных сил для повышения добычи рыбных продуктов, наилучшего снабжения рыбных промыслов:

- ст. 1. Отменить государственную монополию на производство рыбных промыслов.
- ст. 4. Право эксплуатации рыбных промыслов в районах промысловой добычи рыбы, освобождаемых от государственной монополии, предоставляется всякого рода промысловым объединениям, предприятиям и отдельным российским гражданам.
- ст. 5. Промысловые объединения и отдельные граждане имеют право свободного распоряжения добытыми ими продуктами рыбного промысла, оставшимися за покрытием арендной платы в пользу государства» [7, с. 227–231]. Ловец с лета 1921 г. объявлялся «раскрепощенным и свободным», а система государственного лова, против которой еще за месяц до отмены монополии никто и слова сказать не смел, теперь решительно осуждалась и обличалась на собраниях и страницах местных изданий.

Отношение государства к ловцу после отмены монополии на рыбные промыслы сразу стало двойственным. Власти освободили ловца от мелочной опеки; это было вызвано тем, что Областьрыба не справилась с задачей выйти по улову на довоенный уровень без помощи мелкотоварного ловецкого хозяйства. С другой стороны, власти не могли допустить, чтобы ловец составил серьезную конкуренцию государственной рыбной промышленности. К противоречию пришли две предпосылки политики в отношении ловцов: экономическая и политическая. Экономическая заключалась в том, что только мелкотоварное ловецкое хозяйство могло реально улучшить состояние рыбной промышленности, за счет существенного увеличения уловов. Однако, для этого ему нужно было помочь выбраться из того кризисного состояния, в котором оно оказалось в период с 1914–1920 гг. Политическая предпосылка заключалась в недопущении существования частного товарного производства как такового.

Одной из главных причин подобного отношения было то, что судьбу ловцов решали люди, совершенно не знавшие ни особенностей ловецкого труда, ни специфических черт ловецкого хозяйства. Известный ихтиолог К. Киселевич в 1923 г. писал: «...В Москве вы даже встретите официальных представителей ловцов из неустраившихся по прямой своей специальности рыбоведов и служащих коммунистических учреждений, делающих свою карьеру на ловце, но не выдавших нынешнего астраханского ловца не только за последнее пятилетие, но и вообще не знакомых с условиями рыболовства... центр совершенно не знает, что же представляет собой ловец, какое значение он играет в краевом рыболовстве... в чем изменилось его положение и что необходимо для восстановления ловецкого хозяйства» [6, с. 1].

Список литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 209.
2. Контрольные цифры развития народного хозяйства Астраханской губернии на 1927–1928г. – Астрахань, 1928.
3. Декреты Советской власти. – М., 1989. – Т. 15.
4. Астраханское рыболовство. – 1919. – № 2–3.
5. Астраханское рыболовство. – 1920. – № 4–5.
6. Наш край. – 1924. – № 1.
7. Известия Астраханского Совета, рабочих, солдатских, крестьянских и ловецких депутатов. – 1918. – № 123. – 13 июля.
8. Бабин Б. Н. Из истории коллективизации рыболовческих хозяйств Астраханского края / Б. Н. Бабин. – Астрахань, 1958.

НИТИ ДРУЖБЫ МЕЖДУ БАКУ И АСТРАХАНЬЮ ПЛЕЛИСЬ ВЕКАМИ

Насиров Рауф Ядулла оглу,

*заведующий отделом политики и экономики газеты «Бакинский рабочий»,
г. Баку, Азербайджанская Республика*

Баку и Астрахань! Что связывает эти города между собой кроме того, что они обладают крупнейшими расположенными на Каспии портами? Вопрос интересен тем, что поиск ответа на него не только раскрывает экономические предпосылки и основу невероятных перспектив сотрудничества городов, но и позволяет понять мотивы некой ментальной близости между банкирами и астраханцами. Возможно, свою роль здесь сыграла схожесть климатов и те холодные северные ветра, которые зимой как в Баку, так и в Астрахани пронизывают человека насквозь. А может жителей обоих городов заложенных некогда на песчаных почвах, где тяжело вырастить даже одно дерево, объединяет стремление сохранить природу и озеленить все вокруг? И наконец, очевидно, что именно многонациональность Баку и Астрахани внесла свою лепту в формирование теплого и радушного, или, как сегодня модно говорить, мультикультурального характера у людей. Все это имеет место быть, однако, думается, города имеют много общего именно благодаря Каспию, позволившему людям использовать логистические возможности, а также пользоваться биологическими и углеводородными ресурсами.

Сегодня Баку и Астрахань, столица Азербайджана и административный центр Астраханской области Российской Федерации, претворяют в жизнь в Каспийском регионе ориентиры своих собственных государств по политико-экономическому регулированию, и как в формате двух стран, так и в рамках «каспийской пятёрки» организуют форумы, заседания, саммиты и другие международные мероприятия. Обсуждаются такие вопросы как интеграционное взаимодействие в Каспийском регионе, ведутся переговоры по определению международно-правового статуса Каспия, а также сохранности экологии и охраны биологических ресурсов водоема, сотрудничество в области транспорта и логистики, добычи природных ресурсов. Все это позволяет обозначать приоритеты политического, экономического и социально-культурного взаимодействия, основы которого были заложены несколько веков тому назад.

Обратимся к истории. Россия завоевывает Астрахань в XVI в. и, выйдя к Каспию, пытается упрочить свои позиции в регионе. На Кавказе в то время идут распри между азербайджанскими ханствами, а южнее за превосходство в регионе ведут борьбу укрепляющаяся Турция и слабеющая Персия. Естественно, новые веяния в проводимой в регионе геополитике не могли не сказаться и на Баку. Как пишет Ф.А. Тагиев в книге «История города Баку в первой половине XIX века (1806–1859)», правивший в Баку «Хусейн-Кули хан пытался путем применения системы противовесов в лице России и Ирана сохранить самостоятельность управляемого им ханства, а также лавировать между соседними ханами, имевшими виды на Баку» [3, с. 7]. Однако в конце XVIII в. участь Баку уже была предreshена. Еще в царском рескрипте командовавшему русскими войсками на Кавказе генерал-лейтенанту К.Ф. Кноррингу 2-му от 12 сентября 1801 г. (в один день с манифестом о присоединении Грузии и утверждением положения об управлении ею) предписывалось «содержать сношения с окрестными владельцами и народами, стараться приумножить число приверженных к России» и «стараться особенно чрез хана Бакинского, который владеет и устьем Куры, и лучшим портом на Каспийском море, достигнуть до способов доставлять к войскам нашим в Грузии тягости из Астрахани водою, а не трудным путем чрез горы Кавказские» [3, с. 7].

Доставлять в Баку тягости из Астрахани водою... Вот основная причина того, почему Баку в то время был интересен России. И водный путь доставки в Баку строительных материалов был также интересен и бакинским купцам и промышленникам. Как пишет известный русский писатель А.Ф. Писемский, посетивший Баку в 1856 г., для Баку того периода были характерны каменные, кирпичные или глинобитные дома и для их строительства из Астрахани привозились доски соснового и елового деревьев (помимо привоза леса из Ирана, а также Кубинской и Талышинской провинций).

Но не только лес доставлялся из Астрахани в Баку, но и хлеб. В книге «История города Баку в первой половине XIX века (1806–1859)», со ссылкой на исторические сведения Ф.А. Тагиев пишет о плохом довольствии жителей Бакинской провинции мукой и хлебом собственного производства. В записке члена кавказской администрации за 1828 г. говорится, что «при лучшем урожае жители довольствуются своим хлебом 4 месяца, а на прочее время года покупают в Кубинской провинции и Талышинском ханстве. Также в описании каспийской торговли того же периода говорится: «...в Баку привозится хлеб, особенно из Кубы, Персии и частью из Астрахани: собственного хлеба достаточно только на две трети народонаселения» [3, с. 63].

Говоря о правовом статусе Баку до административной реформы 1840 г. следует отметить, что он в документах того периода фигурировал не только как город, но и крепость, и все юридические положения касались его статуса как крепости. По Высочайшему утвержденному докладу военного министра об образовании Инженерного департамента от 2 октября 1809 г., большая крепости (по существовавшему делению на большую, среднюю и малую крепости) Баку вошла в Астраханский округ этого департамента [3, с. 42]. Бакинская таможня была учреждена 25 января 1807 г., и начала «функционировать 6 августа 1809 года с подчинением Астраханскому таможенному округу». С 1 сентября 1831 г. – в ведении Закавказского таможенного округа, 4 мая 1847 г. соединена с карантинной частью и преобразована в Бакинское карантинно-таможенное правление.

Согласно исследованиям Ф.А. Тагиева из занятий горожан в начале того века особое место занимает промысел судовщиков, связанный с мореходством, тесным образом переплетавшееся с торговой жизнью города. «В источнике 30-х годов XIX века отмечалось, что в Баку находилось в то время шесть судостроителей, строивших рос-

шивы, поднимавшие 50 халваров или 1200 пудов, и лодки. Сосновые доски, якоря, мачты, железные скобы для обивки и тому подобное привозились из Астрахани. Березин в начале 40-х годов писал, что постройка судна, поднимающего пять тысяч пудов, обходится в Баку в 2250 рублей серебром, «что для каспийского судоходства не дорого», т.е. объем морских перевозок между Баку и другими прикаспийскими портами окупал судостроение – пишет автор, уделивший особое внимание и профессионализму бакинских судостроителей. В середине 50-х г. XIX в. инженер генерал Санковский, предлагает «отправлять пароход, плававший по Куре, для ремонта в Баку, где более средств, искусных мастеров и рабочих». Баку в то время специализировался на постройке так называемых «бакинок», строившимися по большей части из старых шкоутов, от которых отличались только грузоподъемностью. Сами шкоуты строились в Астрахани на частных верфях. Таким образом, бакинские судостроители часто покупали старые суда у астраханцев, давая затем им вторую жизнь. Ф.А. Тагиев доказывает это, ссылаясь на предписании Ермолова начальнику Астраханского таможенного округа Тургеневу от 15 марта 1818 г., в котором в ответ на представление последнего с испрашиванием разрешения о том, имеют ли право бакинские жители покупать «коммерческие суда» у астраханских купцов, главнокомандующий ответил утвердительно: «само собою разумеется, что Бакинские жители, как... подданные Российской Империи, имеют полное право и приобретать покупкою купеческие суда» [3, с. 71].

Интересно, что в 30-е гг. XIX в. возникает некая угроза промыслу бакинских судовщиков со стороны иранских жителей, принявших российское подданство, и, занимавшихся данным видом деятельности в Астрахани. На это же время приходится первая попытка правительства России в организации пароходства на Каспии. В 1819 г. по Каспию ходят военно-почтовые пароходы, заходившие в числе других каспийских портов и в Баку. Находились они в распоряжении морского ведомства, которое, «употребляя все расходы на содержание команд и самое плавание» получало «и сборы с пассажиров». Наместник же занимался назначением пунктов плавания, а также «цен за провоз пассажиров и товаров». Почтовые пароходы были устроены «собственно для пассажиров, которых число бывает весьма небольшое, и то большею частью из простого класса людей, занимающих третьи места». Товары же нагружались «на особые баржах, буксируемых пароходами». И что интересно из писем наместника Воронцова следует, что, хотя расход на содержание пароходов превышает доход, но за то казна вознаграждается другим путем...таможенными доходами, которые по одной Астраханской таможне от учреждения пароходства удвоились». По мнению Ф.А. Тагиева, факт существования уже в 1823–1826 гг. между Баку и Астраханью пароходного сообщения подтверждает и другой источник. Некий профессор Эйхвальд, побывав в Баку в начале 1825 г., и спустя год написал, что пароходы плавают из Баку в Астрахань «весьма удобно в 6 дней» [3, с. 81]. Однако официально пароходное сообщение по Каспийскому морю открывается летом 1846 г. и служит уже более масштабным целям «облегчить политические и торговые сношения...с Азией», т.е. связать центральноазиатский регион морским путем с Россией. А Баку при этом немчался лишь как один из пунктов, куда пароходы заплывали.

Как пишет Ф.А. Тагиев, документы свидетельствуют о том, что в период русско-иранской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829 гг.) войн Баку являлся основным перевалочным пунктом для снабжения театра военных действий (морем от Астрахани до Баку, отсюда далее сухим путем) [3, с. 42].

Между тем, в то время Баку уже начинает утверждать себя как нефтяная столица мира, поскольку добыча нефти не велась нигде, кроме Апшеронского полуострова. После присоединения Баку к Российской империи в 1806 г. к России перешли и нефтяные промыслы региона. Согласно собранным в том же году сведениям количество добываемой в Баку черной нефти равнялось 3930 т в год, а белой – только 41 т в год. Из колодцев нефть черпалась бурдюками (сделанными из кожи каспийских тюленей), а затем поднималась ручным воротом (или с помощью лошади). Имелись даже первые нефтяные колодцы в море. В 1803 г. бакинский купец Касымбек соорудил два таких строения, расположенные на расстоянии 18 и 30 м от берега Биби-Эйбата, защищенные от воды срубом из плотно сколоченных досок. И хотя первая перевозка нефти наливом в цистерны на морских судах из Баку в Астрахань была осуществлена в 1873 г. астраханским купцом Н.И. Артемьевым (первая в мире акционерная вертикально-интегрированная компания в нефтяной промышленности «Бакинское нефтяное общество» была учреждена в 1874 г. и учредителями ее стали Петр Губонини и Василий Кокорев), однако, как следует выше, основы регулярного судоходства между городами были заложены много ранее.

Следует отметить, что интенсификация торгово-экономических отношений между Баку и Астраханью не могла не сказаться на переезде людей на постоянное место жительства из одного города в другой. Так, в своей книге Ф.А. Тагиев приводит весьма интересные данные о численности населения в Баку, по которой видно, что часть его жителей составляли переселенцы из Астрахани. Проясняя этносоциальную картину в изучаемое время, автор подчеркивает, что в основе определения этнической принадлежности в начале XIX в. лежал конфессиональный признак, когда азербайджанцы, коренные жители Баку, шли как мусульмане в связи с их вероисповеданием. Нередко на них переносился искаженный этнический признак: так, например, вначале азербайджанцев называли «персианами», а чуть позднее – «татарами». Одним из первых документов, где приводятся данные по народонаселению города, является рапорт директора Астраханской таможни Иванова генералу Тормасову от 25 июня 1809 г. и судя по нему, в Баку в тот период проживало: «в крепости – 905 семейств и 4570 душ об.п., из которых 861 семью и 4341 д.об.п. составляли «персияне», т.е. азербайджанцы, 34 семьи и 163 д.об.п. – армяне и 10 семейств и 66 д.об.п. – «жиды», т.е. иудеи (евреи); на форштадте – 87 семей и 437 д.об.п. азербайджанцев 159» [3, с. 26]. При этом, если говорить «о пришлое население (сюда включены также жители бакинских деревень, проживавшие в городе на тот или иной срок), то в рассматриваемый период их численность составляла: за 1816 г. – 4,1% от семейств города, за 1832 г. – 1,6 %, за 1849 г. – 2,6 %, за 1860 г. – 12,1 %. И это были выходцы из Кубы, Ширвана, Мугани, а как явствует из пере-

писей 1832 и 1849 годов, также и из Астрахани, Кизляра, Тифлиса, Турции (это касалось армян), Ордубада, Ирана, в том числе и Южного Азербайджана» [3, с. 27].

Кстати, о неточности используемого в XIX в. этнонима «персияне» и «татары» пишет также М.М. Имашева, исследующая в своих статьях вопрос о роли, которую играли азербайджанцы в деловой жизни Астрахани в то время [1; 2]. «Хотя общим этнонимом, употреблявшимся официальными властями для населения дворов был этноним «татары», к таковым их причислить сегодня можно лишь с большой долей условности. Исходя из названий дворов, мы видим, что этих «татар» скорее можно отнести к узбекам, персам (собственно иранцам и азербайджанцам), но никак не татарам в современном понимании этого слова. Практически такая же ситуация связана и с употреблением этнонима «персияне». Относительно торговцев-мусульман, исповедовавших ислам шиитского направления и проживавших изначально в провинциях, принадлежавших Персии, исследователь пишет: «На самом деле, большинство «иранцев» и «персиян» XIX в., торговавших в Астрахани – это азербайджанцы». И выявить ошибку помогает анализ «мест приписки» этих, так называемых, «персиян», практически все из которых происходили из азербайджанских провинций и городов и записаны в ведомостях казенной палаты как ленкоранские, шемахинские, бакинские, шекинские и т.д.

Согласно приведенным в работе архивным материалам в течение 1824 г. из Персии в Астрахань прибыли 124 купца с товарами, 84 (68 %) из них были «персиянами», 23 (18,5 %) армянами, 8 (6,5 %) русскими, 8 (6,5 %) хивинцами, 1 (0,5 %) туркменами. Самое большое количество «персиян» прибыло из Ленкорани (20 купцов), Тавриза (12), Мазендарана (11), Лангарута (10), Казвина (7). 6 персиян были зарегистрированы, как астраханские, 6 как бакинские, по 3 как ширванские и ардебильские, 1 купец был из Шемахи. «То есть, практически все они никакими «персиянами» не были, а являлись азербайджанцами» – констатирует М.М. Имашева, добавляя, что в 1825 г. в торговле через Астрахань приняли участие 355 персиян (90 % из них происходили из городов современного Азербайджана) [1, с. 311–319; 2, с. 36–39].

Благодаря удобному и близкому пути через Каспийское море число пребывающих для торговли в Астрахань азербайджанских купцов увеличивалось с каждым годом. Так, 29 апреля 1801 г. Седлистовская карантинная контора сообщила о прибытии из Баку 56 купцов, из которых 33 прибыли из разных провинций и городов Ирана – Мазендарана, Ардебилы, Казвина, Тавриза, Энзели, Гиляна и т.д. В июле 1803 г. из Баку в Астрахань прибыло 175 купцов.

И здесь прослеживается интересная мысль о бывшем названии нынешнего Джалилабадского района Республики Азербайджана, которая примерно до середины XX в. фиксировалась в официальных документах как Астрахан-базарский район, что следует понимать, как место, где совершалась торговля товарами, привезенными из Астрахани. И тот факт, что Джалилабадский район граничит с Ленкоранским, купцы из которого еще в XIX в. плавали в Астрахань, подтверждает эту мысль.

Видимо торговля между городами шла довольно успешно и лидерство в ней заняли именно азербайджанские купцы. Так, в статье «Азербайджанское купечество в структуре мусульманского предпринимательства города Астрахани в I половине XIX века» приводится ссылка на исследователя Каспия Г.С. Карелина, который писал в 1836 году, что вся Каспийская торговля сосредоточена в руках персиян. Астраханское же купечество, излишне консервативное и в настоящем составе своем вовсе не способно осуществлять на берегах Каспийского моря торговлю, и пользоваться всеми ее преимуществами.

Согласно выдержке, из «Коммерческая газета» от 1835 г., «главнейшими по значимости оборотов» купцами, производившими внешнюю торговлю при Астраханском порте, были названы астраханский 1 гильдии купец Мир Абуталип Мир Багиров, который «также есть из числа первых судохозяев», бакинский персиянин, и санкт-петербургский 1 гильдии купец Аджи Сеид Казим, ленкоранские персияне Мамады Джафар Ходадатов и Молла Асер, а также бакинский персиянин Мамед Багир Аджи Рагимов.

И хотя Г.С. Карелин и назвал астраханских купцов неискусными в торговле, но так ли были простоваты деловые люди Астрахани? Этого не скажешь, судя по тому, каких успехов в Азербайджане удалось добиться выходцу из небогатой астраханской семьи, переехавшему в Баку на волне «нефтяного бума» и разбогатевшему на добыче нефти, Дмитрию Митрофанову. Митрофановский особняк и поныне стоит в одном из красивейших мест города Баку возле сада имени Мирза Фатали Ахундова. Одно из самых крупных строений конца XIX в., раскинувшееся на целый квартал, возводилось с 1898- по 1902 гг., и богато лепниной, вырезанной из цельного куска известняка. Согласно данным, полученным из Союза Архитекторов Азербайджана, автором проекта дома мог быть видный бакинский архитектор немецкого происхождения И.В. Эдель, а строителями могли выступить известные в старом городе подрядчики – братья Касумовы.

К сожалению, сведений о Дмитрии Митрофанове сохранилось не так много. Известно лишь, что он любил путешествовать и во время его отъездов делами предприятия руководил партнер Моисей Михайлов, с которым он совместно и возвел этот дом. Дмитрий Митрофанов эмигрировал из России еще до революции, а Моисей Михайлов после советизации из нефтепромышленника был «разжалован» до рядового прораба, а потом и вовсе понижен до промыслового рабочего. В 1918 г. в Митрофановском особняке обосновалось правительство печально известной Бакинской Коммуны, а после установления в том же году Азербайджанской Демократической Республики и вплоть до 1920 г., в одном из крыльев роскошного апартаментов размещалась дипломатическая миссия Франции. Позже дом был заселен жильцами.

Подведем итоги. Азербайджанские купцы в Астрахани, астраханские деловые люди в Баку. Все эти люди, возможно сами того не зная, формировали нити дружбы между городами, плели их историю, которая сегодня и держится на прочном фундаменте доверия и уважения.

Список литературы

1. Имашева М. М. Азербайджанское купечество в структуре мусульманского предпринимательства города Астрахани в первой половине XIX века / М. М. Имашева // Труды Института истории НАНА. Т. 44–47. – Баку, 2013. – С. 311–319.
2. Имашева М. М. Участие азербайджанского купечества во внутренней и внешней торговле Астраханской губернии в I половине XIX века / М. М. Имашева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 4 (41). – С. 36–44.
3. Тагиев Ф.А. История города Баку в первой половине XIX века (1806–1859) / Ф. А. Тагиев. – Баку : Элм, 1999.

ПИСАТЕЛЬ-КРАЕВЕД АЛЕКСАНДР МАРКОВ – ЖИВАЯ ЛЕГЕНДА АСТРАХАНСКОГО КРАЯ

Немировская Дина Леонидовна,

*член Союза писателей России, член Международной Федерации русскоязычных писателей,
педагог дополнительного образования МБОУ «СОШ № 55», г. Астрахань*

Есть в Астрахани писатель, благодаря которому оживают страницы истории. В палящий летний зной, в дождливую слякоть, под порывами январского ветра его можно встретить направляющимся в Государственный архив Астраханской области или в Областную научную библиотеку, где он буквально по крупицам собирает историю нашего края. Известный астраханский писатель-краевед, журналист, почётный гражданин Астрахани Александр Марков написал более тридцати книг, некоторые из них ещё не изданы. Его вклад в развитие краеведения огромен. Книги писателя, изданные и переизданные в Москве, Волгограде и Астрахани, не пылятся на магазинных полках, не залеживаются на книжных развалах, зачастую спустя несколько лет после выхода в свет, становясь библиографической редкостью, поскольку о чём бы ни писал автор, будь то восстания под предводительством Степана Разина или Емельяна Пугачёва, сложный жизненный путь русского историка Василия Татищева или новые факты из жизни в Астрахани польской авантюристки Марины Мнишек, герои его книг под пером художника воскресают, беседуя с читателем со страниц вдохновенно и страстно.

Не будет преувеличением сказать, что не найдётся, пожалуй, в нашем городе ни одной семьи, в которой бы на книжной полке не стояла хотя бы одна из книг Александра Маркова. «Поистине книги Маркова – словно машины времени – переносят нас в удивительно достоверный живой мир, осенённый памятью и историей одновременно. Стремление писателя не удивить, а убедить, придаёт его книгам особую притягательность, скромность и простоту языка, меткость сравнений. Всё это служит одной цели – учит нас хранить Память, чувствовать причастность к славным делам предков, гордиться этим, соизмеряя их дела меркой сегодняшнего дня, – писал о Маркове в газете «Комсомолец Каспия» Ю. Самарский. В уникальном рукописном альбоме, хранящем сведения о родословной писателя, об истории родного села Марфино, где Александр Сергеевич родился 6 сентября 1931 г., сопровождаемые графическими портретами предков и зарисовками сельских строений, записи о его детстве, проведённом в краю, природа которого будила воображение впечатлительного мальчика: «С террасы дома открывался прекрасный вид на всю южную часть села и на дальние окрестности. На востоке, на самой вершине бугра красовалась небольшая деревянная церковка с изящной колоколенкой. Особенно впечатляла она вечером, когда заходящее солнце посылало на неё огненные лучи, и она казалась зажжённой кем-то свечой. Внутри она была необычайно уютна. Мерцание паникадил, запах топлёного воска и ладана настраивали на какой-то торжественный, праздничный лад. На стенах её были неплохие росписи, которые я любил разглядывать, когда мама приносила меня на руках в церковь. Она не была религиозной, но по праздникам в силу привычки в церковь ходила и обязательно брала меня с собой. Может быть, она надеялась на какое-то чудо, что её горячая молитва дойдёт до Бога и я стану ходить...» [2, с. 28].

С детства, после тяжёлой болезни писатель может передвигаться лишь на коляске. Однако он, человек волевой и мужественный, с юношеских лет ведёт активный творческий образ жизни – пожалуй, чаще других встречается с читателями, много путешествует, поскольку это необходимо для работы, отыскивая исторические сведения в архивах страны. В детстве Александр мечтал стать художником. После возвращения с фронта отца, который взял с собой портрет бабушки, нарисованный мальчиком на тонкой бумаге и во время обыска в концлагере чуть было не изъятый немецким офицером, семья Марковых переехала на жительство в посёлок Кировский, где Александр закончил среднюю школу. Художественного училища в Астрахани тогда ещё не было, и Марков в 1957 г. заканчивает историческое отделение историко-филологического факультета педагогического института. Темой его дипломной работы стало Астраханское городское антифеодальное восстание 1705–1706 гг. Юноша делал работу на архивных материалах. Работая в городском архиве, он познакомился с Николаем Афанасьевичем Рюминым, участником гражданской войны, создававшим вместе с большевиком Георгием Михайловичем Непряхиным первые пролетарские литературные кружки в нашем городе. Узнав, что Марковым выявлено множество неизвестных ранее документов, Рюмин предложил ему написать совместную историческую повесть. Такова история создания первой повести «Восставший город», вышедшей в 1962 г. в издательстве «Волга», где показаны характеры народных вожаков Якова Носова, Ивана Шелудяка, Степана Москвитина. [3, с. 2]. После окончания института Марков преподавал историю в школе рабочей молодёжи, одновременно со дня основания газеты «Комсомолец Каспия» сотрудничая в ней художником-ретушёром, пробуя перо и публикуя наравне с рисунками ряд очерков о рыбаках, строителях, борьбе с браконьерами. Как историк, он нашёл себя чуть позже, чему способствовала успешная преподавательская деятельность в течение двадцати одного года (Александр Сергеевич Марков – Заслуженный учитель школ Российской Федерации) и бесконечная кропотливая архивно-исследовательская работа.

Выход к читателю первой самостоятельной книги-сборника исторических рассказов «Мозаика» – относится к 1965 г. В нём автор с гордостью рассказывает о выдающихся людях, в разное время побывавших на астраханской земле. Очерк «Здесь быть граду Астрахани» посвящен первому воеводе нашего города Ивану Черемисинову и началу строительства каменного Кремля. С периода работы над этим сборником можно говорить о рождении писателя-историка и краеведа – Александра Маркова, нашедшего во время архивной работы так много неожиданно интересного материала, что тяга к истории взяла верх над всеми прочими увлечениями. В повести «Тайный советник» (1968) о первом историке России, астраханском губернаторе Василии Никитиче Татищеве, о котором ещё Пушкин писал: «Татищев жил совершенным философом и имел особенный образ мысли», Марков, как художник слова, раскрылся полнее. Его Татищев говорит с читателем языком современным, понятным. Автору пришлось немало потрудиться над страницами документов, написанных давно устаревшим стилем. 1970 год стал для писателя плодотворным. В этом году вышли сразу две его книги, одной из них стала книга исторических очерков «Ульяновы в Астрахани», выход которой был отмечен в журнале «В мире книг» (№ 10, 1970) в статье М. Непряхина «Домик на Косе». А в июле этого года состоялось сразу три долгожданных встречи в Москве, куда Марков поехал, чтобы побывать в Государственном историческом музее, в Центральной государственной библиотеке, в Центральном государственном архиве древних актов и во многих других библиотеках и книгохранилищах. «Зачастую в столице материала об истории нашего края куда больше, чем в Астрахани», – сетовал писатель позже, описывая эти встречи в очерке «Три встречи одного месяца». Именно тогда состоялась встреча с Мариэттой Шагинян, автором романа «Семья Ульяновых», в которой Маркова восхищало «умение вдохнуть жизнь в факты, добытые кропотливыми поисками в архивах, придать им яркость и образность». Эти качества свойственны и самому Александру Сергеевичу – внимание к деталям, умение за частным видеть общее целое, исследовать явления жизни в их сложной взаимосвязи, философски осмысливая действительность. Две другие встречи состоялись с Владимиром Солоухиным, которого Марков просил поспособствовать в защите церкви Николы Гостиного, в здании которой располагался бывший Астраханский государственный архив и Василием Макаровичем Шукшиным, пожелавшим встретиться с астраханским краеведом здесь, на месте – обоим живо интересовала разинская тема. Все эти встречи в дальнейшем описаны в очерках Маркова, которому удалось сделать графические зарисовки к каждой из них. «Ни из одного учебника истории не почерпнёшь столько разнообразных и интереснейших сведений, как из книги Маркова «Были Астраханского края», издававшейся дважды – в 1971 и 1976 гг. Именно из этой книги многие узнали, что некогда на месте села Селитренное Харабалинского района находился один из крупнейших городов Золотой Орды – Сарай-Бату, что в селе Началово и в городе Астрахани около трёх лет проживал великий русский полководец Суворов. До выхода этой книги в свет даже коренные жители Астрахани не знали о многих событиях, связанных с их родным краем, либо имели о них смутное представление. В восемнадцати очерках, расположенных в хронологическом порядке, в популярной форме рассказано об интересных фактах, связанных с историей области». [4, с. 233].

Следом вышла книга «Революционные были» (1978) – очерки о событиях, связанных с установлением Советской власти в Астраханском крае, в центре каждого из которых – героическая судьба человека. Воскресить подвиг героев автору помогли забытые архивные документы, редкие фотографии, беседы с непосредственными участниками героических событий, их воспоминания, дневники, письма. Вошедшие в книгу очерки рассказывают об астраханском агенте ленинской «Искры» Лидии Михайловне Книпович и её товарищах, об астраханских революционерах А.Е. Трусове и М.Л. Аристове, об одном из двадцати шести бакинских комиссаров астраханце Г.К. Петрове, о рядовых революции. С позиций некоторых современных историков Октябрьская революция считается ненужной и преступной. Но люди, которые творили эту революцию, считали, что капиталистическое общество враждебно трудовому народу, видя источник бед в частной собственности, что и доказывает день сегодняшний. Идеалом этой искренней веры в победу истины были герои французской революции, на которых они равнялись в своих подвигах. Этим беззаветным борцам за свободу и посвящена книга Маркова. В 1960 году А.С. Марков был удостоен премии им. А.Е. Трусова, присуждённой Областной организацией Союза журналистов. Книга «По следам Разина» (1980 г.) пронизана памятью о народном заступнике, мятежном атамане Степане Тимофеевиче. Материалы истории рождают яркие ассоциации с сегодняшним днём, память и современность сплетены воедино. Всё встреченное привлекает пристальное внимание автора: редкая мореходная карта, случайно найденная рукопись старой, забытой кем-то на чердаке покинутого дома книги, подшивки газет более чем столетней давности. И всё, что бы ни привлекало исследователя в качестве справочного материала, прямо или косвенно касается Степана Разина. Автор описывает своё путешествие вниз по Бузану на катере, чтобы «выпытать у Бузана-реки то, что не вошло в книги и летопись о Разинском восстании». Именно по этому полноводному рукаву дельты Волги прошёл со своими казаками на Каспий, минуя Астрахань, Степан Разин в 1667 г. Открыты неизвестные страницы разинского восстания, даётся ряд конкретных уточнений его хода. В очерке «Вечная тема» Марков описал свои встречи с В.М. Шукшиным, неоднократно при работе над сценарием фильма «Я пришёл дать вам волю» советовавшегося с астраханским краеведом.

Для создания исторической повести «Поход в Персиду» (1982), где изображены перипетии Каспийского похода Петра, автору пришлось и самому проехать легендарным путем описываемых событий. Его маршрут включил и аул Тарки, что близ Махачкалы, и Дербент, и Баку. В книгу включена также повесть «Атаман Метёлка», посвященная трагической судьбе одного из сподвижников Емельяна Пугачёва, беглого астраханского колодника Григория Касьянова, пытавшегося поднять в низовьях Волги мятеж против крепостного ига. В 1986 году эти две повести и повесть «Тайный советник» выходят в Нижне-Волжском книжном издательстве под одной обложкой. Ко многим книгам А.С. Маркова можно применить слово «впервые». Часто сведения, о которых сообщает автор, являются подлинными открытиями. Так в книге «Забытые страницы» (1984), где за каждым очерком – многие месяцы поисков в книго-

хранилищах и архивах, – нечаянно попавшееся описание герба г. Красного Яра положило начало работе над забытыми и малоизвестными страницами из истории Великой крестьянской войны под предводительством Степана Разина. «Для Маркова история – это людские судьбы и характеры, бесчисленные необыкновенные происшествия, необычные подробности и факты, составляющие основу его книг» [1, с. 14].

Трудно переоценить значение книги «Найдено в Астрахани» для наших земляков. Изданная в 1988 году, она обращена к культурным ценностям Астраханского края – неизвестным рукописям, архивным документам, забытым библиотекам. С 1962 г. писатель начал коллекционировать книги, открытки, предметы старины, хранящие людскую память, которым Марков даёт вторую жизнь, открывает потрясающие судьбы, спасает поистине бесценные документы. Он – истинный патриот родного края, поскольку принёс в дар Астраханскому историко-архитектурному музею-заповеднику воистину бесценные сокровища – рукописный Синодник Успенского собора, начатый в 1626 г., Синодник Астраханского Вознесенского монастыря и Троицкого монастыря, охватывающие период жизни края и Астрахани за XVII–XVIII вв., рукопись Ключаревской летописи середины XIX в., рукописное Евангелие XVII в., сборник, где имеется стихотворный Псалтырь Симеона Полоцкого, изданный в 1680 г., Хронограф рукописный XVII в., рукописный сборник копий жалованных царских грамот Троицкому монастырю, челобитные монастырских служителей и другие поистине бесценные документы, собранные в течение десятков лет. Содержание этих документов даёт богатое представление о жизни астраханского духовенства, посадских стрельцов и ловецкого населения края. Историко-документальную ценность представляет и книга «Реестр открывает тайны», вышедшая в Волгограде в 1989 г. Исследователь старины не пропускает ни одного знаменательного события, происходящего в нашем крае. Очень интересен очерк «Марево над буграми» о случайно вскрытом при раскопках захоронении сарматского вождя близ села Косика Енотаевского района. В одном из очерков Марков рассказывает о коллекционировании икон. Каждая зарисовка представляет собой уникальную литературную или архивную находку по истории и культуре. В 1990 г. в московском издательстве «Росреставрация» вышла брошюра «Астрахань и Астраханская область», содержащая материалы к Своду памятников истории и культуры края. Написанная сочным художественным языком, она содержит ценные сведения о памятниках старины и современности Астраханского Кремля, которые писатель собирал годами. Автору удалось в небольшой по объёму книге сообщить самое ценное о нашем городе и области, о которых узнала, благодаря его исследованиям, вся страна. Как видим, не только прошлое волнует писателя. Не только были, но и боли Астраханского края тревожат его. «Если Волга умрёт, то моя жизнь потеряет всякий смысл», – такими словами определил отношение к реке-кормилице один из героев очерка А. С. Маркова «Вопреки здравому смыслу», опубликованного в сборнике публицистических очерков волгоградских и астраханских публицистов «Стоны Волги» в 1990 г. Писатель-публицист рассказывает о болевых проблемах Волги, стонущей под напором плотин, задыхающейся от ядовитых сбросов, производимых промышленными предприятиями. У Маркова Волга – боль, святой долг, не только физическое, но и нравственное здоровье нации. Он убеждён: ни Россия, ни Волга друг друга не переживут. «Чтобы лучше разобраться в сегодняшнем дне, надо глубже знать свою историю», – заявляет писатель.

В книге «Пётр Первый в Астрахани», выпущенной издательством «Форзац» в 1994 г., автор собрал всё, что объединяет Петра Великого и его государственный интерес к нашему древнему городу, южному форпосту России. До Маркова эта тема была бедно освещена в исторической литературе, поскольку почти не были исследованы связи Петра I с Востоком и его интерес к укреплению государства Российского на южных рубежах, в Астрахани. Великодержавный правитель представлен в книге Маркова не как проезжий путешественник, а как заинтересованный и властный хозяин. В издательстве «Форзац» в 1996 году выпущена книга «История Астрахани в событиях и фактах», содержащая новые сведения о жизни в Астрахани Ивана Заруцкого и Марины Мнишек, штрихи к временам В.Н. Татищева, о национально-патриотической деятельности «неугомонного корсара» грека Ивана Варвация, щедрость которого в от ношении к Астрахани была удивительна, о канале, связывающем Волгу с Кутумом, названном автором памятником гражданской доблести и справедливо именовавшемся Варна киевским Каналом, о нервом войсковом атамане В.Ф. Своркове, о жизни в Астрахани Марии Исаевой – жены Ф.М. Достоевского.

Особого внимания заслуживает очерк «Заговор, которого не было», отражающий события грозного 1919 г, при работе над которым автор впервые был допущен к ранее секретным документам астраханского архива КГБ. Марков опровергает рад неверных и неточных сведений, кочующих из издания в издание, которые подтверждает неопровержимыми документальными фактами. «Я буду рад, если хотя бы один из очерков заставит читателя сказать про себя: «Какие удивительные люди жили на этой земле. Хорошо, что мы узнали о них», – сказано автором в предисловии. К образу легендарного Ивана Андреевича Варвация Марков вернулся в книге «Варвакис», посвящённой греческому и русскому патриоту, для которого Астрахань была не менее дорога, чем далёкая Греция. Это повествование построено на чисто документальных фактах с множеством документальных иллюстраций. Собран материал будущей книги «Прошлое и настоящее», составленный из многолетних дневниковых записей. Вышла в свет и книга-альбом «Астрахань на старинных открытках», материал для неё был собран в соавторстве с краеведом Сергеем Львовым. В 2004 г. увидела свет книга историка и собирателя А. Маркова, самая дорогая и долгожданная для автора, который назвал её «Иконы, коллекции, открытия» и скромно именуется жанр, в котором книга написана, как «записки собирателя». С первых же строк книги читатель погружается в удивительную историю астраханских икон, чудотворных и особо чтимых, знакомится с именами земляков-иконописцев, открывает для себя мир искусных астраханских серебряников, создавших необыкновенной красоты серебряные оклады для ликов святых. В 2009 г. в типографии «Новая линия» была издана книга А.С. Маркова «Одна из рода Ахматовых». Эта книга – документальное повествование, в котором впервые показана жизнь замечательной астраханки Елизаветы Николаевны Ахматовой – извест-

ной писательницы, переводчицы, издательницы. В XIX в. её хорошо знали многие выдающиеся деятели русской литературы.

В рамках подготовки к празднованию 450-летия основания Астрахани в серии «Астраханская губернская библиотека» вышло в свет документальное повествование «Братья Сапожниковы» А.С. Маркова. Иллюстрированное документальное повествование «Братья Сапожниковы» впервые подробно прослеживает историю рыбопромышленной купеческой фирмы, которая была известна своей благотворительностью и торговыми оборотами не только в Поволжье, но и в Москве и Петербурге. Сапожниковы были людьми высокой культуры. Александр Петрович Сапожников обладал прекрасной коллекцией западноевропейской живописи, где имела работа кисти Леонардо да Винчи «Мадонна с цветком» («Мадонна Бенуа»), украшающая сейчас залы Эрмитажа. Сапожниковы дружили с многими русскими художниками, декабристами, встречались с учёным Карлом Бэр, поэтом Тарасом Шевченко. Александр Марков собрал уникальный материал о жизни знаменитого семейства и сопровождал его редчайшими иллюстрациями, что придаёт книге особую ценность. В книге – альбоме «Братья Сапожниковы» А.С. Марков впервые подробно прослеживает историю рыбопромышленной купеческой фирмы, которая была известна своей благотворительностью и торговыми оборотами не только в Поволжье, но и в Москве и Петербурге. Сапожниковы были людьми высокой культуры.

Были изданы книги А.С. Маркова «Краеведческие россыпи», куда вошли исторические очерки об интересных людях нашего края, а также «Жизнь и труды Александра Дмитриевского» – книга, посвящённая выдающемуся византисту и литургисту XIX – первой трети XX в. секретарю Императорского Православного Палестинского Общества А.А. Дмитриевскому. Алексей Дмитриевский жил на переломе двух эпох. Его судьба неразрывно связана с царской и советской Россией, с духовными учебными заведениями и первым Астраханским университетом, где он был проректором и некоторое время ректором. Список его трудов в разных областях гуманитарного знания настолько велик, что одно его прочтение займёт довольно внушительное время. Однако астраханцы мало знают о своём земляке, и именно для восполнения этого пробела и создана эта книга».

В альбоме А.С. Маркова «Надежда Папаян» (Астрахань, 2014) впервые представлены неизвестные ранее фотографии, театральные афиши, письма и вещи певицы. Данная книга-альбом ярко отражает творческий путь замечательной астраханки Надежды Амвросиевны Папаян, жизнь которой трагически оборвалась в родном городе в 1906 г. Надежда Папаян по праву заняла почётное место среди крупнейших представителей русской оперной сцены своего времени, какими являлись Фигнер, Тартаков, Яковлев, Давыдов, Шаляпин, Собинов, Мравина, Славина, Нежданова и др. Она пользовалась широкой известностью за границей и пела в лучших театрах Милана, Неаполя, Парижа, в концертных залах Лондона и в других городах Европы. В России Надежда Папаян была связана с оперными театрами Тифлиса и Петербурга (Мариинский театр). В альбоме «Рисунки писателя Александра Маркова» (Астрахань, 2014) читатель увидит церковь Николы Гостинного, здания бывшего Спасо-Преображенского монастыря, от которых сейчас осталась лишь башня XVII в. Нет и некоторых деревянных зданий оригинальной архитектуры, которые запечатлены только на рисунках. Страсть к рисованию проявилась у Александра Маркова в раннем детстве, но он не смог получить профессионального художественного образования. Значительное совершенствование в графике основывалось в основном на врожденном даровании. Вначале у него проявился талант художника, а уже позже писательский талант. Свои первые издания он оформлял сам. Он рисовал многих своих друзей, знакомых, родных и дарил им эти портреты. Также немало в частных коллекциях находится его графических видов родного Понизовья, городских пейзажей Астрахани. Художнику удалось повернуть время вспять, несмотря на то, что меняется облик города, уходят безвозвратно старинные дома. Александра Сергеевича интересует все новое, необычное и, поэтому, в путевых зарисовках много любопытного, исторического материала. В уникальной книге «Рисунки писателя Александра Маркова» представлен как автобиографический материал, так и исследовательский, где с точностью до деталей изображены люди, события, архитектура города. Материалы, которые мы можем найти в этой книге, представляют большой интерес. Во-первых, для многих автор открывается как превосходный художник, во-вторых, в путевых зарисовках краеведа достаточно любопытного исторического материала. В предисловии к его новой книге так и говорится: «Меняется облик города, уходят в небытие старинные дома, безвозвратно исчезает окружающая среда. Но художнику удалось повернуть время вспять». Действительно, сейчас уже не сохранились некоторые здания оригинальной архитектурной постройки, храмы и строения монастырей, теперь мы можем их увидеть только на редких архивных или музейных фотографиях, доступных не каждому. На рисунках же Александра Сергеевича Маркова многие ушедшие, разрушенные памятники архитектуры отражены. Определённый интерес представляют зарисовки, сделанные автором при раскопках в Успенском соборе в феврале – марте 1973 г., когда были вскрыты погребения астраханских иерархов и грузинских царей.

11 февраля 2016 г. писатель представил общественности книгу с метафоричным названием «Ускользающее время». «Более точного названия для этого издания трудно придумать. Писатель умеет остановить время, запечатлеть его с помощью кропотливых архивных изысканий, превращающихся в литературные интересные произведения. В издание вошли уникальные материалы, написанные с семидесятых по девяностые годы, среди них – воспоминания о встречах с интересными людьми, известными земляками. Отражена в книге история регионального союза писателей», – подчеркнул на творческой встрече, посвящённой выходу в свет нового издания Борис Свердлов. «У меня дневниковые записи и дальше продолжают, – говорит писатель, – кроме того, я намерен издавать и другие книги. Я никогда в своих книгах не повторяюсь. Этим интересна история – она настолько многопланова, в ней столько ещё неизвестного и наша астраханская история никогда не будет исчерпана до конца. Столько было людей в астраханском крае, столько они внесли нового в его жизнь – этому можно позавидовать». «Как бы стремительно ни ус-

кользало время, благодаря таким его Хранителям, как Александр Сергеевич Марков, отжившие страницы истории будут оживать вновь и вновь», – подвёл итог презентации книги литературовед Олег Севастьянов. В 2016 г. в честь 85-летнего юбилея Александр Сергеевич Марков был награждён знаком отличия «Честь и слава Астраханской области» – за успехи, достигнутые в многолетней плодотворной творческой и общественной деятельности, за высокий профессионализм, за вклад в сохранение историко-культурного наследия региона. В планах писателя, которым по праву может гордиться любой астраханец, столько живого и ценного материала, что впору в очередной раз подивиться доброй мудрости, неиссякаемому мужеству и трудолюбию этого человека, одарённого свыше усердием, редким даром исследователя и писателя, художника-графика и философа. Стоит ли говорить о том, с каким нетерпением ждут выхода его новых книг читатели в Астрахани и далеко за её пределами, все, кому безразличны история и судьба родного Отечества!

Список литературы

1. Куликова Н. Избранник Клио: [о работе писателя с фондами Государственного Архива Астраханской области в процессе создания книг] / Н. Куликова // Волга. – 2000. – 2 июня. – С. 14.
2. Немировская Д. Л. Летописец Астраханского края: Александр Сергеевич Марков / Д. Л. Немировская // На грани веков. – Астрахань, 2000. – С. 25–33.
3. Рюмшин Н. А. Восставший город: историческая повесть / Н. А. Рюмшин, А. С. Марков. – Астрахань : Волга, 1962. – С. 2.
4. Травушкин Н. С. На просторах истории: (Александр Марков) / Н. С. Травушкин // У Волги, у Каспия. – М., 1985. – С. 231–250.

ВЫВОЗ ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ ПЕРСИДСКИМ КУПЕЧЕСТВОМ ИЗ АСТРАХАНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Пирова Рена Низамиевна,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права,
ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», г. Махачкала*

В структуре российско-азиатской торговли через Астрахань на протяжении столетий персидское направление было ведущим. Купцы из персидских провинций ввозили и вывозили множество товаров в страны и регионы Прикаспия, завоевав к началу XIX в. лидирующие позиции.

Для молодой российской промышленности весьма актуален был привоз из азиатских стран шелкового и хлопчатобумажного сырья, а также полуфабрикатов из них, красильных и дубящих веществ. Среди вывозимых товаров лидировали мануфактурные товары, производившиеся на фабриках Центральной России и продукция железоделательных мануфактур. Российские власти всячески поощряли развитие этих отношений, создавая для персидского купечества режим наибольшего благоприятствования.

Уже с конца XVIII в. российские власти были очень озабочены тем обстоятельством, что ежегодно персы вывозили через Астраханский порт большое количество драгоценных металлов. Последние, (золото и серебро) вывозились в «звонкой монете», как российского так иностранного (европейского) производства. Таможенный чиновник в 1816 г. отмечал: «Азиатцы стараются преимущественно платить ассигнациями и медной монетой, но получать деньги только золотом и серебром, смотря по курсу, и потому монеты вывозятся за границу в немалом количестве» [6, л. 10].

Возрастающие из года в год объёмы вывоза драгоценных металлов в Азию очень беспокоили Петербург. Кроме того, российские дипломаты в Средней Азии и на Ближнем Востоке неоднократно сообщали о том, что вывезенные из России золото и серебро использовалось восточным купечеством для расчетов с европейскими (прежде всего английскими) торговцами мануфактурой в Стамбуле, тем самым укрепляя их позиции. Таким образом, даже не желая того, Россия пополняла казну своего главного соперника на азиатском рынке [1, л. 48].

Для России (в отличие от большинства стран с их четким и твердым обеспечением денежной единицы драгоценными металлами) на протяжении подавляющей части XVII–XIX вв. дело осложнялось крайним расстройством и замкнутостью ее денежной системы – ассигнационный, затем кредитный рубль, вексельный курс, отдельные курсы для бумажных денег (в том числе для кредитных билетов и ассигнаций), для монетного серебра, золота, меди; наконец, временами, порча монеты, неудержимая бумажная инфляция [14, с. 5].

Санкт-Петербург стремился не только к созданию положительного баланса в своей торговле со странами Азии, но и к закреплению своих геополитических амбиций в регионе. А самой главной стратегической экономической задачей для России в рассматриваемый период было обеспечение устойчивого рынка сбыта для своих товаров, и найти его она могла только в Азии. В этой ситуации нужно было найти очень тонкую грань в отношениях с персидским купечеством, чтобы сохранить, а по возможности и увеличить товарооборот, но вместе с тем, сократить или совсем прекратить вывоз драгоценных металлов. И причин этому было несколько.

Во-первых, до определенного времени сановные круги еще лелеяли надежду, что Россия сможет стать мировым посредником в осуществлении торговли между Азией и Европой и в связи с этим довольно терпимо относились к вывозу драгоценных металлов в виде монеты азиатским купечеством, в том числе и иранским. Но к началу XIX в. стало понятно, что мечты эти неосуществимы, огромные сухопутные пространства и сильные конкуренты (Англия, Франция) в азиатском регионе окончательно похоронили мечты о безусловном доминировании на азиатских рынках. Поэтому при отсутствии перспектив посредничества действительно теряло смысл стимулирования в этих целях роста торговых оборотов с зарубежной Азией путем вывоза драгоценных металлов.

Следствием этого стало постепенное понимание незначительности торговли с зарубежной Азией (в начале XIX в. она составляла не более 4 % от общего объема внешней торговли Российской империи). А препятствия к ее расширению крылись также в ограниченности товарной номенклатуры нашего отечественного экспорта. Это не одно столетие было проблемой в торговых связях с Востоком для куда более развитых промышленных стран, чем Россия. Даже на протяжении большей части XIX в. страны Азии предъявляли спрос в основном не на западные готовые изделия, а на драгоценные металлы. Азиатские, например, ткани были намного качественнее и дешевле чем европейские. Преодолеть эту ситуацию мог только промышленный переворот в России, но он серьезно запаздывал, как известно, по сравнению с европейскими странами [17, с. 169].

Во-вторых, в условиях активной внешней политики, которая была характерна для российского государства в XVIII–XIX вв., больших военно-политических амбиций, российское правительство постоянно испытывало нужду в средствах, денежная система была нестабильна. И на этом фоне естественно не хотелось допускать даже мысли о расплате звонкой монетой, хотя востребуемой восточными импортерами товарной массы просто не должно было хватить; а то, что российский потребитель в результате искусственно созданных ножниц цен переплачивал, власть не волновало [14, с. 37].

В этой ситуации Санкт-Петербург не мог не обратить внимание на астраханскую внешнюю торговлю, с целью сокращения, а в перспективе полного прекращения вывоза драгоценных металлов персидским купечеством из России через Астрахань. Но осуществить это оказалось не просто. Как мы видим из таблицы, операции осуществлялись на протяжении всей первой половины XIX в.

Таблица

Вывоз золотой и серебряной монеты из Астрахани в Персию в первой половине XIX в. [13, с. 178]

Год	Кол-во, шт.	Цена	Год	Кол-во, шт.	Цена
1802	56057	158683	1833	–	43486
1808	57218	–	1834	–	31405
1813	–	143474	1835	–	73310
1825	35021	349648	1836	–	1764
1826	34475	352329	1842	40030	5981
1827	–	335911	1843	452	601
1829	–	179240	1847	–	79708
1830	–	138201	1848	–	148901
1831	–	236692	1849	–	86227
1832	–	34110	1850	–	59717

Максимальные показатели вывоза драгоценных металлов в монетном эквиваленте через Астрахань относятся к 1825–1827 гг. После чего они сокращаются практически в два раза, достигнув уровня начала века. На 1831 г. приходится новый взлет, что, несомненно, связано с законодательной инициативой по этому вопросу российского правительства, но в 1832 г. сокращается в 7 раз и постепенно убывает, пока в 1843 г. не достигает минимального показателя в 601 руб. Новый скачок вывоза приходится на 1848 г., и, если учесть, что в 1840-е гг. оценка стоимости идет уже в рублях серебром, а не в рублях ассигнациями, достигает наивысшего показателя за половину века. В 1849–1850 гг. вывоз монеты, по сравнению с 1848 г. сокращается, но все же остается на достаточно высоком уровне вывоза 1820-х гг.

Одна из причин, по которой вывоз драгоценных металлов в виде монет оставался одной из статей торговых оборотов астраханско-иранской торговли в первой половине XIX в., несмотря на политику государства, направленную на ее прекращение, кроется в запутанной законодательной базе. Создается впечатление, что российские сановники, руководившие внешнеторговыми отношениями, боялись очень резких решений в отношении обозначенной проблемы.

Указ Павла I 23 декабря 1798 г. вывоз золотой и серебряной монеты разрешил [5, л. 1], и обусловлено это было попыткой привлечь азиатских купцов на свою сторону, обеспечив тем самым, определенный плацдарм для наступления на английские владения в Азии. Ни Александр I, ни Николай I этот указ не отменили, несмотря на то, что полностью отрицали политику своего отца. И это был главный законодательный акт, который регулировал подобные операции на протяжении всего рассматриваемого периода.

Но, Департамент внешней торговли, время от времени направлял астраханским губернатору и начальнику таможенного округа предписания о запрещении вывоза «звонкой» монеты» через Астраханскую таможню. Вывоз монеты, неизменно влекущий за собой «возвышение курса на звонкую монету», передавался под контроль таможни 16 апреля 1809 г., 27 декабря 1811 г., Таможенным Уставом 1817 г. и 25 июня 1824 г., «под опасением за пропуск оной взыскания с виновных по закону» [8, л. 1; 9, лл. 5–9; 10, л. 1; 11, л. 1; 7, л. 1].

Но, как мы уже видели из таблицы, особо ощутимого результата, эти предписания не имели, вывоз оставался неизменным. А после сенатского указа 4 октября 1830 г. [15], когда был разрешен вывоз за границу бесплатно золотой, серебряной и платиновой монеты российского чекана всем проезжающим по всем таможням Европейской и Азиатской границ, даже усилился.

В указе значилось, что «главной побудительной причиной» принятия данного акта было названо попечение о нуждах российской торговли. Правительство вынуждено было внять многочисленным просьбам российских купцов, которым было выгодно расплачиваться «звонкой монетой». Серебряные и золотые деньги охотнее принимались и на них можно было приобрести больше товаров, чем на бумажные, мало привлекавшие восточных купцов [14, с. 37].

10 сентября 1831 г. было разрешено вывозить по Азиатской границе беспоплинно и монету иностранного чекана [15]. В июне 1848 г. вывоз монеты «для ограждения пользы торговли и промышленности» был временно запрещен. Но, с 1 декабря 1849 г., вывоз был вновь разрешен [16].

В 1840-е гг. во властных структурах Российской империи к вывозу валюты сформировалось отношение скорее, как к необходимости. Министерство финансов всерьез опасалось, что запретительные меры могут в дальнейшем замедлить процесс продвижения отечественных товаров на азиатские рынки. При принятии экономических решений в это время к тому же руководствовались, прежде всего, политическими задачами, государственными интересами, не всегда совпадавшими с соображениями коммерческой выгоды. А Россия готовилась и дальше расширять свои границы на Востоке [17, с. 320].

В 1830–1840-е гг. Россия порой оставалась единственным государством, откуда азиатские государства, прежде всего Иран, могли вывозить золото и серебро. Ю.А. Гагемейстер, специалист в области торгово-экономических связей России со странами Востока, категорично писал, что «Персия не имеет другого источника драгоценных металлов» [12, с. 369]. По словам русского путешественника, в 1840-е гг. «... в Тебризе находилось в обращении множество русских целковых» [3, с. 67].

Российские деньги из драгоценных металлов в 30–40-е гг. XIX в. играли значительную роль в экономике Персии. В некоторые годы они выступали в качестве основного средства, предохранявшего иранскую денежно-финансовую систему от окончательного развала. Со времени царствования в Иране Фетх-Али-Шаха (1797–1834 гг.), по наблюдениям русского путешественника Л.Ф. Богданова, «...начинается страшная путаница в монетной системе, ибо каждый город, нередко деревня чеканит серебряную монету какого хочет веса и прилагает к этой монете название кран. Кроме такого легального способа поддержания денежного обращения существовал и нелегальный. «К этому же времени (т.е. к 1830-м гг.), – писал Богданов, – относится появление большого количества фальшивых монет. Частью ее ...чеканили частные лица, нередко же в минуты финансового затруднения к этой мере прибегало само правительство» [4, с. 96]. Такое положение существовало в Иране до 1877 г.

Интерес персидских купцов к русскому золоту объясняется еще и тем, что «монетный бизнес» был чрезвычайно выгоден. По свидетельству консула в Гиляне, российские деньги в Реште и других городах провинции выступали как «предмет внутренней торговли, товар, который сбывается с 20 и 25 % барыша» [18, с. 131]. В одном из консульских документов, рассматривающем проблему «русских денег», ввозимых в Персию отмечалось: «Выгодою с промной денег пользуются здесь (в Тебризе) не одни наши подданные, но и персидские серрафы (менялы) и негоцианты, которые скопляют у себя в дешевое время и продают их в то время, когда на них увеличивается цена» [2, л. 60об.].

В результате, мы можем констатировать, что вывоз драгоценных металлов в виде монет российской и иностранной чеканки в первой половине XIX века стал для персидского купечества, торговавшего с Российской империей через Астрахань, одной из важных статей коммерческих операций. Российское правительство, несмотря на попытки прекращения этого вывоза, не смогло законодательными мерами его прекратить. Сама российская «звонкая монета» в Иране использовалась и в своем непосредственном значении, а также способствовала финансовой стабилизации в этой стране в 1830–1840-е гг.

Список литературы

1. Архив внешней политики России (далее – АВПР). – Главный архив I-9. – Оп. 8. – Д. 14.
2. АВПР. – Ф. Миссия в Персии. – Оп. 528а. – Д. 337.
3. Березин И. Путешествие по Северной Персии / И. Березин. – Казань, 1852.
4. Богданов Л. Ф. Персия в географическом, религиозном, бытовом, торгово-промышленном и административном отношении / Л. Ф. Богданов. – СПб., 1909.
5. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1745.
6. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 10. – Д. 437.
7. ГААО. – Ф. 1. – Оп. 10. – Д. 561.
8. ГААО. – Ф. 681. – Оп. 1. – Д. 2015.
9. ГААО. – Ф. 681. – Оп. 1. – Д. 3115.
10. ГААО. – Ф. 681. – Оп. 1. – Д. 3120.
11. ГААО. – Ф. 681. – Оп. 1. – Д. 3129.
12. Журнал МВД. – 1845. – Ч. 10.
13. Имашева М. М. Вопросы русско-азиатской торговли через Астрахань в первой половине XIX века / М. М. Имашева. – Саратов, 2010.
14. Петров А. М. Российская империя и внешняя торговля зарубежной Азии / А. М. Петров // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией : сб. ст. / под ред. А. М. Петрова. – М. : Восточная литература, 2000. – С. 5–62.
15. ПСЗ РИ-II. – Т. 6. – № 4791.
16. ПСЗ РИ-II. – Т. 24. – № 23639.
17. Рожкова М. К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во II четверти XIX в. и русская буржуазия / М. К. Рожкова. – М. – Л., 1949.
18. Русско-иранская торговля в 30–50-е гг. XIX в. Сборник документов. – М., 1984.

РУССКИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ НА ТЮБ-КАРАГАНЕ. ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Покатилов Александр Валерьевич,

член Союза журналистов Казахстана, главный редактор информационного агентства "Inforole",
обозреватель международного информационно-аналитического журнала «Вектор Каспия»,
Республика Казахстан

Начало русского освоения Мангышлака. Тюленьи острова в Каспийском море, и именно на них в 1667–1668 гг. находилось фактически первое русское поселение в этих краях – база, натуральное пиратское логово мятежных казаков Степана Разина, и там достигнутых в итоге стрельцами.

Позже на островах, а может и на побережье, не раз бывали охотники за тюленем, а первая попытка экспансии случилась в 1716 г., когда русские военные основали на пустынном берегу Крепость Святого Петра, прикрывавшую тылы военного похода А. Бековича-Черкасского, в итоге сгинувшего в Хивинском ханстве.

В те времена выбирались наиболее оптимальные маршруты и способы сообщения, которые были особо важны для наиболее быстрого и удобного продвижения войск к границам Хивы и других среднеазиатских государств и для строительства русских крепостей по ходу продвижения русских войск.

Дерзкий проект Петра. Россия издавна стремилась установить торговые связи со странами Востока. Еще Петр I хотел найти пути в Индию через Хиву, Бухару, Персию, соединить Амударью с Каспийским морем, охватить военными укреплениями восточное побережье Каспийского моря, важного для торговли и распространения влияния России на Персию и Северный Кавказ. Он намеревался создать торговые компании в прикаспийских странах с центром в Астрахани.

К одним из ближайших помощников Петра I относится и Александр Бекович-Черкасский (родственник кабардинских князей Черкасских), прочно вошедший в историю русской и мировой картографии, как автор первой научной карты Каспийского моря. Именно он сыграл немаловажную роль в освоении мангышлакских земель.

Петр I располагал информацией, что прикаспийские страны богаты различными полезными ископаемыми. Знал он и о золотых россыпях на реке Амударье. Петр намеревался сделать Россию посредницей в торговых делах между Востоком и Европой.

Царь Петр поручил А. Бековичу-Черкасскому выполнение дерзкого проекта. 18 апреля 1715 г. началась первая морская экспедиция, вышедшая в Каспийское море на 20 бригантинах. 4 сентября 1716 года началась вторая морская экспедиция, целью которой стала закладка крепостей на Каспии. Бекович-Черкасский заложил три укрепления на Каспии, в том числе у Гызылсу. Первой была заложена крепость на мысе Тюб-Караган, названная крепостью «Святого Петра». Затем экспедиция прошла на 120 км на юг, достигла залива, названного «Александр-бай» в честь Черкасского. Здесь заложили крепость Александровскую. 20 октября 1716 г. прибыли к Красноводскому заливу и там «зачали крепость».

Восточное побережье Каспия и, в частности, Мангышлак, еще с 1820 г. рассматривались как возможный транзитный пункт из России в Хиву и в Бухару. Кавказский наместник генерал Ермолов считал важным постройку в районе Мангышлака крепости с удобной бухтой, считая, что «со временем к этой пристани «обратятся» бухарские караваны, идущие через Хивинское ханство. Таким образом, наполовину сократится дорога до Астрахани, и ликвидируется угроза нападений, от которых «иногда погибают целые караваны».

В 1834 г. появилась Новоалександровская крепость на мелководном заливе Мёртвый Култук, но местоположение её было, мягко говоря, не слишком удачным.

После долгих перипетий с выбором места и неудачным строительством ряда крепостей на восточном берегу Каспийского моря, в 1846 г. на Мангышлаке, на мысе Тюб-Караган, было основано Новопетровское укрепление. Затем появилась Александровская слобода. В 1857 г. укрепление было повышено в статусе и переименовано в Форт-Александровск. Центром городка оставалась крепость на горе Курган-Тас, где была православная церковь; у подножья стояли мечеть и армянский храм. К Форту прилагался порт, возникшая на год позже него Никольская станица, до середины XX в. остававшаяся единственными воротами во внешний мир.

В 1868 г. было учреждено Мангышлакское приставство (с 1881 г. – уезд), и Форт, за отсутствием других городов, сделался его центром, крошечным военным поселением на краю жившей своей жизнью пустыни. Лишь в 1899 г. он получил статус города, и представлял собой тогда весьма странную сущность. Жило здесь около 900 чел., из которых 20 % составляли русские, 10 % – поляки и литовцы (попавшие туда, как и Т.Г. Шевченко, на службу, фактически бывшую разновидностью ссылки), 20 % – казахи, а крупнейшей общиной, около 1/3 населения, оставались и вовсе туркмены, ведь Мангышлакский уезд входил в Закаспийскую область с центром в Ашхабаде.

Астраханцы – современники Тараса Шевченко. В 1850 г. за нарушение режима в Новопетровское Укрепление переводят поэта, художника Тараса Шевченко. Новопетровское укрепление тогда уже представляло собой крепость с тремя оборонными башнями, 26 орудиями, 6 мортирами, гарнизоном из 723 чел. При крепости состояли 2 морских с палубами косовых судна для сообщения с Астраханью и Гурьевом. Связь укрепления с внешним миром осуществлялось только морским путём в период навигации. Астрахань являлась основным пунктом сообщения с центром России и источником снабжения укрепления. Немало выходцев из Астрахани составляли его военное и гражданское население.

Как известно, одним из главных богатств Каспийского моря, безусловно, является рыба. И по побережью, в том числе и на Мангышлаке, издавна люди занимались рыболовством. Но документально зафиксированная история

рыболовства началась на восточном берегу Каспия в первой половине XVII в., когда астраханский рыбопромышленник Гурий Назаров получил разрешение от московского правителя на использование рыболовных угодий рек Яика и Эмбы. С этого времени началось освоение восточно-каспийских рыбных промыслов.

В то время в крепости была расквартирована Астраханская подвижная инвалидная команда. Священником местной Петропавловской войсковой церкви был выпускник Астраханской духовной семинарии, происходивший из астраханского духовенства Никанор Ильич Малиновский, жена которого Анна Ивановна являлась дочерью настоятеля Астраханского Успенского кафедрального собора протоиерея Иоанна Павлинова. Здесь же проживала семья поверенного Астраханского акцизного управления Константина Николаевича Зигмунтовского.

У западных стен крепости под горой раскинулась торговая слобода из семей астраханских армян и, располагался местный базар. Неоднократно приставал к берегам Мангышлака астраханский пароход «Тарки», осуществлявший почтовое сообщение вдоль Восточного Каспия, команду которого возглавлял капитан-лейтенант Николай Николаевич Машин.

Бюст в честь героев. Именно здесь, в 1893 г., около крепости на скале, торжественно был установлен чугунный бюст императора Александра II.

В ижевском госархиве (ЦГАУР) хранится «Дело об изготовлении для форта Александровского Закаспийской области обелиска в честь героев Хивинского похода 1873 года». 27 сентября 1891 г. в главную контору Воткинского завода пришло письмо от ст. врача Александровского лазарета И.И. Одаховского, участника Хивинского похода, с просьбой изготовить чугунную доску, на которой бы «красовались фамилии героев Хивинского похода и, таковая была помещена возле часовни».

Горный начальник Камско-Воткинских заводов поручает сделать проект обелиска. Этот проект посылают Одаховскому на ознакомление, после чего тот пишет: «План памятника прелестный, изящный и в нем не остаётся ничего прибавить, не убавить, а только любоваться и удивляться, что ваш Воткинский завод дошёл до совершенства, где может конкурировать с заграничными заводами».

Проект состоял из четырехгранного обелиска и бюста императора Александра II. 11 ноября 1892 г. главный штаб уведомил Одаховского об одобрении императором Александром III проекта памятника. По высочайшему указанию Одаховский написал следующие строки:

*Поход Хивинский совершили
Со славой, честью и трудом
Врага, природу победили
Борьбой, оружием и крестом
Так пусть гремит всегда ура
За веру, Русь и за Царя.*

Вес чугунного памятника получился 46 пудов 35 фунтов (764 кг). Отправили его пароходством У.С. Курбатова с Устьреченской пристани в Казань, оттуда в форт Александровский.

Ныне на горе Коргантас, на месте обелиска героям Хивинского похода, установлен мемориальный памятник Досану Тажиеву и Исе Тленбаеву, предводителям национально-освободительного восстания 1869–1870 гг.

Памятник императору Александру II, на котором высечены имена участников Хивинского похода 1870 г., после революции был разобран. Бюст царя сняли с постамента.

Постамент стоял на старом месте где-то до 1970-х гг., затем был помещён на территорию одной из воинских частей, а ныне выставлен в городском мемориальном парке.

Бюст Александру II нашёлся в запаснике местного краеведческого музея, правда находится он сегодня в не лучшем состоянии. В разные годы пролежал он и на дне Каспийского моря, какое-то время был зарыт в земле, его прятали в колодце у армянской часовни в Форт-Шевченко. Бюст российскому царю хотели намеренно уничтожить. С приходом советской власти в борьбе с царизмом, ратуя за историческую справедливость, местные ревнивцы независимости хотели памятник уничтожить. Его намеренно пытались разбить, расколоть, жгли огнем, пытались расплавить, любым способом желая от него избавиться. В настоящее время лицевая часть бюста Александру II почти целиком утрачена. Вместе с тем, бюст российскому царю, венчавший монументальный обелиск в честь героев Хивинского похода 1870 года, сохранил общую целостность и вполне годится для того, чтобы вновь занять своё место на историческом памятнике.

Русское военное кладбище. Первые документальные упоминания о русском военном кладбище на Мангышлаке датируются 1850–1852 гг. Отбывавший ссылку в форт Александровском поэт, писатель и художник Т.Г. Шевченко также впервые запечатлел на своих рисунках это скорбное место с первыми могилами русских солдат из крепости.

На кладбище хоронят и сегодня. Хоронят последних живущих и умирающих здесь в Баутино и Форт-Шевченко потомков российских, русских солдат, офицеров, гражданских поселенцев, прибывших в далекое время осваивать и обживать этот край.

Кладбище русских военных расположено за возвышенностью, на которой был основан Форт-Александровский. Погост обнесён каменным забором, есть калитка...

Сегодня точное количество захоронений на этом месте не известно. Здесь есть разные могилы. Свое последнее пристанище на этом месте нашли как солдаты и офицеры, казаки из военного укрепления, так и гражданские жители форта и станицы Николаевской.

Военный погост стал международным местом скорби. Здесь есть русские, армянские, еврейские и другие могилы. После первой мировой войны на Мангышлаке оказались военнопленные австрийцы, которые также захоронены здесь. На месте братской могилы 130 австрийских военных на русском военном кладбище в Форту-Шевченко установлен монумент. Год назад на памятные мероприятия в честь похороненных здесь австрийских военных на русском военном кладбище прибыла обширная австрийская делегация во главе с послом Австрии в Казахстане. На месте захоронения состоялся траурный митинг, с речью выступил глава австрийской дипломатии в РК, католическим священником была отслужена траурная поминальная месса...

В местном этнографическом музее не нашлось каких-либо документов о похороненных на русском военном кладбище российских солдатах и офицерах времен основания форта. Сегодня архивные документы о захоронениях этого русского военного кладбища, возможно, находятся в архивах Оренбурга, Тбилиси, Москвы, Санкт-Петербурга.

Христианская история. Во времена походов А. Бековича-Черкасского существовали так сказать походные церкви. Потом появилось несколько церквей стационарных – на островах, включая Тюленьи. Позднее была сооружена крепостная церковь Петра и Павла, непосредственно в Форту-Александровском.

В начале 80-х гг. XIX в. поселяне станицы Николаевской из-за трудностей посещать церковь в крепости, в особенности старикам и детям, решили построить храм в станице. Построение храма на Мангышлаке – дело, безусловно, благородное, но трудноосуществимое, так как средства для этого необходимы были немалые.

Один из поселян – Захар Кузьмич Дубский, предложил николаевцам осуществить идею создания храма, собрав вместе необходимые средства. Все охотно откликнулись. Половина средств была вложена самим Захаром Дубским и его родственниками. И к 1883 г. был собран капитал в 3500 руб. Но собранных средств было недостаточно для строительства храма.

Известно, что если ты стремишься к цели, то на помощь приходит случай. Однажды Дубский узнал о том, что в станице Городефортинской Астраханской губернии строится каменная церковь, а бывшая деревянная церквушка, почти новая, продается.

Ее разобрали и переправили морем в разобранном виде в станицу. В 1884 г. церковь была собрана и отделана. Священником был назначен отец Василий Логвинович. Ему и было поручено освятить церковь во имя спасителя и Чудотворца Николая. 30 ноября 1884 г. освящение состоялось. Так возник Николаевский приход в станице Николаевской, вблизи Форта-Александровского Закаспийской области. Николай Чудотворец, или Николай Угодник, с тех пор стал покровителем российских поселенцев в Баутино. Это был первый храм за пределами крепости.

Сегодня от этого святого места осталось столетнее дерево, в тени которого укрывались прихожане в молитве. В настоящее время столетнее дерево слышит лишь шум ветра, молитвы не слышно давно.

А ведь многие годы православный храм служил ориентиром для моряков и гостей края. Сегодня от православной церкви нет и следа. А вот белоснежная Армянская часовня, построенная астраханскими купцами в 1893 г. к 20-летию покорения Хивы – стоит.

Спасение истории России. Единицы сохраняют, изучают, хранят и доносят память об исторических событиях русского освоения Средней Азии, историю форт-поста России на каспийских берегах.

Сегодня необходимо не допустить полного забвения целой эпохи в славной истории России на Каспийском море, предотвратить, по сути, варварское уничтожение истории, исторических памятников русского казачества на территории Мангышлака.

Еще несколько лет назад в Баутино можно было видеть остатки стен православного Никольского храма. Сегодня на этом месте уже построен частный дом.

Русское кладбище, где покоятся русские поселенцы, сотворившие чудо в суровых степях Мангышлака, возвели не только крепость от хивинских завоевателей, но и построили дома, наладили торговлю, рыбное дело и т.д., заброшено. Жалкое зрелище представляют собой старые могилы. Думается, что и здесь спустя лет двадцать-тридцать все будет застроено жилыми домами или другими постройками.

Уже беспощадно уничтожен и сад, посаженный на Тюб-Карагане русскими казаками. А ведь здесь, на Мангышлаке, где каждая капля воды и по сей день ценится на вес золота, непросто было не только посадить, но и вырастить под знойным солнцем и жуткими ветрами молодые деревца, многие были фруктовыми ... А какие великолепные виноградники произрастали в те времена в этих краях....

Уже много лет муссируется вопрос о переименовании залива А. Бековича-Черкасского. Да и не только. Предлагают предать забвению и наименование некогда станицы Николаевской – нынешнего села Баутино, как и переименовать сам город Форт-Шевченко, перечеркнув историю придать этому месту дороссийское наименование.

Сегодня на первый план об исторических событиях прошлого века, той эпохи выходит борьба казахов батыров за независимость, против царского гнета, беспощадной политики России на территории Мангышлака.

Куик-Патша, или опальный, опаленный царь, как называют местные жители обелиск в честь героев Хивинского похода 1873 г., также может кануть в лету без необходимого к нему внимания со стороны России. А ведь это памятник – символ освобождения мангышлакского народа от порабощительного ига хивинцев, свидетельство победы объединенных сил российских, мангышлакских, кавказских войск против деспотизма своевольных хивинских ханов.

Список литературы

1. Архив И. Приходько.
2. Государственный архив Астраханской области.
3. Архив Г. Перпелюкова.
4. Архив Марковых.
5. Княжеская Е. А. Судьба одной карты / Е. А. Княженская. – М., 1964. – С. 94.
6. Архив Г. Баландиной.
7. Государственный архив Оренбургской области.
8. Долгов С. История лейб-гвардии Преображенского полка 1683–1883 / С. Долгов, А. Н. Афанасьев. – СПб., 1883.
9. Турсунова М. С. Казахи Мангышлака во второй половине XIX века / М. С. Турсунова. – М. : Наука, 1977.
10. Мирзоев М. А. Мангистау – голоса столетий / М. А. Мирзоев. – Алматы : Казахстан, 1994.
11. Белов В. Мангышлак – солнечная земля / В. Белов. – М. : Политиздат, 1981.
12. Голованов В. Восточный берег / В. Голованов. – М. : Новое литературное обозрение, 2015.
13. Федоров К. М. Закаспийская область / К. М. Федоров. – Асхабад, 1901.
14. Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1872. – Вып. 6.
15. Форт Александровский: По заветам Петра Великого. Полуостров Мангышлак // Всемирная иллюстрация. – 1870. – № 83.
16. Задерецкая Н. Ю. Тупкараган – колыбель Мангистау / Н. Ю. Задерецкая. – Актау : Эко Тур, 2010.
17. Обзор Закаспийской области с 1890 по 1896 г. – Асхабад, 1897. – 326 с.
18. Архив К.Х. Адрахманова.
19. Воткинский исторический журнал «Старица» № 1.
20. Васильева Л. Памятник императору Александру II и др.

ОТТОРЖЕНИЕ ЗЕМЕЛЬ В ПОЛЬЗУ ГЦП «КАПУСТИН ЯР» ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАПУСКОВ РАКЕТЫ А-4

Рябец Анатолий Фёдорович,
краевед, г. Волгоград

Постановление Правительства о строительстве артиллерийского полигона под Сталинградом вышло 23 марта 1937 г. Продиктовано оно тем обстоятельством, что в годы первых пятилеток территория города Ленинграда значительно расширилась и приблизилась к старейшему русскому Ржевскому полигону. В соответствии с этим Постановлением специальная комиссия Народного Комиссариата обороны и Оборонной промышленности (НКО и НКОП), выполняя приказ № 0019/0097 [2, с. 26], проверила полигон завода «Баррикады» под названием Прудбой. Но этот полигон не удовлетворял своими размерами. Развиваться так же не мог, т.к. стрелять за Дон или вдоль Дона нельзя – не позволяла густонаселённость этих мест.

Обратили внимание на южные земли рядом с Райгородом. В результате под новый полигон предлагался участок от села Большие Чапурники в направлении озёр Садык и Дождик, размерами: длиной 110 км, шириной в начале полигона 15 км, в конце 30 км.

Но сразу начались споры по отчуждению территорий и по перенаселению. Власти Калмыцкой АССР не соглашались переносить 250 глинобитных дворов, Сталинградский облисполком настаивал на переносе начала полигона дальше к югу, в связи с чем военные не хотели удлинять железнодорожную ветку от Красноармейска на 6–10 км. К проблеме был подключен директор завода «Баррикады» Л.Р. Гонор. В 1940 г. карту отвода земель все-таки подписали все, кто был задействован [3, с. 38]. Даже прибегли к помощи Королевой Анны Георгиевны – депутата Верховного Совета РСФСР (директора консервного завода г. Астрахани) и Кузьмина Михаила Трофимович – председателя Астраханского Окрисполкома, делегата XVIII съезда партии.

И в середине 1940 г. строительство артиллерийского полигона под Сталинградом началось.

Война приостановила перенос артиллерийского полигона из-под Ленинграда под Сталинград. О нем вспомнили уже после Победы. Опять пришлось заниматься переселением полигона «Ржевки». Поэтому и вспомнилось строительство полигона под Сталинградом. Возобновление строительства было одобрено Постановлением Совмина № 1540-687 от 10 февраля 1946 г.

Перенос полигона «Ржевки» под Сталинград сыграл определенную роль в судьбе Л.Р. Гонора, к этому времени директора ленинградского завода «Большевик». Как один из очевидцев довоенного строительства он приглашался на различного рода совещания для восстановления картины, особенно запомнился апрель 1946 г. Он писал: «Меня неожиданно вызвали в Кремль к 9.00 следующего дня. Рейсовых самолетов уже не было. Пришлось просить посадить самолет, следующий из Хельсинки. Прибыл вовремя. На заседании в присутствии И.В. Сталина слушался вопрос о работе Министерства вооружения (переименовано в марте) по реактивным системам.... В конце он предложил создать группу специалистов для подготовки определяющего постановления Совета Министров СССР. Такое Постановление было подготовлено и подписано И.В. Сталиным 13 мая 1946 года».

Сегодня это Постановление под № 1017-419сс от 13 мая 1946 г. «Вопросы реактивного вооружения» широко известно. С выходом этого судьбоносного Постановления Л.Р. Гонор вообще стал редким гостем на своем заводе «Большевик».

В Министерстве вооружения всю тематику по ракетам курировал первый зам министра В.М. Рябиков. Он побывал в Германии. Наблюдал подготовку и имитацию пуска Фау-2 (А-4), выполненную нашими солдатами и офицерами.

По возвращении сделал предложение Л.Р. Гонору подключиться к новому делу. Ленинградец не отказывался от завода «Большевик», но активно участвовал в решении поставленных проблем. Таким образом, Л.Р. Гонору вновь поручается согласовать отторжение земель под новый полигон. Он едет на юг. Удалось склонить Сталинградский облисполком, но Астраханский не поддавался (Земли Калмыцкой АССР тогда входили в Астраханскую область). Председатель Астраханского облисполкома Н.И. Быков заявил: «Стрелять по областному центру не позволю». Пришлось все начинать сначала.

10 июля 1946 г. выходит второе Постановление правительства № 1549-687сс. о реактивной тематике. В частности, там по поводу полигона говорилось: «...Пункт 14. Утвердить предложение Министерства вооружения об организации в районе г. Сталинграда научно-исследовательского полигона для проведения работ по всем видам артиллерийского, минометного и реактивного вооружения и оптико-механических приборов.

Министерству вооружения в двухмесячный срок представить в Совет Министров СССР на утверждение согласованный проект предложения об организации указанного полигона...

Пункт 15. Министерству вооружения в двухмесячный срок подготовить предложение о месте проведения заводских отладочных испытаний реактивных снарядов...». Как видим, конкретного места не указано, но фраза «под г. Сталинградом» осталась. Об МО в этих пунктах вообще не шла речь.

Участие Л.Р. Гонора в подготовке Постановлений СМ СССР, в других работах, привели его к выводу согласиться на предлагаемую должность – государственная поддержка развития реактивного вооружения выглядела солидно и убедительно.

13 августа 1946 г. он был назначен директором НИИ-88, который располагался в городе Калининград Московской области. Сразу последовало указание Д.Ф. Устинова о 100 % копировании немецких разработок и программ испытаний. Эти методы были использованы, в том числе стрелять строго на север, как это делали при отработке Фау-2.

Двухмесячный срок, указанный в Постановлении, закончился 10 августа, а Л.Р. Гонор 13 августа был назначен на пост директора. Это спасало его от наказания, но дело есть дело. Директор предложил оба пункта (п.14 и п.15) объединить в один и перенести место испытаний на левый берег Волги в знакомый ему Ленинск. Стрелять строго на север или северо-восток. Конструкторы БРДД и ЗУРов прикинули: надо отодвигаться дальше, т.к. в Ленинске и вокруг проживает большое количество населения. Далее – поменьше. Таким образом, изначально полигон задумывался как межвидовой для промышленной отработки.

Началась рекогносцировка и поиск строителей. Рекогносцировка была проведена гражданскими лицами на гигантской площади в 8 тыс. км² и закончилась 10 июня 1947 г.

Но неожиданно вмешались военные. Они предложили воспользоваться обследуемым участком и назвать его Государственным центральным полигоном (ГЦП) «Капустин Яр». В июле начальник управления полигона В.И. Вознюк назначен начальником этого ГЦП В связи с чем переехал с Хорошевского шоссе г. Москва в Капустин Яр. Т.е. заводскую отработку в дальнейшем необходимо проводить не на своем полигоне, а на полигоне Министерства Вооруженных сил.

К чести Л.Р. Гонора он не затаил обиду. Надо, так надо. Он по-прежнему искал строителей для установки наземного оборудования. Теперь эта задача облегчалась, т.к. к ней приступили военные строители во главе с Маршалом инженерных войск М.П. Воробьевым, которые выполняли заказы, в том числе и ракетчиков НИИ-88.

Облегчалась задача контроля за отводом земель. При совместном участии вышли, подписанные И.В. Сталиным сразу два Постановления Совмина СССР: первое, под № 2642-817 от 26 июня 1947 г. в части отвода земель Капустиноярского и Владимирского районов Астраханской области; Быковского, Ленинского, Средне-Ахтубинского, Палласовского, Пролейского, Кайсацкого и Эльтонского районов Сталинградской области для специальных целей (всего необходимо было переселить 50 колхозов, 5 МТС, 2 совхоза). Второе, Постановление под № 2643-818 от 26 июня 1947 г. (в тот же день) в части подготовки и проведения опытных пусков ракеты А-4 (техническое наименование Фау-2).

В августе появляются конкретные решения по отводу земель обкомов ВКП(б) и облисполкомов: Астраханской области № 222/28 от 11 августа 1947 г. [1, л. 1–7], Сталинградской области № 588/7 от 14.08.1947 г.

Время торопило конструкторов и военных. Многие из них уже знали из разных источников, в том числе из американских, что они начали стрельбы Фау-2 в июне 1947 г.

Активизировались работы!

На полигоне, параллельно, преодолев нехватку времени, несносную жару, во всепроникающую «капьяровскую» пыль и мошку, разработчики, воины-артиллеристы, военные и гражданские строители подготовили к 8 сентября 1947 г. все технические средства, необходимые для проведения испытаний ракеты А-4.

В августе 1947 г. из Германии прибыла бригада особого назначения Резерва Верховного Главного Командования во главе с первым командиром бригады генерал-майором А.Ф. Тверецким.

Строители и военные молодцы!

Гражданские руководители, как узнали ракетчики «...отнеслись безответственно к выполнению совместных решений по вопросу установления в натуре границ отчужденных земель и отставания плана по колхозному и сельскому строительству...»

В результате, не покинули земель колхозники (9521 жителей). А кто же будет по ним стрелять?

Срочно подготовили второе Постановление об отводе земель Астраханской и Сталинградской областей в пользу полигона. В этом постановлении по просьбе С.П. Королева (главный конструктор отдела № 3 НИИ-88) появ-

ляется Цинский район Западно-Казахстанской области (видимо не хватало ему размаха). Опять началась напряженная работа над этим Постановлением. Как ни старались, но оно появилось за подписью И.В. Сталина только 4 октября 1947 г. под № 3482-1143сс, т.е. за 14 дней до назначенного первого пуска ракеты Фау-2. Предписывалось срочно переселить 3197 хозяйств.

Но не преодолены ещё все трудности. Если Астраханский обком и облисполком приняли соответствующее свой протокол № 249/41 от 13 октября 1947 г., то Сталинградский обком принимает соответствующее свое решение за № ОП-100рсс [4] от 15 октября, т.е. за три дня до пуска.

Первый пуск ракеты А-а (Фау-2) состоялся 18 октября 1947 г. без жертв населения!

Список литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф.Р. – 2233. – Оп. 1. – Д. 30.
2. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). – Ф. 2115. – Оп. 3. – Д. 52.
3. ГАВО. – Ф. 2115. – Оп. 3. – Д. 15.
4. Фонды музея полигона г. Знаменск Астраханской области.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ АСТРАХАНСКОЙ И СОСЕДНИХ ОБЛАСТЕЙ В СВЯЗИ СО СТРОИТЕЛЬСТВОМ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ПОЛИГОНА «КАРУСТИН ЯР»

Рябец Анатолий Фёдорович,
краевед, г. Волгоград

Из изученных архивных документов явствует срочность выполнения указаний вышестоящих лиц, в том числе И.В. Сталина. «Запад» вновь стал бряцать оружием и в некоторых видах вооружения вырывался вперед, например, ракеты дальнего действия. Необходимо было быть на уровне.

Особенно обострилось противостояние летом 1947 г., когда американские специалисты с учётом бывших фашистских ученых стали производить запуски ракеты Фау-2.

Тогда было принято решение совместить полигоны ведущего института НИИ-88 (директор Л.Р. Гонор, Главный конструктор одного из направлений С.П. Королев) и военное ведомство (начальник гвардии генерал-лейтенант В.И. Вознюк) в один полигон под названием ГЦП «Капустин Яр».

С этой целью по Астраханской области предписывалось:

«...Передать для специальных целей:

- земли 12 колхозов по Капустиноярскому району в количестве 159 403 га, в том числе: пашни 27426 га, сенокосов 1585 га, выгонов 124553 га, садов 58 га и прочих земель 5781 га;
- по Владимирскому району земли 6 колхозов в количестве 74706 га, в том числе: пашни 13008 га, сенокосов 1730 га, выгонов 45343 га, и прочих земель 14625 га» [1, л. 1–2].

Была проведена широкая разъяснительная работа среди колхозников и населения проникнуться сознанием своего долга с целью в срок до 10 сентября 1947 г. переселиться, перегнать скот, вывести все имущество и материальные ценности с отчужденных территорий на оставшиеся у колхозов земли. Ответственным за выполнение указанного назначено областное управление сельского хозяйства Новикова.

Отрадно для местных жителей то, что предлагалось уплотниться, но не покидать своей малой родины. Иначе произошло в соседней Сталинградской области. Но об этом ниже.

Четко распределены обязанности в столь сложном деле:

«...- за выделением участков в пойме ответственен начальник областного управления водного хозяйства Едский;

- начальнику облплана Малыгину выделить лесопильный фонд в лесах местного значения;
- начальнику областного управления по делам сельского и колхозного строительства Романовскому разработать мероприятия по строительству жилых, хозяйственных животноводческих и производственных построек;
- для практической помощи районам назначить Тихопа и Едского под общим руководством Пузанова» [1, л. 3].

К чести руководителей области, на основании запросов населения, они поставили ряд требований Правительству в соответствующие инстанции. Назову некоторые из них.

«Х. Просить Совет Министров Союза ССР:

1. Компенсировать колхозам стоимость построек и сооружений, подлежащих сносу в сумме 1600 тысяч рублей по их балансовой стоимости.

Выдать безвозвратную ссуду на покрытие расходов, связанных с перемещением, на строительство мостов, в пойме через ерики, р. Ахтубу и Воложки, организацию паромных переправ через р. Волгу в сумме 2600 тысяч рублей.

Выдать колхозникам долгосрочную ссуду в сумме 3400 тысяч рублей со сроком погашения 10 лет, начиная с 3 года со дня выдачи.

2. Выделить колхозам для строительства жилых, хозяйственных и производственных построек на новых местах и мостов стройматериалы: лес 12000 м³, стекла 3,2 тыс. м², гвоздей 27 тонн и цемента 200 т.

В целях быстрее и правильного освоения пойменных земель колхозами:

а) выдать в 1947 году из средств союзного бюджета дополнительно по финансированию ирригационного строительства в пойме на сумму 5100 тысяч руб., предусмотреть финансирование в 1948 году 34800 тыс. руб.;

б) разрешить Астраханскому облисполкому проводить ирригационное строительство в Капустиноярском и Владимировском районах до утверждения технических проектов по трассировочным работам и рабочему проектированию;

в) обязать сельхозбанк СССР финансировать ирригационное строительство в Капустиноярском и Владимировском районах по актам о выполнении работ без утверждения проектов и смет 3-го квартала 1947 г. по Капустиноярскому району на площади 4400 га, по Владимировскому району 2070 га;

г) обязать Министерство Сельского Хозяйства Союза ССР (т. Бенедиктова):

- направить в III и IV кварталах 1947 г. в Астраханскую область специалистов для отбора объектов, изысканий и проектирования колхозных орошаемых участков площадью от 100 до 400 га каждый, всего на площади 5370 га;

- направить в Астраханскую область на постоянную работу для ирригационного строительства инженеров-гидротехников 20 чел.;

- организовать в Астраханской области для производства земляных работ по обводнению участков поймы экскаваторную станцию в количестве 14 машин.

л) обязать Госплан Союза ССР выделить Астраханской области в III и IV кварталах 1947 г. и в I и II кварталах 1948 г. поставить механизмы, транспортные средства, материалы и оборудование согласно приложению;

е) обязать Министерство Рыбной промышленности Западных районов (т. Ишкова) дать разрешение на принятие заказа Астраханской судостроительной им. С.М. Кирова построить в IV квартале 1947 г. и в I квартале 1948 г. Астраханскому Облисполкому для ирригационного строительства в Волго-Ахтубинской пойме 4 баркаса мощностью по 30–50 л.с., 4 плашкоута грузоподъемностью по 60–100 тонн и 2 быстросходных катера;

ж) обязать Министерство Среднего и машиностроения Союза ССР:

Выделить Астраханскому Облисполкому для ирригационного строительства в IV квартале 1947 г. запасные части для восстановления и ремонта тракторов СТЗ-НАТИ на сумму 80 тыс. рублей, ремонта автомашин на сумму 50 тыс. рублей;

з) обязать Министерство Внутренних Дел Союза ССР (т. Круглова) организовать в Капустиноярском и Владимировском районах 2 летних лагеря ИТК (исправительно-трудовая колония) в количестве 400 человек в каждом в марте 1948 года.

4. Разрешить ликвидацию Волго-Займищенской МТС Капустиноярского района и Батаевской МТС Владимировского района.

5. Разрешить: произвести перераспределение земельных угодий по колхозам Владимировского и Сасыкольского районов.

6. Выделить из Госбюджета 220 тыс. рублей для проведения землеустроительных работ Владимировского и Капустиноярского районов.

7. Выделить 200 тонн автобензина для перевозки имущества и хлеба, перемещаемых колхозов.

8. Выделить 900 пароконных ходов.

9. Обязать Министерство Вооруженных Сил Союза ССР оказать помощь перемещаемым колхозам в выделении автотранспорта по переброске с освобождающихся территорий имущества колхозов, хлеба.

10. Освободить перемещаемым колхозам и доприселенным хозяйствам колхозников от поставок зерна, овощей и продуктов животноводства сроком на 1948 – 1949 гг., а по селу на 1947 – 1948 гг.».

Протокол подписали:

Секретарь Обкома ВКП(б) Муратов

Председатель Облисполкома Петров» [1, л. 3-7].

Еще более грандиозные задачи ставились Сталинградской области. Здесь ликвидировались не только колхозы, но даже районы. Затрагивались земли Быковского, Ленинского, Новониколаевского, Пролетского и Эльтонского районов. Просьбы были схожи с астраханскими. Но суммы и объемы испрашивались больше, т.к. переселялись даже на правый берег Волги.

Решение Совета Министров Союза ССР было однозначным – удовлетворить просьбы трудящихся в последующем Постановлении. Оно вышло за подписью И.В. Сталина только 4 октября 1947 г. под № 3482-1143сс, пролонгировано Астраханскими и Сталинградскими руководителями за 5-3 дней до выполнения первого пуска ракеты А-4, т.е. 18 октября 1947 г.

Что же предусматривало Правительство для переселенцев:

- «- сложить с колхозов и переселенцев все числящиеся за ними недоимки по обязательным поставкам государству сельскохозяйственных продуктов, налогам и страховым платежам;

- освободить хозяйства колхозников-переселенцев и вновь организуемые из них колхозы, а также колхозы, принимающие их в свой состав, от обязательных поставок продуктов, кроме молока, сроком на 2 года;

- освободить переселенцев и колхозы мест вселения от корневой платы за древесину сроком на 3 года;

- выделить переселенцам, имеющим на передаваемой территории дома и постройки, подлежащие сносу, по 5000 рублей на хозяйство в порядке единовременного безвозвратного денежного пособия;

- выдать переселенцам кредит на строительство жилых домов в сумме 5000 руб. на хозяйство с рассрочкой платежей на 5 лет, с погашением, начиная с 3-го года после получения кредита;

- отнести за счет государства стоимость построек, связанную с переселением, полностью расходы на административное, хозяйственное, школьное строительство и строительство лечебных учреждений;

- снизить выходное поголовье крупного рогатого скота, овец, свиней;

- освободить переселяемые колхозы Астраханской области от сенокосения в 1947-1948 гг.;
- принять за счет государства стоимость проезда и перевозки ж/д транспортом переселяемых жителей Сталинградской области» [2].

В октябре 1947 г. началось очередное «переселение народов», отличающееся от прежних тем, что проходило оно при пусках ракет, но при пристальном внимании государства.

После окончания Великой Отечественной войны, когда не были ещё залечены все раны, было продемонстрировано очередное единство народа и Правительства, чтобы противостоять начавшейся «холодной войне» новым видом вооружения.

Список литературы

1. Государственный архив Астраханской области (ГАО). – Ф. р-2233. – Д. 30.
2. Постановление СМ № 3482-1143сс от 4 октября 1947 г. // Музей полигона г. Знаменск Астраханской области.

ТАТАРЫ АСТРАХАНИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI – НАЧАЛЕ XX в.: СТРАНИЦЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Сызранов Андрей Вячеславович,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

В XV в. Золотая Орда распалась на ряд тюрко-мусульманских государств, одним из которых было Астраханское ханство, завоеванное Россией в 1556 г. С основанием в 1558 г. на левом берегу р. Волги новой, русской Астрахани Нижнее Поволжье становится южным форпостом Российского государства. Первым и основным населением Астраханской крепости были русские стрельцы и казаки. Однако, по мере роста города в конце XVI – первой трети XVII в. и возникновения его новых частей – Белого и Земляного «городов», в Астрахани стало формироваться многонациональное население – служилый, торговый и ремесленный люд: собственно, русские, юртовские татары, армяне, персы, индийцы, «бухарцы» и «хивинцы».

Основными группами татарского населения г. Астрахани во второй половине XVI – начале XX в. были: астраханские (или юртовские) ногайские татары¹, средневожские (или волго-уральские) татары-переселенцы (казанские и мишарские), агрыжанские татары, бухарские татары, гилянские татары.

В XVII в. в состав Земляного города Астрахани вошла Татарская слобода, населенная юртовскими татарами. Она сохраняла свою обособленность и была обнесена оградой [23, с. 297]. Ее жители занимались ремеслами, торговлей или работали по найму [17, с. 171].

В XVII в. Астрахань становится основным центром русско-восточной торговли. В городе постепенно формируются т.н. «восточные колонии». В 1673 г. в Земляном городе по инициативе властей были устроены новые Агрыжанский, Бухарский и Гилянский торговые дворы, или слободы. А в 1681 г. правительство разрешило селиться в Астрахани на постоянное место жительства индийцам, персам, бухарцам и др. [17, с. 163, 165].

В Агрыжанской слободе жили потомки смешанных браков индийцев с татарками, которые назывались «агрыжане» или «агрыжанские татары» [16, с. 145; 27, с. 113; 29, с. 331]. В Гилянской слободе расселялись собственно персы и «татары Гилянского двора» – потомки персов и татарок [29, с. 331]. В Бухарской слободе жили «татары Бухарского двора» – «вышедшие с давних времен из Бухары» [19, с. 4], которых еще называли «бухарцами» [29, с. 332; 19, с. 5]. Среди жителей Бухарского двора были выходцы не только из Бухары, но и из Хивы – «хивинцы» [29, с. 332; 19, с. 5; 17, с. 162].

Субэтнические группы агрыжанских татар и татар Гилянского двора, в отличие от своих «отцов» (индийцев-индустов² и персов-шиитов) исповедовали ислам суннитского направления [16, с. 197; 27, с. 113].

П.И. Небольсин пишет: «До 1836 года общество Татар Бухарского, Гилянского и Агрыжанского Дворов представляло собой отдельное привилегированное сословие, пользовавшееся правом свободной торговли, без всякого взноса гильдейских пошлин... С 1836 года Татары этого общества, впредь до совершенного уравнивания их с коренными Русскими во всех податях и повинностях, обложены особым сбором в 5 тыс. руб. асс. с души и рекрутчиной...» [27, с. 114].

Татары трех дворов были ассимилированы юртовскими и казанскими татарами уже видимо к середине XIX в. [22, с. 14; 29, с. 331; 19, с. 4; 27, с. 113].

В конце XVII – начале XVIII вв. в Астрахань переселилась первая волна казанских татар [2, с. 4, 24; 4, с. 76]. Они селились в Казанской и Татарской (рядом с юртовскими татарами) слободах Земляного города [16, с. 150, 196; 15, с. 33]. Среди городских татар уже в то время были татары из Казанской, Симбирской, Пензенской, Саратовской и

¹ Существуют различные точки зрения о происхождении юртовцев. На наш взгляд, этническая общность юртовских татар (известных также как «астраханские татары» в узком смысле слова) складывается в окрестностях Астрахани во второй половине XVI – первой четверти XVII вв. Ее основу составили переселившиеся под Астрахань ногайцы, выходцы из Большой Ногайской Орды и Орды Едиган, возможно включившие в свой состав остатки прежнего тюркского («татарского») населения Астраханского ханства. В источниках того времени новая общность именовалась по-разному: «ногаи», «татары», «ногайские татары», «астраханские татары», «юртовские татары».

² Хотя среди индийцев были и мусульмане.

Рязанской губерний [2, с. 24]. Впоследствии, в течение XVIII – начала XX вв. происходило регулярное пополнение городского татарского населения новыми переселенцами [3, с. 5].

С самого начала своего существования как отдельной, специфической этнической общности, юртовские татары вели полукочевой образ жизни. Важнейшую роль в экономике юртовцев играло кочевое скотоводство. Большим подспорьем для кочевого хозяйства были охота и рыболовство [33, с. 515–516]. В течении XVIII в. юртовские татары переходят к оседлому и полuosедлому образу жизни. Ими основываются несколько селений-аулов, возникших, видимо, также на основе «юртов» в окрестностях Астрахани: Тяк (или Царёвская слобода, Зацарёво; с середины XIX в. вошла в состав города как 6-ой полицейский участок), Каргалик, Кизан, Майлегуль, Бусдамгуль, Кази-аул и др. [16, с. 173–174]. По мере оседания у юртовцев стали развиваться садоводство, огородничество, земледелие. Известно, что в последней четверти XVIII – начале XIX вв. аульные юртовские татары разводили арбузы, дыни, сеяли просо и кунжут [16, с. 174; 31, с. 171, 337]. Сохранялось и скотоводство, правда, исследователи отмечали его слабую развитость [15, с. 34; 31, с. 171–172]. Охота осталась уделом аристократии [31, с. 171]. К середине XIX в. осёдлый образ жизни и осёдлые хозяйственные занятия доминировали у аульных юртовских татар [27, с. 54]. Городские юртовские татары, жившие в Татарской слободе, видимо перешли к полной осёдлости ещё раньше. Они занимались ремеслами, торговлей или работали по найму [17, с. 171]. Аульные юртовские татары также торговали в Астрахани. И хотя официально им это делать запрещалось, «многие из них» всё равно торговали «под именем армян, индийцев и городских татар» [15, с. 35; 16, с. 175]. И.В. Равинский сообщает, что юртовцы торговали и в Кизляре [31, с. 340].

Городские казанские татары, по данным С.Г. Гмелина, в основном, занимались торговлей, а часть находилась «в услужении, ... в силе или доверенности у индийцев, у коих комиссарами ... бывают» [16, с. 197]. Хозяйство аульных средневожских татар-переселенцев (казанских и мишарских) в Астраханской губернии было комплексным, сочетавшим оседлое земледелие, бахчеводство, садоводство, огородничество, животноводство, рыболовство [35].

Важным элементом быта татар были годовые праздники мусульманского календаря, день рождения пророка Мухаммада, соблюдение мусульманских пищевых запретов. Некоторые татары совершали хадж – паломничество в Мекку [32, с. 406]. В соответствии с шариатскими нормами совершали т.н. «обряды жизненного цикла».

Мусульманские духовные лица татар Астрахани получали свое религиозное образование, главным образом, в Оренбурге, Казани, Бухаре и в самой Астрахани [29, с. 404; 19, с. 18].

Центрами религиозной и общественной жизни татар Астрахани были мечети (33; 34). Уже в 1586 г. недалеко от города существовала мечеть, в 1666 г., в «посаде» или «нижнем городе» (т.е. в Земляном) действовали 7 мечетей [36, с. 132]. Спустя сто лет в Агрыжанской, Бухарской и Гилянкой слободах Земляного города было 4 мечети, а в предместьи города Царевской слободе (Тяке) – еще 15 [16, с. 146, 163]. В 1910 г. в Астрахани насчитывалось 18 мечетей [20, с. 4].

В начале XIX в. главной городской мечетью считалась деревянная Ак-мечеть (Бухарская татарская слобода), которая в 1810 г. была перестроена в камне на средства купца Нияза Измайлова [18, с. 20; 34, с. 56; 28, с. 49; 26, с. 122; 7, л. 1]. Имамами Белой мечети (№ 11) были представители семьи Ходжаевых, из татар Бухарского двора [11, л. 310; 13, л. 1–2]. До революции при Ак-мечети действовали мектеб и медресе [20, с. 14; 6, л. 326].

Кара-мечеть («Черная мечеть») – соборная мечеть Бухарского двора, в 1816 г. была перестроена в камне вместо деревянной [11, л. 310]. При ней существовали «самое многолюдное» [6, л. 9] медресе [20, л. 14], мектеб для мужчин (с 1832 г.) и мектеб для женщин (с 1850 г.) [6, л. 25–26].

Приход Красной мечети (№ 13) официально образовался в 1900 г. и составлял 600 мужчин и 299 женщин. В 1901–1902 гг. г. мечеть была возведена на средства татарского купца и мецената Шакира (Мухамедшакира) Казакова [11, л. 307–308].

Зеленая мечеть (№ 8) (Царевская слобода) была построена в 1831 г. неким Нураши Ниязовым для прихода, образованного в начале XIX в. К этой мечети были приписаны жившие вокруг астраханские юртовские татары и ногайцы-карагаши [1, с. 266]. В конце столетия при мечети были медресе (5, л. 30б) и мектеб [6, л. 20] для женщин.

Мечеть № 9 Гилянского двора (совр. Центральная) [9, л. 87; 12, л. 65; 14, л. 6] начал строить татарский мулла и суфийский шейх Абдулвагап Алиев (ум. в 1899 г.), завершил строительство в 1898 г. купец Шакир Казаков [14, л. 93; 37, р. 310]. При ее медресе «Ваххабийя» обучались представители татарской и казахской молодежи [21, с. 74].

Как правило, при мечетях существовали религиозные мусульманские школы мектебы, а при некоторых – медресе (школы повышенного уровня). В начале XX в. в городе насчитывалось 19 мектебов и 6 медресе: при Ак-мечети, Кара-мечети, мечети Гилянского двора, мечетях № 3, 6 и 7 Царевской слободы [20, с. 14].

С конца XIX в. в мусульманскую общину Астрахани проникают идеи джадидистов, или джадидов – мусульманских реформаторов. В 1895 г. в Царевской слободе г. Астрахани мулла Абдурахман Умеров¹ открыл джадидистское медресе «Низамийя» – один из ведущих научно-образовательных центров мусульман юга России², в котором обуча-

¹ Абдурахман Измайлович Умеров, или Габдрахман Гумари, Абд ар-Рахман ибн Исмаил ибн Умар ал-Хаджи-Тархани (1867–1933) – ногайско-татарский просветитель, богослов, историк, этнограф и арабист, издатель и общественный деятель, педагог. Родился 18 января 1867 г. в семье астраханского мещанина, ногайца-карагаша Измаила Умерова. Получив начальное образование в примечетном мектебе, в 1881–1889 гг. А.Умеров учился в Казани в медресе «Галийя» у выдающегося татарского богослова и историка Шигабуддина Марджани (1818–1889). Затем вернулся в Астрахань.

² Среди выпускников медресе – ногайский филолог, фольклорист и просветитель Абдулхамид Джанибеков (1879–1955), туркменский филолог и богослов Абдурахман Ниязов (Ниязи) (1880–1932), первый узбекский профессор истории, основоположник узбекской научной школы средневековой и новой истории Средней Азии Пулат (Бекбулат) Салиев (1882–1942), поэты Бадреддин Мустафаев-Кияче, Аббас Душенов.

лись татары, казахи, ногайцы, туркмены, вайнахи, лезгины, аварцы и др. [1, с. 303; 25, с. 15]. В 1907 г. А. Умеров основал издательское товарищество «Умеров и К^о», (1907-1913), стал издателем газеты «Идел» («Волга»)¹ – главного печатного органа местных джадидистов [24]².

В 1896 г. в Астрахани была зарегистрирована первая мусульманская общественная организация «Джамаат Хайрийа», или «Общество попечительства о бедных татарах» под председательством п.п.г. И.Х. Искендерова. На средства общества, которые складывались из членских взносов, пожертвований купцов и прихожан мечетей, закупались и раздавались учащимся мектебов и медресе учебники, беднякам – дрова на зиму, теплая одежда, медикаменты, средства на похороны и т.п. [30; 10, л. 13].

В 1905 г. образовалось общество «Маджлис Шура-и Ислам» (араб. «Дом мусульманских собраний»), при которой находилось мектебе, в котором обучались и мальчики, и девочки. занятия велись на татарском языке, но по турецким учебникам. Общество выпускало газету «Бургани Таракки» (араб. «Довод/Аргумент прогресса»). Основателем общества, директором училища и редактором газеты был «шемахинский татарин» – выходец из северного Азербайджана Мустафа Измайлов (Лютфи) [8; 9, л. 51, 67–69, 88–89, 157, 163–164; 6, л. 8].

В 1907 г. в Астрахани образовалось более умеренное общество «Джамаат Исламийа» («Исламское общество»), учредителем которого стали главным образом муллы астраханских городских мечетей. На его средства общества издавалась газета «Идел». Председателем общества был мулла Абдурахман Умеров [9, л. 67, 81, 87–88, 157, 164; 12, л. 65].

Астрахань к началу XX в., наряду с Казанью, Уфой, Оренбургом, становится одним из важных центров татарского этноса и культуры. Численность городских татар постоянно увеличивалась [22, с. 24–25], активно развивался татарский торговый капитал, действовали национальные типографии, выходили периодические печатные издания, строились новые мечети, открывались мусульманские учебные заведения, действовал татарский театр.

Список литературы

1. Абдурахман Умеров: научно-биографический очерк / авт.-сост. С. Т. Рахимов. – Казань : Рухият, 2002. – 384 с.
2. Арсланов Л. Ш. Татары Нижнего Поволжья и Ставрополя (Язык. Фольклор. Словарь) / Л. Ш. Арсланов. – Набережные Челны : Камаз, 1995. – 192 с.
3. Викторин В. М. Татары / В. М. Викторин // Астраханские известия. – 1994. – № 14 (170). – 7 апреля. – С. 5.
4. Викторин В. М. Татары Астраханской области: страницы этнической истории / В. М. Викторин // Астраполис (Астраханские политические исследования). – 2003. – № 1 (4). – С. 74–81.
5. Государственный архив Астраханской области (ГАО). – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1294.
6. ГАО. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1730.
7. ГАО. – Ф. 1. – Оп. 6. – Д. 161.
8. ГАО. – Ф. 1. – Оп. 12. – Д. 722.
9. ГАО. – Ф. 286. – Оп. 2. – Д. 297.
10. ГАО. – Ф. 286. – Оп. 2. – Д. 514.
11. ГАО. – Ф. 290. – Оп. 3. – Д. 312.
12. ГАО. – Ф. 290. – Оп. 3. – Д. 521.
13. ГАО. – Ф. 488. – Оп. 1. – Д. 387.
14. ГАО. – Ф. 3371. – Оп. 1. – Д. 2.
15. Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов / И. Г. Георги. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1799. – Ч. 2. – 178 с.
16. Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы / С. Г. Гмелин. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1777. – Ч. 2. Путешествие от Черкасска до Астрахани и пребывание в сем городе; с начала августа 1769 по пятое июня 1770 года. – 361 с.
17. Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII вв. / Н. Б. Голикова. – М.: МГУ, 1975. – 328 с.
18. Город Астрахань и его окрестности. – Астрахань, 1882.
19. Далингер А. Медико-статистическое исследование татарского населения Астраханского уезда / А. Далингер. – СПб.: Типография П. Воиной, 1887. – 173 с.
20. Дремков В. В. О муллах Астраханской губернии / В. В. Дремков. – Астрахань: Паровая губернская типография, 1912. – 28 с.
21. Ирмуратов Х. Октябрь в ауле / Х. Ирмуратов. – Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1967. – 190 с.
22. Исаков Д. М. Астраханские татары: этнический состав, расселение и динамика численности в XVIII – начале XX вв. / Д. М. Исаков // Астраханские татары. – Казань: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. – С. 5–33.
23. Кидирнязов Д. С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов XV–XVIII вв. / Д. С. Кидирнязов. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 1999. – 416 с.
24. Курмансеитова А. Х. Газета «Идел» – печатный орган джадидистов Нижнего Поволжья / А. Х. Курмансеитова // Традиционная народная культура и этнические процессы в многонациональных регионах Юга России: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (9–10 июля 2004 г.). – Астрахань: АОИУУ, 2004. – С. 77–81.
25. Мамлеева Д. Х. Книжные и периодические издания Астрахани конца XIX – начала XX века / Д. Х. Мамлеева // Тюркское просветительство и просвещение в Астраханском крае: прошлое, настоящее, будущее. К 100-летию выхода первого номера газеты «Идель» и 140-летию со дня рождения А. Умерова: сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. (19 мая 2007 г.) / отв. ред. С. Р. Базанова, А. Н. Родин. – Астрахань: Идель, 2007. – С. 14–18.

¹ Вначале издателем и редактором газеты был башкир Загидулла Шарифуллин. После того, как ее издателем стал А. Умеров, З. Шарифуллин остался редактором, а в 1910 г. отказался от этой должности в пользу Умерова.

² Помимо «Идел», в начале XX в. в Астрахани издавались: мусульманские газеты: «Бургани Таракки» («Довод прогресса»), «Ислах» («Мир»), «Хакъ» («Правда»), «Мизан» («Весы»), «Халык» («Народ»), журналы: «Туп» («Пушка»), «Магариф» («Просвещение»).

26. Марков А. С. Астрахань на старинных открытках / А. С. Марков, С. Г. Львов. – Астрахань : Волга, 1999. – 172 с.
27. Небольсин П. И. Очерки Волжского низовья / П. И. Небольсин. – СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1852. – 197 с.
28. Никитин В. П. Астрахань и ее окрестности / В. П. Никитин. – М. : Искусство, 1982. – 152 с.
29. Ольдекоп Ф. И. М. Медико-топография города Астрахани и его ближайшей окрестности / Ф. И. М. Ольдекоп. – СПб., 1870.
30. Отчет правления попечительства о бедных мусульманах города Астрахани за 1899 гражданский год. – Астрахань, 1900.
31. Равинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству / И. В. Равинский. – СПб.: Императорская типография, 1809. – 527 с.
32. Резван Е. А. ал-Хаджж из России / Е. А. Резван // Ислам на территории бывшей Российской империи : энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С. М. Прозоров. – М. : Восточная литература, 2006. – Т. 2. – С. 404–408.
33. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды / В. В. Трепавлов. – М. : Восточная литература, 2002. – 752 с.
34. Штылько А. Н. Иллюстрированный путеводитель и справочник по городу Астрахани / А. Н. Штылько. – Астрахань : Паровая Новая Русская типография, 1899. – 165 с.
35. Халиков Н. А. Средневожские татары в Астраханском крае: традиции и инновации в хозяйственной культуре / Н. А. Халиков // Астраханские татары. – Казань : ИЯЛИ КНЦ РАН, 1992. – С. 33–48.
36. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века / Челеби Эвлия / сост. и отв. ред. А. Д. Желтяков. – М. : Наука, 1979. – Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. – 288 с.
37. Frank A. J. Muslim Sacred History and the 1905 Revolution in a Sufi History of Astrakhan / A. J. Frank // Studies on Central Asian History in Honor of Yuri Bregel / ed. by D. DeWeese. – Bloomington, 2001. – P. 297–317.

ОСОБЕННОСТИ ПРАЗДНИЧНОЙ ТРАДИЦИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: 400 ЛЕТ АСТРАХАНИ

Тимофеева Елена Георгиевна,

*доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Лебедев Сергей Владиславович,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Тюрин Алексей Олегович,

*кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

На II пленуме Астраханского ГК КПСС, который состоялся 31 марта 1958 г., докладчик торжественно объявил: «1958 год является юбилейным годом» [11, л. 32]. В этот год астраханцы отмечали 400-летие со дня основания своего города. Первоначально Астраханский ОК КПСС и исполнительный комитет Областного совета трудящихся обратились с просьбой в ЦК КПСС и Совет Министров СССР разрешить провести им праздничные мероприятия, посвященные дню рождения города, в 1956 г. Однако на основании исторической справки дату скорректировали, и торжество перенесли на октябрь 1958 г. [15, с. 64].

В ходе подготовки к празднику была создана специальная комиссия в количестве 27 чел. и разработаны мероприятия по подготовке и проведению знаменательной даты для трудящихся города. На этом же II пленуме выступающий предлагал: «... В области промышленности, транспорта и капитального строительства надо широко развернуть социалистическое соревнование... В разработанных мероприятиях и утвержденных бюро обкома КПСС предусматривается установить Красное Знамя горкома и исполкома горсовета депутатов отличившемуся коллективу в соревновании в честь 400-летия города Астрахани» [11, л. 32]. В других выступлениях давались конкретные рекомендации предприятиям по выпуску новой продукции: «на овчинно-шубном заводе освоить выработку овчин под цигейку, на комбинатах производственных трестов «Астраханстрой», «Астраханпромстрой» выпуск многопустотных железобетонных конструкций, на предприятиях местной промышленности и промысловой кооперации – новые виды обуви, мебели и т.д.» [11, л. 33]. Ряд предприятий: «кондитерская фабрика, хлебозаводы, завод безалкогольных напитков, табачная фабрика и некоторые другие должны были освоить выпуск юбилейной продукции» [11, л. 33].

Большие работы планировалось провести по благоустройству города (привокзальная площадь, территории района 17-й пристани, площади им. В.И. Ленина и т.п.), обводнению внутригородских рек Кутума, канала им. 1 Мая, Казачьего ерика, вводу нового жилья (планировалась сдать 85 тыс. м² жилой площади) и объектов промышленного строительства (томатный и квасной цеха на Горпищекомбинате, пустить в эксплуатацию первую очередь завода электронных приборов и др.) [11, л. 33–34].

Значительную роль в подготовке к празднику отводилось предприятиям общественного питания, от которых требовалось «оформить витрины и вывески, навести необходимую культуру внутри магазинов, кафе и столовых» [11, л. 42]. Особое внимание обращалось на предприятия городского транспорта, которые должны были не только празднично оформить трамваи, автобусы и такси, а первоначально провести косметический ремонт, так как «многие трамваи и автобусы в запущенном состоянии, с побитыми стеклами и с покраской, пришедшей в негодность» [11, л. 42]. В общем, резюмировал докладчик: «Товарищи! Как видите, объем работ в текущем году исключительно большой» [11, л. 37].

В ходе подготовки к «достойной встрече 400-летия Астрахани» многие трудовые коллективы города брали экономические обязательства по увеличению качества и количества производимого товара и оказываемых услуг, а региональные СМИ на протяжении всего «юбилейного» года освещали этот процесс: «Готовясь к переработке овощей Астраханский консервный завод брал обязательство в честь 400-летия Астрахани досрочно выполнить восьмимесячный план по выработке консервов». На других предприятиях в «лучших советских традициях» проводили социалистическое соревнование: «В Астраханской автотранспортной конторе № 2 облавтотреста трудятся более двухсот водителей... В дни подготовки к 400-летию юбилею города шоферы самосвалов соревнуются с водителями бортовых машин. За первый квартал переходящее Красное Знамя было присуждено группе водителей самосвалов... по итогам соревнования за второй квартал знамя было передано шоферам бортовых машин» [4]. Часто такие предприятия вызывали друг друга на социалистическое соревнование: «Горячо откликнулись работники вагонного депо станции Астрахань II на призыв коллектива судоверфи им. С.М. Кирова о развертывании социалистического соревнования за достойную встречу 400-летнего юбилея города. Работники автоконтрольного пункта, сборочного, механического, колесного цехов и пункта технического осмотра вагонов взяли на себя бригадные, цеховые и индивидуальные обязательства и с честью выполняют их» [1].

На протяжении всего 1958 г. предприятия и организации города докладывали о своих экономических достижениях, которые также публиковались в прессе: «Коллектив завода стандартного домостроения, соревнуясь в честь 400-летия Астрахани, брал обязательство – выполнить производственный план 10 месяцев по выпуску валовой продукции на пять дней раньше срока. Обязательство выполнено на 15 дней раньше обещанной даты», а бондарный завод им. Ф. Дзержинского выполнил план по выпуску валовой продукции на 115 %, товарной продукции – 113 % [6]. Бондарный завод им. Сталина выпустил сверх плана 100 тысяч ящиков [5]. Хороших успехов добились трамвайщики Астраханского гортрампарка. Их сверхплановый пробег вагонов составил 45 тысяч вагоно-километров. Это достижение на 5 % повысило производительность труда [3].

Особое внимание уделялось применению новых, более эффективных методов, которые бы увеличивали производительность труда. «В прошедшем квартале более 40 % нефтепродуктов флот Волготанкера перевез методом толкания. Этот способ позволяет намного повышать производительность судов. Применяя прогрессивные приемы судовождения, экипаж теплохода «Иван Сусанин» выполнил июньский план на 144 %, теплохода «Бестужев» – на 126 %, нефтевоза «Саврасов» – на 119 %. Их коллективы не сдают темпов и в июле, борясь за достойную встречу 400-летия Астрахани» [1]. Ряд инновационных методов внедряемый в производства давали реальный экономический эффект в конкретном денежном выражении. «На заводе им. К. Маркса состоялась конференция рационализаторов и изобретателей. Новаторы завода добились больших успехов в соревновании за достойную встречу 400-летия Астрахани. Они внесли 165 предложений, экономический эффект от внедренных предложений составил более 300 тысяч рублей. Предложение т. Новака дало 52 тысячи рублей экономии» [1].

За сухими статистическими данными экономических успехов не забывали отметить конкретных людей, добившихся высоких показателей. В региональной прессе периодически сообщалось о героях труда и их достижениях: «Достоинно встречают 400-летний юбилей Астрахани литейщики ремонтного завода областного управления сельского хозяйства М. Власенко и А. Коровин. Детали, которые они отлили сверх плана, – хороший подарок к юбилею города. Электросварщик завода им. Урицкого И. Елесин ежедневно выполняет до двух норм в смену, и таких, как он у нас в городе сотни и тысячи» [6]. В автобазе областного автотреста в социалистическом соревновании отличились шоферы Барсков, Линько, Гикаев, слесари Шишкин и Просвирин, кузнец Тюрин и некоторые другие [8].

Нередко герои труда удостоивались не только упоминания в статьях, а им посвящали небольшой газетный очерк. В статье «Вместе с заводом» рассказывалось о трудовой деятельности рабочего ремонтно-механического завода С. Амирова. Он выполнял ежедневно сменное задание на 200 %, выступал с рационализаторскими предложениями и был членом заводского и городского комитетов ВЛКСМ [5].

Ряд предприятий города в рамках подготовки к празднику, как и планировалось, выпускал «юбилейную» продукцию. Горпищкомбинат изготавливал печенье «Октябрь», на коробках которого было нарисован кинотеатр «Октябрь», а на самом печенье ставилась виньетка «Астрахани 400 лет». Кроме этого, предприятие выпускало печенье «Привет» с рисунком речного вокзала на коробке. Астраханская кондитерская фабрика стала выпускать шоколадные конфеты, на коробке которых изображались рисунки с видами Астрахани и шоколадные «медали», на которых был вытеснен Астраханский кремль. Астраханский мясокомбинат наладил выпуск новых сортов вареной и полукопченной колбасы, сосисок и сарделек, а «изюминкой» товарного ряда стала «буженина карбонат». Новый сорт пива – «Астраханское белое» выпустил Астраханский пивкомбинат. Это пиво относилось к оригинальным сортам, и продавать его планировалось в бутылках емкостью 0,3 литра. Астраханский ликероводочный завод наладил выпуск юбилейных наборов вин [2].

Волжский нефтяной флот пополнялся новыми судами и к праздничной дате в составе Волготанкера появился теплоход, получивший название «400 лет Астрахани». В конце сентября 1958 г. этот теплоход отправился в свой первый рейс из Астрахани в Горький (сейчас г. Нижний Новгород), и экипаж посвятил его юбилею родного города [7].

Для придания большей статусности мероприятиям по увеличению производительности труда учредили юбилейную городскую «Книгу почета». В ней были отмечены производственники, рационализаторы, инженеры и техники, добившиеся лучших показателей в соревнованиях в честь 400-летия Астрахани. Кандидатов для внесения в эту книгу представляли районные комитеты КПСС и районные исполкомы. Предполагалось, что «Книга почета» будет выставлена на городской промышленной выставке, а затем ее передадут на хранение исполкому городского Совета депутатов трудящихся» [4].

Несмотря на то, что в официальных изданиях сообщалось о повсеместном выполнении и перевыполнении планов и производственных показателей, а трудовые коллективы «в ходе праздничных мероприятий» за свой самоотверженный труд получили соответствующие награды и общественное признание, на ряде заседаний областной и городской партийных организаций некоторые докладчики приводили критические статистические показатели. В справке «Об итогах работы промышленности города в III квартале 1958 г.», а это как раз «предпраздничный квартал» (июль – август – сентябрь) приводилась следующая информация: «Промышленность города за III квартал 1958 года по выпуску валовой продукции выполнила план на 91 %, не додав продукции на сумму 49 745 тыс. рублей. Из 83 промышленных предприятий 23 не обеспечили выполнение плана, из 20 артелей промысловой кооперации 5 не выполнили производственных планов. Производительность труда выполнена на 89,8%. Из 77 промышленных предприятий не выполнили план по производительности труда 20 предприятий, а из 20 артелей не выполнили 7 артелей» [12, л. 4].

На внеочередной VIII Астраханской областной партийной конференции, которая состоялась 7–8 января 1959 г. докладчик приводил следующие критические примеры: «План капитальных вложений в промышленное и жилищное строительство за 11 месяцев истекшего года выполнен на 75 %. Годовой план капиталовложений на 1 декабря по целлюлозно-картонному комбинату освоен на 46 %, по заводу стандартного домостроения на 44 %, по заводу электронной аппаратуры – 76 %... Не выполняется план по вводу жилой площади государственными предприятиями. Сорваны сроки ввода в эксплуатацию 32-квартирного дома мясокомбината, 27-квартирного дома завода «Красные баррикады», 48-квартирного дома АстрГРЭС... За 9 месяцев 1958 г. допущено удорожание строительно-монтажных работ на 3811 тыс. рублей. Особенно большие убытки допустили СМУ № 1 (т. Ноздрин), № 4 (т. Трахтман), № 7 (т. Вачнадзе) треста «Астраханпромстрой» [14, л. 14]. По мнению выступающего основной причиной этих недостатков является «подбор и расстановка кадров на ряде предприятий, транспортных организаций и строек, который поставлен неудовлетворительно, к назначению работника подходят наспех, без учета его деловых и политических качеств» [14, л. 14].

Стоит отметить, что ошибки в подборе руководящих кадров были не единственным недостатком, отражающимся на выполнении производственных планов. На этой же конференции другой докладчик предлагал обратить внимание на следующий факт: «Заслуживает серьезного внимания вопрос обновления станочного парка и оборудования, особенно на судоремонтных заводах. Вот некоторые данные. На заводе им. Сталина из 245 единиц оборудования, оборудование выпуска с 1895 года по 1945 год – 151 единица или 61 %. На заводе им. X годовщины Октябрьской революции из 283 единиц оборудования, от 10 до 100 лет работает 161 единица или 59 %, причем имеются станки выпуска 1850–1860 гг. Не лучше положение на других заводах. Как говорят, на таком оборудовании далеко не уедешь» [14, л. 46].

Другая причина невыполнения плановых показателей, возможно, скрывалась в невысоком уровне образования трудящихся предприятий города. В одной из справок, подготовленной для заседаний бюро Астраханского ГК КПСС (сентябрь – декабрь 1958 г.) говорилось, что «на рыбоконсервно-холодильном комбинате, этом передовом предприятии 298 человек имеют начальное образование, 950 человек имеют образование от 5 до 7 классов, а также есть 118 малограмотных человек и 106 неграмотных человек. На заводе им. X годовщины Октябрьской революции из 557 молодых рабочих имеют среднее и семилетнее образование 226 человек, 300 человек не имеют семилетнего образования, а 31 человек не имеет даже начального образования. На бондарном заводе им. Дзержинского 47 человек не имеют начального образования и 429 человек не имеют семилетнего образования» [12, л. 6–7], и аналогичные данные по многим предприятиям Астрахани.

Региональные власти понимали, что требовалось усилить работу по подготовке специалистов со средним и средним специальным образованием. В связи с этим в Совет Министров СССР 17 февраля 1958 г. было отправлено письмо, в котором указывалось, что «рост сети средних общеобразовательных школ и специальных средних учебных заведений потребует с 1960 по 1970 годы ежегодной подготовки 250 учителей по специальности: математика, физик, русский язык и литература, биология, химия, и других... Постоянное развитие пищевой, судостроительной и судоремонтной промышленности, производства новых строительных материалов и других отраслей народного хозяйства требует большое количество специалистов различных профилей. Работающие в г. Астрахани в настоящее время вузы не смогут удовлетворить эти потребности. Астраханский обком КПСС, облисполком, совнархоз просят реорганизовать Астраханский государственный педагогический институт в государственный университет со следующей структурой: факультетов – 3, кафедр – 19, и проводить подготовку по 10 специальностям. Для укомплектования штата профессорско-преподавательского состава университета в течение 5 лет потребуются дополнительно 60–70 преподавателей для физико-математического и естественного факультетов...» [13, л. 6]. Однако на заседании Президиума Совета Министров РСФСР было вынесено следующее решение: «Предложение Астраханского обкома КПСС, облисполкома и совнархоза о реорганизации Астраханского педагогического института в государственный университет не принимать» [13, л. 18].

Несмотря на указанные выше недостатки, все же к праздничной дате по итогам социалистического соревнования трудовых коллективов бюро ГК КПСС и исполкома городского Совета депутатов трудящихся приняли следующее постановление: «Признать победителями в социалистическом соревновании в честь 400-летия основания города Астрахани и вручить на вечное хранение юбилейные Красные знамена с одновременным занесением с юбилейную городскую «Книгу почета» [9] и далее шел перечень предприятий, коллективы которых стали победителями. В их числе были коллективы: судовой им. С.М. Кирова, Астраханского отделения Приволжской железной дороги, строительного управления Главморрестрой, судоремонтного завода им. XXX годовщины Октябрьской революции, судоремонтного завода им. Сталина, судоремонтного завода им. III Интернационала, лесотарного завода, речного

порта, автотранспортной колонны № 2 областного автотреста [9]. Все же трудящиеся этих предприятий заслужили поощрения, так как выполнили намеченные производственные показатели.

Много было сделано и для благоустройства города. Вот как описывает свои впечатления рабочий асфальто-бетонного завода А. Береснев: «Сейчас накануне празднования 400-летия Астрахани, мне хочется поделиться своими впечатлениями о древнем городе на Волге. Здесь много красивых мест и зеленых уголков. Привлекают чистотой и обилием зелени улица Советская, набережная Волги, парк 17-й пристани, мне очень нравится парк культуры и отдыха им. Карла Маркса... Сюда я прихожу после работы отдохнуть» [5].

Готовясь встретить праздник Астрахани, город стали украшать яркой иллюминацией и транспарантами с напоминаниями о его исторической дате: «Цифра 400. Ее вы встретите сегодня на протянувшемся через улицу лозунге, золотой краской отливают она с огромных панно. Эта цифра смотрит на вас с витрин магазинов, с трамвайных плакатов и даже со значков на груди у астраханцев. Она сама говорит за себя. В ней – и юбилей и празднование его, и возраст нашего древнего города... Над городом опускается темнота и ярко миллионами электрических огней озаряются улицы и площади Астрахани. Десятки тысяч астраханцев гуляют по городу и любуются его красивым праздничным нарядом. И внимание всех привлекают захватывающие своим светом огни неоновых реклам и уличных фонарей яркие буквы – «Нашему городу 400 лет» [8].

Сам праздник отмечался два дня – в последние выходные октября 1958 г. В субботу в здании драматического театра им. С.М. Кирова состоялась юбилейная сессия Астраханского городского Совета, а вечером на разных площадях с импровизированных трибун с концертами выступали чтецы, музыканты и певцы. В воскресенье состоялась торжественное шествие по улицам Астрахани молодежи предприятий и организаций города и области, а заканчивалось это шествие на площади им. В.И. Ленина: «Площадь им. В.И. Ленина. Она моложе всех новостроек в городе. Тысячи астраханцев пришли сюда в этот праздничный день. На площади играли духовые оркестры, и весь день танцевала и веселилась молодежь» [10].

Далее праздничное представление продолжилось на обновленной набережной реки Волги: «Первым прошел катер, над ним развевается огромный алый стяг с цифрой 400... И вот, словно много веков назад, красавица Волга несет на своей груди разукрашенные челны атамана С.Т. Разина. Очень красивую пантомиму создали рабочие рыбоконсервно-холодильного комбината, судоверфи им. С.М. Кирова и учащиеся мореходного училища» [10].

Параллельно с этим водным представлением проводились спортивные мероприятия. На улицах города (старт и финиш были на площади им. В.И. Ленина) проводилась легкоатлетическая эстафета. На стадионе «Труд» состоялся товарищеский футбольный матч между командой «Труд» и куйбышевской командой «Крылья Советов». В многочисленных клубах и Дворцах культуры состоялись праздничные вечера и балы, а вечером астраханцы вновь собрались на набережной Волги: «Ровно в 8 часов вверх взлетела ракета, а затем все небо озарилось десятками разноцветных огней. Это был праздничный салют в честь славного юбилея родного города. Залп следовал за залпом и в небе вспыхивали красные, зеленые и желтые ракеты. Красивейшее зрелище: сверкающие огнями иллюминированные суда, все в водных струях, блестящих под лучами прожекторов. Город салютовал в честь своего четырехвекового юбилея. Так закончился этот праздник города-юбилея, нашей древней Астрахани, которой исполнилось четыреста лет» [10].

В период существования Советского Союза астраханцы больше не праздновали день рождения своего города. Эта традиция возродилась в начале 1990-х гг., когда советские праздники (1 мая или 7 ноября) перестали отмечаться очередными социально-экономическими достижениями и больше не сопровождалась организованными всенародными демонстрациями. Именно в это время их заменил, возродившийся день рождения города, или как сейчас его называют День города. Теперь к этому празднику приурочивается целая череда мероприятий, в ходе которых подводятся итоги социально-экономического и культурного развития города, а также награждают отличившихся в каких-либо сферах общественной деятельности горожане. Кульминацией праздника стали народные гуляния, сопровождающиеся праздничными концертами на разных площадках города и фейерверком на набережной Волги, как и при праздновании 400-летия со дня основания Астрахани.

Список литературы

1. Волга. – 1958. – 12 июля.
2. Волга. – 1958. – 14 июля.
3. Волга. – 1958. – 18 июля.
4. Волга. – 1958. – 31 июля.
5. Волга. – 1958. – 20 августа.
6. Волга. – 1958. – 24 августа.
7. Волга. – 1958. – 02 октября.
8. Волга. – 1958. – 24 октября.
9. Волга. – 1958. – 26 октября.
10. Волга. – 1958. – 28 октября.
11. Государственный архив современной документации Астраханской области (далее ГАСД АО). – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 1.
12. ГАСД АО. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 7.
13. ГАСД АО. – Ф. 325. – Оп. 34. – Д. 3.
14. ГАСД АО. – Ф. 325. – Оп. 36. – Д. 10.
15. Тимофеева Е. Г. История строительства в Астраханской области: от истоков до современности / Е. Г. Тимофеева, С. В. Лебедев, Р. З. Умеров, А. О. Тюрин, Р. А. Таркова, С. А. Федин, И. В. Кузьмина, И. В. Торопицын, А. А. Воронова, А. И. Алексеева, Н. И. Кулакова, Т. Н. Бармина, Г. Г. Карнаухова. – Астрахань : Нова, 2017 – 236 с.

БУДДИЙСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ СЕТИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЮГА РОССИИ¹

Топчиев Михаил Сергеевич,

*кандидат политических наук, старший научный сотрудник,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Черничкин Дмитрий Алексеевич,

*магистрант кафедры культурологии,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

С развитием информационных технологий появляется новый коммуникативный феномен – социальные сети. К их исследованию учёные из разных областей, в том числе и гуманитарии, обращаются всё чаще. Впервые, термин «социальная сеть» введен в 1954 г. Дж. А. Барнсом и обозначает объединение социальных позиций – социальных акторов и их связей [1]. В свою очередь, М. Кастельс в работе «Галактика интернет» отмечал, что «сети – это достаточно старые формы материализации человеческой деятельности, однако в наши дни они обрели новую жизнь в результате превращения их в информационные сети, объединенные Интернетом» [5, с. 13]. Данное определение можно отнести и к религиозным сетям.

Мировые религии и современные религиозные культы, расширяясь, постепенно выходят на просторы интернета. Не стал исключением и буддизм. Поэтому в рамках данной статьи уместно рассматривать буддийские сети на территории Юга России в двух проявлениях: традиционный, подразумевающий под собой главным образом физический контакт священнослужителей и прихожан, и виртуальный, который ориентирован на контакт через различные интернет сети, форумы, сайты храмов и т.д. В первую очередь, рассмотрим, как возникли на территории Юга России традиционные буддийские сети.

Исторически, территория Юга России формировалась как поликультурная и полиэтничная. Постепенно, на данную территорию приходили различные народы со своими традициями, законами, обычаями и религией. Не стали исключением и калмыки или ойраты, как их называли в то время, которые стали переселяться на территорию России в конце XVI – начале XVII в., в связи с дефицитом пастбищ для скота, а также междоусобными войнами в Джунгарском ханстве. В 1608–1609 гг. они впервые принесли присягу русскому царю. Впоследствии ойраты-переселенцы, которых русские стали называть калмыками (по примеру их тюркоязычных соседей), стали расселяться по территории междуречья Эмбы и Яика (Урала), а также по берегам Волги. Они же принесли с собой буддизм, который по мере своего распространения с течением времени занял особое место в социокультурном пространстве Российского государства и явился третьей мировой религией на его территории.

В ходе исторического развития буддизма, в России сложилось 3 центра буддийской культуры, который стали функционировать независимо друг от друга: калмыцкий в Нижнем Поволжье, бурятский в Забайкалье и тувинский в Саянах [9, с. 75]. В рамках данной статьи мы рассмотрим только один центр буддийской культуры – калмыцкий.

По мнению М.С. Уланова «калмыцкий центр буддизма находится в более уязвимом положении, чем остальные два. Буддийский очаг на территории Калмыкии представляет собой «остров», который окружен традиционно православными и исламскими территориями» [8]. Нижневолжский ареал буддизма, по его мнению, оказывается «зажатым между двумя мощными конфессиональными плитами. Калмыки, являясь единственным европейским этносом, традиционно исповедующим буддийскую религию, занимают особое положение в социокультурном пространстве России» [9, с. 76].

До начала XX в. буддийские хурулы на территории Калмыкии были своеобразными центрами калмыцкой культуры, а также занимались лечением и образованием. С приходом советской власти и установлением идеологии атеизма в стране, все буддийские храмы были разрушены или перестроены под хозяйственные нужды. Что касается калмыцкого духовенства, то оно было полностью репрессировано [8].

Частичное восстановление буддизма в республике Калмыкия началось с 1988 г., с официально зарегистрированной первой буддийской общины, и продолжается по настоящее время. Стали заново строиться молельные дома, на пожертвования верующих, которые были частично перестроены и переоборудованы из пустующих помещений. Позднее, при значительной материальной поддержке государства и пожертвований Далай-ламы XIV, который впервые посетил республику в 1992 г., были построены новые каменные хурулы, соответствующие всем буддийским канонам. Первым из таких был хурул в г. Лагань, открытый в 1995 г. [2, с. 13].

В это же время были открыты новые хурулы в поселке Аршань-Зельмень – Ики-хурул, (1997 г.) и Ики-Чоносковский хурул, (1997 г.) Впоследствии, благодаря пожертвованиям местных буддистов и органов местной власти республики были открыты крупные хурулы в поселках Цаган-Аман, Яшкуль, Ики-Бурул, Аршань-Зельмень и др. Открылись молельные дома в г. Городовиковск, совхозе Хомутниковский, п. Кетченеры, с. Троицком и др. Таким образом формировалась реальная сеть, где связующим узлом являлся хурул.

Но одним из главных событий для калмыцких буддистов стала постройка и открытие в 1996 г. на окраине г. Элисты храма Сякюсн Сюме, который на некоторое время стал духовным центром калмыцкого буддизма. В на-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 17-33-01095 "а2" «Транснациональные религиозные сети и конфессиональная безопасность».

стоящее время данный храм функционирует, но не является главным хурулом Калмыкии, вследствие чего само здание и прилегающие постройки находятся в ухудшенном состоянии.

На сегодняшний день центром калмыцкого буддизма является хурул Бурхн Багшин Алтын Сюмэ (Золотая обитель Будды Шакьямуни), открытый в 2005 г. в центре г. Элиста на земле, освященной в 2004 г. самим Далай-ламой XIV. Весомый вклад в постройку самого большого буддийского храма в Европе внес бывший президент республики Калмыкия Кирсан Илюмжинов, который за время своего нахождения на посту главы республики всячески способствовал возрождению буддийской культуры.

Говоря о восстановлении буддийских храмов на территории Калмыкии нельзя не упомянуть про новое поколение священнослужителей, в которых нуждались новые храмы для возрождения почти стертого на данной территории буддизма. Новые монахи проходят свое обучение в буддийских центрах Монголии, Индии и Бурятии. Новыми калмыцкими ламами стали выпускники духовной академии в г. Улан-Батор. Например, Анджа-лама в пос. Кетченеры, Бальджиния-лама в пос. Цаган-Аман, Лузунг-лама в пос. Яшкуль. Также, в 1993 г., во время своего очередного визита в Элисту, Его Святейшество Далай-лама XIV посвятил 13 местных последователей данного учения в монахи [7].

С каждым годом растет число буддийских монахов, которые принимают верующих в своих домах, что, с нашей точки зрения, является отличительной особенностью российского буддизма в целом. В республику Калмыкия периодически приезжают священнослужители из Бурятии и Монголии. Местные буддисты также занимаются подобной частной практикой. Обращаются к ним, в основном, по обрядовым вопросам. Прихожане объясняют подобные действия тем, что их не устраивает прием в хурулах у тибетских лам через третье лицо (переводчика).

Спектр деятельности буддийской организации в Калмыкии очень обширен. В основном они практикуют буддийские учения, принимают участие в обрядах и консультируют прихожан по религиозным вопросам. Но помимо этого они постоянно укрепляют связи с другими буддийскими центрами России (Петербургский, Бурятский, Тувинский), буддийскими центрами Индии и Монголии. Калмыцкие священнослужители постоянно принимают участие в буддийских семинарах, различных межконфессиональных собраниях, организуют обучение своих учеников во многих буддийских храмах. Некоторые священнослужители создают общины и центры, где они занимаются самообразованием, организуют лекции для прихожан, а также проводят массовые религиозные практики.

Практически у каждого буддийского храма на территории Калмыкии и Астраханской области имеется своя группа в социальной сети «ВКонтакте» либо отдельный сайт, как например сайт главного хурула Калмыкии [4]. На нем можно найти различные исторические справки о происхождении буддизма в мире и появлении на территории России, календарь религиозных событий, местонахождение и контакты всех хурулов и ступ Республики Калмыкия и Астраханской области, а также расписание служб и многое другое. Сайт активно ведет свою работу и постоянно обновляется.

Что же касается групп в социальных сетях, то они немногочисленные, в основном от 90 до 300 чел. и различны по своей активности. Самой активной является группа Лиманского хурула (п. Лиман, Астраханская обл.). Она создана для общения, знакомства молодого поколения с историей, традициями и обычаями калмыцкого народа, воспитания духовно нравственных качеств. Так же в группе можно найти информацию о работе калмыцкой общины, праздниках и мероприятиях, связанных с жизнью калмыцких буддистов. В нее практически ежедневно добавляются видеозаписи, аудиозаписи и электронные издания книг на буддийскую тематику. Выкладываются записи, рекламирующие различную буддийскую религиозную атрибутику ручной работы. Число участников насчитывает 165 чел. из почти 800 калмыков, проживающих в Лиманском районе. Администратором данной группы является настоятель данного хурула, который также имеет свою личную страницу в социальной сети [6]. С сентября 2017 г. группа является закрытой для посторонних.

Имеют свои страницы в социальных сетях Дунд хурул (с. Малые Дербеты, респ. Калмыкия), Хошеутовский хурул (с. Речное, Астраханская обл.), Оргакинский хурул (п. Оргакин, респ. Калмыкия) и Бага-Чоносковский хурул (п. Бага-Чонос, респ. Калмыкия).

Таким образом, мы видим, что на окраинах территории Юга России в течение первого, исторического периода начала формироваться буддийская сеть, которая была ослаблена в период существования советской власти. Восстановление ее произошло уже в постсоветский период, а в последние годы эти процессы были усилены формированием параллельной виртуальной сети.

Список литературы

1. Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Island Parish / J. A. Barnes. – Available at: <http://pierremerckle.fr/wp-content/uploads/2012/03/Barnes.pdf>.
2. Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии: Основные этапы истории / Э. П. Бакаева // Буддизм России. – СПб., 2009. – С. 9–18.
3. Бакаева Э. П. Калмыцкое духовенство в начале XX в.: традиции и новые тенденции / Э. П. Бакаева // Буддийское духовенство и культура калмыцкого народа. – Элиста, 2004. – С. 40.
4. Золотая обитель Будды Шакьямуни (центр духовности). – Режим доступа: <http://khurul.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург : У-Фактория, 2004. – С. 13.
6. Лиманский хурул. – Режим доступа: <https://vk.com/club54716187>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

7. Марзаева М. Б. Восстановление буддийской традиции в республике Калмыкия / М. Б. Марзаева // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII–XXI вв.) : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (Краснодар, ноябрь – декабрь 2013 г.) – Режим доступа: <http://kkx.ru/lib/nd/vserossiyskaia/konferenciya/r-4-6>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

8. Уланов М. С. Буддизм в социокультурном пространстве России (социально философский анализ) : автореф. дис. д-ра филос. наук / М. С. Уланов. – Ростов н/Д., 2010. – Режим доступа: <http://www.dissertcat.com/content/buddizm-v-sotsiokulturnom-prostranstve-rossii>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

9. Уланов М. С. Буддизм в Калмыкии: проблемы возрождения и перспективы развития / М. С. Уланов, В. Н. Бадмаев // Юг России в первом десятилетии XXI века: итоги, проблемы и перспективы. – Ростов н/Д. : СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. – Ч. 1. Южный федеральный округ. – С. 74–86.

АСТРАХАНЬ В ОРБИТЕ ЕВРОПЕЙСКО-ВОСТОЧНОЙ ТОРГОВЛИ В XVIII в.

Торопицын Илья Васильевич,

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Выгодное географическое положение Московского государства на пути из Европы в Азию с давних лет создавало предпосылки для использования ее территории в качестве удобного маршрута для развития международной транзитной торговли. Водный путь на Восток проходил по территории Поволжья и далее по Каспийскому морю. Этот торговый путь и ключевые пункты на нем, включая Астрахань, были известны в Западной Европе уже в XVI столетии. В XVII в. представители ряда европейских государств неоднократно предпринимали попытки получить разрешение о допуске их купцов к торговле с персами через территорию России. При этом Астрахань постоянно фигурировала при обсуждении, что свидетельствует о том, что этому городу европейцы отводили одну из самых важных ролей в торговле восточными товарами [7, с. CXLVII–CXLVIII; 1, с. 64–67].

Среди российских правящих кругов периодически появлялись сторонники идеи предоставления иностранцам права на транзит товаров через территорию России. В ходе Великого посольства, предпринятого в страны Европы в конце XVII в., российские послы на переговорах с правительством Генеральных Штатов подняли вопрос о возможности предоставления голландцам привилегий в торговле с Персией через территорию России. Начатые в ходе Великого посольства переговоры по этому вопросу велись до 1716 г., но окончились безрезультатно [3, с. 405–406; 4, с. 103–107; 8, с. 545]. Проявлял интерес к развитию транзитной торговли через Россию и персидский двор. Просьба о содействии в транзите персидских товаров, принадлежащих шаху, через Россию в Голландию впервые была озвучена в 1709 г. во время приезда шахского «человека» Шамши Магомет Казы-бекова [14].

В правление императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны данный вопрос вновь обсуждался в российском правительстве в связи с перспективами заключения русско-голландского торгового договора. Но на этот раз голландцев опередили англичане, успевшие заключить аналогичный договор с Россией в 1734 г., по которому получили право транзита товаров в Персию и обратно. В этих условиях голландскому правительству решено было отказать в аналогичной привилегии. Однако и в этой ситуации среди голландцев оказались предприимчивые люди, которые сумели вместе с англичанами включиться в транзитную торговлю. Для этого, например, голландцу М.К. ван Миропу пришлось принять английское подданство, другой голландец Тиммерман к этому времени успел объединиться в совместную с англичанами компанию, которая активно поддержала деятельность вновь учрежденной английской Русской компании. Но англичане вскоре после начала своей деятельности по политическим мотивам были досрочно лишены российским правительством привилегии на транзит товаров в Персию и обратно через Россию. Таким образом, голландским купцам периодически удавалось принять участие в торговле с Персией по Волго-Каспийскому пути, но эта деятельность не носила продолжительного характера [16].

Гораздо более успешной в этом отношении была коммерция армянской Джульфинской торговой компании. В правление в России Петра I между российским правительством и компанией армянских купцов из Джульфы был заключен договор практически на тех же условиях, что и в XVII в. Армянская компания обязалась провозить персидские товары в Европу только через Россию. Кроме того, джульфинцы обязаны были по договору с российским правительством ввозить европейские товары в Персию тоже исключительно через территорию России. Указ Коммерц-коллегии от 5 июля 1725 г. подвел итог под длительным периодом налаживания партнерских отношений между российским правительством и армянской Джульфинской торговой компанией. В соответствии с этим указом оформление товаров производилось в приморских городах (Астрахани и Санкт-Петербурге), а оплата за транзит по России осуществлялась в Москве. Прохождение груза по России отслеживалось таможен и Коммерц-коллегией.

Джульфинская торговая компания имела тесные связи со своими соотечественниками в России (в первую очередь, в Астрахани) и Голландии (главным образом в Амстердаме) благодаря чему преуспела в развитии персидско-голландской торговли [12, с. 330]. Сами джульфинцы признавали, что купцы, живущие в Астрахани, играли большую роль в европейско-персидской торговле. «Мы нижайшие издревле для отправления нашего купечества при Астрахане, яко портовом городе, имели корреспондентов из российских купеческих людей, – писали армянские купцы в 1749 г., – и с нами купечество отправляли свободно, бес которых не токмо в Астрахани, но в Голландии и в протчих европейских местах по купеческому обстоятельству обойтись никак невозможно» [6, л. 10–10об.].

Материалы астраханских таможенных книг сохранили записи, свидетельствующие об отпуске товаров из Астрахани в Санкт-Петербург для отправки в европейские страны. По подсчетам А.И. Юхта, в 1733 г. транзит шелка через Россию в Европу составил 23 партии товара, в 1734 г. – 26 партий. Общий объем привезенного шелка из Пер-

сии в указанные годы оценивался в 1600 пудов. Как отмечает автор, эти партии принадлежали в основном купцам Джюльфинской компании, которые доставили их из персидской провинции Гилян в Астрахань, а потом через Москву и Санкт-Петербург вывезли в европейские страны [17, с. 43–44, 46]. В 1737–1738 гг. джюльфинскими купцами было вывезено из Персии для экспорта через Россию в Европу товаров на 154238,9 рублей. В 1739 г. купцы Джюльфинской компании привезли из Персии транзитных товаров на 179190,2 рубля [11, с. 211–233].

Несмотря на изменчивую конъюнктуру рынка, армянские купцы достаточно успешно торговали в России, занимали прочные позиции в транзитной торговле персидскими и голландскими товарами, регулярно посещали Амстердам. Они активно пользовались голландским финансовым и торговым капиталом, доступ к которому им открывал амстердамский рынок с его развитой финансово-кредитной системой, что признавали и основные конкуренты голландцев на мировом рынке – англичане. Проживавшие в Астрахани армянские купцы указывали, что «ведут купечество не все собственным своим капиталом, но... берут деньги и товар на кредит и по векселям в долг ис процентов. А иные купцы, армяне, получают товары в Голландии и ис протчих заморских мест от корешпондентов своих в долг же ис процента» [17, с. 91]. По оценкам англичанина Дж. Ганвея, причиной успешной деятельности армянских купцов в 1740-х гг. стал налаженный кредит, который компания получала в Голландии, «соединенный с их собственными капиталами» [18, р. 300]. Во многом благодаря деятельности армянских купцов и ремесленников в Астрахани формируется рынок драгоценных камней, тесно связанный с голландско-персидской торговлей в XVIII в. [13].

На фоне успехов армянских купцов в европейско-восточной торговле в правящих кругах Персии рождается идея наладить прямую торговлю через Россию с европейскими странами без посредничества армянского купечества. В 1746 г. персидский шах Надир направил в Астрахань своего представителя Аджы Мухаммеда Шефи, занимавшего до этого должность таможенного управителя в провинции Гилян. Как сообщал консул И. Бакунин, шах назначил его «мумалики теджаром» (т.е. «государственным купчиной»). Согласно полученной при шахском дворе инструкции А.М. Шефи должен был находиться в Астрахани, защищать интересы персидских купцов и «повсягодно купеческую должность исправлять, покупая и отправляя ис Персии по вся годно в Россию, а оттуда в Голландию шелк и прочие способные товары, а на против того ис Голландии и из России присылая в Персию потребные на продажу, а не про собственный двора шахова обиход, всякие товары сукна и прочее» [5, л. 280об.]. Из шахской казны А.М. Шефи для организации этой торговли был выдан капитал, оцененный русским консулом в 100 тыс. руб. Инструкция, данная шахом, предписывала осуществлять все закупки непосредственно в Астрахани, а в Москву и в Амстердам не ездить [9, л. 86]. Прибыв в 1746 г. в Астрахань, А.М. Шефи намеревался торговать на астраханском рынке, но не сошелся в цене с местными купцами и настоял на том, чтобы его с товаром отправили в Москву. Пребывание шахского купчины в Москве затянулось на полтора года. Он держал высокую цену на вверенный ему в Персии товар и отказывался обменивать шелк на предлагавшиеся московскими купцами и фабрикантами товары. Ему приносили образцы сукон, но А.М. Шефи заявлял, что их цена его не устраивала, что российские купцы продают их в Персии дешевле. Когда переговоры зашли в тупик, А.М. Шефи стал добиваться, чтобы ему разрешили вывезти шелк в Голландию или хотя бы разрешили вырученные от продажи шелка деньги перевести по векселю в Голландию и выписать товары оттуда [9, л. 126об.]. Но российские власти воспрепятствовали этим планам. А.М. Шефи, распродав весь шелк в Москве, вынужден был вернуться в Астрахань. По договоренности с российским правительством у А.М. Шефи были приняты в Москве в казну 130 тысяч рублей с обязательством их выдачи по его требованию в Астрахани. Таким образом, видно, что шахскому купцу, даже не выезжая из России в Голландию, удалось продать свои товары с прибылью в 30 процентов. Однако закрепить этот успех персидским властям не удалось. А.М. Шефи пришлось уехать из России на родину. В 1747 г. Надир-шах был убит в результате заговора. В Персии наступили смутные времена, во время которых вопрос о координации деятельности персидских подданных купцов в России и развитии прямой торговли шахской казны с Амстердамом потерял свою актуальность и был отодвинут на задний план.

Во второй половине XVIII в. в Астрахани по указанию Коммерц-коллегии создается служба браковщиков. По настоянию астраханских властей в обязанность этой службы была включена проверка качества шелка-сырца и других товаров (крашенного гилянского и шемахинского шелка, пряденой и хлопчатой бумаги: мазандаранской, сальянской и хивинской), привозимых из стран Востока [15].

В рассматриваемое время Астрахань являлась крупнейшим российским рынком по торговле с Востоком, так сказать, «воротами» России в Азию. Здесь была сосредоточена основная торговля привозимыми из стран Востока товарами, в обмен на которые на астраханский рынок привозились не только российские товары, но и те, что поступали в Россию в результате русско-европейской и транзитной торговли. К последней группе относились цветные сукна, москательно-химические товары, разнообразные металлические изделия («нюрнбергские товары»), писчая бумага, предметы домашнего обихода (одежда, курительные приборы, трости, чернильницы, часы и часовые инструменты, очки, посуда, кофемолки, игрушки и т.д.), и другие изделия западноевропейских мануфактур и ремесел, книги, продукты переработки колониальных товаров и сельскохозяйственного производства [9, л. 142–147об.].

Особый интерес представляют сведения о привозе армянскими купцами из Голландии в Россию предметов изобразительного искусства для последующей доставки их через Астрахань в Персию. Согласно ведомости, составленной Коммерц-коллегией по материалам Санкт-Петербургской портовой таможни, в 1744–1745 гг. купцы армянской Джюльфинской компании привозили из Голландии для отправки через Россию в Персию картины и гравюры («картины печатные») [9, л. 146]. В 1749 г. астраханский мещанин Давыд Григорьев привез в Санкт-Петербург «из-за моря» семь «портретов в рамках» стоимостью в 3,5 рубля. В том же году «армянской компании армянин» Максим Филиппов объявил в Санкт-Петербургской портовой таможне среди привезенного из-за границы товара, предназначенного для вывоза в

Персию, 120 картин «печатных» по 30 копеек за штуку [10, л.17, 22об.]. Предметы искусства армянские купцы перевозили очень бережно. Как правило, на время транспортировки их помещали в специальные ящики.

Изучение ассортимента товаров, пользовавшегося наибольшим спросом на астраханском рынке, показывает, что русские и восточные купцы отдавали предпочтение голландским шерстяным изделиям (сукнам и стамедам), голландским червонцам (золотым дукатам), краскам, писчей бумаге, сахару, различным специям. Голландское происхождение имели также сыры, а отчасти и водка, привозимые в Астрахань в основном армянскими купцами напрямую из Амстердама. В то же время следует отметить, что не вся продукция, привезенная из Голландии в Россию, была там произведена. В Голландии продавались товары из многих стран. Однако именно из Амстердама направлялась в Россию основная масса товаров, которые потом встречались в русско-восточном товарообороте, центр которого находился в Астрахани.

Западноевропейские товары проделывали долгий путь, прежде чем оказаться на астраханском рынке. Так как европейским купцам был закрыт доступ в Астрахань, то их товары попадали сюда тремя основными путями. Во-первых, в результате товарообмена между европейскими и русскими купцами на ярмарке в Архангельске, в Москве и Санкт-Петербурге. Во-вторых, после покупки их у русских купцов в Москве и в других городах и ярмарках. В-третьих, напрямую из стран Европы.

Участники торговли западноевропейскими товарами в России находились в неравных условиях. Одни из них имели возможность получать эти товары напрямую, к другим они попадали, пройдя через серию перепродаж. Для большинства участников этой торговли была характерна продажа узкого набора западноевропейских товаров, другие, наоборот, стремились привезти широкий ассортимент изделий западноевропейского производства. К первой группе участников торговли западноевропейскими товарами относились российское правительство, представители русского и индийского купечества, ко второй – армянские купцы.

Казна специализировалась на продаже восточным купцам исключительно сукон и золотых монет. Среди товаров крупных русских купцов и индийцев помимо сукон встречаются в XVIII в. западноевропейские «колониальные» товары (преимущественно краски, сахар), писчая бумага. Эти купцы, особенно русские, отпускали товары на значительные суммы. Согласно данным Астраханской таможни, среди русских купцов, активно участвовавших в первой половине XVIII в. в русско-восточной торговле, известны жители Москвы Данила Земской, Андрей Евреинов, Гаврила Журавлев, жители Тулы Терентий Пастухов, Иван и Фома Лугинины, воронежский купец Яков Туленов, астраханец Федор Кобяков и другие. Из товаров западноевропейского производства они торговали преимущественно сукнами (голландскими, английскими, «кармазинными», «шленскими»), красками и сахаром, хотя в отдельных случаях отмечены перец, мелочные металлические изделия.

Большинство же русских купцов, не располагавших достаточным капиталом, чтобы вести торговлю с Востоком в большом объеме, привозили в Астрахань, как правило, небольшие партии сукон. Незначительные объемы вывоза западноевропейских товаров, характерные для жителей Астрахани, подтверждают предположение, что эти люди, скорее всего, приобрели их у тех, кто привез эти товары в России, в частности, на астраханский рынок, а не сами участвовали в прямой торговле с европейцами.

На этом фоне торговля армянских купцов, как состоящих в Джульфинской торговой компании, так и проживавших в Астрахани, отличалась большим разнообразием. В первой половине XVIII в. ассортимент товаров, непосредственно привозимых ими из Голландии, составлял около ста наименований. Среди них присутствовали сахар («кенарский» и «полукенарский», «пудер» и «леденец»), перец, кофе, чай, краски («консенель», брусковая и «армян») [9, л. 142–147об.].

Как уже отмечалось, джульфинские купцы были тесно связаны с армянской диаспорой Астрахани. Согласно имеющимся в нашем распоряжении данным, во второй половине XVIII в. астраханские мещане (преимущественно армяне) регулярно получали в Петербургском порту товары, адресованным им из-за рубежа. В 1765 г., например, астраханец Иван Буниатов получил товаров на 1650 рублей, «астраханского шелкового завода содержатель» Моисей Сафаров – на 4000 рублей. В 1772 г. получателями иностранных товаров в порту Санкт-Петербурга значились астраханские мещане Леонтий Буниатов, Реваз Залеев, Калуст Кеворков, Каспер Муратов, Авет Сергеев, Матвей Семенов. Общая стоимость их товаров составила 41516 рублей 75 копеек. В 1773 г. продолжилась деятельность на западноевропейском направлении астраханцев Ивана Буниатова и Матвея Семенова. Вместе с ними принимали импортные товары в Санкт-Петербурге Макар Григорьев, Ревак Анибеков, Каспер Муратов, Мартын Макаров, Михайла Татусов, Сергей Сафаров. В общей сложности в их адрес были доставлены товары на 32216 рублей 25 копеек. В 1775 г. в Петербургский порт поступили импортные товары в адрес астраханских мещан Исака Данилова, Христофора Исаева с племянниками, Исаия Матвеева, Михаила Иванова, Калуста Кеворкова, Григория Кампанова, Каспара Муратова, Матвея Семенова, Михаила Татусова и Ягана Готлиба Менцера на сумму 199502 рубля 25 копеек. В 1792 г. астраханцы были представлены среди получателей импортных товаров в Петербургском порту только Мартыном и Аветом Калустовыми, однако, размах их предпринимательской деятельности впечатляет – в их адрес поступил товар на 383300 рублей [2, с. 31, 36, 51, 54–55, 57, 95–96, 148].

При этом некоторые товары западноевропейского происхождения, в частности, сукна, писчая бумага, дукаты, были широко востребованы на астраханском рынке. Сукна шли на изготовление одежды и домашнего убранства, золотые дукаты использовались местным кочевым населением в качестве украшений, иностранная писчая бумага употреблялась в переписке между различными учреждениями и органами власти.

Таким образом, можно видеть, что в XVIII вв. Астрахань играла важную роль в системе торговых связей между странами Европы, преимущественно Голландией, и Персией. Через Астрахань проходил важный европейско-

восточный транзитный путь, которым активно пользовались купцы армянской Джульфинской компании для доставки восточных товаров в Европу и западноевропейских в Персию. При этом в Астрахани успешно действовали армянские и русские компаньоны джульфинских купцов, доминировавших в европейско-восточной транзитной торговле на протяжении большей части XVIII в.

Список литературы

1. Белов М. И. Россия и Голландия в последней четверти XVII в. / М. И. Белов // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (экономика, политика и культура) : сб. ст. – М. : Наука, 1966. – С. 64–67.
2. Внешняя торговля России через петербургский порт во второй половине XVIII – начале XIX в. / отв. ред. Е. И. Индова, Ю.А. Тихонов ; ред.-сост. А. И. Комиссаренко, И. С. Шаркова. – М., 1981.
3. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого / И. И. Голиков. – СПб, 1970. – Т. 4.
4. Голиков И. И. Дополнения к деяниям Петра Великого / И. И. Голиков. – СПб, – 1970. – Т. 5.
5. Государственный архив Астраханской области (ГАОО). – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 1087.
6. ГАОО. – Ф. 394. – Оп. 1 доп. – Д. 98.
7. Койэт Б. Посольство Кунраада Фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу ; пер. А. М. Ловягина / Б. Койэт. СПб. : Изд. Археографической Комиссии, 1900.
8. Письма и бумаги Петра Великого. – М. : Наука, 1975. – Т. 12, Вып. 1.
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 248. – Оп. 113. – Ед. хр. 1559.
10. РГАДА. – Ф. 1361. – Оп. 1. – Ед. хр. 14. – Л. 17, 22об.
11. Русско-индийские отношения в XVIII в. : сб. документов. – М. : Наука, 1965.
12. Соймонов Ф. И. Описание Каспийского моря и чиненых на оном российских завоеваний яко часть истории Петра Великого / Ф. И. Соймонов. – СПб., 1763.
13. Торопицын И. В. Астраханский рынок драгоценных камней / И. В. Торопицын // Каспиан – Россия. – London : Anglo-Kaspian publishin, 2002. – Вып. 7. – С. 107–124.
14. Торопицын И. В. «Едет он в город Амстердам». Грамота персидского шаха Хусейна Петру I. 1709 г. / И. В. Торопицын // Исторический архив. – 2009. – № 3. – С. 203–208.
15. Торопицын И. В. Создание службы браковщиков при Астраханской портовой таможне для контроля качества «немецких» товаров, вывозимых в Персию / И. В. Торопицын // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2008. – Вып. 2 (14). – С. 57–62. – (Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения).
16. Торопицын И. В. Роль голландцев в деятельности английской Русской торговой компании в 1740-х гг. / И. В. Торопицын // Aktuální vymoženosti vědy – 2011 : Materiály VII Mezinárodní vědecko-praktická conference. – Praha : Education and Science, 2011. – С. 60–63. – (Díl 9. Filosofie. Historie. Administrativa).
17. Юхт А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е годы XVIII века) / А. И. Юхт. – М., 1994.
18. Hanway J. An Historical account of the British trade over the Caspian Sea, with a Journal of travels from London through Russia into Persia / J. Hanway. – London, 1753.

СКОТОВОДСТВО В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ХОЗЯЙСТВАХ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX в.¹

Тушканов Игорь Валентинович,

*кандидат исторических наук, кандидат юридических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Волгоградский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ», г. Волгоград*

Во второй половине XIX в. скотоводство превратилось в важную отрасль сельскохозяйственного предпринимательства, став, в том числе, и основой специализации многих экономий. Как отмечают современники, в Нижнем Поволжье количество крупного рогатого скота постоянно росло [8, с. 100], так как большинство аграрных предпринимателей, учитывало стабильно высокую рентабельность разведения коров, и использовало открывающиеся возможности для извлечения хорошего дохода. Рост поголовья объясняется также тем, что помимо мясного и молочного производства, сельскохозяйственные предприниматели нижеволжского региона конца XIX в. осознавали важность крупного рогатого скота, как ведущей тягловой силы. Например, в Саратовской губернии за последние 12 лет XIX века поголовье выросло более чем в два раза: с 57 тыс. голов в 1889 г. до 125 тыс. голов в 1900 г. [2, с. 316; 3, с. 7; 6, с. 6, 9, 13, 16; 10, с. 2]. В сущности, предпринимательское скотоводство отсутствовало только во владениях без пастбищ или там, где само землевладение носило вспомогательный характер, например, хутор при базарной площади или мельнице.

Нижнее Поволжье является регионом с довольно разнообразным ландшафтом и климатом, что накладывало свои особенности на развитие скотоводства: такие факторы, как удаленность пастбищ, водопоев; урожайность луговых трав серьезно влияли на рентабельность мясомолочного производства. У основной массы сельскохозяйственных предпринимателей скот содержался летом на открытых загонах, а зимой в специально оборудованных помещениях (деревянных, реже – каменных, глиняных или саманных). Как, например, в хозяйстве крестьянина Г.П. Леднева, где было 22 взрослых особи крупного рогатого скота [5, л. 16]. В крупных хозяйствах, аналогичных современным,

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-11-34001.

животноводческим комбинатам, помещения для скота (отдельно молодняка и отдельно для взрослых особей) были теплые и хорошо проветриваемые, с двойным полом, оборудованные специальными поилками и кормушками. К числу таких можно отнести Тепловскую вотчину графа И.И. Воронцова-Дашкова, где было 390 голов скота [4, л. 16].

В качестве зимних кормов для крупного рогатого скота в Нижнем Поволжье использовались мякина, сено, солома, иногда овес, кукурузу, картофель. В результате, даже зимой и весной (до начала пастбищного содержания) мясные и молочные продукты, поставляемые сельскохозяйственными предпринимателями региона, высоко ценились на рынке, особенно в Западной Европе, где скот кормили фуражом. Показателем успешного развития скотоводства в предпринимательских хозяйствах региона являются специальные приспособления для подготовки кормов (чаны для парки, соломорезки, зернодробилки и силосные ямы). В результате кормов, как правило, хватало с избытком, что позволяло продавать их соседним крестьянам. В южной части региона, помимо традиционных источников воды для скота (реки, озера, пруды, колодцы и родники), аграрные предприниматели создавали искусственные водопой на отдаленных пастбищах.

Предпринимательские хозяйства Нижнего Поволжья при разведении крупного рогатого скота сталкивались с такой серьезной проблемой, как эпизоотии, т.е. массовые заболевания животных сибирской язвой, ящуром и другими недугами [11, с. 39]. В конце XIX в. (с 1880-х гг.) для борьбы с эпизоотиями стало активно применяться прививание скота, часто по инициативе местных земских органов. Так как не все скотопромышленники соглашались прививать свой скот (считая это слишком дорогим способом защиты), то земства отказывались страховать не привитых животных. Такой подход способствовал распространению вакцинации, и уже в 1893 г., например, в Саратовской губернии, прививки были сделаны половине поголовья крупного рогатого скота [7, с. 131], а в дальнейшем ежегодные вакцинации скота стали охватывать большинство предпринимательских хозяйств нижеволжского региона.

Эффективное развитие скотоводства невозможно без увеличения доли породистых животных, поэтому в предпринимательских хозяйствах Нижнего Поволжья проводилась большая работа по разведению породистого скота, для чего закупались племенные производители. Важно отметить, что аграрные предприниматели заботились не только о своих стадах, но и предоставляли окрестным крестьянам скрещивать свой скот с породистыми производителями, причем часто (примерно в 25 %), безвозмездно [6, с. 11, 22, 29, 37]. Как и во всей Европе, наибольшее распространение в регионе получила симментальская (мясомолочная) порода; также были популярны голландская (молочная) и калмыцкая (мясная) породы.

Разведение крупного рогатого скота в предпринимательских хозяйствах Нижнего Поволжья имело три главные цели: молочное производство, выращивание скота на мясо и подготовка тягловой силы. Иногда эти три задачи пересекались в одном хозяйстве, как, например, у дворянина П.С. Иконникова. Основу стада составлял чистокровный симментальский молочный скот, обеспечивающий разными молочными продуктами семью владельца, служащих и рабочих его хозяйства. Остальное молоко перерабатывалось в сливочное масло, которое шло на продажу в крупные города и, прежде всего, в Санкт-Петербург, принося предпринимателю по 10 рублей чистой прибыли с каждого пуда. Соседние землевладельцы и крестьянские общины охотно покупали племенных бычков и телок для улучшения породистости своих стад, а непроданные бычки выхолащивались и откармливались либо на мясо (убойный вес обычно достигал 24 пудов), либо для работы [9, с. 33–34], что давало П.С. Иконникову дополнительный доход. В предпринимательском хозяйстве Давыдовых небольшое стадо коров мясомолочной бестужевской породы (выведенной в России на основе симментальской породы) давало свыше 200 ведер (одно ведро составляла 12,3 л) молока в год, при этом живой вес крупного рогатого скота в этом предприятии достигал 28–30 пудов [12, с. 24], тогда как в среднем в России скот считался первосортным, если его убойный вес превышал 25 пудов [1, с. 226]. Следовательно, можно сказать, что данное предпринимательское хозяйство Нижнего Поволжья было одним из передовых во всей Российской Империи.

Многие сельскохозяйственные предприниматели региона предпочитали развивать какое-либо одно из этих направлений скотоводства. Наиболее популярным было молочное производство, как наиболее рентабельное. Так, аграрный предприниматель из дворян М.В. Готовицкий в 1889 г. имел небольшое стадо из 8 коров и 8 телок симментальской породы, но за счет хорошего ухода, в 1870-х гг. средние удои достигали 290 ведер в год, а у некоторых коров – 334 ведер. В конце 1880-х гг. средние удои снизились до 263 ведер в год, но зато молоко стало значительно гуще: раньше из ведра молока делали 0,3 кг сливочного масла, а затем – 0,5 кг [12, с. 23]. Примерно такие же удои (204 ведра молока в среднем от одной коровы в год) были в предпринимательском хозяйстве Е.П. Пальмгрен (17 коров в 1887 г. [12, с. 25]), в котором с 1882 г. шло интенсивное развитие молочного производства. Получаемое сливочное масло с успехом продавали в Астрахани, Самаре или в Саратове.

Рентабельность скотоводства в Нижнем Поволжье в конце XIX в. была довольно высокой, что можно увидеть на примере предпринимательского хозяйства В.А. Менде. На 388 десятин лугов и 93 десятины выгонов было 26 дойных коров, 42 молодые телки, 10 бычков и один бык-производитель. Среднегодовой расход на содержание стада и обработку выгонов и лугов составлял 241 руб., тогда как доход достигал 1297 руб. (3557 ведер молока проданы по 30 коп. за ведро, что принесло 1067 руб.; 20 телят проданы за 200 руб., пара волов – за 30 руб.) [8, с. 10–11]. Таким образом, прибыль скотоводства составляла 1056 рубл., т.е. 2,2 руб. с одной десятины, что было больше чем средняя арендная плата за травяные угодья.

Итак, даже краткий анализ развития скотоводства в предпринимательских хозяйствах Нижнего Поволжья, позволяет сделать вывод, о том, что региональные аграрные предприниматели в конце XIX в. вели достаточно эффективные рентабельные хозяйства, активно продвигая свою продукцию (молоко, сливочное масло, телят и волов), как

на региональном, так и на общероссийском рынке. При этом сельскохозяйственные предприниматели стремились разводить породистый (прежде всего, симментальский) скот, обеспечивать его специальными помещениями и хорошими кормами (сено, солома, иногда овес, картофель, чечевица). Постепенно стали выделяться хозяйства, специализирующиеся на каком-либо направлении развития скотоводства, что говорит о значительной степени капитализации данной отрасли.

Список литературы

1. Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX – начало XX в.) / А. М. Анфимов. – М. : Наука, 1969. – 393 с.
2. Березов Ф. Движение крестьянского и частновладельческого скотоводства Саратовской губернии за последнее десятилетие / Ф. Березов // Сборник Саратовского земства. – 1893. – № 12. – С. 314–318.
3. Березов Ф. Движение крестьянского и частновладельческого скотоводства Саратовской губернии за последнее десятилетие / Ф. Березов // Сборник Саратовского земства. – 1894. – № 1–2. – С. 3–9.
4. Государственный Архив Саратовской области. – Ф. 421. – Саратовский губернский статистический комитет. – Оп. 1. – Ед. хр. 406.
5. Государственный Архив Саратовской области. – Ф. 421. – Саратовский губернский статистический комитет. – Оп. 1. – Ед. хр. 2288.
6. Исследование частновладельческого скотоводства в Саратовской губернии, произведенное в 1894 г. – Саратов : Саратовское губернское земство, 1895. – Часть А. – 193 с.
7. Киндяков С. Отчет о предохранительных прививках сибирской язвы в Саратовской губернии за лето 1893 г. / С. Киндяков // Сборник Саратовского земства. – 1893. – № 11. – Приложение 3. – С. 116–132.
8. Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России, собранные по распоряжению Министра государственных имуществ. – СПб. : Типография Тренке и Фюсно, 1880. – Вып. 1. – 312 с.
9. Описание отдельных русских хозяйств. Саратовская губерния. – СПб., 1898. – Вып. 8. – 35 с.
10. Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. – СПб. : ЦСК МВД ; отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики МЗиГИ, 1903. – Вып. 2. – 147 с.
11. Статистический обзор Саратовской губернии и отчет Губернского статистического комитета за 1896 г. – Саратов : Саратовский губернский статистический комитет, 1897 – 53 с.
12. Харизоменов С. А. Обзорение земской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки 1889 года в Саратове / С. А. Харизоменов. – Саратов : Саратовское губернское земство, 1890. – 280 с.

ДАТИРОВАНИЕ ХАЗАР ПО МОНГОЛОИДНОСТИ

Тюрин Анатолий Матвеевич,

*кандидат геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией геофизики,
ООО «ВолгоУралНИПИгаз», г. Оренбург*

В представлениях о Хазарском каганате и хазарах сложилась такая ситуация, когда любое критическое рассмотрение информации, включенной в научный оборот, ничего не меняет. Феномен «Хазарский каганат» будет жить и развиваться «по заданной траектории». Ситуацию может изменить только появление новых естественнонаучных данных. Первый их массив уже имеется. Это данные популяционной генетики. На их основе можно датировать хазар.

Изучение салтово-маяцкой археологической культуры начато в 1900 г. с раскопок огромных по площади катакомбного и грунтового могильников у села Верхний Салтов (север Харьковской области). С.А. Плетнёва прямо и непосредственно отождествила ее с Хазарией [17, 18]. По результатам анализа опубликованной литературы можно констатировать, что этого мнения придерживается большинство исследователей. Регион развития культуры в широкой трактовке: Подонье, Приазовье, Тамань, Восточный Крым, Нижнее Поволжье и Прикаспийский Дагестан. Хронологические рубежи: середина VII – начало X вв. Этими же хронологическими рубежами датируются и хазары, как социальное сообщество, являющееся стержнем Хазарии.

В массиве населения салтово-маяцкой культуры выделено две морфологические группы и один морфотип. Группы: преимущественно долихокranные узколицые, с резкой горизонтальной и вертикальной профилировкой лица; преимущественно брахикranные, с ослабленной горизонтальной и вертикальной профилировкой лица. Морфотип: ярко выраженные монголоидные идентификационные признаки. Отмечено, что «последний принято связывать с собственно хазарским населением» [16, с. 82]. Каждый из типов встречается в погребениях разной конструкции: катакомбных, ямных, курганных, в том числе с ровиками, и грунтовых.

Другой автор отмечает наличие в населении салтово-маяцкой культуры двух рас: «европеоидной и монголоидной. Монголоидные черты резче проявились в южных районах Хазарского каганата, в могильниках Нижнего Поволжья и Нижнего Дона» [3, с. 59]. По результатам анализа краниотипа черепов из подкурганных захоронений и грунтовых могильников обозначенных регионов констатирована их чрезвычайная неоднородность. Имеются черепа европеоидные, монголоидные и монголоидно-европеоидных метисов. В распределении монголоидности отмечаются некоторые особенности. В грунтовых могильниках Нижнего Дона мужчины европеоиды, а у женщин «преобладают черепа монголоидного типа. Они, как мужские и женские монголоидные черепа из подкурганных погребений, наиболее сходны с черепами гунов Забайкалья и тюрков Сибири, Алтая и Казахстана» [2, с. 22].

У села Верхний Салтов раскопано 30000 погребений. Констатируется отсутствие у останков признаков монголоидности [15, с. 130]. В Саркеле и ряде поселений на Нижнем Доне «встречаются субъекты с монголоидными чертами» [1, с. 314]. При изучении памятника бронзового века Лебяженка V (левый берег Сока, Самарская область) выявлено четыре захоронения, которые относятся к средним векам. Одно из них датировано IX в. Череп в нем европеоидный. В одном погребении череп европеоидный с присутствием «уралоидной» примеси. Черепа в двух других погребениях принадлежат монголоидам [7, с. 302–303].

В публикации [11] приведены результаты раскопок хазарских погребений в бассейне реки Иловли (левый приток Дона). Могильник Петрунино IV включает 10 курганов. Раскопано семь. Шесть отнесено к раннему железному веку, один к хазарам. В хазарском погребении найден серебряный дирхем. Могильник Барановка I находится в 6 км восточнее Петрунино IV. Включает 27 курганных захоронений. Раскопано 26. Все, кроме двух отнесены к эпохе бронзы и раннему железному веку, два – к хазарам. Курган № 13: череп погребенного европеоидный. В погребении найден золотой солид. Курган № 27: «Череп погребенного имел выраженные признаки сильной монголоидности» [11, с. 91]. По двум монетам хазарские погребения датированы второй половиной VIII в.

Диаметр земляного кургана № 27 12, высота 0,55 м. Имелись следы кострища. Скелет лежал на спине головой на запад-юго-запад. Руки слегка согнуты в локтях. В захоронении найден череп лошади (мордой на запад-юго-запад) и кости ее ног. В челюстях лошади были обломки железных двусоставных удиц. Рядом с костями лошади – железное стремя. Рядом с черепом находился горшок и кость ноги барана. Найдены фрагменты железного ножа. Тип захоронения и инвентарь практически идентичны погребениям IX–XIV вв. Степного Приуралья [14]. Но имеется одна яркая особенность. Берцовая кость барана в изголовье «монголоида» – один из признаков монгольских захоронений [14, с. 69].

Таким образом, считается, что собственно хазары были монголоидами. Граница их проживания по археологическим данным (захоронения явных монголоидов) на западе – от устья Дона до впадения в него реки Иловли, далее по ней до среднего течения, затем вверх по Волге. На севере – по среднему течению реки Сок. На этой же территории проживали европеоиды и монголоидно-европеоидные метисы. Проживали они и в степной зоне западнее Дона.

При описании черепов из погребений степной и лесостепной зон Евразии антропологи различают монголоидные признаки центрально-азиатского и южносибирского типов. Центральноазиатская раса включает монголов, калмыков, бурят, якутов, тувинцев, хакасов и алтайцев. Южносибирская раса является переходной между центрально-азиатскими монголоидами и европеоидами, сложилась в процессе их смешения в Южной Сибири, Казахстане и Средней Азии. Но такое же смешение монголоидов (калмыков) и европеоидов могло произойти и в Восточной Европе. Антропологические характеристики метисов будут близки тем популяциям, которые антропологи относят к южносибирской расе. Поэтому не имеет значение, как они описывают монголоидность населения рассматриваемого региона. Важно то, что монголоидность подразумевает родство тех, кто имеет ее признаки, с современными монголами.

По результатам исследований генофонда популяций Восточной Европы российские геногеографы Е.В. Балановская и О.П. Балановский категорически констатировали «отсутствие у русских генетических следов «монгольского ига»» (Балановская, Балановский, 2009. С. 401). Этот вывод подтверждается и данными антропологии. При этом, в качестве главного индикатора генетического влияния монголов на русских принята гаплогруппа Y-хромосомы С. Авторы публикации [4, с. 211] расширили список гаплогрупп индикаторов монгольского влияния. «Наличие в генофонде народов гаплогрупп С, D и O рассматривается как свидетельство об экспансии монгольских племен». Частоты гаплогруппы С у монголов порядка 60 %. Гаплогруппы О и D имеют у них небольшие частоты. На территорию Сибири, Средней Азии и Европы эти три гаплогруппы могли попасть только от монголов. Таким образом, современные монголы – это эталон монголоидности центрально-азиатского типа, а ее индикаторами у других популяций являются гаплогруппы С, D и О.

В статье [21] приведены результаты поиска генетических индикаторов монголов у литовских татар. Они, как субэтнос, сформировались из военного сословия политических образований XV – начала XVII в. – Большой Ногайской орды, Малой Ногайской орды и Крымского ханства, являющихся осколками Улуса Джучи XIII–XIV вв. Обособились в Великом княжестве Литовском в начале XVI в. Рассмотрены четыре массива информации: гаплогруппы Y-хромосомы (передаются по мужской линии) дворянских родов, гаплогруппы Y-хромосомы и мтДНК (передаются по женской линии) научных выборок, а также широкогеномные данные по однонуклеотидному полиморфизму (маркеры передаются по мужской и по женской линиям). У литовских татар не выявлены гаплогруппы С, D и О. Наличие генетических монголов по мужской линии в их предках исключается. Такое могло быть только в одном случае – монголы не приходили в Восточную Европу и сопредельные регионы Азии ранее XVI в.

В соответствии с родословными и семейными преданиями казахские торе (потомки правителей региона) считают Чингисхана своим прямым предком. С появлением и развитием популяционной генетики эти представления можно проверить. Среди тестированных торе (23 образца) отмечены носители разных гаплогрупп Y-хромосомы. Они не являются потомками одного родителя, который жил в последние тысячелетия. Среди торе 8 носителей монгольской гаплогруппы С. Их гаплотипы формируют кластер. Датирование кластера генохронологическим методом дает время жизни его пра-родителя 225–270 лет назад [22], т.е., прародитель или его потомки влились в клан торе не ранее XVIII в. Основатель кластера гаплотипов гаплогруппы С был калмыком или джунгаром. Такой генетический портрет казахского высшего сословия мог сложиться только в одном случае: калмыки (генетически это монголы) являются первой популяцией, принесшей на территорию Казахстана (без его юго-восточных регионов) монгольские гаплогруппы.

В публикации [23] рассмотрены взаимодействия калмыков с ногаями, входившими в начале XVII в. в Большую Ногайскую орду, Малую Ногайскую орду и Крымское ханство, а также генетические портреты (частоты гаплогрупп Y-хромосомы) монголов, калмыков и потомков ногаев – караногайцев, кубанских ногайцев и крымских татар. По генетическому портрету потомки ногаев являются европеоидами, но у них имеются и монгольские гаплогруппы C, O и D (суммарно от 2–5 % у крымских татар до 8,7 % у караногайцев). Сделан вывод: отмеченные у потомков ногаев монгольские гаплогруппы могли попасть к ним только от калмыков. Выявлено генетическое влияние калмыков на другие популяции, с которыми они контактировали прямо или через ногаев. Значимые частоты монгольских гаплогрупп (1,5–7,0 %) имеются у черкесов, табасаранцев, казанских татар, турок и башкир. У других популяций Северного Кавказа и Восточной Европы эти гаплогруппы либо не выявлены, либо отмечены их единичные носители. Черкесы прямо контактировали с калмыками, ногаями и их потомками кубанскими ногайцами. В Турцию было несколько переселений ногаев и крымских татар. Возможно, существовал и поток калмыков (ясырь). У башкир носители монгольских гаплогрупп выявлены только на периферии региона их расселения в зонах контакта с калмыками и казахами. Пока не понятно, как монгольские гаплогруппы попали к табасаранцам. Не ясен характер их распределения в субпопуляциях поволжских татар. Единичные носители монгольских гаплогрупп у русских (0,3 %) соответствуют невысокой интенсивности их контактов в прошлом с калмыками, а также с другими популяциями, у которых имеются монгольские гаплогруппы – ногайцами, крымскими татарами, казахами и монголами. У украинцев монгольские гаплогруппы не выявлены.

По результатам рассмотрения данных по 276 погребениям кочевников XIII–XIV вв. степного Приуралья (рассматриваемый регион включает и Южное Зауралье) сделано заключение: «вопрос о наличии в регионе погребений самих монголов остается открытым» [13, с. 286], т.е., погребений монголов не выявлено. Автор монографии [20, с. 474] дал справку по письменным свидетельствам: «ни малейшего следа присутствия монголов среди предков ногаев не зафиксировано какими-либо источниками».

Таким образом, по новым данным популяционной генетики при учете достоверных археологических данных и исторических свидетельств можно сделать практически однозначный вывод: калмыки были первой популяцией, которая принесла в Восточную Европу и сопредельные районы Азии центрально-азиатскую монголоидность и ее индикаторы – гаплогруппы C, O и D. Исходя из этого, нижний предел монголоидности в регионе – 30-е гг. XVII в. К этому рубежу калмыки оттеснили ногаев с территории Большой Ногайской орды, включая левобережье Волги. Наш однозначный вывод основан на естественнонаучных фактах и достоверных исторических свидетельствах. Такой мультидисциплинарный подход осуществлен в рамках новой дисциплины «Геноэтномика».

Хазары-монголоиды однозначно датируются периодом не ранее середины XVII в. Их датирование серединой VIII – началом X вв. исключается. Идентифицируются они тоже однозначно – это калмыки, метисы калмыков и ногаев, и ногаи, в предках которых были калмыки. Наличие в погребениях салтово-маяцкой культуры монголоидов означает, что она охватывает и период второй половины XVII–XVIII вв. Археологические объекты культуры в районе Северного Донца (укрепления с каменными стенами, из кирпича-сырца, из обожженного кирпича и с земляными валами [12, рис. 1]) – это опорные пункты фронта, сложившегося во второй половине XVII в. южнее Белгородской черты (создана в начале XVII в.). В 1679–1680 гг. здесь сформирована Изюмская черта, т.е., западная часть ареала салтово-маяцкой культуры соответствует восточной части Слободской Украины. На Нижнем Дону выявлено всего четыре укрепления: одно из кирпича-сырца, два с земляными валами, одно (Саркел) из обожженного кирпича. Скорее всего, первые три – укрепленные поселения казаков XVI–XVII вв. Кроме укреплений, салтово-маяцкая культура включает погребения кочевников. Салтов, Саркел и могильники около этих поселений нуждаются в специальном рассмотрении.

Хазары-монголоиды фронта в районе Северного Донца идентифицируются однозначно. Это метисы калмыков и ногаев. После Азовских проходов Петра I (1695 и 1696 гг.), часть участвовавших в нем калмыков поселили в Чугуеве с определением их на казацкую службу. Прибывали туда калмыки и позднее. К 1788 г. из них было сформировано 8 сотен корпуса передовой стражи Екатеринославского пехотного полка. Всего 1014 чел. Позднее калмыков перевели на Дон в казацкое сословие. «Оставшиеся в Чугуеве калмыки мало по малу роднились «с сведенцами» из разных городов русского царства, а чрез то сливались с русским племенем, теряя калмыцкий тип свой» [8]. Но здесь есть одна тонкость. Потомки казаков-калмыков – бузавы, сегодня являются одной из субпопуляций калмыков. По результатам изучения полиморфизма ДНК у них восточноазиатский (монголоидный) компонент составляет 48,3 %, центрально- и восточно-европеоидный – 41,7 %, переднеазиатский европеоидный – 10,0 % [5, с. 199–200]. Фактически бузавы – это метисы калмыков и ногаев. Можно предположить, что их предками были смешанные группы калмыков и ногаев. В таком составе было легче адаптироваться к новым условиям. Хазары-монголоиды фронта – это ногаи, уже вступившие в процесс метисации. Мы предполагаем, что они хотя и были крещеными, но продолжали практиковать свою древнюю традицию погребения тел умерших сородичей.

В районе села Верхний Салтов ни калмыков, ни метисированных ногаев не имелось. Поэтому в захоронениях около него не выявлены черепа с признаками монголоидности. Нижний Дон (включая Саркел) и бассейн реки Иловли – это периферия кочевий калмыков. Здесь имелись метисированные ногаи. Имелись они и на Нижней Волге. Их черепа из погребений археологи относят к хазарам.

В могильниках эпохи бронзы выявлено 11 черепов с признаками монголоидности. Пять черепов с ее максимальным проявлением найдены в четырех могильниках, расположенных в районе Тольятти и Самары [24]. Здесь же находится могильник Лебяженка V, в котором найдено два монголоидных черепа эпохи Хазарского каганата, т.е., в

этом районе имеется антропологическая аномалия. Она вписана в территорию Ставропольского калмыцкого войска и сопредельные районы, в которых проживали башкиры.

В последние годы активно развивается одно из направлений популяционной генетики – ДНК-тестирование останков из погребений. Тестированы останки двух человек из типичных хазарских погребений Нижнего Дона (курганы с ровиками, могильники Кутейниковский II и Таловый II). У обоих гаплогруппа R1a-Z93 («степная» линия) [10]. Кубанские ногайцы имеют генетический портрет наиболее близкий к портрету своих предков ногаев. По частотам у них доминирует гаплогруппа R1a – 48 %, в том числе ее «степная» линия 35 % [19], т.е., в двух хазарских погребениях находятся останки ногаев. В погребении могильника Кутейниковский II не имелось черепа. А череп из погребения могильника Таловый II отнесен к смешанному европеоидно-монголоидному типу [6, с. 178]. По нашей трактовке это погребение ногай, получившего от калмыков компоненты центрально-азиатской монголоидности.

По результатам нашего датирования и идентификации хазар, а также салтово-маяцкой культуры получилось, что Хазарский каганат является симулякром (копией, не имеющей оригинала). Становление симулякра произошло в 60-х годах прошлого века. В 1962 г. опубликована монография М.И. Артамонова «История хазар» [1]. Редактор Л.Н. Гумилёв. Но возник парадокс. Хазария еврейских, арабских, персидских и русских свидетельств находится в Северном Прикаспии. А к тому времени археологические объекты региона были уже «расписаны» по другим культурам. Л.Н. Гумилев предложил решение парадокса [9]. Хазары в IX – начале X вв. являлись оседлым народом, занимающимся земледелием, главным образом, виноградарством в дельтах Волги и Кубани, и рыболовством. В начале X в. произошел подъем уровня Каспия. Сельхозугодья хазар были затоплены. Это подорвало экономическую основу их господства в регионе и привело к разгрому Хазарского каганата русами, гузами и печенегами, т.е., Л.Н. Гумилёв объяснил почему в Северном Прикаспии археологи не нашли материальное наследие Хазарского каганата. Оно под водами Каспия. Это разрешение парадокса по принципу «концы в воду». Более приемлемое его решение предложила С.А. Плетнева [17, 18]: «основной объем материального наследия хазар находится на территории восточной части Слободской Украины». Тем не менее, парадокс остался. Материальное наследие Хазарского каганата в Северном Прикаспии не найдено, но это уже не имеет практического значения. Симулякры лишь отчасти пересекаются с реальностью.

Список литературы

1. Артамонов М.И. История хазар / М. И. Артамонов. – Л. : Государственный Эрмитаж, 1962. – 523 с.
2. Афанасьев Г. Е. Кухонная посуда салтово-маяцкой культуры этномаркирующий признак? / Г. Е. Афанасьев // Российская археология. – 2013. – № 3. – С. 13–25.
3. Балабанова М. А. Особенности антропологического состава погребальных комплексов хазарского времени / М. А. Балабанова // Некоторые актуальные проблемы современной антропологии. – 2006. – С. 59–61.
4. Балаганская О. А. Монгольский след в генофонде народов вдоль степной полосы Евразии / О. А. Балаганская, Л. Д. Дамба, М. К. Жабалин, А. Т. Агджоян [и др.]. // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 4. – С. 211.
5. Балинова Н. В. Полиморфизм ДНК и его использование для изучения истории и происхождения тюрко-монгольских народов / Н. В. Балинова // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. – 2010. – № 2. – С. 187–207.
6. Батиева Е. Ф. Антропология погребения хазарского времени из могильника Таловый II / Е. Ф. Батиева // Средневековые древности Дона. – 2007. – С. 177–182.
7. Газимзянов И. Р. Черепа из средневековых захоронений на территории древнего поселения Лебяжинка V / И. Р. Газимзянов, А. А. Хохлов // Вопросы археологии Поволжья. – 1999. – Вып. 1. – С. 302–304.
8. Гумилевский Д. Г. (Филарет). Историко-статистическое описание Харьковской епархии / Д. Г. Гумилевский (Филарет). – Харьков, 1857 г. – Отд. IV (Чугуевские округа военного поселения; уезды – змиевской и волчанский).
9. Гумилёв Л. Н. Хазария и Каспий / Л. Н. Гумилёв // Вестник Ленинградского университета. – 1964. – № 6. – Вып. 1. – С. 83–95.
10. Клёсов А. А. Хазары: что показал ДНК-анализ останков? / А. А. Клёсов, Т. Г. Фалеева // Вестник Академии ДНК-генеалогии. – 2016. – Т. 9, № 6. – С. 913–922.
11. Круглов Е. В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли / Е. В. Круглов // Советская Археология. – 1992. – № 4. – С. 287–292.
12. Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата / В. К. Михеев. – Харьков : Вища школа, 1985. – 147 с.
13. Матюшко И. В. Особенности погребального обряда кочевников степного Приуралья XIII–XIV вв. / И. В. Матюшко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13, № 3–1. – С. 280–283.
14. Матюшко И. В. Погребальный обряд кочевников степного Приуралья IX–XIV вв. / И. В. Матюшко. – Оренбург : Университет, 2015. – 211 с.
15. Решетова И. К. Новые антропологические материалы салтово-маяцкой культуры из могильника Верхний Салтов-IV / И. К. Решетова // Российская археология. – 2012. – № 3. – С. 129–136.
16. Решетова И. К. Население Донецко-Донского междуречья в раннем средневековье (по материалам погребальных памятников салтово-маяцкой культуры) : дис. ... канд. ист. наук / И. К. Решетова. – М., 2014. – 263 с.
17. Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура / С. А. Плетнева. – М. : Наука, 1967. – 209 с.
18. Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнева. – М. : Мосты культуры – Иерусалим : Гешарим, 1999. – 380 с.
19. Схаляхо Р. А. Генофонды ногайцев в контексте населения степного пояса Евразии (по маркерам Y-хромосомы) / Р. А. Схаляхо, М. И. Чухряева, А. Т. Агджоян [и др.] // Золотоордынская цивилизация. – 2016. – № 9. – С. 326–333.
20. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды / В. В. Трепавлов. – 2-е изд., испр. и доп. – Казань : Казанская недвижимость, 2016. – 764 с.
21. Тюрин А. М. Генетический портрет литовских татар и феномен «Монгольские завоевания 13 века» / А. М. Тюрин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 5. – С. 78–82.

22. Тюрин А. М. Казахские торе не являются потомками Чингисхана / А. М. Тюрин // Цивилизация знаний: российские реалии : тр. XVIII Междунар. науч. конф. (Москва, 21–22 апреля 2017 г.) – М. : РосоУ, 2017. – (В печати).

23. Тюрин А. М. Калмыки, карангайцы, кубанские ногайцы и крымские татары – геногеографический и геногенеалогический аспекты / А. М. Тюрин // Журнал фронтирных исследований. – 2017. – № 2. – С. 7–29.

24. Хохлов А. А. К вопросу о монголоидных черепах эпохи бронзы Волго-Уралья / А. А. Хохлов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 6, вып. 30. – С. 8–11.

ДАТИРОВАНИЕ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ПЕРИОДА ПО ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Тюрин Анатолий Матвеевич,

*кандидат геолого-минералогических наук, заведующий лабораторией геофизики,
ООО «ВолгоУралНИПИгаз», г. Оренбург*

База данных В.А. Иванова, крупного специалиста по средневековым памятникам кочевников Великой степи содержит информацию по 1020 погребениям золотоордынского периода. Он обозначил проблему: «география выявленных и исследованных кочевнических погребений XIII–XIV вв. в степях Евразии обнаруживает явный «перекося» в сторону степей Восточной Европы при практически «белом пятне» на востоке Степной Евразии» [1, с. 182]. Но мы видим другую проблему в их географии в регионе от Западной Сибири и Казахстана до Прута. Распределение могильников не соответствует зонам степи и лесостепи, в которых существовало кочевое животноводство.

Археологи относительно уверенно выделяют погребения кочевников IX–XIV вв. Это земляной курган, реже курган из камней, простая могильная яма, тело умершего помещено в нее в положении на спине головой на запад, реже на северо- или юго-запад. Часто в погребении имеются череп и кости ног коня, реже конь помещался целиком. Имеются и принадлежности конской амуниции: удила, стремяна, части седла, иногда обломки ножа [8]. Здесь возникает первая проблема. Мы не нашли публикаций, в которых рассматривается вся совокупность погребений кочевников IX–XIX вв. Почему погребения кочевников Великой степи ограничены XIV в.? Чем обусловлен этот хронологический рубеж? Нижний хронологический рубеж погребений кочевников золотоордынского периода, скорее всего, соответствует кардинальным изменениям в Великой степи, которые связывают с монгольскими завоеваниями первой половины XIII в.

Таким образом, нижний хронологический рубеж кластера «погребения кочевников золотоордынского периода» определяется кардинальными изменениями в Великой степи. Верхний – не идентифицированным фактором. Имеется и фактор, который определил географию могильников. Эти факторы мы идентифицировали. Кардинальные изменения в западной части Великой степи связаны с экспансией калмыков в первой половине – середине XVII в. Фактор, определивший верхний хронологический рубеж могильников, – начало этнографического периода. Для кочевников его можно условно отнести к рубежу XVIII–XIX вв. Тогда было уже известно какие действующие могильники принадлежат конкретным степным сообществам. А фактор, определивший географию могильников, – этнополитическая ситуация середины XVII – первых трех четвертей XVIII в. Идентифицированы и сами «погребения кочевников золотоордынского периода». Они принадлежат ногаям Большой Ногайской орды, перемещенными калмыками со своих родовых кочевий. При этом во внимание приняты выводы, сформулированные в рамках трех дисциплин: история, археология и геноэтномика.

1. Автор монографии [12, с. 474] дал справку по письменным свидетельствам: «ни малейшего следа присутствия монголов среди предков ногаев не зафиксировано какими-либо источниками».

2. По результатам рассмотрения данных по 276 погребениям кочевников XIII–XIV вв. степного Приуралья (рассматриваемый регион включает и Южное Зауралье) сделано заключение: «вопрос о наличии в регионе погребений самих монголов остается открытым» [8, с. 286], т.е., погребений монголов не выявлено.

3. Литовские татары, как субэтнос, сформировались из военного сословия политических образований XV – начала XVII в. – Большой Ногайской орды, Малой Ногайской орды и Крымского ханства, являющихся осколками Улуса Джучи XIII–XIV вв. Обособились в Великом княжестве Литовском в начале XVI в. По результатам тестирований у татар не выявлены гаплогруппы индикаторы монголов (гаплогруппы Y-хромосомы C, O и D). Наличие в их предках по мужской линии монголов исключается. Такое могло быть только в одном случае – они не приходили в Восточную Европу и сопредельные регионы Азии ранее XVI в. [13].

4. В соответствии с родословными и семейными преданиями казахи торе (потомки правителей региона) считают Чингисхана своим прямым предком. Но среди тестированных торе (23 образца) отмечены носители разных гаплогрупп Y-хромосомы. Они не являются потомками одного родителя, который жил в последние тысячелетия. Среди торе 8 носителей монгольской гаплогруппы C. Их гаплотипы формируют кластер. Датирование кластера генохронологическим методом дает время жизни его прародителя 225–270 лет назад [15], т.е., прародитель или его потомки влились в клан торе не ранее XVIII в. Основатель кластера гаплотипов гаплогруппы C был калмыком или джунгаром. Такой генетический портрет казахского высшего сословия мог сложиться только в одном случае: калмыки (генетически это монголы) являются первой популяцией, принесшей на территорию Казахстана (без его юго-восточных регионов) монгольские гаплогруппы.

5. В публикации [14] рассмотрены взаимодействия калмыков с ногаями, входившими в начале XVII в. в Большую Ногайскую орду, Малую Ногайскую орду и Крымское ханство, а также генетические портреты (частоты гаплогрупп Y-хромосомы) монголов, калмыков и потомков ногаев – карангайцев, кубанских ногайцев и крымских татар. По

генетическому портрету потомки ногаев являются европеоидами, но у них имеются и монгольские гаплогруппы С, О и D (суммарно от 2–5 % у крымских татар до 8,7 % у караногайцев). Сделан вывод: отмеченные у потомков ногаев монгольские гаплогруппы могли попасть к ним только от калмыков. К этому добавим, что от них же потомки ногаев получили компоненты центральноазиатской монголоидности.

В начале XVII в. мурзы Большой Ногайской орды кочевали со своими улусами в районе Урала (его среднее и нижнее течение), Эмбы, Ори, Иргиза, Самары, Большого и Малого Узеней. Заходили и на правый берег Волги. Самоназвание степного объединения – Мангытский юрт [12]. В начале XVII в. калмыки вышли из Джунгарии и продвинулись вниз по Иртышу [16]. В 1639 г. они дошли до Самары и стали кочевать в ее окрестностях. К этому времени их кочевья заняли всю территорию Большой Ногайской орды. В период 1655–1664 гг. Московское правительство заключило с калмыками ряд соглашений. Калмыки вошли в российское подданство. Им были определены степные угодья. По левому берегу Волги от Каспия до Самары, по правому – до Царицына. На западе – до Дона. Часть родов ногаев Большой орды была «выдавлена» со своих родовых кочевий на периферию новых владений калмыков. Другая их часть вошла в калмыцкие улусы, в том числе и те, которые перешли Волгу и кочевали в западной части Северного Прикаспия.

Наши реконструкции этнополитических ситуаций первой половины XVII в. и середины XVII – первых трех четвертей XVIII в. в Восточной Европе и сопредельных регионах Азии приведены на рисунке 1. На карте кочевнических могильников XIII-XIV вв. в степях Евразии [1; рис.] есть один непонятный момент. На Иртыше показана группа могильников. Они отмечены как могильники Алтая. В примечании указаны могильники бассейна р. Алей и Енисея. При этом, они не датируются XIII-XIV вв. Эту группу могильников мы рассматривать не будем.

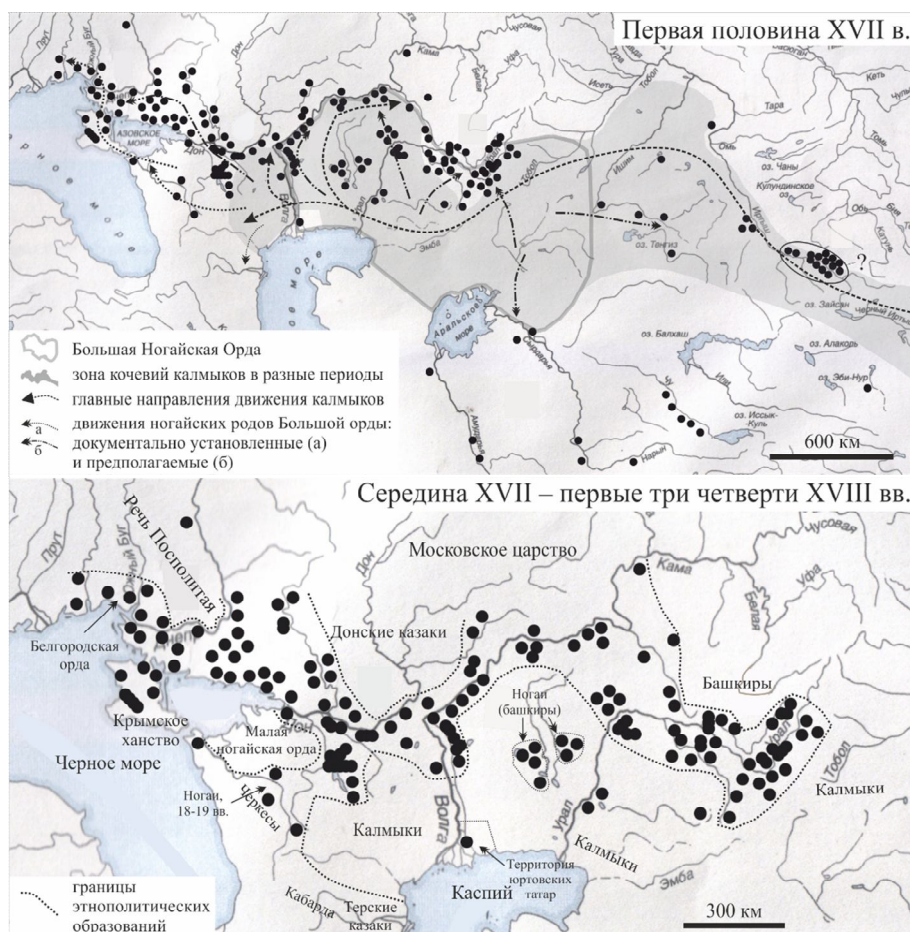

Рис. Этнополитические ситуации первой половины XVII в. и середины XVII – первых трех четвертей XVIII вв. в Восточной Европе и сопредельных районах Азии (А.М. Тюрин, 2017 г.).

Положение могильников кочевников золотоордынского периода (черные кружки) – с карты из статьи [1, рис.].

В верховьях Ишима и на Иртыше имеются «золотоордынские» могильники. Они находятся за пределами восточной границы Большой Ногайской орды. Были ли здесь «перемещенные» ногаи? Да. «Служилые люди Тары писали в 1615 г., что к городу «прилегли многие орды и царевичи, собрався с ойратскими людьми и с ногаи» в 7–8 днях от города и нападают на город и волости» [10, с. 196]. Можно предполагать, что часть ногайских родов осела в этом регионе. Могильники принадлежат им.

На юге Западной Сибири калмыки контактировали в XVII в. непосредственно с подданными России. Кочевали в районе Иртыша, Ишима и Тобола. До их прихода здесь были промысловые угодья ясачных сибирских татар. У рос-

сийской границы были зимники калмыков. Их летние кочевья находились «в южной части степи, у границ Китая и Бухары» [9, с. 199]. Здесь важно то, что в зоне контакта подданных России и калмыков не отмечается присутствие родов ногаев. «Золотоордынских» могильников здесь нет.

В начале XVI в. в верховьях Урала были летние кочевья кочевых узбеков. Зимовали они в устье Сырдарьи. В XVI – начале XVII вв. башкиры, главным образом табынцы, заселили часть Южного Зауралья. Их территория располагалась между реками Пышмой на севере, Уй и Тогузак – на юге, «а с сарт-айлинцами расселялись на общей вотчине в «Яикских вершинах»» [4, с. 266, 270]. Скорее всего, в начале XVII в. самая верхняя часть Урала принадлежала башкирам, а ниже – ногаям, которые кочевали от Южного Урала до низовий Сырдарьи. Территории по Тоболу, Ую, Убагану, Ишиму и в нижнем течении Миасса башкиры Уфимского уезда, тюрки Верхотуринского уезда, ясачные и служилые татары Тюменского и Туринского уездов воспринимали в качестве своих охотничьих угодий. В 20-х гг. на Тобол пришли калмыки. [10, с. 195, 196]. Западнее Тобола они пришли в середине XVII в. [7, с. 386].

В 1630 г. «уфимский воевода И.Г. Желябужский еще раз напомнил калмыкам, что в башкирских вотчинах по Ембе и по Яицким вершинам им кочевать запрещено, а также чтобы «по Яику бы вниз и по Ембе и по Тоболу не кочевали»» [5, с. 156]. Но по факту башкиры потеряли свои кочевья по Эмбе и Тоболу, сохранив верхнее течение Урала. «Влиятельный тархан Ногайской дороги Ишмухамет Давлетбаев признал над собой власть калмыцкого тайши Аюки и получил от него район кочевья вверх по Яику» (5, с. 157). Скорее всего, тархан получал право от калмыков на свои же вотчинные угодья.

В верховьях Тобола и по его левым притокам кочевали калмыки. Их граница с башкирами на севере была где-то южнее Тогузака. Самое верхнее течение Урала было башкирским. Ни на башкирских, ни на калмыцких территориях «золотоордынских» могильников нет.

Мы предполагаем, что «золотоордынские» могильники по Уралу, Сакмарю, Илеку и Самаре принадлежат родам ногаев, «выдавленных» на периферию владений калмыков. Но это предположение не основано на свидетельствах. С могильниками вдоль левого берега Волги имеется некоторая определенность: «ко времени восстания С.Т. Разина в Заволжье продолжали кочевать «енбулцкие татары», с давних лет находившиеся под властью калмыков, а в районе Астрахани проживали «едиссанские и юртовские татары», находившиеся на службе царского правительства и пользовавшиеся особым с его стороны покровительством, вплоть до военной охраны их «улусов и стад»» [11, с. 28]. Енбулцкие и едиссанские татары – это джембуйлуки и джетысанцы Большой Ногайской орды. Могильниками вдоль левого берега Волги принадлежат им. «Золотоордынский» могильник в самом низовье Волги находится на территории юртовских татар.

Во второй половине XVI – начале XVII в. башкиры кочевали по рекам Большой и Малый Узень и в низовьях Яика [5, с. 156]. Но калмыки их «подвинули» в регионы к северу от этих рек. Наверняка часть башкирских родов для того, чтобы сохранить свои кочевья, вошла в калмыцкие улусы. В 1771 г. калмыки ушли в Джунгарию. Башкиры вернулись в район Большого и Малого Узеней. Но ненадолго. Территориальные споры с уральскими казаками вынудили их уйти в район Б. Иргиза. Здесь есть одна тонкость. Не следует прямо отождествлять башкир Южного Урала и башкир Степного Заволжья. Мы предполагаем, что последние – это ногаи. Башкирами (военным сословием) они стали после причисления к Уральскому казачьему войску в конце 20-х гг. XIX в. Могильники в районе Б. и М. Узеней принадлежат ногаям. Тем, которые вошли в калмыцкие улусы (их потомки ушли в Джунгарию) или тем, потомки которых сегодня являются башкирами. Почему могильников ногаев нет в междуречье Б. и М. Узеней? Потому, что этими степными угодьями владели уральские казаки [6, с. 11].

Племенные объединения Большой Ногайской орды джетысанцы, джамбулуки и мелибашцы кочевали южнее реки Урал. В западную часть Северного Прикаспия они пришли в составе калмыцких улусов. Многочисленные их перемещения (на Терек, на Кубань, за Кубань, в Белгородскую одру, в Приазовье, в Крым и в турецкие владения) рассмотрены в публикации [15].

В районе кочевий калмыков на западе Северного Прикаспия «золотоордынских» могильников нет. Между Манычем и нижним течением Кубани обозначилась еще одна зона их отсутствия. Это сердцевина территории Малой Ногайской орды. Отдельные ногайские рода Большой орды сюда не допущены. И это можно доказать по естественнонаучным данным. Исследована краниологическая серия (20 мужских и 6 женских черепов) из ногайских могильников Приазовья. Грунтовые могильники XVIII–XIX вв. (Лебеди I, Греки II, Малаи I и Останний) расположены на древних курганах и рядом с ними. Погребенные в них останки принадлежат европеоидам [3, с. 20], т.е., ногаи Большой орды, получив от калмыков компоненты монголоидности, не передали ее ногаям Приазовья. Такое возможно только в одном случае – «не допущены». Погребения родов Большой орды локализованы на Кубани и в периферийной зоне кочевий калмыков – от Маныча до левобережья Дона. Ногаи Большой орды кочевали и в междуречье Кумы и Терека. Но «золотоордынских» могильников здесь не выявлено. Это единственное несоответствие фактов нашей гипотезе.

С 1728 по 1771 гг. джетысанцы и джембуйлуки, ушедшие от калмыков, были в Белгородской орде (южная часть Днепро-Прутского междуречья). Ее территорию маркируют «золотоордынские» могильники. Часть могильников идентифицированы правильно – ногайские. По краниологическим данным ногаи из могильников около Комрата (юг Молдовы), пограничья Молдовы и Украины имели монголоидные компоненты [2, с. 20], «принести» которые в этот регион могли только ногаи Большой орды, получившие их от калмыков. Монголоидные компоненты имеются и у ногаев Балковского кургана (Запорожская область, левый берег Днепра). На этом основании мы предполагаем, что «золотоордынские» могильники междуречья Дона и Днепра тоже принадлежат ногаям Большой орды. Это предположение относится и к могильникам Крыма. «Золотоордынских» могильников нет на территории Речи Посполитой и во владениях донских казаков.

Таким образом, нижний хронологический предел погребений кочевников «золотоордынского» периода – вторая четверть XVII в., верхний – начало XIX в. Но это в целом. В отдельных регионах хронологические рубежи могут сдвигаться. Например, в Южное Зауралье в 20-х гг. XVIII в. пришли казахи Младшего жуза. Ногаи были или интегрированы в их родовые объединения, или «выдавлены» на территорию Башкортостана. В любом случае, произошла смена погребального обряда. Здесь верхний предел рассматриваемых погребений – 20-е гг. XVIII в.

Список литературы

1. Иванов В. А. Археологическое источниковедение кочевников золотой орды или стагнация диалектики / В. А. Иванов // Золотоордынское обозрение. – 2016. – № 1. – С. 182–192.
2. Комаров С. Г. Ногайцы степного Предкавказья по данным краниологии / С. Г. Комаров // Вестник антропологии. – 2013. – № 3 (25). – С. 78–98.
3. Комаров С. Г. Ногайцы Восточного Приазовья по данным краниологии / С. Г. Комаров, В. Н. Чхаидзе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 12 (303), вып. 55. – С. 17–27.
4. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения / Р. Г. Кузеев. – 2-е изд., доп. – Уфа : ДизайнПолиграф-Сервис, 2010. – 560 с.
5. Маннапов М. М. К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков в XVII в. в степном Заволжье / М. М. Маннапов // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4–3. – С. 156–159.
6. Маннапов М. М. Башкиры Степного Заволжья : автореф. ДИС. ... канд. ист. наук / М. М. Маннапов. – Уфа, 2009. – 23 с.
7. Маслюженко Д. Н. Тюркские группы Южного Зауралья в XV–XVII вв.: государственные, административные, территориальные, этносоциальные трансформации / Д. Н. Маслюженко, Г. Х. Самигулов // Золотоордынское обозрение. – 2017. – Т. 5, № 2. – С. 363–396.
8. Матюшко И. В. Особенности погребального обряда кочевников степного Приуралья XIII–XIV вв. / И. В. Матюшко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13, № 3–1. – С. 280–283.
9. Пузанов В. Д. Кочевники на юге Западной Сибири (XVII–XVIII вв.) / В. Д. Пузанов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. – 2007. – № 1. – С. 197–200.
10. Пузанов В. Д. Миграции ойратов в Центральной Азии в 20-е гг. XVII в / В. Д. Пузанов // Великие евразийские миграции. – 2016. – С. 194–198.
11. Торопицын И. В. Астраханские юртовские татары в годы Разинского восстания / И. В. Торопицын // Гасырлар авазы. – 2016. – Т. 1–2, № 82–83. – С. 27–40.
12. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды / В. В. Трепалов. – 2-е изд., испр. и доп. – Казань : Казанская недвижимость, 2016. – 764 с.
13. Тюрин А. М. Генетический портрет литовских татар и феномен «Монгольские завоевания 13 века» / А. М. Тюрин // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2017. – № 5. – С. 78–82.
14. Тюрин А. М. Казахские торе не являются потомками Чингисхана / А. М. Тюрин // Цивилизация знаний: российские реалии : трю. XVIII Междуна. науч. конф. (Москва, 21–22 апреля 2017 г.). – М. : РосНОУ, 2017. – (В печати).
15. Тюрин А. М. Калмыки, караногайцы, кубанские ногайцы и крымские татары – геногеографический и геногенеалогический аспекты / А. М. Тюрин // Журнал фронтирных исследований. – 2017. – № 2. – С. 7–29.
16. Устюгов Н. В. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период / Н. В. Устюгов, И. Я. Златкин, Е. Н. Кушева. – М. : Наука, 1967. – 497 с.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ВЕДУЩИЙ ФАКТОР В СИСТЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГЕТЕРОТОПНОГО ПРОСТРАНСТВА (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОГО РЕГИОНА)¹

Хлыщева Елена Владиславовна,

*доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

В современном обществе причудливо переплетаются культуры и интересы многих народов, вынужденных искать способ взаимодействовать. Однако реальная жизнь характеризуется наличием сложных связей между отдельными социальными или этническими группами, их «притяжением – отталкиванием, общностью и различием исторических судеб, разновекторностью ценностных ориентаций» [4, с. 16].

Зоны пересечения культур – наиболее уязвимые точки стабильности поликультурного общества, соседствующего с другими территориями и испытывающего «миграционный нажим». Длительное совместное проживание разных этносов в близком соседстве, в одинаковых природных условиях, сходные пути исторического развития народов приводят, как правило, к общности занятий, семейного быта, материальной и духовной культуры. Все культурные миры с соответствующими установками постепенно складываются в одну культурную традицию, имеющую много общего с соответствующими ценностями всего общества, но и обладающую своими особенностями. Именно такой зоной является территория Астраханского региона, где существует сложное переплетение мировоззрения оседлых земледельцев и кочевников-скотоводов, рыбаков и купцов.

Культурное многообразие – показатель гетеротопности пространства, которое по своей природе изначально неустойчиво, и чем выше степень «пестроты», тем больше рисков этно-конфликтных ситуаций. Поэтому необходимы действия по снижению деструктивных тенденций.

¹ Выполнено при поддержке РФФИ проект № 15-33-11172 а(ц) «Культурная безопасность в условиях гетеротопии».

Стратегия устойчивого развития включает анализ поликультурного характера развития Астраханского региона, исследование проблем встречи с «чужим» и разработку системы культурной безопасности. Поскольку безопасность есть состояние системного равновесия, то поддержание наработанных культурных паттернов во многом ее стабилизирует. Однако встает вопрос – где границы допустимых изменений в культуре и есть ли они? Важно определить, что все-таки мы сохраняем – культуру в целом или культурный код, представленный набором стереотипов и традиций? Чью культуру мы должны защищать и от кого – традиционную от вызовов глобализации, или «свою» от Чужого, а может даже от самих себя? Ну и, наконец, как мы ее защищаем – тщательно оберегая от новшеств или активно ломаем все традиционные устои, расчищая дорогу для инновационного развития?

Современная Астрахань – промышленный и культурный центр, где легко угадываются очертания прошлых времен. Сохранившиеся исторические артефакты, особый архитектурный рисунок города позволяют назвать современную Астрахань музеем под открытым небом, где создана культура, основанная на сплаве западно-восточных традиций, со специфичным, граничным типом культурогенеза, определившим формирование взаимопроникающих геополей: этнокультурного, природно-хозяйственного, конфессионального, лингвистического, политического, психологического и др. В результате этого взаимодействия оформляются и функционируют рубежные (фронтирные) культурные ландшафты, которые отличаются многослойностью и динамичностью, обладая историко-культурной, научной и художественной ценностью.

Парадокс семантики Астраханского края заключается в том, что он одновременно выступает как граница (разграничитель) и скреп (соединитель), периферия и центр. Это и определяет специфику астраханского культурного ландшафта: его пограничный характер, где создается культура, основанная на сплаве западно-восточных традиций. Здесь «пограничье географическое порождает пограничье культурное» [3, с. 36], на котором уже длительное время взаимодействуют самые разнообразные этно-конфессиональные группы.

В конце XX в. в Астраханском регионе проявились две тенденции: во-первых, край становится приграничным регионом и принимает значительную тяжесть миграционных волн из новых независимых государств, а также из конфликтных регионов Российской Федерации, прежде всего из Северного Кавказа; во-вторых, в связи с распадом СССР, здесь, как и во всех полиэтничных российских регионах, наблюдается рост этнического самосознания, который сопровождается усилением интереса к этнокультурным традициям и проявлением в той или иной степени национализма и этноконфессионального противостояния.

В 90-е гг. XX в. в Астраханском крае появилось 27 областных и 17 районных национально-культурных обществ. Функционируют в крае даже две национально-культурные автономии: немецкая (образована в 1997 г.) и казахская (создана в 1998 году), деятельность которых позволяет создавать необходимые социально-экономические и культурные условия для дальнейшего этнокультурного развития немецкого и казахского этносов на территории области.

Примечателен факт, что большинство обществ являются многонациональными, имея свои представительства в советах других национальностей. Правда, безуспешно закончились попытки объединения тюркских обществ в единую ассоциацию, а наибольшие трудности и не согласованность в объединении и самоорганизации проявило преобладающее в области русское и славянское население. Четыре инициативных группы по созданию русско-славянского общества работали параллельно в 90-х гг., но в итоге распались.

В целом общества видят свое предназначение в культурно-просветительской работе, возрождении самобытных традиций, языка, истории народа. Приоритетной формой работы для большинства обществ является сохранение родного языка, воспроизведение традиционных праздников, национальной кухни и их популяризация.

Образованные по национальному признаку общественные объединения решают вопросы не только сохранения национального языка, культуры, но и пропагандируют историю становления самобытных традиций и промыслов представителям других национальностей, проживающих с ними по соседству. Проводят общества и работу по охране культурного наследия Астраханского края. Данная деятельность «способствует консолидации населения региона, обогащению культуры различных этносов за счет восприятия отдельных элементов культурных традиций соседей» [6, с. 298].

Стремясь сохранить и приумножить культурное достояние Астраханского края, национальные объединения осуществляют благотворительные проекты – помощь школам, мечетям, храмам, детским домам, интернатам для сирот. В планы армянской общины входит и возрождение знаменитых армянских балов, танцевальных вечеров. По инициативе татарского национально-культурного общества «Дуслык» регулярно отмечается праздник плуга и весеннего сева – «Сабантуй». Интересен факт, что этот национальный татарский праздник стали отмечать и те группы татар, которые в прошлом его не праздновали. А два религиозных праздника – Курбан-байрам и христианское Рождество включены в официальный праздничный календарь Татарстана. Общество «Узбекистон» стало инициатором проведения древнего праздника «Навруз» общерегионального масштаба, собирающего всех представителей народов Астраханского края [2, с. 153].

Однако сам процесс возрождения этнокультур достаточно сложен и неоднозначен. Чаще всего он понимается или в узком субъективном смысле, основанном на прочтении популярной литературы, или в контексте национальных и религиозных праздников. Закономерно встает вопрос о соотношении традиции и инновации. Чрезмерное следование традициям и желание «возродить» в обязательном порядке прошлые обрядовые формы не только не способствует развитию самих этнокультур, но и ведет к распаду общества на ряд взаимно изолированных «этнокультурных» сообществ.

По сути, этнический ренессанс в Астраханском регионе базируется на конструировании неких симулякров, плохо соотносимых даже с традиционными этническими паттернами. Каждая этнокультура начинает отстаивать уни-

кальность своей истории и позиционировать свою идентичность, что не может не сказаться на взаимоотношениях народов, проживающих в Астрахани.

Поэтому можно говорить, что, несмотря на серьезные попытки по сохранению и развитию региональной культуры, не до конца осознается вся сложность и многообразие процессов полиэтничности и поликонфессиональности, что приводит к ряду негативных последствий в культурной картине края. Часто проблема заключается в отсутствии четкого понимания значимости региональных культурных ценностей и их соотношения с национальным и мировым культурным наследием. Для дальнейшего развития необходимо создание целостной концепции развития региональной культуры, которая учитывала бы инновационные процессы и традиции местных народов.

В противном случае усиление «частных» этнических идентичностей может привести к созданию изолированных территорий, жители которых, замкнутые на себе посредством своего языка и культурных символов, окажутся неспособными выйти на общегосударственный уровень, что в дальнейшем непременно создаст «пригодную почву» для межэтнических столкновений.

Стратегия устойчивого развития включает анализ современных проблем фронта Юга России, выявление поликультурного характера развития Прикаспия, исследование проблем встречи с «чужим» и разработку системы культурной безопасности. Гуманитарный институт АГУ на протяжении многих лет ведет исследовательскую работу по разработке стратегий устойчивого развития полиэтничного региона, апробируемых в современных условиях, затрагивая такие сложные феномены как «культурная глобализация», фронтальная гетеротопия, религиозная трансгрессия, возрождение национализма, «культурная безопасность».

Культурная безопасность представляет собой не только поддержание безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, разрушения культурных памятников), но и поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания. Для сближения культур важным являются не размеры территории или численность населения и даже не наличие природных ресурсов, а культурные и психологические факторы: уровень национального самосознания и способность к самореализации. Именно поэтому даже схожие требования представителей отдельных групп основываются «на совершенно различных групповых особенностях» [1, с. 67].

В таком контексте представляется важным осознание множественности культур, многообразия мировоззрений и возможности разных оценок одного и того же факта носителями разных культур. Человек со множеством идентичностей легче адаптируется в обществе и понимает людей из различных культурных групп.

Население Астраханского региона является носителем различных «культур» – этнической, региональной, общероссийской, что создает определенные условия для преодоления этнических противоречий за счет наднациональной идентичности и региональной самоидентификации людей разных национальностей. В процессе культурного взаимодействия происходит осознание множественности культур, многообразия мировоззрений и возможности разных оценок одного и того же факта носителями разных культур и вероисповеданий. В истории Астраханской области есть немало страниц, на которых запечатлены факты взаимодействия людей разных национальностей [5]. Этнокультура, как единая система, объединяющая традиционное с прогрессивным, инновационным, способна сохранить уникальность только в рамках диалога, и при условии опоры на общечеловеческие нравственные ценности.

Человек, попадающий в пространственную гетеротопию, вынужден приспосабливаться к новым условиям и так или иначе «совершать так называемый акт трансгрессии» [7, с. 1], т.е. переступать через пределы традиционного поведения. Трансгрессия, по сути, является механизмом приспособления к новым условиям существования, которые позволяют человеку или обществу выживать в сложных условиях гетеротопии. Именно трансгрессия дает возможность субъекту максимально успешно приспособиться к меняющимся условиям среды.

Гетеротопические пространства совмещают «несовместимое», демонстрируя возможность культурного диалога вместо фанатичного отстаивания своей этнической исключительности. Способность одного народа осваивать достижения другого, не подменяя своих – один из главных показателей жизнеспособности его культуры. Именно на этом пути взаимодействия культур складывается общечеловеческая культура, единая и вместе с тем многообразная.

Список литературы

1. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / С. Бенхабиб. – М. : Логос, 2003.
2. Зотова Н. А. Узбекская и таджикская общины в Астраханской области / Н. А. Зотова // Перекрестки истории : мат-лы Всеросс. научн. конф. к 450-летию г. Астрахани. – Астрахань : АГУ, 2008.
3. Казакова Г. М. Регион как субкультурный локус : автореф. дис. ... д-ра культурологических наук / Г. М. Казакова. – М., 2009. – 43 с.
4. Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: бытие и самосознание : автореф. ... дис. д-ра культурологических наук / И. Я. Мурзина. – Екатеринбург, 2003. – 46 с.
5. Хлыщева Е. В. Проблема сохранения культурного наследия в поликультурном регионе / Е. В. Хлыщева // Известия ВГПУ. – 2012. – № 8. – С. 31–39. – (Серия «Социально-экономические науки и искусство»).
6. Якушенков С. Н. Население края / С. Н. Якушенков // Природа, прошлое и современность Астраханского края ; ред. коллегия: А. А. Жилкин, А. П. Лунев, В. А. Пятин [и др.]. – Астрахань : АГУ, 2008.
7. Якушенкова О. С. Религиозная трансгрессия в условиях гетеротопии / О. С. Якушенкова // Научный журнал КубГАУ. – 2015. – №113 (09). – С. 1–11.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПО СЕТИ ИНТЕРНЕТ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКИХ ПОРТАЛОВ)¹

Холова Любовь Александровна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

На современном этапе развития общества особую роль играет так называемая электронная культура, создавая новое пространство, включающее в себя новый язык, формы общения и принципы времени. Электронная культура представляет собой «принципиально новое достижение человечества, самостоятельный феномен, подменяющий все предшествующие ему или «вбирающий их в себя» [2, с. 11]. Поглощая все сферы жизнедеятельности человека, переводя абсолютно все в электронный формат – от покупки еды до построения жизни в виртуальной реальности, электронная культура затрагивает вопросы религии и религиозной идентичности в сети. В связи с тем, что «E-culture» [1] является продолжением и выражением неэлектронных, классических культурных объектов, религия также переходит в интернет-пространство. Следует отметить, что и Сеть претерпевает изменения и находится под воздействием религии, где некоторые компоненты виртуального приобретают аспект сакрального. Характер происходящих изменений является неопределенным, в связи с этим проблемное поле еще не исследовано должным образом исследователями.

Происходящая трансформация социальных связей, хаотичное сочетание, используемых вне контекста различных элементов ставит вопрос о сохранении культурной и религиозной идентичностей, что особенно актуально для такого полиэтничного и поликонфессионального региона как Астраханская область. В постинформационную эпоху религиозная жизнь ускоренными темпами перемещается из церквей, мечетей, синагог в интернет-пространство, которое позволяет человеку освободиться от пространственных и временных ограничений.

Любая религия, традиционная или новая, для закрепления в виртуальном пространстве, создает свои сайты, форумы, группы в социальных сетях и т.д. Анализируя астраханские религиозные порталы в сети Интернет, было отмечено многообразие так называемых интернет-молитв, онлайн-приемов со священником, где обращения поступают как в открытой, так и в анонимной формах. В виртуальном пространстве религия обретает инструменты мгновенной передачи сообщений и доступа в отдаленные области географической карты мира. Скорость информационных потоков придает невиданный динамизм и массовость религиозным процессам. Ее возможности многократно расширяются. Происходит коммерциализация религии. Верующий может легко приобрести широкий спектр вероучительных текстов, предметы с символикой религии или храма, заказать молебен или иную церемонию (рис. 1). «Все это, – приходит к выводу В. Хачатурян, – может оказывать определенное влияние на восприятие мира потребителем массовой культуры, подтачивая и секуляризованное сциентистское сознание, и еще продолжающее существовать сознание христианское в направлении религиозного синкретизма за счет инкорпорации инородных, нехристианских мифологических образов» [5, с. 224].

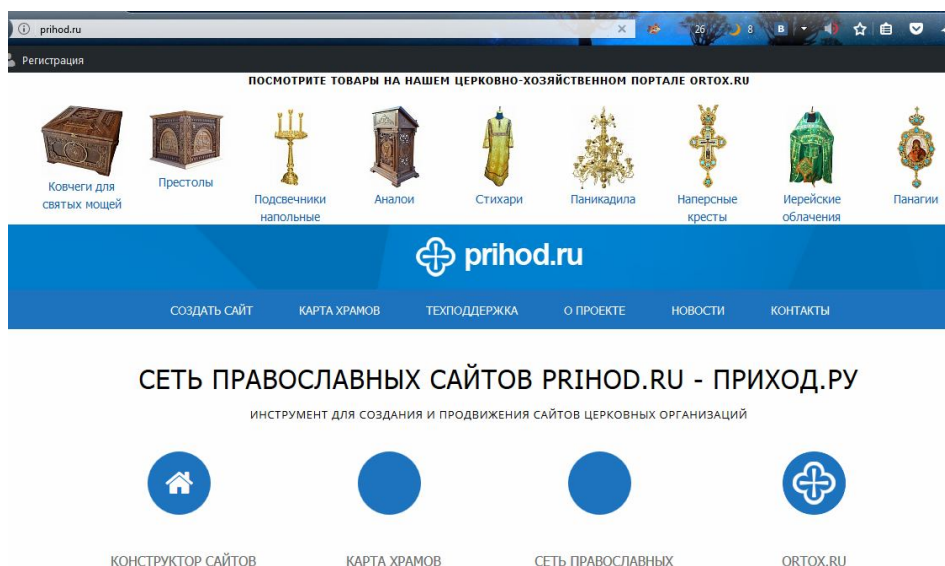

Рис. 1. Сеть православных сайтов «Приход.ру»

В качестве примера можно привести изменение статуса российской православной церкви (РПЦ), которая не дистанцируется от мирской жизни, а выступает достаточно активным игроком в социокультурном пространстве и пользователем социальных сетей и порталов (рис. 2–3).

¹ Статья выполнена при поддержке «Конкурса поддержки молодых ученых 2017 года» – 17-33-01095 А2 «Транснациональные религиозные сети и конфессиональная безопасность».

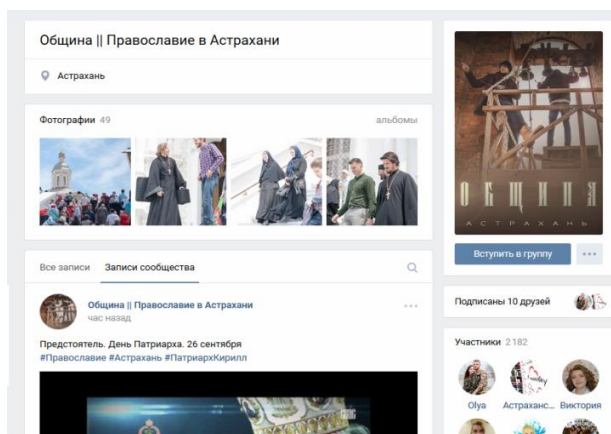

Рис. 2. Социальная сеть «ВКонтакте».
Группа «Община // Православие в Астрахани»

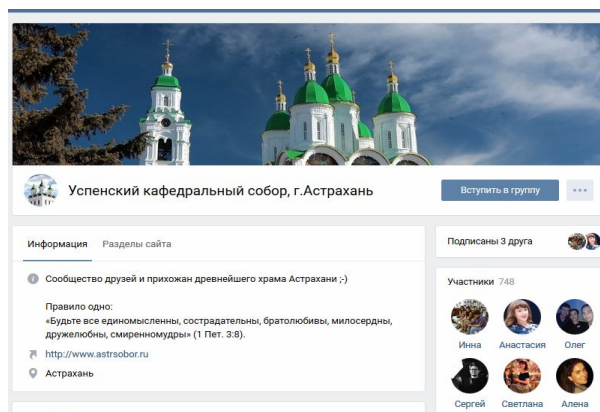

Рис. 3. Социальная сеть «ВКонтакте».
Официальная группа Успенского собора г. Астрахань

Глобализация выступила катализатором для возрождения религиозных традиций на территории Российской Федерации. Противостояние глобального и локального приводит к актуализации этнических культурных особенностей. Применительно к российскому пространству это выражается не просто в возвращении к традициям предков, но и в новом взгляде на православные традиции. Деятельность астраханского военно-патриотического клуба «Покров» указывает на возросший интерес молодежи к религии, благотворительности и народной культуре. «Движение русской культуры – русский традиционный пляс, изучение русских игр, хореографический ансамбль. Проводим вечера, русские праздники, проводим и участвуем в массовых мероприятиях городского масштаба. Военно-патриотический клуб «Покров» ставит перед собой следующие цели: – объединение молодежи на основе любви к Отечеству и Родному Краю, православной веры, желания искреннего служения Богу, Церкви, Родине; – содействие в создании условий для духовно-нравственного, военно-патриотического и гражданского воспитания детей и молодежи» [5].

Предлагаемые цифровой реальностью общение со священнослужителями в онлайн-формате, многочисленные онлайн-молельни и кибер-молитвы, кибер-паломничество приводят не только к популяризации института церкви среди молодого поколения, но и к увеличению потока дезинформации, религиозного фанатизма и некорректного понимания информации, в силу вольной трактовки религиозных традиций, обычаев и символов. Однако вплетение православных традиций в современную повседневную жизнь приводит к тому, что религия начинает претендовать на центральное место в различных сферах культурной жизни.

Список литературы

1. Ronchi A. M. Eculture / A. M. Ronchi. – New York : Springer-Verlag, LLC, 2009.
2. Баева Л. В. «Электронная культура: угроза культурной безопасности или новые возможности для развития?» / Л. В. Баева // Сохранение культурного наследия и проблемы фальсификации истории : мат-лы Всерос. молодеж. конф. в рамках фестиваля наук / под ред. проф. А. П. Романовой. – Астрахань : АГУ, 2012. – 492 с.
3. Киберрелигия: наука как фактор религиозных трансформаций / А. П. Забияко, Е. А. Воронкова, А. В. Лапин, Д. А. Пратына [и др.] / под ред. А. П. Забияко. – Благовещенск : Амурский гос. ун-т, 2012. – 207 с.
4. Социальная сеть «ВКонтакте». Группа «Военно-патриотический клуб «Покров» Астрахань». Режим доступа: https://vk.com/vpk_pokrov, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Хачатурян В. М. «Вторая жизнь» архаики: архаизирующие тенденции в цивилизационном процессе / В. М. Хачатурян. – М. : Академпроект, 2009.

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЗНАКА ИЗ МАТЕРИАЛОВ САМОСДЕЛЬСКОГО ГОРОДИЩА

Шельдешова Юлия Владимировна,

магистрант исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Тамги, знаки, клейма привлекают внимание историков уже более 100 лет, поскольку представляют интересное явление в культуре многих народов мира. Их можно назвать своеобразным идентификатором, при помощи которого можно проследить этнокультурные связи, установившиеся между разными группами населения. Но проблема заключается в том, что распространение знаков и тамг у многих народов мира на определенной ступени социально-экономического развития привело к сложности их интерпретации. У кочевых народов тамгой помечалось богатство – скот, у земледельческих народов – орудия труда и земельные владения (знаки на камнях). Знаки на керамике можно разделить на три типа: граффити, сделанные в процессе изготовления; граффити/дипинти, нанесенные в процессе использования сосуда владельцем (-ами); оттиски на днище знаков на гончарных дисках. В отношении граффити, сделанных после изготовления сосуда, ученые часто допускают их «тамговый» характер. При этом, например, в Сарматии граффити обычно наносились после изготовления, а в Средней Азии – в процессе его. [7, с. 24–26]. Тамги

ставились на монетах и служили таможенными знаками, зачастую ими помечались также и керамические изделия. Если говорить об определении тамги, то его можно сформулировать следующим образом: это знак собственности на отдельные ценные вещи, скот, уголья и знак причастности человека или группы родственников.

На Самосдельском городище в 2011 г. в помещении 2 сооружении 27 был найден фрагмент стенки красноглиняного кругового сосуда с прочерченным знаком в виде трех коротких параллельных друг другу линий, перечеркнутых одной центральной поперечной линией на внешней стороне изделия. Тесто, хорошо промешанное без видимых примесей и нарушений температурного режима обжига. Поверхность ангобирована. Судя по контексту раскопа, фрагмент можно датировать периодом монгольского нашествия рубежа XIII вв. Толщина фрагмента – 0,65 см. Длина фрагмента – 3,5 см (рис. 1).

Н.А. Кокорина интерпретирует данный знак как «черта». В домонгольский период он встречается редко, а в золотоордынский период насчитывается девять разновидностей знаков представляющих собой различное количество черт в разных сочетаниях. Исследователь указывает, что большая часть их связана с Болгаром [2, с. 75–79].

М.Д. Полубояринова выделяет этот знак как «перечеркнутые вертикали» и относит к типу IV. Данная группа знаков очень разнообразна, но основу у всех составляет вертикальная черта, и ввиду этого среди них очень мало идентичных знаков. Похожие знаки встречались в Саркеле, на Селитренном и Водянском городищах в золотоордынский период [3, с. 192]. Хронологически близкие прототипы знаков в виде вертикальных и параллельных линий М.Д. Полубояринова указывает в Плиске, Саркеле, Маяцком городище и у чжурчженей на Дальнем Востоке. Аналогии знаков из сочетания параллельных, вертикальных, горизонтальных линий отмечены исследователем у тюрок Северного Причерноморья, Северо-Западной Монголии, чувашей, ногайцев.

Данные знаки золотоордынского периода в виде черт, по-видимому, принадлежали половецко-кыпчакской группе, вытесненными монголами из южнорусских степей [5, с. 228–229].

Тамговая система Золотой Орды была вероятней всего воспринята от населения юго-восточных европейских степей: от огузов, кипчаков, болгар, которые попали под власть Золотой Орды и составили основную часть её населения. Этим можно объяснить совпадение тамг у одноименных племен и родов, входящих в состав этих народов. Некоторые различия в составе знаков на указанных выше городищах характеризуют деятельность различных торговцев в разных центрах, которые и ставили свой знак собственности. Тамги на золотоордынских сосудах являются недостающим связующим звеном между тамгами населения восточноевропейских степей второй половины I тысячелетия н.э. и современными тамгами многих тюркских народов.

Область Нижнего Поволжья после падения Хазарского каганата продолжает процветать благодаря морской и речной торговле. Центральная часть Саксина (город, который предположительно стал приемником Итиля) начинает приобретать черты восточного мусульманского города, который представлял собой ряд кварталов-махалл с квартальными и соборными мечетями. Ал-Гарнати, прибыв в Саксин, говорит о том, что в городе проживают хазары, сувары, огузы и булгары. Саксин в тот период поддерживал тесные связи с Волжской Булгарией, находившие отражение в экономической и духовной сферах [1]. Примером может служить большой компонент гончарной посуды болгарского производства из слоёв X–XII вв. Вероятней всего, она была сделана болгарскими мастерами непосредственно на месте, что подтверждается весьма значительным процентом от общего числа находок в нижних слоях. Возможно, на том месте существовала болгарская торгово-ремесленной фактория, которая изготавливала керамические изделия и один из мастеров нанес тамгу (имеющую аналоги в Болгаре) на свой продукт. Это дает нам основания для того, чтобы говорить о тесных этнокультурных связях города на месте городища Самосделка с Волжской Булгарией в X–XII вв., о значительном болгарском компоненте среди населения городища в тот период.

Список литературы

1. Абу Хамид ал-Гарнати. Сочинения / Абу Хамид ал-Гарнати. – М., 2010.
2. Кокорина Н. А. Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV в. / Н. А. Кокорина. – Казань, 2002. – 383 с.
3. Полубояринова М. Д. Знаки на золотоордынской керамике / М. Д. Полубояринова // Средневековые древности евразийских степей. – М., 1980. – С. 165–212.
4. Симченко Ю. Б. Тамги народов Сибири / Ю. Б. Симченко. – М., 1965. – 222 с.
5. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов / Г. А. Федоров-Давыдов. – М., 1966. – 274 с.
6. Щербак А. М. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи (К вопросу о языке и письменности печенегов) / А. М. Щербак // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1959. – № 75. – С. 123–135.
7. Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья / С. А. Яценко. – М., 2001. – 189 с.

АСТРАХАНЬ – КАВКАЗ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮГА РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

ГЕОПОЛИТИКА «ЧЕРНЫХ ДЫР» И «БЕЛЫЕ ПЯТНА» ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТОЛОГИИ

Карабущенко Павел Леонидович,

*доктор философских наук, профессор кафедры политологии и международных отношений,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Геополитика и элитология – это те две научные дисциплины, которые имеют прямое отношение к правящему политическому классу, часто (и, увы, ошибочно) именуемого «элитой»¹. Если политическая элитология изучает политическую элиту и лидеров в режиме *pro et contra*, то геополитика формирует стратегическое мышления и глобальное мировоззрение конкретных субъектов власти. Но вместе они направлены на объяснение феномена господства (доминации) избранного качества; вместе они дают объяснение иерархии, как частного, так и общего явления; делают понятными действия властей различных уровней, стран и времен. Объединенными усилиями они способны успешно взламывать код любых политических элит и их лидеров. Поэтому от этого союза выигрывает в первую очередь сама наука и элиты гражданского общества, а в проигрыше остаются политические элитарные структуры.

Прежде всего, проясним некоторые терминологические особенности настоящей работы. Мы исследуем феномен т.н. «черных дыр» в геополитике, которые образуются в виде неких «провалов», мест, где не действует большая часть существующих законов политической природы. Это места геополитического хаоса, который, прежде всего, характеризуется как обрушение системы власти (жесточайший кризис правящих элитных групп, превращающихся в самые настоящие криминальные группировки, играющие в политиков и в политику). Именно такими темными зонами и стремятся управлять современные глобальные элиты.

Второй термин «белые пятна» характеризует уже «провалы» в самой науке, оказывающейся неспособной дать точное описание и адекватный анализ происходящим событиям. Чаще всего, науке просто не хватает новой терминологии, для того чтобы описать это новое явление и новых методов исследования, для того, чтобы дать исчерпывающий анализ. В качестве двух таких «белых пятен» элитологии мы можем указать на недостаточный характер научной терминологии в описании элитарной патологии (различных отклонений элит от норм) и крайне слабое применение философских методов (в частности, герменевтики) в вопросе исследования мышления и мировоззрения правящих элитных группировок.

«Черные дыры» современной геополитике. Мы живем в эпоху, когда Запад утрачивает монополию на истину. Монополярный мир – это вершина гегемонии англосаксонской модели мироустройства. Но признаем честно – англосаксы утрачивают монополию на истину высшей инстанции не только в области политики и финансов, но и в сфере науки, культуры и образования. Ключевая проблема – недооценка потенциала других цивилизаций: англосаксы всегда выше остальных (варваров). Снижается важность Запада как цивилизации, поскольку их ценности утрачивают свою доминанту. Цивилизационный кризис Запада есть, прежде всего, системный кризис правящих элит. Потеря стратегического видения проблем делает элиты заложниками собственной неполноценности и недостатков их профессиональной компетенции. Политика, направленная на создание подобных «черных дыр», чаще всего опирается на стратегию двойной морали и систему политических фейков. Фальсификация и манипуляция являются нормой политических практик таких элит. Причем больше всего о фейках говорят те, кто сами занимаются фальсификацией.

В наше время западная империя состоит из центра (США) и периферии (Европы), где ЕС выполняет функцию геополитической колонии (сателлита, вассала) центра. Скрепками этой империи является ложь. Империя лжи объявила Россию «империей зла». Ложное суждение злого западного умысла. Стало очевидным, что монополярная геополитическая система все больше походит не на шахматную партию, а на карточное шулерство. И виной этому стал Советский Союз, безответственно покинувший шахматную доску геополитики в 1991 г. С этого момента геополитика стала наукой о лукавстве в сфере стратегии международных отношений. В каждой геополитической модели проявляется лукавство тех элит, которые эту модель осуществляют на практике. И политическим элитам активно помогают проводить такое лукавство лукавые политологи и журналисты. В результате геополитика все больше становится войной фейков. Официально признается, что надежных источников информации нет. Фейк-журналистика подливает масло в огонь, демонизируя образ России на международном уровне. Появляется новая реальность (зазеркалье).

Общепризнано, что американская внешняя политика – это вывернутая наизнанку американская внутренняя политика, в которой олигархи играют роль добропорядочной демократии. История США – это история потери совести ради достижения главной цели – грабежа и богатства. Поэтому когда элиты США говорят о том, что их страна является «честью и совестью мира», необходимо вспомнить, что является их сверхценностью – а это получение любой ценой сверхприбыли. Совесть у США пробудится лишь тогда, когда они покаются за Хиросиму и Нагасаки, за разрушенный Дрезден и искореженный Вьетнам. Кровавый послужной список США на международной арене не дает им права выступать в роли морального судьи. Все их громкие заявления и постановочный «праведный гнев» не более

¹ Дугин А.Г.: «Геополитика – это мировоззрение власти, наука о власти и для власти. Только по мере приближения человека к социальной верхушке геополитика начинает обнаруживать для него свое значение, свой смысл и свою пользу, тогда как до этого она воспринимается как абстракция» [3, с. 13].

чем проповедь нравственности в публичном доме. Они больше заняты имитацией эффективности своей внешней политики, которая наиболее наглядно проявилась в их разрекламированной борьбе с терроризмом и тоталитарными политическими режимами. Сценарий цветных революций дал сбой в Сирии, но создал хаос в Ливии, Ираке, Афганистане и на Украине.

«Семья цивилизованных народов» (куда так стремилась всей душой вступить Россия после 1991 г.) оказалась на самом деле банальным людоедским сборищем. И методы политического давления, которыми этот «цивилизованный мир» использует, все больше напоминают банальные приемы шантажа и вымогательства. Когда прямой шантаж не проходит, начинаются мероприятия по созданию проблем, в виде «черных дыр». Геополитическими «черными дырами» также стали такие страны, как Афганистан, Ирак, Ливия, Сомали, Йемен, Сирия... Дезинтеграция власти сопровождается деградацией элит и деформацией всех аксиологических установок. Рядом с границей России в 2014 г. образовалась таковая «черная дыра» под названием «Украина». И как «Черная дыра», Украины пожирает ресурсы Запада, который сам стремительно теряет свое респектабельное лицо. Украина неудобна всем потому, что это классический политический неформат.

Особенность же России заключается в том, что выжить и не стать «черной дырой» она могла лишь при условии сильной государственной власти. «Стратегически Россия всегда была незащитима, уязвима для завоеваний, находилась в исключительно сложном геополитическом окружении. Основная военная опасность на протяжении веков исходила с юга – от воинственных народов Степи, а также с Запада. Естественными защитниками страны выступали холод и обширность территории. Протяженность и уязвимость границ вынуждали держать оборону одновременно на всех направлениях, что предполагало высокий уровень милитаризации. В отличие от Западной Европы, где король и военная элита рассредоточены жили в сельской местности, русские князья и дружинники вынуждены были жить в городах, которые выполняли функции крепостей» [8]. Воинственность россиян складывалась веками. «Необходимость обеспечивать выживание и обороноспособность большой территории, находящейся в сложном геополитическом окружении, делало необходимым перераспределение ресурсов от бедного и малочисленного населения. Это привело к высокой степени централизации власти» [8].

По мнению политического руководства США, главная задача НАТО, предупредить «агрессию России». Объединяющим мотивом стран НАТО является «миф о «российской угрозе», клевета о «российской агрессии» и бесконечные заклинания о необходимости ей «коллективно противостоять». Фактически Запад навязывает России конфронтационную парадигму отношений, основанную на логике военного противостояния» [7]. О том, кто на самом деле является «мировым злом», свидетельствует тот факт, что в XX в. именно США развязала более 50 военных конфликтов, т.е. в среднем каждые два года Вашингтон применял в отношении других стран свою военную силу. Попытки обвинить в геополитической агрессивности Россию, выглядят стремление свалить с «больной головы на здоровую» ответственность за глобальные политические проблемы. До тех пор, пока существует НАТО, будет длиться и «Холодная война» между Западом и Россией.

Чтобы установился мир во всем мире, необходимо закрыть или разрушить все военные предприятия США и их союзников. До тех пор, пока дымит хоть одна труба этих предприятий, войны в мире неизбежны и необходимы для Вашингтона зло.

Проблема новой терминологии. Современная наука весьма часто оказывается неспособной имеющемуся в ее распоряжении понятийным аппаратом адекватно описать принципиально новое явление. Для описания подобных «провалов» имеющийся понятийный аппарат нуждается в серьезном уточнении и доработке. Однако, не всем возникающим «терминам» суждено выжить и укорениться в научной среде.

Налицо явный кризис западной идеологии, оправдывающей господство монополярной модели мира. Запад погряз в своей лицемерии и запутался в бесконечных манипуляциях с глобалистскими и мультикультурными ценностями. Глубинные разногласия между лидерами стран Западного мира разрушают не только их единство, но и привлекательность самого их цивилизационного проекта в целом. Действия атлантических элит все чаще вызывают недоумение. По мнению российского сенатора А. Пушкова, «Впечатление от Мюнхена [Мюнхенской конференции по безопасности 2017 г.]: евроатлантическая элита пребывает в летаргическом сне. Подлинные угрозы подмечены мнимыми, вместо ответов – мантры о ценностях» [9]. Конференция показала, что уровень стереотипизации / демонизации высшего российского руководства остается на высоком уровне.

В начале 2017 г. в политический лексикон мировых элит был брошен новый термин «постзападный мир» («Post-west»). Он впервые прозвучал на 53-й Мюнхенской конференции по безопасности. Евро-атлантические партнеры России услышали это новое ключевое слово («постзападный мир») из уст российского министра иностранных дел С. Лаврова 17 февраля 2017 г.¹ «Мы категорически не согласны с теми, кто обвиняет Россию и новые центры мирового влияния в попытке подорвать так называемый либеральный мировой порядок, – заявил тогда глава МИД РФ, – кризис такой модели мира был запрограммирован еще тогда, когда концепция экономической и политической глобализации задумывалась главным образом как инструмент обеспечения роста элитарного клуба государств и его доминирования над всеми остальными» [5]. Он призвал тогда мировых лидеров сделать выбор в пользу более справедливого, по его словам, «постзападного» мирового порядка, при котором каждая страна будет «стремиться к поиску баланса между своими национальными интересами и национальными интересами партнеров» [6]. «Если хотите,

¹ С. Лавров может считаться политическим пророком своего времени, ибо практически все его предсказания сбываются с поразительной точностью. Еще в 2013 г. высказанный им в Мюнхене тезис о превращении советской угрозы в угрозу российской, подтвердился уже в следующем году. Его мысль о том, что силовые операции могут привести только к хаосу, также сбылись [2].

назовите его *post-west*» [5]. Западные дипломаты поспешили с заявлением, что их страны не собираются отказываться от «западных ценностей» (как, например, «декларации прав человека»), которые носят общечеловеческий характер¹.

«*Post-west*» стал своего рода символом сопротивления западному либеральному глобалистскому проекту. «Этот поразительный неологизм не только соединил в себе время и пространство, но и позволяет, наконец, даже совсем уж наивному западному человеку понять содержание текущей российской политики... С. Лавров своим неологизмом «постзападный» провозгласил первенство пространства и вечности над политическим временем» [2]. Постзападный мир – крах либеральной западной мечты, крах идеологии западного превосходства во всем, что имеет стратегическую ценность. Носители западных либеральных ценностей оказались эпитомами былого величия и могущества Западной цивилизации. Постзападный мир – это и пересмотр границ распространения идей либерализма, критическая оценка их качества как недостаточного для того, чтобы быть управляющим мировым трендом и господствующей военно-политической силой.

Приживется ли данный термин в политологической среде, будет зависеть от развития самой описываемой им тенденции. При сохранении тенденции деградации могущества монополярного устройства мира, такие термины как «*post-west*» будут все чаще и активнее применяться экспертным научным сообществом и самими политиками. Но сами элиты, которые ныне олицетворяют гегемонию Западного мира, будут последними, кто признает и начнет использовать данное конкретное выражение. Ибо такое признание будет означать потерю ими мирового могущества и элитарного статуса *первых среди главных*.

США и геополитический элитаризм. Разрушая систему международного права, США создают геополитические «черные зоны», где играют по своим исключительным правилам (т.е. ведут бои без правил). На сегодняшний день США – это главный мировой вредитель. Они пытаются навредить всем, кто угрожает идеи их мирового лидерства. У США есть глобальное информационное доминирование, которым они злоупотребляют везде, где только можно. Политическая доминанта США должна быть абсолютной, иначе вся их геополитическая стратегия рассыплется во прах, станет смешной страшилкой. Вот почему Вашингтон выступает в роли мирового пугала. Они пытаются доказать всему миру, что порядок существует благодаря им, и что если их не станет, он рухнет и воцарится хаос. Потеря величия мирового лидера является самой серьезной проблемой внешней политики США. Для США казаться лидером гораздо важнее, чем им быть. Они просто помешаны на своей политической рекламе, и уделяют PR слишком большое внимание. В отличие от англосаксов, русские правды не боятся. Главное не лгать себе. США истина не интересует. Их интересует пропаганда своих достижений, даже если они носят надуманный характер.

США – мощное прагматическое государство, распространяющее свою гегемонию по всему миру. И ради достижения этой цели, они готовы пойти на любое преступление. *Репутацию США такова, что её теперь уже ничто не может испортить.* Русофобская риторика политической элиты США понятна – они точно определили, что реальную угрозу их мировой гегемонии представляет независимая Россия. Для Америки Россия – главнейшая экзистенциальная угроза. Россия и США – это две исключительности, которые исключают первенство одной над другой; но эти исключительности, сами активно борются за право быть первыми над другими. Реальную угрозу для безопасности США представляет потенциальный союз Германии и России.

Ведущие субъекты российской элиты считают, что «западные оппоненты России и многие внутренние либералы активно критикуют власть за достаточно жесткий и абсолютно самостоятельный, независимый от кого бы то ни было подход к решению внешних вопросов. ...Что бы мы ни говорили о действии самых разных сил, государств, наций, все они руководствуются своими национальными интересами, как принято считать, но на самом деле государствами движут все-таки не столько демократические процедуры, через которые происходит воля народа. В большей степени эти национальные интересы понимаются, интерпретируются и реализуются конкретными элитами, правящим классом» [10].

Уязвимость России в том, что ее политические элиты в недостаточной мере используют выгоды своего геополитического положения. Так, например, геополитическая стратегия России уделяет недостаточно внимание качеству российского военно-морского флота. Практически в тени забвения остается каспийская военно-морская флотилия. Каспий – это осевой регион Евразии. Создание на Каспии мощной военно-морской группировки России может сделать Астрахань (штаб-квартиру базы каспийской флотилии) столицей Персидского залива. К такому неожиданному развороту были бы не готовы не только Вашингтон или Эр-Рияд, но и сама Астрахань. Из акватории Каспийского моря Россия может и должна контролировать не только Персидский залив и Аравийского море, но и все прилегающие к ним территории. Это южная зона ее военно-политической ответственности по национальной безопасности. Политическая воля России должна присутствовать в этом регионе, а ракетный комплекс морского базирования – логическое продолжение национальной границы России.

¹ Критики данного тезиса поспешили обвинить «злочинный Кремль» в попытке организовать новое нашествие азиатских орд на цивилизованный Запад. Либералы указывают на то, что восстанавливается Советский Союз, появляются «новые советские люди», носители «пост-западных» ценностей. «Они не разделяют главных, с их точки зрения, ценностей современного западного мира – секулярного комфорта и уверенности в превосходстве разума над чувством. Для постзападных людей в полосе отчуждения между Россией и Восточной Европой важнее комфорт эмоциональный, важнее примат чувств над разумом. Сейчас селекцией этого постзападного человека занимаются игротехники, пиротехники и попы. Выведенный в неосоветской пробирке, он должен будет разделять веру в Святую Русь – СССР в границах России – СССР плюс Аляска, Польша и Финляндия, поэтому так легко заставить его чувствовать себя партизаном, ведущим борьбу с самим сатаной в сердце Европы» [2].

«Белые пятна» современной политической элитологии. Современные элиты это правящие круги эпохи коррозии международного права, заката господства системы западных ценностей, кризиса олигархического миропорядка, наконец, это элиты теряющие контроль, за своим собственным качеством (их элитарность добивает в них их же собственную элитность). О падении профессионального качества политических элиты писали ведущие западные политические аналитики [13; 14], и у нас нет оснований им не верить. Наблюдаемая деградация элитности в элите и постоянное желание подменить ее элитарностью, свидетельствует о реальном кризисе позднего развитого индустриального общества и о его неудачных попытках приспособиться к реалиям раннего постиндустриального мира.

К «белым пятнам» политической элитологии относятся те области стратегического знания, которые оказываются вне поля ее зрения, или получают недостаточное освещение, или ошибочную оценку. Молчание элитологии свидетельствует или о несовершенстве самих элитологов, или об их политической ангажированности. До сих пор политическая элитология не владеет достоверным знанием о закулисной деятельности элит и их лидеров. Эта сфера является главным «белым пятном» элитологической науки. «Белые пятна» элитологии касаются в первую очередь интимных сторон жизни и секретных областей профессиональной деятельности элит и лидеров. Указанные элитологические провалы вызваны как методологическими просчетами самих исследователей, так и умением политических элит и их лидеров искусно маскировать под мнимые достоинства свои реальные недостатки. В чем именно предназначение элит, знает только одна элитологическая наука.

Современная элитологическая наука имеет возможность давать не только политологического, но и культурологического и психологического анализа сущности элит. Причем в настоящее время феномен «элиты» рассматривается в купе с проблемой элитности, как содержательной характеристики самой формы-статуса элиты [4; 11; 12]. Это позволяет более точно отделять элитные элементы от неэлитных (тех, кто элитой не является по определению) и псевдоэлитных (тех, которые себя выдают за элиту). Политическая элитология занимается изучением крайне неприятных людей, большинство из которых утратили внутренний облик человека. Разчеловечивание класса политиков – одна из самых болезненных и неприятных тем для властей всех времен и всех народов.

В настоящее время элитология превращается в область стратегических знаний. Обладать стратегическим знанием об элите, значит уметь прогнозировать её поведение и в перспективе проектировать её действия, управлять её мотивами и определять подлинную, а не мнимую систему её ценностей. В настоящее время у элитологии хорошо получается мониторинг элит. Но в будущем она должна научиться эффективно заниматься инженерией элит и лидерства. Как наука, элитология должна не оставить ни одного «белого пятна» в своём исследовании политических элит, и четко разграничивать их PR (идеологию оправдания их господства) от своего научного маркетинга...

Список литературы

1. Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность : монография / Г. К. Ашин. – М. : МГИМО (У), 2010. – 600 с.
2. Гусейнов Г. Сталинградцы Лавров о постзападном мире. 18.02.2017 / Г. Гусейнов. – Режим доступа: <http://ru.rfi.fr/rossiya/20170219-stalingradets-lavrov-o-post-zapadnom-mire>, свободный. – Загл. с экрана. Яз. рус.
3. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России / А. Дугин. – М., 1997.
4. История отечественной элитологической мысли : энциклопедический словарь / под ред. проф. А. Ю. Шутова, П. Л. Карабущенко, А. В. Понеделькова. – Ростов н/Д. : ЮРИУ РАНХиГС, 2016. – 576 с.
5. Лавров: нужно установить постзападный мировой порядок. 18.02.2017. – Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/4019535/lavrov-nuzhno-ustanovit-postzapadnyy-mirovoy-poryadok>, свободный. – Загл. с экрана. Яз. рус.
6. МИД Франции удивила мюнхенская речь Лаврова о «постзападном» мире. 20.02.2017. – Режим доступа: <http://nepravda.in.ua/mid-francii-ydivila-munhenskaia-rech-lavrova-o-postzapadnom-mire>, свободный. – Заглавие. с экрана. – Яз. рус.
7. МИД ответил на высказывания Тиллерсона после заседания Совета Россия-НАТО. 01.04.2017. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/29275229/?frommail=1>, свободный. – Заглавие. с экрана. – Яз. рус.
8. Никонов В. Российская историческая традиция / В. Никонов // Стратегия России. – 2014. – № 5.
9. Пушков назвал Мюнхенскую конференцию по безопасности «летаргическим сном». 18.02.2017. – Режим доступа: <http://ren.tv/novosti/2017-02-18/pushkov-nazval-myunhenskuyu-konferenciyu-po-bezopasnosti-letargicheskim-snom>, свободный. – Заглавие. с экрана. – Яз. рус.
10. Рогозин Д. О. Россия: глобальные вызовы и оборонная политика / Д. О. Рогозин // Стратегия России. – 2014. – № 10.
11. Элитология культуры: российская культурная элита XX века. Энциклопедический словарь / под редакцией проф. П. Л. Карабущенко. – Астрахань : АГУ, 2017. – 420 с.
12. Элитология: Энциклопедический словарь / под ред. проф. П. Л. Карабущенко. – М. : Экон-информ, 2013. – 618 с.
13. Paul Craig Roberts. How America was Lost. From 9/11 to the Police / Craig Roberts Paul // Warfare State. – Clarity Press, 2014. – 465 p.
14. Udo Ulfkotte. Gekaufte Journalisten: Wie Politiker, Geheimdienste und Hochfinanz Deutschlands Massenmedien / Ulfkotte Udo. – 2014. – Auflage 5. – 336 s.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США НА КАСПИИ

Кондратьев Владислав Владимирович,

редактор информационно-аналитического портала «Casp-Geo», г. Астрахань

Подавляющее большинство российских экспертов, изучающих политические, экономические, военные и иные аспекты ситуации в Каспийском регионе сходятся во мнении, что после распада СССР Каспий превратился в одну из самых важных и сложных геополитических проблем международных отношений.

Если с середины XVIII и по 90-е гг. XX в. Россия, а затем и Советский Союз совместно с Персией (Ираном) практически «контролировали» Каспийский регион, то в результате появления на карте мира «новых» независимых

прикаспийских государств: Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, произошло преобразование каспийского геополитического пространства. Распад СССР был использован рядом западных стран, в первую очередь США, в целях политического и экономического проникновения на Каспий и дальнейшего закрепления в нем, а это, в свою очередь, привело к формированию в регионе новых очагов напряженности.

Деятельный интерес внешней политики США к Каспийскому региону обусловлен его геополитическим положением на Евразийском континенте. По мнению ряда ученых, Каспий является главной «геополитической осью» Евразии, которая делит этот континент на две зоны – Западную (Европа) и Восточную (Азия). Каспийское море не просто географическая ось самой Евразии, но и своего рода мост (или коридор) между двумя культурными континентами, доминирование в котором позволяет ведущим мировым державам контролировать наиболее важные политические и экономические процессы на евразийском пространстве [1, с. 8–9].

Геополитическую ценность Каспийского региона для США подтверждает анализ результатов современных геополитических исследований ведущих американских аналитических центров, таких как “Stratfor” [2], “Heritage Foundation” [3], “Rand Corporation” [4] и других. Американские аналитики при характеристике геополитического статуса Каспийского региона, как правило, выделяют такие факторы, как выгодное географическое и военно-стратегическое положение Каспия на евразийском континенте, значительные запасы углеводородных полезных ископаемых, пересечение в регионе стратегически важных транспортных коридоров, богатые биологические ресурсы и др.

Произошедшими в Каспийском регионе в начале 1990-х гг. геополитическими изменениями ожидаемо воспользовались Соединенные Штаты Америки. В 1994 г. администрация 42-го президента США Билла Клинтона объявила Каспий зоной своих национальных интересов. В целях выработки стратегии по укреплению позиций США в Каспийском регионе в Вашингтоне была создана специальная Межведомственная рабочая группа по Каспию для выработки национальной политики. В неё вошли представители Госдепартамента, Министерства энергетики, Министерства торговли, ЦРУ и Совета национальной безопасности США. Рабочая группа играла координирующую роль в выработке согласованной американской стратегии в регионе и была упразднена только после успешного выполнения стоящих перед ней задач [5, с. 19].

Для достижения своих геополитических целей Вашингтон использовал привычный для себя набор средств и методов. Анализ имеющихся в распоряжении автора источников позволяет выделить последовательный ряд этапов реализации геополитической стратегии США в Каспийском регионе.

Первоначальный этап, длящийся с начала 1990-х гг. до 2001 г., характеризовался активным проникновением в Каспийский регион крупных американских компаний, в первую очередь, из нефтегазовой сферы, а также началом разнопланового военного сотрудничества Вашингтона и стран Каспия.

В начале 90-х гг. экономическая экспансия американских компаний в прикаспийские страны являлась основным элементом стратегии США по проникновению в Каспийский регион и закреплению в нем. В апреле 1993 г. первой из американской компаний, получивших доступ на Каспий стала международная компания “Chevron”. В 1994 г. был заключен так называемый «контракт века» между Азербайджаном и британской «Бритиш Петролиум». В 1997 г. американские компании стали одними из основных акционеров международного консорциума «Agip KCO», разрабатывающего супергигантское Кашаганское нефтегазовое месторождение на казахстанском шельфе Каспийского моря.

Вторым приоритетным вектором устремлений Вашингтона на этом этапе являлось обеспечение военного доступа на Каспий, так как развертывание подконтрольных Вашингтону военных объектов в регионе существенно ослабило бы военно-политические позиции РФ в регионе, а также создало необходимые предпосылки для повышения геополитического влияния США как на Каспии, так и в Евразийском регионе в целом.

В 1990-х гг. прошлого века в ходе визитов нового независимого руководства Азербайджана, Казахстана и Туркмени в США и ответных визитов представителей американской администрации были достигнуты договоренности по усилению двустороннего военного сотрудничества. В соответствии с ними США стали оказывать различные формы военной помощи странам Каспия, включающие продажу или передачу военного оборудования, периодические визиты старших офицеров, подготовку военнослужащих, проведение совместных учений. В то же время в Пентагоне был разработан план военной интервенции «Шторм над Каспием» на случай, если американские интересы в регионе будут поставлены под угрозу [5, с. 58].

Второй этап реализации геополитических целей США на Каспии начался в 2001 г. и характеризовался существенным изменением военной стратегии Вашингтона на Каспии в связи с терактами сентября 2001 г. Также сохранилась общая направленность и интенсивность экономической политики Запада в регионе, которая, в первую очередь, концентрировалась на вопросах реализации проектов по диверсификации поставок углеводородов Каспия на внешние рынки в обход территории России (трубопроводы «Баку-Тбилиси-Эрзурум», «Баку-Тбилиси-Джейхан»).

После объявления Вашингтоном глобальной войны международному терроризму, стало четко прослеживаться стремление США максимально расширить свое военное присутствие в странах Центральной Азии, непосредственно примыкающим к очагам распространения нестабильности в Евроазиатском регионе, в том числе и в прикаспийских Казахстане и Туркмени.

Учитывая ограниченный объем статьи, охарактеризовать военную политику США в регионе можно на примере ближайшего соседа и союзника РФ – Республики Казахстан.

Казахстан первым из центральноазиатских государств официально заявил о поддержке усилий США по борьбе с терроризмом. При этом Н.А. Назарбаев дал американской стороне обещание представить аэродромы в Чимкенте и Луговом, а также ряд других баз для развертывания контингента войск и сил антиталибской коалиции. После полу-

чения гарантий казахстанского руководства в поддержке действий США военное сотрудничество стран существенно активизировалось [5, с. 86].

В 2002 г. в совместном заявлении Президентов США и РК, подписанном в ходе визита лидера Казахстана в Вашингтон, было отмечено, что США рассмотрят возможность расширения программ содействия Казахстану по укреплению безопасности его границ и повышению оборонного потенциала вооруженных сил [5, с. 92]. В июне этого же года Казахстан первым из центральноазиатских стран присоединился к программе НАТО «Процесс планирования и анализа», предусматривающей расширение военно-технического сотрудничества с НАТО и возможность участия миротворческих подразделений РК в операциях по поддержанию мира и безопасности в зонах вооруженных конфликтов [5, с. 108]. В 2003 г. США и Казахстан впервые подписали пятилетний план военного сотрудничества.

После этого реализация приоритетных направлений сотрудничества США и РК стала осуществляться в рамках программ содействия «Международное военное обучение и подготовка» (IMET), «Контртерроризм» (СТ), «Иностранное военное финансирование» (FMF), «Фонд солидарности коалиции» (CSF), ежегодных планов военных контактов (Mil-to-Mil). В основе этих программ – подготовка военных специалистов по стандартам НАТО и достижение оперативной совместимости для выполнения миротворческих задач. Так, в рамках программы FMF Казахстану было передана американская военная техника на общую сумму несколько десятков миллионов долларов, в частности 34 автомобиля «Хаммер», а также открыт центр по их обслуживанию. Конгресс США дополнительно одобрил поставку в Казахстан партии вертолетов «Хьюи-2» [6, с. 305–306]. В рамках программы IMET, начиная с 2002 г., казахстанские офицеры стали обучаться в высших военных учебных заведениях США: Национальном университете обороны, Академии ВВС, Академии Вест-Пойнт. [5, с. 109]

Также стоит отметить, что США активно способствовали развитию Военно-морских сил РК на Каспии. В рамках данного направления сотрудничества в 2006 году при посредничестве Вашингтона за символическую плату в 100 долларов Казахстану были проданы три катера типа «Си долфин», построенные в Южной Корее, а также выделено 5 млн долларов на строительство военного городка на каспийском побережье для размещения там мотострелковой бригады морской пехоты [7, с. 59].

В 2003 г. США приступили к реализации программы по созданию в Каспийском регионе сил специального назначения и военных баз под названием «Каспийский страж» (Caspian Guard). Согласно её замыслу, основными задачами создаваемых военных объектов должны были стать защита нефтяных объектов от угроз нападения со стороны террористов и борьба с наркотрафиком и торговлей оружием массового уничтожения. Приступая к реализации программы, США были намерены привлечь к активному сотрудничеству Азербайджан и Казахстан, а в перспективе Туркменистан, Узбекистан и Турцию. В течение шести лет Пентагон намеревался осуществлять финансирование данной программы в размере 130 млн долларов. На территории Казахстана и Азербайджана планировалось построить командно-штабные центры, а на побережье Каспия – центры для воздушных и морских секретных операций. [5, с. 137–139]. Однако реализовать программу США не удалось, в первую очередь по причине жесткой позиции России и Ирана относительно неприемлемости размещения на Каспии военных объектов, подконтрольных внерегиональным странам.

Третий, современный этап реализации американских геополитических интересов на Каспии начался на рубеже 2008–2009 гг., с момента полноценного вступления в должность новой американской администрации Барака Обамы. Данный период характеризуется своего рода консервацией политики Белого дома. Отмечается снижение интенсивности контактов руководства США и прикаспийских стран и отсутствием каких-либо новых крупных американских инициатив для стран региона.

Вместе с тем, это не говорит о том, что Вашингтон потерял интерес к региону, что не может быть «априори» по причине понимания американской стороной важного геополитического статуса Каспия, который автором охарактеризован в начале статьи. Представляется обоснованным говорить о том, что сформированные администрацией Б. Клинтона и Дж. Буша-младшего основы и принципы реализации американской политики позволяют успешно решать текущие геополитические задачи США в регионе.

В частности, в настоящее время Вашингтон прикладывает значительные усилия по укреплению экономической независимости прикаспийских стран, рассчитывая за счет этого существенно ограничить геополитическое влияние России в регионе. Данную задачу американская сторона решает посредством использования таких форм деятельности, как содействие развитию новых маршрутов транспортировки казахстанских и туркменских углеводородов в обход России, всесторонняя поддержка реализации новых транскаспийских транспортных магистралей в регионе по направлению Восток-Запад, модернизация экономических связей между прикаспийскими странами и т.д. В целом, посредством использования экономических рычагов влияния, Вашингтон успешно решает задачи ослабления экономической роли России в регионе, так как все инициированные США и их союзниками из ЕС проекты планомерно реализуются, содействуя развитию экономических связей прикаспийских стран и укреплению их экономической независимости от РФ.

Военное закрепление США в регионе на данный момент реализуется на тех же принципах, что и в начале 2000-х гг. Из анализа опубликованных в текущем году официальных документов Государственного департамента США следует, что США продолжают проводить политику, направленную на развитие сотрудничества с прикаспийскими странами в области безопасности, что является важным элементом стратегии США на Каспии.

В настоящее время основными направлениями сотрудничества сторон в этой области являются налаживание военных связей, развитие военного и оборонного потенциала прикаспийских стран, повышение их возможностей по

участию в совместных миротворческих операциях, совершенствование информационного обмена и обмена разведданными и т.д.

С 2010 г. США реализует ряд образовательных программ в регионе в военной сфере, реализуемых непосредственно Министерством обороны и Государственным департаментом. Кроме этого, отдельные проекты в данной сфере реализует Береговая охрана США.

Военнослужащие и гражданские служащие Казахстана, Туркмении и Азербайджана проходят подготовку на базе Региональных центров по исследованиям в сфере безопасности, в основном, в Центре Маршалла и Центре стратегических исследований Ближнего Востока и Южной Азии. В странах продолжают реализовываться такие американские программы, как Программа военной помощи иностранным государствам (FMS), Иностранное военное финансирование (FMF), Международное военное образование и подготовка (IMET), Глобальная инициатива по миротворческим операциям (PKO-Peacekeeper operations), Региональная оборонная программа по борьбе с терроризмом, Пресечение незаконного оборота наркотиков и антинаркотическая деятельность: программа обучения по борьбе с наркотиками (Section 1004 – CDTS) [8].

Примечательно, что в настоящее время из всех прикаспийских стран наиболее важным партнером США в сфере военного образования является ближайший союзник России – Казахстан. В частности, из американского государственного бюджета в адрес этой страны поступают самые крупные ассигнования на нужды военного образования.

В 2015 г. США выделили на обучение представителей казахстанской стороны \$2,018,667. В рамках проведенных на эти средства 76 образовательных курсов прошло обучение 164 казахстанских граждан. В 2016 г. на эти цели выделялось \$2,203,187, обучено 540 военнослужащих в рамках 54 образовательных курсов. Существенный рост количества военнослужащих в 2016 г. был обеспечен за счет запуска в Казахстане программы обучения по борьбе с наркотиками (Section 1004 – CDTS). Кроме этого, в 2016 г. увеличилось количество казахстанских военнослужащих, прошедших подготовку в рамках программы по миротворческим операциям – с 2 до 47 сотрудников [8].

Помимо вышеизложенного, одним из наиболее значимых элементов стратегии США в регионе на современном этапе является широкое применение Вашингтоном рычагов т.н. «мягкой силы» с целью воздействия на прикаспийские государства изнутри и манипуляции чужим общественным мнением [9, с. 11]. Использование данного инструмента в последние годы приносит существенные политические дивиденды Западу в его деятельности по ослаблению позиций России на всем постсоветском пространстве. Не является исключением и бывшие советские республики Каспия.

Связанные с официальными структурами США, в частности с Агентством США по международному развитию (USAID), некоммерческие и благотворительные фонды проявляют высокую активность во многих прикаспийских странах, однако наиболее широко их работа представлена в Республике Казахстан, в т.ч. в прикаспийских западных регионах страны – Атырауской и Мангистауской областях. Среди связанных с США некоммерческих организаций в регионе наиболее активны Фонд Сорос-Казахстан (ФСК), Фонд Евразия Центральной Азии (ФЕЦА), Институт репортажей войны и мира (IWPR, Великобритания), Фонд им. Фридриха Эберта (ФРГ) и другие.

На поддержку действующих в Казахстане подконтрольных некоммерческих организаций США регулярно выделяют денежные средства, исчисляемые десятками миллионов долларов [9, с.13]. В среднесрочной перспективе влияние получателей американской финансовой помощи на население и органы власти прикаспийских стран, вероятно, существенно возрастет, что позволит Вашингтону расширить своё политическое и культурно-гуманитарное влияние на Каспии и тем самым приблизиться к реализации главной цели своей геополитической стратегии – полному геополитическому доминированию в регионе.

Таким образом, подводя итог рассмотрению практических аспектов реализации геополитических интересов США в Каспийском регионе, стоит заключить, что после изменения геополитической ситуации на Каспии на рубеже 1990-х годов прошлого века, Вашингтон стал осуществлять целенаправленную и многоаспектную деятельность, направленную на повышение своего влияния на новые независимые страны региона и одновременную нейтрализацию усилий России по укреплению своего лидирующего регионального положения. На данный момент в результате проделанной Вашингтоном работы заложена прочная основа для дальнейшего укрепления геополитического влияния США в сопредельных странах Каспийского региона.

В этих условиях органам власти РФ целесообразно разработать и планомерно реализовывать документы концептуального характера (стратегии, концепции, программы), предусматривающие обширный комплекс мер политического, экономического, военного, культурно-гуманитарного и иного характера, направленных на успешную реализацию национальных интересов нашей страны в Каспийском регионе.

Список литературы

1. Дмитриев А. В. Геополитика Каспийского региона (взгляд из России) : монография / А. В. Дмитриев. – Астрахань : АГУ, 2004. – 317 с.
2. Stratfor. The Caspian Basin. Geopolitics and the Future Balance of Power / Stratfor // Wikileaks. The Global Intelligence files. Released 2013-02-19. – Available at: <https://search.wikileaks.org/gifiles/emailid/5222265>. – (Accessed: 10.09.2017).
3. Luke Coffey. A Secure and Stable Caspian Sea Is in America's Interest / Coffey Luke // The Heritage Foundation. December 4. 2015. – Available at: <http://www.heritage.org/europe/report/secure-and-stable-caspian-sea-americas-interest>. – (Accessed: 10.09.2017).
4. Weiss A. S. Report: Promoting International Energy Security/Volume 2, Turkey and the Caspian / A. S. Weiss, F. S. Larrabee, J. T. Bartis, C. A. Sawak // The RAND Corporation. 2012. – Available at: http://www.rand.org/pubs/technical_reports/TR1144z2.html. – (Accessed: 10.09.2017).
5. Жильцов С. С. США в погоне за Каспием / С. С. Жильцов, И. С. Зонн. – М. : Международные отношения, 2009. – 198 с.

6. Захаров В. М. Военное строительство в государствах постсоветского пространства / В. М. Захаров. – М. : РИСИ, 2011. – 380 с.
7. Зонн И. С. Новый Каспий. География, экономика, политика / И. С. Зонн, С. С. Жильцов. – М. : Восток – Запад, 2008. – 544 с.
8. Foreign Military Training and DoD Engagement Activities of Interest, 2015–2016. – Available at: <https://www.state.gov/t/pm/rlsrpt/fmtrpt/2016/index.htm>. – (Accessed: 10.09.2017).
9. Российский институт стратегических исследований; Китайская академия современных международных отношений. Центральная Азия: проблемы и перспективы (взгляд из России и Китая) : сб. ст. под ред. К. А. Кокарева, Д. А. Александрова, И. Ю. Фроловой. – М. : РИСИ, 2013. – 316 с.

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ: ПРИЧИНЫ АКТИВИЗАЦИИ

Крикакова Дина Равильевна,

кандидат юридических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Умерова Амина Тахировна,

студент ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Основным инструментом глобализационных процессов в регионе, как и во всем мире, являются транснациональные корпорации. В настоящее время активно исследуется проблема влияния негосударственных факторов на развитие мировой политики. При этом особое внимание уделяется изучению сущности и характера участия в политических процессах транснациональных корпораций, которые, обладая возможностью контроля над банковской сферой, налоговой политикой и экономикой определенных государств, способны повлиять на ход политических событий, тем самым, ограничивая в действиях национальные государства.

Феномен транснациональной корпорации является объектом, как междисциплинарных научных исследований, так и отдельной областью изучения в экономике, мировой политике и международных отношениях, политической экономии, и международном праве.

Характерными чертами транснациональных корпораций являются: создание системы международного производства, распыленного между многими странами, но контролируемого из одного центра; высокая интенсивность внутрикорпорационной торговли между расположенными в различных странах подразделениями; относительная независимость в принятии операционных решений от стран базирования и принимающих стран; глобальная структура занятости и межстрановая мобильность менеджеров; разработка, передача и использование передовой технологии в рамках замкнутой корпорационной структуры; нацеленность на массового потребителя.

Транснациональные корпорации проникают в высокотехнологичные, наукоемкие отрасли производства, которые требуют огромных капиталовложений и высококвалифицированного персонала, при этом проявляется тенденция к монополизации этих отраслей.

Транснациональные корпорации возникают под воздействием целого комплекса факторов, а именно: интернационализации производства и капитала на основе развития производительных сил; экспансии капитала за границы, создания собственных отделений; жесткой конкуренции, ведущей к концентрации производства и капитала в международном масштабе; снижения значения геоэкономических границ; стремления к получению сверхприбылей.

Учитывая все экономические и политические риски, Каспийский регион привлекает внимание крупнейших нефтегазовых корпораций благодаря большому проценту неосвоенных месторождений и минимизации затрат на доступ к углеводородным ресурсам, добывать которые на Каспии легче, чем, например, в Сибири. Главной проблемой для иностранных компаний была и остается (пусть и в меньшей степени) слабая степень диверсификации маршрутов транспортировки сырья.

Необходимо также сказать о высоком уровне конкуренции добывающих и перерабатывающих корпораций в регионе. В тех или иных секторах Каспийского моря ведут деятельность сотни крупнейших корпораций топливно-энергетического комплекса.

Большие запасы углеводородных ресурсов действительно способствовали активности иностранных компаний на Каспии. Однако, потенциальная экономическая выгода, рассматриваемая некоторыми учеными как единственная причина участия крупных нефтегазовых транснациональных корпораций в регионе, возможно, не является таковой.

Главенствующая роль экономической науки в первоначальных исследованиях транснациональных корпораций может быть обусловлена отличительной особенностью транснациональных корпораций – прямыми иностранными инвестициями. В отличие от распространенных портфельных инвестиций, которые предполагают покупку пакета акций в какой-либо фирме, прямые инвестиции представляют собой учреждение филиала или поглощение организации с получением доли управленческих прав на иностранное предприятие.

Это означает, что главной целью прямых инвестиций, помимо максимизации прибыли, является достижение управленческого контроля производственной единицы в иностранном государстве, что уже переводит транснациональные корпорации в предметное поле политической науки.

С начала 2000-х гг. особое внимание исследователей привлекают топливно-энергетические корпорации. Вероятно, причиной данному явлению стало единение национальных интересов в энергетической безопасности стран происхождения и корпоративных коммерческих целей транснациональных корпораций, а также массовое проникновение последних на рынки развивающихся стран.

С расширением границ глобализации и усилением взаимозависимости, транснациональные корпорации претерпели различные трансформации и приобрели ряд признаков и функций политического субъекта. Меняющиеся реалии обязывали корпорации формировать стратегии развития в политической плоскости. Так, задачи транснациональных корпораций могут быть сконцентрированы в области выстраивания взаимоотношений с политической элитой, изменения политических режимов, лоббирования принятия или отклонения нормативно-правовых актов, изменения политической культуры, общественного восприятия тех или иных процессов и даже формирования государственного аппарата.

Тенденции регионализации как одна из характеристик и данностей современного глобализирующегося мира делает региональную политику неотъемлемой частью политик международной и глобальной. Это диктуется не только интеграционными процессами, созданием объединений по территориальному признаку, которые уже действуют вне первоначальных пространственных рамок, но скорее необходимостью отвечать на вызовы и угрозы национальным суверенитетам. Транснациональный характер международной экономики и мировой политики размывает границы стран, выводит государства из тех областей, регулирование которых некогда было их основополагающей функцией. Характеризуя глобализацию как противоречивый феномен, ученые середины XX в. вероятно не подразумевали, насколько они были правы, потому как регионализация, являясь ответным действием глобальным тенденциям развития миропорядка, сама представляет собой именно глобальный процесс.

В этой связи, изучение особенностей Каспийского региона как региона трансграничного кажется целесообразным относительно выявления причин и закономерностей включения его в конструкцию национальных интересов третьих стран, корпораций, международных межправительственных и неправительственных организаций и объединений, а также иных экономических и политических сил. В широком понимании трансграничный регион представляет собой устойчивое во времени территориальное образование, отличающееся характерным типом хозяйственного освоения и совокупностью взаимодействующих между собой природных, социальных и экономических подсистем, связанных единством реализующихся в их пределах природных, экономических, социокультурных факторов, при обязательном наличии в его структуре государственной границы.

Список литературы

1. Аббасов Ш. Чистая вода для Каспийского моря / Ш. Аббасов // Проекты в Действии. Информационный центр Европейского Соседства, 2010.
2. Каспий: порты, танкеры, перевозки // Журнал Евразийского экономического союза. – 30 декабря 2015 г. – Режим доступа: <http://eurasmedia.ru/2015/12/163>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 22 сентября 2017 г.).
3. Левченко А. Каспий – море компромиссов / А. Левченко // Институт Каспийского сотрудничества «Касфактор», 25 апреля 2014 г. – Режим доступа: <http://www.casfactor.com/ru/int/29.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 22 сентября 2017 г.).
4. Медведев А. ТрансКаспийский газопровод – история несбывшихся надежд / А. Медведев // Информационный портал «Центральная Азия», 2013.
5. Мельников К. Депутаты буксируют ЛУКОЙЛ в море / К. Мельников, П. Биланенко, О. Сапожков, А. Кожевников // Коммерсантъ (Волгоград). – 2015. – № 22. – 10 февраля. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/2663651>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 22 сентября 2017 г.).
6. Прикаспийские страны обсуждают вопросы сотрудничества в сфере транспорта // Turkmen Petroleum. 17 ноября 2016 г. – Режим доступа: <http://turkmenpetroleum.com/ru/2016/11/17>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 22 сентября 2017 г.).
7. Чернявская Е. Принят Таможенный кодекс ЕАЭС / Е. Чернявская // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». 13 апреля 2017 г. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/news/1104366>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 23 сентября 2017 г.).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Кудряшова Юлия Александровна,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории и регионоведения
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Администрация и предпринимательские круги Астраханской области стремятся к расширению сотрудничества с прикаспийскими государствами. Важнейшими его направлениями становятся судостроение, судоремонт и создание инфраструктуры морской нефтедобычи – буровых установок, судов обеспечения и танкеров [2].

Еще одна важная область сотрудничества – освоение нефтяных месторождений в Казахстане. Казахская нефть притягивает значительные инвестиции в приграничные области республики. Ввоз нефти остается привилегией крупнейших российских компаний, ведущую роль среди них играет НК «ЛУКОЙЛ». Но для создания современной инфраструктуры нефтедобычи, включая и объекты социальной инфраструктуры, требуется квалифицированная рабочая сила. Казахстан испытывает в ней острую нехватку, в Астраханской области она есть. И поэтому ее экспорт из Астрахани в Казахстан может оказаться наиболее перспективным направлением приграничного сотрудничества между обеими сторонами на ближайшее десятилетие.

Важное значение имеет экспорт продовольствия. Удельный вес предприятий, экспортирующих продукты питания и потребительские товары, составляет от 60 до 80 % от общего числа астраханских организаций, участвующих в приграничных экономических контактах. Например, казахстанские приграничные области заинтересованы в постав-

ках овощей из Астраханской области. [2]. «С созданием Таможенного союза грузопоток через российско-казахстанскую границу увеличился существенно, сняты многие ограничения. Это нам на руку, потому что помогает развитию малого и среднего бизнеса» – заявил Асхат Сыздыков, консул республики Казахстан в Астрахани.

Как коммерческие, так и некоммерческие астраханские организации действуют в первую очередь на территории Атырауской области Казахстана, хотя сегодня власти стремятся к активизации торгово-экономических отношений и с Мангистауской областью, куда тоже поставляются астраханские продовольственные товары. Основными направлениями деятельности астраханских предприятий в Казахстане являются оптовая и розничная торговля продуктами питания, оптовая торговля промышленными товарами, а также строительные работы (инфраструктура разработки энергоносителей, а в самое последнее время и индивидуальное строительство).

Приграничные связи области с казахстанскими соседями пока нельзя назвать устойчивыми и крепкими. Почти все астраханские коммерческие организации начали работать в Казахстане лишь в 1997–1999 гг., когда заметно увеличился приток зарубежных инвестиций. Значительно возросшая емкость рынка Атырауской области, на котором астраханские товаропроизводители, по сути дела, не встречают сколь-нибудь существенной конкуренции, стимулировала торговую экспансию астраханского бизнеса. Сыграло свою роль и заключенное в то же самое время администрациями двух областей соглашение о сотрудничестве [13]. Так же существенную роль играет и создание Таможенного Союза, и открывшиеся возможности в связи с этим.

В последнее время астраханские предприятия активно выступают в роли подрядчиков или субподрядчиков на строительство промышленных объектов, в сфере газификации, а также организации водоснабжения в Атырауской области. При этом главными контрагентами астраханских предпринимателей являются, во-первых, органы власти Атырауской области (именно они чаще всего выступают в роли заказчиков), во-вторых, зарубежные фирмы, зарегистрированные на территории Казахстана.

Однако экономическое сотрудничество с Казахстаном сталкивается с рядом проблем. Среди причин, мешающих приграничному экономическому сотрудничеству, астраханские предприниматели выделяют: а) отсутствие необходимой правовой базы в России, которая стимулировала бы экономические и иные связи с сопредельными территориями других государств; б) бюрократические препоны с казахстанской стороны, существование которых облегчается несовершенством и декларативностью национального законодательства; в) отсутствие ясных и постоянных правил ведения бизнеса со стороны казахстанских партнеров [7].

В долгосрочной перспективе значимым фактором приграничного сотрудничества могут стать высокие темпы естественного прироста населения в граничащих с Астраханской областью регионах Казахстана. В настоящее время их демографический потенциал относительно невелик: Атырауской области проживают 440 тыс. чел., в Мангистауской – 315 тыс. [7]. Однако преобладающее в обеих областях казахское население (соответственно 89 и 79 %) имеет высокий естественный прирост и достаточно мобильно. Впрочем, в краткосрочной и среднесрочной перспективе более значимо то, что численность населения в трудоспособном возрасте в Астраханской области в 2,5 раза выше, чем в той же Атырауской. Поэтому, при острой нехватке трудовых ресурсов необходимой квалификации в самом Казахстане, освоение казахстанских углеводородов открывает хорошие перспективы для использования в соседней республике трудовых ресурсов Астрахани.

Астраханская область и Казахстан сотрудничают также в сфере охраны окружающей среды. Здесь речь идет о мониторинге состояния окружающей среды и совместной деятельности по ее охране. В этой связи предмет особой озабоченности астраханцев – ситуация на казахстанском месторождении Восточный Кашаган, расположенном в 75 км к юго-западу от Атырау и в 200 км к юго-востоку от Астрахани. В добываемом здесь сырье очень высокое содержание сероводорода (до 24 %), а воздушные массы перемещаются со стороны Восточного Кашагана преимущественно в сторону Астраханской области. Сложной остается и экологическая обстановка на Тенгизском месторождении, где добыча нефти в три раза превышает допустимый уровень, что может привести к просадке грунта и землетрясениям.

С сомнением относятся в области и к проекту эксплуатации нефтяного месторождения на казахстанском шельфе. Правовой статус концерна в Казахстане все еще не определен, а принятый в 1997 году Закон об особо охраняемых территориях ни разу не был применен на практике.

Стремление свести к минимуму возможные негативные последствия эксплуатации нефтяных и газовых запасов Казахстана начинает проявляться и во властных структурах. Летом 1999 г. по инициативе астраханской стороны губернатор Астраханской области, акимы Атырауской и Мангистауской областей и президент компании «Казахойл» подписали совместное коммюнике, в котором подтвердили свое желание содействовать сохранению биологического разнообразия Каспийского моря и не допустить деятельности, которая могла бы нанести ущерб его природной среде. Это первая инициатива подобного рода на региональном уровне.

Судоходство, недропользование, рыбохозяйственная и природоохранная деятельность на Каспии так или иначе зависят от его международно-правового статуса. Статус же до сих пор не определен, так как прикаспийские государства (Россия, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан и Иран) расходятся во взглядах на то, каким он должен быть. Непосредственно для Астраханской области важнейшее значение имеет российско-казахстанское взаимодействие в области разграничения водного пространства. Вопросы об определении межгосударственной границы были решены 18 января 2005 г., когда президентами обеих стран был подписан Договор о делимитации казахстано-российской государственной границы [8].

Между Казахстаном и Астраханской областью сложились дружеские отношения. Об этом свидетельствует и договор о вечной дружбе, заключенный между субъектами. Кроме того, Казахстан и Астрахань связывают тесные взаимовыгодные экономические отношения. Благодаря чему растет товарооборот, разрабатываются совместные

проекты. В частности, сегодня ведутся совместные разработки месторождений на Каспийском шельфе. Другим стратегически важным совместным проектом по праву считается мост через реку Кигач, соединяющий Астраханскую область России и Атыраускую область Казахстана через р. Кигач в районе пос. Красное Жар. 3 октября 2007 г., мост был открыт премьер-министром Российской Федерации, премьер-министром Республики Казахстан и губернатором Астраханской области. По словам губернатора Астраханской области, этот объект раскрывает огромный потенциал двух субъектов РФ [12].

В рамках приграничного сотрудничества, активизировались связи с соседней Атырауской областью Республики Казахстан. В ходе последнего визита делегации Атырауской области во главе с акимом региона Б.С. Рыскалиевым был подписан на межрегиональном уровне протокол о сотрудничестве. Астраханские и атырауские партнеры также оформили свои договоренности в виде конкретных договоров и протоколов намерений, ориентированных на совместную деятельность в различных отраслях экономики и социальной сферы.

Дальнейшей активизации приграничного сотрудничества будет способствовать увеличение грузопотока по международному транспортному коридору «Восток-Запад». После того, как губернатор Александр Жилкин поднял на встрече с президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым тему состояния участка автодороги от российско-казахстанской государственной границы до Атырау, в Казахстане обратили внимание на эту проблему. Принято решение о необходимости реконструкции в ближайшее время этого участка трассы Е-40. Продолжается реализация для партнеров из Казахстана и судостроительных заказов.

Расширяется, например, взаимодействие в образовательной сфере. Заключены соглашения о сотрудничестве в образовательной деятельности между ААДК и профессиональным лицеем № 7 г. Атырау. Важным культурным событием для казахского населения приграничных областей стало открытие в октябре в районе села Малый Арал мавзолея Букей-хана, построенного на средства казахстанской стороны. В 2003 г., прошедшем как год Казахстана в России, в соответствии с Соглашением о сотрудничестве между республикой Казахстан и Астраханской областью было принято решение о строительстве культурного комплекса и нового здания музея Курмангазы в селе Алтынжар. Здесь располагаются гостиничный комплекс для проживания паломников и туристов из различных регионов, музейный комплекс Курмангазы, открыта музыкальная школа домристов, при которой проводятся международные музыкальные конкурсы лучших домристов-исполнителей [9].

В Астрахани также находится консульство Казахстана, в консульский округ которого включено пять субъектов Российской Федерации: Астраханская область, Волгоградская область, Саратовская область, Самарская область, Оренбургская область, которое обслуживает граждан Казахстана, проживающих на территории этих областей. Консульство было открыто в ноябре 2002 г. и ведет активную работу и сегодня.

Таким образом, несмотря на противоречия в решении различных вопросов границ, различных препятствий в виде бюрократического проведения торговых сделок с казахстанским бизнесом, отсутствия четкой правовой базы приграничных отношений на местном уровне, экологических проблем, в вопросах создания трубопроводов, транспортных коридоров и других, сотрудничество Астраханской области с Казахстаном имеет свои положительные результаты и позитивную динамику развития.

Список литературы

1. Астраханцы помогут атырауским преподавателям обучать студентов автодорожному делу. Волга от 03.05.2012 г. – Режим доступа: <http://www.volgaru.info/fakty-sobytiya-kommentarii/4325-astrahantsy-pomogut-atyrauskim-prepodavatelyam-obuchat-studentov-avtodorozhnomu-delu>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 05.10.2017).
2. Астраханская область: Казахстан заинтересован в прямых поставках овощей. – Режим доступа: <http://www.astrakhan.allbusiness.ru/NewsAM/NewsAMShow.asp?ID=3866>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 05.10.2017).
3. Культурное наследие Астраханской области. Музей Курмангазы Сагирбаева. История создания. – Режим доступа: http://nasledie.astrobl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=18&Itemid=72, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 05.10.2017).
4. Международный транспортный коридор «Север-Юг». – Режим доступа: http://cargo.rzd.ru/static/public/cargo?STRUCTURE_ID=5130, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 05.10.2017).
5. Мукомель В. Российско-казахстанские приграничные связи опыт трех российских областей / В. Мукомель, Г. Косач, А. Кузьмин // Вестник Евразии. – 2001. – № 2. – С. 7–79.
6. На верфях все больше казахстанских заказов. Волга от 25.04.2012. – Режим доступа: <http://www.volgaru.info/ekonomika/4238-na-verfyakh-vse-bolshe-kazakhstanskih-zakazov>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 05.10.2017).
7. Предварительные итоги переписи населения Республики Казахстан в 1999 г. – Режим доступа: <http://www.kazstat.asdc.kz>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 05.10.2017).
8. Полетаев Э. Казахстан и Россия подписали договор о государственной границе. Report News. Центральная Азия / Э. Полетаев. – Режим доступа: <http://iwpr.net/ru/report-news>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 05.10.2017).
9. Премьеры России и Казахстана открыли мост через границу. – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru/news/410221>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 05.10.2017).
10. Региональная дипломатия – важный фактор продвижения интересов области на внешнем рынке. Волга. 10.02.2002 г. – Режим доступа: <http://www.volgaru.info/ekonomika/3092-regionalnaya-diplomatiya-vazhnyj-faktor-rodvizeniya-interesov-oblasti-na-vneshnem-rynke>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 05.10.2017).
11. Россия нашла свой путь // Ведомости. – 2000. – 13 сентября.
12. Россия на перекрестке // Независимая газета. – 2000. – 26 сентября.
13. Соглашение между Астраханской областью Российской Федерации и Атырауской областью Республики Казахстан об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. – Режим доступа: <http://www.astmid.ru/index.php?mode=page&id=334>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 05.10.2017).

САМООРГАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И КОНСОЛИДАЦИЯ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Мордасов Алексей Олегович,

аспирант, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Интерес к контекстному анализу самоорганизации современного гражданского общества и консолидации российского социума определяется, прежде всего, тем, что в условиях достигнутого качества публичной политики необходимо сохранение устойчивого баланса в системе отношений «власть – общество» и, как следствие, минимизация возможных угроз и ограничение дестабилизирующих факторов общественного доверия и согласия. При характеристике общественной самоорганизации традиционно используется инструментальный подход, внимание акцентируется на деятельности «социально ориентированных НКО» или «неприбыльного сектора» в целом [1]; преимущества партнерских, горизонтальных отношений между государством и обществом с учетом интересов конкретных социальных групп [5]; сетевой самоорганизации российского общественно-политического пространства [6] и т.д.

Однако принципиальное значение имеет осмысления процесса самоорганизации гражданского общества как ресурса общественного сплочения и консолидации [2], поскольку невысокий уровень межличностного доверия между гражданами и их общественная пассивность, недостаточный авторитет гражданских формирований в восприятии общественного мнения, достигнутое качество гражданской политической культуры становятся сдерживающими факторами гражданской активности. Это связано, во-первых, с дефицитом условий для базовой компоненты гражданского общества – равенства интересов каждого и взаимного признания, уважения индивидами друг друга. Соответственно базовые формы самоорганизации общностей для артикуляции и представительства интересов могут конституироваться также из неформальных коррупционных, клиентарных, клановых связей, которые дезинтегрируют макросреду гражданских структур. Не являясь гражданскими по своей сущности, они оказывают доминирующее влияние на общее отношение к государству как таковому, оценку предлагаемых им общественно значимых норм, таких как социальная справедливость, национальная безопасность, свобода и т.д.

В таких условиях гражданская активность способствует скорее усилению кризисного состояния в отношениях государство – общество [3; 4], поскольку в технологиях продвижения общественных интересов акцент делается на противодействии планам и намерениям властей. Во-вторых, существует размытость и неоднозначность образа гражданского общества не только в политическом дискурсе современной российской элиты, но и в представлениях относительно его сущности в массовом сознании самих граждан. Поэтому ограниченность потенциала самодеятельности гражданского общества компенсируется созданием его институтов непосредственно самим государством, а выбор стратегии поведения участников гражданских инициатив опирается чаще всего на субъективные установки их лидеров, без учета конкретно решаемых задач и возникающих проблем. В-третьих, деструкция доверия является своеобразным показателем ослабления или утраты социальной идентичности граждан, неопределённости социального пространства их взаимоотношений, нестабильности и противоречивости внутреннего содержания гражданского общества, представляющего собой традиции, ценности, интересы, нормы, которых придерживаются люди в процессе совместной жизни и деятельности.

Актуальность исследования взаимосвязи между самоорганизацией гражданского общества и консолидацией социума предопределяет также территориальная фрагментированность социальной среды российского гражданского общества, что сказывается на особенностях его самоорганизации на региональном уровне, и как следствие, специфике формирования гражданской идентичности регионального социума. Опорой этого дискурса является понимание региональной идентичности в качестве важнейшего условия общественной консолидации, а местного сообщества в качестве первичного элемента социума. Именно здесь формируются социальные взаимосвязи, создаются основы социальных практик и институтов, происходит артикуляции общественно значимых интересов, выработка базовых солидарностей и т.д. При этом от правящей элиты зависит под влиянием, каких ресурсов или внутренних источников будет обеспечена мобилизация гражданских начал общественного развития, какая стратегия консолидации в обществе, унифицирующая или плюралистическая, станет определяющей.

Если значимым механизмом консолидации регионального гражданского общества становится поддержка различными группами населения национальных или региональных проектов, направленных на улучшение уровня жизни территориальных общностей; создается конкурентная среда во всех сферах жизнедеятельности общества, используются технологии, формирующие гражданскую идентичность с опорой на культурно-историческое наследие, правовую культуру, можно говорить, что политика формирования идентичности используется как инструмент социальной коммуникации между носителями разных политических убеждений и этно-национальных и культурных предпочтений.

Практическая значимость и ценность идентичности заключается в том, что от того, как граждане её воспринимают, зависит их отношение к событиям, происходящим в стране и регионе.

Проводя постоянный мониторинг динамики данных процессов на региональном уровне, можно выявить позитивные и негативные структурные изменения в самоорганизации гражданского общества; определить содержание перспективных направлений его практической реализации [7]. Кроме того, очевидными становятся сегменты возможной неконтролируемой самоорганизации, создающей реальные угрозы и политические риски в ситуациях разногласий между властными и общественными структурами при разработке, принятии или реализации управленческих решений.

Так, интересные данные были получены по результатам социологического опроса «Выявление основных тенденций в процессе формирования общероссийской цивилизационной идентичности в молодежной среде на территории Астраханской области», проведенного социологическим центром Астраханского государственного университе-

та по заказу администрации Губернатора АО. Выводы исследования фиксируют представления молодежи в возрасте от 14 до 30 лет о социальных условиях, объединяющих представителей разных национальностей, проживающих в Астраханской области и номинальных определениях личной общероссийской и региональной идентичности.

Следует особо выделить факт, указывающей, что значительная часть респондентов имеет установку на цивилизационные и правомерные методы и формы защиты личных, национальных или религиозных интересов. В рейтинге они занимают первое место. Второе место по значимости занимает форма диалога с органами власти по возникающим проблемам и обсуждение их с родственниками и друзьями. Третье место – консультации со специалистами, представителями национальной или религиозной общины. В перечень важных социально-значимых признаков общероссийской идентичности респонденты включили общую историческую судьбу, общность территории, общность русского языка как основу межнационального общения, взаимоуважение культур, схожий образ жизни, общие социально-экономические проблемы, любовь к общей Родине (патриотизм), ответственность за общество и страну. При выявлении степени влияния государственной информационной и национальной политики на сохранение и укрепление национального единства и патриотизма установлено, что наиболее заметны усилия органов государственной власти и органов местного самоуправления, общественных деятелей и объединений, религиозных деятелей, СМИ.

Эмпирические индикаторы исследования подтверждают высокую степень консолидации молодежи с российским обществом. Доказательством, обосновывающим это утверждение, является факт практически стопроцентного признания респондентами своей принадлежности российской социальной общности. В качестве положительной тенденции следует рассматривать также информацию об отношении респондентов к идее «евромайдана». Большинство опрошенных относятся к ней негативно. Поэтому показатели, установленные по данному параметру, могут быть использованы в обосновании наличия у молодежи Астраханской области адекватной критической позиции в отношении радикальных политических действий. Эту же тенденцию фиксировали исследования «Отношения студенческой молодежи Астраханской области к политическим протестам».

Дальнейшее развитие общественной консолидации молодежи и других региональных социальных общностей будет зависеть не только от усилий самих субъектов, но и от ценностного контекста гражданской самоорганизации, заданного институциональным устройством и ключевыми показателями эффективности гражданского общества. Речь идет о взаимозависимости в системе «гражданское общество – гражданские инициативы – правовое государство»; межличностном доверии, основанном на добровольной ассоциации с другими людьми ради коллективных действий по достижению социально значимых целей; оптимизации использования внешних и внутренних ресурсов общественного согласия и гражданской консолидации. Названные процессы заслуживают внимание в исследовательском и практическом плане, поскольку самоорганизация современного гражданского общества должна в полной мере отвечать необходимости модернизации российского общества и региональных социумов.

Список литературы

1. Блок С. Р. Якимец В. Н. Неприбыльный сектор США: Правовая основа, масштабы, конкурентоспособность, эффективность / С. Р. Блок, В. Н. Якимец. – М. : ЛКИ, 2008. – 301 с.
2. Бондалетов В. В. Общественная самоорганизация как механизм формирования гражданского общества: методология исследования / В. В. Бондалетов. – Режим доступа: URL: <http://cyberleninka.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
3. Горшков М. К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (ст. 1) / М. К. Горшков // Социологические исследования. – 2016. – № 12. – С. 26–34.
4. Горшков М. К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход (ст. 2) / М. К. Горшков // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 5–13.
5. Гражданские инициативы и модернизация России : сб. ст. / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец, М. А. Молокова. – М. : Ключ-С, 2011. – 336 с.
6. Мирошниченко И. В. Сетевой ландшафт российской публичной политики / И. В. Мирошниченко. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2013. – 295 с.
7. Региональное гражданское общество: динамика развития : монография / под науч. ред. проф. В. А. Ильина. – Вологда : ИСЭРТ РАН, 2015. – 170 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРИКАСПЬСКОГО РЕГИОНА И ПОТЕНЦИАЛ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Оськина Ольга Ивановна,

кандидат политических наук, доцент,

заведующая кафедрой общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин,

Астраханский филиал ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Астрахань

Формирование международных отношений в условиях глобализации сопровождается жесткой конкуренцией, а также стремлением ряда государств усилить свое влияние на мировую политику. Прикаспийский регион становится важным геополитическим центром, где переплетаются интересы многих прикаспийских и мировых держав. Проблемы взаимодействия народов, населяющих огромную территорию Прикаспия, их культурного и политического устройства, территориальные споры, и сырьевые проблемы, остаются нерешенными и в начале XXI в.

Существование многих народов, населяющих Прикаспий, настоятельно нуждается в упрочении взаимодействия и взаимопонимания, обеспечиваемого совокупностью экономических, политических и культурных средств. Деорганизация жизни в этом регионе, продолжающаяся неопределенность в утверждении общих оснований социокуль-

турной и геополитической регуляции требуют пристального изучения созревших в истории идейных построений, чтобы общественная мысль получила более надежные ориентиры, а международное взаимодействие вышло на новый уровень.

Исходная дилемма, стоявшая перед современными учеными, и политическими практиками, заключается в следующем «Прикаспийское пространство» – арена соперничества между странами, которая может превратиться в сферу либо столкновения, либо диалога и сотрудничества.

События последних лет позволяют утверждать, что в процессе укрепления экономических и политических позиций значительного числа государств и их интеграционных объединений, в совершенствовании механизмов многостороннего управления международными процессами, экономические, политические, культурные, научно-технические, информационные факторы играют все большую роль. В то же время актуальность силовых методов решения проблемы не утрачивают свою значимость, имеет выраженную опасность применения, прежде всего речь идет об оружии массового поражения, химического, ядерного оружия, что может привести к глобальному уничтожению всего человечества.

В этой связи все актуальнее становится т.н. «мягкая сила», которую все чаще рассматривают в фокусе глобальных социально-политических, экономических и культурных процессов. Сегодня «мягкая сила» – это сложнейшая многоуровневая система, которая позволяет великим державам решать тактические и стратегические задачи на международной арене, проявляясь в официальном и неофициальном направлениях.

Мягкая сила обладает выраженными возможностями к побуждению и добровольным действиям, оказывая влияние, распространяется на институты, стандарты и правила, она привлекает внимание и вовлекает в сферу взаимодействия многочисленных акторов. Подобные стандарты, институты и структуры формируют целостную систему мягкой силы, которая основывается, в основном, на трех базовых ресурсах: на культуре страны и тех ее аспектах, которые привлекательны для других; на политических ценностях данной страны, которые принимаются и другими странами; на внешнеполитической модели поведения страны, которая принимается в качестве легитимной и имеет моральный авторитет [3].

Культура играет важную роль в мировой политике, так как в условиях глобального мира понимание ее принципов и особенностей стало жизненно необходимым для организации диалога между странами. Зачастую различия в культуре и историческая память о давних и неразрешенных конфликтах не позволяют народам здраво взглянуть на проблемы и порождают порочный круг взаимных обид. Знание культурных особенностей конфликтующих сторон дает ключ к примирению. В конце концов, примирение в рамках укрепления мира сильно зависит от вопросов культуры и идентичности, изложения фактов и историй, возникших и распространяющихся в конфликтных зонах.

Современная Россия хорошо понимает потенциал «мягкой силы», что нашло отражение в научных исследованиях и ряде программных документов политиков.

Приоритетным для Российской Федерации направлением целенаправленного и акцентированного использования инструментов «мягкой силы» остается территория постсоветского пространства, в которой прикаспийская зона занимает особое место.

Непременным условием эффективности работы на этом направлении является актуализирование ресурсов российской «мягкой силы» внутри государств ближнего зарубежья, используя потенциал советского прошлого и консолидированной деятельности русской диаспоры.

Одним из ключевых условий поступательного укрепления авторитета России на постсоветском пространстве является углубление российского культурного присутствия. Безусловным приоритетом остается сохранение и укрепление русскоязычного пространства по периметру границ Российской Федерации на основе добровольного приятия народами соседских республик факта общности многовековой истории, общего настоящего и будущего, основанного на экономической, политической и культурной взаимозависимости соседствующих государств. Речь идет о планомерной, трудной и капиталоемкой работе по сохранению роли русского языка как средства межнационального общения народов постсоветского пространства и дальнейших шагах по популяризации и расширению изучения русского языка в зонах стратегических интересов России.

Одно из необходимых условий формирования отечественных оборонительно-наступательных потенциалов «мягкой силы» – предотвращение попыток искажения истории, субъективных и политически ангажированных ее трактовок, ревизии исторических фактов, включая отрицание роли Советского Союза и его великого народа как победителя во Второй мировой войне, героизацию нацизма и т.д. [1].

Сегодня источником эффективной «мягкой силы» являются: стратегия развития государства, идентификационная мощь его идеологии и ценностных ориентаций, притягательная сила его социального строя и модели развития, его способность проведения основной линии и стратегии развития, цементирующая сила его народа, творческая сила нации, обаяние культуры и сила влияния в международных делах.

В условиях активно складывающегося многополярного мира одним из ключевых факторов для стран Прикаспийского региона, необходимых для сохранения государственного суверенитета, их территориальной целостности, создания условий для успешного решения внутренних проблем, относится потенциал «мягкой силы» как важного средства обеспечения национальной и международной безопасности. В современном мире «мягких угроз» невоенного характера, становится все больше. К ним можно отнести: кибер-терроризм, бархатные государственные перевороты, нелегальную миграцию, которые угрожают интересам личности, общества, приводят к нестабильности государства в целом. Инструментами обеспечения национальной и международной безопасности сегодня становятся гуманитарно-информационные средства, неправительственные организации, СМИ, Интернет [2, с. 93]. Они помога-

ют консолидироваться обществу вокруг национальной идеи, отечественной культуры, исторической памяти поколений, духовных религиозных ценностей.

Современный глобализирующийся мир, все чаще сталкивается с новыми вызовами и угрозами, которые невозможно решать силовыми инструментами прошлого века и в интересах одного политического игрока. Необходимо последовательно расширять потенциал мягкой силы, совместными усилиями и на взаимовыгодных условиях. Все отчетливее выстраиваются очертания новой архитектуры международных отношений и вариативы инструментария их регулирования, с учетом интересов государств в системе мирового сообщества и их граждан.

Список литературы

1. Актуальные вопросы формирования стратегии «Мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации. Июнь 2013. – Режим доступа: <http://georgefilimonov.com/articles/important-issues-of-soft-power-strategy-in-the-foreign-policy-of-the-russian-federation>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 20.05.2017).
2. Зарянов Е. П. Мягкая сила как характерный признак политического влияния великой державы в условиях многополярного мира / Е. П. Зарянов // Мировая политика. – 2015. – № 1. – С. 89–122.
3. Nye Jr. Joseph S. Soft Power. The Means to Success in World Politics / Nye Jr. Joseph S. Soft Power. – First ed. – New York : Public Affairs, 2004.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЮЖНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Понеделков Александр Васильевич,

доктор политических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ», г. Ростов-на-Дону

Кузина Светлана Ивановна,

доктор политических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ»,

ФГБОУ ВО «Донской государственный технический университет», г. Ростов-на-Дону

Хагуш Саида Львовна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Южно-Российский институт управления –

филиал Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте РФ», г. Ростов-на-Дону

Кавказ был и остается точкой столкновения геополитических интересов многих мировых держав. В конце XX – начале XXI вв. геополитическая обстановка на Юге России претерпела определенные трансформации, связанные с появлением новых угроз национальной безопасности страны и возникновением новых политических союзов государств региона. Дальнейшее развитие геополитического сценария обусловлено взаимодействием различных факторов, среди которых немаловажным являются такие, как умение национальных лидеров реально воспринимать происходящие изменения, предугадывать последствия политических решений, результативно распределять имеющиеся ресурсы.

Наиболее рискованными являются геополитические факторы, имеющие деструктивный и конфликтодержательный характер, во многом определяющие современную ситуацию на Кавказе, в том числе в северокавказских республиках Российской Федерации.

Наибольшую угрозу национальной безопасности государства в настоящее время представляет радикальный ислам как идеологическая платформа антироссийского сепаратизма и терроризма. Радикальный ислам идейно и материально поддерживается в основном негосударственными организациями арабских и иных мусульманских государств не без помощи своих и иностранных спецслужб [1, с. 93].

Радикальный ислам получил распространение практически во всех республиках Северного Кавказа России, где сформировалась устойчивая социальная почва, сохраняющаяся в условиях долговременного экономического кризиса, социальной неопределенности и коррупции во властных структурах. Он является идеологической основой терроризма, хотя истинные догмы и идеалы ислама не соответствуют той трактовке, которую использует псевдоисламский радикализм.

Увеличение результативности государственного управления и работы силовых ведомств в профилактической деятельности экстремизма и подавления террористических группировок, особенно тех, которые базируются в горной местности, и при условии преодоления экономического кризиса в регионе, бесспорно, могут снизить остроту проблемы. Но невозможно отрицать влияние и поддержку терроризма со стороны внешних игроков; причины нестабильности также есть и во внутренних условиях развития региона.

После распада СССР, когда формальные административные границы республик превратились в государственные, обострилась проблема межнациональных конфликтов. Все союзные республики были многонациональными по своей структуре, посему падение крупного социалистического пространства, ослабление правительственных и общественных институтов, усиливающиеся экономические проблемы не располагали к мирным обстоятельствам, вызвали этническую мобилизацию, образование националистических и этнократических структур [5].

Центробежные процессы коснулись и Северного Кавказа. В большинстве вновь образовавшихся субъектов федерации получили распространение этноэтнические настроения, но не отличавшиеся сепаратизмом по отношению к самой России. Исключением была Чеченская Республика, где сепаратисты при помощи интернациональных террористических объединений и стоявших за их спинами спецслужб иностранных государств, пытались выйти из состава Российской Федерации. Но сепаратисты, опираясь на экспансию теократических лозунгов, не смогли получить поддержку большинства населения.

Дестабилизирующим фактором в северокавказском регионе также стало появление непризнанных государств – Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха. Южная Осетия и Абхазия имеют общую границу с Россией, большая часть населения республик имеет российское гражданство. Движение за государственную независимость получило поддержку этнически близких групп на территории России.

Народы Южной Осетии, Абхазии и армяне Нагорного Карабаха отстаивают свою самостоятельность ценой военных столкновений, споры о признании новых государственных образований идут до сих пор, в том числе на геополитическом уровне [6].

Многочисленность жертв гражданских конфликтов влияет не лучшим образом на формирование механизмов мирного перезапуска отношений основных территорий с непризнанными государствами [9]. Статус непризнанных государств в кавказском регионе угрожает его безопасности и способствует росту напряженности в геополитическом пространстве, создает почву для продолжающихся нарушений прав человека и общества.

Как решение конфликта возможен был бы союз ранних метрополий и непризнанных государств, который объединил бы их в едином социально-политическом пространстве, где этническая принадлежность и цели ушли бы на второй план для обеспечения гарантий безопасности и совершенствования экономических моделей взаимодействия.

Урегулирование ситуации может начаться по инициативе и вмешательству Соединенных Штатов Америки, НАТО или Европейского Союза, что заденет интересы России в кавказском регионе. Идея экспансии и мирового превосходства североатлантического союза мешает ему реально сотрудничать с Россией для обеспечения стабильности в регионе [7]. При этом в западном информационном пространстве постоянно появляются упреки в адрес России в отношении отечественной модели федерализма: мол, субъекты федерации имеют разные права, например, Чеченская республика наделена особыми привилегиями. Но в то же время запад выражает недовольство проектом федерализации Украины или Грузии, называя их антиконституционными [10].

В геополитике XXI века особую дестабилизирующую роль играют Соединенные Штаты Америки, которые намеренно вмешиваются во внутренние дела других государств, – прикрываясь борьбой с диктаторскими режимами и международным терроризмом. Что оказывает прямое влияние на ситуацию на юге России (США экономически и политически стимулируют созданные ими структуры). Цели США на Южном Кавказе обуславливаются геэкономическими потребностями, выражающимися в стремлении к контролю над энергетическими ресурсами Каспия, установлению своего политического доминирования [1].

Созданные Америкой военные базы в Азербайджане и Грузии не могут свидетельствовать об их желании бороться с международным терроризмом и реально несут угрозу национальным интересам и безопасности России. Хотя американские официальные лица уверяют в обратном. Пока все угрозы, исходящие от США и НАТО, носят опосредованный характер, потому что военное столкновение с Россией в ближайшем будущем никого не устраивает.

Дополнительным стимулом для развития конфликта является давление на Россию через руководство Грузии, которое всячески ищет возможности для проведения провокаций. Конфликты разжигаются в окрестностях Южной Осетии и Абхазии, которые имеют прямые границы с южнороссийскими субъектами.

Также не стоит забывать о действиях американских специальных служб, госдепа и имеющих с ними связь международных организаций по подготовке нелегитимных «цветных» революций, или, иначе говоря, государственных переворотов, для замены режимов Азербайджана и Армении на всецело проамериканские. К счастью, пока основать в этих странах сильное доминантное проамериканское меньшинство не получается, в отличие от Грузии и Украины, где этот замысел удался. Продолжаются попытки реализовать такой вариант в Южной Осетии и Абхазии, который, с большой долей вероятности, будет носить антироссийскую риторику [2].

Главной целью политики США в Каспийско-Черноморском регионе является подрыв политической и экономической стабильности России, Китая и Ирана, которые являются основными гарантами устойчивости геополитической ситуации в регионе. Об этом говорил Президент РФ В.В. Путин на Петербургском международном экономическом форуме в 2016 году: «С экономической неопределенностью, с исчерпанием прежних источников роста в известной степени связана и нынешняя геополитическая напряженность. Есть риск, что она может усилиться, даже искусственно провоцироваться» [8].

Двойственной кажется также политика Европейского Союза в отношении Кавказа. Очевидно, что подводные камни скрываются в желании ЕС расшириться и выйти за рамки европейской идентичности. Активно продвигается идея включения в объединенную Европу Турции, а, в обозримом будущем, стран Закавказья, которые не являются носителями европейской культуры и не разделяют европейские ценности. Реализация данных планов может привести ближневосточный и кавказский регионы к разрушительным для всех участников последствиям, расшатать и так нестабильную ситуацию.

С большой долей вероятности можно сказать, что процесс включения в Европу Турции и стран Закавказья не будет односторонней европеизацией региона, бесспорно, будут проявляться процессы видоизменения собственно европейских ценностей, основ европейской морали под воздействием не абстрактных персон, а примерно ста миллионов человек с другим менталитетом и обычаями. Опрометчиво будет говорить, что процесс взаимовлияния не-

возможен и не способен привести к конфликтам – с помощью политики мультикультурализма, уже признанной лидерами европейских стран провалившейся [4]. В Европе растет протест коренного населения, спровоцированный страхом углубления исламского воздействия, падения уровня жизни из-за наплыва миллионов мигрантов. Похожая ситуация наблюдается в Турции, где власть выступает против распространения западных ценностей и их влияния на исламские основы и образ жизни.

Существуют планы ЕС и НАТО вывести конфликты вокруг Нагорного Карабаха, Абхазии и Южной Осетии на международный уровень – посредством предложения своих посреднических услуг. Вполне возможно, что итогом таких услуг будет включение оспариваемых территорий в более крупное политическое пространство [6]. Вход стран Закавказья в состав ЕС подразумевает проведение в жизнь миротворческих миссий НАТО в зонах конфликтов с синхронным исполнением крупных инвестиционных вливаний, которые элиту и население непризнанных государств сделали бы богаче, следственно, проблема суверенитета своих государств стала бы для них менее актуальной. При успешных результатах воссоздания в той или иной степени цельности Грузии и Азербайджана и повышении их экономических показателей, может стать актуальным проект создания Большого Кавказа, где приоритетом будет общекавказская идентичность как часть общеевропейской, и выдавливание из этой сферы влияния России.

Активное участие в геополитических процессах на Кавказе ЕС, НАТО и США приведет к военно-стратегическому, геополитическому и экономическому противоборству между субъектами мировой политики, что заставит Россию принять меры по парированию угрозам собственной безопасности и целостности территории.

Кавказ в настоящее время является контактной зоной многих цивилизаций, поэтому тут сформировался комплекс трудноразрешимых противоречий. Конкуренция больших и малых стран, международных союзов и блоков может привести к эскалации конфликтов в регионе.

Европа, также как и Россия, Иран, Турция, заинтересована в стабильности Черноморско-Каспийского региона, в положительном исходе проблемы, связанной с непризнанными государствами Южного Кавказа, решении вопроса о статусе Каспийского моря.

Кавказ из-за своего географического положения может стать или препятствием, или связующим звеном различных цивилизаций, культур и геополитических систем, как уже много раз бывало в истории региона. Черноморско-Каспийский участок перспективен с точки зрения сотрудничества основных акторов международной политики: России и СНГ, ЕС со своими восточноевропейскими союзниками, Ираном, а также Китаем. Политическая дискуссия должна идти между всеми заинтересованными лицами, – ради стабильности и процветания Кавказа, соблюдения и гарантии прав народов и человека, а не ради получения односторонних геополитических и геоэкономических преимуществ, не говоря уже о путях консервирования слаботекущих конфликтов или их силового разрешения [3].

Существует необходимость осознания субъектами политики возможности реализации своих интересов через сотрудничество, особенно в военно-политической и экономической сферах. Конкуренция неотвратимо ведет к дестабилизации достигнутых ранее договоренностей.

Геополитическая безопасность кавказского региона может быть достигнута путем сохранения национальной самобытности народов, суверенитета государств, взаимоотношений на основе общегуманитарных ценностей, мирного урегулирования имеющиеся противоречий и конфликтов.

Список литературы

1. Кастро Э. А. Стратегия всевластия: внешняя политика США ; пер. с исп. / Э. А. Кастро – М. : Магистр, 2012. – 240 с.
2. Киселев С. Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России / С. Г. Киселев. – М. : Известия, 2012. – 368 с.
3. Колосов В. А. Геополитика и политическая география / В. А. Колосов. – М. : Аспект Пресс, 2012. – 212 с.
4. Кузина С. И. Этногенез и мультикультурализм в современном мире / С. И. Кузина // Черноморско-Каспийский регион: геополитика, этнополитические процессы и межрегиональные взаимодействия : сб. науч. ст. / отв. ред. А. А. Озеров ; Рос. ин-т стратег. исслед., Черноморско-Каспийский региональный информ.-аналит. Центр ; Южный федеральный ун-т, Ин-т социологии и регионоведения. – М. : РИСИ, 2015. – С. 136–145.
5. Мальченков С. А. Категория «геостратегический приоритет» в современной политической науке / С. А. Мальченков // Известия Саратовского университета. – 2012. – № 3. – С. 92–94.
6. Непризнанные государства Южного Кавказа и этнополитические процессы на Юге России // Южнороссийское обозрение ЦСРИиП ИППК РГУ и ИСПИ РАН. – 2015. – № 29. – С. 23–25.
7. Прохожев А. А. Общая теория национальной безопасности : учеб. / А. А. Прохожев. – М. : РАГС, 2014. – 320 с.
8. Путин: напряженная геополитическая ситуация во многом связана с экономическими трудностями. – Режим доступа: <http://tass.ru/pmef-2016/article/3376302>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
9. Роль неофициальной дипломатии в миротворческом процессе : мат-лы грузинско-абхазской конференции (Сочи, март 1999 г.) – Irvine : University of California, 1999. – 264 с.
10. Тлепцок Р. А. Северный Кавказ: К вопросу осмысления Российской геополитики XIX в. / Р. А. Тлепцок // Российский научный журнал. – 2010. – № 19. – С. 13–19.

ПОПЫТКА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ОРГАНИЗОВАТЬ ТОРГОВЛЮ С ИРАНОМ ЧЕРЕЗ АСТРАХАНЬ В 1734–1747 гг.

М.П. Романиэлло,
Гавайский университет, США

Весной 1739 г., капитан Дж. Элтон и М. Граэм, представители Московской торговой компании, отправились из Санкт-Петербурга в Иран по территории России. Они спустились по Волге, и, присоединившись к армянскому каравану, направляющемуся через Каспийское море, прибыли в новую Иранскую столицу – Решт, в северной провинции Гилян. После завершения торгового сезона, Элтон описал свое путешествие в рукописи, которую представил Совету по торговле и плантациями в Лондоне для закрепления за компанией права экспортировать товары из Ирана через Россию. Парламент благосклонно принял предложение и дал разрешение перевозить иранские товары по территории России в 1741 г. Однако в 1747 г., Российское правительство запретило транзит грузов, принадлежащих Британии, чрез Астрахань в ответ на действия Элтона в Иране. Из-за этих событий компании пришлось отказаться от развития данного направления.

Одной из главных целей основания Московской торговой компании было получение доступа к Шелковому пути и экспорт иранских, индийских и китайских товаров через Москву, географическое положение которой к этому очень располагало. Всего лишь год спустя подписания Устава, в 1558 г., Э. Дженкинсон, английский купец, нанятый компанией, отправился в Астрахань, следуя по Волжскому торговому пути на юг от Москвы. В первую очередь его поездка была нужна для изучения российско-азиатской торговли. Ожидания учредителей компании не оправдались: Российское правительство не дало Британии разрешения торговать с Ираном до XVIII в., а право приобретать китайские товары, за исключением ревеня, компания так и не получила за всю историю своего существования.

Необычайная карьера Дж. Элтона в России не ограничилась авантюрой с Ираном. Дж. Элтон родился в знатной семье в Портсмуте примерно в 1710 г. Он какое-то время занимал пост капитана купеческого корабля, прежде чем поступить на государственную службу в России в 1736 г. Он участвовал в картографической экспедиции Ивана Кирилова в Оренбург, исследующей новый сектор. Зарегистрировав лунное затмение в Уфе, он смог определить, на какой широте расположен город. За успехом Оренбургской миссии последовало приглашение отправиться в новую экспедицию, целью которой было нанесение на карту глубин Каспийского моря [1, с. 221–222]. В 1739 г. Элтон уволился со службы, чтобы возглавить исследовательскую миссию Московской компании в новую Иранскую столицу – Решт. Он был идеальной кандидатурой для компании, поскольку являлся британским купцом, имел опыт судоходства по Волге и Каспийскому морю. Однако скандал, разразившийся впоследствии по вине Элтона, не только стоил Московской компании права торговать в Иране, но также препятствовал развитию диалога между Россией и Великобританией. После него прошло почти десять лет, прежде чем было заключено новое торговое соглашение.

Существует подробное описание путешествия Элтона и Граэма. После возвращения в 1740 г., Элтон представил компании объемный отчет, освещающий всю экспедицию, который должен был поспособствовать получению одобрения от Совета по торговле и плантациям на пересмотр Навигационного акта. Граэм не описывал путешествие целенаправленно, но обстоятельно рассказывал о своих впечатлениях в письмах дяде в Шотландию. Элтон и Граэм начали путь из Москвы 10 марта 1739 г., получив письмо-аккредитив и консультацию по маршруту и перспективам торговли от «Господина Игнатиуса Франсиса Шеримана», армянского купца из Новой-Джульфи. Элтон заявлял, что Шериман старался помешать их планам, потому что открытие доступа британцев к Ирану «не принесет выгоду ни ему, ни его соотечественникам, армянам, поэтому, как мы предполагаем, он сделал все, чтобы напугать нас и заставить нас отказаться от путешествия» [25, с. 2]. Кажется странным, что Элтон так оценивал действия Шеримана, после того, как армяне предоставили им с Граэмом кредит, но согласно отчету Элтона, именно армянский заговор мешал ему наладить торговлю шелком.

На основании своего анализа текущего положения дел в торговле, Элтон сделал вывод, что Московская компания смогла бы справиться с организацией англо-иранской торговли гораздо лучше, чем Ост-Индская компания. Было необходимо установить крепкие отношения с Надир-шахом, чтобы расстроить планы армян, и, потенциально, их голландских торговых партнеров. Элтон уверял, что эта задача выполнима, и предсказывал, что новые перспективы откроются, как только она будет выполнена. Он считал, что постоянное присутствие в Северном Иране обеспечивает расширение товарооборота между британцами и бухарцами. Элтон утверждал, что высокий спрос на «европейские товары» среди бухарцев не является секретом ни для кого. Он писал: «данные товары можно поставлять через Персию, из Сибири путь для Руси в Бухарское ханство закрыт... Также невозможно доставить товары к бухарцам через Ост-Индию, так как они живут слишком далеко от моря» [26, с. 55–56]. В сущности, Элтон предположил, что это направление могло стать самым выгодным для Британии в Иране. Неизвестно, действительно ли Элтон считал, что единственный безопасный путь в Бухару лежит через северный Иран или он руководствовался исключительно необходимостью обойти ограничение русского правительства на торговую деятельность британцев на территории Российской империи. Если бы бухарский план осуществился, то деятельность Московской компании получила бы новое направление, обещающее гораздо больше преимуществ, чем российско-бухарское и ост-индско-бухарское направления. Элтон заключил: «вход на персидский рынок для британских купцов не может не означать перспектив значительной прибыли» [27, с. 59].

Вдохновившись успехом Элтона, британские купцы выдвинули новые требования к Российскому правительству. При поддержке британского посла, они запросили ряд уступок со стороны России, которые способствовали бы развитию торговли летом 1740 г. Вся суть их запросов сводилась к желанию получить официальное разрешение на

такую же свободу навигации в Каспийском море, как и у армянских купцов, причем они хотели, чтобы это распространялось на их собственные корабли в Каспийской акватории. Было поднято несколько проблемных вопросов по поводу карантина, введенного Астраханским губернатором в качестве карательной меры. Во время него Элтону был запрещен вход в город в течение нескольких месяцев прошлого года. Также они запросили разрешение на экспорт «Свинца, оловянных сплавов и прутков» из России в Иран, так как металлы являлись основным товаром, закупаемым иранскими купцами у Левантийской компании [14, с. 76–81].

Однако, факт получения данных привилегий не подтвержден, и осенью 1740 г. Элтон покинул Санкт-Петербург, для того чтобы построить два судна в Казани, которые он отправит вниз по Волге на Каспий для следующего торгового сезона с Ираном. Элтон создал постоянное предприятие с тремя другими торговыми компаниями, чтобы положить начало постоянной торговле с Ираном. Британский посол в Петербурге доложил министру иностранных дел в Лондоне, что экспедиция Элтона прошла очень успешно, и был получен хороший доход от продажи образцов шелка в прошлом году в Амстердаме [15, с. 106–107]. В декабре 1740 г. посол сообщил, что «еще три или четыре» британских купца готовились отправить несколько других британских товаров «обычным способом», опираясь на российские перевозки на Каспии [16, с. 233].

По мере развития торговли разногласия внутри Компании постепенно сходили на нет, однако в Лондоне решение этого вопроса столкнулось с значительными трудностями. Ни Левантийская, ни Ост-Индская компании не желали уступать торговлю шелка российским купцам. В октябре 1740 г., когда Элтон отправился в Казань, чтобы начать строительство своих новых кораблей, прошение Московской компании о праве на торговлю в Иране было официально представлено в Совете по торговле. Это был комплект документов изрядного размера, содержащий две аналитические записки с подробным изложением фактов от Элтона, рукописную копию его журнала, а также краткое изложение всего предложения и его преимуществ от министра иностранных дел. Будущая торговля должна была осуществляться по установленным каналам. Компания просто предлагала «английским купцам последовать примеру армян» и вступить на путь прибыльной торговли, которую они до сих пор игнорировали, обходили стороной или же руководствовались «временными обстоятельствами», «сложностями и недостатками», возникающими в результате конфликта интересов торговых компаний в Англии» [10, с. 12]. Министр иностранных дел согласился: «Люди здесь достаточно оптимистичны, чтобы думать, что новый торговый канал может быть открыт для английских производителей, а «возврат в торговлю шелком-сырцом» уменьшит цены в Англии на 20 % нежели ранее» [6, с. 2]. 11 ноября 1740 г. данный свод документов был представлен королю вместе с заключениями Совета относительно успеха данного проекта [7, с. 164–166].

Однако оптимистичные оценки не помешали Совету по торговле и плантациям провести тщательное расследование потенциальной торговли. Данное расследование будет длиться около года. В ноябре Совет запросил образец шелка из северного Ирана [2, с. 46]. Левантийская компания, которая ранее заявляла, что без шелка компания не сможет поддерживать никакую торговлю в Османской империи, должна была предоставить ответы на вопросы относительно потенциального прекращения торговли шелком [11, с. 10].

Московская компания также напрямую обратилась к парламенту за необходимыми изменениями в законодательстве до конца ноября. Общественное слушание было назначено на 27 ноября 1740 г., но оно «откладывалось изо дня в день, так как в соответствии с взаимным согласием – это дело большой важности, и все лица, участвующие в данном мероприятии, должны иметь достаточно времени для подготовки к слушанию» [8, с. 24]. Дискуссия компаний вылилась в соревнование брошюр. Левантийская компания построила свою линию защиты на основании заявления, что «сильно пострадает от этого законопроекта, поскольку персидский шелк был главным товаром, сбытом которого они занимались с незапамятных времен. Прибыль от продаж шелка идет на оплату продукции производителей шерстяных товаров, поступающую на экспорт» [4, с. 1]. Русская компания сразу же ответила утверждением, что Левантийская компания продавала в Турции шерсть за золото, которое купцы данной компании решили инвестировать в шелк, хотя Османская империя предлагала другие завидные товары [28]. В конечном итоге слушание в парламенте было проведено 18 декабря 1741 г. при участии Русской компании, выступившей с кратким призывом поддержать их новую концессию. Экспорт шерсти в Иран был важен для страны, а нынешняя война с Испанией препятствовала регулярной перевозке товара в Османскую империю. Это привело к тому, что в настоящее время от имени своих голландских партнеров в торговле шелком лидировали армянские купцы. Не было никаких упоминаний относительно намерений Компании осуществлять торговлю с Бухарой и Центральной Азией, а также относительно плана экспорта металлопродукции в Иран. Вместо этого, эти купцы подпитывались страхом, витавшем в Лондоне по поводу того, что «торговля с Турцией находится на грани распада» [9, с. 25], поэтому 24 июня 1741 г. Компания получила разрешение на экспорт из Ирана через Россию в Лондон [5, с. 262–265].

Тем временем в Санкт-Петербурге зарождались опасения, что все совсем не так, как должно было быть. Вскоре после того, как торговля была легализована в Лондоне, у действующего британского посла Э. Финча возникли подозрения относительно действий купцов Русской компании. Призывая министерство иностранных дел назначить нового генерального консула для России, он заметил, что «все люди отмечают плохое состояние фабрики, низкую репутацию и разобщенность. Купцы Лондона жалуются на условия, а также на попытки противодействовать друг другу. Российское правительство хорошо осведомлено об этом, и обращается с ними совсем не так, как несколько лет назад». Возможно, даже хуже. Финч обнаружил, что Иранская торговля осуществлялась между домами Лондона, Амстердама и Москвы... для того, чтобы продолжать поставлять товары в Персию совместно с голландскими и немецкими производителями, и если это не предотвратить, то это неизбежно погубит собственный экспорт» [17, с. 180]. Кроме того, другой купец Компании Джеймс Спилман опубликовал короткий отчет о поездке Элтона и Грэма в

1742 г. Отчет Спилмана основывался на рукописи Элтона, которую он когда-то скопировал с оригинала. В то время как Элтон обвинял в неудаче наладить торговлю в первую очередь армян, Спилман полагал, что виноваты были иранцы; он называл их «коварными и завистливыми людьми» [31, с. 59]. Тем не менее, Спилман и Элтон позитивно оценивали торговый потенциал, так как если бы торговля продолжилась, то стала бы очень выгодной для британцев, русских и иранцев.

Несмотря на предупреждения Финча, новый посол, которого направили в Санкт-Петербург, Господин Сирил Уиш, был более оптимистично настроен по поводу торгового потенциала. В июне 1742 г., он доложил Ведомству иностранных дел о том, что Элтон на новых кораблях успешно добрался из Казани в Иран, а также о том, что «есть все предпосылки к тому, что данное направление торговли обещает быть выгодным для всех трех государств»; предположительно речь шла о Британии, Иране и России, а не о Нидерландах, Иране и России, несмотря на очевидный факт, что средства на эту авантюру были выделены именно Нидерландами [19, с. 206]. Оптимизм Уиша не подтверждался успешным развитием торговли. Московская компания требовала, чтобы Уиш добился снижения транзитных пошлин на пути вдоль р. Волги, а также достиг соглашения с правительством России об отмене пошлин, пока они не достигнут балтийских портов. Данная цель стала результатом, прежде всего высоких пошлин в Астрахани, которые армяне не платили за товары, импортируемые из Ирана. Более того, Компания хотела, чтобы Уиш добился разрешения России на экспорт «свинца, олова и оловянных изделий» в Иран, так как в Иран через Османскую Империю продолжали поставки британские экспортеры, и из-за запрета России на торговлю пользовались они услугами Левантийской компании, а не Московской [18, с. 211].

Требования Компании предоставить дальнейшие уступки со стороны Российского правительства пришлось не ко времени, так как летом 1742 г. в Санкт-Петербург начали приходить отчеты о том, что Элтон поступил на службу к иранцам и строит на Каспии новый флот в европейском стиле для шаха, что являлось прямой угрозой контролю России над морем. Более того, Элтона обвинили в незаконном ввозе металла в Иран; Компания лишь запросила разрешение на это, но еще не получила его. Зная, что правительство могло отозвать свое разрешение на торговлю с иранцами, осенью ведомство Компании в Санкт-Петербурге отправило Джонаса Хэнуэя в Иран, чтобы провести расследование. Хэнуэя нельзя было считать беспристрастным наблюдателем, так как он был партнером Элтона по торговле с Ираном. Хэнуэй подтвердил, что по прибытии в Гилян в декабре Элтон был вовлечен в проект строительства кораблей для шаха, но шах дал распоряжение нанять судостроителей из Гуджарата. Хануэй пришел к выводу, что само строительство вряд ли начнут, так как «очевидная нехватка материалов и рабочей силы» сделали его неосуществимым, поэтому «не было никаких причин даже для намека на переживания». Хануэй выдвинул несколько предположений по поводу других обвинений; он полагал, что было «очевидно», что Элтон не был контрабандистом, а все это были ложные слухи, «которые усердно распространялись армянами или другими врагами Британской компании во имя претворения в жизнь какого-то губительного плана или для продвижения собственных интересов в противовес выше указанной Компании» [21, с. 26].

Казалось, что заверения Хэнуэя уладили проблему компании, однако правительство России так и не отказалось от своих обвинений против Элтона. 17 января 1744 г. Ведомство международных дел уведомило посла Британии в России, лорда Тайроули, о том, что посол России в Британии, князь Щербатов, «недавно выдвинул несколько обвинений в отношении дел Г-на Элтона» [20, с. 91]. Ведомство иностранных дел поручило Тайроули провести расследование в отношении дел Элтона в России, не зная, что это уже было сделано в прошлом году. Согласно ведомству, разногласия начались, когда российский консул в Раште, Семен Арапов, заявил Элтону о том, что его корабли на Каспии должны следовать тем же правилам транспортировки грузов, что и российские корабли; другими словами, корабли могли покинуть Иран только с его разрешения. Элтон не принял таких условий и покинул Иран тогда, когда захотел, что согласно Компании привело к еще большему недовольству в отношении правительства России. Арапов стал причиной открытого восстания российской команды против Элтона, «который, как и другие англичане в его окружении, оказался под угрозой смерти и не мог найти покоя ни в море, ни дома». Более того, против Элтона выдвинули обвинения в «нелегальной торговле жестью, оловянными изделиями и парусиной», которыми, как утверждала Компания, Элтон мог торговать, вед они подпадали под статью «Прочие товары», которыми торговать в Иране было можно [22, с. 22].

Такой ответ был нечестным. Это были товары, которые правительство России специально обозначило контрабандными в рамках Англо-русского соглашения о торговле. В 1742 году правительство России вновь отказало в просьбе Компании вести торговлю данными товарами. Однако, Компания намекнула, что предыдущие соглашения напрямую не запрещают торговлю данными товарами, и они никак не могли узнать о том, что иранцы собирались сделать из этого металла оружие или использовать парусину в мореходстве. Это привело к «последнему и самому чудовищному преступлению», в котором его обвиняли, а именно, в его согласии строить флот для шаха на Каспии. Это стало первым основанием, которое Российский посол использовал для обвинения, но Компания заявила, что Хэнуэй справедливо отметил, что, «как известно, шах Надир собирался построить на Каспии флот задолго до того, как в Персии появился Г-н Элтон». Они действительно заявляли, что это можно подтвердить тем фактом, что шах нанимал судостроителей из Гуджарата, и, если бы Иран захотел иметь флот на Каспии, Элтон им для этого был бы не нужен [23, с. 23].

Когда в апреле в ведомстве Компании в Санкт-Петербурге узнали об обвинениях Щербатова, они сразу же начали защищать Элтона, уверяя, что «как только они удостоверятся в том, что Г-н Элтон виноват во всем том, в чем его обвиняют, они сразу же отзовут свои полномочия и заставят его покинуть Персию. В то же время у нас есть самые сильные заверения от него самого и от людей, которых в срочном порядке отправили в Персию для изучения

его дел и самой сути обвинений против него, что он был по большей части представлен в ложном свете г-ном Араповым» [24, с. 158].

Это не помогло успокоить огромную страну, через которую Британия хотела наладить торговлю. Ни один из этих аргументов не успокоил правительство России, которое стало «препятствовать на пути нашей торговли с Персией, не учитывая положения выше упомянутого договора». Это было неизбежно, они разжаловали Элтона. К 1745 г. Компания «уволнила его и приложила все усилия к тому, чтобы выдворить его из Персии, предложив ему достойную пенсию и подходящее место работы в Англии» [13, с. 244]. В то время как Компания считала этот поступок актом дружественного урегулирования конфликта, российское правительство стремилось перекрыть доступ Британии к Ирану, наложив запрет на торговлю в 1747 г. [3, с. 2]. Согласно петиции Компании, российское правительство настаивало на том, чтобы британские корабли, ходившие по Каспию, продавали русским купцам в Астрахани «по убыточно низким ценам», и таким образом британским агентам не давали из Астрахани попасть в Иран. В 1748 г. иранские повстанцы захватили оставшиеся британские товары, находящиеся в Иране, и шах отказался выплачивать Компании компенсацию. Торговый агент, оставшийся в Гиляне в 1750 году, ожидал своей высылки, а российский Сенат прилагал усилия к исключению пункта по Ирану из Торгового договора для полного прекращения торговли [12, с. 244–246].

История вторжения Московской компании в торговлю в Северном Иране была короткой. Россия выдала разрешение на торговлю в рамках первого Русско-английского торгового договора в 1736 г. Компания запустила пилотный проект в 1739 г. и получила с него достаточный доход, чтобы в 1741 г. обратиться к правительству с просьбой позволить дальше вести торговлю. Из-за недобросовестных действий со стороны первого иранского агента Компании Джона Элтона российское правительство не дало разрешение на торговлю в 1747 г. После этого Компания и британское правительство потратили около 20 лет на то, чтобы вернуть возможность вести торговлю в Иране, однако им так и не удалось убедить российское правительство вернуть прежние привилегии.

Несмотря на то, что Элтон оказался центральной фигурой в планах британского правительства вести торговлю с Ираном через Астрахань, его действия не были единственным фактором, повлиявшим на решения российского правительства. В 1742 г. Сенат получил информацию из Астрахани о том, что продолжающаяся афгано-персидская война может привести к распространению чумы из Индии. В результате, 12 августа 1742 г. Сенат вынес постановление о необходимости ввести длительный карантин в Астрахани, и торговлю необходимо было полностью прекратить, чтобы избежать распространения болезни [29, с. 393–395]. Таким образом, несмотря на предположения британских купцов, длительные карантинные меры не были связаны с действиями Элтона или с опасениями по поводу контрабанды британских товаров. Тем не менее, в развернутом обзоре о торговле шелком в Астрахани, составленном в 1750 г., Сенат перечисляет текущие препятствия для ведения данной торговли. Были указаны шесть важнейших проблем, в основном касающихся условий в Иране, хотя попытки Элтона построить флот для Надир-шаха в 1746 г. были включены четвертым пунктом [30, с. 31–36]. Интересно, что Сенат не включил в обзор первоначальную миссию Элтона в 1740 г., его возвращение в 1742 г. или даже его участие в строительстве кораблей в Казани для торговли на Каспии. В вину Элтону ставили работу на шаха, что произошло после его исключения из Московской компании. Несмотря на то, что не все изменения в британо-российско-иранских отношениях были связаны с Элтоном, очевидно, что его действия дали толчок к долгосрочным изменениям в отношениях между этими государствами.

Список литературы

1. Багров Л. История русской картографии до 1800 года. Остров Вулф / Л. Багров. – Онтарио : Уолкер Пресс, 1975; Элтон М. Анналы семьи Элтонов: бристольтские купцы и землевладельцы Сомерсета / М. Элтон. – Финикс Миллс : Алан Саттон, 1994.
2. Британская библиотека. – Add. Ms. 14035. – Запрос от Торгового совета в Таможенную комиссию Его Величества. – 26 ноября 1740 г.
3. Дело русских купцов. – Лондон, 1750.
4. Доводы против отмены пункта Навигационного акта, который запрещает импорт персидского шелка-сырца с любых территорий, управляемых Москвой. – Лондон, 1741.
5. Краткое содержание Закона о реализации торговли с Персией через Россию. История и материалы Палаты Общин с момента восстановления по настоящее время. – Лондон : Ричард Чембер, 1742. – Т. 12.
6. Национальные архивы. – CO 388/40. – Аа. 24. – Письмо от Ньюкасла Уполномоченным Лордам. – 15 сентября 1740 г.
7. Национальные архивы. – SP 36/53. – Обращение Торгового совета к Королю. – 11 ноября 1740 г.
8. Национальные архивы. – SP 36/53. – Петиция, поданная через палату Общин, о схеме реализации торговли с Персией через Россию и дальнейшем принятии закона для данной цели. – 1741 г.
9. Национальные архивы. – SP 36/53. – Петиция, поданная через палату Общин, о схеме реализации торговли с Персией через Россию и дальнейшем принятии закона для данной цели. – 1741 г.
10. Национальные архивы. – SP 36/53. – Письмо Онслоу Бёрниша Лорду Харрингтону. – 6 октября 1749 г.
11. Национальные архивы. – SP 36/55. – Письмо Уилла Данттера Герцогу Ньюкасл. – 13 января 1741 г.
12. Национальные архивы. – SP 36/111. – Петиция от британских купцов, торговавших с Персией через Россию. – 1750 г.
13. Национальные архивы. – SP 36/111. – Петиция от британских купцов, торговавших с Персией через Россию. – 1750 г.
14. Национальные архивы. – SP 91/25 Петиция к Ее Императорскому Величеству, копия для Харрингтона. – 26 августа 1740 г.
15. Национальные архивы. – SP 91/25. – Письмо Финча Харрингтону. – 4 ноября 1740 г.
16. Национальные архивы. – SP 91/25. – Письмо Финча Харрингтону. – 20 декабря 1740 г.
17. Национальные архивы. – SP 91/28. – Изучение причин назначения Генерального консула в России. – 5 августа 1741 г.
18. Национальные архивы. – SP 91/29. – Копия петиции, представленной Московской компанией. – 30 июля 1742 г.
19. Национальные архивы. – SP 91/29. – Письмо Вича Картерету. – 28 июня 1742 г.
20. Национальные архивы. – SP 91/36. – Письмо Картерета Тайроули. – 17 января 1744 г. (вторая копия находится в Британской библиотеке). – Тайроули Пресс. – Add. MS 23630. – «Письмо Картерета Тайроули».

21. Национальные архивы. – SP 91/36. – Письмо от Джонаса Ханвея. – 7 ноября 1743 г.
22. Национальные архивы. – SP 91/36. – Письмо от Московской компании Картерету. – Январь 1744 г. – С. 22.
23. Национальные архивы. – SP 91/36. – Письмо от Московской компании Картерету. – Январь 1744 г. – С. 23.
24. Национальные архивы. – SP 91/36. – Письмо от персидских купцов Тайроули. – 6 апреля 1744 г.
25. Национальные архивы. – Кью, Великобритания. – СО 388/41. – Путешествия капитана Элтона в Персию, 1739 год.
26. Национальные архивы. – Кью, Великобритания. – СО 388/41. – Путешествия капитана Элтона в Персию, 1739 год.
27. Национальные архивы. – Кью, Великобритания. – СО 388/41. – Путешествия капитана Элтона в Персию, 1739 год.
28. Ответ на доводы против аннулирования пункта Навигационного акта в пользу Московской компании. – Лондон, 1741.
29. Сенатский архив. – СПб : типография Правительствующего Сената, 1892. – Т. 5. – 13 августа 1742 г.
30. Сенатский архив. – Том 8. – 12 марта 1750 г.
31. Спилман Дж. Путешествие в Персию через Россию двух английских джентльменов, отправившихся в путь в 1739 году / Дж. Спилман. – Лондон : Р. Додсли, 1742.

РАЗРАБОТКА АСТРАХАНСКОГО ТАМОЖЕННОГО ТАРИФА В XVIII в.

Торопицын Илья Васильевич,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Регулирование внешнеторговой деятельности в Астраханской губернии испытывало в XVIII в. сильное влияние законодательства предшествующего столетия. В то время как на европейском направлении происходило совершенствование таможенной службы России, для русско-восточной торговли в первой половине XVIII в. продолжала сохраняться система сбора таможенных пошлин, оформившаяся в царствование Алексея Михайловича и последующих правителей XVII в. [17].

До 40-х гг. XVIII в. центральные и местные органы власти не предпринимали попыток пересмотреть практику таможенного регулирования русско-восточной торговли, которая базировалась на договорах, заключенных между правительством России и армянской Джульфинской торговой компанией. Совершенствование российского таможенного законодательства, происходившее в 1724 и 1731 гг., не оставило следа в деятельности Астраханской таможни, так как Астрахань не была включена в перечень портов, на который распространялось их действие. Подтверждение этому находим в записках астраханского губернатора В.Н. Татищева, писавшего в 1743 г. по поводу таможенного устава 1731 г., что его «в Астрахани, Кизляре и Гурьеве не употребляем» [14, с. 366–367].

В.Н. Татищев был первым, кто обратил внимание на несоответствие таможенной практики в Астрахани состоянию русско-восточной торговли [16]. 19 октября 1743 г. он направил в Коммерц-коллегию донесение, посвященное вопросам развития русско-восточной торговли и увеличения таможенных доходов, в котором предлагал в нем «о пошлине армянской или портовой в Астрахани и в Кизляре... внятно рассмотреть и определение, согласное с другими порты российскими или как наилучшее изобретено будет, учинить, понеже в Астрахани многое чрез несмотрение на древние уставы упущено и надлежащее казне не доходит» [14, с. 366].

Данная оговорка, сделанная им в донесении, насчет необходимости не только ориентироваться на уже существующие таможенные нормы и правила, но и, возможно, дополнить их новыми положениями, не случайна. К этому вынуждали не только специфика русско-восточной торговли, существенно отличавшаяся от русско-европейского товарообмена, но и общий характер политики российского правительства в отношении торговли с Востоком.

Необходимые данные для составления тарифа В.Н. Татищев начал собирать вскоре после своего назначения на пост губернатора в Астрахань. 28 мая 1742 г. он поручил Астраханской таможне «учинить обстоятельную ведомость какие именно порознь, по званиям привозятся товары из-за границы, тако ж и из верховых городов, и, учиня оную по алфавету, без всякие проронки прислать в губернскую канцелярию немедленно» [2, л. 482]. Предпринятые астраханским губернатором шаги совпали с политикой Коммерц-коллегии, которая в начале 40-х гг. XVIII в. также проявила интерес к сбору статистических данных о русско-персидской торговле [19, с. CCCLXV].

Приступая к разработке тарифа, В.Н. Татищев планировал оперативно справиться с поставленной задачей. Но вопреки его ожиданиям данная работа заняла больше времени. Проект тарифа был составлен и отправлен из Астрахани «на апробацию» в Коммерц-коллегию спустя почти два года с начала работы над ним. 20 апреля 1744 г. астраханский губернатор обратился в Сенат с просьбой ускорить рассмотрение этого вопроса. Сенат отдал соответствующее указание Камер- и Коммерц-коллегиям лишь 26 ноября 1744 г., а в адрес В.Н. Татищева 3 декабря 1744 г. был направлен указ, в котором ему предписывалось «о взятые с товаров пошлин до предбудущего указу поступать по прежним имеющимся о том указам и по Торговому уставу непременно» [8, л. 74].

Примечательно, что на другой день после сенатского указа (4 декабря 1744 г.) Коммерц-коллегия направила в Астраханскую губернскую канцелярию свой указ, в котором потребовала от местных властей, чтобы «на те астраханские места тариф сочинен был по примеру состоявшегося в 731-м году портового тарифа», который был приложен к указу в виде образца [9, л. 49]. 26 марта 1745 г. в донесении в Сенат Коммерц-коллегия сообщила, что как только от Астраханской губернской канцелярии поступят необходимые данные, она вернется к рассмотрению этих предложений [8, л. 74-74 об.].

Для доработки тарифа В.Н. Татищев привлек в мае 1745 г. представителей верхушки Астраханского посада, ведущих обширную внешнюю торговлю, среди которых были русские и иноземные купцы. По решению губернской канцелярии все лица, привлеченные к доработке тарифа, обязаны были ежедневно являться в дом к В.Н. Татищеву [3, л. 242–243].

Несмотря на большую работу, сделанную в Астрахани, проект тарифа для Астраханского порта, разработанный под руководством В.Н. Татищева, не был принят. Коммерц-коллегия, изучив по поручению Сената присланные астраханским губернатором предложения, сделала заключение о невозможности составить Астраханский таможенный тариф на том основании, что в присланных из Астрахани ведомостях не приводился полный перечень всех товаров, не содержались подробные сведения об их цене и качестве. На это представление Сенат отреагировал следующим образом: он поручил Камер- и Коммерц-коллегиям самим провести всю необходимую работу для того, чтобы разработать тариф «на астраханские места ко взятию с купецких товаров портовой и внутренней пошлины» и представить со своим мнением в правительство «в немедленном времени» [5, л. 142об.].

Следует подчеркнуть, что отдельные предложения В.Н. Татищева, касающиеся таможенной политики России в торговле со странами Востока, были реализованы помимо подготовки тарифа для Астраханского порта [15, с. 222–223]. Но самое главное, В.Н. Татищеву удалось обратить внимание правительства на необходимость пересмотра таможенного регулирования русско-восточной торговли в сторону усовершенствования процесса таможенного контроля и взимания пошлин в Астрахани.

Работа, начатая В.Н. Татищевым, в дальнейшем была продолжена. 19 сентября 1748 г. Коммерц-коллегия поручила астраханским властям, взяв за образец устав 1731 г., сочинить новый тариф, указав на все привозные и отвозные товары среднюю за 10 лет цену. При этом Коммерц-коллегию интересовало состояние торговли, которую вели восточные купцы в Астрахани и транзитом через Россию. Она поручила подготовить подробные справки о торговле армянских, индейских и других купцов «по нациям порознь, опричь англичан». Ведомости должны были содержать сведения за период с 1740 по 1746 гг. Помимо этого Коммерц-коллегию интересовал режим торгового судоходства в дельте Волги и на Каспии. Она поручила составить план Астрахани, нанести на карту корабельные пристани и все места, где торговые суда могли пристать к берегу в дельте Волги для разгрузки, предоставить сведения о том, на каких судах отвозятся товары в Персию, сколько их и кому принадлежат, кто служит (работает) на торговом флоте, есть ли среди них иностранцы. Также запросила Коммерц-коллегия у астраханских властей планы гостиных дворов в Астрахани, таможен с пакгаузами и амбарами [5, л. 74–77].

В декабре 1748 г. данная работа была доверена в Астрахани смотрителю над таможенными капитану Авилову. При этом Астраханской конторе над портом приказали изготовить запрашиваемый Коммерц-коллегией план Астрахани и дельте Волги и предоставить сведения, касающиеся вопросов судоходства и обслуживания торгового мореплавания на Волге и Каспии. Геодезисту Чичагову поручили составить планы всех торговых дворов в Астрахани и таможенной инфраструктуры и дать свое заключение об их состоянии и функциональной готовности [4, л. 275–279об.].

19 июня 1750 г. Сенат подтвердил ему своим указом необходимость скорейшей разработки специального таможенного тарифа для торговли через Астрахань. А до тех пор, пока надлежащие сведения не будут собраны и проанализированы в Коммерц-коллегии и Камер-коллегии, астраханским таможенникам рекомендовано было «поступать по состоявшемуся в 1731-м году тарифу» [10, л. 40об.].

Астраханская губернская канцелярия вновь привлекала для этой работы представителей от русского и восточного купечества. Обращает на себя внимание тот факт, что астраханский магистрат и армянский ратгауз делегировали в комиссию по составлению Астраханского таможенного тарифа тех же людей, что участвовали в составлении первого проекта тарифа под руководством губернатора В.Н. Татищева [11, л. 7]. 8 мая 1751 г. новый проект тарифа был отослан из Астрахани в Коммерц- и Камер-коллегии.

В своем мнении Астраханская губернская канцелярия акцентировала внимание правительственных учреждений на основных, с ее точки зрения, аспектах, которые необходимо учитывать при составлении данного тарифа. Во-первых, отмечалось, что большинство товаров, вошедших в перечень таможенного тарифа 1731 г., который рекомендовано было взять за образец, в Астрахань не привозилось. Но, так как в будущем они могли быть привезены в Астрахань, то с них следовало брать ту же пошлину, что и при Санкт-Петербургском и других портах, на которые распространялось действие тарифа 1731 г. Что касается тех (по большей части азиатских) товаров, которые привозились в Астрахань из стран Востока и не были отмечены в тарифе 1731 г., то пошлину с них предложили взимать в размере 5-процентов, которую рассчитали «из сложной десятилетней цены». Во-вторых, указывалось на необходимость сохранения существующей практики таможенного оформления товаров при отпуске их за границу. Согласно ей товары, ввезенные из стран Европы и «из других заграничных мест», отпускались в страны Востока из Астрахани беспошлинно, так как купцы платили пошлины за ввоз товаров в Россию в пограничных и портовых таможах на западной границе государства. В-третьих, предложено было не взимать пошлин в Астраханской портовой таможне с тех европейских товаров, предназначенных к отпуску за границу, которые были куплены в России на том основании, что во внутренних таможах с таких «перекупных» товаров пошлина уже взята. В-четвертых, в сочиняемом тарифе предлагалось сохранить перечень товаров, запрещенных к вывозу из России в страны Востока. К ним на тот момент относились драгоценные и не драгоценные металлы, предметы вооружения, овечья шерсть, сырые кожи, ремень, корень марены, ловчие птицы, лошади, скот, «ясырь». Кроме того, запрещено было вывозить в восточные страны судовые принадлежности и инструменты для корабельного дела. В-пятых, губернская канцелярия и выбранные для сочинения тарифа купцы посчитали необходимым не принуждать купцов платить в Астрахани пошлины ефимками,

что было характерно для русско-европейской торговли. Что касается возможности оплаты пошлин персидскими деньгами, то и здесь разработчики тарифа предлагали подойти избирательно, считая, что далеко не все русские купцы могли располагать иранской валютой, чтобы установить ее в качестве обязательного платежного средства.

С января 1754 г. работа над тарифом перешла к Комиссии о пошлинах, куда были переданы все материалы из Коммерц-коллегии. К промежуточному этапу разработки таможенной политики России в отношении торговли со странами Востока можно отнести появление 23 мая 1754 г. правительственного указа, в котором объявлялся новый порядок сбора пошлин с азиатских товаров [7, с. 62]. В этот период времени в поле зрения разработчиков вновь оказывается наряду с другими документами проект тарифа, подготовленный в свое время под руководством астраханского губернатора В.Н. Татищева. Его копия поступила из Астраханской портовой таможни в адрес президента Коммерц-коллегии и члена Комиссии о пошлинах Я.М. Евреинова [6, с. 211]. В дальнейшем мы убедимся, что отдельные идеи В.Н. Татищева найдут свое отражение в окончательном варианте Астраханского таможенного тарифа. Но на тот момент при разработке нового российского таможенного законодательства в большей степени были учтены пожелания авторов другого проекта тарифа для Астраханского порта, составленного в 1751 г. Ряд пунктов Таможенного устава 1755 г. практически дословно передавал предложения Астраханской губернской канцелярии, сформулированные в 1751 г. [1, с. 186].

Появление Таможенного устава 1755 г. не прекратило работу по составлению Астраханского таможенного тарифа. В именном императорском указе от 29 апреля 1757 г. говорилось, что «при Астраханском порте и в Сибирских пограничных Таможнях до сочинения впредь на оные особливых Тарифов поступать как доньше происходило» [13, с. 345]. 18 августа 1757 г. Комиссия о пошлинах направила в Астрахань разработанный проект тарифа с тем, чтобы таможня и магистрат просмотрели его и сообщили свое заключение. Проводя анализ данного проекта тарифа, П. Любомиров обратил внимание на то обстоятельство, что для регулирования русско-восточной торговли правительство России активно использовало два основных механизма: размер пошлины и таможенную оценку товара, которая могла быть как соответствующей рыночной, так и пониженной [7, с. 71]. П. Любомиров пришел к выводу, что проект Астраханского тарифа 1757 г. носил в целом протекционистский характер («явно клонится к покровительству русскому вывозу»).

В целом анализ Астраханского таможенного тарифа 1757 г. свидетельствует о том, что основной целью, поставленной его разработчиками, было содействие развитию российской торговли и отечественной обрабатывающей промышленности. На это указывает преобладание в экспортных статьях тарифа изделий российской фабрично-заводской и кустарной промышленности, в то время как среди импортных товаров видное место принадлежало сырью (шелк, шерсть, хлопок), красильным материалам и лекарственным веществам.

Комиссия о пошлинах получила ответ от Астраханской таможни и магистрата, но не успела завершить работу по составлению Астраханского таможенного тарифа. Эта задача была поставлена правительством перед Комиссией о коммерции, созданной в 1760 г. В ее работе самое активное участие принимали действительный камергер Сената обер-прокурор граф И.Г. Чернышев, президент Коммерц-коллегии Я.М. Евреинов, коллежский советник Безсонов, надворный советник Суровцов [12, л. 37, 45]. Комиссия о коммерции внесла в Астраханский тариф не меньше 89 поправок. В ходе доработки Астраханского тарифа много внимания было уделено статьям, которые затрагивали торговлю бумажной продукцией, кожами, красками, текстильными изделиями, хлопком-сырцом, продукцией металлургической промышленности. Разработчики тарифа дифференцированно подходили к определению пошлины на товар в зависимости от того, насколько высока была степень его качества и уровень его производства в России, в какой степени нуждался в нем российский покупатель, и насколько товар был востребован за границей. Так, в русле предложений В.Н. Татищева, на разные сорта красок, в которых нуждались российские мануфактуры, были сняты наложенные ранее 5-процентные пошлины, которыми облагались эти товары при ввозе в Россию [12, л. 46]. Хлопок-сырец также позволено было привозить в Россию беспошлинно. В то время как в проекте Астраханского тарифа 1757 г. хлопок-сырец было предложено обложить минимальной 2-процентной пошлиной «для заводимых в Астрахани фабрик, чтобы больше вывозили» в Россию [7, с. 71–72]. С целью удержать вывоз данного сырья из страны, Комиссией о коммерции установлено было взимать 10-процентную пошлину со стоимости пуда, оцененного в 6 рублей. [12, л. 37об.]. Высокой 30-процентной пошлиной от цены товара было обложено в окончательном варианте Астраханского тарифа отпускаемое из России железо «тянутое в прутьях». А идущие на экспорт железные изделия («во всяких лавочных товарах слесарской работы»), наоборот, облагались всего 3-процентной пошлиной с платежного рубля. Беспошлинно разрешено было вывозить из России в азиатские государства булавки, а с игл «швальных всяких рук» пошлина была убавлена вдвое. Тем самым создавались условия для стимулирования промышленного производства в России и экспорта в страны Востока продукции обрабатывающих, а не сырьевых отраслей хозяйства. При этом в тарифе усматривается тенденция покровительства экспорту готовых изделий по отношению к полуфабрикатам, а полуфабрикатов по отношению к сырьевым материалам, из которого они производились.

Астраханский тариф свидетельствует, что в интересах развития отечественной промышленности и промыслов во времена императрицы Елизаветы Петровны правительство России шло на установление чрезвычайно высоких (до 75 %) экспортных пошлин на отдельные виды товаров. Это относилось, в частности, к тростям, идущим на изготовление берд, одного из необходимых в текстильном производстве инструментов, и к толстым нитям, употребляемым на изготовление рыбных сетей, по всей видимости, с целью покровительства русскому рыболовству в Каспийском бассейне [7, с. 75]. По ряду позиций Комиссия о коммерции пошла еще дальше предложений всех остальных разработчиков Астраханского тарифа. Так, она включила в перечень товаров Астраханского тарифа, с которых над-

лежало брать пошлину, предметы вооружения (пушки, бомбы, ядра, ружья), [12, л. 39–39об.] которые ранее категорически запрещалось продавать за границу [17]. Подтверждение этому запрету мы находим в проектах тарифа, разработанных в Астрахани при губернаторах В.Н. Татищеве (1744 г.) и И.А. Брылкине (1751 г.), а также сочиненного Комиссией о пошлинах в 1757 г. Впрочем, тариф в редакции 1757 г. допускал возможность экспорта предметов вооружения в страны Востока по особым разрешениям [7, с. 68].

В целом деятельность Комиссии о коммерции по доработке Астраханского тарифа характеризуется стремлением укрепить позиции российских экспортеров, стимулировать приток в страну необходимого сырья и материалов, защитить интересы российской промышленности, в первую очередь, ее обрабатывающего сектора. Анализируя таможенную политику России в елизаветинское время, П. Любомиров дает ей достаточно высокую оценку. «В отношении торговли с Востоком, – отмечает он, – мы, в общем, наблюдаем приблизительно такую же гармонию интересов контрагентов, как и в русско-английском обмене того же времени, только Россия в отношении Востока сама занимала место Англии, отпуская в значительной части изделия своей мануфактурной и кустарной промышленности и получая ценное сырье для нее» [7, с. 70].

В декабре 1760 г. многолетняя работа, посвященная составлению таможенного тарифа для Астраханского порта, завершилась. В ней приняли участие как местные власти, так и центральные учреждения России, а также специально созданные правительством комиссии. Ими было подготовлено несколько проектов тарифа, окончательный вариант которого учел наиболее ценные из их предложений.

Окончание подготовки тарифа для Астраханского порта практически совпало по времени с разработкой правительством России концепции новой экономической политики государства, чтобы поправить тяжелую финансовую ситуацию в стране, возникшую за годы Семилетней войны, которую вела Россия. В протоколе Конференции при высочайшем дворе от 5 января 1761 г. в числе других мер предлагалось создать более благоприятные условия для торговли с восточными странами: «Ко обогащению государства населить Астрахань, Кизляр, Царицын и другие ближние к Астрахани места как разными персическими художниками, так и самими капиталистами», разрешить на несколько лет беспошлинную торговлю через Астраханский порт и т.д. [18, с. 183]. И хотя наследовавшие российский престол после Елизаветы Петровны Петр III, а затем Екатерина II осуществили большую часть практических предложений, содержащихся в протоколе Конференции от 5 января 1761 г., но на объявление беспошлинной торговли с восточными странами они не решились.

Список литературы

1. Аграшенков А. В. Таможенное дело в России X – начало XX вв. (Исторический очерк. Документы. Материалы) / А. В. Аграшенков, Н. М. Блинов, В. Б. Бобков [и др.]. – СПб. : ПИК, 1995.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 835.
3. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 1060.
4. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 1359.
5. ГААО. – Ф. 394. – Оп. 1. – Д. 1394.
6. Козлова Н. В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. / Н. В. Козлова. – М., 1999.
7. Любомиров П. Проект таможенного тарифа для Астрахани 1757 года / П. Любомиров // Наш край. Астрахань. – 1927. – № 2.
8. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 276. – Оп. 1. – Кн. 169.
9. РГАДА. – Ф. 276. – Оп. 1. – Кн. 575.
10. РГАДА. – Ф. 276. – Оп. 1. – Кн. 665.
11. РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 1. – Кн. 407.
12. РГАДА. – Ф. 397. – Оп. 2. – Кн. 188.
13. Таможенное дело России : Сб. док. и мат.-лов. – Т. 2: 1722–1864 гг. / сост. Ю. Ф. Азаров ; предисл. В. Н. Крихунова. – М. : Юпапас, 1998.
14. Татищев В. Н. Записки. Письма 1717–1750 гг. / В. Н. Татищев. – М. : Наука, 1990.
15. Торопицын И. В. В.Н. Татищев и социально-экономическое развитие России в первой половине XVIII в. / И. В. Торопицын. – Астрахань : АГПУ, 2001.
16. Торопицын И. В. Проблемы таможенного регулирования русско-восточной и транзитной торговли в Российской империи (по запискам астраханского губернатора В.Н. Татищева) / И. В. Торопицын // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 5 (11) : в 4 ч. – Ч. 1. – С. 198–201.
17. Торопицын И. В. Эмбарго на поставки оружия странам Востока, как принцип внешней торговли политики России в XVIII в. / И. В. Торопицын // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 3 (9) : в 3 ч. – Ч. 3. – С. 163–166.
18. Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. / С. М. Троицкий. – М., 1966.
19. Уляницкий В. А. Русские консульства за границей в XVIII веке / В. А. Уляницкий. – М., 1899. – Ч. 2.

СОВРЕМЕННЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКОГО ЦЕНТРА КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА. ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Усманов Рафик Хамматович,

*доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и международных отношений,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

В современной геополитической ситуации в начале XXI в. положение России в мировом сообществе, как известно, изменилось. Россия как наследница Советского Союза вобрала в себя все положительные и отрицательные факторы. Однако, несмотря на все глобализационные изменения и катаклизмы она все же продолжает развивать и осуществлять то стратегическое направление, которое было взято изначально в период становления государства начала XIII в. и особенно те идеи и традиции времен Петра I XVII в. На одном из знаменательных событий последнего времени празднования 300-летия Астраханской губернии было отмечено особое значение деятельности Петра I – начала осмысления и формирования идеи стратегического положения Астрахани как южного форпоста России и геополитического центра Каспийского региона. Ярким примером такой идеи могло послужить решение одной из масштабных задач осуществленных Петром I «прорубившего» окно в Европу – выход через Балтийское море на Запад, который без сомнения решил одну из важных геополитических задач, стоящих перед Россией и является несомненным успехом деяний Петра Великого. Вполне возможно более ранним предвестником такой идеи можно считать образование Великого Волжского пути во второй половине IX в. с выходом в Каспийское море в Персию («из варяг в арабы»). Свидетельством исторической правоты и стратегической перспективы является, то, что именно по фарватеру Великого Волжского пути были проложены торговые пути, а современный Транспортный коридор «Север-Юг», который проходит с Севера на Юг через Астрахань в Каспийское море с выходом на Восток и далее до Индии подтверждает это [2].

Данная проблематика достаточно актуальна сегодня и есть разные подходы и суждения по этому вопросу. В настоящее время имеются многочисленные исследования, публикации и монографии по различным аспектам исследования, посвященным геополитике Каспийского региона. Среди этих работ следует первоначально выделить исследования С.С. Жильцова, И.С. Зонн, А.К. Магомедова, Р.Н. Никерова, Л.С. Рубан и др. [7; 10; 16; 18; 23]. Необходимо отметить, что в течение многих столетий Каспий выступал в качестве важнейшей транспортной коммуникации, соединяя части евразийского континента по направлениям Север-Юг, Восток-Запад. Весьма значимой является то, что в этом регионе в последнее время стало акцентироваться внимание на ее пограничную и транзитно-коммуникационную составляющую. В одной из своих работ авторы исследования А. Магомедов и Р. Никеров дополняют это тем, что актуальное значение Каспийского бассейна лежит не только в транспортной и военно-политической плоскости, но и в энергетической, что естественно, имеет первостепенное значение и свое экономическое измерение. Поэтому, что касается нефтегазового фактора, то, как заявляют авторы, «Каспийский бассейн выступает не альтернативой, а скорее энергетическим дополнением Персидского залива. Однако даже если потенциальные углеводородные возможности Каспийского региона могут сделать его значимым фактором международной энергетической политики, реализовать данный потенциал возможно только через контроль над трубопроводами, которые выведут ресурсы региона к мировым потребителям [17, с. 13–14].

Наряду с известными монографиями следует отметить научные публикации в известном ВАКовском журнале «Каспийский регион: политика, экономика, культура» АГУ, который выходит уже более 10 лет, на страницах которого освещаются различные проблемы каспийской тематики отечественными и зарубежными учеными [3; 6; 25; 26; 28]. Значительное место в изучении каспийской проблематики отводится учеными кафедры политологии и международных отношений Астраханского государственного университета, которые организуют периодически научные форумы, международные конференции с 2001 по 2011 год. Среди них следует выделить I Международную научную конференцию «Россия и Восток. Философские проблемы геополитических процессов: Каспийский регион на рубеже III тысячелетия», которая проводилась 19–20 апреля 2001 г., II Международную научную конференцию «Единый Каспий: Межгосударственное сотрудничество и проблемы экономического и социального развития» 10–11 июня 2002 г. Наиболее значимым следует отметить V Международную Российско-Германскую научно-практическую конференцию «Каспийский регион в эпоху глобализации: проблемы, тенденции и перспективы международного сотрудничества», которая проводилась совместно с Министерством международных и внешнеэкономических связей Астраханской области с 30 сентября по 2 октября 2011 г. и было организовано совместно с Фондом имени Фридриха Эберта. По результатам таких международных форумов и конференций издавались аналитические материалы, декларации, научные статьи [25, с. 79–84]. Имеются также и ряд диссертационных исследований по данной теме успешно защищенных в диссертационном совете по политологии Астраханского государственного университета таких соискателей как А.В. Баранов, Р.Р. Мухаррямов и др. [1; 20]. По итогам проведенной работы по геополитическим исследованиям Каспийского региона на основе научных исследований и разработок, сделанных кафедрой политологии и международных отношений, а также другими учеными, в 2011 г. Центром политических исследований АГУ под редакцией профессора П.Л. Карабущенко была издан проект коллективной монографии «Новейшая политическая история Прикаспийских государств», где впервые системно рассматриваются геополитические процессы различных периодов, происходившие на Каспии. В настоящее время эта работа на стадии завершения и сейчас ведутся переговоры с московским издательством о ее публикации. Надо отметить, что в настоящее время пока нет аналогичных работ и учебных по-

событий, которые бы в полном объеме восполнили современную политическую историю всех прикаспийских государств различного уровня.

Одним из первых значительных исследований, опубликованных по данной теме нашими отечественными учеными являются такие монографии как: «Геополитика Каспийского региона» (А.М. Ушков, С.С. Жильцов, И.С. Зонн. М., 2003) и «Каспий – море проблем» (Л.С. Рубан. М., 2003), где рассматриваются основные аспекты по положению и статусу Каспийского моря, ее ресурсов и позиции прикаспийских государств [10; 23]. Впервые авторами анализируются главные факторы, воздействующие на геополитическое положение в регионе, новая архитектура и развитие транспортных артерий Каспия. Затем в 2004 г. нашим Центром политических исследований АГУ была подготовлена и издана монография «Геополитика Каспийского региона» (Взгляд из России. Астрахань, 2004)», авторами которой являются член-корреспондент РАН, д.ф.н. А.В. Дмитриев, д.ф.н., проф. П.Л. Карабущенко и д.полит.н., проф. Р.Х. Усманов [4]. В данном исследовании впервые комплексно рассматривается Каспийский регион с древнейших времен, ее геополитическое прошлое во взаимосвязи с современностью – эпохой наступившей глобализации. Характерно то, что в данной работе рассматриваются не только проблемы непосредственно Каспия, но и факторы, влияющие на геополитический процесс прикаспийского региона, а также векторы направления интересов, которые проходят через Каспий. Так, например, то, что является предпосылкой идеи Каспийского центра от начала его формирования со времен Великого Волжского пути изложено в главах «Каспийский Север»: Двуречье Волги и Урала, «Каспийский Восток»: Центральная Азия и Каспийское море, «Каспийский Юг: Каспий и Персидский залив.

Надо отметить, что в этой работе рассматриваются позиции не только прикаспийских государств, но и тех стран, которые имеют определенные интересы к этому региону от локальных до стратегических. Все это классифицируется следующим образом – выделяется несколько таких «геополитических уровней» существующих проблем в «геополитической линии». Первый «уровень» – интересы государств, непосредственно окружающих Каспийское море – Азербайджана, Ирана, Казахстана, России, Туркменистана; второй «уровень» – интересы государств, расположенных вблизи Каспийского моря, но не примыкающих к нему непосредственно; третий «уровень» – интересы мощных «геополитических центров» – государств, далеко отстоящих от Каспия (Великобритания, США, Китай и др.) [24, с. 208]. В данной монографии и в более поздних научных статьях авторов Каспийский регион рассматривается в таких философских категориях как «объект» – «субъект». В качестве «объекта» Каспий выступает сразу в двух своих ипостасях: как предмет нашего коллективного научного исследования (политической, экономической и гуманитарных наук) и как предмет «хозяйственной деятельности» различных субъектов мировой политики. Далее уточняя, этим понятиям дается своя следующая специфическая структура. Рассматривая Каспийский регион с точки зрения первого уровня, т.е. с позиции наиболее заинтересованных акторов – каспийских государств, сама категория «геополитический субъект» еще и имеет общность мировоззренческого характера. Выделяются несколько уровней «вызревания» сущности субъекта геополитических отношений: (а) единства и целостности исторического и географического пространства; (б) кооперация и взаимодействие политико-хозяйственной деятельности; (в) общность стратегических интересов; (г) и главное – наличие «территориальной (региональной) идеи». При этом надо иметь ввиду, что «геополитический субъект» наделен некоторыми особыми качествами. Это не только обособленное от других территорий «политико-экономическое, этнокультурное пространство» имеющее историческое единство и общность политических интересов; это объект указывает на предметность, на ту реальность, которая является данностью, т.е. имеет место быть. Разумеется «геополитический субъект» складывается постепенно и он окончательно проявится с признанием его роли иными субъектами геополитических отношений, что станет возможным только при формировании и утверждении общей его «идеи».

Как «субъект» Каспийский регион выступает в качестве единства интересов своих политических акторов. Следовательно, это предусматривает наличие у этих самых «со-акторов» характерного способа геополитического мышления и социокультурного сознания. В идеале должно быть таким образом, что каждый субъект должен обладать одновременно как своим присущим только ему самому самосознанием, так и региональной коллективной общностью идей. На практике, к сожалению, пока мы встречаем фрагментарное присутствие отдельных элементов этой системы, что свидетельствует о все еще продолжающемся процессе вызревания самих «местных» идей субъектов Каспийского региона, что в свою очередь затрудняет оформление самой идеи всего этого региона. Только при наличии всех этих вышеуказанных факторов, мы вправе рассматривать Каспий как самостоятельный геополитический регион, имеющий свои специфические политико-экономические и культурно-этнические особенности. История и события современного периода, особенно политические и экономические процессы последнего времени (экономические, научные, культурные форумы Прикаспийских государств, встречи на высшем уровне и особенно 4 проведенных Каспийских Саммитов), подтверждают позитивные направления процесса формирования данной идеи [27, с. 93–102].

Анализируя данный процесс формирования общей идеи, прежде всего, надо отметить, что географическое положение Каспийского региона предопределило для него роль связующего звена между Европой и Азией. Это мировой коридор культур и цивилизаций, где издавна пересекались пути многих народов, языков и религий. В геополитическом плане господствующими тенденциями здесь выступают, с одной стороны, традиционное влияние России, с другой – Турции и тюркского мира, с третьей – традиционная роль ислама как мировоззрения и уклада жизни подавляющей части населения региона. Таким образом, ислам является системообразующим фактором, который во многом определяет политические реальности в регионе.

1. Проблема определения «идеи» Каспийского региона. В качестве отправных позиций в процессе формирования «идеи объединенного Каспийского региона» в большинстве наших исследований был заложен тезис о России как лидере этого региона. Именно Россия последние 400 лет определяла историческую судьбу Каспийского ре-

гиона. А.С. Панарин называл Россию «первой страной Востока», через которую в прежние времена шла модернизация многих сопредельных с ней стран и целых регионов [21, с. 29]. Движение в сторону Востока, в евразийство, позволяет современной России «подтвердить свое ответственное присутствие в Евразии как стягивающего, интегрирующего и консолидирующего центра» и доказать, что конфессионально разнородные регионы (в данном случае славяно-православный и тюрко-мусульманский) вполне могут сформировать устойчивые цивилизационные образования» [21, с. 39]. Более того, в лидерстве России в этом регионе заинтересован Иран, который исходит из того, что «в новых условиях сильная Россия может быть гарантом обеспечения интересов Ирана в регионе. История современных событий, особенно последнего времени это подтверждает. В аналитических материалах подчеркивается, что пальма первенства в формировании Каспийской идеи в данном случае должна быть, конечно, у Астраханской области [25, с. 79–84]. В политической истории Астрахань (всего Нижнего Поволжья и Северной части Каспийского моря) уже была геополитическим центром этого региона. Ее гегемония в этой части света то возрастала до невероятных размеров (XVI–XVIII вв.), то ограничивалась в связи с внутренними геополитическими и административно-территориальными изменениями, но она дольше всех других российских территорий входит в состав Российского государства. Астрахань один из трех каспийских субъектов Российской Федерации, где наблюдается социально-политическая стабильность, толерантность и отсутствие межнациональных конфликтов (при наличии проживания более 150 национальностей и народностей). Астрахань имеет экономическую основу: Международный Морской порт Оля, транспортная развязка и т.д., кроме этого Астрахань является крупной военной базой России на Каспийском море – здесь расположен штаб и основные силы Каспийской военной флотилии и военный полигон международного значения (Ашулук), где проводятся учения стран ОДКБ с присутствием и стран Азиатского континента и Восточных государств. Известно, что сегодня Астраханская область имеет представительства (консульство Ирана, Туркменистана, Казахстана) на востоке она граничит с Казахстаном, на севере и северо-западе с Волгоградской областью, на западе с Республикой Калмыкия. Астраханская область дает выход России через Каспийское море в Иран, Индию, государства Средней Азии и Кавказа, а железнодорожный путь и автодороги связывают его с Северным Кавказом. Все эти факторы вполне могут быть основополагающими в генерировании самой идеи Каспийского региона посредством наличия научно-исследовательского потенциала и координации всех аналитических наработок и рекомендаций.

2. Проблема определения центра Каспийского региона. Известно, что после распада СССР коренным образом изменилось геополитическое положение Каспийского региона. В новом раскладе политических сил и интересов позиция России изменилась и оказалась несколько уязвимой и ослабленной, из-за суверенизации Азербайджана, Туркменистана и Казахстана. Ее границы отодвинулись на север на несколько сотен километров, а Астраханская область стала пограничной территорией, которая взяла на себя роль форпоста на Юге России на северном побережье Каспия. Рассматривая современное положение России на Каспии, мы констатируем то, что она является участником сразу нескольких геополитических регионов и это одно из главных ее преимуществ. Россия является «участником» сразу восьми геополитических регионов: Северо-Европейского региона, Восточно-европейского, Кавказского, Каспийского, Средне- и Центральнo-Азиатского, Дальневосточного (Тихоокеанского) и, наконец, Арктического. Следует отметить, что только Россия обладает таким качеством. Все остальные страны, прилегающие к берегам Каспия, являются субъектами только одного геополитического региона: Туркменистан и Казахстан – Среднеазиатского региона; Азербайджан – Кавказского региона, а Иран – региона Персидского залива. Разумеется, для координации взаимодействия между прикаспийскими государствами, их национальной безопасности, а также выработки общей цивилизационной позиции необходимо подойти к решению проблемы определения центра Каспийского региона. Мировая практика показывает что, у каждого геополитического региона имеются свои «периферии» и свой «центр» (или даже несколько «центров»). Специфика Каспийского региона заключается в том, что у него все «зоны» являются периферийными. Однако современная динамика политико-экономического развития Каспийского региона постепенно приводит к реализации идеи определения такого геополитического центра. Разумеется, для России важно, чтобы этот центр был на ее территории. В настоящее время имеются значимые основания для решения этого вопроса. Во-первых, на основании фактических данных сегодня у России гораздо больше геополитических связей и взаимодействия, чем у других участников Каспийского региона. Россия контактирует с Азербайджаном еще по Кавказскому региону; с Казахстаном и Туркменией – по Среднеазиатскому. Только Иран является единственным ее партнером, с которым у России нет больше геополитических контактов вне зоны геополитического пространства Каспия. Именно этим следует объяснять притягательность иранской направленности внешнеполитической активности России. Иран для нас сегодня – это не только последовательный и перспективный партнер по Каспию, но еще и способствующий к выходу в регион Персидского залива, – к нефтесырьевому центру Мира. Россия рассматривала Каспий всегда как один из важных пунктов маршрута через Иран к Индии. Во-вторых, на стороне данного тезиса о геополитическом центре Каспийского региона находятся исторические, географические и психологические основания. (1) Астраханская земля испокон веков всегда представляла интересы России в Каспийском геополитическом регионе; (2) Устье Волги имеют исключительное географическое значение, т.к. связывают Каспий с «материковой» Россией; (3) Астрахань в культурном и интеллектуальном плане всегда стремилась «организовать» другие субрегионы Каспия на выполнение каких-либо культурных или научных программ (имеются многочисленные примеры проведения научных форумов таких как: Россия и Восток. Философские проблемы геополитических процессов: Каспийский регион на рубеже III тысячелетия. 19–20 апреля 2001 г., I Международная научная конференция; Единый Каспий: Межгосударственное сотрудничество и проблемы экономического и социального развития. 10–11 июня 2002 г.; II Международная научная конференция; Великие реки и мировые цивилизации. 7–9 сентября 2006 г. III Международная научная конференция; Россия и Восток: проблема толерантности в диалоге цивилизаций. 3–5 мая 2007 г.,

IV Международная научная конференция; Международная Российско-Германская научно-практическая конференция «Каспийский регион в эпоху глобализации: проблемы, тенденции и перспективы международного сотрудничества» 30 сентября – 2 октября 2011 г.). Более того, в Астрахани в последнее время стали проводиться важные события, форумы и встречи на которых решаются международные проблемы, касающиеся Прикаспийского региона. Можно вспомнить в Астрахани трехстороннюю встречу президентов Армении, России и Азербайджана по вопросу улаживания конфликта в Нагорном Карабахе. В заключении следует отметить, что именно в Астрахани за последние 10–15 лет прошло больше всего научных форумов, конференций и «круглых столов» посвященных вопросам Каспийского моря, что свидетельствует: (а) об имеющихся уже научных и политических наработках в решении данного вопроса и (б) у политической и научной элит в наличии имеется постоянная заинтересованность скорейшим образом и эффективно решить задачу формирования Каспийской идеи [25, с. 79–84]. Разумеется, для поэтапного и консолидированного решения проблемы Каспия необходимо задействовать и активизировать как уже имеющиеся в нашем распоряжении наработки, так и новые идеи.

Среди ранее высказанных идей, следует отметить наиболее конструктивные, на наш взгляд, предложения российской стороны: инициативы о создании на постоянной основе межправительственного Каспийского центра, который занимался бы мониторингом природной среды Каспия. Такая инициатива поддержана Казахстаном и Азербайджаном; Иран вопрос изучает; Туркменистан готов его рассмотреть после принятия Конвенции о статусе Каспия. Администрация Астраханской области отстаивает необходимость организации данного Центра именно в Астрахани на базе астраханских научных организаций, имеющих многолетний опыт подобной работы, богатую информационную базу и необходимый интеллектуальный потенциал [19]. Нельзя забывать о том, что Астраханский регион располагается в центре Евразийской цивилизации, условно ее можно назвать православно-мусульманской, или еще более условно – славяно-тюркской, и в некотором роде представляет собой микромодель культурно-национального пространства России, что часто отмечалось и раньше в работах ряда ученых [22]. Привлекает в этом тезисе и то, что Астраханская область имеет серьезные перспективы экономического развития. Это возрождающееся судостроение, разработка богатых месторождений газа, серы, нефти, соли, строительство трубопроводного концерна, международного морского порта «Оля» и т.д. В этом плане Астрахань выглядит более геополитически дисциплинированной, т.е. приверженной идеи общегосударственного единства. Тезис о том, что «Астрахань – Южный форпост России» уже сформировался и постепенно признается соседними государствами.

В итоге в данном случае для более успешной реализации поставленных задач представителям федерального Центра необходимо сегодня проводить более активную политику России на Каспии через Астрахань (а значит и на Кавказе, и в Центральной Азии, и в зоне Персидского залива и Индии). Астрахань по нашему мнению – геополитическое будущее России на Каспии. Если Каспийский регион будет руководствоваться категориями поликультурного сознания своих государств, то это будет означать консолидацию общечеловеческих и гуманитарных ценностей. Общий предварительный вывод представленных аналитических материалов, монографий и публикаций и настоящих наших рассуждений следующий: «Астраханская область является важнейшим и до конца еще не использованным потенциалом Российской Федерации, который со временем может стать одной из центральных фигур в геополитических комбинациях ведущих стран мира, в отстаивании своих национальных интересов в данном регионе земного шара – именно Астрахань является единственным наиболее стабильным «окном» России на Каспии».

Список литературы

1. Баранов А. В. Современные политические процессы в Прикаспийских государствах постсоветского пространства : дис. ... канд. полит. наук / А. В. Баранов. – Астрахань, 2013.
2. Великий Волжский путь: прошлое, настоящее, будущее : колл. монография / под ред. академика РАН А. Г. Гранберга. – Казань, 2005.
3. Джавад З. Д. Новый вектор исследований современных геополитических процессов в Каспийском регионе в аспекте национальной безопасности государств / З. Д. Джавад, Р. Х. Усманов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3 (44). – С. 64–71.
4. Дмитриев А. В. Геополитика Каспийского региона (Взгляд из России) / А. В. Дмитриев, П. Л. Карабущенко, Р. Х. Усманов. – Астрахань : АГУ, 2004.
5. Дмитриев А. В. Юг России в миграционном и этноконфликтном измерениях : монография / А. В. Дмитриев, П. Л. Карабущенко, Г. В. Клочков, Р. Х. Усманов. – Астрахань : АГУ, 2010.
6. Жильцов С. С. Каспийский регион: новые энергетические потоки и новые вызовы / С. С. Жильцов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3 (44). – С. 71–78.
7. Жильцов С. С. Политика России в Каспийском регионе : научное издание / С. С. Жильцов. – М., 2016.
8. Жильцов С. С. США в погоне за Каспием / С. С. Жильцов, И. С. Зонн. – М. : Международные отношения, 2009.
9. Жильцов С. С. Каспийская трубопроводная геополитика: состояние и реализация / С. С. Жильцов, И. С. Зонн. – М. : Восток – Запад, 2011.
10. Жильцов С. С. Геополитика Каспийского региона / С. С. Жильцов, И. С. Зонн, А. М. Ушков. – М. : Международные отношения, 2003.
11. Карабущенко П. Л. «Восточная политика» современной России: реальность и перспективы / П. Л. Карабущенко // Проблемы управления. – 2016. – № 2 (59). – С. 111–117.
12. Карабущенко П. Л. Интеллектуальная элита и её роль в формировании современного геополитического мышления / П. Л. Карабущенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2008. – №1 (14). – С. 9–14.
13. Карабущенко П. Л. Национальная идея современной России: страна, держава, империя / П. Л. Карабущенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 2 (39). – С. 151–157.

14. Карабущенко П. Л. Элита и война: фальсификация побед и поражений / П. Л. Карабущенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 4 (45).
15. Карабущенко П. Л. Элиты и этноконфликты в геополитическом пространстве «Великого каспийского региона» / П. Л. Карабущенко // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2009. – № 3 (20). – С. 17–22.
16. Магомедов А. Большой Каспий. Энергетическая геополитика и транзитные войны на этапах посткоммунизма / А. К. Магомедов, Р. Н. Никеров. – Ульяновск : УлГТУ, 2010.
17. Магомедов А. Большой Каспий. Энергетическая геополитика и транзитные войны на этапах посткоммунизма / А. К. Магомедов, Р. Н. Никеров. – Ульяновск : УлГТУ, 2010. – С. 13–14.
18. Магомедов А. К. От Большого Каспия до Сахалина. Характер и рубежи борьбы за энергоресурсы Северной Евразии на этапах посткоммунизма / А. К. Магомедов, Р. Н. Никеров. – Ульяновск : УлГУ, 2011.
19. Маркелов К. Парламентский ресурс взаимодействия / К. Маркелов // Нефтегазовая Вертикаль. – 2001. – № 11.
20. Мухаррямов Р. Р. Борьба за энергоресурсы как фактор каспийских политических процессов на современном этапе : дис. ... канд. полит. наук / Р. Р. Мухаррямов. – Астрахань, 2013.
21. Панарин А. С. «Восточная Европа» или «Третий Рим»? / А. С. Панарин. – М., 1996. – С. 29.
22. Россия и Восток. Философские проблемы геополитических процессов: Каспийский регион на рубеже 3-го тысячелетия : мат-лы Междунар. науч. конф. (19-20 апреля 2001 г.). – Астрахань, 2001.
23. Рубан Л. С. Каспий – море проблем / Л. С. Рубан. – М. : Наука, 2003.
24. Светлов С. В. Россия и Восток: философия, геополитика, биотехнология / С. В. Светлов // Россия и Восток. Философские проблемы геополитических процессов: Каспийский регион на рубеже III тысячелетия : мат-лы Междунар. науч. конф. (19-20 апреля 2001 г.). – Астрахань, 2001. – С. 208.
25. Усманов Р. Х. Астрахань как геополитический центр Каспийского региона и южный форпост России. Проблемы и перспективы / Р. Х. Усманов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 3 (28). – С. 79–84.
26. Усманов Р. Х. Геополитика Каспийского региона в контексте региональных миграционных проблем и этнополитических конфликтов на Юге России / Р. Х. Усманов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 2 (10). – С. 17–26.
27. Усманов Р. Х. Международное взаимодействие и перспективы Каспийского региона – предварительный анализ итогов Астраханского саммита / Р. Х. Усманов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 4 (39). – С. 93–102.
28. Усманов Р. Х. Этнополитические процессы в Каспийском регионе Юга России: Тенденции и проблемы взаимодействия с Федеральным центром / Р. Х. Усманов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 3 (32). – С. 447–452.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ФРОНТИРНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ РОССИИ И США В XIX в. (НА ПРИМЕРЕ КАЗАХОВ И СИУ)

Ажниязова Залия Рафхатовна,

студентка исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Возникновение теории фронта, в первую очередь, связана с именем американского ученого Фредерика Джексона Тёрнера. В 1893 г. он представил на суд профессионального сообщества и широкой общественности концепцию «фронта» («границы») в американской истории, выступив с докладом на заседании Американской исторической ассоциации в Чикаго во время Всемирной выставки. Под фронтиром исследователь понимал границу между освоенными и неосвоенными землями и определял как «процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды» [8, с. 28]. Фронт был «местом контакта дикости и цивилизации» [8, с. 14]. Впоследствии, теория Тёрнера неоднократно подвергалась критике. Но, несмотря на некоторую однобокость подхода Тёрнера к проблеме «фронта», сам феномен «фронта» до сих пор остается актуальным для изучения. Он давно уже стал интересен не только историкам, но и культурологам, социологам, экономистам и многим другим ученым.

В XIX в. на фронтальных пространствах России, в частности в Нижнем Поволжье, и в США (Великие равнины) происходили сходные исторические процессы. Наиболее ярко подобное сходство проявилось на примере колонизации территорий казахов и индейцев сиу.

Сравнение американской и русской колонизации Великих равнин и казахской степи связывает эти завоевания с глобальным колониальным опытом XIX в. Земля, торговля и стремление к безопасности стали стимулом для расширения экспансии, а превосходство технологий, власти и численности населения в конечном итоге затмило способность коренных народов противостоять колонизации. Седентаризация вынудила оба народа отказаться от кочевого образа жизни в пользу развивающейся оседлой, сельскохозяйственной экономики.

Представления американцев об отдельных свободах и участии населения в политической жизни кажутся совершенно чуждыми России с ее самодержавной, репрессивной царской системой. США избежали революционных потрясений и авторитарных тенденций, проявившихся в Европе. Но более глубокий анализ показывает, что американская экспансия и колонизация Россией Южной Сибири и Казахской степи имели аналогичные политические, экономические, социальные и культурные последствия для коренного населения. В XIX в. США и царская Россия, две расширяющиеся державы, которые казались особенно далекими друг от друга во всех отношениях, проводили, на удивление, схожую политику внутренней колонизации.

Но нельзя говорить об абсолютном сходстве. Различий было достаточно, они были связаны со временем, географическим положением, целями заинтересованных сторон.

И русские, и американцы рассматривали сиу и казахов через призму этно-исторических стереотипов и клише, созданных их собственным чувством морального и национального превосходства. Ассимиляция стала целью обоих правительств. Но сиу и казахи ориентировали свои общественно-политические структуры на жизнь на равнинах и степях. Продолжая внутреннюю колонизацию, американцы и русские дестабилизировали эти структуры, в частности управление и землепользование, что в конечном итоге приводило к конфликтам. Поэтому для понимания последствий колонизации требуется краткое описание социально-политических структур казахов и сиу.

Сиу делились на три группы: западные (лакота)-тетон (сихасапа, оглала); центральные (западные дакота)-янктонаи, янктоны; восточные (восточные дакота, санти)-сиссетоны, вахпетоны. Между группами были лингвистические и культурные различия, но со временем из-за «смешения браков и тесных ассоциаций» различия стирались [12, с. 121].

Социальная структура сиу развивалась во время их кочевых западных охотничьих миграций в XVIII в. Община (тхиошпайе), составлявшая лагерь, объединяла семьи родных, приемных и двоюродных братьев (каждая отдельная семья проживала в своем типе, (т.е. жилище), управлялась вождом (итанчан) и советом. Несколько общин объединялись в кланы и племена [12, с. 125].

Казахи также состояли из трех делений-калледжуз, или орды, общественно-политического образования, существовавшего до начала XX в. Каждая орда – лы жуз (Великая Орда), Орта жуз (Средняя Орда) и Киши жуз (Маленькая или Младшая Орда) – имела свою родословную, историю и традиции, но сохраняла единую казахскую культуру, язык и религию.

У казахов, так же, как и у сиу, социальная организация строилась на основе кровных отношений и родства. Казахское общество в XIX в. состояло из двух основных классов: знать (ханы, султаны, тарханы, бии, баи, батыры) и простой люд (шаруа). На низшей ступени социальной иерархии находились лично зависимые кулы (рабы) и теленгу-ты [9, с. 21].

Казахи основывали управление на личной целостности, богатстве и социальном положении, возрасте и многочисленных членах семьи, готовых оказать поддержку. И, как и сиу, выказывали уважение и отводили руководящую роль воинам или молодым людям (батырам), которые проявили огромное мужество и мастерство.

И русское, и американское правительства ошибочно верили, что ханы или вожди осуществляют абсолютный контроль над своим народом. Алексей Левшин охарактеризовал положение казахов в 1830-х гг. и отсутствие соци-

альных структур, узнаваемых русскими, как свидетельство их «слабости» и «отсутствия законов», «которые приближают состояние их общества к тому, что обычно называют анархическим» [4, с. 84]. Также, например, русский турколог XIX в. Василий Григорьев, жаловался, что «нигде в мире не было у глав нации и аристократии по рождению так мало реальных сил, как у киргизских ханов и султанов. Если кто-то из них добился какого-либо влияния, он достиг этого только за счет его личного достоинства и личных качеств...» [13, с. 35].

Американцы, которые вели переговоры с сиу, часто высказывали аналогичные жалобы. В 1872 г. некий полковник Смит жаловался: «Я никогда не видел вождей и руководителей, которые так мало контролировали своих молодых людей...» [15, с. 34]. Таким образом, американцы и россияне представляли жесткую социальную иерархию, но когда они ее не нашли, они высказывали свое пренебрежение относительно сиу и казахов. Вряд ли русская и американская администрации понимали, что кочевая культура была плохо приспособлена к такой жесткой политической системе.

Поэтому в XIX в. правительства обеих государств начинают активно вмешиваться в дела кочевых народов. В этой связи интересно заявление вице-канцлера Российской империи А.М. Горчакова в 1864 г., которое, по сути, оправдало экспансию России в регионе: «Позиция России такая же, как и у всех цивилизованных государств, вступивших в контакт с поселениями полудиких кочевников, не обладающих никакой социальной организацией. В таких случаях более цивилизованное государство, как правило, вынуждено в интересах безопасности своих границ и коммерческих отношений осуществлять некоторое господство над теми, чей буйный и неуравновешенный характер делает их нежелательными соседями. В свою очередь недавно умиротворенные регионы нуждаются в защите от грабежей племен, находящихся вне закона, и т.д. Вот почему российское правительство вынуждено было насаждать цивилизацию там, где варварский способ правления вызывает страдания народа, и оберегать границы от анархии и кровопролития. Такова судьба любой страны, которая оказывалась в подобном положении» [10, с. 365].

В годы правления Александра I встает вопрос о коренной трансформации кочевого сообщества казахской степи, которое в результате больше отвечало бы интересам и потребностям имперской власти, стремившейся ввести эту отдаленную и «дикую» провинцию в правовое государственное поле. Казахи выпадали из привычного статуса – российских подданных.

О том, что статус казахов в российской социально-политической иерархии не был четко зафиксирован, говорит решение Госсювета от 7 мая 1817 г. об образовании Астраханского казачьего войска, где казахи приравнивались к «иностранцам» [6, с. 84–85]. Ставилась задача превратить казахов в полноценных подданных. Для начала следовало, с точки зрения российских чиновников, устранить ханскую власть – реликтовый институт былой независимости казахов. Автором реформы по введению казахов в «цивилизованное» правовое пространство империи стал Михаил Сперанский. По «Уставу о сибирских киргизах» 1822 г. ханская власть в Среднем жузе упразднялась. Отныне его территория административно была подчинена Омской области и получила название Области сибирских казахов [2, с. 148].

Территория бывшего Младшего жуза разбивалась на отдельные округа, управляемые особыми приказами. В эти приказы входили представители кочевой знати, а также русские чиновники. Округ делился на 15–20 волостей [2, с. 149]. Устав 1822 г. сильно ограничил традиционные нормы права у казахов, постепенно заменив их общеимперским судом.

Все дела об измене, убийстве, разбоях, барымте (грабежи и угон скота) стали разбирать военные суды. Казахов стал судить гражданский уголовный суд пограничной комиссии с участием султанов-правителей, в то время как суд биев отныне решал второстепенные вопросы и дела.

Политико-административные реформы с устранением ханской власти и отстранением от управления части султанов вызвали широкое недовольство кочевой казахской знати, которая впоследствии составила основную социальную базу антироссийских восстаний. Во главе разнородного антироссийского движения встали представители кочевой знати: Губайдулла, Саржан, Каратай, Кенесары. Многие из них даже пытались заручиться поддержкой иностранных государств: Хивы, Коканда, Китая.

В 1827–1829 гг. развернулось антироссийское восстание в Младшем жузе во главе с султаном Каип-Галием, который сделал попытку восстановить ханскую власть, опираясь на поддержку хивинского хана. Затем уже в Среднем жузе вспыхнуло восстание султана Саржана (1824–1836) за восстановление ханского престола [9]. Все эти восстания были подавлены.

Вспыхнуло крупное восстание и на территории Букеевской орды под руководством Исатая Тайманова в 1836–1837 гг., которое проходило под лозунгом борьбы за земли, отбираемые у казахов российскими властями. Характерной особенностью этого восстания было то, что в нем участвовали как простые казахи, так и знать Букеевской орды [9]. Но самым значительным восстанием в казахской степи стало восстание в 1837–1847 гг. Кенесары Касымова, начавшееся в Среднем жузе.

Характерно, что лозунгом Кенесары стала борьба за возвращение отобранных Россией земель и восстановление ханской власти. Социальную базу движения Кенесары Касымова составляли недовольные царской реформой султаны-чингизиды, а военным ядром были его родственники и батыры со своими дружинами [1].

Интересно то, что сам Кенесары вовсе и не мыслил о создании абсолютно самостоятельного казахского государства, понимая всю утопичность подобного проекта. Его целью было восстановление ханской власти и родовых порядков казахов до 1822 г. и при сохранении прежнего вассалитета в пользу России. Поэтому Кенесары вступил в длительную переписку с Николаем I, безуспешно пытаясь от него добиться выполнения своих требований. Например, в одном из писем Николаю I он писал следующее: «Полезно было бы для блага общего киргизского народа, если бы киргизский народ остался в первобытном своем положении» [1, с. 29]. Но, не добившись признания со сто-

роны России, он совершал набеги на русские караваны, нарушая тем самым русскую торговлю, а также на военные укрепления и казачьи селения.

Долгое время его военные дружины в условиях бескрайних степей были почти неуловимы. Однако, встав на путь жестоких грабительских походов в отношении нелояльных к нему казахов, Кенесары вскоре утратил ореол справедливого вождя, был схвачен и казнен [1].

Восстание Кенесары только подтолкнуло царское правительство форсировать продвижение России на юг. Сам процесс вхождения всех казахских территорий в состав России растянулся на 1860-е гг. и фактически завершился к середине 60-х гг. XIX в., когда Россия приступила к полномасштабному завоеванию среднеазиатских государств Хивы, Бухары, Коканда. После присоединения Ташкента в 1865 г. практически все казахи оказались в пределах Российской империи, и «обратились из полупокорного народа в настоящих подданных» [5].

В Соединенных штатах до 1870-х гг. отношения между сиу и американцами регулировались с помощью различных соглашений и договоров. Согласно этим соглашениям сиу уступали значительную часть своих земель. В обмен на это правительство обещало им мир, пищу, школы, военные припасы и справедливое решение всех конфликтов. Одним из таких договоров было соглашение Форт-Ларамы, подписанное в 1868 г. Оно торжественно провозглашало, что громадные территории между рекой Миссури и Скалистыми горами, являются землями сиу, и что белым запрещалось селиться там и проезжать через них [7; 14].

Шесть лет спустя, в Черных холмах (Блэк-Хилс) Южной Дакоты было обнаружено золото. Эти земли сиу считали священными. Началась золотая лихорадка, и соглашение Форт-Ларамы оказалось забытым. Соединенные Штаты хотели выкупить у сиу Черные холмы. Но сиу ответили отказом. Дикий Конь, вождь племени сиу, таким образом, выразил чувства своего племени: «Земля, по которой ходят люди, не продается» [15, с. 36].

Между тем бизоны, от которых зависела жизнь сиу, стали исчезать. Фермеры и владельцы ранчо перегораживали заборами земли, на которых паслись животные. Американцы начали охотиться на бизонов и ради спортивного интереса, и ради бизоньей кожи. В 1850 г. в прериях еще насчитывалось около 50 миллионов бизонов. К 1885 году они были практически полностью уничтожены.

К 1871 г. американское правительство пришло к выводу, что соглашения уже больше не являются подходящим средством для урегулирования отношений между белыми и индейцами, и что ни один индейский народ и ни одно племя не должны рассматриваться как независимый народ или государство [7, с. 241]. Все же разного рода соглашения продолжали подписываться, но на деле это были договоры, регулировавшие индивидуальное поведение. Американское правительство заставляло индейцев отказываться от привычного образа жизни и жить только в резервациях. Так же как казахи в России, сиу активно выражали свое недовольство, нередко выливавшееся в крупные вооруженные столкновения, которые не всегда оканчивались в пользу «завоевателей».

Так сиу нанесли американской кавалерии несколько ошеломляющих ударов. Среди их побед была битва на реке Литтл Биг Хорн в 1876 г., вошедшая в историю под названием «Последний оплот Кастера»; здесь погибла целая кавалерийская рота.

В 80-х гг. правительство пыталось решить «индейскую проблему» с помощью передачи в собственность индейцам части земли под фермерские участки. Так согласно Генеральному акту о распределении, принятому в 1887 году, каждому индейцу отводилось 160 акров для занятия сельским хозяйством [15, с. 43]. Но частная собственность не в состоянии была сотворить чудо. У многих индейцев вовсе не было желания заниматься фермерством. Земли, которые им отводились, зачастую были неплодородными. После того как каждый индеец получил свой собственный участок земли, правительство продало оставшиеся индейские земли белым поселенцам.

В 1890 г. произошел последний виток недовольства. Он был вызван быстрым продвижением поселенцев, неспособностью правительства выполнить многие заключенные им соглашения и договоры, страданиями индейцев, потерявших независимость из-за исчезновения дичи и неурожаев, распространением болезней и возмущением, которое вызвало у некоторых индейцев соглашение, сильно урезавшее размеры резервации сиу. В результате в Южной Дакоте в местечке Вундед Ни произошло кровавое столкновение между группой индейцев сиу и американским кавалерийским полком. Это сражение, в результате которого погибло более 300 чел. – в основном индейцев, – положило конец всем надеждам на то, что индейцы смогут вернуться к своему традиционному образу жизни в прериях. В итоге сиу покорились и стали жить в специально отведенных для них резервациях.

Итак, несмотря на видимые вначале различия между американской и российской экспансией, последствия для сиу и казахов на удивление схожи, и решения, разработанные правительствами США и России для борьбы с «дикими» кочевыми народами, часто совпадали. В обоих случаях колонизирующая держава выразила абсолютную уверенность в своей цивилизационной миссии путем территориальной экспансии и внедрения прогресса, процветания и стабильности, социального, экономического и политического порядка. Сопrotивление сиу и казахов, а также общие цивилизационные тенденции этих стран произвели в сознании американцев и россиян только два возможных исхода: ассимиляция или истребление. Они выбрали путь ассимиляции. На протяжении всего XIX в. попытки ассимилировать казахов и сиу оканчивались провалом. В XX в. происходит постепенное переосмысление восприятия этих народов, особенно, в США, где уже в 1924 г. Конгресс принимает Акт о гражданстве индейцев, который провозгласил гражданами страны всех индейцев, рожденных внутри территориальных пределов Соединенных Штатов.

В целом, тема исторических процессов, происходивших на фронтирных пространствах России и США как активных участников имперских завоеваний XIX в., предпринятых другими европейскими державами в Азии и Африке, как нам кажется, является одной из важнейших в современной науке. Ее изучение показывает более всеобщую

борьбу между внутренним и внешним колониализмом, между цивилизацией и варварством, между восприятием Своего и Чужого в сознании колонизаторов.

Список литературы

1. Бекмаханов Е. Б. Восстание хана Кенесары (1837–1847) / Е. Б. Бекмаханов. – Алма-Ата : Гылым, 1992.
2. Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVII и первой половины XIX века / С. З. Зиманов. – Алма-Ата, 1958.
3. История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сборник документов и материалов / сост.: Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. – Алматы : Дайк-Пресс, 2002.
4. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей / А. И. Левшин. – Алматы : Санат, 1996.
5. Леопольдов А. Отношение русских к киргизам / А. Леопольдов // Самарские губернские ведомости. Часть неофициальная. – 1852. № 5.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. – СПб., 1846. – Том XX.
7. Стингл М. Индейцы без томагавков / М. Стингл. – М., 1984.
8. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории / Ф. Дж. Тернер. – М. : Весь мир, 2009.
9. Харузин А. Н. Киргизы Букеевской орды / А. Н. Харузин. – М., 1888. – Вып. 1.
10. Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром / П. Хопкирк. – М., 2004.
11. Якушенков С. Н. Американский фронтир и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Каспийский регион. Экономика. Политика. Культура. – 2010. – № 1. – С. 109–114.
12. DeMallie R. J. "Sioux Until 1850" / R. J. DeMallie // Handbook of Native North America / ed. J. R. DeMallie, C. W. Sturtevant. – Washington : GPO, 2001. – Vol. 13, part 2.
13. Grigoriev V. The Russian Policy Regarding Central Asia. An Historical Sketch / V. Grigoriev // Notes of a Journey in Russian Turkistan, Khokand, Bikhara, and Kuldja, Eugene Schuyler. – New York, 1877. – Vol. 2.
14. Meinig D. W. Geographical Analysis of Imperial Expansion. Research Methods in Historical Geography / D. W. Meinig / ed. A. R. H. Baker and M. Billinge. – New York, 1982.
15. Sabol S. Comparing American and Russian Internal Colonization: The "Touch of Civilisation" on the Sioux and Kazakhs / S. Sabol. – Colorado : University Press, 2017.

ПРОБЛЕМА ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ АСТРАХАНСКИХ ТАТАР В ИСТОЧНИКАХ XVI–XVII вв.¹

Алиев Растям Туктарович,

*кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории
по исследованию социально-политической и культурной динамики региона Нижнего Поволжья
и Северного Прикаспия, доцент кафедры культурологии,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Вопрос репрезентации астраханских татар в контексте проблемы «встречи с Другим / Чужим» представляет собой малоизученную проблему, а учитывая тот факт, что интеграция этой тюркской этнической группы в российское социокультурное пространство происходило на территории астраханского фронта, т.е. в «особом состоянии лиминальности, в котором культурные процессы принимают совершенно новые формы, отличные от мейнстримного общества» [8, с. 9], то и сам процесс воспроизведения их образа в сознании русского общества проходило по совсем другим законам, нежели это происходило бы не во фронтальном пространстве.

Ранее мы уже поднимали проблему этнической идентификации астраханских татар [2] и пришли к выводу, что, «пройдя путь развития с XVI по XIX вв., сам термин "юртовские татары" эволюционировал из этнического до нарицательного, обозначающего служилые слои тюркского населения <...> В наши дни он снова приобрёл этническое значение» [2, с. 46]. Этот аспект очень важен в рамках данного исследования, так как он указывает на то, как этническая идентификация юртовских татар в процессе интеграции в российское социокультурное пространство репрезентовалась на различных этапах развития региона.

В таком контексте большую ценность для исследователей играют источники, в которых тем или иным способом упоминаются юртовские (астраханские) татары. Огромный пласт подобных источников мы можем поделить на два типа:

1. Записки и свидетельства иностранных путешественников и русских купцов.
2. Архивные документы, дающие представления о взаимоотношениях государственных властей с представителями астраханских татар.

Деление на эти две группы сделано нами, исходя из содержательного принципа этих самых источников. Довольно примечательно, что записки и свидетельства иностранных путешественников и русских купцов репрезентуют астраханских юртовских татар как ногайцев или родственным последним этнос. Э. Дженкинсон, английский дипломат, сообщает, что «вся земля на левом берегу реки Волги и Камы до Астрахани и далее... называется землёй мангатов или ногайцев... Во время моего пребывания в Астрахани здесь был великий голод и мор, особенно среди татар-ногайцев, которые пришли сюда отдалиться в руки русских, своих врагов, и искать у них помощи, так как их страна была разорена...» [1, с. 46].

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ 15-03-00402 (а) «Чужой / Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации».

Другой англичанин, побывавший в Астраханском крае, К. Бэрроу оставил после себя упоминание страшного пожара, который возник в «поселении ногайских татар в 3/4 мили от астраханской крепости, называемом "юртом"» [4, с. 152]. В своём свидетельстве англичанин также называет их ногайцами и подчёркивает, что они являются «вассалами русского царя» [4, с. 152]. Весьма примечателен в данном случае факт, что английские путешественники идентифицируют юртовских татар с ногайцами, называя их бывшими «врагами» русских. Таким образом, мы можем наблюдать с одной стороны чёткую идентификацию местного тюркского населения с ногайцами, а с другой трансформацию их с позиции Чужого в статус Другого, «вассала русского царя».

Немецкий путешественник, А. Олеарий оставил после себя несколько иное свидетельство об этнической составляющей данного этноса: «Здесь татарам, которые частью ногайские, а частью крымские, не дозволяется жить в самом городе...» [1, с. 69]. В данном случае, упоминание Адама Олеария юртовских татар содержит в себе попытку репрезентации юртовских татар как смешанный этнос, который состоит как из ногайцев, так и из крымских татар.

Совершенно по-другому репрезентуют в XVII в. астраханских татар русские купцы и путешественники. Так, например, Ф. Котов, который побывал в Астрахани в 1623 г. говорит: «ниже города и около него находятся татарские юрты. Все татарские жилища вкопаны в землю, обнесены плетнём, обмазаны глиной. В степи вокруг города кочуют ногаи, подвластные государю» [4, с. 192]. Данное свидетельство говорит о другом восприятии русскими астраханских тюрков. Первый важный аспект – это запрет Другому жить в городе. Котов утверждает, что татарские юрты находятся за пределами города. При этом купец чётко разделяет татар и ногаев. Первые живут оседло, вторые – кочуют. Более детальное рассмотрение образа жизни Другого Котовым и позволяет судить о разном этническом происхождении этих тюркских групп.

Иными словами, проанализировав свидетельства путешественников и купцов, можно сделать вывод, что астраханские татары репрезентовались по-разному. В записках иностранцев образ Другого целостный – в них нет попытки проанализировать этническое происхождение упоминаемого этноса. У русских же купцов XVI–XVII в. образ Другого – дискретен: в сознании россиян юртовцы и ногайцы имеют разное этническое происхождение. При этом и центральная власть репрезентовала тюркские группы Астрахани по-разному. Так, например, царь Иван IV писал в 1562 г. в ответ ногайскому бию Исмаилу, который просил московские власти выгнать астраханских мурз с их земель: «Этих князей скоро нам вывести нельзя потому, как взяли мы Астрахань, то астраханским князьям своё жалованное слово молвили, чтоб они от нас разводу и убийства не боялись. Так чтоб в других землях не стали говорить: вера вере недруг и для того христианский государь мусульман изводит» [6, с. 474]. А вот жалобы ногайских мурз на то, что астраханские татары их притесняют: «астраханские люди нас с Ываном Выродковым ссаривают...» [5, с. 292]. Сам факт подобных переписок говорит о том, что астраханские татары и ногайцы воспринимались российской властью как две разные тюркские этнические группы.

Если внешняя репрезентация астраханских татар российской властью представляет собой восприятие самого этноса как Другого, отличного от ногайцев, то и внутренняя репрезентация представлена сложной системой субэтнических групп. Так, например, в юртовской среде «чёрных» людей (зависимая от мурз часть населения) выделялись несколько социально-этнических групп. Сразу хотим оговориться, что источников по ним очень мало, а имеющиеся скудны в своей информативности. Но по имеющимся сейчас данным, в юртовской среде выделялись три подгруппы:

1. Служилые татары.
2. Ясачные (ясашные) татары.
3. Емешные татары.

Служилые татары, скорее всего, представляют собой чисто социальную страту, так как не относилась ни к табунным головам, ни к мурзам. В то же время ясашные татары являлись зависимой от мурз и табунных голов частью юртовских татар, которая платила дань. Об этом свидетельствует челобитная от сентября 1761 г.: «Бьют челом астраханские юртовские мурзы, табунные головы з служилыми и ясашными своими людьми...» [7, с. 231]. Данная челобитная была подана самим юртовскими татарами астраханским властям и даёт представление, что сами юртовцы хорошо разграничивали внутри себя отдельные группы населения. А учитывая характер феодальных отношений в XVII–XVIII вв. в юртовской среде, можно сделать предположение, что под ясачными татарами подразумевалось исконное астраханско-татарское население, решившее остаться на данной территории после присоединения Астрахани к Московскому государству.

Третьей группой юртовцев являются так называемые емешные татары или «емеки». Но источники по данной подгруппе юртовских татар крайне скудны, а то и вообще отсутствуют. И всё же в книге 1835 г. «Энциклопедический лексикон: Ара-Афо» даётся их краткое описание: «...Татары Емешные, от слова Емек, т.е. кормовые, или рабочие, суть потомки пленных, взятых Татарами Астраханскими в войнах с соседями; они жили, и теперь живут на землях, жалованных табунным головам и мурзам, которым за это служат в их хозяйстве, более по обычаю, нежели по непременному долгу и принуждению; ими управляют теперь 8 табунных голов и 4 мурзы, которые заведывают их хозяйством, разбирают маловажные споры и собирают деньги на земские повинности» [3, с. 359]. Здесь мы можем наблюдать, что и эта часть юртовцев хорошо известна в российском социокультурном пространстве и репрезентуется не просто как социальная страта зависимых людей, а как в этническом отношении разнообразная часть юртовцев («суть потомки пленных, взятых Татарами Астраханскими в войнах с соседями» [3, с. 359]).

Таким образом, мы можем наблюдать, что источники по проблеме этнической репрезентации астраханских татар хоть и скудны, но всё же содержат в себе необходимую информацию о поставленной проблеме. Юртовские татары в контексте проблемы «встречи с Другим / Чужим» чётко представлялись российскими властями как дискрет-

ный образ, состоящий из различных социальных и этнических подгрупп. При этом их отождествление с ногайским этносом отсутствовало как таковое, хотя ранние иностранные свидетельства говорят об обратном.

Список литературы

1. Алексеев В. Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге XV-XVIII вв. / В. Алексеев. – Сталинград, 1936.
2. Алиев Р. Т. Проблема этнической идентификации юртовских татар / Р. Т. Алиев // Журнал Фронтирных Исследований. – 2016. – № 3. – С. 39–51.
3. Греч Н. И. Энциклопедический лексикон: Ара-Афо / Н. И. Греч. – Санкт-Петербург, 1835. – Т. 3.
4. Кидирниязов Д. С. Ногайцы в известиях русских, западноевропейских и восточных авторов в XV–XVIII вв. / Д. С. Кидирниязов. – Махачкала, 1999.
5. Мустафина Д. А.. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. публикация текста / Д. А.. Мустафина, В. В. Трепавлов. – Казань : Татарское книжное изд-во, 2006.
6. Соловьев С. Н. Сочинения. История России с древнейших времён / С. Н. Соловьев. – М. : Мысль. 1989. – Кн. 3, т. 6.
7. Торопицын И. В. Взаимоотношения астраханских властей с привилегированным слоем астраханских юртовских татар в XVIII в. / И. В. Торопицын // Каспийский регион: экономика, политика, культура. – 2014. – № 2 (39). – С. 228–234.
8. Якушенков С. Н. «Власть земли»: формирование новой инаковости в условиях фронта / С. Н. Якушенков, О.С. Якушенкова // Журнал Фронтирных Исследований. – 2016. – № 1. – С. 9–21.

ЧЕРНОМОРСКИЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ РЕГИОН РОССИИ В СОСТАВЕ ЮЖНОРОССИЙСКОГО ФРОНТИРА: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Баранов Андрей Владимирович,

доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

Тема статьи злободневна. Историко-культурные регионы создаются, развиваются и трансформируются вследствие устойчивых взаимодействий между людьми, создающими территориальные сообщества. Основным маркером существования региона выступает устойчивая территориальная идентичность (самосознание) сообщества. Но трансформации регионов совершаются не только путём их самоорганизации, но и вследствие целенаправленной политики идентичности государств, наднациональных акторов, элит, партий и других высокостатусных акторов. На наш взгляд, в условиях воссоединения Крыма с Россией идёт становление Черноморского внутригосударственного региона, включающего в себя Краснодарский край, Республику Крым, г. Севастополь и в определённой мере Республику Адыгея. Налицо острая потребность в проведении эффективной политики идентичности, которая прочно интегрирует Черноморский регион в социокультурное пространство Российской Федерации, по сути, воссоздавая историко-культурные и геополитические реалии, существовавшие с 1783 по 1954 гг., когда Крым уже был неотъемлемой частью России. Более того, напомним, что присоединение Северо-Западного Кавказа к России развивалось за 1783–1864 гг. именно с Крымского плацдарма, который уже стал частью нашего государства.

Степень научной разработанности темы неравномерна. Исследования «ансамбля идентичностей» территориальных сообществ проводились в изучаемых регионах изолированно. На материалах Краснодарского края выполнены работы В.Н. Муха [7], под редакцией В.М. Юрченко [8]. Региональная идентичность крымчан исследована К.В. Коростелиной [5], С.А. Ефимовым [3], М.Н. Губогло и Р.А. Старченко [1], В.И. Мукомелем и С.Р. Хайкиным [6]. Соотношение идентичностей в Адыгее выявлено усилиями Г.С. Денисовой, З.А. Жаде и Л.В. Клименко [2]. Но вопрос о проявлениях субнациональной – черноморской идентичности в их трудах не ставился, поскольку данный вопрос созрел только в 2014 г.

Цель статьи – определить направленность современных трансформаций Черноморского историко-культурного региона как части Южнороссийского фронта в условиях реинтеграции Крыма с Россией (2014–2017 гг.).

Методы исследования: синхронный кросс-региональный сравнительный анализ, вторичный анализ анкетных опросов. Эмпирическая основа работы: материалы опросов 2010–2016 гг. в Краснодарском крае, Крыму и Адыгее, итоги переписей населения 2010 и 2014 гг.

Идентичность определяется как устойчивое самосознание, в основе которого – чувство принадлежности индивидов и групп к «своей» общности. Идентификация невозможна без сравнения участников общения, что позволяет им ориентироваться в мире. Идентичность сочетает два комплекса представлений: позитивный и негативный. Идентичность может быть «жесткой» или «размытой». Группы и индивиды проявляют многие виды идентичности, которые взаимосвязаны и «накладываются» (этническая и религиозная, территориальная, социально-классовая, возрастная и др.). Субнациональные идентичности могут стать одним из факторов риска для интеграции общества, либо мирно сочетаться с идентичностью гражданской. В условиях приграничного расположения и усиления враждебности геополитического окружения (Украина, Грузия, страны НАТО) происходит консолидация российской идентичности. Она должна быть подкреплена новыми смыслами региональных и локальных идентичностей – не противостоящих российской, как это подчас было в 1990-х гг., а инкорпорированных в неё на началах «единства в многообразии».

Соотношение гражданской и этнических идентичностей в Краснодарском крае характеризуется устойчивым преобладанием российской идентичности. Проверить это можно на материалах анкетного опроса (2010 г., Краснодарский край, республики Адыгея, Ингушетия и Дагестан), проведенного политологами Кубанского государственного

университета (выборка 323 чел., молодёжь) [8, с. 127–128]. Важнейшим параметром соотношения идентичностей выступает оценка российской идентичности. В Краснодарском крае гордятся ней 63 % опрошенных. Желают сменить гражданство 13 %. Считают себя «гражданами мира» 8,9 % респондентов, 20 % безразличны к российской идентичности либо затрудняются выразить отношение к ней [8, с. 127–128].

Анкетный опрос жителей Краснодарского края, проведенный В.Н. Муха в декабре 2012 г. (квотная выборка 1200 чел. старше 18 лет) доказал, что в системе идентичностей лидирует гражданская (национальная) идентичность (72,6 %), на втором месте – региональная идентичность (66 %), затем – этническая (45,5 %). Среди особенностей сообщества отмечались «особенности образа жизни» 30 %, «особый кубанский говор, балаканье» (26 %), «почитание казачьих традиций» (22 %), «кубанский характер» (13 %), «любовь к земле» (9 %). В сравнении субнациональных идентичностей преобладает локальная («единство с теми, кто живет в том же населенном пункте») – 43 %, соотношение с краем («я – житель Кубани») – 38 % и на третьей позиции идентичность «житель Юга России» – 19 % [7, с. 155]. Оценка кубанцами своей интегрированности противоречива: 42 % согласились с высказыванием «Можно ли говорить, что жители края – это единое и сплоченное сообщество, у которого есть общие интересы и традиции», 28 % отрицают, что единство существует, а 30 % затруднились ответить [7, с. 155].

Изучим материалы анкетного опроса, проведенного специалистами Южного федерального университета и Адыгейского государственного университета (Г.С. Денисовой, З.А. Жаде и Л.В. Клименко) летом 2010 г. (подвыборка 126 чел., молодежь 18–29 лет) [2, с. 87–95]. Когнитивные идентификации двух сравниваемых групп – адыгейской и русской молодежи таковы. Гражданская идентификация («я – гражданин России») характерна для 61,1 % ответов респондентов – адыгейцев и 71 % русских. Этническая самоидентификация («я – представитель своего народа») дана 57,4 % адыгейцев и 71 % русских. Конфессиональная идентичность отмечена 46,3 % адыгейцев и 19,4 % русских. Региональная идентичность («Житель Адыгеи») отмечена 50 % адыгейцев и 41,9 % русских. Для понимания социокультурного тяготения важно, что адыгейцы чаще называли себя жителями Северного Кавказа (35,2 %), чем Юга России (11,1 %). 29 % русских в республике, напротив, считали себя жителями Юга России и только 19,4 % – жителями Северного Кавказа.

Распределение ответов на вопрос: «О каких группах Вы можете сказать: Это мы»? К каким группам людей Вы себя чаще всего относите?» показывало баланс эмоциональных идентификаций. Респонденты – русские относят себя к гражданам России в 48,4 % ответов, адыгейцы – в 20,4 %. Считают себя жителями Адыгеи 25,8 % русских и 40,7 % адыгейцев. Идентифицируют себя как жителей Юга России 9,7 % русских и 1,9 % адыгейцев. Считают себя жителями Северного Кавказа 9,7 % русских и 13 % адыгейцев. Особенно показательно, что 16,1 % русских в республике назвали себя жителями Краснодарского края (среди адыгейцев таких лишь 1,9 %) [2, с. 89–93]. Следовательно, русская молодежь в Республике Адыгея проявляет преобладание общегосударственной и южнороссийской идентичности над региональной (республиканской). Для адыгейской молодежи характерно преобладание этнической и региональной, конфессиональной идентификаций. Гражданская (общегосударственная) и этнические идентичности выступают в Республике Адыгея как близкие по уровню значимости.

В постсоветском Крыму сложились три основных этнических сообщества (русское, украинское и крымскотатарское), символические границы которых во многом совпадают также с маркерами религии и языка. Они имеют контрастное самосознание и по-разному оценивают российскую идентичность. Отметим весомые изменения баланса этнических идентичностей при переписи населения в Крыму (октябрь 2014 г.). На полуострове в 2014 г. проживали 2284,8 тыс. чел., из них 96,2 % назвали свою этническую самооценку. Русские составляют 67,9 % совокупного населения Республики Крым (РК) и г. Севастополя, указавших этничность, украинцы – 15,7 %, крымские татары – 10,6 %. Еще 2,05 % жителей назвали себя татарами, что на порядок превышает уровень 2001 г. (0,57 %). Федеральная служба статистики приняла решение добавить к учётной категории крымских татар всех лиц, владеющих данным языком как родным. Не указали этничность 87,2 тыс. жителей Крыма (3,8 %), что в 8 раз больше, чем при переписи 2001 г. Этот уровень близок удельному весу жителей Крыма, не ставших гражданами РФ – 2,5 % [4, с. 121–134]. Можно предположить, что данную идентификацию избрали те немногие крымчане, которые не одобрили воссоединение с Россией. Вероятно, в условиях конфликта многие крымские украинцы добровольно сделали выбор в пользу признания себя русскими, что объясняется относительно низкой сплочённостью и слабым владением крымскими украинцами своим языком.

Отчётливо выражена локальная идентичность сообщества Севастополя, которая неполно интегрирована в общекрымскую и подчас конкурирует с последней. Севастопольцы воспринимают себя, прежде всего, как граждан России и русских. По итогам переписи 2014 г., в постоянном населении города русские составляли 81 % (в Республике Крым – 65 %), украинцы – 14,2 % (в РК – 16 %), белорусы – 1 % (в республике – столько же), крымские татары – 0,7 % (в РК – 12,6%) [4, с. 121–134]. Данные различия сформировались исторически, поскольку Севастополь – военно-морская база, средоточие сакральных смыслов русского православия.

Новейшие данные о соотношении идентичностей в Крыму даёт опрос, проведённый Независимым содружеством социологов «Открытое мнение» (апрель – июнь 2016 г., выборка 1101 чел.). Респонденты, в первую очередь, считают себя «гражданами России» (43,1 %) и «жителями Крыма» (35,3 %), «жителями планеты» (9,4 %), «жителями города, района» (8,4 %). Гражданами Украины признали себя 1,1 %. В сравнении этнических групп считают себя, в первую очередь, гражданами России 52 % русских, 28 % украинцев и 8 % крымских татар. Воспринимают себя, прежде всего, как жителей Крыма, 30 % русских, 42 % украинцев и 65 % татар. Различия этнических групп в восприятии украинской и локальной идентичностей незначительны [9, с. 11–15]. Удельный вес респондентов, считающих себя в первую очередь гражданами России, в городах Крыма 47 %, а в сельской местности – 38 %. Региональной идентич-

ности привержены в большей мере сельские жители (46 %), а не горожане (28 %). Степень оптимизма оценок политической ситуации в Крыму слабо различается по линии «русские – украинцы», но резко контрастна по оси «славяне – крымские татары». Удовлетворены положением дел в Крыму 44 % татар и 70 % респондентов всей выборки [9, с. 15, 25–27]. Отношение трех идентификационных групп к воссоединению с Россией также различается. Воссоединение поддерживают 96 % русских, 84 % украинцев и 46 % крымских татар (среди последних ещё 36 % дали неопределенные оценки) [9, с. 40–41]. Соотношение идентичностей в каждой из основных этнических групп своеобразно, а регионализм противоречив: он может быть и резервом конструирования российской идентичности (среди русских и украинцев), и конфликтогенным обоснованием неприятия «российскости» (среди части крымских татар).

Полезную информацию даёт анкетный опрос крымских татар, проведённый ВЦИОМ и Институтом социологии РАН в октябре 2015 г. Выборка – 1200 чел. Крымские татары идентифицируют себя, прежде всего, как народ (81 % ответов), жители Крыма (58 %), мусульмане (51 %). Среди опрошенных 16 % назвали себя россиянами, в том числе среди поддержавших воссоединение Крыма с Россией – 36 %. В сравнении подвыборок респондентов из разных типов поселений (г. Симферополь, средние и малые города, сёла) очевидно: исламская идентичность наиболее важна для татар Симферополя (86 % ответов), в селах её отметили 49 %, а в средних и малых городах – 44 % [6, с. 60, 62, 64, 65]. Те, кто считают веру одной из 2–3 самых важных для себя личных характеристик, менее довольны жизнью, чем считающие себя прежде всего жителем региона и гражданином России (соответственно, 66, 56 и 4 % негативных оценок). Наиболее пессимистичную оценку своей жизни дают назвавшие себя, прежде всего, народом (87 % ответов). Среди крымских татар – сторонников воссоединения региона с РФ 36 % считают важной для себя религиозную идентичность. Среди сторонников Украины таких 66 %. Наиболее влиятельна религиозная самооценка для малоимущих слоёв респондентов и тех, чей статус снизился с 2014 г. [6, с. 66, 67]. Таким образом, риски конфликта идентичностей высоки и они сосредоточены в столице, что объяснимо борьбой за власть и относительной депривацией. Этническая и конфессиональная идентичности крымских татар имеют высокую степень сочетаемости, среди них первична этническая.

В итоге исследования можно сделать выводы. Баланс национальной, этнических и конфессиональных идентичностей в Краснодарском крае устойчив, а уровень конфликтности идентичностей низок. Анкетные опросы подтверждают наличие весомой поддержки российской национальной идентичности в Краснодарском крае. Основной линией социокультурных размежеваний субъективно воспринимаются взаимоотношения этнических и конфессиональных групп. Успешный экономический рост Краснодарского края, скорее, интегрирует его в общероссийское социокультурное пространство, чем дистанцирует от центра.

Приоритетное внимание полезно уделить институтам создания общественного мнения (особенно сети Интернет, системе среднего и высшего образования). В данной связи давно назрела необходимость организации ряда высокоресурсных сайтов и интернет-форумов, продвигающих проект российской гражданской идентичности не в противовес этническим и региональным идентичностям, а в конструктивном диалоге с ними.

Определены факторы конкуренции гражданской, региональной и этнических идентичностей в Крыму. К ним относятся: приграничное расположение региона в контактной зоне цивилизаций, историческая «тропа зависимости», незавершенность социокультурной интеграции постсоветских государств, взаимоусиление этнических, конфессиональных и географических размежеваний.

Региональное сообщество Крыма – сложносоставное с достаточно отчётливым внутренним выделением русского, украинского и крымскотатарского сообществ как наиболее многочисленных и определяющих «повестку дня» конкуренции идентичностей. Но этнические, лингвистические и религиозные размежевания отчасти компенсируются, что сдерживает их конфликт. Русская этническая идентичность крымчан интегрирована в общерусскую идентичность. Вместе с тем, в современном Крыму русское этническое самосознание является не только основой региональной идентичности, но и смысловым «ядром» укрепления российской национальной идентичности. Наиболее слабы проявления украинской идентичности. Сложилась сложносоставная региональная идентичность крымчан. Соотносят себя с ней и русские, и значительная часть украинцев, белорусов, армян, греков, представителей других народов. Внутрирегиональные конфликты идентичности наиболее вероятны по линии «славяне – крымские татары».

Необходима научно обоснованная стратегия интеграции Крыма и России на основе укрепления национальной идентичности, равноправного диалога этнических и конфессиональных сообществ. Ресурс её прочности – интеграция этнических и конфессиональных групп Крыма в российское общество, создание механизмов согласования и представительства групповых интересов.

Приоритетны ценности мира, межетнического и конфессионального согласия, взаимного уважения и равноправия. На поддержание таких ценностей, противодействие нетерпимости должна быть направлена как государственная информационная политика, так и деятельность научных и педагогических сообществ, национально-культурных объединений, этнических элит. Региональная идентичность должна быть переосмыслена в качестве важного ресурса укрепления российской интеграции. Необходима последовательная политика социокультурной интеграции Черноморского региона в российском обществе на основе принятия приоритета российской национальной идентичности, создания диалоговых механизмов согласования и представительства этнических и конфессиональных интересов в пространстве публичной политики, сплочения региональных сообществ на новой, общенациональной основе.

На наш взгляд, ресурсами такой политики идентичности может стать позиционирование Черноморского региона как исторической колыбели российской государственности (факты принятия христианства великим князем Владимиром в Херсонесе и существования Тмутараканского княжества), пространства памяти о беспримерном героизме россиян при обороне Севастополя в 1854–1855 гг. и во время Великой Отечественной войны. Черноморский регион

с точки зрения приоритетов исторической политики – это южный щит державы, место славы и патриотизма. Разумеется, такие смыслы должны быть подкреплены экономической реинтеграцией региона, которая усилится после введения в строй Керченского моста. Необходима последовательная и непреклонная стратегия подъёма доходов крымчан до среднерегионального уровня, сдерживания социальной дифференциации. В этнополитическом и конфессио-нальном аспектах целесообразно позиционировать строительство российской гражданской нации как надэтнический и секулярный проект, вместе с тем, предполагающий не изолированное развитие идентичностей и сообществ их носителей, а интеграцию таковых.

Список литературы

1. Губогло М. Н. Языковая жизнь и региональная идентичность крымчан – оплот антиукраинизации (из опыта этносоциологических исследований в Крыму 2013 г.) / М. Н. Губогло, Р. А. Старченко. – М. : Ин-т этнол. и антропол. РАН, 2014. – 72 с.
2. Денисова Г. С. Роль этнического фактора в формировании региональной идентичности населения Республики Адыгея / Г. С. Денисова, З. А. Жаде, Л. В. Клименко // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. – 2011. – Т. 7, № 2. – С. 87–95.
3. Ефимов С. А. Некоторые социологические штрихи к вопросу об идентичности крымчан / С. А. Ефимов // Вопросы развития Крыма : науч.-практ. дискус.-аналитич. сб. – Симферополь : СОНАТ, 2012. – С. 221–227.
4. Итоги переписи населения в Республике Крым / пред. редкол. А. Е. Суринов. – М. : Статистика России, 2015. – 279 с.
5. Коростелина К. В. Научно-теоретические проблемы изучения социальной идентичности / К. В. Коростелина. – Симферополь : ДОЛЯ, 2003. – 360 с. – (Вып. 2. Исследование социальной идентичности на пути к примирению в Крыму).
6. Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «крымской весны»: трансформация идентичностей / В. И. Мукомель, С. Р. Хайкин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2016. – № 3. – С. 51–68.
7. Муха В. Н. Русский этнос в полиэтничной среде: особенности самосознания и структура социальной идентичности В. Н. Муха. – Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 2014. – 172 с.
8. Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтничного социума (на материалах Юга России) / под ред. В. М. Юрченко. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2011. – 244 с.
9. Проект «Открытое мнение – Крым-2016». Краткий аналитический отчет по итогам исследования. Версия от 15.07.2016. – М. : Открытое мнение, 2016. – 45 с.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЮЖНОРОССИЙСКОГО ФРОНТИРА

Вартумян Арушан Арушанович,

доктор политических наук, профессор,

Институт сервиса, туризма и дизайна (филиал)

ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет» в г. Пятигорске, г. Пятигорск

Несмотря на то, что термин «фронт» имеет западное происхождение, несмотря на то, что с его помощью описывались, прежде всего, разнообразные феномены исторического прошлого США, этот термин может играть важную роль и для осмысления российской истории. Важность эта заключается в том, что история становления России и США имеет немало исторических параллелей (обе страны были созданы путем колонизации), что предоставляет отечественным исследователям новые возможности для проникновения в сущность сложных и неоднозначных социально-культурных и геополитических феноменов, сопровождавших становление российской государственности на южных её рубежах.

При обращении к исследованию истории северокавказской окраины Российской империи, данное понятие используется для обозначения не только пограничной линии или территории между сопредельными государствами, но и для выявления характера взаимодействия на этой территории, при котором население, социально-политические и иные институты, представляют собой своеобразную среду «фронта» [1]. Это также место особенного коммуникативного знакомства культур и цивилизаций, где происходила реализация (в многоуровневом формате) климатических, военных, политических, этнических, религиозных и иных аспектов в ситуации пограничной неопределённости. Поэтому присоединение Северного Кавказа к России не следует сводить к банальному приобретению новых территорий и подданных.

Процесс колонизации данной части империи был многомерным, поскольку северокавказский «фронт», раскинувшийся от моря до моря, был не просто линией соприкосновения двух цивилизаций или культур разного уровня и направленности развития, он был пространством коммуникативного взаимодействия, находившегося долгое время в состоянии неопределённой проявленности и не выявленного доминирования.

Первоначальным приближением российского мира к Северному Кавказу было самостоятельное движение частных лиц, пускавших на свой страх и риск на поиски лучшей доли, которой они не могли получить в рамках существовавшей государственности. Этими людьми были те, кто впоследствии получили название вольных казаков, выступивших в роли пионеров-колонизаторов, расселявшихся по левому берегу Терека.

Без государства и вне государства казакам пришлось испытать немало превратностей на первоначальном этапе их контактов с кавказским миром. Кроме того, окружавшая новопоселенцев климатогеографическая и социальная среда северокавказского «фронта», где переселенцы пытались строить своё новое сообщество, оказались настолько враждебными и незнакомыми, что поставили перед казаками вопрос об их адаптационных возможностях.

Экологическая обстановка в пространстве Северного Кавказа обладала столь большим и неожиданным для пионеров-поселенцев разнообразием, преподносила столько сюрпризов, что новопоселенческая масса пережила

своеобразный шок привыкания. В этой связи надо согласиться с Т.М. Барреттом в том, что «в мире насчитывается лишь несколько регионов с такой контрастной и разнообразной природой: бесчисленные микроклиматические зоны вершин и подножий гор, смена циклов наводнений и засух в долинах, контрастные сочетания гор со степью – почти что пустыней вдоль Каспийского моря – и болотистыми низинами Терека» [2].

Как в своё время для Америки отмечал Ф. Тёрнер, вся обстановка фронта на первых порах оказывала слишком сильное воздействие на колониста: он должен был либо принять все предъявляемые условия, либо погибнуть [3].

В северокавказских реальностях вольная казачья масса, предоставленная самой себе, вырабатывала самостоятельные жизненные практики, черпая многое из механизмов быта горских народов. Кто-то, как те, кто поселился в непролазной глуши низового течения Терека, недостижимой ни для какой погони, «нашли себе стоянки, с обильными угодьями для рыбного и охотничьего промысла» [4].

Специфические условия существования нижнетерских казаков привели к выработке в их среде специфических адаптационных инструментов. Необходимость вынудила их вступать в постоянные контакты с местным кавказским населением, что привело к зарождению особого типа отношений – куначеству. Как отмечает исследователь истории Северо-Восточного Кавказа Н.Н. Гарунова: «Кунаки были взаимно связаны долгом гостеприимства, и в каждой казачьей станице можно было встретить семьи, которые заводили друзей в горских аулах из числа местных жителей и называли друг друга кунаками. <...> Они часто приезжали друг к другу в гости, дарили подарки, а в случае надобности оказывали взаимную помощь во время сельхозработ. Кунаки гордились своей дружбой и передавали её детям» [5].

Ещё одной адаптационной специфичностью терских казаков, которые представляли собой преимущественно мужское население, было умыкание невест у горских племен. Такие браки «составляли в стародавнее время самое заурядное явление, и путём смешения образовался могучий тип гребенского казака и казачки» [6]. С другой стороны, заселение казачьих городков представителями и представительницами горских этносов способствовало сближению казаков с горским миром, «переимчивости» у горцев полезных навыков в укладе жизни.

Длительный исторический период сосуществования, частые контакты и метисация оказали заметное влияние на формирование психического склада терско-гребенского населения. В.И. Козлов по этому поводу отмечал, что «психический склад терских казаков, считающихся частью русского народа, был более близок к психическому складу народов Северного Кавказа» [7].

В.А. Потто также отмечал это влияние горской жизнедеятельности и жизнеустройства на русских. Он писал: «Казаки скоро позаимствовали <...> не только боевую привычку и тактику, но приняли их вооружение, посадку и даже одежду, которая с тех пор и осталась народным костюмом кавказского казака. <...> Не довольствуясь этим, казаки постарались усвоить себе горские наречия и многие черты характера и домашнего быта» [8].

В связи с этим, можно согласиться с теми, кто считал, что в столкновении с Кавказом русский элемент не только не поборол кавказский дух, но сам заразился особым его звучанием и часто превращался если не в чуждого России субъекта, то делался субъектом, сильно «отравленным» Кавказом [9]. Грань, разделявшая казаков и горцев, была зыбкой. «Казаки испытывали немалое влияние горских соседей как в организации общинного управления и власти, так и в военном быту, вплоть до методов ведения войны, набегов и одежды» [9, с. 99].

С другой стороны, пространства Северо-Западного Кавказа, особенно Черноморское побережье и территории вдоль течения реки Кубань, дикая, с точки зрения казаков-пионеров, местность вносила коррективы не только в систему их бытования. В непривычной и жестокой для них обстановке казаки-колонисты сделали жертвами множества болезней, поджидавших их в своеобразных условиях кавказской среды.

Особенности освоения новых территорий требовали от казаков новых поселенческих практик, которых не было в их арсенале, поскольку не все из них предполагали встретить в пространстве северокавказского «фронта» столь жестокого инобытия. Кроме того, их культурный код не предполагал механизмов настройки к существованию в средах, выходивших за рамки их исторически обозримого существования. В связи с этим экологическое своеобразие кавказского пространства можно зачислить в ряд тех причин, которые воспрепятствовали быстрому освоению русским населением Черноморского побережья Кавказа. Данная территория сопротивлялась не только прежним, принесенным из иной некавказской среды способам взаимодействия с землей, но и наносила бедственные удары по иммунной системе казачьего населения.

Казачьи поселения в Черномории располагались вопреки традиционным горским, экологически выверенным схемам. Новопоселенцы, в подавляющей массе своей – степняки, оказались лицом к лицу перед незнакомыми картинами и свойствами ландшафта: кругом были горы и дремучий лес. Они стали ставить свои хаты и балаганы по низменностям вдоль рек, где никогда не селились черкесы, занимавшие своими жилищами возвышенности над болотистыми низинами, зараженными малярийными лихорадками. Казаки, напротив, поставили свои хаты и курени в самых низких местах, ниже даже уровня моря и, разумеется, в массе своей стали болеть лихорадками, которые быстро сводили их в могилу. По замечанию С.И. Васюкова, от лихорадок страдали главным образом первые поселенцы, усадьбы которых находились в ямах, между возвышенностями, среди густой, непроходимой чащи фруктовых деревьев и непременно около речки. Он приводит статистику, когда из 888 чел., населявших одну из станиц, в течение двух лет умерли 200 чел. взрослых и детей [10].

Казаки, кроме низин и впадин, располагали свои поселения на открытых местах вдоль морского побережья, часто попадавших в объятия густых туманов, пагубно влиявших на людей, домашних животных и на садовые культуры [11].

Побережье также отличалось исключительным обилием дождей, но это обилие осадков само по себе не было недостатком в силу того, что «южное солнце выпивало влагу весьма энергично, а естественные покатоки горного

рельефа отводили весь избыток влаги в реки, ручьи и море. С обилием влаги надо было научиться ладить, принимать в расчет при культивировании растений, примениться к этому новому и резкому для русских условию климата» [12, с. 240].

Но новоселы мало стремились приспособливаться к местным условиям существования, предпочитая сетовать на природу, обзывать её «казнью египетской» [13]. Переселенцы-степняки не любили ни моря, ни гор. В горном побережье продолжали вести степное хозяйство, а расчищенные в горах места под посевы зерновых называли «степью». Поселенцы были совершенно глухи к естественным требованиям природы края, не занимались ни плодовыми, ни многолетними культурами, сосредоточив все свои интересы «в степи», где находилась их пшеница и их баштаны [14].

Приверженность к своим культурным координатам и традиционным способам жизнедеятельности не позволяла новопоселенцам первого поколения не столько понять экологических особенностей северокавказского края – они их не могли не видеть, сколько выйти за рамки привычного опыта, который был бесполезен в новой среде обитания. Они предпочитали раз от разу терпеть фиаско в попытках навязать свои способы и методы природопользования совершенно чуждому им климатогеографическому пространству, чем отказаться от традиции, вне которой они не чувствовали твердой почвы естественного для них мира в чужеродном пространстве «фронтيرا».

Список литературы

1. Вартумян А. А. Северо-кавказский фронт как объект изучения политической географии / А. А. Вартумян // Современная наука и инновации. – 2014. – № 4. – С. 78.
2. Барретт Т. М. Линии неопределённости: северокавказский «фронтир» России / Т. М. Барретт // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. – М., 2000. – С. 169.
3. Тёрнер Ф. Фронтир в американской истории / Ф. Тёрнер. – М.: Весь мир, 2009. – С. 15.
4. Гарунова Н. Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной ориентации / Н. Н. Гарунова. – Махачкала, 2007. – С. 98.
5. Кульчик Ю. Г. Нижне-терское и гребенское казачество на территории Дагестана: поиск путей выживания / Ю. Г. Кульчик, З. Б. Конькова // Дагестан: Нижне-терское казачество. Научные доклады. – М., 1995. – С. 6–7.
6. Козлов В. И. Динамика численности народов / В. И. Козлов. – М., 1969. – С. 40.
7. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях / В. А. Потто. – СПб., 1885. – С. 101.
8. Лазарян С. С. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки / С. С. Лазарян. – Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2009. – С. 216.
9. Баддели Дж. Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860 / Дж. Баддели. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 27–28.
10. Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 60.
11. Васюков С. И. Русская община на Кавказо-Черноморском побережье / С. И. Васюков // Вестник Европы. – 1905. – № 6. – С. 563–564.
12. Казначеев А. В. Развитие северокавказской окраины России (1864–1904 гг.) / А. В. Казначеев. – Пятигорск: Технологический ун-т, 2005. – С. 139.
13. Кавказ и его герои. – СПб., 1903. – Кн. 1. – С. 109.

А.П. ВОЛЫНСКИЙ И «БЕСПОКОЙНЫЕ» КОЧЕВНИКИ ЮЖНОГО ФРОНТИРА РОССИИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.: ПРОЕКТ УПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫКАМИ

Кундакбаева Жанат Бековна,

доктор исторических наук (РФ и РК),

профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби,

г. Алматы, Республика Казахстан

В историографии А.П. Волынский (1689–1740 гг.) больше известен как дипломат, внесший большой вклад в реализацию политики России с Персией и на Кавказе. Так, например, в 1716 г. он возглавил посольство в Персию, результатом которого стало не только появление дипломатического представительства России в Персии, но и исследование внутреннего состояния Персии, на основе которого был составлен план завоеваний персидских провинций, лежащих на западном побережье Каспия. Между тем немаловажным представляется его кратковременная деятельность в качестве первого губернатора Астраханской губернии с 1719 по 1724 гг. Благодаря Н.Н. Пальмову в историографии является уже установленным фактом, что А.П. Волынский внес большой вклад в организацию управления калмыками [1, с. 220–333]. Между тем, современное состояние науки, в особенности введение в оборот концепта фронтiera, позволяет сегодня взглянуть на деятельность А. Волынского в Астраханской губернии под другим углом зрения.

Как известно, во втором десятилетии XVIII в. Россия приступила к расширению своего присутствия на Каспийском море и Волге. Это нашло отражение в образовании в 1719 г. Астраханской губернии (ранее входившей в состав Казанской губернии). В зоне, контролируемой Россией, г. Астрахань, стал исходным пунктом военно-политических предприятий правительства на Каспийском море и на Волге [1, с. 43; 2, с. 27]. Это означало, что закончился этап первоначального освоения территории и начался переход к оцентрованию контролируемой территории. Это выразилось в укреплении русской границы в юго-восточном направлении. В 1717 г. правительство стало строить Царицынскую линию, которая шла на 60 верст от Дона и Волги у Царицына, имела ряд форпостов и крепостей. Сложность управления краем понимал и первый губернатор Астрахани – А. Волынский, который, вступая в должность, в 1719 г.

просил Сенат о «специальной инструкции применительно к особенностям края». Инструкция была дана в июле 1720 г. Большое место в ней отводилось калмыкам. Это объяснялось тем, что они переходили от ведомства казанского губернатора к астраханскому. В инструкции «А» Волынскому предписывалось «иметь с ханом, тайшами, владельцами и простыми калмыками доброе и ласковое обхождение, пересылку и корреспонденцию...наипаче трудиться их привести в вящую верность и послушание к стороне Его Царского Величества» (Петру I. – авт.) [1, с. 48].

На протяжении первых двух десятилетий правительство, решая серьезные внешнеполитические задачи в северном направлении, использовало калмыков, с одной стороны, для охраны юго-восточных рубежей от набегов кочевых владельцев. С другой стороны, в годы коренного перелома в Северной войне (1708–1715 гг.) калмыки были серьезным сдерживающим фактором для соединения мусульманских соседей России и обеспечивали мирную обстановку на границе. Но относительная самостоятельность калмыцкого хана Аюки в отношениях с вассалом Османской империи Крымским ханством, а также с кубанскими татарами доставляло много хлопот правительству, поскольку могло оказать нежелательное воздействие на отношения России с Турцией. В этих условиях деятельность А.П. Волынского позволила России сполна решить свои задачи в регионе. А.П. Волынский наладил работу «состоящего при калмыцком хане» – руководителя особого административно-исполнительного органа при астраханском губернаторе. Важное историко-ведческое значение имеет переписка между Коллегией иностранных дел и состоящими при калмыцких делах и по вопросу о взаимоотношениях местных органов власти между собой (Калмыцких дел» и Астраханской губернии), их иерархии. В указе Коллегии 1720 г. Д. Бахметеву, состоящему при Калмыцких делах, указывалось о нарушениях-«продерзости», которые допустил его сын, будучи в Красном Яру: продавал казенное питье, требовал к себе людей из Астраханского гарнизона и хотел командовать ими, чем превысил свои полномочия. Астраханской администрации И. Бахметев объявил, что он им не подчиняется, а подчиняется напрямую Коллегии. На это в указе говорилось, что «когда он служит в пределах губернии, то безо всякой отговорки надлежит ему быть в губернии во всяких делах судимому и послушным быть. Да не только ему, сыну твоему, но и тебе самому, понеже ты служилых людей под командою имеешь от губернии, к тому еще в Саратове комендант».

В указе определена была подчиненная роль Д. Бахметева губернатору Астрахани: «Без всякого прекословения быть под командою и послушанием указов от управителя губернии и в чем надлежит судимому быть, кроме дел, которые ты имеешь по указам из Коллегии». В донесениях астраханского губернатора А. Волынского за 1721 г. содержатся факты многочисленных нарушений и злоупотреблений со стороны Д. Бахметева. Перечень обвинений занимает 18 пунктов, основные из них – злоупотребления служебным положением: например, «построил себе хоромное строение дворное из государева леса», предназначенного для других целей, использовал подвод для личных целей и платил за них подорожные из казны, отправлял по своим делам на драгунских лошадях, заставлял своих солдат, получающих государево жалование, торговать своим товаром. Несколько пунктов касаются покупки и перепродажи соли. В его обязанности входил также сбор пошлин и здесь он допустил нарушения: «убавил» юртовским татарам 30 лошадей, а пошлину забрал себе, сам торгует лошадьми и не платит пошлин, использовал в личных целях, имеющуюся в его распоряжении кассу из «конских и государевых сборов», а также саратовскую казну на калмыцкие подарки. Есть обвинения и в том, что «саратовских ремесленников заставил работать на себя бесплатно» [Донесение А.П. Волынского в КИД от сентября 1721 г. См.: 3, л.43–48.]. Но «адвокатом» Д. Бахметева стал Аюка-хан. 28 декабря 1721 г. он обратился с письмом к Петру I: «О Бахметеве деле я тебе пишу. Бахметев за напрасно страдает, вины не имеет. Прошу показать милостивое рассуждение, а недоимок пришлите ко мне, ибо он о сем зело меня скучает» [Письмо Аюки-хана к Петру I от 28 декабря 1721 г. См.: 4, л. 21]. А. Волынский, 13 июля 1721 г., не дождавшись указа из Коллегии, отстранил Бахметева от команды и определил к калмыцким делам капитана В. Беклемишева, хотя официальное назначение он получил в 1722 г. Преемником Д. Бахметева стал подполковник Никифор Львов согласно грамоте от 22 июня 1722 г. [Донесение А.Волынского в КИД от 22 марта 1721 г. См.: 3, л. 112].

Несмотря на трудности, протеже А.П. Волынского В. Беклемишев был успешный в своей деятельности состоящего при калмыцких делах. Его регулярные донесения позволяли центральному правительству иметь более или менее полное представление обо всех делах Аюки-хана. Этому в значительной степени способствовало практически безотлучное нахождение В. Беклемишева в ставке Аюки-хана. Прибыв к Аюке-хану, он прямо заявил о своей службе, целях своего пребывания, при этом, заверив хана, что будет «доносить подлинно верно». В Коллегию он писал: «Аюка-хан жить в улусах не воспрещает... но по всему видно, что бытность моя при нем неприятна и не бесподозрительна». Из других донесений видно, что Аюка-хан испробовал различные методы, чтобы отослать В. Беклемишева из своих улусов – от ласковых уговоров, (здесь «великая жара и воды худые») до прямых угроз и давления. На все его аргументы, В. Беклемишев отвечал, что без указа отъехать не смеет. Пребывание В. Беклемишева было большим уроном авторитета Аюке-хану перед сородичами: ему пришлось оправдываться перед ними, что прислан был он по его просьбе, а отъехать без указа – боится. Но калмыки поняли истинную причину и советовали хану оговорить его перед императором [Донесение В. Беклемишева от апреля 1721 г. См.: 5, л. 21]. Успеху его деятельности на этой должности в немалой степени содействовали и хорошие отношения, сложившиеся у него с А.П. Волынским. Они действительно выступали как единая команда. Во многом это объясняется тем, что он был его протеже.

Другой заслугой А.П. Волынского была создание сети осведомителей из калмыков при астраханской администрации. Об агентурной сети из калмыков мною был опубликован ряд публикаций [6, с.114–116]. В последующий период А.П. Волынский успешно решает другие задачи, которые встают перед астраханской администрацией. Согласно инструкции 1720 г. А. Волынский должен был отклонять калмыков от дружбы с турками, персиянами, крымцами и кубанцами [1, с. 49]. С другой стороны, правительство заботят и отношения калмыков с восточными соседями – ка-

ракалпаками и казахами. Еще в 1720 г. правительство «сквозь пальцы» смотрело на взаимные набеги кочевников. Так, например, из донесения в Коллегию иностранных дел «бывшего при калмыцком хане Аюке для обережения его, хана, стольника Дмитрия Бахметева» [7, л. 12; 8; 9, с. 44; 10, с. 640] от сентября 1720 г. правительству стало известно о пребывании «крымских, хивинские, кубанских, касацких послов» в калмыцких улусах. На вопрос Д. Бахметева о цели их приезда Аюка-хан ответил, что крымские и кубанские посланы с Кубани от крымского хана и просят с ним, ханом «смириться и попоном бы разменяться» [Отписка из Саратова стольника Бахметева 17 июля 1729 г. См.: 11, л. 17]. Также хан выразил опасение по поводу перспективы объединения кубанских татар с казахами и каракалпаками и опасности, которая будет исходить как калмыкам, так и русским от такого союза [11]. Лаконичен был ответ калмыцкого хана и на вопрос о хивинских и казахских послах: «приехали де хивинские послы, чтобы им с калмыками мирно быть. А про кайсацких послов сказал, что «присланы де к нему для мирных договоров и предложили, чтобы с ними касаки не воеватца».

Ровно через год положение резко меняется. В 1721 г. правительство уже иначе относится к известиям о мире между калмыками и степными народами. Это объясняется несколькими причинами: с одной стороны, в результате победы в Северной войне Россия стала великой европейской державой. С другой стороны, к этому времени азиатский аспект имперской доктрины Петра I принял более отчетливые очертания. Поэтому правительство не могло пустить самотеком отношения калмыков со степными владельцами. 17 сентября 1721 г. состоящему при калмыцких делах В. Беклемишеву была дана грамота, в которой выражено отношение Коллегии иностранных дел к известию о намерении Аюки-хана, заключить мир с казахами и каракалпаками. И В. Беклемишеву было дано задание встретиться с Аюкой-ханом и «наведаться при разговорах с Аюкой-ханом или с кем из его владельцев или через калмык...каким ради причин тот мир между ними учинен быть имеет. И не будет ли от того их мира яицким казакам и иным тамошним Его Царского Величества (Петра I. – авт.) подданным от них, каракалпак и киргиз-касаков обиды, нападения и разорения. И ежели сие от того калмыцкого хана с теми народами мир чинится, в таком случае говорил бы ему, Аюкаю-хану, чтобы они миру не делали. А он бы, Аюка-хана по верности своей к Е. И. В. смотрел и предостерегал, дабы от тех каракалпакских и киргиз-касацких нападения на яицких казаков и других подданных Его Царского Величества (Петра I. – авт.) не было. И, посылая на них, каракалпаков и киргиз-касаков, калмыцкие войска, от тех владений отвращал и до разорения не допускал» (выделено автором) [Донесения А. Волынского по делам калмыков. См.: 12, л. 23об. – 24].

После смерти Аюки-хана задачи закрепления России в регионе меняются. К тому же из-за нападения джунгар, начинается массовое движение казахов и каракалпаков к реке Урал, что обостряет отношения их с калмыками, так как начинается борьба за территорию и пастбища, а не просто получение военной добычи. В этих условиях калмыки обращаются за помощью к российской администрации: просят оружия, воинских сил. И здесь в полной мере проявляется талант А.П. Волынского как имперского технолога. А.П. Волынский, с одной стороны, откликается на просьбы калмыков. В своей служебной записке, он приводит аргументы, почему должен откликнуться: «И тамо их при таком случае надобно охранять или хуже тому, хотя один вид сделать. Дабы они, калмыки, во всяких случаях на Высокую Е. И. милость крепче были, благонадежны. А без того, они могут быть весьма безнадёжны и не будут иметь охоту под Высокой Его Императорского Величества протекцией держаться. Сверх того, ежели нужда призовет, требовать от них куда войск их, они могут сами в том, таким же образом поступать, как с ними ныне поступлено будет. А принудить их будет невозможно» [13, л. 547об.]. С другой стороны, как имперский технолог, А.П. Волынский уже в этот период Волынский не смотрел на казахов, только как на врагов калмыков, угрозу приграничным русским жителям. Он смотрел на них как на потенциальных подданных. Это нашло отражение в служебной записке «о касаках» от 10 июля 1724 г. в Кабинет Его Царского Величества (Петра I. – авт.), Правительствующий Сенат и Коллегию иностранных дел. А. Волынский, согласно записке, намеревался «отправить от себя из дворян» посланника «с объявлением, дабы они ведали, что калмыки – подданства Его Царского Величества (Петра I. – авт.), и для того, чтобы они, касаки, когда к ним, калмыкам, в такое ближнее соседство пришли, войны с ними не имели. При том объявить им, что ежели они будут с ними неприятельски обходиться, то ведали, что с ними поступлено будет от Его Царского Величества (Петра I. – авт.) как с неприятелями, и что река Эмба от нас не в дальнем расстоянии, где они и места себе не сыщут» [13, л. 546.]. В этой записке нашло отражение два важнейших принципа политики России по отношению к своим подданным.

Первый – все находящиеся в подданстве народы должны чувствовать, что они находятся под защитой России и чтобы об этом знали соседи. Посылая дворянина к казахам, А. Волынский смотрел и дальше: «а между тем велит смотреть (посланнику. – автор), не будет ли оной народ добровольно Его Царского Величества (Петра I. – авт.) протекцию желать. И буде к тому склонность покажут, то велит их тем, под рукою обнадежить, токмо, чтоб они сами о том просить, знатных своих прислали» [13, л. 546 об.] (выделено – авт.).

Второй принцип нашел отражение в записке в следующей формуле: «и на калмык бы мы в руках имели бы палку, также и на башкирцев, понеже они одни другому, зело противны». В качестве аргумента приводится ситуация с калмыками летом 1724 г. «Ныне ханшино противное намерение утихло, понеже идут на них, калмык, касацкие и каракалпакские войска великим собранием, и для того им, калмыкам, ныне о прежней безделице не досужно думать» [13, л. 547] (выделено – авт.).

Заботы и планы местной администрации относительно калмык в этот период, дают возможность увидеть представление 12 апреля 1724 г. А. Волынского в Сенат «О состоянии калмыцких дел». Представление Волынского обсуждалось в Сенате, в присутствии Петра I [1, с. 221]. После обсуждения, А. Волынскому была дана инструкция от-

носителем предстоящих выборов калмыцкого хана, датированная 2 мая 1724 г. В представлении наряду с вопросами внутреннего устройства Калмыцкого ханства, А. Волынский спрашивал Сенат и о внешнеполитических проблемах. Так, в частности, А. Волынский отмечал, что серьезную угрозу для калмыков составляют каракалпаки, которые после продолжительной войны с джунгарами потеряли свои кочевья и вплотную приблизились к кочевьям Доржи Назарова у р. Урал, заставив придвинуться ближе к Волге. Каракалпаки «зело боятся» не только калмыки, так как «в такое ныне слабое состояние пришли, что собою противиться никому не могут». Но от каракалпаков грозит опасность и русским: «каракалпаки уже к Красному Яру и подбегали, со сто человек, и были от города в четырех верстах». Вследствие этого А. Волынский просит Сенат обеспечить его тысячей нерегулярного войска, которое предлагает взять из г. Ярославля. Он просит выделить оттуда хотя бы четыре батальона и перевести их в Казань [1, с. 221].

В инструкции, которая содержала подробные изъяснения по каждому пункту, представленному А. Волынским, относительно вопроса о внешних сношениях калмык был дан следующий ответ: «В случае если бы недовольные владельцы, вступив в соглашение с крымцами и кубанцами, пошли войной на остальных калмыков; если бы каракалпаки, воспользовавшись неурядицей среди калмыков, повели на них наступление; наконец, если бы хунтайджи стал бы чинить наступление», – во всех этих случаях губернатору предоставлялось право «поступать с оными действием воинским; ему предписывалось: «действие чинить, не отписываясь. В подкрепление линейных войск, давались донские казаки от 2 до 3 тысяч человек» [1, с. 224–225; 8, с. 41].

Наделенный самыми высокими полномочиями 5 июня 1724 г. А. Волынский выехал из столицы в Саратов. Главной задачей для него было взять от владельца Доржи Назарова в аманаты сына и реверс о верной службе. В таких условиях, российской администрации, озабоченной водворением порядка в ханстве, самой пришлось решать сложные задачи по охране восточных рубежей государства.

Таким образом, рассмотрев кратковременную деятельность А.П. Волынского в качестве губернатора Астраханской губернии, можно сделать вывод, что она была весьма плодотворной в освоении юго-восточного фронта Российской империи. Своей гибкой политикой в отношении калмыков в период чрезмерной централизации власти в период правления Аюки-хана, в период междоусобицы после его смерти, борьбе за пастбища с восточными кочевниками А.П. Волынский обеспечил относительно быстрый переход от первоначального освоения региона к административной ассимиляции.

Список литературы

1. Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков: Ограничительные мероприятия правительства в отношении к калмыкам / Н. Н. Пальмов. – Астрахань, 1929. – Ч. 3–4.
2. Каппелер А. Россия – многонациональная империя / А. Каппелер. – М. : Прогресс-Традиция, 1997. – 343 с.
3. Донесения в КИД астраханского губернатора А. Волынского // АВПРИ. – 1721. – Ф. 119. – Оп. 119/1. – Д. 6.
4. Листы к императору Петру I, к канцлеру Головкину от калмыцкого хана Аюки и от прочих калмыцких владельцев // АВПРИ. – 1721. – Ф. 119. – Оп. 119/1. – Д. 2.
5. Донесения в КИД и письма к канцлеру Головкину от пребывающего при калмыцком хане Аюке капитана Вас. Беклемишева // АВПРИ. – 1723. – Ф. 119. – Оп. 119/1. – Д. 8.
6. Кундабаева Ж. Б. «Знаком милости Е.И.В...». Россия и народов Северного Прикаспия в XVIII веке / Ж. Б. Кундабаева. – М. : АИРО-XXI – СПб. : Дмитрий Булавин, 2005. – 304 с.
7. Стольник Бахметьев Дмитрий Ефремович был послан «по присланной де в Казань Великого государя грамоте... и велено быть при Аюке-хане калмыцком с служилыми людьми в зиму и лето всегда неотлучно». Он прибыл к Аюке-хану в декабре 1715 г. // АВПРИ. – 1720. – Ф. 119. – Оп. 119/1. – Д. 5.
8. Бакунин В. М. считает, что он был послан в заволжские степи для охраны русской границы от набегов кочующих народов и на помощь калмыцкому хану Аюке против кубанского солтана Бактагирея / В. М. Бакунин // Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1995. – 153 с.
9. Батмаев М. М. Документальные материалы архивного фонда «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе» как источник по истории Калмыцкого ханства / М. М. Батмаев // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи по их изучению на современном этапе. – Элиста : Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики при Совете Министров Калмыцкой АССР, 1987. – 139 с.
10. Трепавлов В. В. История Ногайской Орды / В. В. Трепавлов. – М. : Восточная литература РАН, 2002. – 752 с.
11. Донесения в КИД бывшего при калмыцком хане Аюке для сбережения его, хана стольника Д. Бахметева // АВПРИ. – 1720. – Ф. 119. – Оп. 119/1. – Д. 7.
12. Донесения в КИД астраханского губернатора А. Волынского // АВПРИ. – 1722. – Ф. 119. – Оп. 119/1. – Д. 5. – Л.23 об.–24.
13. Книга, содержащая журнал бытности астраханского губернатора А. Волынского при калмыках по отъезду его из Астрахани в Казань // АВПРИ. – 1723–1725. – Ф. 119. – Оп. 119/1. – Д. 6.

**«АЗИАТСКОЙ НАРОД» ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ГЕНЕРАЛОВ: ОПЫТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
«ПЕРСИДСКОГО КОРПУСА» С НАСЕЛЕНИЕМ ПРИКАСПИЙСКИХ ПРОВИНЦИЙ В 1723–1735 гг.**

Курукин Игорь Владимирович,

*доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России,
средневековья и нового времени Историко-архивного института,
ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва*

Указ от 10 ноября 1733 г. требовал от командующего российским корпусом в Закавказье генерал-аншефа В.Я. Левашова дать ответ на два принципиальных вопроса: 1) смогут ли его войска при «искусных командирах» и «добром состоянии» солдат и офицеров действовать наступательно; 2) можно ли в случае активных военных действий рассчитывать на помощь сына тарковского шамхала и других местных «владельцев» в будущих боях с турками, «ежели тамошней народ подарками и обнадеживанием милости в службу присовокупить».

Только что по Рештскому договору (январь 1732 г.) империя ради «вечной соседственной дружбы» уступила Ирану «новоприсоединенные» после Персидского похода Петра I провинции Гилян и Астарту «по Куру реку» – в обмен на беспопытную торговлю и амнистию всем, кто служил русским. Война за польское наследство (1733–1735 гг.) и перспектива большой войны с Турцией заставили решать судьбу оставшихся владений – полосы приморского Дагестана и северного Азербайджана с Баку.

Высшие чины корпуса (генерал-лейтенант И.М. Леонтьев, генерал-майоры А. де Брильи, И.И. Бибииков, А.Б. Бутурлин, Д.Ф. Еропкин) в поданных письменных мнениях были единодушны: «уповать» на местных ханов и «знатных» невозможно, поскольку они «народ весьма непостоянный». Дагестанские же «владельцы» «много обещали, но ничего не исполняли», а порой и исполнить не могли, поскольку подданные их «не слушают». При столкновениях войск с единовольцами-крымцами горцы «смотрели того, чья будет сильная, и ежели, от чего боже сохрани, случилось нашей стороне нещастие, то б оные первые были на нас» [8, л. 33–38, 38 об.–40, 41–43 об., 44–47, 47 об.–50, 51–53 об.].

В.Я. Левашов в донесении от 25 января 1734 г. подвёл итог обсуждению: «собрание азиатских войск» без поддержки регулярных частей бесполезно и даже опасно – «готовых себе неприятелей получим, понеже азиатской лехкомысленной народ всегда сильной стороны смотрит и по неблагодарствию ни на какие обдолжения не взирает». «Милости» и деньги расточать на них бесполезно, можно лишь давать «невеликое» жалование, «чтоб от рук не отходили». Его корпус, несмотря на некомплект, готов выполнить приказ о наступлении на турецкую Шемаху – но чем и как содержать войска в «отдаленных краях», если даже бескровное занятие богатой провинции Гилян обернулось «безчисленным убытком»? Нет надежды и на «армянских христиан» – они храбро сражаются с турками в горных теснинах, но их силы разъединены, начальники «величавы и завистны» и не могут избрать единого авторитетного «владельца» [8, л. 54 об.–55, 56–57 об.].

Левашов служил на юге, начиная с 1723 г. и знал, что говорил. Десять лет назад ему удалось подавить «бунты», вспыхнувшие после объявления прикаспийских провинций российскими владениями, учредить военную администрацию, привлечь на службу местных мулл, переводчиков и «шпионов», принять на службу конные армянский и грузинский эскадроны. Местная знать – «юзбаши и беки» – сохраняли при условии лояльности свои земли, и иногда и посты.

Однако генерал понимал, что российское господство непрочно: «Под пеплом искры тлеютца» – писал он в декабре 1730 г. императрице Анне Иоанновне [5, л. 335 об.]. Местные ханы и султаны боялись российских солдат и их начальников, но при их отсутствии перебежали во владения шаха или к туркам; «бунты» – вызывали ответные посылки военных «партий». Как будто уже усмирённые «злые и непостоянные народы» вновь и вновь обнаруживали неповиновение. После побед шаха Тахмаспа и его полководца Надира над афганцами и турками «почали являтца развратные и возмутительные письма, и народы шатаютца» [5, л. 23 об.].

Российские власти в Иране столкнулись с неприятием чужого господства в стране с устойчивыми традициями государственности. В.Я. Левашов в послании вице-канцлеру А.И. Остерману из Гиляна от 28 апреля 1725 г. недоумевал: «И наше им внушение и разглашение, и обнадеживание, и уграждение, и наказание, и смертные казни, и злу начальных бунтовщиков домов огнем спаление ничто пользует; и многовременное наше увещание не на благую землю, но на камень падает и не укореняетца... и весьма здешней развратной, а особливо отдаленной народ в совершенное покорение и послушание приводить трудно, но разве только умножением людей сие укротить можно» [1, л. 8–9]. Ему вторил тогдашний командир корпуса М.А. Матюшкин – в 1726 г. писал в Коллегию иностранных дел о том, что «народ непостоянства, лжи и недоброжелательства наполнен» [2, л. 3]. Сменивший Матюшкина князь и генерал-аншеф В.В. Долгоруков также не понимал «персидскую самую глупость и слабую надежду и суеверие»: отчего они довольны победами завоевателей-афганцев над турками, но не желают принять «протекции российской» [3, л. 4 об.]?

В 1729 г. на площади Решта был повешен за ребро «главный бунтовщик и всенародной развратник» Хаджи Мухаммед. «Удивительно о поганом здешнем народе!» – сокрушался в донесении к Долгорукову по этому поводу Левашов, – Ведая онго плута по достоинству к наказанию, со всех сторон многое множество народу собралось, и многие, утаеваясь под боязнию, вздыхали и плакали, ибо всех поморских краев якобы о избавлении от России надежда на онго была». Сам же генерал стойкость «бунтовщика» объяснял тем, что тот брал пример с атамана Стеньки Разина, который якобы гостил у его отца, а самого Мухаммеда называл «сыном» [4, л. 10–10 об.].

В обращениях к населению Левашов придерживался сформулированной ещё в 1723 г. в Коллегии иностранных дел официальной позиции. Она гласила: «бунты» вызывают бывшие персидские начальники, которые, «лишась лихоимственного их лакомства, стали развращать людей разнovidными страхами и привели их в такое замешательство, что российские командиры принуждены были приводить оных в покорность вооруженною рукою». Но сам генерал в лояльность новых подданных не верил. Сдавая в 1733 г. командование принцу Людвигу Гессен-Гомбургскому, он полагал их «непослушание» естественным: «Народ безмерно ласкателен и каварствен и преизлихо обманывать любят и всячески ищут, какими бы ни есть возможностями ково обмануть и погубить. Но законная их к тому притчина побуждает, яко новоподанных людей, понеже известно есть, как всегда новые народы под новою державою высоко-владеющих не скоро в покойных состояниях жить привыкают» [7, л. 41 об.].

За несколько лет армии удалось навести на приобретённых землях относительный порядок. Но развернуть, как мечтал Пётр I, освоение природных богатств Ирана оказалось слишком трудным делом. Полученные доходы оказались на порядок ниже ожидаемых. Только приморские земледельческие области Гиляна и Ширвана (Мушкур, Низават, Шеспара, Бермяк) платили налоги казне, хотя и «в малом числе» по причине разорения жителей. «Горские» же территории Дагестана, кроме своих владельцев, как признавали военные власти, «не платят податей никому и платить не будут» [9, с. 71, 77, 88, 90, 92, 101, 104, 105]. Торговля бакинской нефтью сократилась из-за военных действий. Не оправдались надежды на прибыли от производства и продажи шёлка. Войска страдали от тяжёлого климата и болезней.

Контролировать горные долины и селения в Азербайджане и Дагестане военные власти в принципе не могли. Они не располагали, ни необходимым количеством войск, ни знающими местные условия и языки администраторами, ни опорными пунктами. Командующие и коменданты крепостей выдавали большими и малыми владельцами жалованье и стремились урегулировать их конфликты. Привычным средством хоть в какой-то мере обеспечить верность вольных горцев служило «аманатство», когда дети или младшие родственники местных владельцев отправлялись в резиденции российских «командиров». Большинство аманатов находилось в крепости Святого Креста: в 1733 г. там содержались 26 человек; жили они и в Дербенте; иных отвозили в Москву и даже в Петербург. Однако присяга и царские милости не удерживали горских предводителей от «измены» (за которой обычно следовало всемилостивейшее прощение); в традициях «вольной» службы и привычно номинального «подданства» эти «бунты» не представлялись ими преступлением, тем более по отношению к иноверцам. Относительно «верные» прямо говорили, что присяга «бывших бунтовщиков не довольно укрепляет, ибо оную преступить без вреда совести со всеми можно» [9, с. 108]. В 1731 г. генерал-майор Д.Ф. Еропкин подал Левашову мнение о том, что «нет пользы в аманатчиках»: во-первых, к ним постоянно приезжают родственники со «съестными припасы», и о происходящем в крепости «в горах бывает ведомо»; во-вторых, содержание аманатов не гарантирует верности их отцов и других старших родичей, а потому лучше отправлять заложников в Астрахань [6, л. 67–68].

Майор И. Гербер, сочинявший в конце 1720-х гг. описание подвластных кавказских провинций, указывал, что формально российские владения – например, «уезд Алтипара» (союз сельских общин Ахтыпара) или «Куралинской уезд» (область Кюре) – на деле таковыми не являются, поскольку «в посессию не взято, а так оставлено»; приводить же в подданство их жителей «трудно и убыточно» [9, с. 77, 105]. Хорошо ещё, что этническая и социальная пестрота Дагестана и соперничество вождей исключала возможность их согласованных действий. К тому же и лояльные владельцы не были неограниченными государями. Они могли располагать лишь своей дружиной в 200–300 сабель; в случае же масштабных военных предприятий необходимо было получить одобрение со стороны влиятельных беков и союзов сельских обществ (джамаатов). Вопрос о степени подобных ограничений – дискуссионный в научной литературе; естественно, она зависела от конкретных условий и эпохи.

В.В. Долгоруков в составленном в начале 1731 г. для императрицы Анны Иоанновны «всеподданнейшем доношении» предложил даже «и не заключа миру, выйти из персидских дел без стыда». «Сильнея и богатея нас Порта, – указывал он, – с стыдом и уроном великим выбита, и какие бедства и канфузию от персидской войны понесла, о том всему свету уже известно». Однако фельдмаршал представлял себе турецкий потенциал, и думал, что немногочисленным российским войскам удержать далёкие владения не удастся: «...или от турок, или от персиян, а выбиты будем, со стыдом и с убытком принуждены будем ретироватца и зело будем сожалеть сего благополучного времени. Персидской хомут с шеи снять случай без стыда есть» [10, с. 36–37].

29 октября 1734 г. императрица сообщила Левашову об окончательном решении «от понесенных по ныне персидских тягостей единожды освободиться». Союзный договор с Ираном был подписан 10 марта 1735 г. в лагере полководца Надира под Гянджой и возвращал «Баку и Дербент, и с подлежащими землями, деревнями, по-прежнему, Иранскому государству». Однако едва ли стоит считать эти решения принципиальным отступлением от «заветов» Петра I. Молодая империя оказалась ещё не готова к освоению и управлению отдалёнными заморскими провинциями, которые пришлось «не без великого убытку и тягости содержать» [11, № 6077].

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (далее АВПРИ). – 1725. – Ф. 77. – Оп. 77/1. – № 9.
2. АВПРИ. – 1726. – Ф. 77. – Оп. 77/1. – № 4.
3. АВПРИ. – 1727. – Ф. 77. – Оп. 77/1. – № 8.
4. АВПРИ. – 1729. – Ф. 77. – Оп. 77/1. – № 7.
5. АВПРИ. – 1730. – Ф. 77. – Оп. 77/1. – № 14.
6. АВПРИ. – 1731. – Ф. 77. – Оп. 77/1. – № 7.
7. АВПРИ. – 1733. – Ф. 77. – Оп. 77/1. – № 5.

8. АВПРИ. – 1734. – Ф. 77. – Оп. 77/1. – № 10.
9. Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. / И. Г. Гербер // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. : архивные материалы. – М., 1958.
10. Петрухинцев Н. Н. Опальный фельдмаршал / Н. Н. Петрухинцев // Родина. – 1993. – № 12. – С. 36–37.
11. Полное собрание законов Российской империи. – СПб., 1830. – Т. 8.

ИЗОБИЛИЕ РЕСУРСОВ КАК ОДНА ИЗ ЧЕРТ ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ АМУРСКОГО КРАЯ И НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)¹

Мещеряков Александр Юрьевич,

студент исторического факультета,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В начале XIX в. река Амур и прилегающие к ней территории рассматривались, как исходная точка русского влияния и значения на Востоке.

При разнообразии мнений все писавшие о новой российской политике на Дальнем Востоке сходились в одном – при соблюдении определенных условий Россию на Дальнем Востоке ожидает великое будущее. И прямой путь к этому будущему – р. Амур. В основе данных мнений имела уверенность, что центр мировой экономической и политической активности со временем переместится в Азиатско-Тихоокеанский регион [12, с. 206–240]. Достаточно вспомнить известную сентенцию М.В. Ломоносова о том, что «русское могущество прирастать будет Сибирью».

По мнению многих российских историков, определенные тенденции развития России определялись колонизацией Сибири. Исторический процесс на прилегающих территориях р. Амур привел к тому, что по обоим берегам сложились, новые культурно-исторические общности, новые экзистенциальные нормы, новая гибридная культура, отличительная от мейнстримного общества.

Нашей целью в данной статье является рассмотреть фронтир с точки зрения изобилия ресурсов. Феномен фронта имела особое место в Сибири на Амуре, а также на Юге России в Нижнем Поволжье. Помимо этого, очень продуктивно этот термин использовался российскими учеными по отношению к контактной территории в Сибири. Методологией данного исследования является, прежде всего, сама фронтирная теория. Изучение территории с точки зрения фронтирной теории позволяет использовать многочисленные методологические наработки американской истории и антропологии применительно к истории России.

Фронтир – это и сама граница, и то, что находится за ней. Фронтир является историческим процессом и одновременно определенным пространством, отличным от пространства основного – метрополии [20, с. 7–32]. В течение многих веков интенсивные межкультурные коммуникации являлись прерогативой фронтирных территорий, где сталкивались люди разной этнической принадлежности. Кросс-культурные отношения на фронтире, представлявшие собой территорию подвижной границы, отличаются особой спецификой и сложностью. Под фронтиром понимается особая система межкультурных коммуникаций, которая возникает на пространстве соприкосновения различных культур [13, с. 266–271]. Изобилие ресурсов делает фронтир притягательным для различных этнических групп, стремящихся освоить эту территорию [22, с. 4–15].

Колонизация новых земель в Сибири проходила очень активно, зона вновь колонизируемых земель постоянно сдвигалась. Возникали новые форты, поселения, города и др. Приходили новые волны переселенцев, которые стремились дальше, в сторону необжитых земель. Это явление характеризуется как «подвижная граница». Заметим, что в историческом процессе территория остается неизменной, но фронтир меняется, один перестает существовать, а ему на смену приходит другой [21, с. 73–81]. Тёрнер обращает внимание на то, что «несмотря на среду и обычаи, каждый фронтир создавал новое поле возможностей, ворота ухода от уз прошлого» [14, с. 40]. Новые территории и фронтирные земли представляют возможность начать с нуля, согласно определенному плану [18, с. 261–266].

На протяжении долгой истории можно выделить периоды, в которых на р. Амур происходило соприкосновение и смешивание двух и более разных по развитию культур. Такие локальные точки напряженности зачастую имели довольно большую временную протяженность (от нескольких десятков лет до нескольких веков) и охватывали согласно географических и этнографических данных Амурский край – пространства, находящиеся по р. Амур и ее притокам, а также побережья Охотского и Японского морей.

Нижнее Поволжье представляет собой уникальный регион, характеризующийся особым природным и культурным своеобразием. После падения Казанского и Астраханского ханств (1552–1554 гг.) Среднее Поволжье и Нижняя Волга перешли под контроль России. В результате этих действий в состав России вошла огромная территория, которая лишь номинально стала русской, так как у Москвы не было возможностей ее контролировать в полной мере [23, с. 109–115]. В конечном итоге, Нижневолжский фронтир России в XVI–XVII вв. представлял полосу фортов, призванных контролировать эту территорию [19, с. 419–422]. Как нам кажется, в Поволжье возникла ситуация, близкая к ситуации в Амурском крае.

В истории российско-китайский фронтир не только определялся заключенными договорами, но и наличием особых ресурсов (особой экономикой), особым образом жизни, политико-экономическим взаимодействием и мн. др.

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

Амурский край представляет собой уникальный регион, где на протяжении многих веков сосуществовали и смешивались самые разные народы и культуры. Начиная с глубокой древности Амур в силу своего уникального расположения и географического разнообразия, привлекал к себе разные народы севера. Формы межкультурной коммуникации различных этнических групп были самые разные: торговля, натуральный обмен, военные конфликты и мн. др.

Фронтир начинается там, где есть возможная добыча дополнительных ресурсов. Так, например, тяга северных племен – тунгусов в долину Амура и далее на юг была вполне естественной. Там было больше возможностей для развития хозяйства, там было лучше выживать, чем в тайге. О наличии такой тяги с севера на юг свидетельствуют также и археологические памятники, и позднейшая история, согласно этнографическим данным. В неолите отмечается экспансия северных племен по направлению к Гоби и далее, к району, где позднее была воздвигнута для защиты первых государств Китая от варваров Великая Китайская стена – «Каменный дракон» [10, с. 296].

Межкультурная коммуникация русских с местными народами Амурского края началась еще за два столетия [16, с. 80]. Из Якутска отправлялись первые землепроходцы для поиска «новых земель» в южном направлении, продвигаясь вверх по течению притоков Лены – Олекмы и Витима. От коренных жителей этих районов эвенков и кочевых дауров русские получили первые сведения о громадной реке Шилкар, или Чиркола (Амур), текущей на восток через районы, заселенные оседлыми даурами, монгольскими племенами, землепашцами и скотоводами, которые проживали в больших селеньях [15, с. 259]. Амур – это череда лагун, болот, ручьев, буйков и островов, которые по воде преодолевали русские колонисты. Помимо этого, естественные преимущества этой территории – изобилие полезными ископаемыми, наличие большого количества древесины и миллионы гектаров пахотных земель и пастбищных угодий [2, с. 377].

Русские и представители их историко-культурных (дальневосточные казаки), конфессиональных групп (старообрядцы) и других локальных образований являются основным субъектом аграрного и промышленного освоения дальневосточных территорий [5, с. 70–90]. Походы русских казаков и промышленников в Амурский край в XVII в. распространились на весь Амур, до его устья, и на смежное с ним побережье Охотского моря и привели к основанию во многих местах временных зимовок, земляных укреплений, деревень и города Албазина на верхнем Амуре [16, с. 80]. Эти поселения (зимовье, острог и город) становились административными центрами колонизируемых территорий, куда свозилась меховая дань с обьясаченных аборигенных племен и где взималась пошлина с добывавших и скупавших меха колонистов [6, с. 140–147]. На Амур первыми шли служилые люди, главной чертой характера была забота об общероссийской выгоде. Одним из первых посетил Даурию «промышленный человек» Аверкиев. Он добрался до места слияния Шилки и Аргуни, где начинается р. Амур. Местные жители осуществляли меновую торговлю с Аверкиевым, обменивая его товары – мелкий бисер и железные наконечники для стрел – на соболя [15, с. 259]. Вслед за казаками и промышленниками, пионерами в заселении и хозяйственном освоении Амурского края были крестьяне.

В Сибири, как и в США первые волны фронта были трапперскими и торговыми, за которыми шли шахтерский, скотоводческий и фермерский (земледелие) [22, с. 4–15]. Амур притягивал русских землепроходцев рассказами о «серебряной горе» Оджал, впервые услышанными казаками отряда Копылова Д.Е. в 1638 г. от эвенского шамана Томкони. Сведения о «серебряной горе» еще раз встречаются в 40-е гг. XVI в. в речах аборигенов, побуждая всякий раз русских к новым опасным предприятиям. Месторождения серебряных руд крайне интересовали власть Москвы как источники дефицитного сырья для чеканки монеты [9, с. 11]. Русскому первопроходцу В.Д. Пояркову, отправившегося в 1643 г. в Приамурье, были поручены «прииск вновь неясных людей», сбор ясака, а также поиски месторождений серебра, меди и свинца, по возможности, организация добычи руд и выплавки ценных металлов [15, с. 260]. Сбор ясака являлся одним из наиважнейших ресурсов при начальном освоении Сибири, можно сказать, что сыграл решающую роль в колонизации. «Это была та притягательная сила, которая побудила Московское правительство перейти за Урал и оккупировать всю территорию к востоку от него до Тихого океана» [7, с. 3]. По «Описанию новья земли, сиречь Сибирского царства» прекрасно видно, насколько хорошо к 80-м гг. русским людям были известны ресурсы берегов Амура: «Степные пахотные, добрые хлебобродные земли, черностия земля в человеческий пояс. Да на тех же степных местах многие соляные самосадные озера... И та земля зело добра, понеже изо всех государских Сибирских городов на той Даурской земли всякой хлеб родится: рож и яровой из единой меры родится; а по великой реке Амуре по берегам и по островам сам собой виноград растет кроме человеческого труда; в великой реке Амуре против Албазинского острога и вниз по тому ж рыб: белуг чистых, больших калужек, осетров, стерляди, сазанов и всякой мелкой бесчисленно много, и всякие бесчисленные ягоды родятся, иные же им имени не знати...» [4, с. 18–19]. В 1696 г. по царскому указу русским картографом С.У. Ремезовым была составлена карта Сибири с изображением районов сбора ясака, а также с расположением врагов, нарушающих порядок [3, с. 41–56].

Согласно географическим данным Амурский край очень богат разного рода металлами и минералами [17, с. 62]. Не случайно, русское правительство особенно интересовало на амурском фронтире такой эквивалент богатства, как золото, серебро, драгоценные камни, «различное узорочье», железо, медь и мн. др. Поиски рудных ископаемых велись в XVII в. по всей Сибири и уже тогда положили начало сибирской горнорудной промышленности. Активно развивался пушной промысел в Приамурье, который приносил значительную прибыль [4, с. 35]. Сибирский фронт привлекать первопроходцев ценным ресурсом – мягким золотом (пушминой), или, как его называли на Руси, – мягкая рухлядь. Добыча пушмины на фронтире была рискованна, однако приносила огромные прибыли и могла легко обогатить человека. Пушной промысел в Сибири продолжал играть важную роль в середине XIX в. [22, с. 4–15]. Не случайно, казаки собирали дань с местного населения (бурятов, тунгусов) в виде пушмины, в основном собольим мехом [8, с. 20–24].

Примечательно, что торговля пушниной и кожей осуществлялась и на другом российском фронтире – Астрахани. На Нижней Волге велась самая разнообразная торговля со странами Востока, причем не только транзитная торговля, но и торговля кожаными и шерстяными изделиями собственного производства. Вместе с тем, на земном шаре остается еще множество мест, где промысел животных (меха, кожи и т.д.) играет важную роль в региональной экономике. Особую статью доходов как в Сибири, так и на Нижней Волге составляли ловчие птицы, продажа которых, особенно иностранцам, регламентировалась особыми законами. Соколов, ястребов, беркутов и другую ловчую птицу запрещалось продавать на вывоз в Персию, Среднюю Азию и другие страны до XIX в. Подобная птица входила в число царских подарков во время посольств в страны Востока, и чтобы не снижать ценность дара, подносимого иностранному правителю от русского царя, продажа ловчих птиц за рубеж была строго ограничена.

Особым ресурсом фронтирных территорий считают рыбные запасы, особенно редких и ценных пород [22, с. 4–15]. Амур и Нижняя Волга в плане рыбных запасов и возможности выжить, прокормить себя воспринимались как территории изобилия.

Обратим внимание, что до образования официальной границы между Россией и Китаем династия Цин стремилась сохранить лояльность северных народов, потому что территориальное определение Китая зависело от того, кому будут подчинено местное население. И Россия, и Цинская империя постоянно требовали от местных народов меха и мн. др. прибыльные товары, а также распределяли свои материальные стимулы для их подчинения. Цинский центр попытался уменьшить и постепенно устранить внутренних границ на севере путем установления дипломатических отношений с некоторыми из местных народов и ослабить российское влияние. Поселения народов Амура были организованы как деревни, населенные одним или несколькими кланами. Некоторые из этих этносов считаются предками групп, которые в настоящее время признаны Китаем как «национальности» – Даур (Дауре), Хедже (Нанай), Орочен (Орчень) и Сибэ (Сив). Российское понимание коренных народов и их потенциальная полезность в качестве посредников и подчиненных появилось в конце XVI в. [1, с. 169–202].

На Амуре китайцы занимали в основном обширный и плодородный Сунгарийский край. Китайская колонизация Сунгарийского края началась более 300 лет назад. После завоевания Китая маньчжурами, потоки китайских колонистов распространились не только на ближайшую провинцию Ляодун, но и на всю центральную Маньчжурию и приморские ее части. В отношении плотности китайского населения являлись также р. Муданьцзян. Здесь китайцы расселялись исключительно по правому берегу, более пригодному для хлебопашества, отсюда же они отправлялись на ближайшие золотые прииски и занимались другими промыслами [16, с. 61–65]. Еще до 1653 г. в г. Нингуте существовала цинская военная администрация, в обязанности которой входило: охрана подвластных территорий и поддержание порядка; сбор ясака на подвластной территории; коммуникация периферии с центром и др. [11, с. 109–121]. Нингута был фронтирным городом и выступал в роли центра колонизации Северного и Южного Приамурья маньчжурами. Цинскую династию, как и многие династии Китая, можно смело назвать пограничной – империей фронта.

В свою очередь, колонизация Амура Россией в своей перспективе определяло становление там более высокого уровня общественных и экономических отношений. Русские переселенцы – трудовое крестьянство, поселялись бок о бок с аборигенами, вели активную межкультурную коммуникацию, прививали им новые, прогрессивные формы хозяйственной деятельности и культуры [4, с. 17].

Список литературы

1. Kim E. L. Saints for Shamans? / E. L. Kim // *Culture, Religion and Borderland Politics in Amuria from the Seventeenth to Nineteenth Centuries*. – 2013. – No. 56. – P. 169–202.
2. Peschurof, Permikin, Shenurin, Vasilief, Radde, Usoltzof, Pargachefski, Mr. Mitchel // *Notes on the River Amur and the Adjacent Districts. The Journal of the Royal Geographical Society of London*. – 1858. – No. 28. – P. 376–446.
3. Tolmacheva M. The Early Russian Exploration and Mapping of the Chinese Frontier / M. Tolmacheva // *Cahiers du Monde russe*. – 2000. – No. 41 (1). – P. 41–56.
4. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.) / В. А. Александров. – М.: Наука, 1969.
5. Аргудяева Ю. В. Этническая история русских Приамурья (50–80-е годы XIX в.) / Ю. В. Аргудяева // *Личность. Культура. Общество*. – 2011. – № 2 (8). – С. 70–90.
6. Артемьев А. Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. и типы оборонительных сооружений / А. Р. Артемьев // *Отечественная история*. – 1998. – № 5. – С. 140–147.
7. Бахрушин С. В. Ясак в Сибири в XVII в. / С. В. Бахрушин. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1927.
8. Брумфилд У. Кяхта / У. Брумфилд // *Родина*. – 2011. – № 12. – С. 20–24.
9. Забияко А. П. Русские и китайцы: эмиграционные процессы на Дальнем Востоке / А. П. Забияко, Р. А. Кобызов, Л. А. Понкратова. – Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009.
10. Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья и Приамурья / А. П. Окладников, А. П. Деревянко. – Владивосток: Дальневосточное книж. изд-во, 1973.
11. Пастухов А. М. Маньчжурская администрация в землях Нингуты и вассальных владениях в Приамурье (1610–1660) / А. М. Пастухов // *Общество и государство в Китае*. – 2009. – № 39 (1). – С. 109–121.
12. Ремнёв А. В. Дальневосточный реванш Муравьева-Амурского / А. В. Ремнёв // *Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Историко-архивологические исследования*. – 2007. – Ч. 2, т. 5. – С. 206–240.
13. Романова А. П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтирных территориях / А. П. Романова // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2015. – № 3 (44). – С. 266–271.
14. Тёрнер Ф. Д. Фронтир в американской истории / Ф. Д. Тёрнер. – М.: Весь мир, 2009.
15. Ципоруха М. И. Покорение Сибири. От Ермака до Беринга / М. И. Ципоруха. – М.: Вече, 2013.
16. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Том первый / Л. И. Шренк. – СПб.: Императорская академия наук, 1883.
17. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении / Н. М. Ядринцев. – СПб.: Издание И.М. Сибирякова, 1892.

18. Якушенков С. Н. Топофилия vs топофобия как когнитивные парадигмы фронтального пространства / С. Н. Якушенков // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3 (44). – С. 261–266.
19. Якушенков С. Н. Культурные процессы в гетеротопных пространствах (на примере Нижнего Поволжья) / С. Н. Якушенков // Кочевые народы юга России: Исторический опыт и современность. – 2016. – № 1. – С. 419–422.
20. Якушенков С. Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят / С. Н. Якушенков // Journal of Frontier Studies. – 2016. – № 4. – С. 7–32.
21. Якушенков С. Н. Хоррористический ландшафт Хоры, или Платон vs Тёрнера / С. Н. Якушенков, А. П. Романова // Вопросы философии. – 2016. – № 12.
22. Якушенков С. Н. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Вопросы социальной теории. – 2013. – № 2. – С. 4–15.
23. Якушенков С. Н. Американский фронт и российские аналоги в Поволжье и на Нижней Волге / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 1. – С. 109–115.

ВСТРЕЧА С ЧУЖИМ НА ФРОНТИРЕ: РОССИЙСКИЙ И ЯПОНСКИЙ ОПЫТ ФРОНТИРНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹

Павленко Надежда Владимировна,
ООО «ЛУКОЙЛ-Нижневолжскнефть», г. Астрахань

В нашем представлении сложилось восприятие Японии как гомогенного общества, в котором нет места другим народам. Да и сами японцы стараются подчеркнуть гомогенность своей культуры. Вместе с тем, история Японии – это длительный процесс взаимодействия с различными народами, издревле живущими на Японских островах. Даже краткое знакомство с японской историей дает понимание того, насколько сложна и запутанна этническая история японцев, и насколько разнообразно влияние других народов, проживавших и проживающих до сих пор на территории Японии.

И в этом плане мы вынуждены признать, что японская история, хотя и уникальна, но не значительно отличается от того исторического опыта, который был, например, у англичан, американцев, русских и т.д. Исторические источники показывают, что у японцев был свой фронт и свой очень длительный процесс фронтальной коммуникации, со своими вариантами взаимодействия с Чужим.

Как нам кажется, при всем различии в культурном ландшафте наших народов, существует множество общих моментов, которые необходимо изучать, для создания наиболее оптимальной модели культурного взаимодействия. На это указывал и российский историк С.Н. Якушенков, считающий, что «фронт – есть проявление ранее существовавших универсалий, которые в конечном итоге и «оформляют» это культурно-историческое явление» [3, с. 290].

Ну а коль скоро это культурная универсалия, то тем важнее изучить различные границы и варианты проявления этого феномена. Именно компаративистика может помочь справиться с этой задачей. Сравнивая российский и японский фронты мы можем выявить как прошлые, так и современные аспекты проявления фронта как особой культурной парадигмы. Почему именно российский фронт, и, прежде всего его нижневолжский вариант? Говоря об американском фронте, мы вынуждены анализировать относительно молодое явление, особенно если брать его в варианте освоения Дикого Запада. Нижневолжский фронт, также, как и японский фронт, имеют более древнюю историю. Кроме того, если в случае с американским фронтом XIX в. в культурном взаимодействии участвует ограниченное количество акторов, то и в нижневолжском, и в японском фронтах мы можем наблюдать огромное количество самых различных типов и видов фронта на протяжении очень длительного периода. В них (особенно это касается нижневолжского фронта) может участвовать самые различные акторы, что порождало и порождает различные виды межкультурного взаимодействия. Кроме этого, беря для сравнения с японским фронтом нижневолжский фронт, мы можем основываться уже на имеющемся опыте анализа этого феномена в региональном аспекте, проведенного С.Н. Якушенковым и О.С. Якушенковой [4]. Кроме этого, вышеуказанными авторами была проведена и региональная фронтальная типология, построенная на основе гендерного анализа [10].

В то же время фронтальные процессы в Японии еще нуждаются в осмыслении. Они весьма сложны, как в плане типологии, так и не в полной мере подкреплены доступными источниками, о чем мы будем говорить позднее. Однако, именно этот аспект и делает данный анализ весьма актуальным.

Хотя в своем исследовании мы и опираемся в основном на фронтальную теорию, предложенную Ф.Дж. Тёрнером, однако, в определении фронта мы исходим из несколько иных позиций, выраженных австрийским историком А. Каппелером, считающим, что «сегодняшнее внимание к фронту связано, прежде всего, с его опытом зоны коммуникации и взаимодополняющего экономического, социального, культурного и политического взаимодействия между обществами с различной спецификой» [2, с. 49]. Если Тёрнеровский подход к изучению фронта делал основной упор на его условиях, формировавших особого фронтального человека и фронтальные институты, которые в свою очередь повлияли на формирование современной политической, экономической и культурной системы в США, то подход, выраженный А. Каппелером и многими другими современными исследователями фронта, свой фокус внимания направляет на межкультурную коммуникацию. В этом аспекте фронт гораздо больше, чем простое освоение белыми колонистами малозаселенных земель, это взаимодействие местного и пришлого населения, это система взаимоприятия или взаимоотталкивания. Все это можно представить в виде исторических процессов или форм и видов коммуникации, т.е. изучать с помощью исторической науки или культурной антропологии. Нас будут

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ 17-33-01069 «а2»: «Встреча с Чужим: российский и дальневосточный опыт межкультурной коммуникации».

интересовать оба аспекта, так как встреча с Чужим на фронтире, хотя и в большей степени культурологична, однако она не является одновременным фактом, а весьма длительный процесс, учитывая, что и русское население на Юге России, и японцы на Японских островах – это все пришлое население, вступавшее в различные контакты с местным населением. Более того, даже те, с кем эти переселенцы соприкасались на всем протяжении своего продвижения на новые земли, не были коренным населением, а таким же пришлым, сменившим другие этнические группы, когда-то населявшие эти местности. Таким образом, можно считать, что и южный фронт в России, и японский фронт (южный и северный) – это многослойное явление.

Учитывая тот факт, что Юг России гораздо лучше изучен с исторической точки зрения, уделим внимание истории японского фронта. К сожалению, мы очень мало знаем про древнейшую историю Японии и ее первое население. Видные знатоки истории Японии С.А. Арутюнов и В.Г. Щебенков, говоря о древнейшей истории айнов, населявших Японские острова до переселения японцев, предпочитают использовать неопределенные формулировки: возможно, вероятно, откуда-то, когда-то и т.д. [1, с. 34–35]. И это понятно, ведь древнейшая история Японских островов хорошо изучена археологически, однако, еще плохо изучена этнологически и антропологически. И хотя есть все основания, чтобы связать протоайновское население с древними культурами Дзёмон (10000 – 400 до н.э.), однако, не всегда, мы можем точно утверждать, что в ряде случаев айны были не первым, а вторичным населением на островах, и столкновение айнов с местным населением происходило уже в историческую эпоху. Кроме этого следует учитывать, что где-то в районе 400 г. на Японских островах появляется население, чей хозяйственный комплекс был связан с выращиванием риса – культура Яёй (400–300 г. до н.э. – 300 г. н.э.), носителями которой были предки современных японцев, которые и потеснили айнов на периферию, особенно на самый северный остров Хоккайдо, Курильские острова и т.д. Возможно именно в этот период происходит и активный контакт айнов с другими народами, жившими на этой территории.

Среди айнов острова Хоккайдо и ряда других территорий были записаны легенды о предшественниках айнов мистическом народе коропоктуру (коропоккуру, корпокунгур, цорпок-туру, «жители землянок»). Этот народ умел делать керамические изделия, а их занятиями были рыболовство и охота. Ростом они были небольшого, ниже айнов, но очень воинственными, и часто нападали на селения айнов, уводя в плен айнских женщин [11, с. 49]. У айнов были двойственные представления о коропоктуру. С одной стороны, они представлялись айнам реальным народом, с которыми айны или вели постоянные войны, в то время как некоторые айны считали их своими предками [7, с. 3], с другой стороны, коропоктуру воспринимался айнами как мифологический хтонический персонаж. В некоторых мифах и легендах коропоктуру больше напоминали богов, чем людей [6, с. 14].

Другой пехоративный этноним, который употреблялся к этому народу, как, впрочем, и по отношению к некоторым японским и айнским кланам, был Цутигумо («земляной паук»), который обозначал мифологическое существо, напоминающее паука. Оно также было враждебно по отношению к людям, и в различных мифах айны или японцы постоянно ведут с ними войны. Эти демоны (Ёкай) обладают сверхъестественными способностями и могут поражать людей с помощью своей паутины [8; 9].

Легко заметить, что персонажи первых фронтирных контактов в народном сознании постоянно трансформируются от реальных образов до фантастических, приобретают мифологические черты. Практически тоже самое мы встречаем и на раннем этапе российского фронта, когда реальные персонажи, легко переходя в разряд фантастических, утрачивая реальные черты своих прототипов, и обрастая сверхъестественными характеристиками, что легко проследить на примере образа Боняка Шелудивого [5, с. 115–116]. Тело Чужого, будь то японский вариант фронтирной встречи, или российский (украинский), гипертрофировано. Оно легко занимает все фольклорное пространство, становясь то слишком маленьким и превращаясь в карлика, то вырастает до огромных пределов, оказываясь то монстром, то насекомоподобным существом. Но может оказаться и божеством, как это происходит в более позднюю эпоху, когда образ таинственного обитателя леса – варвара айна – вдруг оказывается в основе божества Эбису.

Список литературы

1. Арутюнов С. А. Древнейший народ Японии: Судьбы племени айнов / С. А. Арутюнов, В. Г. Щебенков. – М. : Наука, 1992.
2. Каппелер А. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII веках / А. Каппелер // *Ab Imperio*. – 2003. – No. 1. – С. 47–64.
3. Якушенок С. Н. Фронт как культурная парадигма / С. Н. Якушенок // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2015. – № 1. – С. 288–298.
4. Якушенок С. Н. Американский фронт и российские аналоги в Поволжье и на Нижней Волге / С. Н. Якушенок, О. С. Якушенок // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2010. – №1. – С. 109–115.
5. Якушенок С. Н. Чужое тело сквозь призму встречи цивилизаций, или личико Гюльчатай / С. Н. Якушенок, О. С. Якушенок // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2010. – № 4. – С. 111–116.
6. Batchelor J. *The Ainu and Their Folk-lore* / J. Batchelor. – London : The Religious Tract Society, 1901.
7. Batchelor J. *The Koropok-Guru or pit-dwellers of north Japan, and, a critical examination of the nomenclature of Yezo* / J. Batchelor. – Yokohama : Japan Mail, 1904.
8. Brinkley F. *A History of the Japanese People from the Earliest Times to the End of the Meiji Era* / F. Brinkley, B. Kikuchi. – N.Y. : The Encyclopedia Britannica Co., 1915.
9. Foster M. D. *The Book of Yokai: Mysterious Creatures of Japanese Folklore* / M. D. Foster. – Oakland : University of California Press, 2015.
10. Yakushenkov S. N. The Frontier stages typology through the prism of gender interethnic relations: the Wild West and Low Volga historical experience / S. N. Yakushenkov, O. S. Yakushenkova // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. – 2013. – № 3. – С. 304–310.
11. Zgusta R. *The Peoples of Northeast Asia through Time: Precolonial Ethnic and Cultural Processes along the Coast between Hokkaido and the Bering Strait* / R. Zgusta. – Leiden : Brill, 2015.

АСТРАХАНЬ – ФРОНТИР ИЛИ ФОРПОСТ? ПРОТИВОРЕЧИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ТЕРМИНОВ

Савельева Елена Викторовна,

*доктор исторических наук, профессор, декан юридического факультета,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Викторов Александр Геннадьевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Согласно условиям своего географического положения Астраханская область в географическом и культурно-историческом аспекте может условно быть названа фронтир-форпост. Исходя из исторического опыта определение фронтир можно сформулировать, как зону освоения расположенную на определенной географической территории, которая имеет перспективные возможности к последующему расширению и продвижению по географическим аспектам. Таким образом, форпост можно представить, как передовой аванпост фронтовой крепости [1, с. 43].

Характерность для Астраханской области истинности данных тезисов заключается в культурно-историческом и географическом аспектах формирования. Географически Астрахань – город в Российской Федерации, расположенный на 11 островах Прикаспийской низменности в дельте Волги, ранее город носил такие имена, как Хаджи-тархан, Аштархан и др.

Основным строительно-географическим объектом, подтверждающим позиции Астрахани, как Южного форпоста России является Астраханский кремль, представляющий собой каменную постройку – крепость, виде длинного узкого треугольника, протянувшегося одной стороной вдоль Волги, крепость была построена в том месте, куда в 1558 г., Иван Грозный перенес захваченный его войсками город.

В 2017 г. отмечается 300-летие со дня основания Астраханской губернии, что максимально актуализирует проблематику данного вопроса, связанного, на прямую, с развитием региона, его географическими и культурно-историческими аспектами развития.

Многокультурность и многонациональность Астрахани, сохранившаяся на протяжении длительного исторического периода, объясняется в первую очередь торговой направленностью города [4, с. 268].

Именно рассмотрение Астрахани через призму взаимодействия с «восточным миром» позволяет понять и выделить аспекты, влияющие на укоренение термина фронтир применительно к Астрахани и Астраханской области в целом, укрепившиеся за период формирования историко-культурной аспектности города. Отсюда, можно плавно вывести ряд аспектов, допускающих сращивание географических и культурно-исторических направлений.

Географическое положение города, выбранное с учетом политических и военных реалий периода становления, сыграло важную роль в развитии Астрахани в современный период. Именно этим можно объяснить географическую популярность данного региона, тесно граничащую с туристической, а следовательно, и социокультурной «популярностью», что с укреплением за сравнительный исторический период позволяет провести четкую линию взаимозависимости аспектов, формирования двух выше изложенных понятий. Это, в свою очередь, объясняется теснотой взаимодействия проходящих процессов в формировании многообразия Астрахани, как таковой.

Взаимодополняемость аспектов формирования с учетом исторических особенностей становления города и региона, подводят нас к мысли о наличии определенной синергетической зависимости ряда ключевых аспектов формирующих взаимозависимость при рассмотрении данных понятий применительно к изучаемому региону.

Однако, ошибочно будет рассматривать данную проблематику с позиции одного конкретного аспекта или их группы, поскольку сложившийся к современности исторический контекст диктует реалии современных интерпретаций терминов фронтир и форпост, как и позволяет манкировать аспектами, но только при учете современных исторических и географических реалий, сложившихся в условиях развития региона за исторический период его становления и развития [10, с. 111].

Все это подводит к четкому пониманию интерпретации терминов фронтир и форпост и их роли в становлении конкретно-исторического знания применительно к Астрахани и Астраханской области. На основе выше изложенного стоит отметить, что географическая аспектность понятия форпост, может сосуществовать с культурно-историческими аспектами, которые в совокупности составляют понятие фронтир.

Исходя из этого, Астраханскую область, можно рассматривать и как форпост, и как фронтир, в зависимости об актуализации аспектности при проведении конкретного исследования, что позволит максимально широкомасштабно охватить весь спектр вопросов, которые поднимаются и актуализируются при постановке данного вопроса, о правомерности когерентности данных терминов в условиях формирования современного научного знания по данной проблематике.

Подобная трактовка позволяет рассмотреть изучаемый регион в многообразии и масштабности, что в свою очередь даст более полную культурно-историческую и, в какой-то мере, политическую картину. На формирование которой косвенно будут влиять и географические аспекты, такие как расположение и стратегическое значение. Так и культурно-исторические, такие как многонационально ориентированность, социокультурность, толерантность и т.д. [7, с. 239].

Комплексное рассмотрение данного вопроса позволяет утверждать, что любое исследование, которое может быть начато в данной области, в виду повышенной актуальности изучаемого вопроса может стать синопсисом более крупного исследования, претендующего не только на самостоятельность, но и на наличие в нем ключевых аспектов новизны, выделяющих его из ряда других региональных исследований подборного профиля.

Хотя, подобное скрещивание и сращивание понятий, обуславливается внешним влиянием ряда факторов, можно говорить и о внутрикультурном сохранении данной направленности ввиду сложившийся исторической аспектности.

Список литературы

1. Баева Л. В. Типология и проблемы изучения южно-российского фронта / Л. В. Баева // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2014. – № 2 (22). – С. 43. – (Сер. 7. Философия).
2. Бичарова М. М. Интернациональная семья как микромодель фронта и проблемы культурной безопасности / М. М. Бичарова // Журнал фронтирных исследований. – 2016. – № 1. – С. 90–99.
3. Герасимиди Е. И. Нижневолжский фронт: культурная память и культурное наследие / Е. И. Герасимиди // Журнал фронтирных исследований. – 2016. – № 1. – С. 137–140.
4. Романова А. П. Специфика межкультурных коммуникаций на фронтирных территориях / А. П. Романова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 3 (44). – С. 266–271.
5. Романова А. П. Межкультурные коммуникации на этапе раннего фронта на Кавказе / А. П. Романова, Н. А. Ермуханова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 1–1 (51). – С. 172–175.
6. Романова А. П. Фронтирная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России / А. П. Романова, С. Н. Якушенков // Инноватика и экспертиза: научные труды. – 2012. – № 2. – С. 74–80.
7. Топчиев М. С. Особенности религиозной трансгрессии на фронтире / М. С. Топчиев, В. С. Дрягалов // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 4 (45). – С. 257–260.
8. Хлыщева Е. В. Фронт как граница между «Своими» и «Чужими» / Е. В. Хлыщева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 2 (35). – С. 237–242.
9. Хлыщева Е. В. Мультикультурализм как культурная политика фронта / Е. В. Хлыщева, З. Г. Ажигереева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2013. – № 4. – С. 238–243.
10. Якушенков С. Н. Американский фронт и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2010. – № 1. – С. 109–114.

ВСТРЕЧА С ЧУЖИМ В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ ЧУЖОГО: «ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ» А.Н. И Б.Н. СТРУГАЦКИХ КАК ФРОНТИРНЫЙ ТЕКСТ¹

Якушенкова Олеся Сергеевна,

*кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

В своей работе «Другие пространства» [6] М. Фуко анализирует специфические места, присутствующие во всех культурах. По аналогии с утопиями он обозначает их как «гетеротопии», отмечая некую «предельность» их существования. Гетеротопии существуют на стыке других пространств, поэтому здесь царят совершенно иные законы и правила. Гетеротопии могут быть лишены и традиционных временных характеристик. Однако, М. Фуко отмечает также, что гетеротопия – это константа каждой культуры, поскольку нет культур, способных сформировать гетеротопию. В то же время, гетеротопии несут отпечаток изначальной культуры и отражают именно ее специфические черты.

Поскольку условия многих гетеротопий стимулируют человека отказываться от традиционных моделей поведения, это заставляет его совершать акты трансгрессии, т.е. переходить к поведению, обеспечивающему максимальную выживаемость в этом «предельном» пространстве.

Одним из таких предельных пространств, на наш взгляд, является фронт. Под фронтиром в истории США понимают продолжительный период американской истории, берущий свое начало с освоения Транс-миссисипской территории, начавшегося в первом десятилетии XIX в. и закончившегося в конце XIX в. практически полным освоением этой территории.

Как особый научный термин фронт вводится в конце XIX в. усилиями американского историка Фредерика Дж. Тернера, который в 1893 г. выступил на Ассоциации американских историков с докладом о «Значение Фронта в американской истории» [11]. В этом выступлении Тернер рассматривал фронт как один из факторов формирования специфической, американской культуры. По его мнению, именно наличие свободных фронтирных земель, особенностей условий жизни переселенцев и отток наиболее активной части населения на Запад и т.д. сформировали особый американский характер и определили ее политическое развитие.

В более широком смысле термин стал рассматриваться другими последователями фронтирной теории, которые применяли его для исследований ситуаций, складывающихся на других территориях: в Африке, Индии, России и т.д.

Американская исследовательница П.Н. Лимерик, анализируя место фронта в США, отмечает, что необходимо разделять схожие явления: фронт и фронтера. Если второе прекратило существование в XIX в., то фронтера, как пограничная территория между США и Мексикой, продолжает содержать в себе множество черт, характерных для фронта: насилие и бедность, столкновение и синтез разных культур и языков (испанского и английского), активный рост населения (и как следствие высокая плотность населения в определенных районах), богатство природных ресурсов – вот особенность юго-западной фронтеры США [7].

Фронт, как гетеротопия, заставляет человека отказываться от традиционных паттернов поведения и искать наиболее успешные модели, зачастую заимствуя их у Чужого (и данный тезис справедлив при анализе поведения

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ 15-03-00402 «а» Чужой / Другой в меняющемся мире: от онтологии к гносеологической типологизации.

любого из фронтирных акторов). Поведение соседей пугает любого участника межкультурного контакта, однако, нередко именно оно заимствуется в кризисных ситуациях. В то же время, страх перед пугающим Чужим, заставляет нас действовать на опережение и нападать первыми, совершая действия, которые бы считались неприемлемыми в нашей культуре.

В то же время, фронтирные территории нередко рассматриваются как земной аналог Рая. Сюда стремятся за неограниченными ресурсами и счастливой жизнью. В фантазиях многих народов пограничные территории населены не только чудовищами, но и сексуально-доступными «девами». Исследователи Э. Шохат и Р. Стэм отмечают, что покорение новых земель в западном дискурсе нередко передается через сексуальные метафоры [9, с. 141]: так называемые «девственные земли» завоевываются и «оплодотворяются», становясь собственностью первооткрывателя, что распространяется и на ресурсы этой земли. Таким образом, существует некий перенос с «Чужой» земли на самого Чужого и наоборот.

Метафора девственницы – это обратная сторона образа сексуально-агрессивной женственности, являющейся персонификацией дикой и жестокой земли, нуждающейся в покорении, поэтому «целина» нередко описывается как суровые и жестокая территория, которую необходимо «вспахать». Герой приходит на эти земли для их завоевания, покорения, нередко именно символического или реального «вспахивания», превращения в обрабатываемые, окультуренные. Но этот мотив окультуривания не обязательно должен сопровождаться «вспахиванием» целины, эта идея может быть выражена и через другую призму – индустриального освоения земли (вспомним мотивы строительства в суровых землях Сибири гигантских заводов, железнодорожных магистралей, гидрологических сооружений и т.д. [5]). Везде в этих действиях, и связанных с ними художественных сюжетах, ярко проявляется фронтирная тематика. Фронт, как исторический или географический феномен может быть уже в прошлом, но фронтирная парадигма культурного строительства никуда не девается. Она лишь принимает другие формы, трансформируется в новые художественные образы, что так убедительно продемонстрировал американский историк культуры Р. Слоткин [10].

На наш взгляд, для проявления подобных метафор наличие самого Чужого актора вовсе не является необходимостью, а встреча с Чужим может проходить через взаимодействие с Чужим пространством – таков сюжет одной из повестей братьев Стругацких «Пикник на обочине» (1972). Повесть посвящена идее межкультурного взаимодействия, при котором один из акторов давно покинул «поле» взаимодействия. По сюжету, некая сверхцивилизация, посетив землю, оставила после себя «зараженные» области, как нечистоплотные туристы, устроившие пикник на обочине и не задумавшиеся о влиянии их действий на местную фауну.

Как мы уже отметили выше, сами Чужие в повести отсутствуют, а все негативные характеристики, присущие Чужому, переносятся на землю, которая, хоть и была когда-то «нашей», теперь становится прибежищем угрожающей нашему существованию Чужой культуры. По сюжету, границу между двумя мирами обозначает погран-пост, ограничивающий проникновение в зону посещения, т.е., по сути – фронтера. Главный герой повести – сталкер Р. Шухарт, занимающийся выносом (т.е. воровством) ценных артефактов из Зоны. Совершая, по сути, противозаконные действия, он подвергается уголовному преследованию. Кроме того, необходимо отметить, что он сирота. Сиротство, как отмечает исследователь К. Рамфорд, это важный факт биографии «ковбоя», обеспечивающий ему максимальную маргинальность положения и оторванность от «общества», и как следствие – отсутствие необходимости следовать традиционным нормам [8, с. 141]. Иными словами, своеобразный вариант ковбоя – сталкер – максимально трансгрессивный персонаж, чья трансгрессивность выражается в происхождении, образе жизни и устремлениях, поскольку основная его профессия заключается в нарушении законов и социальных ролей.

В то же время, сами авторы характеризовали сталкеров как «Старателей, почитаемых за колдунов» [2, с. 292], что приводит нас к еще одному фронтирному/постфронтирному мотиву – Magic native, характеризующему появление персонажа, наделенного особыми «магическими» способностями или знанием. Поскольку, вся повесть выступает своеобразным отраженным рассказом о фронтирном контакте, т.е. события рассказываются не с точки зрения завоевателя, а с перспективы «аборигена», magic native, обычно занимающий место персонажа второго плана, становится главным героем. В экранизации повести мотив «магичности» усиливается с изменением образа дочери главного героя – Мартышки – персонажа с одной стороны ущербного, а с другой наделенного даром телекинеза.

Физическая «ущербность» сталкеров и их детей не раз акцентируется в повести, поскольку у сталкеров нередко рождаются дети с многочисленными отклонениями, а сами сталкеры получают травмы по время «работы». Один из таких персонажей – Стервятник – признается, что выпросил здоровых детей у «Зоны». Выше мы уже приводили цитату о связи образа Чужого (и Чужой женщины) и дикой земли, которая в данном случае приобретает совершенно особенное значение: символического брака завоевателя с «девственной» землей.

Фронтирный Чужой нередко воспринимается как носитель некоего знания, в том числе и тайного. В случае с отсутствием самого Чужого в повести, эту роль выполняет земля (территория), заполненная различными артефактами. Поэтому, по словам главного героя, Зона является «дырой в будущее» [3, с. 347], через которую происходит насыщение ранее недоступным знанием всего человечества, при этом речь идет не только об абстрактном знании, но и об обогащении: «А когда и знание будет, мы и богатыми всех сделаем» [3, с. 347]. Таким образом, зона становится бесконечным источником ресурсов для посещающих ее, а борьба за ресурсы – одним из главных мотивов повести, что в свою очередь также является важнейшим стимулом для образования, собственно, фронта [4].

Обилие ресурсов Зоны оттеняется и бесконечными опасностями, поджидающими путника. Помимо этого, как и многие гетеротопии, Зона описывается и как гетерехрония, т.е. пространство безвремени, что воспринимается, как дополнительное испытание для сталкера, хотя она же становится своего рода линией соприкосновения с будущим, представленного многочисленными артефактами.

Столь тесное соседство с Чужим приводит по сюжету к развитию многочисленных болезней, которые распространяются как в момент «посещения» Чужим земли, так и в результате соприкосновения с «зараженной» землей. Помимо очевидного средства «истребления» аборигенного населения, болезни в метафорическом смысле, превращают людей в собственность зоны, или, как отмечает Г.В. Заломкина, в ее артефакты [1]. «Порабощенное» население, расселяясь по земле, становится своеобразным ретранслятором загадочных сил Зоны и усиливает ее влияние в нашем мире.

Своеобразным апогеем мистической силы зоны выступает «Золотой Шар» – некое устройство, способное исполнять человеческие желания, которое и подарило Стервятнику детей. Одним из условий его действия является жертвоприношение. В экранизации повести «Сталкер» (реж. А.А. Тарковский, 1979 г.) звучат религиозные мотивы, а сам сталкер выступает неким аналогом служителя «культа», ведущего последователей к месту сокровенной силы.

«Райское» пространство фронтира/зоны требует от посетителя смелости и готовности принести любые жертвы, в том числе и человеческие. Здесь не действуют привычные законы: как социальные, так и физические. По сути, Зона – аналог завоеванной, покоренной Чужой культурой территории, набеги на которую могут привести к обогащению или позволяют прикоснуться к сверхъестественной мудрости. Жестокость запредельной территории уравнивается ее же милосердием. В последнем абзаце повести главный герой ведет мысленный диалог с Шаром, обзывая себя «животным» и отмечая свою неспособность говорить словами (а ведь невозможность вербального диалога – это еще один достаточно распространенный фронтирный мотив). Совершив свое «жертвоприношение», сталкер умоляет пространство прочесть в его душе единственное желание – счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженный [3, с. 444].

Именно эти перечисленные мотивы и делают произведение братьев Стругатских особо популярным у советской, да и российской публики. Кроме этого, «Пикник на обочине» можно рассматривать, как некий аналог постколониального произведения, ведь в нем разворачивается обратный сюжет, в котором «слаборазвитое» население соприкасается с высокоразвитой цивилизацией. Это сюжет культурного диалога, завоевания, рассказанный не с позиции цивилизованной стороны, а противоположной. В нем, как в зеркале, отражены все наши страхи, надежды, опасения и мечты, возникающие при любых фронтирных коммуникациях. И не важно, что сюжет выдуман и в значительной мере доведен до гротеска, он не лишен практических примеров, свойственных для подобного рода коммуникационных процессов, существовавших в прошлом и продолжающих бытовать на фронтирных территориях.

Фронтирные ресурсы (в данном случае именно за ними отправляются сталкеры на запретную территорию) были и остаются тем, что манит субъектов на подобные пространства. И не следует забывать, что не обязательно эти территории должны быть закрытыми, нередко фронтирный диалог может проходить в открытой форме, как это было и есть на территории Нижней Волги на протяжении уже более тысячелетней истории. В любом случае он принимает схожие формы взаимодействия с Чужим, стремлению познать его, окультурить или окультурится самим. Язык Чужого, его алиментарная или вестиментарная культура, его технологические достижения – все это представляет интерес для участников диалога.

Живучесть фронтирных культурных парадигм – это особый феномен, который требует внимательного к нему отношения и изучения. И, возможно, когда-нибудь мы сможем не только познать его, но и научиться управлять им.

Список литературы

1. Заломкина Г. В. Сталкер на обочине: концепт чужого и готический quest у братьев Стругацких и Андрея Тарковского / Г. В. Заломкина // Вестник СамГУ. – 2009. – № 69. – С. 108–114.
2. Неизвестные Стругацкие. От «Отеля...» до «За миллиард лет...»: черновики, рукописи, варианты / сост. С. Бондаренко. – Донецк: Сталкер, 2006.
3. Стругацкий А. Н. Стругацкий Б.Н. Понедельник начинается в субботу. Трудно быть богом. Пикник на обочине / А. Н. Стругацкий. – М.: Олма-Пресс Образование, 2003.
4. Якушенков С. Н. Изобилие ресурсов как одна из черт фронтирных территорий / С. Н. Якушенков, О. С. Якушенкова // Человек. Сообщество. Управление. – 2013. – № 2. – С. 4–15.
5. Якушенков С. Н. На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной объят. Ч. 2 / С. Н. Якушенков // Журнал Фронтирных Исследований. – 2017. – №1 (5). – С. 8–36
6. Foucault M. Of Other Spaces / M. Foucault // Diacritics. – 1986. – Vol. 16, no. 1. – P. 22–27.
7. Limerick P. N. The Adventures of the Frontier in the XXth century / P. N. Limerick // Limerick P. N., White R. The Frontier in American Culture. – Berkeley: University of California Press, 1994. – P. 67–102.
8. Rumford C. The Globalization of Strangeness / C. Rumford. – Basingstoke: Palgrave Macmillan UK, 2013.
9. Shohat E. Unthinking Eurocentrism. Multiculturalism and the Media / E. Shohat, R. Stam. – N-Y: Routledge, 2014.
10. Slotkin R. The Fatal Environment. The Myth of Frontier in the Age of Industrialization. 1800–1890 / R. Slotkin. – Norman: University of Oklahoma Press, 1998.
11. Turner F. J. The Significance of the Frontier in American History / F. J. Turner. – N-Y.: Readex Microprint, 1893.

ОТ ВОЛГИ ДО КАСПИЯ: ИЗМЕНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ТЕХНОГЕНЕЗ

ВНЕДРЕНИЕ НОВОЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ В РЫБОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩУЮ ОТРАСЛЬ ВОЛГО-КАСПИЙСКОГО БАССЕЙНА

Баглаенко Мария Евгеньевна,

магистрант направления «Функциональное питание»,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Боброва Наталья Евгеньевна,

магистрант направления «Функциональное питание»,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Рыбная промышленность России представляет собой многоотраслевой, органически взаимосвязанный производственно-хозяйственный комплекс с развитой межотраслевой кооперацией и международными связями. В общем балансе производства отрасль производит около 20 % полноценного белка животного происхождения и выпускает более 2500 наименований пищевой продукции.

Необходимо создание благоприятных условий для модернизации основных производственных фондов рыбоперерабатывающего сектора, в том числе Волго-Каспийского бассейна, для внедрения на предприятиях современных ресурсосберегающих экологически чистых технологий, таких как бездымное копчение, с использованием токов высокой частоты, мембран; биотехнологических приемов; новых источников холода и др. Поэтому в задачу рыбной промышленности входит не только получение высококачественного сырья и рыбных продуктов, но и сохранение их без потерь.

Среди существующих направлений переработки сырья, наиболее перспективным является производство рыбного фарша из прудовых рыб и приготовление на его основе колбасных изделий и другой кулинарной продукции. Производство колбасных изделий позволяет расширить ассортимент рыбной продукции, а также увеличить использование богатств моря и рек для удовлетворения потребностей людей в пище, содержащей рыбный белок.

Гидробионты и продукты их переработки – высококачественные продукты питания, способствующие укреплению здоровья, повышению работоспособности человека, профилактике старения и серьезных заболеваний.

Благодаря высокой пищевой и биологической ценности, вкусовым качествам рыба широко применяется в повседневном рационе, а также в детском и диетическом питании. По пищевой ценности мясо рыбы не уступает мясу теплокровных животных, а во многих отношениях даже превосходит его.

Согласно «Концепции развития рыбного хозяйства Российской Федерации на период до 2020 года» определены основные направления эффективного использования водных биологических ресурсов. Современный уровень развития рыбоперерабатывающей промышленности требует перехода их на путь интенсификации и резкого повышения эффективности производства. При этом основной ее целью является максимальное удовлетворение потребностей населения в качественных и экологически безопасных продуктах питания.

Современное состояние запасов рыбы в Волжско-Каспийском бассейне характеризуется как депрессивное. По словам ученых КаспНИРХ, данные исследований показывают, что запасы водных биоресурсов в ближайшей перспективе несколько увеличатся, но останутся на низком уровне. Именно поэтому уже много лет назад было предложено прудовое разведение видов рыб Волго-Каспийского бассейна.

Рыбные колбасные изделия используются в диетическом, школьном и детском питании как продукты, лишенные костей. Кроме того, их отличает высокая гигиеничность производства и большая стойкость при хранении при применении герметичных оболочек и специальных добавок.

В настоящее время многие страны занимаются освоением производства рыбных колбасных изделий, так как они являются продуктами высокой пищевой и биологической ценности и по качеству не уступают колбасным изделиям из мяса теплокровных животных.

В последнее десятилетие увеличилось число людей, использующих готовые блюда и полуфабрикаты. Также население стало обращать внимание на полезную пищу. Как известно, рыба и продукты ее переработки являются одним из основных источников легкоусвояемых полноценных белков с хорошо сбалансированным аминокислотным составом, кроме того, содержат углеводы, минеральные вещества, витамины.

По пищевой ценности мясо рыбы не уступает мясу теплокровных животных, а во многих отношениях даже превосходит его.

Рыба – это энергия, регуляторные биологически активные вещества, источник стройматериалов для обмена веществ. Рыба является сырьем с высоким содержанием полноценных белков и хорошо сбалансированным составом аминокислот, полиненасыщенных жирных кислот, включая уникальные эйкозопентаеновую и докозогексаеновую, минеральных веществ и витаминов. Полиненасыщенные жирные кислоты защищают организм от сердечной недостаточности. Особое значение имеет метионин, относящийся к противосклеротическим веществам, что подтверждает ценность рыбного сырья для полноценного питания населения России.

Состав рыбы схож по составу ткани и жидкости человеческого тела. Рыбное сырье также ценно содержанием минеральных веществ, таких как калий, натрий, кальций, магний, медь, железо, фосфор, хлор, сера, йод (всего в среднем от 0,9 до 1,5 %). Из витаминов в рыбе содержатся главным образом A, D, F, E. Можно считать, что по пище-

вой ценности мясо рыб в среднем равноценно мясу домашних животных. Но белок рыбы легче усваивается организмом человека.

Не так давно разводимую в прудах рыбу не считали сельскохозяйственными животными, и прудовое рыбоводство даже не было отраслью хозяйства. Но на сегодняшний день рыболовство стремительно расширяется благодаря большой селекционной работе, для выведения наиболее крупных, обладающих высокой пищевой ценностью рыб с высоким темпом роста для получения хорошего «урожа»

В прудовом хозяйстве наиболее рационально разведение прудового карпа, т.к. ни один вид прудовых рыб не растет так быстро как карп, за исключением щуки, но щука питается рыбой, которую и человек употребляет в пищу, а карп ест растительность и беспозвоночных животных.

Карп имеет высокую пищевую и биологическую ценность, что определяет ее преимущество, с другим сырьем животного происхождения. В том числе, стандартные физико-химические показатели дают возможность для получения продукта с заданным функциональными и реологическими характеристиками.

В дикой природе не существовало рыбы под названием «карп». Такое название получила искусственно выведенная порода сазана, завезенная в XII в. из Китая в Европу. Сейчас видов карпа (сазана) уже несколько: чешуйчатый карп; зеркальный карп, наполовину покрытый золотистыми блестящими чешуйками; рамчатый карп, чешуйки у которого растут лишь на брюшке и спинке; голый карп. В среднем карп весит 2–2,5 килограмма. Попадают отдельные экземпляры, весом в 35 кг и даже более.

Высокое содержание белка и жира в мясе рыб, а, следовательно, и их пищевая ценность, зависят от наличия в пруду необходимых пищевых организмов, от питательных качеств кормов, которыми кормится рыба, а также от благоприятной среды для выращивания (температурные, гидрохимические и др. условия). Количество жира, белка в организме сеголетков карпа влияет на выживаемость их в течение зимы. Жиры рыб по химическому составу сложны и содержат большое количество высоконенасыщенных кислот. Этим они отличаются от жиров теплокровных животных. Кроме того, у рыб жиры жидкие, а у теплокровных животных вязкие или твердые. Химический состав жиров изменяется с возрастом рыбы. Чем старше рыба, тем меньше ненасыщенность ее жиров. Состав жира подвержен также сезонным изменениям. Количество жира у карпа изменяется в течение всего периода выращивания. В прудах, где сеголетки карпа растут только на естественном корме, количество жира в их теле изменяется с 1,25 до 2,68 %, а при интенсификации (кормление) – с 1,25 до 5 %. Такая же закономерность характерна для карпа-двухлетка, но количественные показатели в этом случае несколько выше. При кормлении содержание жира в теле рыбы достигает до 10 %, а при применении гранулированных кормов – даже до 20 %.

Массовый состав карпа прудового карпа составляет: мышечная ткань – 53,9 %, голова – 16,8 %, кости – 11,7 %, внутренние органы – 9,2 %, икра или молоки – 4,8 %, плавники – 2,8 %, кожа и чешуя – 1 %, плавательный пузырь – 0,8 %.

Химический состав карпа прудового составляет: вода – 72–80 %, жир – 3–11 %, белок – 12–17 %, зола – 2–3 %. Все ранее перечисленные показатели свидетельствуют о высокой биологической ценности карпа, а отношение мышечной ткани к общей массе карпа свидетельствует о выгодном использовании его в рыбоперерабатывающей отрасли.

Карп особенно полезен людям со второй и третьей группой крови, как пищевой продукт, благоприятно действующий на обмен веществ и способствующий похудению. Также карп полезен тем, что в его состав входят такие компоненты как: холин, который входит в состав лецитина, играет роль в синтезе и обмене фосфолипидов в печени, является источником свободных метильных групп, действует как липотропный фактор; витамин B₁₂ играет важную роль в метаболизме и превращениях аминокислот. Фолат и витамин B₁₂ являются взаимосвязанными витаминами, участвуют в кроветворении. Недостаток витамина B₁₂ приводит к развитию частичной или вторичной недостаточности фолатов, а также анемии, лейкопении, тромбоцитопении; витамин D поддерживает гомеостаз кальция и фосфора, осуществляет процессы минерализации костной ткани. Недостаток витамина D приводит к нарушению обмена кальция и фосфора в костях, усилению деминерализации костной ткани, что приводит к увеличению риска развития остеопороза.

Современные тенденции формирования здорового рациона питания диктуют необходимость создания новых биологически ценных продуктов. Для этих целей целесообразно использовать сырье, содержащее в своем составе сбалансированный комплекс жирных кислот, позволяют повысить пищевую ценность продуктов питания. Для решения комплексной переработки вторичных биоресурсов необходимо развитие новых технологий, позволяющих не только создать новый традиционный вид продукта, но и сохранивший при переработке пищевую ценность.

Одно из перспективных направлений – это расширение ассортимента и увеличения объема производства продуктов на основе использования вторичных биоресурсов, за счет сокращения производственных потерь и увеличения объемов продовольственных ресурсов. В том числе, серьезные изменения сырьевой базы послужили дополнительным толчком к развитию этого направления. Одним из таких вторичных биоресурсов являются рыбы-молоки.

Так рыбы-молоки – это та же икра, только содержится она у самцов. Говоря научным языком, молоки представляют собой мужские семенные железы, содержащие сперму рыб. В зрелом состоянии они отличаются молочно-белым цветом, откуда и пошло их название. Рыбы-молоки содержат в своем составе полноценные белки животного происхождения, благодаря которым они признаются полезным и очень питательным продуктом (в среднем 3–12 % от общей массы рыбы).

Химический состав молок некоторых видов рыб приведен в таблице 1.

Таблица 1

Рыба	Наименование показателя			
	Вода	Белок	Жир	Мин. вещества
Карп	79,3 ± 2,4	16,3 ± 2,0	2,1 ± 0,5	2,3 ± 0,2
Щука	78,5 ± 2,5	15,2 ± 2,1	3,9 ± 0,7	2,4 ± 0,2
Сазан	84,1 ± 2,4	13,1 ± 2,0	0,8 ± 0,6	2,0 ± 0,2

Данные таблицы 1 позволяют сделать вывод о достаточно высоком содержании белка и минеральных веществ в сырье и невысоком содержании жира, что свидетельствует о возможности использования рыб в качестве сырья для готовых продуктов с диетическими свойствами.

Польза рыбьих молок для человека обусловлена, прежде всего, составом этого продукта питания, в которых входят ценнейшие белки и жиры. Причем углеводов в молоках практически не присутствует. Жиров также немного, но они богаты жирными кислотами класса Омега-3. Попадая в организм человека, эти вещества оказывают неоценимую помощь сердечно-сосудистой системе, предотвращая вероятность возникновения инсульта, инфаркта и атеросклероза. Кстати, больше всего жирных кислот в молоках лососевых и осетровых рыб.

Большое количество ценного белка, в котором содержатся особые вещества – протамины, подтверждает пользу рыбьих молок. Согласно результатам некоторых исследований, взаимодействуя с определенными лекарственными препаратами, протамины способствуют продлению их действия.

Таким образом, наиболее рационально использовать мышечную ткань карпа для изготовления рыбной копченой колбасы, в качестве пищевой добавки использовать молоки рыб.

В целях выпуска рыбных колбасных изделий хорошего качества контроль технологии в соответствии с утвержденными технологическими инструкциями и стандартами должен проводиться особенно тщательно. Сырьё, используемое для производства колбас, должно соответствовать требованиям нормативной документации, предъявляемым к продукции.

Карта движения сырья и полуфабриката по технологическим процессам при производстве рыбной копченой колбасы представлена в таблице 2.

Таблица 2

**Карта движения сырья и полуфабриката по технологическим операциям
при производстве рыбной копченой колбасы**

Наименование технологических операций	Норма потерь и отходов, %	Движение сырья и полуфабрикатов, кг		
		на ед. гот. прод.	в смену	в час
Прием сырья: Поступило	-	275,21	2752,1	344
Мойка: поступило	0,5	275,21	2752,1	344
потери		1,37	13,7	1,8
Зачистка и разделка: поступило	38	273,8	2738	342,2
потери		104,05	1040,5	130
Мойка: поступило	0,5	169,8	1698	212,2
потери		0,84	8,4	1,1
Измельчение: поступило	1	168,9	1689	211,1
потери		1,689	16,89	2,1
Составление фаршевой смеси (изм.): поступило	+30	167,23	1672,3	209
потери		50,2	502	62,75
Шприцевание: поступило	1	217,43	2174,3	271,8
потери		2,17	21,7	2,7
Осадка: поступило	8	215,26	2152,6	269,1
потери		17,22	172,2	21,5
Подсушивание и копчение: поступило	49	198,2	198,2	247,7
потери		97,02	97,	121,3
Упаковывание: поступило	1	101,1	1011	126,4
потери		1,1	11	1,3
Итого		100	1000	125,1

Анализ данных таблицы 2 показал, что в смену на 1000 кг готовой рыбной копченой колбасы необходимо 2752,1 кг охлажденного рыбного сырья.

Рецептура рыбной копченой колбасы на 100 кг составляет: фарш рыбный из мышечной ткани карпа – 100 кг, молоки карпа или сазана – 15,7 кг, крахмал – 5 кг, меланж – 6 кг, соль поваренная – 2 кг, сахар – 0,1 кг, перец черный молотый – 0,3 кг, перец душистый молотый – 0,3 кг, чеснок – 0,3 кг, мускатный орех – 0,3 кг.

Данный рецептуры свидетельствуют, что на 100 кг рыбной копченой колбасы, в соответствии с рецептурой, понадобится 70 % рыбного фарша, 15,7 % рыбьих молок и 14,3 % остальных вспомогательных компонентов.

Кулинарные изделия из рыбы и нерыбных объектов морского промысла являются особо скоропортящимися продуктами. Качество их зависит от обсемененности сырья и вспомогательных материалов, санитарного состояния технологической линии, а также от правильности проведения термической обработки и всего технологического процесса приготовления кулинарных изделий, хранения и транспортировки.

Одним из условий выработки доброкачественной продукции является строгое соблюдение санитарного режима на предприятии, правил личной и профессиональной гигиены работниками кулинарного производства.

Уровень санитарного состояния предприятия и эффективность проведения санитарных мероприятий на производстве контролируются ежедневно визуально, а также путем проведения комплекса микробиологических анализов, включающих проверку санитарного состояния технологического оборудования, тары, воды, воздуха, рук и спецодежды рабочего персонала.

При производстве рыбного фарша для рыбной колбасы, охлажденную рыбу, размещенную в сортировочном столе, где сортируют на некондиционные экземпляры рыб и рыбу, отвечающую по качеству требованиям не ниже I сорта, со стола сразу же погружают в моечные ванны. Далее из ванны по транспортеру направляют в универсальную рыбоборезку, где рыбу разделяют на тушку, затем тушки рыбы на транспортере направляют в моечную ванну, после мойки тушки по транспортеру поступают на мясокостный сепаратор.

Сепарированную мышечную ткань направляют на тележке в куттер. В куттере изготавливают колбасную смесь, смешивая перечисленные в рецептуре компоненты и тщательно перемешивая до однородной массы, затем на тележке направляют в вакуумный шприц для наполнения оболочки колбасной фаршевой смесью.

Полученные батоны фиксируются на краях рукавов клипсатором после чего колбасные батоны развешивают вручную на рамы тележек копильной установки и направляют в копильные камеры для дальнейшей осадки, подсушивания и копчения.

Готовые копченые рыбные колбасы направляются в упаковочный цех на этикетирование в этикетировочную машину для нанесения этикетки и упаковывания.

Упаковывание производят на столах для упаковывания в полимерных или картонных ящиках вместимостью не более 30 кг. Разрешается упаковывать копченые рыбные колбасы в мелкую потребительскую тару: картонные коробки вместимостью не более 1 кг, пакеты из полимерных пленок порциями не более 2 кг или поштучно. Картонные коробки и пленочные пакеты упаковывают в дощатые ящики вместимостью 30 кг. Ящики и коробка должны иметь на торцевой стороне отверстия для проветривания продукции диаметром 25–30 мм.

Проведенное исследование показало актуальность использования вторичного сырья в рыбоперерабатывающей отрасли Волго-Каспийского бассейна. Разработанная технология позволяет производить высокобелковый продукт питания животного происхождения, который может употребляться при восстановлении организма после тяжелых заболеваний, в диетическом и спортивном питании, для детей школьного возраста.

Список литературы

1. Антипова Л. В. Кулинарные рыбные изделия (Рецептурные композиции из рыбных фаршей и формованные изделия на их основе) / Л. В. Антипова, Б. В. Батищев, И. Л. Головина // Рыбное хозяйство. – 2001. – № 2. – С. 53–54.
2. Артюхова С. А. Технология продуктов из гидробионтов / С. А. Артюхова, В. Д. Богданов, В. М. Дацун [и др.] / под ред. Т. М. Сафроновой и В. И. Шендерюка. – М. : Колос, 2001. – С. 496.
3. Байдалинова Л. С. Биохимия сырья водного происхождения : учеб. пос. для вузов / Л. С. Байдалинова, А. А. Яржомбек. – М. : Моркнига, 2011. – 506 с.

СЕЗОННАЯ ДИНАМИКА ИНДЕКСА NDVI НА ТЕРРИТОРИИ БОГДИНСКО-БАСКУНЧАКСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Бармин Александр Николаевич,

доктор географических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Валов Михаил Викторович,

ассистент кафедры экологии, природопользования, землеустройства и БЖД,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Иолин Михаил Михайлович,

кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой экологии,

природопользования, землеустройства и БЖД,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Колотухин Александр Юрьевич,

ассистент кафедры экологии, природопользования и БЖД,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань,

Государственный природный заповедник Богдинско-Баскунчакский был образован в 1997 г. Он расположен в Ахтубинском районе Астраханской области и занимает 18 478 га вблизи границы России и Казахстана [1]. На территории заповедника находятся уникальные объекты Астраханской области: гора «Большое Богдо», урочища «Зеленый Сад» и «Шарбулак», соленое озеро Баскунчак, пещеры, провалы и карстовые воронки. Особенности ландшафтов, а также во многом уникальный растительный и животный мир заповедника привлекают к нему внимание множества исследователей и туристов [2; 4; 5].

Одним из важных условий поддержания особо охраняемой природной территории (ООПТ) это её информационная обеспеченность, в Богдинско-Баскунчакском заповеднике проводятся сезонные наблюдения за состоянием охраняемых объектов растительного и животного мира, а также ландшафтов [3; 7]. Одним из способов оптимизации сбора данных сезонного анализа является использование данных дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ), которые позволяют отслеживать: динамику температуры, облачности, состояния водных объектов, состояние ландшаф-

тов, и проч., в том числе использование ДЗЗ хорошо подходит для изучения сезонной динамики фотосинтеза биомассы, с помощью использования Normalized Difference Vegetation Index (NDVI).

NDVI это индикатор, позволяющий на основе данных ДЗЗ, определять количество фотосинтезирующей биомассы на исследуемой территории, или простыми словами, определять наличие и количество живых зеленых растений [6]. Он рассчитывается через измерение разницы интенсивности отраженного света в видимом и инфракрасном диапазоне, деленной на сумму их интенсивностей. Для интерпретации используется шкала от 1 до -1, где 1 обозначает наибольшее количество растений, а -1 их полное отсутствие.

Для изучения динамики сезонного NDVI Богдинско-Баскунчакского заповедника были использованы многоканальные снимки спутника Landsat 8, в которых были скомбинированы 5 и четвертый каналы.

Данные исследований позволили выявить сезонность увеличения и уменьшения количества «живой» биомассы растений, а также области с повышенной и пониженной устойчивостью биомассы к изменению сезонов.

Согласно полученным данным временем начала роста биомассы можно считать середину весны, наибольший индекс NDVI наблюдается в мае (рис. 1), в то время как в летние месяцы наблюдается значительный спад индекса (рис. 2), достигающий пик в августе (рис. 3), в сентябре количество биомассы вновь начинает увеличиваться до наступления поздней осени и зимы (рис. 4). Наиболее устойчива растительность в приозерных понижениях в урочище Шарбулаг, балке Суриковской и Кордонной, а также вокруг озера Горькое. В данных местах индекс NDVI остается на высоком уровне даже в августе, при минимальном общем количестве «живой» биомассы за весь период вегетации (рис. 3). Кроме того, относительно остальной территории, достаточно устойчива растительность на пологом склоне горы Большое Богдо, в понижениях урочища Кривая Лощина, по берегам реки Горькая, а также в понижениях северного карстового поля (рис. 4).

Рис. 1. Карта схема NDVI мая

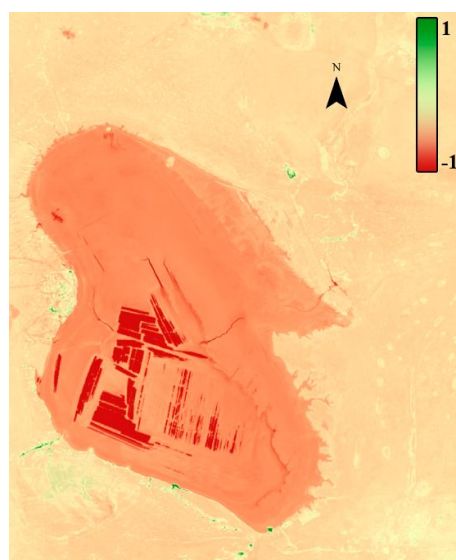

Рис. 2. Карта схема NDVI июня

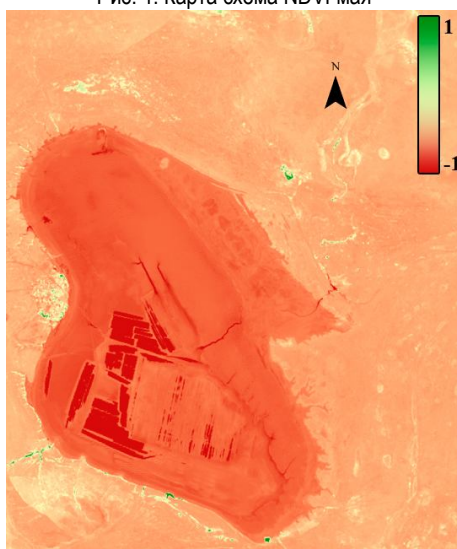

Рис. 3. Карта схема NDVI августа

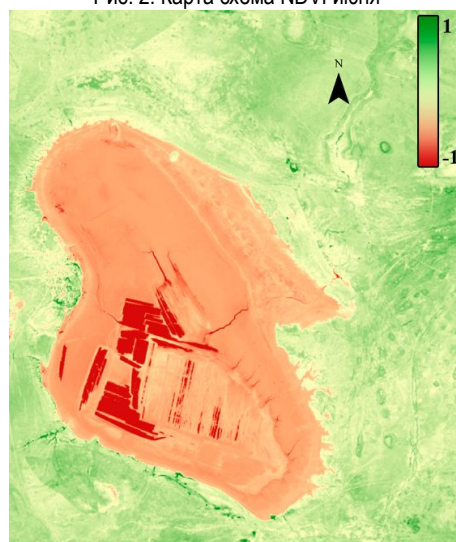

Рис. 4. Карта схема NDVI сентября

Таким образом, для территории Богдинско-Баскунчакского заповедника была определена сезонная динамика NDVI и составлены соответствующие карты-схемы. Определение динамики NDVI и устойчивых участков позволяет наметить точки для сезонного отслеживания состояния фотосинтезирующей растительности на территории заповедника, а также отслеживать изменения состояния растительного покрова территории. Активное использование данных ДЗЗ в исследованиях территории позволит увеличить информационную базу ООПТ и оптимизировать их функционирование.

Список литературы

1. Колотухин А. Ю. Возможности использования ГИС-технологий в экологическом туризме / А. Ю. Колотухин, А. Н. Бармин, Ю. А. Шуваев // Туризм и рекреация, инновации и ГИС-технологии : мат-лы VI Междунар. науч. конф. – Астрахань : Издательство Техноград, 2011. – С. 53–56.
2. Колотухин А. Ю. Целесообразность использования ГИС-технологий в особо охраняемых природных территориях / А. Ю. Колотухин, А. Н. Бармин // Геоинформационное картографирование в регионах России : мат-лы VI Всерос. науч.-практ. конф. – Воронеж : Научная Книга, 2016. – С. 53–57.
3. Колотухин А. Ю. Особо охраняемые природные территории как объект для создания геоинформационной системы / А. Ю. Колотухин, А. Н. Бармин, К. М. Некрасова, А. И. Абрамова, И. М. Куренцов // Геоинформационное картографирование в регионах России : мат-лы VI Всерос. науч.-практ. конф. – Воронеж : Научная Книга, 2016. – С. 57–61.
4. Колотухин А. Ю. ГИС-технологии и перспективы их использования для экологического туризма, на примере Богдинско-Баскунчакского заповедника / А. Ю. Колотухин, Е. Г. Русакова // Естественные науки. – № 1 (46). – С. 16–20.
5. Колотухин А. Ю. ГИС как средство оптимизации функционирования ООПТ / А. Ю. Колотухин, А. Н. Бармин // Антропогенная трансформация геопространства: История и современность : мат-алы II Междунар. науч.-практ. конф. (13–15 мая 2015 г.). – Волгоград, 2015. – С. 252–257.
6. Колотухин А. Ю. Особо охраняемые природные территории как объект для создания геоинформационной системы / А. Ю. Колотухин, А. Н. Бармин, К. М. Некрасова, А. И. Абрамова, И. М. Куренцов // Геоинформационное картографирование в регионах России : мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф. (10–12 декабря 2015 г.). – Воронеж, 2015. – С. 35–42.
7. Колотухин А. Ю. Принципы организации комплексных ГИС особо охраняемых природных территорий / А. Ю. Колотухин, А. Н. Бармин, А. В. Синцов, М. В. Валов // Геология, география и глобальная энергия. – 2016. – № 2 (61). – С. 91–100.

НЕЙРОКОГНИТИВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ КОРРЕКЦИИ¹

Касимова Сауле Куаншевна,

кандидат биологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Кондратенко Елена Игоревна,

доктор биологических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Ломтева Наталья Аркадьевна,

кандидат биологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Когнитивные функции организма представляют собой такую функцию нашей нервной системы, которая отвечает за понимание, познание, изучение, осознание, восприятие и переработку информации из внешней среды. Без этой функции человек не в состоянии познавать окружающий его мир. Наблюдаются следующие нарушения функций мозга:

- внимание: человеку сложно выделить важную информацию из общего потока, невозможность сконцентрироваться;
- восприятие: сложность восприятия информации из внешней среды;
- память: нарушение способности к сохранению и воспроизведению полученной информации;
- психомоторная функция: потеря способности к выполнению каких-либо двигательных навыков;
- интеллект: нарушение анализа информации;
- речь.

Причины появления когнитивных нарушений можно условно поделить на две категории: функциональные и органические. Первые характеризуются тем, что отсутствует прямое поражение головного мозга. К этому могут приводить переутомления, негативные эмоции, стрессовые состояния. Такой вид расстройств может встречаться у людей всех возрастов. Это не представляет опасности, обычно симптомы уходят сами по себе, после того, как причина их возникновения ликвидируется. Иногда бывает целесообразно применить легкую медикаментозную терапию.

Органические же нарушения всегда связаны с повреждением головного мозга. Самые распространенные причины когнитивных расстройств: сосудистые заболевания головного мозга; гипотиреоз; травмы; сахарный диабет; алкоголизм; наркомания; печеночная недостаточность; почечная недостаточность; злоупотребление лекарственными средствами; болезнь Паркинсона; болезнь Альцгеймера; опухоли головного мозга; отравления; рассеянный склероз. Такие состояния чаще наблюдаются у людей постарше. Но правильное лечение во многих случаях позволит

¹ Исследование проведено при поддержке Министерства науки и образования РФ № 6.931.2017/8.9.

добиться значительных улучшений. У значительной части пациентов с синдромом дефицита внимания и гиперактивностью обнаруживают эпилептиформные разряды в ЭЭГ.

Вместе с тем нейрокогнитивные расстройства представляют одну из основных проблем неврологии и психиатрии и наблюдаются не менее чем у 20 % детей и подростков. Распространенность расстройств речи и языковых функций, включая нарушения чтения и письма, составляет 5–20 %. Расстройства аутистического спектра достигают 17 % от всех амбулаторных психиатрических пациентов детского возраста. Дефицит внимания с гиперактивностью наблюдается у 3–7 % детей. Широко распространены нарушения психологического развития, синдромы умственной отсталости, эмоциональные расстройства и расстройства поведения. Наиболее часто наблюдаются нарушения развития учебных навыков, моторных функций, смешанные специфические расстройства развития. Развитие познавательной сферы детей младшего школьного возраста с нарушениями зрения отличается значительным своеобразием, обусловленным трудностями зрительного восприятия. До настоящего времени, несмотря на широкое изучение патогенеза заболеваний органов зрения, явно недостаточно данных об изменениях неспецифических адаптивных механизмов, к числу которых относятся изменения в системе ПОЛ – АОЗ. Интересным оказался и тот факт, что когнитивные способности у вегетарианцев оказались лучше. Результаты обследования вегетарианцев по IQ тесту Айзенка оказались выше по сравнению с мясоедами (средний IQ для мясоедов составил 112, средний IQ для вегетарианцев – 140). Среди социально отрицательных факторов стоит упомянуть негативные последствия употребления терапевтического применения дельтатетрагидроканнабинола (ТГК), основного психоактивного компонента марихуаны, были выявлены в целом ряде работ: это прежде всего когнитивные нарушения, связанные с процессами внимания и памяти. В ряде работ были показаны нарушения продуктивности рабочей памяти, нарушения механизмов селективной фильтрации информации, развития автоматизации выполнения заданий. Существуют сведения, что чрезмерное использование современных средств связи, игровых приставок подростками приводит к уменьшению резервов памяти у 55,6 % подростков; усталости, снижению концентрации внимания, рассеянности – у 65,1 % детей 14–16 лет.

Сложность биологической природы когнитивных расстройств ограничивает возможности их фармакотерапии, так что основной упор делается на программы поведенческой, психологической, коррекционно-педагогической реабилитации. Вместе с тем продолжается поиск возможностей фармакотерапии как вспомогательной по отношению к перечисленным выше подходам. В плане исследования патогенеза когнитивных расстройств выявлена роль гетеро- и полигенных наследственных факторов; обнаружены некоторые дисгенетические церебральные нарушения, которые, однако, не имеют специфических черт; выдвинуты гипотезы нейротрансмиссивной и нейромодуляторной дисфункции. Каждый из перечисленных выше биологических факторов не является всеобъемлющим и наблюдается только в ограниченных подгруппах расстройств. Поскольку реальные возможности фармакотерапии в отношении наследственного фактора и фактора дисгенетических структурных нарушений практически нулевые, фармакологическое лечение на данном этапе перспективно только в отношении двух последних групп факторов, предполагающих нейродинамический характер расстройств.

По мнению ряда авторов, нейродинамические трудности характерны в той или иной степени для большинства детей с трудностями обучения. В тоже время, современные исследования дефицита функций I блока мозга в детском возрасте не дают ответа на вопрос о том, как связан дефицит нейродинамики со слабостью других компонентов высших психических функций (ВПФ), а также не представляют апробированных на достаточных выборках надежных и валидных методических средств оценки состояния нейродинамики в младшем школьном возрасте и выделения различных вариантов нейродинамического дефицита.

В течение последнего десятилетия выявлена закономерная связь когнитивных расстройств развития с эпилепсией и эпилептической активностью в мозге. В какой-то период жизни эпилепсией страдает около 3-5% населения. Кроме того, достаточно широко наблюдаются эпилептиформные разряды в ЭЭГ у лиц, никогда не имевших эпилептических припадков. Неконтролируемое распространение спонтанных эпилептических разрядов с каскадообразным вовлечением потенциально нормальных нейронов в патологическую синхронизацию вне припадков ведет к невозможности выполнения ими нормальных функций, что проявляется всем спектром когнитивных расстройств.

Вместе с тем до настоящего времени не изучены особенности нарушений нейрокогнитивных функций при одной и той же патологии головного мозга в разные возрастные периоды детства, а также не исследованы закономерности возрастной динамики этих нарушений при патологических процессах головного мозга раз личного генеза. Можно предположить, что чем старше возраст больного и, соответственно, чем более зрелый статус морфофункциональных систем, обеспечивающих психическую деятельность, тем меньше по сравнению со здоровыми сверстниками выражен дефицит когнитивных функций.

Негативные последствия употребления терапевтического применения дельтатетрагидроканнабинола (ТГК), основного психоактивного компонента марихуаны, были выявлены в целом ряде работ: это прежде всего когнитивные нарушения, связанные с процессами внимания и памяти. В ряде работ были показаны нарушения продуктивности рабочей памяти, нарушения механизмов селективной фильтрации информации, развития автоматизации выполнения заданий.

Попытки устранить нейрокогнитивные расстройства в большинстве случаев будут иметь медикаментозный характер. Вместе с тем, учитывая, что рацион большей части населения не соответствует физиологическим потребностям организма в нутриентах, прием витаминно-минеральных добавок может устранить возникшие дефициты нутриентов, а также оказать положительное влияние на здоровье и возможно когнитивные функции. Также для лечения расстройств личности применяют методы психотерапии, направленные на выработку способности изменять свое поведение и мысли. Также рекомендуется тренировка памяти специальными упражнениями, например, заучивание

стихотворений. Постепенное усложнение задач, постоянная оценка происходящих изменений личности человека, улучшение приспособления к стрессу.

Список литературы

1. Лассан Л. П. Возрастные аспекты нарушений когнитивных функций при локальных повреждениях мозга различного генеза / Л. П. Лассан // Физиология человека. – 2010. – Т. 36, №1. – С. 41–47.
2. Евтушенко С. К. Нарушение когнитивных функций у детей: нейрофизиологическая оценка и коррекция / С. К. Евтушенко, Т. М. Морозова, Е. П. Шестова, А. А. Трибрат, А. В. Морозова // Международный неврологический журнал. – 2010. – №1. – С. 64–70.
3. Сергеев Д. Улучшение когнитивных функций у здоровых людей: проблемы и возможности / Д. Сергеев, М. Пирадов // Врач. – 2015. – №12. – С. 11–13.

ОЦЕНКА КЛИМАТИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Колчин Евгений Александрович,

*кандидат географических наук, доцент кафедры экологии, природопользования, землеустройства и БЖД,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань.*

Чернова Галина Александровна,

магистрант, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Коваленко Юлия Александровна,

магистрант, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В последние два десятилетия изменение климата превратилось из узконаправленного и естественнонаучного вопроса в одну из наиболее острых проблем мировой экономики и политики, к которой отдельные страны и все человечество вынуждены приспосабливать свою хозяйственную деятельность.

Переломным моментом, за которым изменение климата приобретает необратимый и катастрофический характер, считается повышение среднегодовой температуры воздуха на 2 °С по сравнению с доиндустриальной эпохой. Эта величина и принята в качестве ориентира международной климатической политики. Учитывая современную динамику роста средних температур воздуха, этот порог может быть преодолен уже в этом столетии.

В целом для территории России за столетие потепление составляет, в среднем 1 °С. Этот параметр меняется от 0,7–0,8 °С / 100 лет для Северного Урала до 3,5 °С / 100 лет для Забайкалья. При этом потепление более заметно в зимний период [1, 2, 4, 9].

В Астраханской области, при оценке многолетних климатических параметров по стандартным статистическим показателям из официальных справочников, также прослеживаются изменения средних климатических значений.

При рассмотрении значений многолетней среднегодовой температуры воздуха по региону отмечается положительный тренд. Его динамика отображена на рисунке 1, где линейный тренд отражает рост температуры, а полиномиальная линия (пунктирная линия на графике) указывает на циклическую составляющую процесса изменения среднегодовой температуры воздуха.

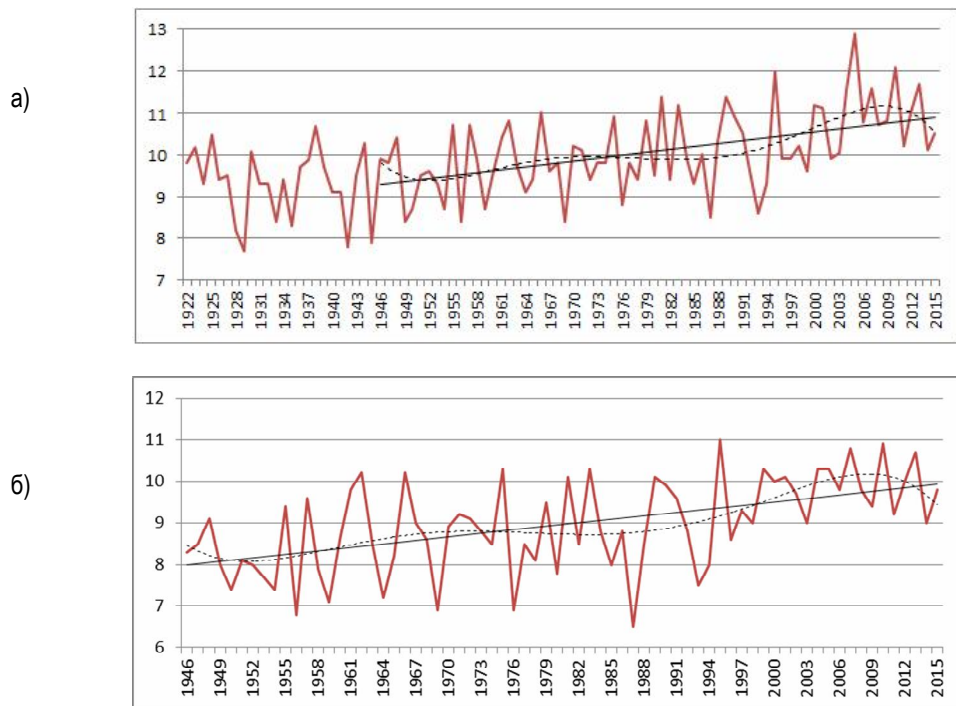

Рис. 1. Временной ход среднегодовой температуры воздуха:
а) по метеостанции Астрахань; б) по метеостанции Черный Яр

Скорость роста годовых значений температур воздуха составляет в среднем около 2°С / 100 лет и складывается за счет крайне незначительного увеличения средних температур летом и наиболее существенного повышения средних температур в холодное время года, что хорошо прослеживается в таблице 1.

Таблица 1

**Среднегодовое значения температуры воздуха
в Астраханской области за зимний и летний периоды**

ст. Черный Яр			ст. Астрахань		
периоды	зима	лето	периоды	зима	лето
1950–1959 гг.	-7,6	23,4	1950–1959 гг.	- 5,5	24,4
1960–1969 гг.	-6,3	23,4	1960–1969 гг.	- 4,1	23,8
1970–1979 гг.	-6,6	23,2	1970–1979 гг.	- 4,7	23,6
1980–1989 гг.	-5,5	23,3	1980–1989 гг.	- 3,6	23,8
1990–1999 гг.	-5,1	23,4	1990–1999 гг.	- 3,5	23,8
2000–2010 гг.	-3,9	23,7	2000–2010 гг.	- 2,5	24,4
2011–2015 гг.	(-4,0)	(25,1)	2011–2015 гг.	(-4,5)	(25,7)

Летом наблюдается тенденция сближения температурных экстремумов. Последние 15 лет значения близкие к абсолютному максимуму в регионе (41–43 °С) отмечаются почти ежегодно. Зимой значения температуры ниже -20°С стали встречаться реже, чем в ранний период, хотя абсолютный температурный минимум в регионе (от -28 по мс. Лиман до -33,3 мс. В. Баскунчак) был зафиксирован 2006 г.

При сохранении такой тенденции предполагается отклик в наиболее чувствительном компоненте соответствующих ландшафтов – растительном покрове.

Однако температурные изменения важны не сами по себе, а в контексте режима увлажнения территории, наиболее общей характеристикой, которого является оценка среднемесячных или годовых сумм осадков.

В последние 50 лет по России в целом, и особенно в ее восточных регионах отмечается тенденция к уменьшению годовых и сезонных сумм осадков. Наиболее заметно снизились осадки на северо-востоке страны. А на европейской территории прослеживается слабая тенденция к их росту [4].

В Астраханской области значения годового количества осадков колеблется от 180–200 мм на юге до 280–290 мм на севере [7; 8].

Анализ динамики среднегодовое значений атмосферных осадков по метеостанции Астрахань показал, что с 1942 г. в среднем за каждое десятилетие их количество последовательно возрастает (табл. 2). При этом минимальные значения возросли с 128 мм (в 1924 г.) до 164 мм (в 2008 г.), а максимальные – с 264 мм (в 1928 г.) до 335 мм (в 1999 г.).

Таблица 2

**Динамика среднегодовое количества атмосферных осадков
в г. Астрахань за период с 1942 по 2001 гг.**

Период	Среднегодовое количество атмосферных осадков (мм)
1942–1951 гг.	163
1952–1961 гг.	193
1962–1971 гг.	196
1972–1981 гг.	207
1982–1991 гг.	222
1992–2001 гг.	259

Однако, с 2000 года продолжительный рост количества осадков, продолжавшийся полвека, остановился, после чего наметилась тенденция к снижению среднегодовых сумм осадков. Среднее значение за периоды 2002–2011 гг. и 2012–2015 гг. составило 227 мм и 205 мм соответственно (рис. 2а).

Тренд выпадения атмосферных осадков по метеостанции Черный Яр за период с 1946 по 2015 гг., в целом положительный и совпадает с динамикой показателей вышерассмотренной станции (рис. 2б). Среднее количество осадков за каждое десятилетие в период с 1946 по 1995 гг. последовательно возрастает в среднем на 15 мм со значений 234,8 мм до 310,3 мм. В два последующих десятилетия наблюдается снижение сумм осадков. Среднее значение за периоды 1996–2005 гг. и 2006–2015 гг. составило 296,2 мм и 253,5 мм соответственно [3].

При сравнении среднемесячных показателей атмосферных осадков последних 15 лет и предыдущего периода (1978–1999 гг.) в среднем по региону, наблюдаются существенные изменения средних многолетних месячных значений (рис. 3).

В зимнее время года по-прежнему выпадает низкое количество осадков в виде снега, мокрого снега, дождя. В январе месяце происходит уменьшение значений в среднем на 7 мм (с 20 мм до 13 мм), в декабре небольшое увеличение количества осадков на 3–4 мм. Летом ливневые дожди стали выпадать реже и значения количества осадков снизились по июлю месяцу на 6 мм, по августу месяцу на 8–9 мм. Значительное увеличение осадков наблюдается в месяцах переходных сезонов (апрель, октябрь, ноябрь).

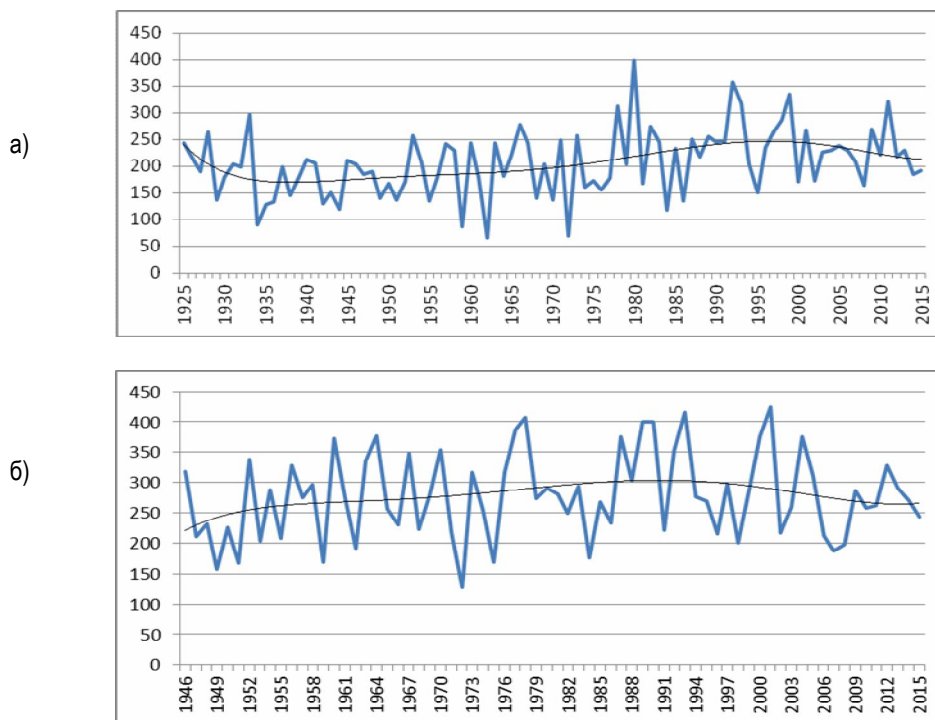

Рис. 2. Средний многолетний ход годового количества атмосферных осадков в аридной зоне

Итоги проведенных исследований указывают на изменчивость климатических характеристик последних десятилетий в регионе на фоне отмечающегося в настоящее время глобального потепления. По результатам наблюдения отмечается, что общая направленность тренда среднемесячных и годовых значений температур по региону в целом совпадает с характеристикой потепления других субъектов РФ. Вместе с тем географические особенности конкретной территории – рельеф, режим атмосферных циркуляций и др. – накладывают отпечаток на характер изменения локального климата. Как показали исследования, существенно изменились значения средней температуры воздуха за холодный период (рост составил около $1,2\text{ }^{\circ}\text{C}$ каждые 30 лет), что отразилось на тенденции роста среднегодовых температур.

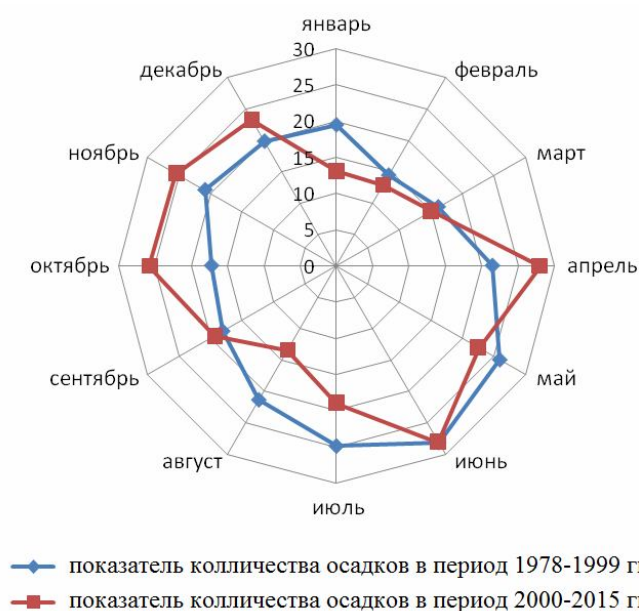

Рис. 3. Распределение количества осадков (мм) в Астраханской области по месяцам за периоды 1978–1999 гг. и 2000–2015 гг.

Изменения в режиме увлажнения за аналогичный период выражены не так явно, носят циклический характер с небольшим снижением за последние 15 лет. Наиболее заметны сезонные изменения количества выпавших осадков. В весенне-осенний период наблюдается увеличение осадков, летом значения количества осадков снижаются. Таким образом, в Астраханской области проявляются региональные климатические изменения, с некоторой направленностью на аридизацию в последние годы, данные которых необходимо учитывать при дальнейшем изучении последствий глобального потепления [5; 6].

Список литературы

1. Абдулжалимов А. А. Современные климатические изменения высокогорных ландшафтов Северо-Восточного Кавказа / А. А. Абдулжалимов, З. В. Атаев, В. В. Братков // Науки о Земле. Известия ДГПУ. – 2015. – № 2. – С. 86–93.
2. Ленская О. Ю. Особенности текущих климатических изменений в регионе Южного Урала / О. Ю. Ленская, М. Г. Ботова // Вестник ЧГУ. – 2011. – № 5 (220). – С. 44–49.
3. Бармин А. Н. Экстремальные температуры воздуха и распределение их по территории Астраханской области / А. Н. Бармин, Е. А. Колчин, Н. С. Шуваев // Астраханские краеведческие чтения : сб. ст. ; под ред. А. А. Курапова. – Астрахань : Издательство: Сорокин Р.В., 2009. – Вып. 1. – С. 20–23.
4. Груза Г. В. Климат России: потепление продолжается / Г. В. Груза, Э. Я. Ранькова // Наука и жизнь. – 2013. – № 2. – С. 56–61.
5. Золотокрылин А. Н. Тенденция опустынивания Северо-Западного Прикаспия по MODIS-данным / А. Н. Золотокрылин, Т. Б. Титкова // Современные проблемы дистанционного зондирования Земли из космоса. – 2011. – Т. 8, № 2. – С. 217–225.
6. Колчин Е. А. Опасные природные явления как лимитирующий фактор организации рекреации и туризма на территории Астраханской области / Е. А. Колчин // Туризм и рекреация: методические подходы и практические решения : мат-лы I Междунар. науч.-практ. семинара, посвященного 450-летию г. Астрахань. – Астрахань, 2008. – С. 15–17.
7. Колчин Е. А. Амплитуда годовых колебаний температуры воздуха на территории Астраханской области / Е. А. Колчин, А. Н. Бармин // Географическое изучение территориальных систем : сб. мат-лов III Всерос. науч. практ. конф. студ., аспирантов и молодых ученых (22–25 апреля 2009 г.). – Пермь : Пермский гос. ун-т, 2009. – С. 347–349.
8. Синенко Л. Г. Многолетняя изменчивость атмосферных осадков в Астраханской области / Л. Г. Синенко, Е. А. Жигалова // Астраханский ЦГМС : сб. работ ГУ. – Астрахань ЦИТЭП, 2007. – Вып. 1 (3). – С. 103–106.
9. Шкляев В. А. Вековые изменения температуры воздуха на Урале / В. А. Шкляев, Л. С. Шкляева // Современные географические исследования : сб. науч. тр. – Пермь, 2006. – С. 254–265.

АНАЛИЗ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ЗДОРОВОГО ПИТАНИЯ В МЕНЮ РЕСТОРАНОВ И КАФЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Кондратенко Елена Игоревна,

доктор биологических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Яковенкова Людмила Александровна,

кандидат биологических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Володина Наталья Вячеславовна,

магистрант программы «Функциональное питание»,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Андреева Анна Борисовна,

магистрант программы «Функциональное питание»,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет, г. Астрахань

Тиемова Жанар Александровна,

магистрант «Функциональное питание»,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Питание является одним из важнейших факторов, определяющих здоровье населения. Правильное питание обеспечивает нормальный рост и развитие детей, способствует профилактике многих заболеваний, продлению жизни людей, повышению работоспособности.

Здоровый образ жизни – модный тренд, но при этом не самый доступный. Ведь полноценная и качественная пища не может стоить дешево в отличие от суррогатов и полуфабрикатов. Принципы правильного питания известны каждому человеку с детства, но ненормированный рабочий день, высокое нервно-эмоциональное напряжение, отсутствие физической нагрузки в совокупности с избыточным, рафинированным, бедным по таким показателям, как полноценный белок, микроэлементы, витамины, незаменимые жирные кислоты питанием может способствовать развитию ишемической болезни сердца, гипертонии, диабета, неврозов. Нарушение режима питания приводит к заболеваниям желудочно-кишечного тракта, к нарушению иммунореактивности и резистентности к природным и техногенным факторам окружающей среды и, как следствие, к сокращению продолжительности жизни, высокой смертности от сердечно-сосудистых и онкологических заболеваний. Значительная часть потребителей осознает, что приверженность к здоровой пище в конечном итоге способствует снижению риска заболеваний.

У астраханцев, желающих начать здоровый образ жизни с правильного и грамотного питания недавно появилась такая возможность. В этом им поможет новый ресторан «ROSSVIK». Профессиональные сотрудники могут не только качественно обслужить, но еще и проконсультировать по вопросам питания и здорового образа жизни. Разнообразие блюд, в которых сохранены все питательные свойства продуктов, порадует любителей разных кухонь. Важно, что в ресторане «ROSSVIK» применяется специальная система приготовления еды «без воздуха». Аналогов в Астрахани ей пока нет. Заключается эта технология в получении продукции высокого качества, сокращении потерь полезных веществ при тепловой обработке и увеличении срока хранения готовых блюд.

Рестораны и кафе предлагают различные сервисы по доставке здорового сбалансированного питания для состоятельных клиентов. Главный редактор сайта **How to Green** и ресторанный обозреватель Екатерина Маслова отобрала пять сервисов доставки полезного диетического питания, которые помогут выработать правильные привычки в отношении еды. Для занятых людей такие сервисы – отличный вариант не думать о еде вообще. Не нужно тратить время на продумывание рациона, высчитывание калорий, белков, жиров и углеводов, покупку продуктов, приготовление блюд. Каждое утро курьер привозит вам еду на день, которую остается только разогреть. Даже если вы не готовы питаться так постоянно, стоит заказать программу хотя бы на пару дней. Это наглядно продемонстрирует, какой должен быть размер порции, объем всей еды на день, если вы хотите похудеть. Не удивляйтесь, если выяснится, что 1200 ккал – это на самом деле намного меньше (или больше), чем вы себе представляли.

1. Just For You. Мы вам уже рассказывали про этот проект сбалансированного питания от доктора Ирины Починой и ресторатора Аркадия Новикова в обзоре детокс-программ. Помимо этого, у Just For You есть разные рационы. В зависимости от вашей цели можно выбрать программы «Снижение веса», «Очищение организма», просто сбалансированное или гипохолестериновое питание. Желающим похудеть веганам предлагается рацион «1300 ккал постное меню», включающий 5 приёмов пищи в день. Блюда интересные и вкусные. Например, на завтрак вам привезут кашу на кокосовом молоке с ягодным соусом, на обед вас будет ждать овощной салат с киноа, запечённой тыквой и тофу, на ужин – фасоль с томатами и кусочком цельнозернового хлеба, а в качестве перекуса вам предложат свежую папайю и чайную коврижку. Для пескетарианцев есть рацион «1300 ккал без мяса и рыбы». Это меню изобилует вкусными морепродуктами и рыбой, хотя овощи остаются основой программы. Например, на завтрак вам привезут кашу из киноа с орехами и смузи, на обед – бульон с креветками и стерлядь на гриле, а ваш ужин будет состоять из гречневой лапши с овощами, тофу и грибами.

Стоимость программ «1300 ккал без мяса и рыбы» и «1300 ккал постное меню»: 5800 руб. за один день (или 5300 руб. за один день при заказе программы сразу на 10 дней).

2. Dellos Diet. Специфика диетического питания от знаменитого ресторана Maison Dellos состоит в том, что это возможность совмещать диету с высокой кухней. Все блюда для этой программы разрабатывает шеф-повар ресторана «Турандот» Дмитрий Еремеев совместно с диетологами. На выбор представлено несколько вариантов. Во-первых, веганская Detox, средняя калорийность дня которой составляет всего 1000–1200 ккал. Рацион может быть примерно таким: морковный пудинг на завтрак и смузи с манго и кокосовым молоком на второй завтрак, борщ на овощном бульоне с вишней и бурый рис на обед, смузи на полдник и овощной салат на ужин. Сидеть на таком рационе более пяти дней не рекомендуется, так как калорийность минимальная. Далее идут стандартные программы: 2D Woman рекомендуется для снижения веса и содержит 1300 ккал в день (безопасный уровень, позволяющий похудеть в разумные сроки), рацион 3D Woman – для поддержания веса с рационом 1500 ккал в день. Аналогичные программы есть и для мужчин. Каждый рацион может быть скорректирован в зависимости от ваших предпочтений. Например, мы в How to Green тестировали 2D Woman в веганской версии без продуктов животного происхождения. Плюсом программы является то, что еду на день привозят в красивой и удобной сумке-холодильнике, куда помимо маркированных контейнеров с едой обязательно добавляют пару красивых бутылок со структурированной водой и пакетик ромашкового чая. Стоимость программы Detox: 3500 руб. за один день. Стоимость программ 2D Woman и 3D Woman: 3900 руб. за один день.

3. «Королевский рацион». Эта система доставки ежедневных рационов здорового питания разработана врачом-диетологом Маргаритой Королёвой. Программ довольно много – «Очищение организма», «Снижение массы тела», «Вегетарианское», лечебное питание или питание на каждый день. Особенно интересны варианты детокса, рассчитанные на период от одного до семи дней. Помимо традиционных соков и смузи и того же, но с добавлением супов и салатов, есть третий очень необычный рацион – блюда живой кухни. Готовится вся еда при температуре меньше 47,8 градусов для максимального сохранения полезных веществ. Все продукты только растительного происхождения, так что рацион подходит и для веганов тоже. Калорийность рациона на один день составляет 1250–1350 ккал, распределённых на семь приёмов пищи. Меню достаточно разнообразное и питательное, но это по большей степени жидкости, к чему надо быть готовым. Для жаркого августа это, правда, самое то. При заказе рациона минимум на три дня вам подарят руководство с рекомендациями по подготовке и выходу из детокса, а также дневник, в котором можно фиксировать своё самочувствие и инсайты во время диеты. Стоимость программы «Блюда живой кухни»: 4100 рублей за один день (три блюда и четыре сока)

4. D-light. Гастрономическое питание для стройности и красоты с доставкой на дом от Марии Кравцовой. На выбор представлено восемь разных программ на любой вкус и для разных целей. Две программы для интенсивного похудения с дневной калорийностью в 1200 ккал, одна из которых очень интересная – «Восточный экспресс», – состоит исключительно из панзиатских блюд. Есть специальный рацион для веганов и постящихся, а также «Дары моря» для пескетарианцев с ежедневной калорийностью 1500 ккал. Мы в How to Green тестировали последнюю, о

которой и расскажем подробнее. Дополнительно мы попросили исключить из программы все молочные продукты и белую муку. В результате нам присылали очень разнообразные и сытные блюда – проголодаться не успеваешь. Несколько раз в день радуют рыбными деликатесами вроде сашими салата из спинки лосося и мякоти цитрусовых или морских гребешков с рагу из спаржи и томатов. Весь день включал на удивление много блюд. Вот пример одного: белковые блинчики с соусом из хурмы на завтрак и свежие ягоды на второй завтрак, на обед – салат с манго и овощами, тайский суп с морепродуктами и хрустящими хлебцами, плов из дикого риса с креветками и кальмарами, на полдник – смузи из тыквы, тофу и апельсина с кунжутными чипсами, а на ужин – салат с морковью, свёклой, яблоком и филе дорадо с овощным рагу. Стоимость программы «Дары моря»: 3960 руб. за один день.

5. Elementaree. Многие знают Elementaree как доставку продуктов и рецептов для ужинов для приготовления их дома своими руками. Теперь компания запустила детокс-программу питания, рассчитанную на два дня. Готовить ничего не придётся, курьер привезёт уже готовые блюда. Вернее, сразу два пакета по одному на каждый разгрузочный день, так что останется только взять его с собой. На день предлагается пять приёмов пищи и бутылка полезной воды. Учтите, что рационы не веганские, так как подразумевают наличие молочных продуктов, которых может быть довольно много. Так, день будет состоять из творожка с яблочным чатни, клубнично-мятного ласси, томатного супа-пюре, хумуса из цветной капусты с морковью и супа-пюре из корня сельдерея. Порции (особенно на обед и ужин) большие, так что голодать не придётся. Нам большая часть блюд показалась довольно безвкусной, к тому же в рационе слишком много супов, так что если вы привыкли к ярким вкусам и первые блюда недолюбливаете, то лучше выбрать другой сервис. Но рецепторы этот детокс чистит хорошо – после двух дней на данном рационе привычная еда кажется невероятно вкусной. Стоимость программы: 2900 руб. за два дня.

Эксперименты с разными рационами питания – это отличная возможность расширить свои представления о том, какими на самом деле разнообразными и интересными могут быть полезные диетические блюда. Полученный опыт можно взять на вооружение и использовать в дальнейшем, планируя своё питание уже самостоятельно.

ОЦЕНКА СОВРЕМЕННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ УРБАНОЗЕМОВ СОВЕТСКОГО РАЙОНА г. АСТРАХАНИ

Синцов Александр Владимирович,

кандидат географических наук,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Клачкова Галина Владимировна,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Перхун Иван Олегович,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Максимова Оксана Юрьевна,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Современный почвенный покров урбанизированных территорий разнороден и представляет собой мозаичный комплекс, состоящий из почв разного происхождения, как естественного, так и антропогенного происхождения.

На территории современного города выявляются две группы почв: естественного происхождения и антропогенно-сформированные.

Почвы естественного происхождения современного города представляют собой зональные почвы исторически и генетически свойственные для исследуемой территории.

К антропогенно-сформированным почвам города относятся почвы подвергшиеся изменению в результате процесса человеческой деятельности. Эти почвы подразделяются в зависимости от характера их формирования (вида антропогенной деятельности), физического состояния и химического состава на: урбанозёмы, культурозёмы, некрозёмы, индустриозёмы, интрузёмы, экранозёмы.

Урбанозём – это генетически самостоятельный поверхностный слой, созданный человеком в результате градостроительных работ (перемешивания, погребения или загрязнения строительно-бытовым мусором) и жизнедеятельности городского населения, который обладает чертами природной почвы.

Для урбанозёмов характерно наличие диагностического почвенного горизонта – «урбик-У», мощностью более 0,5 м.

Профиль урбанозёма имеет следующее строение:

– Uda1-гумусированный тёмно-серый антропогенно-уплотнённый горизонт, опесчаненный, структура блоково-глыбистая, в сухом состоянии растрескивается с горизонтальной делимостью, встречаются единичные включения строительного мусора, переход ясный;

– Uha2-гетеро-гумусированный горизонт, серый, опесчаненный, наличие буроватых, коричневатых фрагментов других горизонтов, плотный, структура комковатая, пороховатая, встречаются включения строительного мусора, переход ясный;

– PLa3-постабразионный горизонт, бурый, структура ореховато-комковато-порорховатая, включения строительного мусора 40 % от массы горизонта, образуют слой, переход ясный;

– PCtra1-постабризонный турбированный горизонт, буровато-серый гетерогенный по окраске, встречаются фрагменты иллювиального горизонта, структура призмовидно-ореховатая, включения строительного мусора единичны, переход резкий; L-бетонное перекрытие теплотрассы [1].

Урбанозем имеет распространение во всех функциональных зонах города, а именно он встречается на территории административно-делового центра, в зонах селитебного, рекреационного и промышленно-производственного назначения.

Образование урбаноземов, как правило происходит на окраинах города, где протекают процессы по формированию жилых массивов и иных объектов инфраструктуры города.

Для города Астрахани и его административных районов характерно наличие всех групп почв, в том числе и урбаноземов, которые в процентном соотношении составляет 9 % от общей площади города.

На территории Советского района г. Астрахани урбаноземы можно встретить повсеместно, но в основном они распространены в жилой зоне и площадь их от общей, составляет 6 %.

Также отмечается и то, что в результате ведения современного процесса инженерно-строительной деятельности и развития автодорожной системы на территории Советского района г. Астрахани отмечается уменьшение территорий занятых открытыми урбаноземами, как правило, они запечатываются твердыми покрытиями (асфальт, бетон и т.д.) и часто они просто разрушаются при ведении нового этапа строительства по средством среза поверхностного слоя.

На окраинах рассматриваемого административного района, где активно ведется строительная деятельность по возведению жилых массивов можно проследить сам процесс стадии образования урбанозема.

С применением строительных машин, происходит изъятие и подъём на дневную поверхность большого количества грунтового материала и последующее его перемешивание с остатками почвенного и почвогрунтового материала, с привозными грунтами, а также со значительным количеством строительного мусора при засыпке и разравнивании поверхности на завершающем этапе возведения объекта инженерного строительства.

Список литературы

1. Муха В. Д. Почвы поселений / В. Д. Муха, Н. И. Картамышев, Д. В. Муха // Агропочвоведение. – М. : КолосС, 2004. – 376 с.
2. Синцов А. В. Почвенный покров урбанизированных территорий / А. В. Синцов, А. Н. Бармин, Г. У. Адымова. – Астрахань : АЦТ, 2010. – 164 с.
3. Синцов А. В. Загрязнение почвенного покрова г. Астрахани тяжелыми металлами / А. В. Синцов, А. Н. Бармин // Естественные науки. – 2011. – № 5 (55). – С. 218–223.
4. Синцов А. В. Современная классификация почвенного покрова городских территорий / А. В. Синцов, А. Н. Бармин // Геология, география и глобальная энергия. – 2011. – № 3 (42). – С. 149–155.
5. Синцов А. В. Изменение почвенного покрова города Астрахани под воздействием антропогенных источников / А. В. Синцов, И. С. Шарова, И. Г. Яковлев // Вопросы степеведения. – Оренбург : ИС УрО РАН, 2011. – С. 147–149.
6. Синцов А. В. Изменение почвенного покрова города Астрахани под воздействием техногенных факторов городской инфраструктуры / А. В. Синцов, И. С. Шарова, Д. И. Ивенская // Экология России: на пути к инновациям : межвуз. сб. науч. тр. / сост. Т. В. Дымова. – Астрахань : Изд-во Нижневолжского экоцентра, 2013. – Вып. 8. – С. 76–79.
7. Синцов А. В. Динамика тяжелых металлов в почвах урбозкосистем / А. В. Синцов, А. Н. Бармин, М. В. Валов // Геология, география и глобальная энергия. – 2014. – № 4 (55). – С. 148–156.
8. Синцов А. В. Исследование урбоземов г. Астрахани на содержание тяжелых металлов / А. В. Синцов, А. Н. Бармин, Е. А. Колчин // Географические науки и образование : мат-лы VIII Всерос. науч.-практ. конф. (г. Астрахань, 25 марта). – Астрахань : АГУ, 2015. – С. 256–259.
9. Синцов А. В. Современное распространение экранированных почв на территории города Астрахани / А. В. Синцов, А. Н. Бармин // Экологические проблемы природных и урбанизированных территорий : мат-лы VIII Междун. Науч.-практ. конф. / сост. Т. В. Дымова. – Астрахань : Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2015. – С. 109–112.
10. Синцов А. В. Антропогенное воздействие процесса урбанизации на почвенный покров / А. В. Синцов, А. Н. Бармин, И. П. Быков [и др.] // Экология России: на пути к инновациям : межвуз. сб. науч. тр. / сост. Т. В. Дымова. – Астрахань : Изд-во Нижневолжского экоцентра, 2015. – Вып. 12. – С. 108–113.
11. Синцов А. В. Современное распространение антропогенных глубоко-преобразованных почв на территории г. Астрахани / А. В. Синцов, А. Н. Бармин, Е. А. Колчин // Геология, география и глобальная энергия. – 2015. – № 3 (58). – С. 42–50.
12. Синцов А. В. Современное распространение урбаноземов на территории г. Астрахани / А. В. Синцов, А. Н. Бармин, Е. А. Колчин // Естественные и технические науки. – 2015. – № 3 (52). – С. 34–37.
13. Синцов А. В. Современное распространение почвоподобных образований на территории г. Астрахани / А. В. Синцов, А. Н. Бармин, И. П. Быков [и др.] // Роль технических наук в развитии общества : сб. мат-лов Междунар. науч.-практ. конф. (26–27 ноября 2015 г.). – Кемерово : КузГТУ, 2015. – С. 131–135.
14. Синцов А. В. Современное распространение урбоземов на территории Трусовского района города Астрахани / А. В. Синцов, А. Н. Бармин, Р. В. Черкашин [и др.] // Экология России: на пути к инновациям : межвуз. сб. науч. тр. / сост. Т. В. Дымова. – Астрахань : Изд-во Нижневолжского экоцентра, 2016. – Вып. 13. – С. 96–99.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ, МЕДИЦИНСКИЕ, СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАБОЛЕВАНИЯ САХАРНЫМ ДИАБЕТОМ

Тиимова Жанар Александровна,

магистрант, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Володина Наталья Вячеславовна,

магистрант, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Андреева Анна Борисовна,

магистрант, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

По определению экспертов Всемирной организации здравоохранения: «Сахарный диабет является проблемой всех возрастов и всех стран». Сахарный диабет 2 типа (СД2) представляет собой серьезную медико-социальную проблему, значимость которой обусловлена его высокой распространенностью, сохраняющейся тенденцией к росту числа больных, хроническим течением, высокой инвалидизацией и смертностью больных в результате развития поздних сосудистых осложнений (микро-, макроангиопатии), а также необходимостью создания системы специализированной помощи больным. В настоящее время около 250 млн чел. в мире страдают этим тяжелым заболеванием [1, с. 6]. Согласно предположениям ученых, к 2025 г. эта цифра составит более 380 млн чел. Ежегодно количество больных увеличивается на 6–7 %, и к настоящему времени СД уже болеет 2–4 % населения земного шара [6, с. 4–5].

Так же как и в других регионах, острой проблемой по заболеваемости СД стала и Астраханская область (четыре-пять процентов всего населения). Среди больных сахарным диабетом в 2–3 раза чаще, нежели у других, наблюдается смертность от болезней сердца и инсульта, в 10 раз – слепота, в 12–15 раз – нефропатия, в 20 раз – гангрена конечностей.

В России, по данным Государственного регистра больных сахарным диабетом, зарегистрировано более 2,8 млн больных сахарным диабетом, большинство из которых страдает именно СД2. Важно отметить, что распространенность этого заболевания, регистрируемая по статистике обращений, не отражает реальной ситуации, так как фактическое число больных в 2–3 раза превышает официальные цифры. Ежегодно регистрируется до 200 тыс. новых случаев СД и примерно в 88 % случаев – это СД2. Лидирующее место в структуре заболеваемости и смертности у пациентов с СД 2 занимают все же именно макрососудистые осложнения [17, с. 28]. Так, риск развития ишемической болезни сердца (ИБС) при СД2 возрастает в 2–5 раз, а риск развития мозговых инсультов в 3–4 раза; смертность от ИБС, по данным разных источников – в 3–6 раз, а от цереброваскулярных заболеваний – в 2–3 раза превышает аналогичные показатели в общей популяции [3, с. 6–9]. Помимо этого, при СД2 имеет место и высокая распространенность микрососудистых осложнений. Риск развития терминальной нефропатии с хронической почечной недостаточностью (ХПН) при СД возрастает в 15–20 раз, потери зрения вследствие пролиферативной ретинопатии – в 10–25 раз, гангрены – в 15 раз.

За последние 10 лет численность больных СД в России удвоилась, и сейчас, только по обращаемости, в нашей стране, зарегистрировано более 3 млн больных СД. Реально же число больных СД в России в 3–4 раза больше, т.е. более 9 млн чел. (около 6 % населения). ВОЗ считает, что Россия входит в число 10 стран с наибольшим количеством больных сахарным диабетом [3, с. 6–9].

Следует отметить, что в структуре эндокринологической заболеваемости населения ведущее место занимает сахарный диабет, который составляет около 50 % от общего уровня данной патологии. В этой связи для реализации конечной цели Федеральной целевой программы «Сахарный диабет» – повышение качества жизни больных сахарным диабетом (СД) необходим региональный комплексный подход, с одной стороны, к исследованию факторов риска распространенности СД, а с другой к совершенствованию организации, повышению качества и эффективности медицинской помощи больным, профилактике развития острых и поздних осложнений СД с учетом медико-социальных факторов риска, а также обучению больных самопомощи и ведению здорового образа жизни с сахарным диабетом.

Важнейшей проблемой современной диабетологии является разработка новых, более эффективных способов профилактики и терапии СД 2 типа, призванных сократить темпы роста численности больных в популяции, а также значительно уменьшить риск развития микро- и макрососудистых осложнений, полиневропатии, увеличить продолжительность жизни больных и минимизировать социально-экономические потери. Опираясь на данные ретроспективного анализа множества крупномасштабных, международных исследований в области диабета, констатируется необходимость эффективного многофакторного управления многочисленными нарушениями, развивающимися при СД 2 типа, что связано с большими объективными и субъективными сложностями. Отмечаются новые акценты и цели коррекции метаболических и сосудистых отклонений, пересматривается понимание роли патогенетических факторов болезни, подчеркивается приоритетность многопланового интервенционного подхода. Современная тактика ведения больных СД 2 типа должна базироваться на глубоком понимании механизмов его развития с целью коррекции ключевых патогенетических дефектов, на достижении раннего, жесткого и, одновременно, безопасного гликемического контроля, а также длительной коррекции метаболических и сосудистых отклонений.

Профилактика и лечение СД является одной из важнейших проблем, стоящей перед системой здравоохранения. СД является одним из наиболее ресурсоемких заболеваний, при этом значительный рост расходов на лечение обусловлен осложнениями.

Средние годовые затраты на пациента с сахарным диабетом 1 типа (СД1) составляет 81,1 тыс. рубл., а на пациента с сахарным диабетом 2 типа (СД2) – 70,8 тыс. руб. Хотя большинство пациентов с СД2 старше 60 лет почти на 25 % экономического бремени составили не медицинские и не прямые затраты: при СД1 на эти затраты пришлось 35 % экономического бремени. Структура медицинских затрат зависит от типа СД: при СД1 основную часть составили затраты, обусловленные лечением СД, при СД2 половина медицинских затрат была связано с лечением СД, а другая с лечением осложнений сахарного диабета. Затраты на медикаменты составила 69 % медицинских затрат при СД1, а затрат на лекарственную терапию 46 %. Средние затраты на пациентов СД при наличии осложнений превосходили затраты на пациентов СД.

Также статистика указывает, что средние медицинские затраты на пациента с СД, получающего инсулин, но без осложнений составили 38,5 тыс. руб., тогда как на пациента, получающего другую сахароснижающую терапию и имеющих осложнения, – 37 тыс. руб.

Таким образом, следуя вышеуказанным данным, можно сделать вывод о том, что на лечение осложнений затраты выше, чем на выявление заболеваний и поддерживающую терапию больных сахарным диабетом. Поэтому профилактика заболеваний сахарным диабетом так важна и в экономическом плане, и в медико-социальном. И это должно стать основой выработки долгосрочной политики.

Одним из условий профилактики сахарного диабета является ранняя диагностика. Необходимо активно выявлять новые случаи диабета совместно с врачами – терапевтами, в школах здоровья и ежегодных профилактических осмотрах, особенно людей трудоспособного возраста.

В нашем регионе следует увеличить активность и всячески популяризировать школы здоровья, где для людей с сахарным диабетом, а также людей предрасположенных к этому заболеванию, будут говорить и доступно объяснять о правилах здорового питания, подсчета гликемического индекса и хлебных единиц.

Гликемический индекс – это показатель, отражающий способность пищи повышать уровень сахара в крови. Продукты с высоким гликемическим индексом обеспечивают быстрое повышение уровня сахара в крови. Они легко перевариваются и усваиваются организмом. Чем выше гликемический индекс того или иного продукта, тем выше при его поступлении в организм поднимется уровень сахара в крови, что, в свою очередь, повлечет за собой выработку организмом мощной порции инсулина. Продукты с низким гликемическим индексом медленнее поднимают уровень сахара в крови, потому что углеводы, содержащиеся в этих продуктах, не сразу усваиваются.

Определение гликемического индекса продукта зависит от многих факторов: вида углеводов, которые содержит продукт питания, количества содержащейся в нем клетчатки, как долго продукт подвергался тепловой подготовке, от присутствия в продукте белка и жира.

Гликемический индекс – понятие относительное. За основу при его составлении изначально была взята глюкоза, ее гликемический индекс был приравнен к 100, а индексы всех остальных продуктов составляют определенное количество процентов относительно гликемического индекса глюкозы. В ряде случаев за точку отсчета гликемического индекса берется не глюкоза, а белый хлеб. Относительно величин гликемического индекса глюкозы или белого хлеба и рассчитываются гликемические индексы всех остальных продуктов.

• чем больше в пище, включающей различные продукты, содержится клетчатки, тем ниже будет суммарный гликемический индекс;

- сырые овощи и фрукты имеют менее высокий гликемический индекс, чем подвергшиеся тепловой обработке;
- сочетание белков с углеводами снижает общий гликемический индекс;
- чем больше размельчен продукт, тем выше его гликемический индекс;
- чем дольше пища пережевывается, тем медленнее усваиваются углеводы (тем ниже посталиментарная гликемия).

Взаимозаменяемость продуктов по углеводам. У больных диабетом, находящихся на жесткой диете, содержание углеводов в суточном рационе должно быть постоянным. Для того, чтобы разнообразить меню, необходимо знать правила взаимозаменяемости продуктов по углеводам.

С этой целью введено понятие «хлебная единица» (ХЕ).

Хлебная единица. 1 ХЕ – это такое количество продукта, которое содержит 12 г углеводов (соответствует примерно 50 ккал). На переработку 1 ХЕ требуется примерно 2 ЕД инсулина. За один прием пищи не следует съедать больше 6–8 ХЕ.

Первоначально хлебная единица была введена именно для больных сахарным диабетом, получающих инсулин. Для них в высшей степени важно соблюдать ежедневную суточную норму углеводов, соответствующую вводимому инсулину. Так, если вы ошибетесь в подборе продуктов и съедите больше углеводов, чем это рассчитано в соответствии с назначенной дозой инсулина, уровень сахара в крови повысится. И наоборот, если вы регулярно получаете углеводов меньше чем нужно, у вас может развиться гипогликемия.

Благодаря введению понятия хлебной единицы больные сахарным диабетом получили возможность правильно составлять меню, грамотно заменяя одни углеводосодержащие продукты другими.

Суточная потребность человека в углеводах составляет примерно 18–25 хлебных единиц. Их целесообразно распределить на шесть приемов пищи. В завтрак, обед и ужин рекомендуется принимать по 3–5 хлебных единиц углеводов, во второй завтрак и полдник – по 1 хлебной единице. Большая часть углеводосодержащих продуктов должна приходиться на первую половину дня.

Пользуясь таблицами химического состава пищевых продуктов, можно подсчитать хлебные единицы для любого продукта. Таким образом, можно разнообразить углеводную часть рациона, но при этом общее количество уг-

леводов останется постоянным. Например, вместо куска ржаного хлеба массой 50 г (2 ХЕ) можно съесть 300 г черники (2 ХЕ) или выпить 0,5 л молока (2 ХЕ), или съесть 150 г отварного картофеля (2 ХЕ).

Роль пищевых волокон в питании больных сахарным диабетом. Ученым давно известна способность продуктов растительного происхождения снижать сахар крови за счет наличия в них пищевых волокон и гипогликемических веществ, многие из которых являются дериватами гуанидина.

Сахароснижающее действие оказывают капуста белокочанная и брюссельская, грейпфруты, лимоны, апельсины, лук, чеснок, грибы, шпинат, сельдерей, овес, черника, земляника. В последнее время внимание ученых привлек топинамбур (земляная груша), содержащий инулин и обладающий сахароснижающим действием. Благодаря наличию калия, железа, кремния и цинка топинамбур оказывает положительное действие на электролитный обмен при сахарном диабете.

В последние годы большое значение в диетотерапии сахарного диабета придается неперевариваемым полисахаридам (целлюлозе, гемицеллюлозе, пектину). Пищевые волокна стимулируют перистальтику кишечника, уменьшают всасывание холестерина и жирных кислот, адсорбируют в кишечнике токсические продукты, а также часть белков, жиров и углеводов. Позитивный эффект пищевых волокон, согласно последним данным, проявляется при поступлении его в больших количествах (более 40–50 г в день, вместо 25–30 г).

Сахарозаменители и подсластители. Необходимость исключить или резко ограничить употребление сахара в питании создает у больных сахарным диабетом состояние дискомфорта. Особенно трудно переносят исключение сладостей дети и подростки, поэтому широкое применение нашли заменители сахара, получаемые из растений или созданные химическим способом.

В качестве заменителей сахара больные могут использовать сорбит, ксилит, фруктозу, сахарин, аспартам, цикламат натрия и экстракт стевии.

Общие правила использования сахарозаменителей.

1. Необходимо установить индивидуальную непереносимость ксилита и сорбита с учетом их послабляющего действия.

2. Принимать сахарозаменители только на фоне компенсации или субкомпенсации заболевания.

3. Необходимо учитывать энергетическую ценность сахарозаменителей.

4. Суточная доза ксилита, сорбита или фруктозы не должна превышать 25–30 г, а у лиц пожилого возраста – 15–20 г (с учетом кондитерских изделий, джемов и др.).

5. При развитии побочных эффектов (тошнота, метеоризм, изжога, «металлический» вкус во рту) препарат должен быть отменен.

Основные виды сахарозаменителей:

Сорбит.

Ксилит.

Фруктоза.

Аспартам.

Сахарин.

Цикламат натрия.

Еще хочется сказать о малоинформированности населения о данном заболевании. Больные СД не знают, как правильно вести свой образ жизни и наладить правильное питание. Население Астраханской области неграмотно в данном вопросе. Это происходит потому, что в нашем регионе недостаточно специалистов, обучающих людей с сахарным диабетом правильному образу жизни.

Проанализировав продовольственный рынок Астраханской области, мы пришли к выводу о том, что у нас недостаточное количество специализированных магазинов и отделов диабетического питания и продуктов с пониженным гликемическим индексом. В супермаркетах ассортимент очень скуден для построения полноценного питания людей, страдающих гипергликемией. А стоимость данных продуктов очень высока.

Список литературы

1. Аметов А. С. Ранняя комбинированная терапия при сахарном диабете 2 типа / А. С. Аметов, Е. В. Карпова // Сахарный диабет. 2011. – № 3. – С. 80–83.
2. Бардымова Е. В. Совершенствование организации раннего выявления и повышение эффективности амбулаторно-поликлинической помощи при сахарном диабете : автореф. дис. ... канд. мед. наук / Е. В. Бардымова. – 2009. – 24 с.
3. Горшков И. П. Некоторые особенности иммунного статуса у больных сахарным диабетом 2 типа / И. П. Горшков, А. П. Волюнкина [и др.] // 5 Всероссийский диабетический конгресс : сб. тез. (23–26 мая 2010 г.). – М., 2010. – С. 69.
4. Государственный регистр больных сахарным диабетом. – М., 2010.
5. Гурвич М. М. Диета при сахарном диабете / М. М. Гурвич. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2006. – 288 с.
6. Дедов И. И. Значимость результатов исследования ADVANCE для контроля сахарного диабета в России / И. И. Дедов, М. В. Шестакова // Сахарный диабет. – 2009. – № 2. С. 4–5.
7. Дедов И. И. Интервью академика И. И. Дедова / И. И. Дедов // Сахарный диабет. – 2011. – № 1. – С. 12–14.
8. Дедов И. И. Оптимизация и интенсификация инсулинотерапии при сахарном диабете 2 типа (клинические рекомендации) / И. И. Дедов, М. В. Шестакова // Сахарный диабет. – Спецвыпуск. – 2010. – С. 9–15.
9. Дедов И. И. Первичный и вторичный остеопороз: патогенез, диагностика, принципы профилактики и лечения : метод. пос. для врачей / И. И. Дедов, Л. Я. Рожинская, Е. И. Марова. – М., 1999.
10. Дедов И. И. Сахарный диабет в Российской Федерации: проблемы и пути решения / И. И. Дедов // Сахарный диабет. – 2009. – № 7. – С. 31–53.

11. Джупарова И. А. Социально-экономическая стратификация больных сахарным диабетом / И. А. Джупарова, О. В. Сазонова, Е. А. Абрашкина // Сахарный диабет. – 2010. – № 4. – С. 109.
12. Захарова С. М. Медико-социальное обоснование первичной профилактики сахарного диабета типа 2 : автореф. дис. ... д-ра мед. наук / С. М. Захарова. – СПб., 2004. – 48 с.
13. Максимова Т. М. Здоровье населения и социально-экономические проблемы общества / Т. М. Максимова, О. И. Гоенко // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2003. – № 1. – С. 3–7.
14. Мкртумян А. М. Профилактика сахарного диабета типа 2 не миф, а реальность / А. М. Мкртумян // Consilium medicum. – 2004. – Т. 6, № 9.
15. О федеральной целевой программе «Сахарный диабет» Правительство Российской Федерации, постановление от 7 октября 1996 г. № 1171 г. Москва.
16. Предтеченская А. В. Медико-социальная значимость сахарного диабета : автореф. дис. ... д-ра мед. наук / А. В. Предтеченская. М., 2005. – 44 с.
17. Федоров Н. К. Обоснование критериев тяжести сахарного диабета у военнослужащих при проведении военно-врачебной экспертизы : автореф. дис. ... д-ра мед. наук / Н. К. Федоров. – М., 2005. – 42 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МУЗЕЕВ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ТУРИЗМА

Шарова Ирина Сергеевна,

*доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики,
ФГУБ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Джумалиева Геля Тулегеновна,

магистрант ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Ильин Дмитрий Владимирович,

магистрант ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Завьялов Алексей Викторович,

магистрант ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Астраханская область обладает выгодным географическим положением для привлечения туристов и отдыхающих. На территории города и области имеется немало музеев, посвященных различным сферам человеческой деятельности. Посетив их, можно познакомиться с культурой, традициями и обычаями местных жителей, историей края. В целом музейная сеть Астраханской области объемная и разнообразная.

К наиболее интересным, с точки зрения туризма, относятся: Астраханский областной историко-архитектурный музей-заповедник – старейший музей Поволжья, который является сегодня наиболее развитой музейной структурой Астраханской области. В музеях сконцентрировано огромное количество культурно-исторических экспонатов, что является важным компонентом для проведения культурно – познавательных туристско-экскурсионных программ [3].

Дом-музей Велимира Хлебникова – единственный в мире музей поэта, получивший мировое признание, был открыт в Астрахани в 1993 г. В экспозициях музея – подлинные предметы семьи Хлебниковых, фамильная библиотека на шести языках, личные вещи поэта, живопись Веры Хлебниковой и графика Петра Митурича. Одна из задач музея – создание открытого музейного пространства, предоставляющего возможность для творческого самовыражения и взаимодействия молодых астраханцев.

Астраханский историко-архитектурный музей-заповедник, в состав которого входит кремль – является крупнейшим музейным объединением на Волге. В Астрахани также находится один из лучших художественных музеев Поволжья, представляющий уникальную коллекцию произведений многих русских художников – государственная картинная галерея им. П.М. Догдина [1].

Астраханский историко-архитектурный музей-заповедник, один из старейших провинциальных музеев России, прошел долгий путь – от небольшого «Губернского музеума», основанного в XIX в., до самого крупного музея региона. Сейчас у него открыто 14 филиалов в Астрахани и области, а собрание насчитывает более 300 тыс. экспонатов всевозможной тематики – от коллекции работ таксидермистов до нумизматических ценностей. Сложно подобрать более подходящее место для человека, желающего ознакомиться с историей и особенностями этих краев. Адрес: Астрахань, ул. Советская, 15. Добраться до музея можно любыми видами общественного транспорта до остановки на ул. Коммунистической.

Музей боевой славы открылся в Астрахани в 30-летнюю годовщину победы в Великой Отечественной войне – в 1975 г. В музее воссоздана сталинградская квартира времен ВОВ: обстановка, световые и звуковые спецэффекты. Экспозиция как машина времени переносит посетителей в 40-е гг. XX в., поэтому называется «Погружение». Адрес: Астрахань, ул. Ахматовская, 7.

Музей Кустодиева. В музее представлены работы Кустодиева, часть которых он сам подарил Астраханской коллекции незадолго до своей смерти. В составе экспозиции есть памятные предметы, переданные музеем внучкой художника Т. К. Кустодиевой. Адрес: Астрахань, ул. Калинина, 26.

Дом купца Г.В. Тетюшинова – музейно-культурный центр. Один из самых красивых домов Астрахани является образцом так называемого «русского» стиля в деревянном зодчестве.

Дом, построенный в 70-х гг. XIX в., являлся летней резиденцией купца первой гильдии Григория Васильевича Тетюшинова (30-е гг. XIX в. – 1894). Чудом сохранившийся до наших дней, дом был отреставрирован к 450-летию

юбилею Астрахани и сегодня не просто радует глаз прохожих, но и приглашает всех желающих познакомиться с уникальной экспозицией и окунуться в атмосферу купеческой Астрахани XIX в. Гостей музейно-культурного центра ждет анимированная экскурсия, в ходе которой «сам» купец и его окружение знакомят посетителей со своим бытом и семейными традициями, рассказывают историю дома. Эта достопримечательность Астрахани является объектом культурного наследия федерального значения. Адрес: г. Астрахань, ул. Коммунистическая, 26 / ул. Раскольников, 9.

Музей культуры Астрахани был открыт в 1978 г. как Литературный музей Николая Гавриловича Чернышевского (1828–1889 гг.). Открытие музея было приурочено к 150-летию со дня рождения философа и писателя. Сегодня здесь можно познакомиться с культурой края XVIII–XX вв., изучить материалы о выдающихся личностях, чьи жизненные пути пересекались с Астраханью. В музее культуры Астрахани с исторической достоверностью воспроизведены старинные интерьеры кабинета писателя, музыкальной гостиной, студии фотографа с подлинными предметами – мебелью, живописными работами, документами, фотографиями, предметами быта и т.д. Музей отличается неповторимой атмосферой старинной Астрахани, заботливо сохраненной для нас в этом замечательном месте. Адрес: г. Астрахань, ул. Чернышевского, 4.

«МуЛяЖ», музей лягушек и жаб – пожалуй, самая большая в России частная арт-коллекция, посвященная земноводным, его экспозиция насчитывает более 1000 экспонатов! Этот оригинальный музей Астрахани удобно расположен в историческом центре города, в районе Коса. Помимо основной экспозиции, «МуЛяЖ» предлагает специальную нескучную программу экологического просвещения гостей, аттракционы, широкий выбор тематических сувениров, чай, кофе и прочие сладости в собственном кафетерии и даже фирменный молочный шоколад зеленого цвета. В музее лягушек и жаб «МуЛяЖ» г. Астрахани проводятся разнообразные мастер-классы, детские и семейные праздники. Адрес: г. Астрахань, ул. Максима Горького, 3.

«Цейхгауз» – музейно-выставочный комплекс расположенный на территории астраханского кремля музейно-выставочный комплекс «Цейхгауз» был открыт в 2013 г. Сегодня в его двух просторных залах проходят различные выставки и другие мероприятия культурной и образовательной направленности. Необычное название этот музейно-выставочный комплекс получил не случайно. В переводе с немецкого Цейхгауз (нем. Zeughaus, от zeng – орудие, вещь, и haus – дом) – здание, служащее для хранения амуниции и оружия. Именно для этого и было построено в 1844 г. здание, в котором сегодня располагается музейно-выставочный комплекс. Здание «Цейхгауза» можно увидеть в ходе экскурсии по астраханскому кремлю, пешеходной экскурсии по Астрахани и обзорной экскурсии по Астрахани.

Музей истории рыболовства с. Икряное, расположенное в 40 км от Астрахани вниз по Волге, небольшое село могло бы остаться ничем не примечательным местом. Музей, который, кстати, считается официальным филиалом Астраханского государственного историко-архитектурного музея-заповедника. Коллекцию его, посвященную не только вкуснейшему на Волге промыслу – рыбной ловле, но и истории развития села, можно назвать поистине уникальной. Адрес: Астраханская обл., Икрянинский р-н, с. Икряное, ул. Ленина, 20.

Музей «Российский арбуз» увлекательная экскурсия, проводимая научными сотрудниками, поможет узнать об истории бахчеводства на территории Астраханской области. Туристы увидят исторические документы, в которых упоминается подаваемый к царскому столу «необыкновенный фрукт из Астрахани». Адрес: Астраханская обл., Камызяк, ул. Любича, 16.

Музей «Селитренное городище» в 120 км от Астрахани, в небольшом с. Селитренное находится удивительное место. Сегодня на месте старинного города работает комплексный музей «Селитренное городище», на территории которого регулярно проводятся раскопки. Это учреждение – филиал Астраханского музея-заповедника. Городище включено в список памятников археологии федерального значения и считается одним из самых крупных и важных объектов такого типа в России. Адрес: Астраханская обл., Харабалинский р-н, с. Селитренное.

Музей Г.Б. Самитовой в старинном селе Каменный Яр можно познакомиться с жизнью и творчеством самобытной татарской поэтессы Газизы Багаветдиновны Самитовой (1862–1928). Здесь она прожила большую часть своей жизни, здесь она писала свои стихи, собирала народный фольклор, изучала историю с. Каменный Яр. Известность, как это часто бывает, поэтесса получила уже после своей смерти. Сегодня в доме, где когда-то жила поэтесса организован музей, названный ее именем. Адрес: Астраханская обл., Черноярский р-н, с. Каменный Яр, ул. Г. Самитовой, 7.

Музей К. Сагырбаева носит имя талантливого казахского композитора, домбриста-виртуоза Курмангазы Сагырбаева (Сагырбайулы) (1823–1896), жившего и творившего на астраханской земле. Музей расположен на территории регионального культурного центра имени Курмангазы. Здесь же, неподалеку, похоронен и сам композитор, на могиле которого установлен величественный мавзолей. Кроме того, в городе Астрахани, в дань памяти композитору и как символ многовековой дружбы российского и казахского народов установлен большой конный памятник Курмангазы. Стилизованный под белую юрту, музей является местом просветительства, развития казахской культуры и базой по изучению культурного наследия и истории Нижнего Поволжья. В музее представлены материалы о жизни и творчестве Курмангазы Сагырбаева, жизни казахов Букеевской орды, документы, предметы быта, музыкальные инструменты. Адрес: Астраханская обл., Володарский р-н, с. Алтынжар, ул. Джумамахамбетова, 1.

Музей М.К. Луконина был создан еще при жизни поэта, не раз посещавшего его и дарившего экспонаты. Ежегодно в день рождения поэта, 29 октября, здесь проводятся культурные торжества, собирающие многочисленных почитателей таланта поэта. Астраханским отделением Союза писателей России и администрацией Приволжского района учреждена литературная премия Луконина. Доброй традицией стало то, что все иногородние участники поэтического праздника обязательно сажают деревья. Так в расположенном неподалеку от музея парке Победы поя-

вилась зеленая Луконинская аллея. В честь Луконина названа одна из улиц Астрахани. Адрес: Астраханская обл., Приволжский р-н, с. Килинчи, ул. Ленина, 3.

Музей РВСН размещение этого уникального музея в небольшом, но уютном городке на северной границе Астраханской области не случайно, ведь именно здесь расположен ракетный и космический полигон Капустин Яр, административно-жилым центром которого и является город Знаменск. Уникальная экспозиция музея повествует историю полигона, рассказывает о людях, внесших неоценимый вклад в развитие нашей страны и обеспечение ее безопасности, знакомит с множеством образцов техники и вооружения. Музей интересен еще и тем, что в числе прочих экспонатов, в нем хранится ключ от города Знаменск. Местные жители уверяют, что ключ этот не простой, а волшебный! По местному поверью считается, что если подержаться за ключ и загадать желание, оно непременно исполнится. При планировании посещения музей следует учитывать, что город Знаменск имеет статус закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) с особым пропускным режимом, а сам музей находится на территории действующей военной части № 33763. Посещение г. Знаменска и музея возможно только после получения соответствующих разрешений от администрации города и командования военной части. Адрес: Астраханская обл., г. Знаменск, аллея Космонавтов, в/ч № 33763 [4].

Музейный туризм обычно выделяют в особую категорию путешествий, которая получила название культурный туризм. В отличие от оздоровительных или развлекательных поездок, он еще имеет и культурно-познавательные цели – ознакомление с древними историческими памятниками, достопримечательностями, посещение фестивалей и других мероприятий, связанных с различными видами. Посещение музея является традиционным видом путешествий, позволяющим получить новые впечатления, знания, завести интересные знакомства.

Потенциально любой музей при правильной разработанной концепции развития – бесприоритетный объект показа в культурном туризме и способен стать объектом активного посещения туристов. Познавательный аспект туризма связан с получением информации, новых эмоций, впечатлений. Независимо от человека происходит ценностно-смысловой обмен, осуществляется межкультурная коммуникация. Музей представляет собой сложный и многоплановый феномен и в культурном плане выполняет не только функции по собиранию и хранению артефактов, но и является отражением определённой социокультурной ситуации во всём многообразии её научных, эстетических, педагогических, идеологических, рекреационных, экономических аспектов [2].

Хотелось бы отметить в заключении, что музеи Астраханской области создают единое культурное пространство, где специалисты музеев, цель которых является развитие культурного наследия области. Посетив музеи, можно познакомиться с культурой, традициями и обычаями местных жителей, историей края.

Список литературы

1. Астраханские краеведческие чтения: сборник статей / под ред. А. А. Курапова. – Астрахань, 2013. – 700 с.
2. Пантелеева Л. Н. Облик «Астраханский музей-заповедник» в системе культурного туризма / Л. Н. Пантелеева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2014. – № 3. – С. 320–326.
3. Природа, прошлое и современность Астраханского края / В. Н. Пилипенко, А. М. Липчанскиц, Э. И. Бесчетнова. – Астрахань, 2008. – 452 с.
4. Тонкости туризма. Краеведческий музей Астрахани. – Режим доступа : <https://tonkosti.ru>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 18.10.2017).

ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ

Шарова Ирина Сергеевна,

*доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Джумалиева Геля Тулегеновна,

магистрант, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Макаров Алексей Владимирович,

магистрант, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Чурсина Ольга Александровна,

студентка, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Каспийское море – самое крупное озеро в мире, названное за большие размеры морем. Площадь его без островов 368 тыс. км². Специфичность географического ландшафта создала выгодные рекреационные условия. Море расположилось вдоль меридиана в форме латинской буквы S, находится между 47° 17' восточной широты и 36° 33' западной долготы. Протяженность Каспия вдоль меридиана составляет около 1200 км, средняя ширина – 310, самые большие и мелкие широты равны, соответственно, 435 и 195 км. Вследствие периодического изменения уровня Каспийского моря, меняется уровень его поверхности (зеркало) и объем вод.

В Каспийском море содержится 90 % воды всех соленых озер мира. По физико-географическим признакам, по особенностям гидрологического режима Каспийское море делится на северную, среднюю и южную части.

Каспийское море является бессточным внутренним водоемом. Загрязняющие вещества попадают в него с речными водами и, как правило, уже не покидают систему Каспийского моря. В Каспийское море впадают 130 рек, однако, расход воды большинства из них не велик. Основной источник пресной воды – р. Волга, на которую приходится

около 80% всего годового притока речных вод. Бассейн всех рек, впадающих в Каспийское море, очень велик и занимает площадь 3.5 млн км².

Изменение климата подтверждает не только подъем уровня Каспийского моря, но и участвовавшие стихийные бедствия: засухи, наводнения, пылевые бури, сходы грязевых потоков, опустынивание территории и другие.

Каспийское море является замкнутым водоемом, загрязняющие вещества, поступающие со стоком почти 130 рек, как правило, остаются в пределах его экосистемы. Добыча нефти и газа на его шельфе представляет собой дополнительную угрозу экологической безопасности региона. Любой разлив нефти и нефтепродуктов может привести к катастрофическим последствиям для морской биоты и населения прибрежной зоны. В связи с этим необходим постоянный мониторинг поверхности моря на наличие нефтяных разливов для того, чтобы быстро принять меры по ликвидации загрязнения и определить его источник [4].

Основными источниками поступления загрязняющих веществ в акваторию Каспийского моря являются: вынос загрязнений с речным стоком; сброс неочищенных промышленных и сельскохозяйственных стоков; коммунально-бытовые сточные воды городов и поселков, расположенных на побережье; судоходство; эксплуатация нефтяных и газовых скважин; транспортирование нефти морским путем.

Результаты предыдущих исследований показали, что промышленные сбросы в реки, которые затем попадают в Каспийское море. Ухудшение качества воды обусловлено присутствием сельскохозяйственных отходов, так как с речной водой в Каспийское море попадает значительное количество органических веществ. Воздействие нефтепромышленного комплекса на среду Каспийского моря попадает значительное количество органических веществ. Воздействие нефтепромышленного комплекса на среду Каспийского моря включает в себя постоянные утечки из затопленных шахт и аварийные разливы.

Значительную техногенную нагрузку испытывает как акватория, так и прибрежная территория Каспийского моря. Наибольшую опасность для флоры и фауны региона, в настоящее время, представляет загрязнение нефтепродуктами. Техногенная нагрузка отражает степень освоения окружающей природной среды человеком и уровень ее загрязнения продуктами жизнедеятельности. Загрязняющие вещества, поступающие в море с речными стоками, трансформируются, взаимодействуя с окружающей средой, загрязняют её. Непосредственное воздействие загрязнённых речных стоков играет значительную роль в ухудшении экологического состояния акватории моря.

Немаловажное значение имеет решение проблем, связанных с рекультивацией земель, загрязнённых серой и ее соединениями. Доминирующий экстенсивный подход к освоению нефтегазовых ресурсов в Астраханской области привел к нарушению почв на значительных площадях. В почве увеличивается концентрация сульфатов, тяжелых металлов и органических соединений, содержащих серу, что негативным образом сказывается на состоянии окружающей природной среды. В Астраханской области сохраняется тенденция роста показателей общей смертности от онкологических заболеваний, заболеваний сердечно-сосудистой системы, органов дыхания и пищеварения. Возросла частота заболеваний нервной и мочеполовой системы, патологией щитовидной железы [2].

Состояние загрязнения водной среды контролируется по содержанию в ней растворенного кислорода, нитритов, нитратов, кремния, нефтепродуктов, фенолов, пестицидов, детергентов, ртути, тяжёлых металлов, величине РН и биохимического потребления кислорода. Состояние донных отложений контролируется по концентрациям в них ртути, нефтепродуктов и фенолов.

Анализ состава сточных вод, сбрасываемых в Каспий, указывает на преобладание в количественном отношении нефтепродуктов, доля которых среди загрязняющих веществ достигает 95%. Вторым по значимости и характерным для Каспия загрязнителем является фенолы [5].

Обострение экологических проблем напрямую связано с качественным и количественным истощением природных ресурсов, используемых в хозяйственном обороте; деградацией прибрежных природных экосистем; ухудшением условий жизнедеятельности населения и состояния его здоровья; загрязнением морской среды и продолжающейся деградацией водных экосистем.

Нефтяные разливы на море, чаще всего носят антропогенный характер и возникают вследствие сброса судами и танкерами балластных вод, из-за выноса нефтяных slicks со стоком рек, промышленных стоков, при авариях судов и танкеров, при прорыве морских нефтепроводов, при сбросе буровых шламов и авариях вследствие разведочного бурения и промышленной добычи.

Накопление переходных и тяжелых металлов в донных отложениях Каспийского моря характеризуется рядом специфических черт. Барий и свинец в донных илах малоподвижны, но хорошо извлекаются из отложений пластинчатожаберными и брюхоногими моллюсками.

Слабая растворимость свинца обуславливает поступление его с речным стоком во взвешенном состоянии, отчего распределение элемента в донных илах носит мозаичный характер. Зоны с пониженным содержанием свинца тяготеют к взморью Волги и Уральской бороздине. Более высокие содержания элемента обнаруживаются на мелководных илистых участках. Абсолютные массы свинца оседают на морском продолжении русел Волги и Урала и в незначительной мере перемещаются в глубоководную часть Уральской Бороздины. В перемещении свинца активную роль играют и гидробионты.

Максимальные количества элементов в илистой массе дна совпадают с ареалом развития мелкоалевритных осадков. Значительные количества металлов участвуют в миграции по трофическим цепям, накапливаясь в раковинах и мягких тканях моллюсков, и далее в рыбах. Несколько более подвижен цинк, его повышенные концентрации отмечаются в предустьевой зоне Урала и по северному обрамлению Уральской бороздины.

Процесс сорбции и осаждения комплексных соединений с органическим веществом в Каспии ведёт к образованию значительных концентраций меди. Максимальные показатели приурочиваются к взвеси прирусловых участков рек, минимальные – в Уральской бороздине. Низкие содержания никеля отмечено в песках и ракушнях, повышенные – в мелкоалевритовых и глинистых илах. В осаждении и накоплении никеля участвуют и гидробионты [3].

Каспийское море является общим достоянием всех прикаспийских государств, все они должны нести коллективную ответственность за ущерб, уже причиненной природной среде Каспия, а также увеличивающуюся опасность разрушения его экологии и исчезновения уникальных биоресурсов, и принимать меры по недопущению опасных в экологическом отношении действий в условиях чрезвычайной активности геодинамики в этом регионе [6].

Среди экологических проблем можно выделить, во-первых, качественное и количественное истощение биоресурсов, используемых в хозяйственном обороте, а во-вторых, загрязнение морской среды и деградацию водных экосистем. Также актуальной сегодня остается проблема определения правового статуса Каспия, потому что без этого немыслимо согласованное решение большинства общекаспийских проблем, острота которых с течением времени не только не ослабевает, но и продолжает нарастать.

В настоящее время взгляды прибрежных государств на решение проблем Каспийского региона различаются. Помимо интересов национальной экономики, на позицию каждого прикаспийского государства в значительной мере влияют его внешнеполитические приоритеты.

В Астрахани в рамках работы III Каспийского медиафорума прошло VII заседание Каспийского экспертного клуба, в ходе которого обсуждались пути решения проблемы правового статуса Каспийского моря.

Организатором экспертного совещания выступил Центр евразийских политических исследований. В мероприятии приняли участие российские, азербайджанские, казахстанские и иранские журналисты, политологи, государственные и общественные деятели, блогеры, студенты.

В этот раз дискуссия проходила в несколько необычной форме: основным докладчиком выступил специальный представитель президента РФ по делимитации и демаркации государственной границы РФ с сопредельными государствами-участниками Содружества независимых государств, посол по особым поручениям Министерства иностранных дел РФ Игорь Братчиков. Он отметил, что сегодня каспийской проблематике во всех странах региона уделяется особое внимание, что объяснимо, ведь от решения этой проблемы зависят жизни миллионов людей. И это не только вопросы обеспечения безопасности, это экономика, экология. В последние годы переговорный процесс интенсифицировался: были организованы четыре встречи на высшем уровне, шесть встреч министров иностранных дел, в настоящее время идёт подготовка V Саммита Прикаспийских государств. IV саммит, проходивший в Астрахани, стал прорывным, так как именно в рамках этой встречи был сформулирован каркас будущей Конвенции о правовом статусе Каспийского моря.

Правовое регулирование природопользования и охраны окружающей среды Каспийского моря осуществляется во всех государствах на основе общих комплексных законов об охране окружающей среды, а также законов, устанавливающих правовой режим отдельных природных объектов – недр, животного мира, вод, прибрежной зоны, охраняемых территорий. Эти законы носят рамочный характер и требуют принятия большого числа подзаконных актов. Законы не устанавливают сроков или иных требований для подзаконного нормотворчества, что мешает выполнению экологических требований, установленных в законах. В результате последние остаются зачастую чисто декларативными документами. Однако национальное законодательство не потеряет своей значимости и в дальнейшем в условиях укрепления пятистороннего международного сотрудничества, так как останется главным инструментом обеспечения исполнения международных договоров [1].

В заключение можно сказать, что реализация системного подхода к вопросу экологической ситуации предусматривает контроль состояния окружающей среды и здоровья населения и возможность активного воздействия на ситуацию. Основные факторы воздействия, представляющими угрозу для Каспийского моря, являются непродуманная эксплуатация морских биологических ресурсов, рыболовство и браконьерство, загрязнение моря, добыча нефти и газа на шельфе, загрязнение и другие воздействия.

Список литературы

1. Бутаев А. М. Правовой статус и проблемы единства и разнообразия экосистем Каспия / А. М. Бутаев // Каспий: правовые проблемы : мат-лы Междунар. конф. – Режим доступа: <http://www.caspiy.net>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. – (Дата обращения: 19.10.2017).
2. Быстрова А. К. Проблемы транспортной инфраструктуры и экологии в Каспийском регионе: добыча и экспортные перевозки углеводородов / А. К. Быстрова. – М.: ИМЭМО РАН, 2009.
3. Вареди Е. Современные проблемы Каспия / Е. Вареди, А. Афраз // Материалы международной конференции, посвященной 105-летию КаспНИРХ. – Астрахань: КаспНИРХ, 2002. – С. 379–381.
4. Комплексный спутниковый мониторинг морей России / О.Ю. Лаврова [и др.]. – М.: ИКИ РАН, 2011. – 480 с.
5. Мехтизаде И. Р. Комплексный мониторинг загрязнения Каспийского моря / И. Р. Мехтизаде // Энергосбережение и водоподготовка. – 2007. – № 5. – С. 72–73.
6. Экология каспийского моря и основные факторы ее дестабилизации / М. М. Мамедов // Прогноз и контроль геодинамической и экологической обстановки в регионе Каспийского моря в связи с развитием нефтегазового комплекса. – 2000. – С. 38–50.

КОНФЛИКТ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ, ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ

Шуваев Николай Сергеевич,

*кандидат географических наук, доцент кафедры экологии, природопользования,
землеустройства и безопасности жизнедеятельности,*

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Вязникова Александра Валерьевна,

магистрант, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Минеев Евгений Александрович,

магистрант, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Понятие конфликта широко используется в различных науках и в самом широком смысле понимается как столкновение чего-то с чем-то – противостояние двух или более начал, которое проявляется в активности сторон, направленной на преодоление противоречия. Дальнейшее развитие и применение термина «конфликт» определяется тем, в каких сферах бытия и познания разворачивается противоречие, каковы противостоящие стороны, как они взаимодействуют и т.д. Важное значение имеет и угол зрения исследователя, в зависимости от которого формируются трактовка содержания конфликта и рекомендации относительно его урегулирования.

Отдельные виды конфликтов изучаются различными научными дисциплинами, среди которых по длительности и богатству научной традиции выделяются философия, социология и психология. В последние десятилетия конфликт становится непосредственным и основным предметом исследования особой междисциплинарной научной области – конфликтологии, интерес к которой в силу ее особой актуальности резко возрастает [1].

Конфликт (от лат. *conflictus* – столкновение) – в широком смысле направленное на преодоление противоречия столкновение, противостояние двух начал, проявляющееся в активности сторон. Философская традиция рассматривает конфликт как частный случай противоречия, его предельное обострение. Понятие «конфликт» включает в себя широкий спектр разноуровневых явлений, традиционно различаемых на основании сторон конфликта. В социальных науках социальный конфликт – это процесс или ситуация, в которой одна из сторон находится в состоянии противостояния или открытой борьбы с другой, поскольку ее цели воспринимаются как противостоящие собственным. В философской и социологической традиции источники социальных конфликтов усматриваются в социальных, экономических или политических отношениях.

Основными структурными характеристиками конфликта являются участники (стороны) конфликта, условия его возникновения и протекания, предмет (объект) конфликта, действия участников, исход (результат) конфликта. Динамические аспекты конфликта описываются через стадии конфликта, процессы, возникающие на разных стадиях конфликта, и регуляторы этих процессов.

Помимо приведенного определения можно воспользоваться еще несколькими источниками:

1. Конфликт – столкновение противоположно направленных целей, интересов, позиций, мнений или взглядов оппонентов или субъектов взаимодействия.

2. Конфликт (от лат. *conflictus* – столкновение) – столкновение сторон, мнений, сил.

3. Конфликт (от лат. *conflictus*) – столкновение или борьба, враждебное отношение [4].

Довольно странно, но среди всех разновидностей конфликтов (социальный, военный, психологический, личностный) очень ограниченное внимание уделяется конфликтам природопользования, хотя в последнее время, в свете ухудшающейся экологической обстановки необходимо задуматься о взаимоотношениях в системе «общество – природа».

В большинстве случаев конфликт природопользования рассматривается как противостояние двух или более (в зависимости от сложности конфликта) природопользователей, тогда как на наш взгляд необходимо говорить и о конфликте «природопользователь – окружающая среда» [6;7]. Хотя в данном случае нет явно выраженного проявления силы или сопротивления со стороны «природы» как второй стороны конфликта, существуют скрытые и не всегда заметные последствия такого противостояния, проявляющиеся на разных этапах и в разные временные промежутки, т.е. конфликт в привычном нам понимании, перестает проявляться в постоянной демонстрации и использовании сил имеющихся у обеих сторон.

Под конфликтом в природопользовании понимается ситуация, обусловленная такой деятельностью человека, которая приводит к нарушению нормативно установленного состояния окружающей среды, причиняет ущерб какой-либо из отраслей природопользования или препятствует его развитию в целом [2].

Учитывая выше сказанное и приведенные определения конфликтов, можно сформулировать следующее, более узкое, наиболее применительное к оценке отношений в системе природопользования определение – конфликт, это противоречие территориальных приоритетов охраны природы и хозяйственного развития в рамках определенно-режима природопользования, выражающееся в реальной или потенциальной деградации природных комплексов или их основных компонентов, снижении разнообразия, продуктивности и ценности ландшафтов, а также общей эффективности реализации хозяйственных функций территории.

Конфликты природопользования выражаются в резком снижении или потере природно-ресурсного потенциала ландшафта, формировании экологически опасной ситуации для человека и ландшафта, а также сложных эколого-ресурсных и эколого-хозяйственных условий [5].

Конфликт природопользования, как и любой другой имеет свой набор структурных характеристик, которые можно кратко отобразить в следующей схеме (рис.).

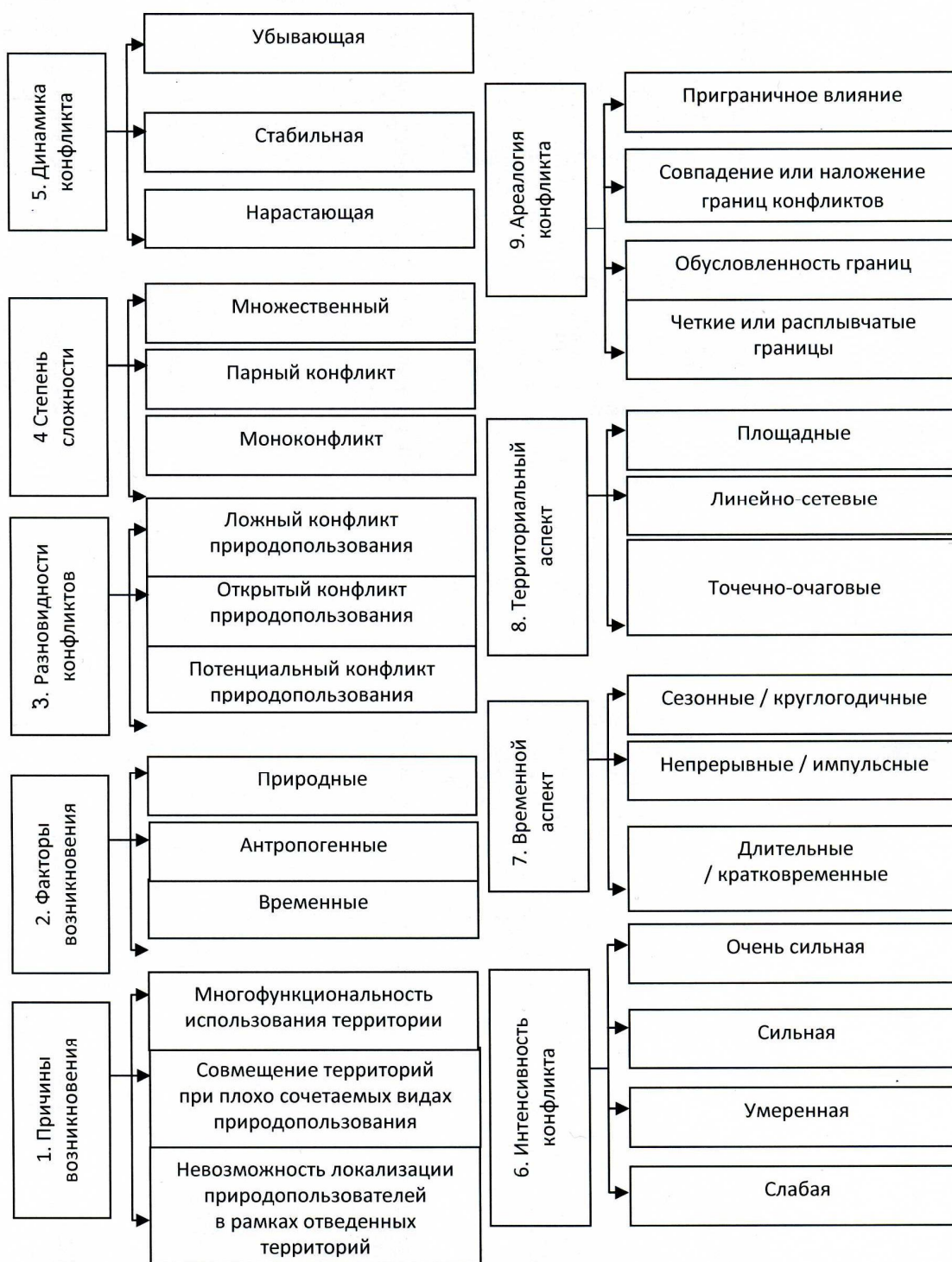

Рис. Конфликты в природопользовании

Так, конфликты природопользования можно классифицировать по таким признакам как:

- причины возникновения – изменение состояния какой-либо части территории (атмосферный воздух, почва, водные источники (подземные, наземные), растительный покров, животный мир);
- степень сложности – количество как воздействующих субъектов (природопользователей), так и принимающих воздействие частей природной среды;
- динамика конфликта – скорость развития процессов изменения состояния природной, либо окружающей среды. Может иметь различный характер – в начале конфликта нарастать, в процессе стабилизироваться, и при подходе к логическому завершению убывать;

- интенсивность конфликта – степень воздействия природопользователей на природные компоненты;
- территориальный аспект – характер проявления конфликта в пространственном отношении (линейные, точечные, либо площадные воздействия)
- ареология конфликта – выраженность границ конфликта, их пересеченность, наложение друг на друга, либо их ложность и расплывчатость [3].

Таким образом, говоря о конфликте природопользования, не стоит забывать о том, что он является следствием современных взаимоотношений двух систем, человеческого общества с одной стороны и окружающей его среды с другой. Основными причинами этого являются: недостаточный уровень научного и методического обеспечения управления природопользованием; несовершенство функциональной и территориальной структуры региональных систем управления природопользованием; недостаточный уровень квалификации сотрудников; несовершенство правовых основ природопользования [3]. В связи с этим необходимо создание условий для формирования такой системы, которая обеспечит нормальное функционирование всех систем природопользования, и вместе с тем высокий уровень сохранности окружающей среды.

Список литературы

1. Аберкромби Н. Социологический Словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. Тернер ; пер. с англ. И. Г. Ясавеева / под ред. С. А.Ерофеева. – М. : Экономика, 2004.
2. Алексеенко Н. А. Конфликты природопользования и их отображение в системе карт ландшафтного планирования : автореф. канд. геогр. наук / Н. А. Алексеенко. – М., 2004. – 22 с.
3. Бармин А. Н. Конфликты в природопользовании и его рационализация в Астраханской области : монография // А. Н. Бармин, Н. С. Шуваев, М. М. Иолин [и др.]. – Астрахань: Полиграфком, 2007. – 194 с.
4. Большая Советская Энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд.. – М. : Советская энциклопедия, 1973. – 608 с. – (Т. 13. Конда-Куп).
5. Шуваев Н. С. Основные конфликтные ситуации в природопользовании Астраханского региона / Н. С. Шуваев, А. Н. Бармин // Южно-Российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. – 2006. – № 5 (18). – С. 60–62.
6. Шуваев Н. С. Природопользование в Астраханской области: воздействия и конфликты / Н. С. Шуваев, А. Н. Бармин // Проблемы устойчивого функционирования водных и наземных экосистем : мат-лы Межд. науч. конф. (9-12 октября 2006 г.). – Ростов н/Д., 2006. – С. 479–481.
7. Шуваев Н. С. Современный этап развития: геоэкологические проблемы природопользования в Прикаспийском регионе / Н. С. Шуваев, А. Н. Бармин // Эколого-биологические проблемы бассейна Каспийского моря : мат-лы IX Междунар. конф. (10–11 октября 2006 г.). – Астрахань : АГУ, 2006. – С. 153–154.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ ЮГА РОССИИ: МЕНЕДЖМЕНТ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Акмаева Раиса Исаевна,

*доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань;*

Жуков Владимир Михайлович,

*кандидат технических наук, доцент кафедры высшей и прикладной математики,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет», г. Астрахань*

Использование цифровых технологий современными организациями открывает перед компаниями большие возможности, обусловленные переходом на новые бизнес-модели цифровой экономики. Топ-менеджмент российских организаций должен признать, что «переход на цифру» потребует перемен не только в области программного обеспечения (ПО), но и в сферах отношений с поставщиками, клиентами, конкурентами и подрядчиками.

Практика свидетельствует, что крупные компании – старожилы рынка XX в. уступают компаниям-стартапам, зародившимся в цифровой среде. Это обусловлено тем, что компании-новички больше знают о своих потребителях из-за того, что активно применяют новейшие цифровые технологии и соответственно получают доступ к более качественным данным. Причем вытеснение старожилов рынка происходит с каждым месяцем все активнее благодаря тому, что новейшие цифровые разработки в сфере информационных технологий (ИТ) изменились коренным образом.

Если в последнее десятилетие XX в. новинки в области ИТ были направлены главным образом на поддержку и совершенствование внутренних процессов крупных компаний с помощью дорогостоящих программных продуктов, предлагаемых фирмами “SAP”, “Oracle”, “IBM”, типа “ERP”, которые не подлежали адаптации, то сегодня адаптивность ИТ-инфраструктуры и стоимость ее снизились таким образом, что компании-стартапы в любой отрасли могут с помощью новейших разработок создавать компании с операционными моделями, фундаментальным образом отличающимися от бизнес-моделей крупных компаний XX в. Взрывное развитие в первые пятнадцать лет XXI в. мобильных устройств, облачных технологий, технологий вычисления в оперативной памяти, появление Big Data (большие данные) и блокчейна, разработка высокопроизводительных платформ для хранения и обработки данных (типа HANA), технологии 3D-печать и др. коренным образом преобразовало отрасль предоставления «программного обеспечения как услуги». Проникновение интернета в жилища и развитие приложений для мобильных устройств позволяет организациям благодаря цифровым изобретениям устанавливать прямую связь с потребителями.

Ряд генеральных директоров традиционных крупных компаний понимают ценность новых цифровых технологий, но, опасаясь нарушения отлаженных процессов или необходимости замены партнеров и поставщиков, выбирают, тем не менее, позицию «поживем – увидим». Тем самым они рискуют потерпеть поражение в конкурентной борьбе с компаниями-стартапами, выбирающими в качестве главного актива технологию Big Data, т.е. данные и поэтому больше знают о своих потребителях.

По мнению представителей таких быстрорастущих компаний по продаже облачного ПО, преимущества последних компаний, активно использующих подобный актив «данные», обеспечиваются следующими тремя ценными свойствами данных [2].

1. Данные можно масштабировать. Цифровые предприятия способны легко и дешево масштабировать свои предложения, вложив один раз инвестиции в сбор данных и создание ПО, создав возможность обслуживать потребителей где угодно без дополнительных издержек.

2. Данные можно защитить. Информационно емкий бизнес легче защитить, поскольку современные цифровые программные средства, к примеру, технического обслуживания оборудования компании GE опираются на миллионы показателей, чтобы прогнозировать работу оборудования. Никто не в состоянии запомнить эти значения, управляющие работой системы. В индустриальную эпоху вывести тайны конкурентов было легче, переманив главного инженера.

3. Данные можно нарастить. Цифровые компании полученную информацию используют для доработки и обновления ПО, поскольку с каждым новым прогнозом набор данных растет, и услуги таких компаний становятся все более ценными для потребителей. Способность постоянно совершенствоваться в процессе использования, характерна для многих услуг, основанных на огромных массивах данных [2, с. 63].

Следует охарактеризовать новое понятие цифровой эпохи как «блокчейн», под которым понимается распределенный реестр для хранения данных. В сущности – это база данных, которая одновременно хранится на множестве компьютеров, соединенных друг с другом в интернете, и отличается прозрачностью, скоростью, стоимостью, простотой. Если была отправлена информация или криптовалюта по блокчейну, то свидетельство такой отправки невозможно изменить или подделать, поскольку она подтверждается сотнями тысяч компьютеров по всему миру. Весь процесс перевода занимает считанные минуты и стоит в десятки раз дешевле банковского. Записи в блокчейне никогда не будут утеряны или подделаны, любой участник рынка может в любой момент удостовериться в вашей финансовой состоятельности. Никаких третьих сторон и посредников, только полная прозрачность и математическая гарантия точности расчетов. В этой связи использование блокчейна становится весьма полезным с развитием больших данных.

Использование в бизнесе технологии Big Data (большие данные) стало набирать обороты с 2012 г., когда в газете «Нью-Йорк Таймс» вышла статья Ч. Дахигга «Как компании узнают ваши секреты», в которой рассказано о разработке системы в компании Таргет, позволяющей предугадывать потребности клиентов. В статье приводится пример, как одна школьница получила от компании Таргет купоны на товары для новорожденных, а ее отец устроил в магазине скандал. Позже выяснилось, что девушка беременна, т.е. аналитика, основанная на сложных математических моделях, оказалась прозорливее родителей [3, с. 42].

Ю. Фуколова утверждает, что под термином «большие данные» специалисты обычно имеют в виду огромный объем информации, зачастую неструктурированной, которая поступает очень быстро и для ее хранения, обработки и анализа нужна специальная архитектура. Цифровые компании используют математические модели для анализа потребительского поведения, планирования ассортимента, персонализации продаж, оптимизации бизнес-процессов и т.п. К примеру, главная страница крупного интернет-магазина меняется в зависимости от температуры воздуха на улице.

Данную сложную аналитику активнее всех используют телекоммуникационные компании, банки, страховые и розничные компании. Для ритейлеров, которые открывают «магазины у дома», технология Big Data помогает минимизировать ошибки при размещении торговых точек. Например, сеть «Пятерочка», внедрив геоинформационную систему, стала открывать по 5–7 точек в день. Если у сети в 2014 г. насчитывалось 4789 магазинов, то в 2016 г. – их стало 8363. Данная система позволяет определять оптимальную локацию для нового магазина, необходимую площадь торгового зала, потенциальную выручку и т.п. Для разработки данной системы «Пятерочка» закупила базы данных по домохозяйствам (количество жителей населенных пунктов, их доходы, проходимость торговых точек), наличию конкурирующих магазинов, по оцениваемым объектам недвижимости, расходам и расходам собственных магазинов. За счет использования технологии «больших данных» британская сеть Tesco получает выгоду до 100 млн фунтов стерлингов в год, потому что корректирует ассортимент магазинов в зависимости от прогноза погоды и местных новостей, оптимизирует систему скидок на продукты, у которых истекает срок годности и пр.

Что касается РФ по части применения технологии Big Data и сложной аналитики, то Россия значительно отстает от США и Европы. Рассмотрим ситуации, найденные Ю. Фуколовой, рассказывающие как крупные российские компании внедрили сложную аналитику и успешно использовали технологию Big Data для персонализации продаж [3, с. 43–47].

Стратегию точечных продаж с помощью технологии Big Data используют российские компании «Метро», «Вымпелком», «Лента», обувная сеть «Alba» и стартапы «Сорсдата» и «Рево».

Компания «Метро», благодаря систематическому уточнению базы данных своих клиентов, научилась точно работать с потребностями клиентов и выстраивать персонализированные коммуникации. Для уточнения и повышения актуальности данных, компания, во-первых, перезапустила программу лояльности, и при переходе на новые условия покупатели оставляли контакты, а, во-вторых, при проведении лотерей, розыгрышей призов и специальных акций клиенты оставляли контакты на входе в магазин. Для персонализации предложений компания использует два типа скидочных купонов (первый тип – скидка на любимые товары, которые конкретный покупатель покупал чаще всего, второй тип – скидки на категории товаров, которые покупатель не приобретал, но это делали клиенты, похожие на него). Купоны стали рассылать по электронной почте раз в две недели и по СМС, а также раздавали на кассе. Со временем математическая модель, основанная на данных клиентов и истории их транзакций, сможет не только анализировать прошлые покупки и подсказывать, что было нужно конкретному клиенту, но и предугадывать его будущие потребности на завтра. Но пока, по мнению В. Тихомирова – руководителя департамента по развитию бизнеса сети «Метро», ни одна российская компания этого делать не умеет.

Компания «Вымпелком» постоянно совершенствует свои навыки работы с большими данными. Наконец 3 квартала 2016 г. база данных составляла более 58 млн действующих клиентов. Компания активно применяет математическую модель, основанную на большом количестве поведенческих данных – как часто человек разговаривает по телефону, какие категории товаров покупает с помощью мобильного телефона, какую музыку слушает и т.п. С марта 2016 г. компания запустила конвергентный продукт «Все в одном» (мобильная связь, домашний интернет и ТВ), когда научилась работать с большими данными, поскольку без сложной аналитики настроить высокотаргетированные продажи невозможно. Пакетные предложения для физических лиц позволяют операторам «привязать» абонентов, оптимизировать расходы на их поддержку и снизить отток. Предварительно компания провела опрос по фокус-группам и выделила ключевые параметры для анализа: местоположение дома или офиса клиента, подведен ли к этому адресу ШПД-кабель, какие ТВ-каналы человек смотрит и пр. Математическая модель, которая обрабатывалась на платформе Hadoop, компанией уточняется по мере наращивания продаж и обновления ключевых параметров. Все данные о клиентах в компании стыкуются с CRM-системами. Работа с потенциальными клиентами была построена по принципу кругов по воде – сначала обзванивали тех, кто попадал по всем параметрам в целевую аудиторию, затем связывались с остальными. К пакету «Все в одном» наконец 2016 г. подключились около полумиллиона домохозяйств. Уровень удовлетворенности клиентов составил 94 %, а индекс клиентской лояльности – 65 %.

Российская обувная сеть «Alba», коммуницирующая с постоянными клиентами два раза в месяц для привлечения новых покупателей, воспользовалась услугами стартапа «Сорсдата», который предоставлял торговым сетям результаты анализа данных и персонализацию программ продвижения. Аналитики «Сорсдата» должны были выбрать из своей собственной базы тех покупателей, которые с высокой вероятностью могли стать клиентами в Alba. Для этого нужно было проанализировать их поведенческие профили и построить модель. «Сорсдата» могла использовать также клиентскую базу родственной компании «Рево», предлагающей физическим лицам оплату товаров в рассрочку на три или шесть месяцев. При нехватке данных для построения модели «Сорсдата» покупала информа-

цию у внешних партнеров – платформ-агрегаторов данных в интернете, которые подключены к максимально возможному числу источников (DoubleData, CleverData и др.) [3, с. 47]. Аналитики «Сорсдата» построили предиктивную модель по 15 параметрам, оценивающую, какова будет вероятность покупки, если послать предложение конкретному клиенту и дать ему различные скидки от «Alba». Выделенной группе людей отправили СМС-рассылку и предложили им различные скидки на сезонную обувь, а также специальный код, по которому можно отследить, откуда пришел клиент (конверсия оказалась высокой – 4 %, выручка превысила затраты в 4 раза).

Таким образом, использование цифровой технологии Big Data открывает перед российскими организациями новый источник роста и благоприятных возможностей благодаря глубокой сегментации клиентской базы, применению сложной аналитики, основанной на математических моделях.

Следовательно, приведенные примеры показывают, что успешные цифровые бизнес-модели XXI в. строятся на способности проникать в жизнь людей при помощи программного обеспечения (ПО), которое собирает информацию о привычках потребителей и образцах их покупательского поведения. Внедрение цифровых технологий позволяют компаниям персонализировать свои предложения и лучше обслуживать клиентов.

Однако, по мнению известных ученых, большинству традиционных компаний редко удастся установить более тесный контакт с потребителями из-за проблем, связанных с сетью партнеров, привыкших вести дела традиционными способами, и необходимости скорейшей трансформации цепочки создания стоимости в цифровую эпоху [2, с. 60]. Топ-менеджеры современных компаний должны четко понять, что невозможно переделать традиционную бизнес-модель только за счет внедрения нового программного обеспечения, а нужно радикально пересматривать устоявшиеся связи и отношения с поставщиками, подрядчиками, конкурентами, клиентами. А для этого нужно менять множество элементов цепочки создания стоимости, перестраивая сети поставщиков, дистрибуторов и партнеров.

Современные успешные компании добились успеха потому, что смогли проникнуть в мир потребителя глубже, чем конкуренты [2, с. 61]. История успеха компании «Ube» связана не с «большими данными», а со следующими «малыми данными», полученными от клиентов благодаря доступу к их мобильным телефонам: где находится потенциальный клиент и когда ему нужно ехать.

Компания «Nest» продает самообучающиеся термостаты, детекторы дыма и видеокамеры, которые следят за происходящим в доме, чтобы повысить безопасность и снизить потребление энергии. Когда компания решила продавать первый свой продукт – самообучающийся термостат (он мог вносить изменения в собственную программу в зависимости от времени суток, дня недели, времени года, температурных предпочтений клиента и пр.), то она исключила из своей цепочки поставок подрядчика и стала продавать напрямую домовладельцам, снабдив их телефоны специальными мобильными приложениями и подключив термостат к домашней беспроводной сети. Это позволило компании разработать эффективную стратегию розничных продаж и построить бренд, рассчитанный на прямое взаимодействие с потребителем [2, с. 62].

Компания «GE» в режиме реального времени контролирует оборудование на промышленных объектах следующим образом: используя информацию от встроенного ПО, она сообщает клиентам о необходимости ремонта и корректирует график технического обслуживания. Признав, что для объединения производственных активов любого предприятия потребуется единая платформа обработки данных, «GE» стала поставлять ПО напрямую потребителям, в обход системных интеграторов, которые делали это поэтапно.

Таким образом, чтобы в полной мере воспользоваться преимуществами цифровых технологий, компании вынуждены коренным образом перестраивать свои цепочки создания стоимости, отказываясь от своих давних партнеров.

В процессе цифровой трансформации компаний требуется также сменить традиционные показатели эффективности и поощрить поведение такими показателями, которые поддерживают цифровую стратегию компании. Так, компания «Ford» перестала оценивать работу руководителей только по количеству проданных за год автомобилей, а стала учитывать еще и расстояние, пройденное машинами. Поставщик медицинских услуг «Kaiser Permanente» меньше внимания стал обращать на уровень загруженности больниц и врачей в своей сети, а главным показателем стал показатель «сколько лет клиент прожил здоровым». Соответственно организация меняет приоритеты – главным становятся партнерские отношения с другими компаниями из сферы здравоохранения, а не оптимальное использование медперсонала. Так, она придумала систему поощрений, призванную стимулировать инновации в области дистанционной медицины. Компания «GE» регулярно обсуждает с заинтересованными лицами приоритеты корпорации и то, какие приложения могли бы разработать для нее партнеры «Accenture» или «A.T. Kearney». Следовательно, важнейший элемент цифровой бизнес-модели – создание коммерческих возможностей для партнеров.

Еще А. Чандлер и К. Кристенсен указывали, что когда на рынке появляется значимая инновация, именно тогда возникает потребность в реорганизации расширенной цепочки создания стоимости в направлении создания взаимозависимой сети партнеров [1]. Но чем более революционный характер носит новая инновация вроде беспилотных и электрических автомобилей, тем большей взаимозависимости она может потребовать, если использовать форму вертикальной интеграции. Известно, что компания Tesla производит сейчас больше всех электромобилей и беспилотников. Компания жестко вертикально интегрирована, поскольку контролирует каждый элемент своих машин, включая: оборудование; ПО; алгоритмы с датчиками, обеспечивающие функцию автопилота; собственные каналы сбыта и сети сервисных и зарядных станций. В данном случае именно интегрированная бизнес-модель, принятая компанией, позволяет справляться со всеми трудностями первопроходца.

Следовательно, лучше справиться современным компаниям с переходом на цифровые бизнес-модели позволят следующие управленческие действия менеджмента, во-первых, правильный выбор руководителями организаций приоритетов их развития и понимание трендов, оказывающих влияние на их отрасль, во-вторых, налаживание тес-

ной и глубокой связи с потребителями на основе цифровых технологий Big Data и блокчейна, в-третьих, перестройка сети поставщиков, партнеров и дистрибуторов даже в направлении отказа от многих партнеров, которые могут со временем превратиться в конкурентов, в-четвертых, создание новых возможностей не только для себя, но и для других партнеров.

Происходящий в настоящее время среди успешных мировых компаний рывок в цифровую экономику делает остро востребованными менеджеров новой формации, которые должны обладать знаниями не только управленческих бизнес-дисциплин, но и новаторских разработок в области информационных технологий. Именно менеджеры предприятий будут принимать управленческие решения по выбору стратегии развития своей организации и целесообразности постановки тех или иных цифровых новинок в сфере ИТ, поэтому они должны иметь достаточно глубокие знания о них. В этой связи актуальным представляется организация в Астраханском государственном университете на факультете бизнеса и экономики нового профиля «Менеджмент с углубленным изучением современных информационных технологий» по бакалаврскому направлению 38.03.02 – «Менеджмент».

Список литературы

1. Кристенсен К. Дилемма инноватора. Как из-за новых технологий погибают сильные компании / К. Кристенсен. – М. : Альбина Паблишер, 2015.
2. Уэссел М. Рывок в цифровую экономику: традиционные бизнес-модели отдаляют компании от потребителей / М. Уэссел, Э. Леви, Р. Сигел // Harvard Business Review – Россия. – 2017. – Март. – С. 63.
3. Фуколова Ю. Стратегия точечных продаж / Ю. Фуколова // Harvard Business Review – Россия. – 2017. – Март. – С. 42.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ В НЕНЕФТЯНОМ СЕКТОРЕ СТРАНЫ В СВЕТЕ КОНВЕНЦИИ «АЗЕРБАЙДЖАН – 2020. ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ»

Алиханова Лейла Гусейн кызы,
*доктор ф.э., доцент кафедры экономики,
Азербайджанский государственный экономический университет,
Республика Азербайджан, г. Баку*

Грамотная социальная политика государства является гарантом успеха любых экономических реформ страны. Азербайджан относится к тем странам, которые во главу угла ставят цель – благополучие и социальная защита населения. Всё экономическое развитие в этом свете прошло две стадии.

Первая стадия непосредственно связана с распадом СССР в 1991 г. Развал СССР вызвал в скором времени разрыв производственных связей и взаимобмена между бывшими союзными республиками. Это стало одной из главных причин резкого снижения уровня производства, прекращения работ многих предприятий, сокращение рабочих мест, понижение уровня заработной платы.

В свою очередь, повышение заработной платы и социальных выплат с целью понижения социальной напряженности на том этапе, без учета реальных возможностей экономики страны, привело к инфляции. Этот период продлился до 1995 г. Но, в скором времени страна смогла выйти из хаоса нерешенных задач, обеспечив макроэкономическую стабильность в стране. Азербайджан стал претворять в жизнь экономические реформы с либерализацией международной экономической деятельности и цен. До 1995 г. процесс либерализации сопровождался резким повышением цен в стране. Цены на потребительские товары в 1991 г. по отношению к 1990 г. поднялись более, чем в два раза, тогда как в последующие годы этот прирост в несколько раз ускорился. Так, например, в 1994 г. по отношению к 1993 г. цены поднялись почти в 18 раз. Подписанный в сентябре 1994 г. крупномасштабный международный контракт, получивший из-за значимости название «Контракт века» ознаменовал начало новой эры в развитии экономики страны.

В начале 2000-х гг. в стране развернулись реформы, принятие которых дали мощный толчок для ускоренного развития экономики, стали началом для перевода ее на более высокую ступень социально-экономического прогресса. В результате процесса независимого государственного строительства возникала новая по сути развития и экономических реформ модель – Азербайджанская модель.

Выход страны из постсоветского кризиса ещё раз доказал правильность выбранной стратегии экономического развития. Направление инвестиций от доходов нефтяной промышленности в не нефтяной сектор привел к ускоренному темпу его развитию и составил свыше 10 процентов в год. Социальная политика повлияла на сокращения уровня безработицы до 5%, из этого последовало уменьшение бедности до 5,3 %.

Обеспечение устойчивого экономического роста, рациональное использование государственного бюджета для развития вспомогательных секторов, создание новых рабочих, повышение уровня интеллектуального капитала есть основные задачи стратегической дорожной карты. За последние 10 лет большой прогресс наблюдается в ВВП страны, который в свою очередь возрос в 3,2 раза.

Таблица

Величина роста сфер приложений труда за период 2006-2016 гг. [1]

Сферы	Рост
Ненептяной сектор	2,6 раза
Промышленное производство	2,7 раза
Сельское хозяйство	1,5 раза
Инвестиционные вложения	6,5 раза
Среднемесячная зарплата	5,5 раза

Принятые меры в Азербайджане способствовали созданию до 1,2 млн рабочих мест, 900 тыс. из которых постоянные, а также 55 тыс. предприятий. Рассмотрим развитие такого ненептяного сектора, как туризм в свете Концепции «Азербайджан – 2020. Взгляд в будущее».

В стратегической дорожной карте по развитию специализированной туристической индустрии в Азербайджане рассмотрены насущные проблемы, которые были в отечественном туризме. И наглядно рассмотрены основные направления ее развития. Данная отрасль должна стать фактором обеспечения экономической стабильности страны, а также вовсе ликвидировать понятие о монополии. Как показывает практика, туризм развивается там, где существует интерес в данную сферу. В свою очередь необходима заинтересованность не только туристов, но и предпринимателей, которые готовы инвестировать в эту отрасль.

Период до 2025 г., для страны один из ответственных периодов, так как основные цели государства направлены на развитие регионального туризма, для того чтобы страна стала узнаваемой в мире своими рекреационными ресурсами, горнолыжными комплексами, флорой и фауной, культурой и т.д.

При этом формирование бизнес навыков у сельских жителей, обслуживающих объекты туризма в регионах, усовершенствование инфраструктуры повлечёт за собой развитие новых и постоянных рабочих мест, а это в свою очередь способствует благосостоянию сёл.

Стратегически рост ВВП к 2020 г. будет составлять приблизительно до 465 млн манат, также планируется на основе приоритетов стратегической карты создать в Баку и других регионах 35 тысяч рабочих мест, из которых только перспективно 25 тыс. будет в туристическом секторе. Данные показатели мотивируют на то, что туризм в скором времени проявит все свои возможности, улучшит показатели занятости населения, увеличатся доходы населения и обеспечится социальная стабильность. Большое внимание уделено повышению эффективности в развитии горнодобывающей промышленности, металлургическом комплексе и сельском хозяйстве.

В целом на базе документа «Стратегической дорожной карты по перспективам национальной экономики Азербайджана» до 2025 г. планируется реализовать около 450 тыс. рабочих мест. Следует отметить, что более 18 тыс. рабочих мест будут в области логистики и торговли. Рабочие места будут создаваться под влиянием трёх факторов, таких как «Стратегическая дорожная карта», дополнительные меры и ускорение темпов роста экономики которые будут достигнуты за счёт повышения качества экономической среды.

Создание рабочих мест будет возможно под влиянием мер, принимаемых в рамках «Стратегической дорожной карты» и ускорения темпов роста экономики, которое будет достигнуто за счет улучшения экономической среды. Это позволит снизить долю неофициальной занятости и создать новые рабочие места во всех отраслях ненептяного сектора.

На основе рассмотренного материала по перспективе развития страны, необходимо выделить факт, что Азербайджан формируется не только стратегически, но и тактически. На наш взгляд новые рабочие места – объективный процесс развития экономики, который постоянно совершенствуется. Научно-технический прогресс стимулирует создание новых рабочих мест. Исходя, из данной статьи без новых рабочих мест занятость трудоспособных граждан снизиться, следовательно, именно создания новых мест работы приведёт с эффективному производству, и тем временем к повышению уровню жизни населения.

Список литературы

1. Режим доступа: <http://www.trend.az>.
2. Концепция развития «Азербайджан – 2020. Взгляд в будущее», утвержденной Указом Президента Азербайджанской Республики.
3. Национальная стратегия по развитию информационного общества в Азербайджанской Республике на 2014–2020 годы.
4. Государственная программа по социально-экономическому развитию регионов Азербайджанской Республики в 2009–2013 год.
5. Режим доступа: stat.gov.az.

БЕЗРАБОТИЦА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Алханова Алина Гамзатовна,

студентка, факультет бизнеса и экономики,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Эффективный рынок труда – одно из самых важных социально-экономических явлений, характеризующее благополучие страны в целом. Низкая безработица, полная занятость населения – то, к чему стремится наше государство. Но, к сожалению, проблема безработицы все еще актуальна в современном Российском обществе.

Рынок труда – пространство формирования спроса и предложения рабочей силы, ее перехода по различным отраслям и сегментам экономики, территориям. В условиях рыночной экономики соотношение занятости и безработицы становится важнейшей проблемой.

Показатель уровня безработицы нельзя игнорировать, так как он обратно пропорционален социально-экономическому благополучию государства: чем выше безработица, тем ниже уровень жизни населения.

По стандартам Международной организации труда (МОТ) безработными считаются лица в возрасте, установленном для измерения экономической активности населения, которые в рассматриваемый период не имели работы; занимались поиском работы, т.е. обращались в государственную или коммерческую службу занятости, активно занимались поиском работы или предпринимали шаги к организации собственного дела; были готовы приступить к работе [4].

По закону Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации»: «безработными признаются трудоспособные граждане, которые не имеют работы и заработка, зарегистрированы в органах службы занятости в целях поиска подходящей работы, ищут работу и готовы приступить к ней. При этом в качестве заработка не учитываются выплаты выходного пособия и сохраняемого среднего заработка гражданам, уволенным в связи с ликвидацией организации либо прекращением деятельности индивидуальным предпринимателем, сокращением численности или штата работников организации, индивидуального предпринимателя» [2].

Таким образом, чтобы сделать вывод об экономическом благосостоянии Астраханской области, проанализируем уровень безработицы с 2010 г. по 2015 г.

Для начала рассмотрим численность рабочей силы населения. Рабочая сила – это экономически активное население, включающее в себя занятых и безработных. Данный показатель необходимо ввести для более точного анализа и выявления части населения, которая предлагает свой труд для производства товаров и услуг.

На диаграмме (рис. 1) представлена динамика изменения численности рабочей силы в Астраханской области по данным выборочных обследований. Абсолютное изменение на 2015 г. по сравнению с 2010 г. составляет 4 тыс. чел., самый маленький показатель численности рабочей силы зафиксирован в 2012 г. – 518 тыс. чел. [3, с. 102].

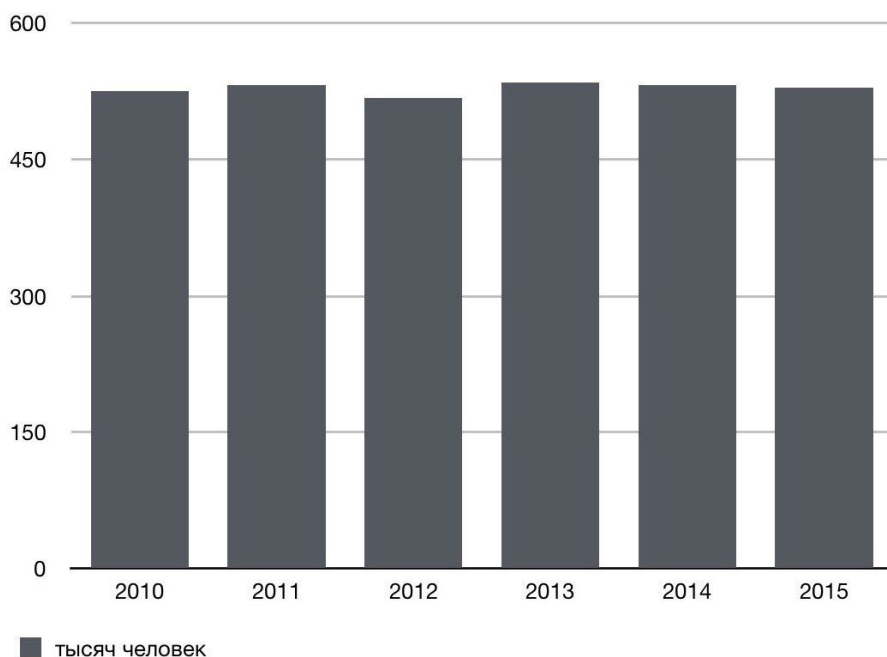

Рис. 1. Численность рабочей силы (по данным выборочных обследований рабочей силы)

На рисунке 2 наглядно можно проследить стабильность уровня численности безработных в Астраханской области за 2013–2015 гг. В 2011 г. самый высокий уровень численности безработных – 47 тыс. чел. [3, с. 184].

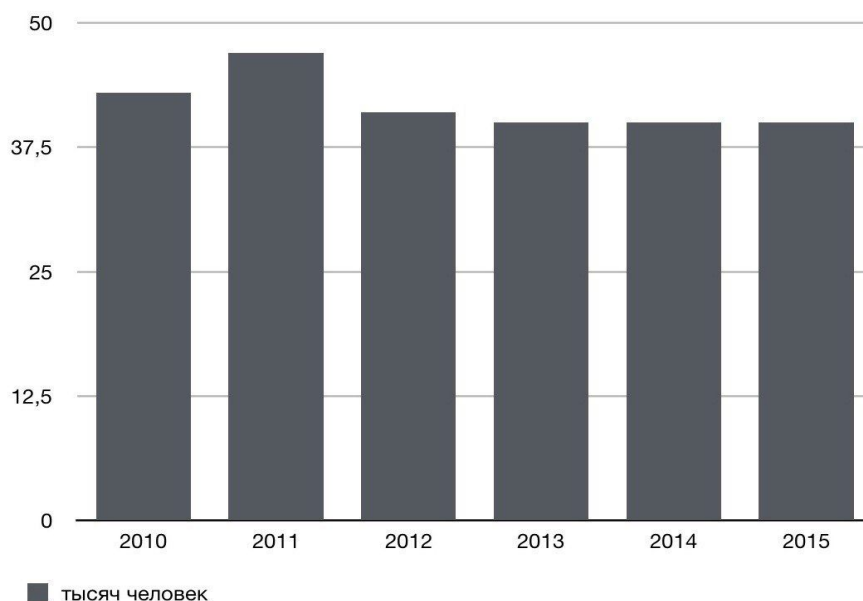

Рис. 2. Численность безработных (по данным выборочных обследований рабочей силы)

На 2015 г. больший процент безработных среди мужчин, как видно из рисунка 3. Интересно, что в процентном соотношении безработные, проживающие в городе и в селе, один к одному [3, с. 186]. Безусловно, данные обуславливаются развитием сельского хозяйства в районах Астраханской области, что обеспечивает рабочие места сельскому населению.

	Безработные - всего	В том числе Мужчины	Женщины	Городское население	Сельское население
Астраханская область	100	54,8	45,2	50	50

Рис. 3. Состав безработных по полу и виду поселения в 2015 г.
(по данным выборочных обследований рабочей силы; в процентах к итогу)

Средний возраст безработных по Астраханской области в 2015 г. – 36,3 лет (рис. 4). Рассмотрев состав безработных по возрастным группам, можно увидеть, что в 2015 г. в возрасте 20–29 лет количество безработных – 35,7 %, что является самым высоким показателем по всем возрастным группам [3, с. 188]. Молодежная безработица один из факторов неплотного взаимодействия рынка труда и рынка образовательных услуг. Еще на этапе выбора будущей профессии молодые люди руководствуются престижностью учебного заведения и профессии, а не спросом на рынке труда. Именно проблема подготовки специалистов, не профессии которых неактуальны на рынке труда, служит одной из главных причин высокого уровня молодежной безработицы. Также нужно взять во внимание отсутствие профессионального опыта, требуемых компетенций у выпускников учебных заведений, что не делает их востребованными среди работодателей [1, с. 23–29].

	Безработные - всего	В том числе в возрасте, лет						Средний возраст, лет
		15-19	20-29	30-39	40-49	50-59	60-72	
Астраханская область	100	5,4	35,7	18,9	18,4	17,1	4,5	36,3

Рис. 4. Состав безработных по возрастным группам в 2015 г.
(по данным выборочных обследований рабочей силы; в процентах к итогу)

Среди выпускников высших учебных заведений безработных – 15,3 %, самый высокий уровень безработных со средним профессиональным образованием – 44,7 % [3, с. 190]. Тенденции в потребности высококвалифицирован-

ных кадров объясняют такой резкий разрыв между процентом безработных с высшим и средним профессиональным образованием.

Проанализировав приведенные статистические данные, считаю целесообразным привести следующие решения проблемы занятости населения Астраханской области:

- повышение квалификации кадров;
- регулярная подготовка и переподготовка кадров в соответствии с потребностями рынка труда;
- поддержка работодателей, принимающих на рабочие места персонал, не имеющий опыта работы;
- осуществление и развитие государственных программ занятости населения;
- стимулирование развития сельского хозяйства в районах Астраханской области не только на уровне фермерских хозяйств, но выведение их на уровень производственных мощностей;
- поддержка малого бизнеса и молодых предпринимателей.

Таким образом, на основании анализа статистических данных можно судить о среднем социально-экономическом благосостоянии Астраханской области, о положительных тенденциях развития экономики региона и ее стабильности.

Список литературы

1. Бобков В. Н. Влияние неустойчивой занятости на переходы молодежи на рынке труда / В. Н. Бобков // Уровень жизни населения регионов России. – 2014. – № 3. – С. 23–39.
2. Закон РФ от 19.04.1991 г. № 1032-1 (ред. от 29.07.2017) «О занятости населения в Российской Федерации».
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2016: Р32 : стат. сб. – М., 2016. – 1326 с.
4. Уровень безработицы, понятия. Режим доступа: <http://www.grandars.ru/student/ekonomicheskaya-teoriya/uroven-bezraboticy.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

ВНЕДРЕНИЕ ПРОГРЕССИВНЫХ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Минева Оксана Карловна,

доктор экономических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Лунев Александр Павлович,

доктор экономических наук, профессор, и.о. ректора,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

Савельев Андрей Николаевич,

кандидат технических наук, доцент,

зам. начальника Астраханского УИРС ООО «Газпром подземремонт Уренгой», г. Астрахань

Минев Владислав Сергеевич,

студент, ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет», г. Астрахань

Летичевская Виктория Евгеньевна,

студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»,

г. Санкт-Петербург

Современный этап развития экономики нашей страны связан со снижением цен на основные энергоресурсы (нефть и природный газ), вызванным затянувшимися последствиями международного экономического кризиса и санкционной политикой западных стран. В этих непростых условиях российским добывающим компаниям крайне важно снизить издержки добычи и переработки энергоресурсов. Этого можно добиться несколькими путями – оптимизируя производственные процессы и снижая непроизводительные затраты. Предельной осторожности требует такое направление оптимизации издержек как обслуживание технологического и скважинного оборудования. Стоит напомнить, что доля прибыли, в значительной мере зависит от эффективной отдачи (дебета) скважин. В процессе эксплуатации дебет нефтяных и газовых скважин существенно снижается. Снижение отдачи основного продукта происходит в результате влияния агрессивных сред продуктивного пласта на внутрискважинное оборудование. В результате этого влияние происходит разрушение и коррозия оборудования и насосно-компрессорных труб.

Для сохранения дебета товарного продукта необходимо проводить капитальный ремонт скважины. Не своевременный капитальный ремонт может стать причиной не только снижения дебета, но и возникновения аварийной скважины с последующей ее ликвидацией.

В нефтегазовой отрасли ремонт скважин осуществляется специализированными организациями. Добывающие организации передают устье скважины подрядной организации для капитального ремонта. Ремонт скважины выполняется в рамках сметных показателей с фиксированным сроком и стоимостью ремонта. Все риски, возникающие при ремонте скважины, как правило, являются ответственностью подрядной организации (исполнителя работ).

Современной реальностью становится тенденция минимизации затрат и времени ремонта скважин с целью соблюдения сметных показателей. Для определения эффективности работы подрядной организации применяется показатель «Производительное время», под которым понимается время, оплачиваемое Заказчиком и входящее в сметную документацию. В случае превышения продолжительности той или иной операции, ожидания завоза мате-

риально-технических ресурсов, ремонт оборудования, ликвидация собственных аварий заказчиком оплата не производится. Приемлемым является показатель «Производительное время» не менее 90%.

Для обеспечения высокого значения «Производительного времени» необходим комплекс управленческих и экономических мероприятий, нацеленных на взаимосвязанную работу всех подразделений предприятия. Для повышения производительного времени целесообразно использовать систему сбалансированных показателей.

Система показателей была центральным элементом в целом ряде моделей, разработанных за последние годы, в том числе в модели всеобщего управления качеством (TQM), модели управления бизнес-процессам (Business Process Management – BPM), модели европейского стандарта качества (European Quality Assurance – EQA). Сбалансированная система показателей содержит детальное описание всех ключевых показателей деятельности и используется для концентрации внимания на ключевых проблемах и оценки успешности их решения. Обеспечение согласованности между ключевыми показателями деятельности стало неотъемлемой составляющей процесса планирования и разработки стратегии. Применение сбалансированной в стратегическом плане корпоративной системы показателей и сбалансированных в тактическом плане системы показателей подразделений дает возможность установить равновесие между краткосрочными, среднесрочными и долгосрочными целями [1, с. 256].

Сбалансированная система показателей детализирует систему финансовых параметров, носящих ретроспективный характер, системой оценок перспектив. Цели и показатели системы формируются в зависимости от видения и стратегии конкретной компании и декомпозируют ее деятельность по четырем проекциям: «финансы», «взаимоотношения с клиентами», «внутренние бизнес-процессы», «обучение и развитие».

Процесс внедрения сбалансированной системы показателей – сложный многогранный процесс, который затрагивает всю организацию. Наиболее уязвимой и, чаще всего, игнорируемой стороной преобразования выступает человеческий фактор, ведь внедрение новой методологии оценки и контроля всегда стресс для организации и ее сотрудников.

Сбалансированная система показателей будет эффективна только в том случае, если каждый сотрудник понимает ее логику и считает ее справедливой. Для этого необходима большая работа менеджмента среднего звена по объяснению рядовым сотрудникам «плюсов» новой системы. Работники должны понимать, что данная система – это не прихоть руководства, а инструмент детализации прописанных положений в конкретные измеримые показатели, доступные пониманию и контролю.

Процесс внедрения системы сбалансированной системы показателей предприятий ТЭК, представлен на примере Астраханского УИРС ООО «Газпром подземремонт Уренгой».

Пропишем основные базовые ценности предприятия.

Миссия – Надежный, эффективный, сбалансированный и безопасный ремонт газовых и нефтяных скважин

Ценности – персонал.

Видение к 2020 году: повысить рентабельность работы на 15 %. Выполнять капитальный ремонт силами шести буровых бригад; Стать единственной подрядной организацией оказывающей услуги капитального ремонта на АГКМ.

Перед предприятием в процессе внедрения системы стояли две задачи: первая – создать саму систему, вторая – использовать ее. Обе задачи взаимосвязаны. По мере использования системы для управления ключевыми процессами становится ясно, какие показатели системы не информативны, какие нуждаются в доработке, а также какие новые критерии оценки стратегического успеха следует в нее включить. На первом этапе предприятие определилось с декомпозицией стратегических целей по проекциям (табл. 1).

Таблица 1

Декомпозиция стратегических целей по проекциям	
Проекция	Цели
Финансы	Снизить затраты на использование дизельного топлива
	Уменьшить отвлечение денежных средств на приобретение дизельного топлива
	Увеличить прибыльность предприятия
	Снизить затраты, обусловленные простоем буровых бригад
	Повысить качество оказываемых услуг по поставке дизельного топлива
	Разработать и внедрить систему учета дизельного топлива
Взаимоотношения с клиентами	Повысить качество и сократить сроки подачи заявок на обеспечение топливом
	Сформировать систему планирования поставки топлива
	Сократить сроки заключения договоров на поставку
	Сократить сроки поставки топлива
Внутренние бизнес-процессы	Повысить эффективность процесса использования топлива
	Исключить простои в ходе проектов
	Внедрить регламент обеспечения и использования топлива
	Повысить профессиональный уровень персонала
Обучение и развитие	Обеспечить высокую мотивацию участников процесса обеспечения топливом
	Провести оценку профессионального уровня сотрудников
	Создать систему профессионального обучения и наставничества
	Создать эффективное информационное обеспечение процессов обеспечения топливом
	Внедрить автоматизированную систему для учета топлива
	Внедрить автоматизированную систему CRM для учета топлива

№	Режим задачи	Название задачи	Длительность	П.1	П.2	П.3	П.4	П.5	П.6	П.7	П.8	П.9	П.10	П.11	П.12	П.13	П.14	П.15	П.16	П.17	П.18	П.19
1	Р	I. Разработка системы обязательных показателей	21 дней																			
2	Р	1. Выборка БИ																				
3	Р	2. Изменить структуру рейтинга БИ и системный																				
4	Р	II. Определение стратегических целей	28 дней																			
5	Р	3. Первый анализ																				
6	Р	4. Второй анализ																				
7	Р	5. Первый семинар для менеджеров																				
8	Р	III. Выбор стратегических показателей	35 дней																			
9	Р	6. Составление работы группы																				
10	Р	7. Второй семинар для менеджеров																				
11	Р	IV. Составление плана реализации	28 дней																			
12	Р	8. Разработка плана реализации																				
13	Р	9. Третий семинар для менеджеров																				
14	Р	10. Завершение плана реализации																				

Задание

Пользователь

Всего

Суммарное задание

Суммарное задание проекта

Неактивная задача

Неактивная задача

Неактивная зависимость задачи

Задача группы

Только для клиента

Суммарное задание в группе

Суммарное задание в группе

Только начало

Только окончание

Внешние задачи

Внешняя задача

Крайний срок

Мод. выполнение

Выполнение задачи, выполнение задачи, выполнение задачи

Стр. 1

Внедрение прогрессивных управленческих технологий способствует созданию эффективного топливно энергетического кластера, построенного на принципах взаимовыгодной кооперации, клиентоориентированности и роста конкурентоспособности.

Список литературы

1. Нивен П. Р. Диагностика сбалансированной системы показателей / П. Р. Нивен. – М. : Баланс Бизнес Букс, 2006. – С. 256.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОГРАММ ЗАНЯТОСТИ В АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Федорова Елена Петровна,

кандидат экономических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань

В Российской Федерации в 2016 г. средний общий уровень безработицы составил 5,5 %, а регистрируемой безработицы составил менее 2 %. Однако этот показатель не отражает ситуации сложившейся в целом по России. Из таблицы 1 видно, что в пяти из восьми Федеральных округов уровень безработицы значительно выше среднего. Минимальный уровень безработицы зафиксирован Центральном Федеральном округе, (в частности Санкт-Петербурге – 1,6 %), а максимальный уровень безработицы зарегистрирован Северо-Кавказском Федеральном округе (в республике Ингушетия – 30,2 %). Медианное значение уровня безработицы в РФ в 2016 г. составило 6 %, что ненамного отличается от среднего. В 42 регионах РФ уровень безработицы выше среднего (а в 22 регионах значительно превышает средний по России) и устойчивость данного показателя наблюдается в течении более чем 10 лет. Одним из инструментов сокращения безработицы служат программы содействия занятости. Увеличить безработицу может стабильный экономический рост, изменение структуры российской экономики и соответственно структуры спроса на труд. Решение этой проблемы возможно через активные программы содействия занятости.

Таблица 1

Федеральный округ	Общий уровень безработицы
Центральный Федеральный округ	3,5
Северо-Западный Федеральный округ	4,6
Южный Федеральный округ	6,4
Северо-Кавказский Федеральный округ	11,0
Приволжский Федеральный округ	4,8
Уральский федеральный округ	6,1
Сибирский Федеральный округ	8,0
Дальневосточный федеральный округ	5,8

Источник: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_force/#.

С 2009 г. в РФ реализуется Государственная программа «Содействие занятости населения». Одними из основных направлений реализации данной программы являются: мероприятия активной политики занятости, повышение трудовой мобильности населения. Многие целевые показатели этой программы уже достигнуты в крупных промышленно-развитых центрах Российской Федерации, однако в южных районах, где население в основном проживает в сельской местности, эти показатели далеки от целевых.

В качестве объекта исследования выбрана Астраханская область, как регион со значительной долей сельского населения¹. В Астраханской области (АО) уровень безработицы в районах колеблется от 2 до 18 %, в городе – уровень безработицы составляет менее 1 %. В 50 населенных пунктах АО не ни одного работодателя. В соответствии с вышеизложенным, чрезвычайно важно рассмотреть эффективность программ содействия занятости в региональном аспекте.

Целью данного исследования является оценка эффективности активных программ занятости в региональном аспекте и выявление факторов, влияющие на их эффективность (в экономическом и социальном разрезе).

В связи поставленной целью были выделены задачи:

- (на микроуровне) влияние активных программ занятости на заработную плату и повышение шансов трудоустройства;
- влияние активных программ занятости на социальное самочувствие и социальную сплоченность граждан ищущих работу;
- анализ затрат и выгод от программ обучения для каждого районного центра занятости Астраханской области;
- влияние программ обучения на уровень занятости в районах Астраханской области;
- выявить для каких групп населения программы содействия занятости наиболее эффективны.

Программы содействия занятости были введены в 1930-е г. XX в. Гербертом Гувером в США. С 1962 г. в программы содействия занятости были введены программы подготовки и переподготовки безработных граждан. В 1970-е гг. появились первые работы, американских ученых оценивающие эффективность таких программ. Оценка эффективности государственных программ на рынке труда включает в себя мониторинг выполнения программы, анализ затрат и выгод, позволяющий издержки реализации программы с выгодами, полученными от ее реализации. Существует два подхода к измерению эффективности активных программ занятости.

Первый подход рассматривает результаты программы на макроуровне для различных групп населения. В частности оценку косвенных эффектов от реализации программ: эффект замещения, эффект перемещения, налогообложения, нулевой эффект. Эффект замещения проявляется в том, что выигрыш от государственных программ на рынке труда связан с потерями для тех кто в этих программах не участвует. Эффект перемещения проявляется в

¹ Доля сельского населения по Российской Федерации составляет 26 %, доля городского – 74 %. В Астраханской области доля городского населения – 52 %, сельского – 48 %.

том, что фирмы привлекая субсидируемых работников, увеличивают объем выпуска при одновременном снижении издержек, что нарушает условия честной конкуренции на рынке и вытесняет с рынка те фирмы которые не используют труд субсидируемых работников. Эффект налогообложения связан с финансированием государственных программ за счет увеличения налогов, что уменьшает благосостояние граждан-налогоплательщиков. Нулевой эффект программы занятости означает, что в результате реализации программы был достигнут тот же эффект, что и в ее отсутствии. Сторонниками этого подхода в основном являются американские исследователи. Например, Криса Эдвардс и Даниэль Мерфи в работе «Занятость и обучающие программы: неэффективность и ненужность» показывают, что американская экономика не нуждается в федеральной службе занятости и профессиональной подготовки. С помощью анализа затрат и выгод К. Эдвард и Д. Мерфи [1, с. 6] доказывают что программы профессиональной подготовки и общественных работ неэффективны и лучший способ стимулирования занятости – это рыночная политика государства поощряющая предпринимательство и частный бизнес.

Второй подход основан на измерении экономического или социального эффекта от рассматриваемой программы для лица, участвующего в программе. Для расчета индивидуального эффекта, необходимо создание сравнительной ситуации, которая бы давала бы ответ на вопрос, что произошло бы в случае отсутствия программы. Программа признается эффективной, если после ее прохождения меняется статус занятости, повышается заработная плата. Или же сравниваются средние зарплаты лиц, участвующих в программе, с зарплатами тех кто не участвует. Данный подход в основном используется исследователями стран Восточной и Центральной Европы с 1990-х гг. В Румынии данную проблему изучала Нурия-Родригес Планас. В исследовании автор определяла, для каких групп населения программы содействия занятости наиболее эффективны. Исследование позволило проследить за изменением доходов и статуса занятых опрошенных в течение 2-х лет после начала программы содействия занятости.

В Венгрии и Польше оценку программ самозанятости, переподготовки безработных, субсидирования заработной платы и общественных работ, проводил Кристофер Дж. О'Лири [2, с. 24]. На основании панели данных за 1990-1996 гг., в работе он доказал, что в Венгрии и Польше в 1990-е гг. наибольший положительный эффект имели программы переподготовки безработных и наименьший положительный эффект имели программы стимулирования самозанятости. Так как только очень малая часть людей была способна к такой деятельности. В связи с тем, что в 1990-е гг. в странах бывшего социалистического лагеря преобладал структурный тип безработицы, переобучение работников было самой эффективной мерой среди всех активных программ занятости в то время.

В России и Румынии эффективность программ переподготовки безработных и общественных работ оценивали И. Денисова, М. Карцева (на основе данных служб занятости Воронежа и Челябинска). Исследователи не выявили значимого влияния активных программ ни на занятость, ни на повышении заработной платы в российских регионах, в тоже время участие в данных программах повышает шансы трудоустройства и влияет положительно на повышение заработной платы в Румынии [3, с. 6].

Многие исследователи влияния активных программ занятости не дают однозначного ответа на вопрос о том, что влияет на эффективность этих программ:

- активные программы занятости положительно влияют на заработную плату и повышают шансы трудоустройства участников этих программ;
- активных программ занятости положительно влияют на социальное самочувствие и социальную сплоченность граждан ищущих работу (в частности на мужчин, побывавших в военных конфликтах);
- активные программы занятости являются экономически выгодными для региона проводящего эти программы;
- активные программы занятости положительно влияют на уровень занятости в регионе.

Программы профессиональной подготовки более эффективны для лиц предпенсионного возраста (от 50 и выше) и для молодежи лиц (от 14 до 29 лет), имеющих среднее специальное и высшее образование, так как они повышают вероятность изменения их профессионального статуса и оказывают положительное влияние на заработную плату.

Программы обучения безработных, проживающих в сельской местности с неразвитой инфраструктурой, положительно влияют на самозанятость, развитие бизнеса и экономики в данной местности

В данном проекте будет сделана попытка оценить эффект программ обучения и программ содействия самозанятости и содействия мобильности безработных граждан на микроуровне, так как он даёт конкретные количественные показатели для адресной аудитории, с учетом воздействия этих программ на экономику региона.

В основу работы будут положены данные отчетности и опросов служб занятости Астрахани и Астраханской области 2009–2012 гг.

Всего было опрошено из 3700 чел., получивших профессиональное обучение в службах занятости Астрахани и Астраханской области в 2012 г. – 370 чел., из 610 чел., получивших субсидии для организации предпринимательской деятельности – 61 чел.

Возрастная структура респондентов соответствует структуре обратившихся в службу занятости (табл. 2).

Таблица 2

Возрастная структура респондентов

Возраст респондентов	Возрастная категория	Доля в выборке
от 14 до 29 лет	молодежь	45 %
от 30 до 50 лет	активное население	20 %
от 50 и старше	лица предпенсионного возраста	35 %

Для оценки влияния участия человека в программе обучения и профессиональной подготовки и самозанятости сравниваем зарплаты, доходы работников с одинаковыми характеристиками (пол, возраст, образование, семейный статус, район, и т.д.), тех, кто участвовал в программе с теми кто не участвовал. Сравнение по районам области необходимо, так как уровень трудоустройства по районам области варьируется от 38 до 71 %.

$$D = E[Y_i^T | T] - E[Y_i^C | C] = \{E[Y_i^T | T] - E[Y_i^C | C]\} + \{E[Y_i^C | T] - E[Y_i^C | C]\},$$

где, Т – группа лиц, участвующих в программах обучения; С – группа лиц не участвующих в программах обучения; Y_i^T – зарплата человека, участвующего в программе обучения; Y_i^C – зарплата человека, не участвующего в программе обучения.

Различия в наблюдаемых и ненаблюдаемых характеристиках двух групп приводят к смещению оценки эффекта.

Анализ затрат и выгод, проводят с учетом анализа затрат на обучение, которые рассчитываем сумму стоимости обучения и стипендии, выплачиваемой лицу, проходившему обучение. Выгоды, рассчитывали, как сумму пособия по безработице, которое получал бы человек, если бы он не смог найти работу и сумму налогов с заработной платы (или в случае самозанятости с дохода).

Полученные результаты. Программы профессиональной подготовки более эффективны для лиц старшего возраста, имеющих среднее специальное и высшее образование, так как они повышает вероятность изменения их профессионального статуса, и оказывают положительное влияние на заработную плату. Трудоустройство граждан предпенсионного возраста, прошедших обучение составило 100 %.

Участие в программе профессиональной подготовки увеличивает вероятность занятости для женщин, имеющих среднее, средне специальное образование до 89 % и сокращает продолжительность безработицы.

Программы обучения безработных, проживающих в сельской местности с неразвитой инфраструктурой, положительно влияют на развитие экономики в данной местности.

Сравнение выгод и издержек из расчета на одного человека, проходившего обучение, показывает что выгоды (7600 руб. в расчете на одного человека), от этих программ ненамного превысили расходы на обучение (7400 руб. в среднем на одного человека).

Список литературы

1. Edwards C. Employment and Training Programs: Ineffective and Unneeded / Edwards C., J. M. Daniel // CATO Institute. – USA, 2011. – P. 50.
2. O'Leary C. J. Evaluating the Effectiveness of Active Labor Programs in Hungary / C. J. O'Leary // Upjohn Institute Technical Report. – No. 98-013. – P. 120.
3. Денисова И. Программы переобучения в России и Румынии: сравнительный анализ эффективности / И. Денисова, М. Карцева, Я. Бенус, Р. Бринза, В. Чука. – Препринт ЦЭФИР-2002.

АСТРАХАНСКОЕ КАЗАЧЕСТВО: ДВЕСТИ ЛЕТ НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВА

УЧАСТИЕ АСТРАХАНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ЯНВАРСКИХ СОБЫТИЯХ 1918 г.

Антропов Олег Константинович,

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России,
ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», г. Астрахань*

Население г. Астрахани восприняло известие из Петрограда о падении монархии в большинстве своём с воодушевлением и надеждой на то, что революция принесёт мир, стабильность, благосостояние. 2 марта 1917 г. на публичном заседании Астраханской городской думы был образован Временный Исполнительный Комитет из представителей земства и группы социально активных граждан. Его председателем стал присяжный поверенный (адвокат) кадет Николай Васильевич Ляхов (из казаков). Астраханский Исполком объявил о взятии власти в свои руки. Астраханский губернатор и наказной атаман генерал И.Н. Соколовский был арестован, прежнее руководство губернии и города отстранено от власти. Полиция была разоружена и распущена. Части астраханского гарнизона, в том числе казачество, заявили о поддержке Временного правительства [1, с. 1]. Смена власти в Астраханской губернии прошла быстро, организованно и без особых эксцессов. Комендантом города и временным наказным атаманом Астраханского войска стал командир 3-го казачьего полка полковник П.С. Стрелков, временным гражданским губернатором – генерал-майор И.А. Бирюков, председателем Губернского Исполкома и Городской думы – Н.В. Ляхов. Казачьи лидеры вошли в состав Губисполкома и обновлённой Городской думы. Во главе 156-го запасного пехотного полка Астраханского гарнизона стал казачий офицер, войсковой староста Алексеев. 12 марта 1917 г. Временное правительство утвердило И.А. Бирюкова в должности губернского комиссара [2, с. 1].

Астраханское казачество в целом положительно приняло Февральскую революцию. Оно ждало облегчения службы, увеличения земель, расширения привилегий; решительно выступило за демократизацию страны, расширение самоуправления, отказ от полицейских функций; проявило себя последовательным сторонником буржуазно-демократического лагеря. Казаки заявили себя как сторонники демократической республики при широкой автономии казачьих войск в составе России. Необходимость сохранения обновлённых казачьих войск, как особых автономий в составе России, поддерживалась всеми однозначно.

22 мая 1917 г. в Астрахани с большой помпой было отпраздновано столетие АКВ. Все на этом торжестве по замыслу организаторов символизировало начало новой, свободной эпохи в жизни астраханского казачества.

4–12 июня 1917 г. в Астрахани состоялся Первый Губернский крестьянский съезд, в резолюции которого по земельному вопросу делегаты настаивали на полном уравнивании пользования землями и водами, уравнивании крестьянских и казачьих наделов.

В то же время в Астрахани, как и в других губернских городах, заявил о себе ещё один центр власти – Совет рабочих и солдатских депутатов. В первых числах августа 1917 г. разгорелся конфликт между Войсковым правлением и Астраханским Совдепом по поводу резолюции Астраханского Совдепа о конфискации частновладельческих земель.

В конце сентября – начале октября 1917 г. состоялся второй Большой войсковой круг АКВ, который определил позицию и роль астраханского войска в назревающей гражданской войне, которая неизбежно начнётся в результате прихода большевиков к власти. Председателем Круга был избран Н.В. Ляхов. 3 октября 1917 г. делегаты единогласно избрали нового войскового атамана – генерал-майора И.А. Бирюкова. Среди вопросов, которые рассмотрел Круг, были: о корниловском мятеже, об Учредительном собрании, о формировании астраханской казачьей бригады, о казачьей секции при ЦИК Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов, о Совете войскового круга и Малом совете и др. Большой войсковой круг АКВ поддержал единодушно идею союза казачьих войск Юга России и вхождения астраханцев в Юго-Восточный Союз казаков. Созданный на Большом войсковом круге Малый Совет стал президиумом Совета войскового круга АКВ. В Малый Совет АКВ вошли известные и уважаемые деятели: И.А. Бирюков, Н.К. Серёжников, Н.В. Ляхов, А.Н. Донсков, М.Г. Лебедев, Г.М. Астахов, А.А. Догадин [3, с. 1].

25–26 октября 1917 г. в Астрахань поступили сведения о взятии большевиками власти в свои руки и о решениях Второго Всероссийского съезда Советов. Атаман И.А. Бирюков попытался консолидировать астраханское казачество, прежде всего, отозвать с фронта воинские части АКВ, в том числе астраханскую казачью бригаду, отозвать из отпусков всех казаков-отпускников. Была приостановлена отправка на фронт пополнения из мобилизованных астраханских казаков. 26 октября 1917 г. на экстренном заседании войскового правления по предложению И.А. Бирюкова принимается постановление, согласно которому Войсковое правительство берёт на себя всю полноту власти по управлению АКВ [4, с. 1].

Астраханский Совет рабочих и солдатских депутатов осенью 1917 г. занял выжидательную позицию. 26 октября 1917 г., после получения известия о переходе власти к большевикам, собралось экстренное заседание Астраханского Совдепа. Эсеро-меньшевистский совдеп, председателем которого был левый эсер А.С. Перфильев, в своей речи призвал к спокойствию и воздержанию от эксцессов [5, с. 1].

В ноябре 1917 г. идёт большевизация Астраханского Совдепа и борьба за власть. 3 ноября 1917 г. из Петрограда в Астрахань возвращается делегат Второго съезда Советов большевик И.Е. Лемисов. 4 ноября И.Е. Лемисов выступает на заседании Астраханского Совдепа и призывает его по примеру Петрограда взять власть в свои руки и покончить с двоевластием. После долгих дебатов Совдеп решает сохранить «статус-кво» и воздержаться от эксцессов [6, с. 121]. Астраханская большевистская организация на тот момент была ещё слаба и предпочла не форсировать события и копить силы.

В начале ноября 1917 г. председатель астраханского совдепа А.С. Перфильев предложил Исполкому создать «Комитет Народной власти» (КНВ). Во избежание гражданской войны в Астрахани Совдеп решил, что до созыва Учредительного собрания важные вопросы губернии и г. Астрахани должен решать «Комитет Народной власти» [7, с. 4]. Однако данный комитет реальной власти, авторитета и влияния не имел. Большевики и казачество его игнорировали.

С середины ноября 1917 г. астраханская организация большевиков развернула работу по привлечению на свою сторону Советов всех уровней, профсоюзов и главное, воинских частей местного гарнизона. Опорой большевиков стала солдатская секция Астраханского Совдепа во главе с казачьим есаулом большевиком М.Л. Аристовым. Наибольшим влиянием большевики пользовались среди солдат. Большевики взяли под контроль 156-й запасной пехотный полк (начальник Алексеев). В полку были организованы перевыборы командования и солдатского комитета. Решением ротных комитетов на эту должность был избран М.Л. Аристов [8, с. 130–131].

К концу ноября 1917 г. окончательно был сформирован отряд Красной гвардии численностью в 500 чел. [9, с. 140]. На сторону большевиков перешли астраханские профсоюзы. Большевики создали Центральный стачечный комитет, который был поддержан гарнизоном. 3 декабря 1917 г. под давлением солдатской секции и ротных комитетов Астраханский Совет рабочих и солдатских депутатов принимает решение о создании Военно-революционного комитета. Председателем астраханского ВРК стал М.Л. Аристов. По решению ВРК в Астрахани развернулась агитация за организацию новых красногвардейских отрядов для подавления выступлений контрреволюции. Ситуация в Астраханском крае складывалась не в пользу контрреволюции. Конфликт неизбежно должен был перерасти в военное столкновение.

Реальной военно-политической силы, способной противостоять большевикам и сторонникам Советской власти, в Астраханской губернии не было. Астраханское казачество было расколото и ненадёжно. Оно было склонно к соглашательству с Советской властью. Старшина АКВ и члены Малого Совета решают создать антибольшевистское вооружённое формирование, которое получило название «Вольное казачество». 25 ноября 1917 г. создаётся инициативная группа по образованию городской станицы «вольного казачества». На собрании от АКВ присутствовал товарищ (заместитель) атамана Г.М. Астахов. Были отпечатаны листовки, приглашающие граждан записываться в «вольное казачество».

В декабре 1917 г. Войсковой круг АКВ принимает решение о новых упрощённых правилах принятия граждан в казачье сословие. В организации вольно-казачьего движения приняли активное участие члены Малого совета А.А. Догадин и М.Д. Сворцов. Для разработки «вольно-казачьего» вопроса и выработки положения об упрощённом переходе в казачество частных лиц и организованных групп граждан при Малом Совете создаётся специальная комиссия в составе И.А. Бирюкова, Г.М. Астахова, А.А. Догадина и М.Д. Сворцова [10, с. 1].

К началу декабря 1917 г. организационные мероприятия по созданию городской «вольно-казачьей станицы» были решены. Было создано станичное правление под руководством А.А. Догадина. 6 декабря 1917 г. было принято «Положение об учреждении в г. Астрахани казачьей станицы и о порядке и условиях приёма в казаки». Вскоре был создан вольно-казачий полк, основной задачей которого было патрулирование и охрана объектов и учреждений в г. Астрахани. Организаторы вольно-казачьей станицы рассчитывали создать массовую вооружённую организацию самообороны на базе «Вольного казачества». Это была открытая контрреволюционная организация монархического толка.

Войсковой Круг АКВ в декабре 1917 г. отказал Малому Совету в приёме членов городской вольноказачьей станицы в казачье сословие. По сути АКВ открестилось от «Вольного казачества». Однако полк вольного казачества продолжал формироваться. В течение декабря 1917 г. в «вольные станичники» записалось до 400 чел. Это были представители местной буржуазии, интеллигенции, студенты, гимназисты, мещане. Вступившим выдавали казачью форму, оружие, боеприпасы, обеспечивали пайком. В целом вольно-казачий полк отличался слабой воинской подготовкой и был небоеспособен [11, с. 6].

Другой контрреволюционной организацией в Астрахани, единственным боееспособным и надёжным союзником войскового правительства стал «Астраханский союз офицеров», созданный в конце 1917 г. Командиром полка стал полковник К.В. Сахаров, который по некоторым данным прибыл в город по приказу Л.Г. Корнилова для организации антибольшевистской борьбы. К полковнику К.В. Сахарову в союз офицеров стекались офицеры со всего Нижнего Поволжья. К началу 1918 г. К.В. Сахаров сформировал две офицерские роты, всего 400 чел. Эти офицерские роты стали главной силой антисоветского восстания в г. Астрахани в январе 1918 г.

В декабре 1917 г. конфликт в регионе достиг своей роковой черты. В этот период в Астрахани началась охота на офицеров групп революционно настроенных граждан. Озверевшие революционные экстремисты нападали на офицеров, оскорбляли, унижали, издевались и грабили их на улице, были случаи убийств офицеров.

12–24 декабря 1917 г. в Астрахани прошёл экстренный Войсковой Круг АКВ – последний в истории дореволюционного казачества. Председателем Круга был избран присяжный поверенный (адвокат), кадет и сугубо гражданский человек Н.В. Ляхов [12, с. 2].

Важный момент. Выступая перед Кругом, атаман И.А. Бирюков заявил, что казачество не стремится к реставрации монархии и дофевральской системы. Россия должна стать федеративной демократической республикой. В своём докладе Казачьему Кругу А.И. Бирюков заявил, что Круг выражает волю трудового демократического казачества, которое поддерживает лозунги: «Единая, Великая, Неделимая Россия», «Учредительное Собрание – хозяин земли Русской». Атаман АКВ подчеркнул, что казачество является сторонником законности и порядка. Оно не может мириться с произволом большевиков. Казачий Круг АКВ постановил: «Высшая власть по Войску принадлежит Войсковому правительству, с большевиками не по пути, в органе краевой власти казакам участвовать незначем».

В декабре 1917 г. солдаты-фронтовики, возвращавшиеся домой с оружием, брали на местах (в сёлах, волостях, уездах) власть в свои руки и в явочном порядке устанавливали Советскую власть. Вернувшиеся фронтовики пополнили солдатскую секцию Исполкома Астраханского Совдепа. К началу 1918 г. Советская власть была установлена в большинстве уездов Астраханской губернии, были организованы ревкомы и красногвардейские отряды, которые оказывали на казаков постоянное давление. Астраханский ВРК, опираясь на 156-й пехотный полк и отряды красной гвардии, на фоне углубляющегося продовольственного и топливного кризиса стал вести себя более агрессивно и нагло. Большевистское руководство Казанского военного округа отдало офицерам распоряжение снять с себя погоны и знаки отличия. Затем последовало указание о регистрации, в том числе принудительной, офицеров. Однако вплоть до января 1918 г. казачьих офицеров не трогали, с них погоны не срывали и публично на колени не ставили, не обыскивали [13, с. 8].

К началу января 1918 г. в Астрахани царила предгрозовая атмосфера, нарастало противостояние между Войсковым правительством АКВ, поддерживающими его казаками-добровольцами, офицерским союзом и вольными казаками с одной стороны и военно-революционным комитетом, астраханским Губернским советом рабочих и солдатских депутатов и красными войсками, с другой стороны.

Противники были готовы начать борьбу и находились в напряжённом ожидании. Вопреки очевидному, А.И. Бирюков и Н.В. Ляхов питали надежду на поддержку донцов и Добровольческой армии, однако генерал Корнилов, обдававший к этому времени ещё незначительными силами, увяз в боях с красными частями.

Формальным поводом к вооружённому столкновению между казаками и большевиками стал конфликт, разгоревшийся вокруг войсковой казны АКВ (700 тыс. руб.), хранившейся в Губернском казначействе. Казанский военный округ, руководствуясь указаниями Совнаркома, в декабре 1917 г. отказал казакам в денежном и вещевом довольствии, т.к. АКВ не признало Советской власти. Однако для организации вооружённой борьбы с большевиками необходимо было в самые короткие сроки изыскать достаточно крупные суммы. В середине декабря 1917 г. войсковое правительство договорилось с руководством Губернского казначейства о получении кредита в 500–600 тыс. руб. и в назначенный день направило в казначейство вооружённый отряд, который забрал оговоренную сумму. В тот же день служащие казначейства сообщили о произошедшем в КНВ и исполком, добавив, что хранившийся в казначействе войсковой капитал превышает реквизируемую сумму [14, с. 1]. Астраханский Совдеп и КНВ вынесли совместное постановление об аресте войскового капитала до возвращения казаками взятой суммы. Войсковое правительство активно использовало этот факт, агитируя казаков накануне восстания, оправдывая необходимость вооружённых действий.

30 декабря 1917 г. астраханский комитет большевистской партии и Исполком Совдепа предъявили Комитету Народной Власти требование немедленного подавления военных сил контрреволюции и ликвидации её финансов. В свою очередь, войсковое правительство также предъявило ультиматум КНВ, потребовав немедленного снятия ареста с капитала АКВ, находящегося в казначействе, и потребовало от Исполкома немедленного прекращения репрессий против офицерства. 6 января 1918 г. Исполком Астраханского Совета рабочих и солдатских депутатов выпустил обращение ко всему Астраханскому трудовому казачеству, в котором обвинил войсковое правительство в развёртывании гражданской войны, в напаках на Комитет Народной Власти, в стремлении подчинить его своей власти [15, с. 153–154].

Войсковое правительство медлило. И.А. Бирюков надеялся, как оказалось напрасно, на помощь с Дона и Урала, а также на прибытие в город Астраханской казачьей бригады, и присоединение к восставшим казакам. Астраханский ВРК назначил на 13 января 1918 г. выступление против Войскового Правительства АКВ. Таким образом, контрреволюционное казачество было поставлено перед выбором: либо сдаться на милость большевиков и подчиниться, признав Советскую власть, либо сделать героическую, отчаянную, но безусловно авантюрную попытку малыми силами, внезапным ударом разгромить превосходящего по силе и численности противника, т.е. 156-й пехотный полк и отряд Красной гвардии.

Большевистский ВРК провоцировал казаков И.А. Бирюкова на вооружённое выступление: продолжались избиения, аресты и убийства офицеров, в том числе насилия над казачьими офицерами. Большевики требовали от КНВ передать всю власть совдепу. 5 января 1918 г. из Петрограда пришли известия о разгоне большевиками Учредительного собрания. После этого надежды на мирное разрешение конфликта рухнули. 7 января 1918 г. Войсковое правительство АКВ выпустило «Воззвание к станичникам Астраханского казачьего войска», подписанное атаманом И.А. Бирюковым, призвавшее казаков к вооружённой борьбе с большевиками, и объявило всеобщую мобилизацию. Второй отдел от мобилизации отказался, и казаки стали разъезжаться по своим станицам [16, с. 45–46]. Только казаки-старички собрали в Казачебугоринской станице четырёхсотенный полк неполного состава.

11 января 1918 г. Войсковое правительство АКВ созвало экстренное совещание с участием представителей от станиц (по 5 чел. от каждой) и воинских частей (по одному человеку от сотни). Делегатом от 3-й сотни 3-го полка был казак-большевик Забурунов. Забурунов был взят под арест и отправлен в казармы (правда, уже вечером его отпус-

тили) [17, с. 46]. Совещание приняло решение о немедленном выступлении против большевиков всеми имеющимися в наличии силами, не дожидаясь подхода подкреплений.

В распоряжении Войскового правительства АКВ к началу восстания были только добровольческие казачьи и офицерские формирования общей численностью 1600–1700 чел. Базой офицерской организации был покровский монастырь, базой Войскового правительства – станица Казачебугоринская, расположенные в пригородах. Главными центрами большевиков являлись астраханский кремль, где находились казармы 156-го полка и ВРК, а также порт, где располагался стачком и отряд красной гвардии. Отряды солдат и красногвардейцев контролировали подходы к крепости и порту. Было установлено круглосуточное патрулирование. Для контроля над солдатами 156-го полка были сформированы две добровольческие хорошо вооруженные, усиленные пулеметами части – рота товарища Рубана и мусульманская рота. В уездах губернии и в рабочих районах Астрахани формировались партизанские отряды из фронтовиков. К 13 января 1918 г. в крепость в помощь 156-му полку прибыли два партизанских отряда по 700 чел. в каждом (отряды Колчина и Бессонова). Совокупные силы красных составляли не менее 8 тыс. чел. В ходе боёв по данным ВРК потери красных составили около 2 тыс. убитыми и ранеными [18, с. 155].

Вооружённая борьба между астраханскими казаками и большевиками началась ночью 12 января 1918 г. Первыми в 3 часа ночи двинулись к центру города казачьи отряды из Казачебугоринской станицы. В половине пятого утра из Покровского монастыря по направлению к кремлю под прикрытием орудийного огня двинулись офицерские части. На это наступление красные ответили всеобщей мобилизацией. В кремль стали стекаться красногвардейские и партизанские отряды. Все попытки захватить кремль, главный опорный пункт и штаб красных войск, были безрезультатны [19, с. 24]. Несмотря на то, что восставшие казаки имели артиллерию и вели огонь, красные части держались стойко, понимая, что их ожидает в случае поражения. Ожесточённые бои шли по всему городу. Два дня, 12–13 января 1918 г. кровопролитные бои шли и в центре, и на окраинах города. Положение складывалось не в пользу казаков.

Среди казаков 1-го и 2-го полков произошёл раскол. Большинство воевать отказывалось. Стало известно, что станичники колеблются и опасаются за судьбу оставленных станиц. Из добровольцев был сформирован отряд под командованием временного командира 2-го полка есаула Кукушкина, прикрывавшего Астрахань с севера, со стороны Саратова, откуда астраханские большевики ожидали помощи. Надежды на Дон и Урал, а также на помощь калмыков не оправдались. Эффект внезапности был потерян, и теперь повстанцам без привлечения дополнительных сил обойтись было невозможно. Атаман И.А. Бирюков и начальник войскового штаба Н.К. Серёжников просили казаков 1-го и 2-го казачьих полков прибыть на помощь восставшим. Однако казаки проигнорировали эту просьбу. На призыв атамана прибыл только небольшой добровольческий отряд во главе с Аратовым и Рябовым-Решетиным.

14 января 1918 г. крупных столкновений в городе не происходило. Стороны занимались перегруппировкой сил, готовились к новым решительным боям. Аристов слал во все концы отчаянные телеграммы, требуя помощи от уездов, от Саратова, от Царицына. Численно красные части превосходили повстанцев. В тылу казаков действовали красные партизанские отряды. Кремль представлял из себя мощное оборонительное сооружение, стены которого были способны выдержать огонь полевой артиллерии. На территории кремля имелись склады боеприпасов. Стратегическое преимущество, вопреки всем усилиям войскового правительства, продолжало оставаться за большевиками. Кроме того, серьёзную поддержку ВРК оказали железнодорожники. Занимаясь саботажем, порчей путей и подвижного состава, они всячески срывали подвоз добровольцев из состава казачьей бригады Аратовского в Астрахань.

16 января 1918 г. в целях окончательного окружения главных сил красных и отсечения их от районов, поставляющих боевую силу и продовольствие, войсковой штаб попытался развить целый ряд ударов, но они провалились. Лобовые атаки на кремль тоже потерпели неудачу и были отбиты с большими потерями для повстанцев. Борьба всё более ожесточалась. 18-19 января был предпринят самый жестокий штурм крепости. Офицерские роты, поливая противника огнём пулемётов, бросились в рукопашную, прорвались к воротам и едва не ворвались внутрь кремля, в стане красных началась паника, отдельные отряды стали бросать позиции и уходить. Однако большевики во главе с М.Л. Аристовым нашли выход. На колокольнях и башнях были установлены прожектора и пулемёты. Прожектора слепили атакующих, которых косил пулемётный огонь. Атака была отбита с большими потерями для казаков. Нехватка боеприпасов, молчание собственной артиллерии заставляли вымотанные казачьи части сдать часть позиций.

19 января 1918 г. в Астраханский ВРК пришла из Саратова телеграмма, в которой говорилось, что на помощь большевикам идет Восточная армия, созданная для борьбы с донской контрреволюцией. Восточная армия красных состояла из трёх батальонов, пулемётной команды и батареи (2 тыс. штыков, 40 пулемётов, 6 орудий). Она двигалась к Астрахани вдоль железнодорожной ветки Саратов-Астрахань. По мере продвижения к отряду присоединялись иногородние и крестьяне Саратовской и Астраханской губерний, и его численность выросла вдвое [20, с. 123].

Казаки тоже неожиданно получили подкрепление от уральцев и оренбуржцев. Отряд оренбургских казаков под командованием войскового старшины Пискунова (4 офицера, 151 казак, 8 орудий, 4 пулемёта, 160 винтовок) проходил через Дон к себе в Оренбург. Под Царицыным к ним присоединился отряд уральцев (30 казаков, при двух пулемётах) во главе с полковником В.С. Толстым, а также остатки особых оренбургских сотен в количестве 60 казаков и офицеров. В районе Каменного Яра они перешли Волгу. 19 января 1918 г. на станции Ахтуба этот объединённый казачий отряд встретил атаман И.А. Бирюков и провёл совещание с офицерами. И.А. Бирюков просил казаков о помощи астраханцам. Оренбуржцы и уральцы единодушно откликнулись на его призыв. 20 января на двух эшелонах отряд отправился в Астрахань. На станцию Астрахань-1 отряд прибыл 21 января вечером.

К этому времени численность красных войск в Астрахани уже достигла 15 тысяч. Астраханское казачество, противостоявшее большевикам, понесло большие потери и составляло два неполных полка, при нехватке патронов

и отсутствии снарядов. Казаки были обескровлены. 22 января 1918 г. началось последнее наступление повстанцев. Соппротивление большевиков было упорным и всё возрастало. Сражение 23 января было ожесточённым и кровавым, силы казачества были на исходе.

24 января 1918 г. начался массовый уход с позиций, вышедших из повиновения станичников. Физически измотанные, сильно поредевшие офицерские и вольно-казачьи отряды и горстки казаков-добровольцев, уже не способные ни к нападению, ни к обороне – вот всё, что к концу боёв оставалось у войскового правительства. Видя бессмысленность дальнейшей борьбы, восставшие начали отход из города. Утром 24 января, когда началось отступление, оренбуржцы и уральцы выехали по железной дороге на станцию Убах. Казаки разбежались. Красные отряды вылавливали отступающих, разоружали и арестовывали их. М.Л. Аристов организовал рейд по станицам и хуторам, вылавливая и карая повстанцев. Это была карательная экспедиция.

Уходящие из Астрахани силы войскового правительства, перебравшись через железнодорожный мост на станцию Астрахаль-2, разделились. Одна часть во главе с начальником войскового штаба Серёжниковым и начальником штаба астраханской казачьей бригады Рябовым-Решетиным отправлялась на север, на соединение с казачьим отрядом, действовавшим на станции Кайсацкая. Другая – Тундутов с сотней казаков-калмыков, остатки офицерских рот, часть казаков-добровольцев во главе с атаманом И.А. Бирюковым и председателем круга Н.В. Ляховым переправились на правый берег Волги. Они намеревались подняться на борьбу с большевиками станицы, а офицеры и калмыки стремились прорваться к генералу Корнилову.

25 января 1918 г. М.Л. Аристов оповестил уезды о победе большевиков и приказал уездным ревкомам бросить все силы на поимку контрреволюционеров, потребовав доставить их в Астрахань на суд военно-революционного трибунала. 26 января 1918 г. на поиски правобережного белоказачьего отряда Сахарова-Тундутова были направлены две экспедиционные части. Кроме того, М.Л. Аристов позаботился об оповещении и вооружении крестьянского иногороднического населения на границах Астраханской губернии и Войска Донского и координации действий с ними. 1 марта 1918 г. на подходе к станции «Ремонтное» и одноимённому селу отряд Сахарова был окружён красными частями и уничтожен, немногих оставшихся пленных отправили в Астрахань, в распоряжение ВРК. Тундутову, Ляхову и Астахову удалось бежать.

Судьба атамана И.А. Бирюкова сложилась драматично. Покинув 24 января 1918 г. Астрахань, И.А. Бирюков с группой соратников (сыновья, есаул Донсков) принял решение объехать по Царицынскому тракту станицы АКВ и созвать в станице Замьянской Казачий Круг и вновь поднять станичников на борьбу. Старики-казаки в целом одобряли антисоветское восстание, но молодежь, казаки-фронтовики требовали примирения с большевиками и признания советской власти. 1 февраля 1918 г. И.А. Бирюков и его сыновья в Замьянской станице были арестованы местными казаками и выданы астраханскому конвою. 3 февраля атаман И.А. Бирюков с сыновьями были доставлены в Астрахань и помещены на гауптвахту в кремле, а затем отконвоированы в тюремный замок. Таким образом, атамана АКВ предало большинство казаков, а казаки его родной Замьянской станицы вероломно арестовали его и выдали большевикам, надеясь этим купить себе прощение и лояльность со стороны советской власти.

Весной-летом 1918 г. в Астрахани состоялся ряд открытых судебных процессов над организаторами и участниками антисоветского восстания. Самый суровый приговор получил атаман И.А. Бирюков – 25 лет заключения. Его отправили для отбывания наказания в Саратовскую тюрьму, где в 1919 году он был расстрелян в порядке красного террора. Некоторым участникам этого восстания удалось бежать на Дон и Урал, где они приняли участие в гражданской войне в составе белогвардейских частей и формирований. Станицы АКВ в течение января-февраля 1918 г. признали советскую власть и сложили добровольно с себя сословное звание казака. Делегаты от 1-го отдела АКВ приняли участие в состоявшемся в середине февраля Первом губернском съезде рабочих, солдатских и крестьянских депутатов нового состава и в избрании делегатов на Четвёртый Всероссийский съезд Советов. Губернский съезд вынес постановление об упразднении казачьего сословия, предложил Губисполкому разработать план по национализации войсковых вод, земель, лугов и другой собственности, и установлению связи с трудовым населением из бывшего казачества, предоставив казакам, признавшим советскую власть, общие со всем населением губернии права в области пользования землями и водами. При Губисполкоме был создан оргкомитет, временно принявший на себя функции войскового правления [21, с. 40].

26 (13) февраля 1918 г. был обнародован приказ астраханского комиссара по военным делам М.Л. Аристова о роспуске 1, 2 и 3 казачьих полков АКВ, батареи, запасной сотни, отдельного конного запаса и войсковой мастерской, а также о разоружении казаков.

Таким образом, Астраханское антисоветское восстание было подавлено, добровольческие контрреволюционные отряды разгромлены. Большинство казаков не поддержало атамана И.А. Бирюкова и его соратников. С этих пор и до конца гражданской войны территории, на которых располагались астраханские станицы, прочно удерживались большевиками, кроме двух-трёх станиц 2-го отдела, находящихся в районе боевых действий белых армий. Дореволюционное астраханское казачье войско прекратило своё существование.

Список литературы

1. Народная газета. – 1917. – № 11. – 17 марта.
2. Астраханский листок. – 1917. – № 53. – 7 марта.
3. Астраханский листок. – 1917. – № 217. – 5 октября.
4. Вестник Астраханского казачьего войска. – 1917. – № 4. – 12 ноября.

5. Астраханский вестник. – 1917. – 27 октября.
6. Очерки истории Астраханской партийной организации // под ред. А. В. Соколова. – Волгоград, 1971.
7. Три года борьбы астраханского пролетариата : сб. ст. и мат-лов / под ред. А. Барова. – Астрахань, 1920.
8. Борьба за власть Советов в Астраханском крае: Ч. I (март 1917 – ноябрь 1918) : сб. / под ред. Б. Н. Бабина. – Астрахань, 1958.
9. Борьба за власть Советов в Астраханском крае: Ч. I (март 1917 – ноябрь 1918) : сб. / под ред. Б. Н. Бабина. – Астрахань, 1958.
10. Астраханский листок. – 1917. – № 262. – 28 ноября.
11. Три года борьбы астраханского пролетариата : сб. ст. и мат-лов / под ред. А. Барова. – Астрахань, 1920.
12. Вестник Астраханского казачьего войска. – 1917. – № 14.
13. Три года борьбы астраханского пролетариата : сб. ст. и мат-лов / под ред. А. Барова. – Астрахань, 1920.
14. Вестник Астраханского казачьего войска. – 1917. – № 14. – 17 декабря.
15. Борьба за власть Советов в Астраханском крае: Ч. I (март 1917 – ноябрь 1918) : сб. / под ред. Б. Н. Бабина. – Астрахань, 1958. – С. 153–154.
16. Астрахань и январские дни 1918 г. – Астрахань, 1925.
17. Астрахань и январские дни 1918 г. – Астрахань, 1925.
18. Очерки истории Астраханской партийной организации / под ред. А. В. Соколова. – Волгоград, 1971. – С. 155.
19. Астрахань и январские дни 1918 г. Астрахань, 1925.
20. Афанасьев Н. Борьба партии большевиков за установление и упрочение Советской власти в Саратовской губернии. – Саратов, 1947.
21. Донсков А. Н. На путях изгнания / А. Н. Донсков. – Оттава, 1992.

ПЕРСОНАЛИИ АСТРАХАНСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА

Покасов Алексей Викторович,

эксперт-консультант Астраханского окружного казачьего общества войскового казачьего общества «Всеволокное войско Донское», г. Астрахань

В истории Российской империи было немало войн и отдельных экспедиций, о которых простым обывателям слышать на уроках истории не приходилось. В период становления новой России в 1990-е гг. стали появляться статьи и отдельные публикации, рассматривающие такие малоизученные темы. Читатели смогли узнать о русском экспедиционном корпусе во Франции, корпусе генерала Баратова, действовавшего на Кавказском фронте в годы Великой войны 1914–1917 гг., участники которого совершили рейд, приведший их на территорию Персии (Ирана) и далее в Месопотамию (современный Ирак). Оставались вне поля зрения и события самой Великой войны, может быть только за исключением Брусиловского (Луцкого) прорыва и подписания Брестского мира. А ведь в общей истории страны скрыты ещё более мелкие фрагменты, касающиеся краеведения каждого отдельно взятого региона. Для нас таким фрагментом является история Астраханского казачьего войска, творимая на протяжении столетий яркими представителями нашего войска. И сейчас, когда происходит возвращение к своим истокам, хочется сказать несколько слов о тех, кто создавал славную историю нашего войска, а затем столкнулся с необходимостью делать непростой выбор. Кто эти люди и что мы о них знаем?

В июне 1792 г. из Ольвиопольского гусарского полка к нам в астраханское казачье войско был переведён поручик Григорий Григорьев Аратовский. Польский дворянин, православного исповедания, с богатым боевым опытом. В составе Ольвиопольского гусарского полка принимал участие в Русско-Турецкой войне 1787–1791 гг. Был под городом Очаковым в 1789 г., при сдаче городов Белграда и Бендер в 1790 г. При осаде и штурме Измаила, находился при генерал-поручике Потемкине на ординациях, где посылаем был в разные опасные места. Таким пред нами предстаёт основатель дворянского рода Аратовских в Астраханской губернии.

На рубеже XX в. в семье отставного полковника АКВ из дворян Ивана Аратовского будет семеро детей. В службе в астраханском казачьем войске состояло трое сыновей: Николай, Константин, и Пётр. Именно им будет уготовано нелёгкое испытание: пройти горнила 2-й отечественной войны (1914–1917 гг.), и окунуться в войну гражданскую.

Старшим из братьев, выбравших военную службу, был Николай Иванович Аратовский, родившийся в 1880 г. В 1901 г. произведён в хорунжие, позади учёба в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, и Николаевском кавалерийском училище. В августе 1905 г. сотник Аратовский по собственному желанию был переведен на службу в 1-й верхнеудинский полк Забайкальского казачьего войска в театр военных действий русско-японской войны. В 1906 г. возвращается в 1-й АКП и в том же году командирован в Лейб Гвардии Сводно-казачий полк, в сформированную 3-ю сводную сотню. В составе ЛГСКП принимает участие в войне 1914–1917 гг. В январе 1915 г. пожалован за отличия в делах против неприятеля орденом Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом и рядом других боевых орденов. В 1916 г. Николай Аратовский произведён в полковники, и назначен заместителем командира ЛГСКП. В 1917 г. принимает командование 1-м АКП, а затем и астраханской казачьей бригадой. Возвратившись с бригадой с фронта, возглавляет силы восставших казаков в январе 1918 г. в Астрахани. После провала мятежа, отступал во главе отряда в пределы войска Донского. По воспоминаниям генерал-майора Донского, погиб в ходе боя.

Средний брат Константин Иванович Аратовский, родился в 1887 г. Как и старший брат, прошёл обучение в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, и в Николаевском кавалерийском училище. В 1906 г. производится в

первый офицерский чин с переводом в 1-й АКП. В 1914 г. убывает с 1-й сотней 1-го АКП на фронт, где исполняет обязанности командира сотни. Награждён в числе прочих орденом Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом, и Св. Анны 2-й ст. с мечами. В 1916 г. произведён в есаулы. Примечательна данная на него характеристика: «Трудности боевой жизни переносит легко. Военную службу любит, к делу своему относится горячо. Отлично ориентируется на местности и перед опасностью не теряется что неоднократно доказал за эту войну. К подчиненным строг и справедлив, исполнительный». Участник войскового круга в апреле 1917 г., представитель 1-го АКП, привез войсковому кругу от казаков 2-й и 3-й сотен, все кресты и медали в дар Временному правительству на пополнение государственной казны нуждающейся в благородных металлах для победы над врагом. Декабрь 1917 г. помощник командира 1-го АКП.

Документального подтверждения участия Константина Аратовского в январском мятеже 1918 г. и гражданской войне на сегодняшний день нет. В 1930 г. работает преподавателем физики в автодорожном техникуме в г. Саратов. В 1931 г. его арестовали за участие в контрреволюционной организации. Коллегией ОГПУ осужден на 10 лет лишения свободы. Виновным себя не признал. Умер на поселении в Казахстане в конце 1940-х гг. Постановлением президиума Саратовского областного суда реабилитирован 23 мая 1960 г.

Младший брат, Пётр Иванович Аратовский, родился в 1892 г., по традиции, как и его старшие братья, прослушал курс наук в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе, и в Николаевском кавалерийском училище. В хорунжие произведён в 1913 г., а в 1914 г. на уже фронте стал начальником команды связи. За годы войны награждён боевыми орденами, в том числе Св. Владимира 4 ст. с мечами и бантом и Св. Анны 2-й ст. с мечами. В 1916 г. – подесаул. Участвовал в вооружённом мятеже астраханского казачества против Советской власти в январе 1918 г. Арестован, содержался в Астраханской тюрьме. В марте 1918 г. освобожден по распоряжению следственной комиссии и был мобилизован в Красную армию инструктором Астраханских советских пехотных курсов командного состава, проживал в г. Астрахани. В июле 1919 г. был арестован особым отделом при Реввоенсовете Каспийско-Кавказского фронта, по подозрению в причастности к белогвардейскому заговору. Обвинение не предъявлялось, на арестном листе надпись «Расстрелян». Приговора и даты его исполнения в деле нет.

Так трагично закончились судьбы братьев Аратовских, верой и правдой служивших своему отечеству и родному Астраханскому казачьему войску. К слову сказать, у Константина Аратовского в 1919 г. в г. Саратов родился сын Николай.

Николай Константинович Аратовский, советский шахматист, мастер спорта. Занимал призовые места в чемпионатах РСФСР. Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в составе противотанковой батареи. Ему довелось по странному совпадению, как когда-то и своему отцу, повоевать офицером всё против того же грозного противника, только на фронтах уже другой Великой войны. За несколько дней до начала войны, Николай получил диплом об окончании физико-математического факультета Саратовского университета. В 1943 г. старший лейтенант Николай Аратовский – командир батареи противотанковых орудий. Сохранилась интересная фотография 1946 г, на которой запечатлён он со своим отцом. В военной форме, его грудь украшают орден боевого красного знамени, и орден красной звезды, видны нашивки за ранения. Рядом в костюме при галстук сидит его отец примерно в возрасте 59 лет. Трудно себе даже представить, какие чувства одолевали их. Для отца всё лучшее и значимое осталось в прошлой жизни, а сын шёл уже своей дорогой не менее тернистой дорогой, и единственное что их объединяло, беззаветное служение «своей» родине. В последние годы жизни Николай Константинович работал преподавателем алгебры в техникуме. Один из его студентов вспоминал о нём: «Высокий, крепкий, седовласый с наискосок подстриженным чубом, слегка удлинённым носом, уравновешенный, серьезный и справедливый... Всегда ходил скромно одетым, но опрятным». Умер в 1976 г.

В далёкой от Астрахани станице Черноярской сейчас уже и не встретишь людей по фамилии Кропотовы. Одним из атаманов в станице был Лев Кропотов. В его семье в 1888 г. родился сын Сергей. Закончил Черноярское начальное училище. По жребию поступил на службу в Лейб-гвардии сводно-казачий полк. Видимо служба Сергею Львовичу нравилась и давалась на удивление легко. Достаточно посмотреть его награды за всевозможные состязания:

- окончил учебную команду и награжден вторым призом серебряными часами и таковой же цепочкой 19.08.1911 г.;
- произведен в младшие урядники 21.09.1911 г.;
- произведен в старшие урядники 06.12.1911 г.;
- за состязании в Михайловском манеже в джигитовке, награжден серебряными часами и такой же цепочкой 25.02.1912 г.;
- произведен в вахмистры 25.04.1912 г.;
- за рубку награжден первым призом серебряными часами и такой же цепочкой 28.04.1912 г.;
- за стрельбу из револьвера получил 1 приз серебряные часы с цепочкой 18.05.1912 г.;
- окончил дивизионную школу фехтования и получил свидетельство на право преподавания в училищах 05.1912 г.

Перед войной в 1913 г. ушёл на льготу. В 1914 г. с началом войны мобилизован в 1-й АКП полк. В первый год войны за проявленные отличия в боях против неприятеля удостоен всех четырёх степеней Георгиевского креста. В 1915 г. производится в чин прапорщика, удостоивается ряда боевых орденов, назначается начальником пулемётной

команды. В 1916 г. Сергей Львович уже сотник, командир сотни. В 1917 г. За отличия в боях произведён в подесаулы, представлен к производству в есаулы. Осенью 1917 г. уходит на льготу.

В марте 1919 г. был призван в Красную армию и назначен Черноярским уездным инспектором всеобуча. Отозван как кавалерист в г. Астрахань в распоряжение инспектора кавалерии 11 армии и назначен помощником комполка по строевой части. Позже был командирован в Московскую кавалерийскую дивизию на должность командира полка. Вплоть до 1923 г. получал назначения в различные кавалерийские части и соединения. Дальнейший жизненный путь Сергея Львовича оставался загадкой до недавнего времени. В 2017 г. состоялось знакомство с представителями семьи Кропотовых, которые и поведали, много интересных моментов из последующей жизни Сергея Кропотова. В том числе, и тот факт, что Полковнику красной армии Сергею Львовичу Кропотову предстояло принять участие в БОВ 1941–1945 гг., в качестве командира запасного пулемётного полка. Не менее интересно было узнать, что после окончания гражданской войны, когда Сергей Львович был демобилизован из армии, его ждали новые горизонты, о которых он возможно и представить ранее не мог. Работая в сфере торговли в г. Москва, он стал директором ЦУМа, и всем известного ГУМа. Жизненный путь этого человека закончился в 1963 г.

В списках астраханского казачьего полка, датированных 1767 г., в числе прочих казаков впервые встречается упоминание о капрале Гавриле Пономарёве, 30-ти лет от роду, Малороссийского Прилуцкого полка казачьем сыне, находящемся на службе в Ветлянинской станице. Собственно говоря, станица Ветлянская или Ветлянка стала родовой станицей для Пономарёвых. Его внук Андрей Никифорович Пономарёв, 1806 г. рождения, вступив в службу в 1825 г. и, пройдя все ступени чинопроизводства, дослужился до чина есаула, что для астраханского войска середины XIX в., представляло определённое достижение. К слову сказать, одно из упоминаний об этом человеке сохранилось в труде Ивана Алексеевича Бирюкова «История Астраханского казачьего войска»: «Из наиболее выдающихся событий станичной жизни следует отметить ряд серьезных бедствий, постигших Ветлянку в разное время, а именно: 6 июля 1848 г. ночью, при сильном ветре, во дворе хорунжего А. Пономарева случился пожар. Огонь, вскоре перекинулся на казачьи постройки и в течение трёх часов истребил 87 домов, в том числе станичное училище и дома духовенства». Всё же память в станице о есауле Пономарёве сохранилась довольно долго, а в семье сторожили рода упоминают о есауле до сих пор. В свою очередь, у есаула Пономарёва было шестеро внуков: Иван, Фёдор, Павел, Пётр, Александр и Андрей. Всем братьям, кроме самого младшего Андрея, довелось поучаствовать в войне 1914–1917 гг. в составе Астраханских казачьих полков, быть награждёнными особо чтимыми среди казаков Георгиевскими крестами и Георгиевскими медалями «за храбрость». И если бы Россию не постигли времена потрясений, они вернулись бы с фронта и продолжили мирную жизнь. Только история, как все мы знаем, не терпит сослагательного наклонения, и вихрем гражданской войны родных братьев разбросало по разные стороны баррикад.

Александр Георгиевич Пономарёв выбрал путь перемен, в гражданскую войну прошёл в составе 6-й кавалерийской дивизии, 1-й конной армии. Награждён С.М. Будённым именной шашкой. По словам дочери Александра Георгиевича, Таисии Александровны портрет Будённого висел в их доме вместо иконы до самой смерти отца. В 1934 г. семья Александра Георгиевича была раскулачена, новая власть отобрала дом, всю скотину и шашку. Семья переселилась на год в Цаган-Амане. Александр Георгиевич писал в Москву ходатайство о возврате имущества – итогом стало возвращение дома. В итоге дом в станице Ветлянинской был продан, и семья переехала в Енотаевск, где до настоящего времени и живёт его дочь. Умер Александр Георгиевич в 1956 г.

Пётр Георгиевич Пономарёв остался верен старым устоям, и продолжил борьбу в рядах вооружённых сил юга России (ВСЮР) в астраханских казачьих частях. Этот эпизод остался отмеченным в архивных источниках о награждении приказного 1-го АКП Пономарёва Петра Георгиевича Георгиевским крестом 3-й степени: «24 июля 1919г. во время атаки, под Чёрным Яром, находясь, всё время впереди, своим мужеством и храбростью, ободрял своих товарищей и увлекал их за собой, тем и способствовал успеху атаки». Приказ о награждении подписан Командующим армией, генерал-лейтенантом бароном Врангелем.

Дальнейшая судьба Петра Георгиевича к сожалению не известна, в советские годы он несколько раз заезжал в родную станицу Ветлянинскую.

Судьбы старших братьев сложились печальнее.

Иван Георгиевич Пономарёв раскулачен в 1931 г. и сослан в Казахстан.

Фёдор Георгиевич Пономарёв трагически погиб в 1925 г.

Павел Георгиевич Пономарёв умер в 1925 г. от тифа в г. Астрахань.

Самый младший – Андрей Георгиевич Пономарёв, в прошлом ученик Астраханского Реального училища. В советские годы работал в управлении Нижне-Волжского речного пароходства. Отрадно, что именно его потомки в настоящее время и ведут изучение своего рода.

В завершении хочется подчеркнуть, что в каждой семье нашего многогранного края есть люди с возможно непростой, но заслуживающей памяти потомков судьбой. Пришло время обратиться к возвращению их в историческую память.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЯНВАРЕ 1918 ГОДА...

Покасов Алексей Викторович,

*эксперт-консультант Астраханского окружного казачьего общества
войскового казачьего общества «Всеволожское войско Донское», г. Астрахань*

«Январские события в Астрахани являются схваткой трудящихся во главе с рабочим классом, против местной контрреволюции, возглавлявшейся казачьими главками и местной буржуазией». Такими строками начинается статья под названием «Январские дни в Астраханской губернии» (отрывки из воспоминаний о борьбе за установление Советской власти Мины Львовича Аристова) опубликованная в сборнике статей «Астрахань и январские дни 1918 г.» [1, с. 1]. Повествование сборника посвящено трагичным событиям января 1918 г. в г. Астрахани, известному, как «январский мятеж» или как тогда говорилось «мятеж верхов казачества против Советской власти». В статье, датированной 1925 г., представлена точка зрения одной из сторон с явной идеологической составляющей. И это неудивительно, поскольку писался сборник постфактум победившей стороной.

Сегодня по прошествии без малого 100 лет с тех дней, тема январских событий остаётся по-прежнему практически не изученной, и систематизация тех событий в общей хронологии города в достаточном объёме не проводилось. Постараемся прочесть статью 1925 г., цитируя её фрагментарно, без лишней идеологической нагрузки с приведением других источников.

Вторым абзацем в исходной статье идёт аргументация её изучения. «Героическая борьба, при тех, тяжёлых, местных условиях в которых она протекала, и ожесточенность с обеих сторон заставляет нас останавливаться не только на деталях, с целью наиболее ярких эпизодов, как примерных и показательных фактов с точки зрения воспитания и организации, как трудящихся, так и нарастающего поколения нашей смены, ...» Можно, пожалуй, согласиться, что объективное изучение событий тех дней, действительно нужно и сейчас, дабы извлечь уроки истории, ставя во главу угла не проведение в этой статье полномасштабного исследования, которое, безусловно, необходимо провести в будущем, а лишь краткое представление аргументов лишенных идеологического окраса.

В вышеупомянутом сборнике представлена биография Мины Львовича Аристова, личности довольно противоречивой. Будучи выходцем из коренного казачьего сословия, сам Мина Львович преподносил себя ярким революционером практически с юных лет. Прочитаем одну из строк статьи: «...работая в былое время 1905–1906 гг. в подполье военной организации» [1, с. 8]. К слову сказать, в это время он был в возрасте 17–18 лет и являлся воспитанником войскового пансиона, так что, скорее всего, мог лишь в мыслях представлять себя подпольщиком.

Возвратимся к событиям, предшествующим январю 1918 г.: «В сентябре месяце уже казачий круг, как и исполнительная власть, в лице наказного атамана, захватывается наиболее контр-революционными, активными элементами (реакция не спит – идёт быстрыми шагами), на сцену выплывает группа активных реакционеров, возглавляемых Бирюковым, Сережниковым, Ляховым, Лебедевым, Астаховым и проч. контр-революционной прелестью...» [1, с. 9].

Вкратце проиллюстрируем личности «активных реакционеров»:

Иван Алексеевич Бирюков, генерал-майор, человек, безусловно, талантливый и уважаемый в истории астраханского казачьего войска, автор труда «История астраханского казачьего войска». Выйдя в отставку в 1912 г., И.А. Бирюков, избирается гласным Астраханской городской думы, членом Астраханской городской управы. В 1913 г. утверждается губернатором. В 1917 г. губернатор, атаман Астраханского казачьего войска. В январе 1918 г. один из тех, кто принимал решение о вооруженном выступлении в г. Астрахани. После поражения казаков отступал с офицерами в пределы станицы войска. В станице Замьяновской арестован, доставлен в г. Астрахань, содержался в Астраханской тюрьме. Обвинялся как руководитель вооруженного восстания верхов Астраханского казачества против Советской власти в январе 1918 г. Астраханским губернским народно-революционным трибуналом приговорен к 25-ти годам лишения свободы с отбыванием тюремного заключения в г. Саратов. Расстрелян Саратовской Губернской Чрезвычайной Комиссией (Губ. ЧК), как заложник 29.09.1919 г. [2, с. 25–27].

Сережников Константин Фёдорович, генерал-майор, из потомственных дворян станицы Черноярской 1-го отдела войска. После отречения императора Николая II, в ходе экстренного войскового круга избран старшим членом войскового правления, а также и в исполнительный Астраханский городской комитет. Участник вооруженного восстания Астраханского казачества против Советской власти в январе 1918 г. [2, стр. 143–145].

Ляхов Николай Васильевич, в 1917 г. занимал должность Городского головы. Один из руководителей мятежа. В последующем представлял Астраханское казачество во ВСЮР (вооруженные силы юга России) и Русской армии [2, с. 95–96].

Астахов Герман Михайлович, сын учителя станичного училища станицы Ветлянской. В 1917 г. советник войскового правления. Участник вооруженного восстания, участник гражданской войны. Последний атаман АКВ [2, с. 18–19].

Красочно и с воодушевлением описана подготовка сил контрреволюции к антибольшевистскому восстанию: «Итак, контрреволюция лихорадочно готовилась к предстоящей борьбе, имея и более лучшие материальные и военно-технические условия для этой борьбы, имея тесную связь с соседними контрреволюционными округами, получая оттуда и денежную помощь и вооружённую, в случае перехода к открытой борьбе» [1, с. 14].

«Вооружённые силы реакции примерно были следующие: 3-й полк четырёх сотенного состава, 2 полка первый и второй шестисотенного, одна конная батарея четырёх орудийного состава, запасная сотня численностью в конный полк; кроме того, из офицерства и вольного казачества были организованы отряды сравнительно хорошо вооружённые; в начале же январских событий за счёт, мобилизованных калмыцкими главками и приведённых в Астрахань, калмыков были созданы калмыцкие отряды.

Вооружение всех этих сил сравнительно с нашим вооружением было во много раз лучше; винтовки были лучшего образца, патронов было в изобилии, кроме того, было достаточное количество и пулемётов, примерно 30 шт., бомбомётов, достаточное количество военно-технического и военно-санитарного имущества. Для пополнения полков, как численно, так и за счёт создания надёжного контрреволюционного элемента была произведена поголовная мобилизация всех казаков станиц астраханской губернии до Царицына и пополнена добровольцами за счёт верховых станиц бывшей саратовской губернии, последние от мобилизации в большинстве отказались, дав небольшой контингент добровольцев. Сама мобилизация проводилась в порядке принудительности, причём не желавших подчиняться мобилизации оппозиционно настроенных казаков избивали и арестовывали. Далее, союз офицеров представлял из себя довольно многочисленную и хорошо вооружённую группу за счёт не только офицеров астраханцев, но и других городов и гарнизонов, сбежавшихся после разгрома их в Москве, Саратове и других городах. Вторым источником питания этих частей, как и отрядов вспомогательного назначения, охраны, караулов, санитарных и т. п. Служил сравнительно большой контингент мелкобуржуазного слоя, как-то учащиеся, чиновники, мелкие торговцы и проч. черносотенный сброд» [1, с. 18–19].

Примечательно и описание вооружённых сил «революции»: «...командование 156-го полка, единственно вооружённой опоры трудящихся в то время, до моего вступления в командование (им. Ввиду Аристов пр. авт.) в декабре месяце 1917 г. находилось в руках белогвардейцев во главе с командиром полка, казачьим полковником, одним из ярых контр-революционеров Алексеевым. В результате деятельности последнего, контрреволюция сумела разложить и ослабить боеспособность 156-го полка при помощи широких отпусков, провокационной работы, в том числе ведя политику взаимного натравливания рабочих и солдат и ряда разрушительных мероприятий в деле вооружения и снабжения этого полка; как-то давая к японским винтовкам русские патроны и обратно. Хранящееся в складах полка запасное лучшее оружие, патроны, ручные гранаты, бомбы от бомбомётов и проч. вплоть до капсюлей от гранат, порой и тайно под разными предлогами (в том числе под флагом отправления на действующий фронт) систематически вывозятся и передаются секретно контрреволюционному штабу, как и всё ценное из военно-технического и санитарного войскового имущества. Возможно тем же путём шло замаскированное разоружение 156-го полка, путём замены находящихся в руках солдат винтовок лучшего образца худшими, как например русской системы Бердана и Гра – оружием «времен Мамаю» и передача их также в стан белых. На этом не останавливалась разрушительная работа белогвардейского командования, она шла далее: не говоря уже про полное отсутствие мер по сохранению в исправности оружия, что явно было не в интересах контрреволюции, принимались и другие мероприятия в этой области: как-то выдача патронов русского образца к японским винтовкам и обратно, в результате чего винтовки совершенно не действовали, вследствие большого размера патрона или же быстро изнашивались при меньшем калибре патрона по отношению к размеру канала винтовки» [1, с. 12].

В документальных источниках очевидцев, так сказать, с другой стороны баррикад, приводятся несколько иные сведения. К началу восстания имелись:

- «- 3 калмыцких сотни 240 человек при 65 винтовках и 20 дробовиках, холодное оружие было у всех;
- офицерская дружина 300 человек при 100 винтовках почти у каждого офицера был револьвер и ручные гранаты;
- около 450 казаков при 150 винтовках;
- артиллерийский отряд около 150 человек преимущественно офицеры при двух полевых трехдюймовых орудиях.

Патронов у нас было мало не более 120 штук на человека, но зато снарядов для орудий было много и это окрыляло нас надеждой» [3, л. 7об.].

Согласитесь, численность отряда восставших несоизмеримо меньше, чем приводится в сборнике статей, да и вооружение приписанное отряду не идёт в сравнение с реальным положением на тот момент. Отражена в сборнике и попытка помощи с Дона и Кубани.

«...была обещана и вооружённая поддержка нашей контрреволюции Доном и Уралом.» [1, с. 12]. «Астраханское войско, входя в Юго-Восточный союз, было отрезано от Дона и Кубани, и советом войскового круга создавалась комиссия по налаживанию связи с Доном, однако реальных попыток не произошло» [4].

Реально попытка связи с Доном была предпринята лишь в ходе мятежа: «Атаман послал двух офицеров в легковом автомобиле на Дон, но автомобиль был перехвачен и офицеры убиты крестьянами» [3, л. 15].

Говоря о выступлении, стоит упомянуть, что ситуация разворачивалась таким образом, что до возвращения двух полков (1-го Астраханского Казачьего Полка и 2-го), преобразованных в Астраханскую казачью бригаду, выступление было бы невозможным, по крайней мере, результат выступления был бы печален для выступивших. Находившийся в городе 3-й АКП, не был по существу на тот момент боеспособным. Все надежды на успех мятежа возлагались на казаков, возвращавшихся с фронта.

В сборнике есть ряд строк, повествующих о состоянии 3-го полка, а именно: «Всё же надо отметить, что наряду с усилением контрреволюционного элемента среди казачества, благодаря усилиям отдельных большевиков-казаков, создалось сравнительно крепкое оппозиционное большевистское ядро...» [1, с. 17].

Отметим, что в декабре 1917 г., перед самым выступлением казаков, основной позицией в войске являлось не признание Советской власти, соответственно и конфликт интересов был лишь вопросом времени. Верхи с обеих сторон это отчётливо понимали. Этот момент нарастающего напряжения в городе, подтверждается и показаниями из числа казачьих офицеров.

«...Привоз в Астрахань по железной дороге большого количества патронов и пулемётов для местного пехотного гарнизона, начавшиеся обыски солдатами с целью отобрания оружия, арест войсковых капиталов, тревожные

слухи о близком арестовании Советом солдат и рабочих депутатов войскового атамана и других членов правительства указывали на близкую возможность выступления Совета солдатских и рабочих депутатов против казаков». [4].

И далее «...было решено в виду слабости казачьего гарнизона придерживаться оборонительной тактики, причём в будущем не исключалась возможность и активных наступательных действий, если этого потребуют обстоятельства» [4].

Одним из решающих поводов для открытого столкновения стал арест войскового капитала, принадлежавшего войску, и настроения первой декады января уже становятся более решительными, раздаются призывы к высылке в Астрахань казаков-добровольцев, из которых позже будет образован особый пехотный батальон.

«В ходе совещания войскового штаба высказывались мнения о неподготовленности выступления, но в ходе голосования было принято решение выступить в ночь с 11 на 12 января 1918 г.» [4].

К сожалению, в сборнике не описан весь ход боёв, а лишь приведены отдельные эпизоды отважного и героического отражения гарнизоном крепости (кремля) штурмов белоказачков. По воспоминаниям участника тех событий Балзанова, со стороны штурмующих казаков героически действовал офицерский отряд, проведя ряд успешных атак и захватив до 70 человек пленных. Калмыки с казаками вне конного строя действовали хуже, про отряды же студентов и реалистов говорить не приходится. Атака крепости не удалась. Пулемётные точки и бомбомёты крепости пресекали продвижение сил белоказачков к кремлю. Самое боеспособное подразделение сил белоказачков – офицерский отряд, в ходе боёв потеряло более трети убитыми. В ходе наступления было несколько удачных атак, однако ни одна из них не увенчалась успехом. Ситуацию не исправила даже неожиданная подмога из возвращавшихся в Оренбург и на Урал казачьих отрядов. В конце концов, руководители восстания признали его провальным и приняли решение об отступлении. На этом историю казачьего восстания против большевистской власти можно считать оконченной. Остатки сопротивления, кроме обнаруженных и расстрелянных большевиками в ходе обысков, прорвались с боями на Дон и Урал, где продолжили борьбу с большевистской властью.

Список литературы

1. Сборник статей «Астрахань и январские дни 1918 года». – Издание Астраханского Бюро истпарта при Губкоме РКП, 1925.
2. Пугачев Б. Г. Биографический справочник «Офицеры и Чиновники Астраханского казачьего войска 1914-1918 гг.» / Б. Г. Пугачев. – 2017 г.
3. Воспоминания полковника Балзанова. – София, 1927. – (Из Архивных источников).
4. Государственный архив Астраханской области. (ГААО) – Ф. 1178. – Народно-революционный трибунал.

КАЛМЫКИ И ДОНСКИЕ КАЗАКИ В СЕРЕДИНЕ XVII СТОЛЕТИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ВОЕННОГО СОЮЗА

Цюрюмов Александр Викторович,

доктор исторических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», г. Элиста

На рубеже XVI–XVII вв. часть западно-монгольских племен ойратов (калмыков) откочевала из степей Западной Монголии к границам России и появилась в Западной Сибири, в начале 1630-х гг. они завоевали бывшие ногайские степи Нижнего Поволжья.

В начале 1640-х гг. калмыцкие правители (тайши) стали проявлять активность на крымской стороне Волги. По данным В.Ш. Бембеева, в 1642 г. они появились в сальских степях и завязали контакты с донскими казаками [3, с. 3, 24]. В эти годы калмыцкие улусы, продолжив медленное выдвижение на запад, расположились, как сообщалось в «Отписке с Воронежа от стольника и воеводы Андрея Васильевича Бутурлина», «меж речки Иловлы и казачья городка Голубых» [4, с. 785].

К этому времени завершилось не поддержанное Москвой «азовское сидение», в результате которого казаки оставались один на один с Крымом и остро нуждались в союзниках. В 1643 г. в результате крымско-ногайского набега были сожжены Черкасск, Маныч, Кагальник и другие донские городки. Единственными союзниками в этой ситуации становились калмыки. Источники свидетельствуют, что донские атаманы И. Катаржной, Ф. Болдырь, К. Степанов стали просить калмыков помочь в борьбе с Крымом [7, с. 477].

Необходимо сказать, что Крым уже в 1643 г. выразил озабоченность и тревогу по поводу активизации калмыков в Придонуе и наметившегося союза с казаками, потребовав от Москвы прекращения дальнейших связей донских казаков с калмыками [9, с. 11]. Крымского хана тревожила не только угроза калмыцко-донского союза, но и судьба ногаев.

В 1644 г. состоялся первый известный поход калмыков на Северный Кавказ, с организации которого и начинаются военные контакты калмыков с донским казачеством. По мнению Н.Н. Пальмова, данный поход был связан не столько с планами кочевников «воскресить славу времен Чингис-хана», сколько с подстрекательством донских казаков, недовольных правительством за решение об Азове [10, с. 1–5].

Итак, в начале 1640-х гг. отмечается постепенное сближение политических интересов калмыков и донских казаков, начало более или менее постоянных связей между ними и заключение первых политических союзов. Инициатива сближения принадлежала донским казакам, заинтересованным в консолидации антикрымских сил. Интересы калмыков были связаны с возвратом ногаев и возможностью глубокой военно-политической разведки территорий на запад от Волги. Основой будущего сближения стало объединение сил калмыков и донского казачества для борьбы с Крымом и ногаями. Так завершился первый – начальный – этап взаимоотношений.

С середины XVII в. заметно усилилась турецкая экспансия на Северном Кавказе, обострилась ситуация на Украине, где появилась опасность ее перехода под протекторат Османской империи.

В эти годы отмечаются первые попытки России привлечь калмыков на военную службу. Первые планы привлечения калмыков к военной службе относятся к 1650 г. Связаны они были с укреплением отношений калмыков с донскими казаками. Еще зимой 1648 г. хан Дайчин, к которому после гибели главного тайши Хо-Урлюка в походе 1644 г. перешла власть над большинством калмыцких улусов, с 10-тысячным отрядом под предлогом мести «за кровь Урлюка» совершил рейд за Волгу на казыевских татар. Но не найдя их улусов, калмыки побывали на Дону, где установили с казаками торговые связи. Это событие означало создание оборонительного союза калмыков и казаков против татар [9, с. 11]. Атаманы сообщали об этом в Москву, что в феврале к Черкасскому городку подошли 8 тайшей и предложили казакам заключить мир и совместно выступить против Крыма и большеногайских Урмаметовых улусов [5, с. 829–832]. В том же году правительство указало донским атаманам призвать калмыков к походу на Крым. В 1650 г., когда появилось известие о движении крымских войск, донские атаманы, учитывая, что калмыки ныне «под государевою высокою рукою в послушанье», послали двух татар «в калмыцкие улусы к тайшам просить калмыцких воинских людей донскому войску на помощь» [6, с. 445]. В результате был заключен новый договор тайшей с атаманами, в основу которого лег соответствующий царский указ на Дон. Московское правительство содействовало заключению военного союза донских казаков с калмыками против Крыма. Крымский хан в связи с этим пытался установить военный союз с запорожцами, однако последние не поддержали его намерение. В этом же году Дайчин дал шерть «быть в вечном послушании» и «з государевыми изменники и непослушники битися до смерти, не щадя голов своих» [8, с. 98, 122–123].

1 октября 1653 г. Земский собор принял решение о воссоединении Украины с Россией. Это неминуемо вело к активизации политики России и ставило на очередь дня вопрос о войне с Речью Посполитой. Украинский гетман Б. Хмельницкий после ряда побед конца 1640-х гг. неоднократно обращался за помощью к русскому правительству, выражая готовность присоединиться к России.

Осенью 1653 г. гетман вновь проявил заинтересованность в калмыках, сообщив в письме к боярину В.Б. Шереметеву, что «калмыки совместно с ними живут и на сей стороне Волги... Добро бы, чтоб калмыки полем, а донские казаки судами морем на Крым пошли» [2, с. 566].

На наш взгляд, в этот период была создана основа военного союза донских казаков с калмыками. В 1655–1661 гг. правители Калмыцкого ханства дали целый ряд шертей, по которым Россия официально предоставила им полупустующие степные пространства Нижнего Поволжья. Шерти 1655 и 1657 гг. разрешали калмыкам кочевать на крымской стороне Волги, 1661 г. – уже в Придону. Появление калмыков в междуречье Волги и Дона стало важнейшим последствием соблюдения шертей середины века и в то же время расширило территорию кочевий на запад, сняв на Востоке остроту взаимоотношений с улусами Джунгарского ханства. В результате в 50–60-е гг. XVII в. произошел процесс окончательного вхождения калмыков в состав Русского государства. Об этом свидетельствует, например, царская грамота на Дон атаману Н. Васильеву, в которой сообщалось, что калмыки «учинились в вечном подданстве». Впервые казакам было официально запрещено нападать на калмыков. Тогда же было запрещено оформлять в таможене калмыцкий ясырь, т.е. пленных, передавая его астраханскому воеводе Г.С. Черкасскому с целью возвращения в улусы [1, с. 31, 314].

Итак, на протяжении сравнительно короткого отрезка времени калмыки получили территорию в междуречье Яика-Волги-Дона и вошли в состав Российского государства. Царский указ специально повелевал «писать Мончаку, чтоб он кочевал... по Волге и по Дону и под донскими вершинами, которые ближе под Крым и под Азов, и ратных людей высылать» [11, с. 53]. При этом за калмыками сохранялась территория на восток от Яика, поэтому процесс вхождения калмыков в состав России дополнялся фактическим присоединением к России калмыцких кочевий: торговых – в междуречье Яика и Эмбы, хошоутских – от Эмбы до современного Семипалатинска и Усть-Каменогорска.

Появление на этой территории калмыков, имевших значительный военный потенциал, превратило Нижнее Поволжье и прилегающие к нему земли в надежный кордон на пути турецко-крымских войск в центральную Россию. Указанная территория в период войн России с южными соседями в стратегическом отношении получила ключевое значение, этот регион находился рядом с театром многочисленных войн на Северном Кавказе.

Список литературы

1. Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. – СПб., 1842. – Т. 4. 1645–1676.
2. Акты, касающиеся истории Юго-Западной России. – СПб., 1889. – Т. 9.
3. Бембеев В. Ш. Ойраты. Ойрат-калмыки. Калмыки / В. Ш. Бембеев. – Элиста, 2004.
4. Донские дела. – СПб., 1906. – Кн. 2.
5. Донские дела. – СПб., 1909. – Кн. 3.
6. Донские дела. – СПб., 1913. – Кн. 4.
7. Дополнения к Актам историческим. – СПб., 1848. – Т. 3.
8. Кичиков М. Л. Исторические корни дружбы русского и калмыцкого народов: Образование калмыцкого государства в составе России / М. Л. Кичиков. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1966.
9. Маслоковец Н. А. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков / Н. А. Маслоковец. – Новочеркасск: Область войска Донского, 1874. – С. 11.
10. Пальмов Н. Н. Этюды по истории приволжских калмыков... / Н. Н. Пальмов. – Астрахань: Калмоблиздат, 1929. – Ч. 3–4.
11. Преображенская П. С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVII века / П. С. Преображенская // Записки Калмыцкого НИИ истории, языка и литературы. – Элиста, 1960. – Вып. 1.

АСТРАХАНСКИЕ ПЕТРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**«Россия – Астрахань – Восток: интегральное взаимодействие
(к 300-летию образования Астраханской губернии)»**

***Материалы Международной научной конференции
26–28 октября 2017 г.***

Материалы публикуются в авторской редакции.

Техническое редактирование,
компьютерная верстка *Н.П. Туркиной*

Заказ № 3734. Тираж 95 экз.
Уч.-изд. л. 33,0. Усл. печ. л. 46,2.

Издательский дом «Астраханский университет»
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
Тел. (8512) 48-53-47 (отдел планирования и реализации), 48-53-45,
48-53-44, тел./факс (8512) 48-53-46
E-mail: asupress@yandex.ru